Лев Николаевич

Толстой

Азбука

(1871–1872 гг.)

Государственное издательство

художественной литературы

Москва – 1957

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронных копий томов 21 и 22

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленных

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к томам 21 и 22

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно

Л. Н. Толстой. 1873

Художник И. Н. Крамской

АЗБУКА

1871—1872

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

В. С. СПИРИДОНОВА

В. С. МИШИНА

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. Замысловскаго, Больш. МѢщан., д. № 33.

1872

ОГЛАВЛЕНІЕ I-ОЙ КНИГИ

Часть первая.

Стран.

I.

Изображеніе буквъ

2

Азбука съ картинками

5

II.

Склады

15

III.

Упражненія въ соединеніи складовъ

18

Строчныя буквы а, б, е

19

Скорописныя буквы

20

IV.

Упражненія въ произношеніи

31

Часть вторая.

I.

Муравей и голубка (басня Езопа)

60

Черепаха и орелъ (Езопъ)

60

Голова и хвостъ змѣи (индѣйская басня)

61

Хорекъ (Езопъ)

61

Тонкія нитки (индѣйск.)

62

Левъ и мышь (Езопъ)

62

Обезьяна (индѣйск.)

63

Лгунъ (Езопъ)

63

Оселъ и лошадь (Езопъ)

64

Галка и голубь (Езопъ)

65

Баба и курица (Езопъ)

65

Дележъ наслѣдства (индѣйск.)

65

Левъ, медвѣдь и лисица (Езопъ)

66

Собака, пѣтухъ и лисица (Езопъ)

66

II

Лошадь и конюхъ (Езопъ)

67

Лягушка и левъ (Езопъ)

67

Обезьяна и горохъ (индѣйск.)

67

Дойная корова (индѣйск.)

68

Стрекоза и муровей (Езопъ)

68

Курица и золотыя яица (Езопъ)

69

Волкъ и старуха (Езопъ)

69

Ученый сынъ

70

Мужикъ и лошадь

70

II.

Море

72

Слѣпой и глухой

72

Подкидышъ

73

Камень

74

Какъ меня выучили шить

75

Пожарныя собаки

76

Какъ меня не взяли въ городъ

77

Какъ меня въ лѣсу застала гроза

78

Мужикъ и огурцы
79

Какъ я дѣдушкѣ нашелъ пчелиныхъ матокъ
80

Пожаръ
82

Какъ я пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ
85

Мышь — дѣвочка (индѣйск.)
86

Липунюшка (народн.)
88

III.
Слонъ
91

Китайская царица Силинчи
91

Какъ научились Бухарцы разводить шелковичныхъ червей

92

Эскимосы

94

Отъ скорости сила

96

Какъ въ городѣ Парижѣ починили домъ

97

Куда дѣвается вода изъ моря?

98

IV.

Дурень (Кирша Даниловъ)

99

Святогоръ богатырь (Рыбниковъ)

103

III

Часть третья.

Несторова Лѣтопись

105

Изъ четьи минеи

О Филагріи манахѣ (Макарьевск.)

119

О дровосѣкѣ Муринѣ (Макарьевск.)

120

Житіе преподобнаго Давида (Дмитр. Ростовск)

125

Книга Бытія

Глава I

131

Евангеліе отъ Матѳея.

Глава XXIII

138

Молитва Господня

139

Символъ Вѣры

139

Десять Заповѣдей

140

Часть четвертая. Счетъ

Таблица четырехъ счисленій

142

Цифры для чтенія

158

Счетъ славянскими цифрами

159

Счетъ римскими цифрами безъ сокращенія

160

Примѣры для счета римскими цыфрами

161

Счетъ римскими цифрами съ сокращеніями

161

Счетъ на счетахъ и арабскими

163

Таблица арабскихъ чиселъ до милліона

165

Для учителя.

Къ первой части

167

Ко второй части

173

Къ третьей части

176

Къ четвертой части

178

IV

Общія замѣчанія для учителя

180

Опечатки

186

Примѣчаніе. Статьи, при которыхъ не означено, откуда онѣ взяты, принадлежатъ издателю. Статьи, взятыя изъ различныхъ источниковъ, передѣланы такъ, что часто имѣютъ весьма мало общаго съ оригиналомъ. Менѣе всего измѣнены басни Езопа и разсказы Геродота. Былины составлены изъ нѣсколькихъ списковъ, пополненныхъ одинъ другимъ, и изложены правильнымъ русскимъ стихомъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

– 2 –

– 3 –

– 5 –

– 6 –

– 7 –

– 8 –

– 9 –

– 10 –

– 11 –

– 12 –

– 13 –

– 14 –

II.

БА, ЧА, ГА, МА, КА, ЛА, ВА, СА, ЖА, НА, ЗА, ДА,

БИ, РІ, МИ, ЖІ, ТИ, ЛІ, ФИ, ЗІ, НИ, КІ, ХИ, ЩІ, ЧИ,

БО, МО, ЦО, СО, З0, ФО, КО, ДО, ШО, ЧО, ГО, ЛО,

ДУ, ГУ, НУ, ЛУ, БУ, ХУ, ТУ, ДУ, МУ, ПУ, РУ, ЦУ,

ВЫ, ШЫ, ТЫ, ЗЫ, ЦЫ, НЫ, ДЫ, ЧЫ, ЖЫ, ЛЫ, КЫ,

СЮ, ВЮ, ЦЮ, ТЮ, ЛЮ, МЮ, БЮ, ЗЮ, ФЮ, ЩЮ, КЮ,

МЯ, ДЯ, ЧЯ, ЗЯ, ФЯ, СЯ, КЯ, РЯ, БЯ, ЛЯ, ШЯ, ГЯ,

ВЕ, Гѣ, КЕ, Шѣ, НЕ, Вѣ, ПЕ, Рѣ, ХЕ, Щѣ, МЕ, Хѣ,

БЁ, ЖЁ, ЗЁ, ТЁ, РЁ, ДЁ, ЛЁ, НЁ, СЁ, ПЁ, МЁ, ЩЁ.

БЛА, НЛА, МЛА, ВЛА, ПЛА, ЗЛА, ЛЛА, ГЛА, ХЛА,

БЛИ, ПЛІ, РЛИ, НЛІ, СЛИ, ЖЛІ, ЧЛИ, ТЛІ, ЗЛИ, ХЛІ,

БЛО, СЛО, МЛО, ЧЛО, НЛО, ШЛО, КЛО, ЦЛО, ГЛО,

ДЛУ, ГЛУ, НЛУ, ХЛУ, ЗЛУ, ТЛУ, МЛУ, ЩЛУ, КЛУ,

СЛЮ, ВЛЮ, ЦЛЮ, ШЛЮ, ТЛЮ, БЛЮ, ХЛЮ, ДЛЮ, ЗЛЮ,

ВЛЫ, ДЛЫ, ТЛЫ, ЛЛЫ, РЛЫ, СЛЫ, ЧЛЫ, НЛЫ, ФЛЫ,

МЛЯ, СЛЯ, КЛЯ, ФЛЯ, ТЛЯ, РЛЯ, ШЛЯ, ЦЛЯ, ГЛЯ,

БЛЕ, ПЛЬ, ЖЛЕ, ЩЛЬ, ДЛЕ, НЛЬ, ФЛЕ, МЛЬ, ДЛЕ,

БЛЁ, КНЁ, ТЛЁ, КЛЁ, ШНЁ, СЛЁ, ПЛЁ, ФЛЁ, ЖЛЁ,

БРА, ПРА, ВРА, ЧРА, НРА, ХРА, ШРА, ТРА, ФРА,

ГРИ, ЗРИ, ШРИ, МРИ, ПРИ, КРИ, ЦРИ, ДРИ, ЩРИ,

МРО, ПРО, ЦРО, ЧРО, ФРО, ШРО, ДРО, КРО, НРО,

ЗРУ, ПРУ, КРУ, ШРУ, МРУ, ХРУ, ДРУ, ЦРУ, КРУ,

КРЫ, ЦРЫ, СРЫ, НРЫ, ДРЫ, ЗРЫ, ГРЫ, ЦРЫ, ХРЫ,

МРЮ, ДРЮ, ЗРЮ, ТРЮ, ХРЮ, ПРЮ, КРЮ, ЧРЮ, ГРЮ,

НРЯ, ДРЯ, ТРЯ, ЖРЯ, ПРЯ, МРЯ, ЩРЯ, ЖРЯ, ЦРЯ,

ВРЕ, ТРЬ, ПРЕ, ЩРЬ, КРЕ, ШРЬ, ЦРЕ, НРЬ, ЛРЕ,

СБА, СНА, СКА, СТА, СФА, СХА, СЧА, ВТА, ВНА,

ВКА, ВБА, ВЛА, ВЖА, ШТИ, СТИ, СНИ, СПИ, СКИ,

СЛИ, СБИ, ЧКУ, ЦТЫ, КНЮ, КНЯ, ПКЕ, ПШУ, КЩА,

РЦЫ, СДИ, ЗКУ, ЛЗЯ, ЛГУ, СГО, ГНЫ, РФУ, КЛЁ,

ССА, ССЕ, ССИ, ССО, ССЯ, ННА, ННЕ, ННИ, ННО, ННУ,

ННЫ, ЖЖА, ВВА, ДДА, ННУ, ЖЖУ, ССЂ, ДДЂ, ВВУ, ВВЂ,

БСКА, ВЗДЫ, ВДРУ, ВКРИ, ВЗМЫ, ВСТА, ВПРЯ,
ВЗМА, ВДВО, ВСКО, ВЗВО, ДСКО, ДСКА, ДСКИ,
ЖГЛА, ЖГЛО, ЗГНИ, ЗВРЕ, ЗГРИ, ЗДНИ, ЗДРА,
ЗСЧА, ЗГРЂ, ЗГРЫ, ЗДРИ, ЗБРА, КСТА, НСКУ,
НСТА, НСКА, МСТИ, МСТА, МГЛА, МСКА, МСКИ,
ТКНУ, ТКНИ, СГРУ, СТРУ, СТРА, СТНА, СПРА,
СПЛЕ, СТРИ, СПЛА, СКЛА, СБЛИ, СКРИ, СБРА,
СБРО, СПЛЮ, СТРО, СКРЕ, СДРУ, СТВО, СПРЯ,
СТСЯ, СТРЫ, СГРЕ, СКРА, СМРА, СТВО, СТНО,
ЧКВА, РДЦЂ, РСКО, РСТИ, РШКИ, РЧКИ, РМЛЕ,
РСКА, РТВЫ, РТКО, ШТРИ, ШКВО, ШРТИ, ОКНУ,

БСТРО, БЗДНА, ВЗДРА, ВЗГЛЯ, ВЗДВИ, ВЗГРУ,
ВЗДРО, ВСТРУ, ВСТРЂ, ВСТРЁ, ВСТВУ, ВЗХНЫ,
ВСПЛЯ, ЖСТВО, МСТВО, ТСТВО, РСТВО, ДСТВЂ.

БЪ, ВЪ, ШЪ, КЪ, ЗЪ, МЪ, ЦЪ, ДЪ, ХЪ, ГЪ,
ЧЬ, СЪ, ТЪ, ПЬ, РЪ, ЖЪ, ЛЬ, НЬ, ФЪ, ЩЪ,
СРЪ, РХЪ, СКЪ, СХЪ, ШТЪ, ЛПЬ, ЛКЪ, РТЪ,
СПЬ, ФРЪ, КРЪ, ТРЪ, БРЪ, СЛЬ, ФЛЬ, ПРЪ,
БЬ, ВЬ, НЬ, КЬ, ЗЬ, МЬ, НЬ, ШЬ, РЬ, СЬ, ДЬ, ЖЬ,
СТЬ, ЗНЬ, СНЬ, КНЬ, ХНЬ, ШЛЬ, МЛЬ, ПЛЬ, ТРЬ, КТЬ.

ДАЙ, ЧАЙ, САЙ, ФАЙ, МАЙ, РАЙ, БАЙ, ЗАЙ, ЛАЙ,

КЕЙ, МЂЙ, ПЕЙ, ЛЂЙ, БЕЙ, ЧЕЙ, СЂЙ, ВЂЙ, ДЂЙ,

ній, лій, пій, фій, шій, хій, мій, дій, гій, кій,

БОЙ, ВОЙ, ГОЙ, МОЙ, ПОЙ, СТОЙ, РОЙ, ТВОЙ, ТОЙ,

БУЙ, ВУЙ, ДУЙ, ЧУЙ, СУЙ, ФУЙ, РУЙ, МУЙ, КУЙ,

ЛЫЙ, НЫЙ, РЫЙ, ТЫЙ, СЫЙ, ВЫЙ, МЫЙ, ДЫЙ, БЫЙ.

III.

1. ШУ–БА, РУ–КА, ЛЮ–ДИ, ПУ–ЛЯ, ВИ–ЛЫ, ЗИ–МА, ЛИ–ПА, ЗА–РЯ, ДЫ–РА, ВИ–НО, МУ–ХА, РЫ–БА, ТУ–ЧА, КУ–ЧА, БА–НЯ, МУ–КА.

2. ТРА–ВА, СТУ–ЧИ, КРЫ–СА, КЛЮ–ЧИ, БЛЮ–ДО, ТРУ–БА, КРИ–ВА, ГРУ–ША, ГРИ–ВА, ГЛИ–НА, КНИ–ГА, ЦВЂ–ТЫ, КРЫ–ША, БЛИ–НЫ, СПИ–ЦА, ГЛА–ЗА, ГРИ–БЫ, ДВЕ–РИ.

3. НЕ–БО, МО–РЕ, ПЕ–РО, ПЂ–НА, СЂ–НИ, ГО–РЕ, ЩЕ–КА.

4. СТРА–ШНО, СКЛА–ДЫ, ВЗДРО–ГНУ, КСТА–ТИ, ВЗЛЂ–ЗУ, ВСТРЂ–ЧА, ВСКРИ–КНУ.

5. БУ–МА–ГА, СТА–РУ–ХА, КА–РТИ–НА, БУ–ЛА–ВКА, БА–ШМА–КИ, ДЕ–РЕ–ВНЯ, ЛИ–СИ–ЦА, КРЕ–СТИ–НЫ, КУ–РИ–ЦА, КО–МНА–ТА.

6. Я–МА, И–СКРА, И–ЗБА, У–ЖИ, У–ТКА, У–МНА, О–ВЦЫ, А–ЗБУ–КА, Е–ЛИ, Е–СТЬ, Ђ–СТЬ, Ё–ЛКА, Ђ–ЗДА, Е–ЖИ.

7. ВО–Е–ВО–ДА, ЗА–И–КА, ПРІ–Ђ–ХА–ЛЪ, НА–У–КА, СІ–Я–ЕТЪ.

8. Э–ТО, Э–ТО–ТЬ, Э–ТО–МУ, Э–ТИ, Э–ТУ, Э–ТИ–ХЪ.

9. РО–ТЬ, КО–ТЬ, НО–СЪ, СЛА–ЛЪ, СТА–РЪ, БЫ–ЛЪ, СЫ–НЪ, ЗО–ЛЪ, КУ–ПИ–ТЬ, ТРО–СТЬ, КА–ЗНЬ, РО–ЗНЬ, ПА–СТЬ, МА–СТЬ.

10. ДУ–РНОЙ, ХО–РО–ШІЙ, СТОЙ, ПО–МИ–ЛУЙ, ГУ–СТОЙ.

– 19 –

11. ЗЕ–ЛЁ–НЫЙ, ВЕ–СЁ–ЛЫЙ, ПЁ–СТРЫЙ, А–ЛЁ–ША, ЗА–ПЛЁ–ЛЪ, ЖДЁ–ТЪ.

12. ЖУ–ЖЖА–ТЪ, ВВА–ЛИ–ЛИ, СТРА–ННО, ССО–РА, ПО–ДДА–ВА–ТЬ.

13. ВЪ–Ь–ХА–ЛЪ, БОЙ–КА–Я, СЪ–Ь–ЛЪ, У–Ь–ХА–ТЬ, НАЙ–ДЕ–МЪ, МЕ–НЬ–ШОЙ, И–ЗЪ–Я–НЪ.

~~~~~~~~~~

а.

На–ши пря–ли, а ва–ши спа–ли.

На нѣ–тъ и су–да нѣ–тъ.

б.

Ба–бу–шкѣ то–ль–ко дѣ–ду–шка не вну–къ.

И–зба крѣ–пка за–по–ро–мъ, а дво–ръ за–бо–ро–мъ.

е.

Не ве–ли–къ све–рчо–къ, да слы–шно кри–чи–тъ.

Не ве–ли–чка ка–пля, а ка–ме–нь до–лби–тъ.

За–ря де–нь–гу да–ё–тъ.

– 20 –

А–збу–ку у–ча–тъ, на всю и–збу кри–ча–тъ.

А–рши–нъ на су–кно, ве–дро на ви–но.

А–лъ цвѣ–тъ ми–лъ на ве–сь свѣ–тъ.
~~~~~~~~~~

И пче-ла ле-ти-тъ на кра-сный цвѣ-то-къ.

Се-мей-на-я ка-шка гу-ще ки-пи-тъ.

Бу-ла-тъ же-лѣ-зо и ки-се-ль не рѣ-же-тъ.

Бы-ли бы ко-шки, а мы-шки бу-ду-тъ.

Ка-кой па-ле-цъ ни у-ку-си, всё бо-ль-но.

Во-ро-нъ за мо-ре ле-та-лъ, а у-мнѣй не ста-лъ.

Не ра-зѣ-вай рта, му-ха не вле-ти-тъ.

У-да-ло-сь че-рвя-ку на вѣ-ку ли-стъ съ-ѣ-сть.

Глу-пой пти-цѣ свой до-мъ не ми-лъ.

Не го-ды ста-рѣ-ю-тъ — го-ре.

Ка-къ гля-ди-шь, та-къ и ви-ди-шь.

Два ра-за не у-ми-ра-ть.

Гдѣ цвѣ-то-къ, та-мъ и ме-до-къ.

Не бу-де-тъ снѣ-га, не бу-де-тъ и слѣ-да.

Е-сли и-звѣ-ри-шь-ся въ а-лты-нѣ, не по-вѣ-ря-тъ

и въ ру-блѣ.

Слѣ-пой ще-но-къ и то-тъ къ ма-те-ри лѣ-зе-тъ.
На се-рди-ты-хъ во-ду во-зя-тъ.

Жа-ли-тъ пчё-лка, жа-ль мё-ду.
Же-лѣ-зо-мъ хлѣ-ба до-бы-ва-ю-тъ.

У кня-ги-ни кня-жа, у ко-шки ко-тя, — всё то-же ди-тя.
Жи-ли дѣ-ды — не ви-да-ли бѣ-ды, ста-ли жи-ть
вну-ки — на-те-рпѣ-ли-сь му-ки.

Зна-е-мъ са-ми — кри-вы са-ни.
Знай све-рчо-къ свой ше-сто-къ.
Зна-е-тъ ко-шка, чь-ё мя-со съ-ѣ-ла.

Лю-би взя-ть, лю-би и да-ть.
У стра-ха гла-за ве-ли-ки.
Съ во-за у-па-ло — не сы-ще-шь.

И мѣ-ся-цъ свѣ-ти-тъ, ко-ль со-лнца нѣ-тъ.

Въ те-мно-тѣ и гни-лу-шка свѣ-ти-тъ.

Ди-тя па-да-е-тъ, — а-нге-лъ пе-ри-нку сте-ле-тъ.

— 23 —

Ко-шкѣ и-гру-шки, мы-шкѣ слё-зки.

Ка-къ во-лка ни ла-скай, онъ всё къ лѣ-су гля-ди-тъ.

Кра-сна пти-ца пе-ро-мъ, че-ло-вѣ-къ у-мо-мъ.

Лѣ-то со-би-ра-е-тъ, зи-ма съ-ѣ-да-етъ.

Въ тѣ-сно-тѣ лю-ди жи-ву-тъ.

У-плы-ли го-ды ка-къ ве-шні-я воды.

Ма-те-ри-нска-я мо-ли-тва со дна мо-ря

по-дни-ма-е-тъ.

Мо-кро-му до-ждь не стра-ше-нъ.

Не рой дру-го-му я-му, са-мъ у-па-дё-шь.

— 24 —

На чу-жой зе-млѣ и ве-сна не кра-сна.

На грѣ-хъ ма-сте-ра нѣ-тъ.

Но-ва-я ме-тла чи-сто ме-тё-тъ.

Ви-на го-ло-ву кло-нитъ.

Ку-да и-го-лка, ту-да и ни-тка.

Око ви-ди-тъ да-ле-ко, а мы-сль ещё да-ль-ше.

Око-ло пчё-лки ме-до-къ.

Жи-лъ бы-лъ мо-ло-де-цъ: до-ма не ви-да-лъ
ве-се-лья, у-ше-лъ на чу-жби-ну — за-пла-ка-лъ.
Не мо-ре то-пи-тъ — лу-жа.

Пти-ца не сѣ-е-тъ, не жнё-тъ, а сы-то жи-вё-тъ.

По снѣ-гу гри-бы не ищи.

Пра-вду, ка-къ ши-ло въ мѣ-шкѣ, не ута-и-шь.

Въ пу-стой и-збѣ за-мка не на-до.

Ѣха-лъ пря-мо, у-па-лъ въ я-му.

Ра-но пта-шка за-пѣ-ла, ка-къ-бы ко-шка не съ-ѣ-ла.

Ру-би де-ре-во крѣ-пко-е, гни-ло-е са-мо у-па-дё-тъ.

Ры-ба-къ ры-ба-ка ви-ди-тъ и-зда-ле-ка.

Сва-ри-ла бы ка-шу, да ку-ры кру-пу ра-скле-ва-ли.

Со-ба-ка на сѣ-нѣ ле-жи-тъ, са-ма не ѣ-стъ
и дру-ги-мъ не да-ётъ.

Сча-сть-е бе-зъ у-ма — ды-ря-ва-я су-ма.
Въ сте-пи про-сто-ръ, въ лѣ-су у-го-дь-е.
Ска-за-нно-е сло-во се-ре-бря-но-е, не-ска-за-нно-е
зо-ло-то-е.

Ти-ше ѣ-де-шь, да-ль-ше бу-де-шь.
Тѣ-хъ-же щей да жи-же влей.
То-нко пря-сть, до-лго жда-ть.
т.
Не ра-бо-та су-ши-тъ — за-бо-та.
Не мо-ре то-пи-тъ, а вѣ-тры.

У-мѣй взя-ть, у-мѣй и да-ть.
У се-ми ня-не-къ ди-тя бе-зъ гла-зу.
У-пу-сти-лъ гри-ву, за хво-стъ не де-ржи-сь.

О то-мъ ку-кушка и ку-ку-етъ, что гнѣ-зда у
ней нѣтъ.
Чу-жа-я бѣ-да не да-ё-тъ у-ма.

Фу-нта-ми пу-ды, ко-пѣй-ка-ми ру-бли.

Фи-ли-пъ къ пе-чкѣ при-ли-пъ.

Мы ро-дня: на ва-шей ба-бу-шкѣ са-ра-фа-нъ
го-рѣ-лъ, на-шъ дѣ-ду-шка ру-ки грѣ-лъ.

Ху-до-е де-ре-во въ су-къ ра-стё-тъ.

Хо-ди-тъ Зи-ня ро-тъ ра-зи-ня.

Хо-че-шь ѣ-сть ка-ла-чи, не си-ди на пе-чи.

У стра-ха гла-за ве-ли-ки.

Дво-е плѣ-ши-вы-хъ за гре-бе-нь дра-ли-сь.

Ца-ря не всѣ ви-дя-тъ, а всѣ зна-ю-тъ.

До Ца-ря да-лё-ко, до Бо-га вы-со-ко.

Это то-ль-ко цвѣ-то-чки, а я-го-ды впе-ре-ди.

Вый-де-тъ кра-сно со-лнце, уй-дё-тъ свѣ-те-лъ
мѣ-ся-цъ.

Чу-жа-я ду-ша те-мна.

Чѣ-мъ у-ши-бё-шь-ся, тѣ-мъ и лѣ-чи-сь.

Той-же му-чки, да не тѣ-же ру-чки.

У ре-бя-тъ да у зай-ча-тъ по два зу-ба.

Уче-нь-е свѣ-тъ, не-у-че-нь-е — ть-ма.

Ше-лу-ди-вый ба-ра-нъ всё ста-до по-рти-тъ.

Ши-ла въ мѣ-шкѣ не у-та-и-шь.

Ру-чка бѣ-ле-нь-ка, ду-ша че-рне-нь-ка.

Ко-ша-чь-и-мъ гла-за-мъ ды-мъ не стра-ше-нъ.

Ще-но-къ ла-е-тъ, у ста-рши-хъ слы-ши-тъ.

Щу-ка у-ме-рла, да зу-бы цѣ-лы.

Ще-рби-на въ но-жѣ, ще-ти-на въ е-жѣ.

Въ ра-до-сти сы-щу-тъ, въ го-рѣ за-бу-ду-тъ.

Вся-ка-я ще-ль пи-щи-тъ.

Не бе-ри го-рсткой, а бе-ри ще-по-ткой.

Что-то въ лѣ-су пи-щи-тъ, — во-лкъ ба-ра-на

та-щи-тъ.

Ру-ка ру-ку мо-е-тъ и о-бѣ бѣ-лы жи-ву-тъ.

Дѣ-ло у-чи-тъ и му-чи-тъ, и ко-рми-тъ.

— 29 —

Не ста-рый у-ми-ра-е-тъ, а по-спѣ-лый.
Съ мо-ло-ду ды-рка, а по-дъ ста-ро-сть ды-ра.

Ло-ко-ть бли-зо-къ, да не у-ку-си-шъ.
Въ чу-жі-я са-ни не са-ди-сь.
За-цѣ-пи-лся за пе-нь и ста-лъ на ве-сь де-нь.
Бѣ-дно-сть у-чи-тъ, сча-сть-е по-рти-тъ.

Ѣ-де-шъ на де-нь, бе-ри хлѣ-ба на не-дѣ-лю.
Ѣ-ду — не сви-щу, а на-Ѣ-ду — не спу-щу.

Вѣ-къ пе-ре-жи-ть — не по-ле пе-рей-ти.
Въ дру-гѣ стрѣ-ла ка-къ въ пнѣ.

Э-хъ-ма! ка-бы да по-лна-я су-ма!
Э-ту пѣ-се-нку ты ду-рно спѣ-лъ.

— 30 —

Ю-но-сть не грѣ-хъ, ста-ро-сть не смѣ-хъ.
Ю-но-ши ду-ма-ю-тъ о бу-ду-ще-мъ, ста-ри-ки
о про-ше-дше-мъ.
ю.

Не лю-бо не слу-шай, лга-ть не мѣ-шай.

Му-ра-вей не по се-бѣ но-шу та-щи-тъ, ни-кто

спа-си-бо не ска-же-тъ, а пче-ла ме-нь-ше

но-си-тъ да Бо-гу и лю-дя-мъ ми-ла.

Я-рко сло-во сму-ща-е-тъ се-рдце.

Я-ркі-я звѣ-зды къ хо-ло-ду.

я.

Бу-шка ба-ра-нъ, не гу-ляй по лѣ-са-мъ; у-бъ-ю-тъ

те-бя, не пѣ-няй на ме-ня.

Ка-пля ма-ла, а ка-пля-ми мо-ре.

Ло-мя-тъ ко-сти, не и-ду въ го-сти.

IV.

О въ А

Ва

оронѣ сока

оломъ не быть.

Вора

онъ вора

ону глаза не выклюнетъ.

Ва

оровъ въ лѣсу ла

овили, а а

они въ домѣ были. Воръ, ш

что зае

яцъ — и тѣни сва

оей ба

оиц

тса

я.

А

Одну па

ола

овину прожили и другую пра

оживёмъ.

Пра

опали деньги у мужика, и не ма

огли найти вора. Ка

огда са

обрались всѣ мужики, стара

оста закричалъ: „братцы, па

ожаръ! на ворѣ шапка га

оритъ“. А

Одинъ мужикъ схватилса

я за шапку. И всѣ узнали, ш

что онъ былъ воръ.

Была а

одна сильная, злая са

обака. А

Она грызла всѣхъ са

обакъ, кромѣ двухъ; а

она не грызла маленькова

аго щенка и ба

ольшова

аго волка

одава.

Булатъ желѣзо и кисель не рѣжетъ.

Загадки.

На два

орѣ горой, а въ избѣ ва

одой.

(Снѣк

гъ).

Лежы

итъ — ниже ка

ота, встанетъ — выше ка

оня. (Дуга).

Идётъ лѣса

омъ — не треснетъ, идётъ плёса

ом — не плеснетъ. (Мѣсяцъ).

Б въ П

Не то бѣды, ш

что ра

одилса

я не хлѣп

бъ, а лебеда, а то бѣды, ш

что ни хлѣба, ни лебеды.

Хлѣба ни куска, такъ въ теремѣ та

оска.

Грибы ищутъ, по лѣсу рыщутъ.

Мальчикъ набралъ грибовъ; ему тяжело было нести, и онъ а

оставилъ ихъ въ лѣсу. На зарѣ онъ па

ошо

елъ взять ихъ. Грибы унесли.

Наши лепёшки па

оѣли кошки.

Мальчикъ катался на льду и расшибъ носъ. Бес

зъ ка

остей и рып

бки не съѣшь.

Загадки.

Самъ дубовой

ый, пое

ясъ ве

язовый, носъ липовой

ый. (Бочка).

Маленекъ, удаленекъ, сквозь землю пра

ошо

елъ, красну шапочку нашо

елъ. (Грип

бъ).

В въ Ф.

Ма

ола

одецъ на а

овецъ, а на ма

ола

от

дца и сама аф

овца.

А

Овечку стригутъ, а другая тогоже жди.

Леф

въ страшно, а

обезьяна смѣшно.

Льва соннова

аго не буди.

Глат

дкая га

олоф

вка – а

отцу-матери не ка

ормилецъ.

А

Одна га

ола

ова не бѣдна, а бѣдна, такъ а

одна.

Волкъ съѣлъ а

оф

вцу; а

охотники па

оймали волка и стали ев

го бить. Волкъ сказалъ: „напрасно вы меня бьёте: я не вина

оватъ, ш

что сѣръ; меня такимъ Бох

гъ з

сдѣлалъ“. А а

охотники сказали:

„Не за то бьютъ волка, ш

что сѣръ, а за то, ш

что а

оф

вцу съѣлъ“.

Загадки.

Маленькой

ій Ера

офейка, пот

дпа

оясанъ ка

ора

отенько, по полу скокъ-скокъ, по лаф

вкамъ скокъ-скокъ, и сѣлъ въ уга

олокъ. (Вѣникъ).

Братъ брата трётъ, бѣлая кроф

вь идетъ. (Жернова и мука).

З въ С.

Вос

зъ пот

дъ га

орою, вож

зжи упали.

Что съ воза упало, то пра

опало.

Десять рас

зъ примѣрь, а

одинъ рас

зъ а

отрѣш

жь.

Съ разу всему не научишься

я.

Кошкѣ игрушки, мышкѣ слезки.

Слеза скора

о сохнетъ.

Мужикъ сталъ спускать вос

зъ пот

дъ га

ору и зама

оталъ крѣпко вож

зжи на руку. Вож

зжи а

остались въ рукахъ, вос

зъ укатилса

я пот

дъ га

ору.

А

Одинъ рас

зъ два мужика ѣхали на встрѣчу и зацѣпились санями. а

одинъ кричитъ: „Па

оста

ора

онись, мнѣ ска

орѣе въ гора

от

дъ нада

о“, а другой га

ова

оритъ: „Ты па

оста

ора

онись, мнѣ ска

орѣе да

омой нада

о“. А

Они долга

о спорили. Трете

ій мужикъ увидалъ и сказалъ: „Если вамъ скора

о нада

о, такъ а

осадите назат

дъ“.

Загадки.

Бес

зъ нок

гъ, бес

зъ рукъ, рубашки проситъ.

(Па

одушка).

Дѣдушка бес

зъ та

опа

ора мостъ ма

оститъ.

(Ма

орозъ).

Г въ Х.

Голенькой

ій охъ, а за голенькимъ Бох

гъ.

На Бога надѣйся, самъ не пла

ошай.

Ба

ога та

ому какъ хочеца

тся, убога

ому какъ можеца

тся.

Ба

ога та

ому жаль ка

орабля, убога

ому — ка

остыля.

Плыли рыбаки на лот

дкѣ; па

однялась буря. А

Они бросили вёсла и стали крестица

ться, а лот

дку па

от

дхватило вѣтромъ и

а

отнесло дальше а

отъ берега. Богу молись, а къ берегу гребись.

Внизу жилъ бѣдной

ый сапожникъ, а вверху ба

огатой

ый баринъ. Сапожникъ мѣшалъ спать барину: всё пѣлъ пѣсни. Баринъ далъ сапожнику мѣшокъ денек

гъ: сапожникъ сталъ ба

огатъ и пересталъ пѣть: всё караулилъ сва

ои деньги. Ба

огатъ ждётъ пака

ости, а убох

гъ рада

ости.

Загадки.

Точимъ скатерти бранныя, ставимъ яства сахарныя, людямъ на па

отребу, Богу на угоду. (Пчёлы, воскъ, мёт

дъ).

Летитъ звѣрокъ черес

зъ Боже

ій да

омокъ,

летитъ га

ова

оритъ: ма

оя сила га

оритъ. (Пчела).

Г въ К

Старой

ый друк

гъ лучше новыхъ двухъ.

Другу сколько можна

о па

ома

огай.

СъѢлъ-бы пирок

гъ, да въ печи ж

сжёк

гъ.

Пирога ждать — не ѣвшы

и спать.

Па

орок

гъ па

оскребла, пирок

гъ испекла.

Бес

зъ Бога ни до па

орога, а съ нимъ хошь за море.

НеизвѢданной

ый друк

гъ неха

орошъ для услук

гъ.

Друга ищи, а найдёшь — береги.

Знаючи недруга, не за

ови на пиръ.

Два охотника па

ошли въ лѣсъ за медвѣжатами. А

Одинъ па

олѣс

зъ въ а

оврак

гь

къ берлогѣ и кричитъ а

оттуда: „Я медвѣдя па

оймалъ!“ „Веди сюда!“ „Да нейдетъ.“ „Такъ самъ иди!“ „Да не пускаетъ.“

У а

одной барыни была са

обачёнка небольше крысы. Ка

огда х

кто-нибут

дь вха

одилъ къ барынѣ, са

обачёнка бра

осалась грыс

зть, но а

она не ма

огла да

остать выше сапок

гъ, а сапа

ога пра

окусить не ма

огла. Ба

одливой ка

оровѣ Бок

гъ рок

гъ не даётъ.

Загадки.

Ва

окрух

гъ поля да

останутъ, а ва

окрух

гъ га

ола

овы не достанутъ. (Глаза).

Бес

зъ крылъ летитъ, бес

зъ нок

гъ бѣжы

итъ, бес

зъ а

огня га

оритъ, бес

зъ ранъ ба

олитъ. (Вѣтеръ, тучи, солнце, сердце).

Ч въ Ш

Скуш

чно жить Афонюшкѣ на чужой ста

оронушкѣ.

Скуш

ченъ день до вечера, коли дѣлать нечев

га

о.

Не скучай работа

ой, а скучай забота

ой.

А

Одинъ ученикъ пра

осилъ книгу; ему дали. Онъ сказалъ: „непа

онятна!“ Ему дали другую. Онъ сказалъ: „скуш

чно!“

Дали бабѣ холстъ, а

она га

ова

оритъ: толстъ; дали бабѣ па

отонѣ, — га

ова

оритъ: дай болѣ!

Мужикъ сѣе

ялъ пашню и пра

опустилъ а

одно мѣсто. Когда выра

осла рош

жь, а

оп

бсѣва

окъ сталъ видѣнъ. Бабы стали жать рош

жь и а

оба

ошли кругомъ а

оп

бсѣва

окъ. А

а

оп

бсѣва

окъ жала

овалса

о и га

ова

орилъ: „За ш

что меня бабы а

оба

ошли?“

Загадки.

Ш

Что краше свѣта, ш

что выше лѣса, ш

что чаще лѣса, ш

что бес

зъ ка

ореньеф

въ, ш

что безъизвѣстно?

Краше свѣта — красно солнце,

Выше лѣса — свѣтелъ мѣсе

яцъ,

Чаще лѣса — часты звѣзды,

Бес

зъ ка

оренья — те

яжо

елъ камень,

Безъизвѣстна — Божья воля.

Д въ Т.

Рат

дъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

Рада-бы курица на сват

дьбу не ит

дти, да за крыло ва

ола

окутъ.

Трут

дъ чела

овѣка кормитъ.

Труды Бох

гъ любитъ.

А

Одинъ бѣднякъ па

оѣхалъ въ горот

дъ и зашо

елъ въ гости; лошат

дь ев

го увели воры. Изъ худова

ого кармана па

ослѣдне

ій грошъ валица

тся.

Загадки.

Рас

зсыпалса

я га

орохъ на четырнат

дцать да

орох

гъ. (Народъ изъ церкви).

Сѣмя плоско, поле глат

дко, х

кто умѣетъ, тотъ и сѣетъ. (Письмо).

Два ка

онца, два ка

ольца, — въ серединѣ гвозт

дь. (Ножницы).

Я въ Е.

Те

яжело противъ ва

оды плыть.

Тяш

жко жить а

одна

ому на свѣтѣ.

Е

Языкъ не ла

опатка, знаетъ ш

что слат

дко.

Е

Языкъ гола

ову кормитъ, онъ-же и губитъ.

Волкъ унёсъ е

ягнёнка; лисица стала ев

го уговаривать. Волкъ съѣлъ е

ягнёнка и га

ова

оритъ: „вотъ я поже

алѣлъ ев

го, а

оставилъ кости да кожу“.

Загадки.

У двухъ матерей по пе

яти сына

овей.

(Руки).

Всяка

ому мальчику па

о чуланчику.

(Перчатка).

Въ тѣсна

ой ис

збушкѣ ткутъ холсты старушки. (Пчёлы).

Ж въ Ш

Лош

жкой кормитъ, стеблёмъ глас

зъ колетъ.

а

одинъ га

оршокъ, а многа

о ложекъ.

Муш

жъ глава, жена душа.

Не ва

о всяка

омъ камнѣ искра, не ва

о всяка

омъ мужѣ правда.

а

одинъ чела

овѣкъ увидалъ ва

о снѣ многа

о киселя, да нечѣмъ было ев

го ѣсть. На другую ночь онъ лёк

гъ спать и па

ола

ожилъ съ са

обою лош

жку, но кисель уже ему не приснилса

я.

Загадки.

Два брюшка, четыре рош

жка. (Па

одушка).

Чёрненька са

обачка свернувшись лежы

итъ; не лаетъ, не кусаетъ, а въ домъ не пускаетъ. (Замокъ).

ТСЯ и ТЬСЯ въ ЦА

Люди надѣютца

ся до сама

ой смерти.

Бабы въ полѣ сѣютъ,

На Бога ся (себя) надѣютъ.

Волки и злые люди ходятъ и а

озираютца

ся.

Бѣдный часто ся (себя) а

озираетъ, хоть ев

го и не кличутъ.

А

Отъ чев

го трудно учитьца

ся и всякую работу дѣлать?

Мельница не па

о вѣтру, а противъ вѣтра мели

етъ.

Мать а

отдавала дочь замуш

жъ и приказывала ей слушатьца

ся всѣхъ въ мужниномъ домѣ и обо всёмъ спрашиватьца

ся.

Па

оутру свекровь па

ослала ма

ола

одайку за ва

одой; ма

олот

дка спросила: въ чёмъ на

осить воду? Невѣстка на смѣхъ сказала: рѣшетомъ. Ма

олодка взяла рѣшето и па

ошла за водой. Мужикъ увидалъ, и спросилъ, зачѣмъ а

она такъ дѣлаетъ? „Мнѣ такъ велѣли“. — Ну, видно добрыхъ людей слушатьца

ся, — рѣшетомъ воду на

осить.

Загадки.

Кланяетца

ся, кланяетца

ся, придётъ да

омой — растянетца

ся. (Та

опоръ).

Два брата глядятца

ся, а вмѣстѣ не са

ойдутца

ся. (Полъ и па

ота

олокъ).

Бес

зъ рукъ, бес

зъ ногъ подъ а

окномъ стучитца

ся, — въ домъ проситца

ся. (Вѣтеръ).

К въ Х.

И Бох

гъ на та

ов

го, кто а

обидитъ ка

ов

го.

Них

кто не можетъ, такъ Бох

гъ па

оможетъ

У ка

ов

го ш

что ба

олитъ, тотъ а

о томъ и га

ова

оритъ.

Два чела

овѣка на улицѣ нашли вмѣстѣ книгу и стали а

о ней спорить. Трете

ій спра

осилъ: „Х

Кто изъ васъ грама

отной

ый?“

А

Они сказали: „Них

кто, оба неграма

отные.“ Два плѣшивыхъ за гребень дерутца

ся.

Загадки.

Сидитъ баба на грят

дкахъ, вся въ заплаткахъ; х

кто взглянетъ, тотъ заплачетъ.

(Лука

овица).

Семьдесятъ а

одёжекъ, всѣ безъ застёжекъ. (Капуста).

Г въ В.

Вина

оватова

аго кроф

вь — вода, а невиннова

аго — бѣда.

Вздулса

я какъ пузырь да

ожч

девой и сталъ — ничев

го.

На деревнѣ умеръ мальчикъ; мать ев

го плакала, а на улицѣ пѣли пѣсни. Лѣсъ по дереву не плачетъ.

Пріѣхалъ купецъ на па

оста

оялой

ый дворъ и спра

осилъ а

обѣдать. Ха

озяйка расказывала, какіе къ ней заѣж

зжаютъ купцы, а а

обѣдать не са

обирала. Есть ш

что слушать, да нечев

го кушать.

— 50 —

Загадки.

Жы

ивой мёртвова

аго бьётъ, а мёртвой

ый ва

о всю глотку а

орётъ. (Кола

ока

олъ).

Летѣлъ жукъ и шумѣлъ: убью, убью; гусь спра

осилъ: ка

ов

го, ка

ов

го?

Телёна

окъ сказалъ: меня, меня, а уточка га

ова

оритъ: такъ, такъ....

А въ О.

Не ищи ба

ольшова

аго, па

отеряешь малое.

Ба

ольнова

аго волка на аѳ

овцу станетъ.

У ба

огатова

аго мужика ба

ора

ода расчёсана ла

опатой, а у бѣдна

о клина

омъ.

Ба

огатой

ый га

ова

оритъ: Иванъ мнѣ долженъ, и расправитъ бора

оду въ а

одну стора

ону; и Петръ мнѣ долженъ, и расправитъ

бора

оду въ другую стора

ону. А бѣдной

ый га

ова

оритъ: „и я ему долженъ“, и са

оберётъ всю бора

оду въ горсть.

Загадки:

Ста

оитъ въ полѣ столп

бъ; этав

ого ста

олба ни перейти, ни переѣхать; хлѣба

омъ не а

отманить, деньгами не а

откупить.

(Смерть).

Летитъ — воетъ, сядетъ — землю роетъ.

(Жукъ).

С въ З.

З

Сдѣлайся ба

огатъ, друзья будутъ.

Содѣлавши да

обро, — не кайся. Съ чѣмъ въ ка

олыбельку, съ тѣмъ и въ ма

огилку.

З

Съ дуру, ш

что з

съ дубу. Съ умнымъ найти, з

съ дуракомъ — па

отерять.

З

Съ глупымъ ва

одица

ться, самъ па

оглупѣешь.

Мужикъ увидалъ — по рѣкѣ плывётъ бревно. Онъ сталъ з

съ берега та

опоромъ да

оставать ев

го. Та

опоръ зацѣпился за бревно и вырвалса

я изъ руки.

Па

огнался за та

опа

орищемъ, упустилъ та

опоръ.

Старикъ сажалъ ябла

они. Ему сказали: ты не да

ождёшься съ нихъ ябла

окъ. И пчела не на себя работаетъ.

Загадки.

З

Съ году на годъ беззубая старушка Маврушка кости жуётъ. (Мялка, чѣмъ лёнъ мнутъ).

Катились каточки по ясна

ому ма

осточку, увидали зарю — пали въ воды.

(Звѣзды).

И въ Ы.

Жы

или дѣды, не видали бѣды; стали жы

ить внуки, натерпѣлись муки.

Жы

идъ крещёной

ый, конь лечёной

ый, недругъ примирёной

ый.

А

Одинъ чела

овѣкъ многа

о пра

о себя расказывалъ. Х

Кто бы дятла зналъ, кабы носа

омъ не стучалъ.

Работникъ сталъ бранить ха

озяина.

И са

обака не лаетъ на тав

ого, чей хлѣбъ ѣстъ.

Загадки.

Не жы

ивой, а дыши

етъ. (Квашня).

Бес

зъ а

огня га

оритъ, бес

зъ на

огъ бѣжы

итъ, бес

зъ крылъ летитъ. (Солнце, тучи, вѣтеръ).

Мола

одъ былъ — въ четыре дудки игралъ, старъ сталъ — землю па

однялъ.

(Быкъ).

ІЙ въ ОЙ

Тихой

ій вос

зъ будетъ на га

орѣ.

Ка

ороткой

ій счётъ, длинная дружба.

Прыткой

ій набѣжы

итъ, а на тихова

аго Бох

гъ нанесётъ.

Мышь вска

очила въ ус

зкой

ій куф

вшинъ, не ма
огла ис
зъ нев
го выска
очить и закричала: „пусти“!
Къ бѣдна
ому мужику въ домъ пришо
елъ жалкой
ій нищей
ій. У бабы былъ

только а
одинъ хлѣп
бъ; а
она а
отдала па
ола
овину нищему. Ка
ох
гда а
она вышла на дворъ, то увидала на верейкѣ ([1]) сидитъ рой; баба а
огребла ев
го и у ней па
овелись пчелы. Дай въ а
окно, Бох

гъ дастъ въ па

одва

оротню.

Загадки.

Маленькой

ій, кругленькой

ій, а за хвостъ не па

оймаешь. (Клубокъ).

Маленькой

ій Данилка въ петелькѣ удавилса

я. (Пуговка.)

Синенька маленька, скачетъ — всѣхъ людей краситъ. (Иголка)

Скоро ѣстъ, мелко жуётъ, сама не ѣстъ, другимъ не даётъ (Пила).

А въ Е

Же

алѣть мѣшка, не завесть друш

жка.

Жаль ма

ола

ока — не видать кошки.

Оф

вцы ха

одили пат

одъ лѣса

омъ; два е

ягнёнка а

отбѣжали отъ стада. Старая аф

овца сказала: „Не ше

алите е

ягнята, да

оше

алитесь до бѣды.“ А волкъ ста

оялъ за кустомъ и сказалъ: „Не вѣрьте, е

ягнята, старой аф

овцѣ; а

она га

ова

оритъ такъ па

ота

ому, ш

что у неё

я ноги неходятъ а

отъ стара

ости и ей завидно. Зачѣмъ вамъ скучать? — бѣгайте больше.“ Е

Ягнята па

ослушали волка и побѣжали, а волкъ па

оймалъ ихъ и зарѣзалъ. Ше

ала

овливая аѳ

овца волку ка

орысть.

Загадки:

Не ше

агаетъ, а ходитъ. (Дверь).

А

Одинъ га

ова

оритъ: „па

обѣжы

имъ, па

обѣжы

имъ“, другой га

ова

оритъ: „па

оста

оимъ, па

оста

оимъ“, третій га

ова

оритъ: па

оше

атаемся, па

оше

атаемся. (Рѣка, берега и трава).

ЫЙ въ ОЙ.

Сче

астливой

ый па

ойдётъ — кладъ найдётъ, бес

зсчастной

ый и гриба не сыщетъ.

Сче

астлива

ой са

обакѣ и ха

озяина не нужна

о.

Ха

озяинъ ха

отѣлъ вывести въ сва

оемъ а

ога

ородѣ репейники и каждой

ый день ха

одилъ ихъ выкапывать; но каждой

ый рас

зъ, какъ онъ работалъ въ репейникахъ, репьи цѣплялись къ ев
го платью, и ках
огда

онъ а
отцѣплялъ ихъ и бра
осалъ на земь, на томъ мѣстѣ, куда онъ бра
осалъ старо
ый репейникъ — выра
осталъ новой
ый.

Загадки.

Быкъ желѣзной
ый, хвостъ кудельной
ый.
(Иголка съ нитками).

Бѣлой
ый лебедь на яицахъ сидитъ.
(Снѣгъ).

Ій въ Ей.

Ха
орошей

ій та

оваръ самъ себя хвалитъ.

Ха

орошей хозяйкой домъ ста

оитъ.

На вдовей

ій дворъ хоть щепку кинь.

Вдовьей уче

асти не завидуй.

Два рыбака те

янули нева

одъ. Ках

огда стало те

яжело, а

одинъ а

остановилса

о и сказалъ, ш

что нева

одъ не ха

орошей

ій; другой

а

остановилса

о и сказалъ: „нева

одъ ха

орошей

ій, но грус

зъ лишней

ій“. Третей

ій сказалъ: „Послѣ рас

зсудимъ; а теперь тащить нада

о“. За спора

омъ дѣло стало.

Загадки.

Синей

ій цвѣточекъ, малъ малышочекъ;

Мясо бросятъ, а шкурку износятъ;

Въ землю малый ушо

елъ, въ синей шапкѣ пришо

елъ. (Лёнъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Муравей и голубка.

Муравей спустился къ ручью: захотѣлъ напиться. Волна захлеснула его и чуть не потопила. Голубка несла вѣтку; она увидала — муравей

тонетъ, и бросила ему вѣтку въ ручей. Муравей сѣлъ на вѣтку и спасся. Потомъ охотникъ разставилъ сѣть на голубку и хотѣлъ захлопнуть. Муравей подползъ къ охотнику и укусилъ его за ногу; охотникъ охнулъ и уронилъ сѣть. Голубка вспорхнула и улетѣла.

Черепаха и орёлъ.

Черепаха просила орла, чтобы научилъ её летать. Орёлъ не совѣтовалъ, потому что ей не пристало; а она пуще

просила. Орёлъ взялъ её въ когти, поднялъ вверхъ и пустилъ: она упала на камни и разбилась.

Голова и хвостъ змѣи.

Змѣиный хвостъ заспорилъ съ змѣиной головой о томъ, кому ходить впереди? Голова сказала: „ты не можешь ходить передомъ, у тебя нѣтъ глазъ и ушей“. Хвостъ сказалъ: „а за то во мнѣ сила, я тебя двигаю; если захочу, да обернусь вокругъ дерева, ты съ мѣста не тронешься. Голова сказала: „разойдёмся!“

И хвостъ оторвался отъ головы и пополъзъ впередъ. Но только что онъ отползъ отъ головы, попалъ въ трещину и провалился.

Хорёкъ.

Хорёкъ зашелъ къ мѣднику и сталъ лизать подпилокъ. Изъ языка пошла кровь, а хорёкъ радовался, лизалъ, — думалъ, что изъ желѣза кровь идётъ, и погубилъ весь языкъ.

Тонкія нитки.

Одинъ человѣкъ заказалъ пряхѣ тонкія нитки. Пряха спряла тонкія нитки, но человѣкъ сказалъ, что нитки не хороши и что ему нужны нитки самыя тонкія. Пряха сказала: „если тебѣ эти не тонки, такъ вотъ тебѣ другія“; и она показала на пустое мѣсто. Онъ сказалъ, что не видитъ. Пряха сказала: „оттого и не видишь, что онѣ очень тонки; я и сама не вижу“.

Дуракъ обрадовался и заказалъ себѣ ещё такихъ нитокъ, а за эти заплатилъ деньги.

Левъ и мышь.

Левъ спалъ. Мышь пробѣжала ему по тѣлу. Онъ проснулся и поймалъ её. Мышь стала отмаливаться; она сказала: пустишь и я тебя помилую“. Левъ засмѣялся, что мышь обѣщаетъ ему милость, и пустилъ её.

Потомъ охотники поймали льва и привязали верёвкой къ дереву. Мышь услыхала львиный ревъ, прибѣжала,

перегрызла верёвку и сказала: „помнишь, ты смѣялся, не думалъ, чтобы отъ меня пришла отплата, а теперь видишь, — живётъ и отъ мыши милость“.

Обезьяна.

Одинъ человѣкъ пошелъ въ лѣсъ, срубилъ дерево и сталъ распиливать. Онъ поднялъ конецъ дерева на пень, сѣлъ верхомъ и сталъ пилить. Потомъ онъ забилъ клинъ въ распиленное мѣсто и сталъ пилить дальше, потомъ вынулъ клинъ и переложилъ еще дальше.

Обезьяна сидѣла на деревѣ и смотрѣла. Когда человѣкъ лёгъ спать, обезьяна сѣла верхомъ на дерево и хотѣла тоже дѣлать; но, когда она вынула клинъ, дерево сжалось и прищемило ей хвостъ. Она стала рваться и кричать. Человѣкъ проснулся, прибилъ обезьяну и привязалъ на верёвку.

Лгунъ.

Мальчикъ стерёгъ овецъ и будто увидалъ волка, сталъ звать: „помогите,

волкъ! волкъ!“ Мужики прибѣжали и видятъ: неправда. Какъ сдѣлалъ онъ такъ и два и три раза, случилось — и вправду набѣжалъ волкъ. Мальчикъ сталъ кричать: „сюда, сюда, скорѣй, волкъ!“ Мужики подумали, что опять по всегдашнему обманываетъ, — не послушали его. Волкъ видитъ, бояться нечего: на просторѣ перерѣзалъ всё стадо.

Осёлъ и лошадь.

У одного человѣка былъ осёлъ и лошадь. Шли они по дорогѣ; осёлъ сказалъ лошади: „мнѣ тяжело, не дотащу я всего; возьми съ меня хоть немного.“ Лошадь не послушалась. Осёлъ упалъ отъ натуги и умеръ. Хозяинъ какъ наложилъ всё съ осла на лошадь, да еще и шкуру ослиную, лошадь и взвыла: ,,охъ, горе мнѣ бѣдной, горюшко мнѣ несчастной! Не хотѣла я немножко ему подсобить, теперь вотъ всё тащу, да ещё и шкуру“.

Галка и голуби.

Галка увидала, что голубей хорошо кормятъ, — выбѣлилась и влетѣла въ голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой-же голубь, и пустили её. Но галка забыла, и закричала по галчьи. Тогда её голуби стали клевать и прогнали. Галка полетѣла назадъ къ своимъ, но галки испугались, что она бѣлая и тоже прогнали.

Баба и курица.

Одна курица несла каждый день по яичку. Хозяйка подумала, что если больше давать корму, она вдвое будетъ нестись. Такъ и сдѣлала. Курица зажирѣла и перестала нестись.

Дележъ наслѣдства.

У одного отца было два сына. Онъ сказалъ имъ: „умру, — раздѣлите всё пополамъ“. Когда отецъ умеръ, сыновья не могли раздѣлиться безъ спора. Они пошли судиться къ сосѣду. Сосѣдъ спросилъ, какъ отецъ велѣлъ имъ дѣлиться. Они сказали: онъ велѣлъ дѣлить

всё пополамъ“. Сосѣдъ сказалъ: „такъ разорвите пополамъ всѣ платья, разбейте пополамъ всю посуду и пополамъ разрѣжьте всю скотину“. Братья послушали сосѣда и у нихъ ничего не осталось.

Левъ, медвѣдь и лисица.

Левъ и медвѣдь добыли мяса и стали за него драться. Медвѣдь не хотѣлъ уступить и левъ не уступалъ. Они такъ долго бились, что ослабѣли оба и легли. Лисица увидала промежь ихъ мясо, подхватила его и убѣжала.

Собака, пѣтухъ и лисица.

Собака и пѣтухъ пошли въ товарищахъ странствовать. Ввечеру пѣтухъ уснулъ на деревѣ, а собака пристроилась у того-же дерева промежь кореньевъ. Какъ пришло время, пѣтухъ запѣлъ. Лисица услыхала пѣтуха, прибѣжала и стала снизу просить, чтобы онъ сошелъ къ ней, будто ей хочется оказать почтенье ему за то, что у него голосъ хорошъ. Пѣтухъ сказалъ: „надо

прежде разбудить дворника, онъ спитъ промежь кореньевь. Пусть отопрётъ, тогда я сойду“. Лисица стала искать дворника и забрехала. Собака живо вскочила и задушила лисицу.

Лошадь и конюхъ.

Конюхъ кралъ у лошади овёсъ и продавалъ, а лошадь каждый день чистилъ. Лошадь и говоритъ: „если вправду хочешь, чтобъ я была хороша, — овёсъ мой не продавай“.

Лягушка и левъ.

Левъ услыхалъ — лягушка громко квакаетъ и подумалъ, что большой звѣрь такъ громко кричитъ. Онъ подождалъ немного, видитъ — вышла лягушка изъ болота. Левъ раздавилъ ее лапой и сказалъ: „глядѣть не на что, а я испугался“.

Обезьяна и горохъ.

Обезьяна несла двѣ полныя горсти гороху. Выскочила одна горошинка; обезьяна хотѣла поднять и просыпала

двадцать горошинокъ. Она бросилась поднимать и просыпала всѣ. Тогда она разсердилась, разметала весь горохъ и убѣжала.

Дойная корова.

У одного человѣка была корова; она давала каждый день горшокъ молока. Человѣкъ позвалъ гостей. Чтобы набрать больше молока, онъ десять дней не доилъ коровы. Онъ думалъ, что на десятый день корова дастъ ему десять кувшиновъ молока.

Но въ коровѣ перегорѣло молоко, и она дала меньше молока, чѣмъ прежде.

Стрекоза и муравьи.

Осенью у муравьёвъ подмокла пшеница; они её сушили. Голодная стрекоза попросила у нихъ корму. Муравьи сказали: „чтожъ-ты лѣтомъ не собрала корму?“ Она сказала: „недосугъ было: пѣсни пѣла“. Они засмѣялись и говорятъ: „если лѣтомъ играла, зимой пляши“.

Курица и золотыя яица.

У одного хозяина курица несла золотыя яица. Ему захотѣлось сразу побольше золота, и онъ убилъ курицу (онъ думалъ, что внутри ея большой комъ золота), а она была такая-же, какъ и всѣ курицы.

Волкъ и старуха.

Голодный волкъ разыскивалъ добычу. На краю деревни онъ услыхалъ въ избѣ плачетъ мальчикъ и старуха говоритъ:

— Не перестанешь плакать, я тебя волку отдамъ.

Волкъ не пошёлъ дальше и сталъ дожидаться, когда ему отдадутъ мальчика. Вотъ пришла ночь; онъ всё ждётъ и слышитъ — старуха опять приговариваетъ:

— Не плачь, дитятко; не отдамъ тебя волку; только приди волкъ, убьёмъ его.

Волкъ и подумалъ: видно тутъ говорятъ одно, а дѣлаютъ другое; и пошёлъ прочь отъ деревни.

Ученый сынъ.

Сынъ пріѣхалъ изъ города къ отцу въ деревню. Отецъ сказалъ: „нынче покосъ, возьми грабли и пойдёмъ, пособи мнѣ“. А сыну не хотѣлось работать, онъ и говоритъ: „я учился наукамъ, а всѣ мужицкія слова забылъ; что такое грабли?“ Только онъ пошёлъ по двору, наступилъ на грабли; они его ударили въ лобъ. Тогда онъ и вспомнилъ, что такое грабли, хватился за лобъ и говоритъ: „и что за дуракъ тутъ грабли бросилъ!“

Мужикъ и лошадь.

Поѣхалъ мужикъ въ городъ за овсомъ для лошади. Только что выѣхалъ изъ деревни, лошадь стала заворачивать назадъ къ дому. Мужикъ ударилъ лошадь кнутомъ. Она пошла и думаетъ про мужика: „куда онъ, дуракъ, меня гонитъ; лучше бы домой“. Не доѣзжая до города, мужикъ видитъ, что лошади тяжело по грязи, своротилъ на мостовую; а лошадь воротитъ прочь отъ мостовой. Мужикъ ударилъ

кнутомъ и дёрнулъ лошадь; она пошла на мостовую и думаетъ: „зачѣмъ онъ меня повернулъ на мостовую, только копыта обломаешь. Тутъ подъ ногами жёстко“.

Мужикъ подъѣхалъ къ лавкѣ, купилъ овса, и поѣхалъ домой. Когда пріѣхалъ домой, далъ лошади овса. Лошадь стала ѣсть и думаетъ: „какіе люди глупые! только любятъ надъ нами умничать, а ума у нихъ меньше нашего. О чёмъ онъ хлопоталъ? Куда-то ѣздилъ и гонялъ меня. Сколько мы ни ѣздили, а вернулись же домой. Лучше бы съ самаго начала оставаться намъ съ нимъ дома; онъ бы сидѣлъ на печи, а я бы ѣла овёсъ“.

II.

Море.

Море широко и глубоко; конца морю не видно. Въ морѣ солнце встаётъ и въ морѣ садится. Дна моря никто не досталъ и не знаетъ. Когда вѣтра нѣтъ, море сине и гладко; когда подуетъ вѣтеръ, море всколыхается и станетъ неровно. Подымутся по морю волны; одна волна догоняетъ другую; онѣ сходятся, сталкиваются и съ нихъ брызжетъ бѣлая пѣна. Тогда корабли волнами кидаетъ, какъ щепки. Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался.

Слѣпой и глухой.

Слѣпой и глухой пошли въ чужое поле за горохомъ. Глухой сказалъ слѣпому: „ты слушай и мнѣ сказывай, а я буду смотрѣть — тебѣ скажу“

Вотъ они зашли въ горохъ и сѣли. Слѣпой ощупалъ горохъ и говоритъ: „стручистъ.“ А глухой говоритъ: „гдѣ стучитъ?“ Слѣпой спотыкнулся на межу и упалъ. Глухой спросилъ: „что ты?“ Слѣпой говоритъ: „межа! “ Глухой говоритъ: „бѣжать?“ — и побѣжалъ. А слѣпой за нимъ.

: Подкидышъ.

У бѣдной женщины была дочь Маша. Маша утромъ пошла за водой и увидала, что у двери лежитъ что-то завёрнутое въ тряпки. Маша поставила вёдра и развернула тряпки. Когда она тронула тряпки, изъ нихъ закричало что-то: уа! уа! уа! Маша нагнулась и увидала, что это былъ маленькій красный ребёночекъ. Онъ громко кричалъ: уа! уа! Маша взяла его въ руки и понесла въ домъ, и стала съ ложки поить молокомъ. Мать сказала: „что ты принесла“? Маша сказала: „ребёночка; я нашла у нашей двери.“ Мать сказала: „мы и такъ бѣдны, гдѣ намъ кормить ещё ребёнка; я пойду къ начальнику и скажу, чтобъ его

взяли“. Маша заплакала и сказала: „матушка, онъ не много будетъ ѣсть, оставь его. Посмотри, какія у него красненькія сморщенныя ручки и пальчики.“ Мать посмотрѣла, ей стало жалко. Она оставила ребёночка. Маша кормила и пеленала ребёночка, и пѣла ему пѣсни, когда онъ ложился спать.

Камень.

Одинъ бѣдный пришелъ къ богатому и сталъ просить милостыню. Богатый не далъ ничего и сказалъ: „поди вонъ“! но бѣдный не уходилъ. Тогда богатый разсердился, поднялъ камень и бросилъ имъ въ бѣднаго. Бѣдный поднялъ камень, положилъ за пазуху и сказалъ: „до тѣхъ поръ буду носить этотъ камень, пока не придётся и мнѣ бросить въ него“. И пришло это время. Богатый сдѣлалъ дурное дѣло: у него отняли всё, что у него было, и повезли въ тюрьму. Когда его везли въ тюрьму, бѣдный подошёлъ къ нему, вынулъ изъ за пазухи камень и замахнулся; потомъ пораздумался, бросилъ

камень на земь и сказалъ: „напрасно я такъ долго носилъ этотъ камень: когда онъ былъ богатъ и силенъ, я боялся его; а теперь мнѣ жалко его“.

; Какъ меня выучили шить.

Когда мнѣ было шесть лѣтъ, я просила мать дать мнѣ шить. Она сказала: „ты еще мала, ты только пальцы наколешь“; а я всё приставала. Мать достала изъ сундука красный лоскутъ и дала мнѣ; потомъ вдѣла въ иголку красную нитку и показала мнѣ, какъ держать. Я стала шить, но не могла дѣлать ровныхъ стежковъ; одинъ стежокъ выходилъ большой, а другой попадалъ на самый край и прорывался насквозь. Потомъ я уколола палецъ и хотѣла не заплакать, да мать спросила меня „что ты?“ — я не удержалась и заплакала. Тогда мать велѣла мнѣ идти играть.

Когда я легла спать, мнѣ всё мерещились стежки; я всё думала о томъ, какъ-бы мнѣ скорѣе выучиться шить, и мнѣ казалось такъ трудно, что я никогда не выучусь. А теперь я выросла

большая и не помню, какъ выучилась шить; и когда я учу шить свою дѣвочку, удивляюсь, какъ она не можетъ держать иголку.

Пожарныя собаки.

Бываетъ часто, что въ городахъ на пожарахъ остаются дѣти въ домахъ, и ихъ нельзя вытащить; потому что они отъ испуга спрячутся и молчатъ, а отъ дыма нельзя ихъ разсмотрѣть. Для этого въ Лондонѣ пріучены собаки. Собаки эти живутъ съ пожарными, и когда загорится домъ, то пожарные посылаютъ собакъ вытаскивать дѣтей. Одна такая собака въ Лондонѣ спасла двѣнадцать дѣтей; её звали Бобъ.

Одинъ разъ загорѣлся домъ. И когда пожарные пріѣхали къ дому, къ нимъ выбѣжала женщина. Она плакала и говорила, что въ домѣ осталась двухлѣтняя дѣвочка. Пожарные послали Боба. Бобъ побѣжалъ по лѣстницѣ и скрылся въ дымѣ. Черезъ пять минутъ онъ выбѣжалъ изъ дома и въ зубахъ за рубашку нёсъ дѣвочку. Мать

бросилась къ дочери и плакала отъ радости, что дочь была жива. Пожарные ласкали собаку и осматривали её — не обгорѣла ли она; но Бобъ рвался опять въ домъ. Пожарные подумали, что въ домѣ есть ещё что-нибудь живое, и пустили его. Собака побѣжала въ домъ и скоро выбѣжала съ чѣмъ-то въ зубахъ. Когда народъ разсмотрѣлъ то, что она несла, то всѣ расхохотались: она несла большую куклу.

, Какъ меня не взяли въ городъ.

Собрался батюшка въ городъ. А я ему говорю: „батя, возьми меня съ собой“. А онъ говоритъ: „ты тамъ замёрзнешь; куда тебя“. Я повернулся, заплакалъ и пошёлъ въ чуланъ. Плакалъ-плакалъ и заснулъ. И вижу я во снѣ, будто отъ нашей деревни небольшая дорожка къ границѣ; и вижу я — по этой дорожкѣ идётъ батя. Я догналъ его, и мы пошли съ нимъ вмѣстѣ въ городъ. Иду я и вижу — впереди топится печка. Я говорю: „батя, это городъ?“ А онъ говоритъ: „онъ самый“. Потомъ

мы дошли до печки, и вижу я — тамъ пекутъ калачи. Я говорю: „купи мнѣ калачика“. Онъ купилъ и далъ мнѣ. Тутъ я проснулся, всталъ, обулся, взялъ рукавицы и пошёлъ на улицу. На улицѣ ребята катаются на ледянкахъ, на салазкахъ и на скамейкахъ. Я сталъ съ ними кататься и катался до тѣхъ поръ, пока не иззябъ. Только я вернулся и влѣзъ на печку, слышу — батя вернулся изъ города. Я обрадовался, вскочилъ и

говорю: „Батя, что — купилъ мнѣ калачика? Онъ говоритъ: „купилъ“. И далъ мнѣ калачъ. Я скочилъ на лавку и сталъ плясать съ радости.

Какъ меня въ лѣсу застала гроза.

Когда я былъ маленькій, меня послали въ лѣсъ за грибами. Я дошёлъ до лѣсу, набралъ грибовъ и хотѣлъ идти домой. Вдругъ стало темно, пошёлъ дождь и загремѣло. Я испугался и сѣлъ подъ большой дубъ. Блеснула молнія такая свѣтлая, что мнѣ глазамъ больно стало и я зажмурился. Надъ моей головой у меня затрещало

и загремѣло; потомъ что-то ударило меня въ голову. Я упалъ и лежалъ до тѣхъ поръ, пока пересталъ дождь. Когда я очнулся, по всему лѣсу капало съ деревьевъ, пѣли птицы и играло солнышко. Большой дубъ сломался, и изъ пня шёлъ дымъ. Вокругъ меня лежали оскретки отъ дуба. Платье на мнѣ было всё мокрое и липло къ тѣлу; на головѣ была шишка и только немножко больно. Я нашёлъ свою шапку, взялъ грибы и побѣжалъ домой. — Дома никого не было; я досталъ въ столѣ хлѣба и влѣзъ на печку. Когда я проснулся, я увидалъ съ печки, что грибы мои изжарили, поставили на столъ и уже хотятъ ѣсть. Я закричалъ: „что вы безъ меня ѣдите“? Они говорятъ: „чтожь ты спишь? Иди скорѣй, ѣшь“.

„“ Мужикъ и огурцы.

Пошёлъ разъ мужикъ къ огороднику огурцы воровать. Подползъ онъ къ огурцамъ и думаетъ: „вотъ дай унесу мѣшокъ огурцовъ, продамъ; на эти деньги курочку куплю. Нанесётъ

мнѣ курица яицъ, сядетъ насѣдочкой, выведетъ много цыплятъ. Выкормлю я цыплятъ, продамъ, куплю поросёночка — свинку; напоситъ мнѣ свинка поросятъ. Продамъ поросятъ, куплю кобылку; ожеребитъ мнѣ кобылка жеребятъ. Выкормлю жеребятъ, продамъ; куплю домъ и заведу огородъ. Заведу огородъ, насажу огурцовъ, воровать не дамъ, караулъ буду крѣпкій держать. Найму караульщиковъ, посажу на огурцы, а самъ такъ-то подойду сторонкой, да крикну: эй, вы, караульте крѣпче! “ Какъ закричитъ на всю глотку. Караульщики услыхали, выскочичили, избили мужика.

Какъ я дѣдушкѣ нашелъ пчелиныхъ матокъ.

Мой дѣдушка лѣтомъ жилъ на пчельникѣ. Когда я прихаживалъ къ нему, онъ давалъ мнѣ мёду.

Одинъ разъ я пришёлъ на пчельникъ и сталъ ходить промежь ульевъ. Я не боялся пчёлъ, потому что дѣдъ научилъ меня тихо ходить по осѣку[2].

И пчёлы привыкли ко мнѣ и не кусали. Въ одномъ ульѣ я услышалъ, что-то квохчетъ. Я пришёлъ къ дѣду въ избушку и разсказалъ ему.

Онъ пошёлъ со мною, самъ послушалъ и сказалъ: „изъ этого улья уже вылетѣлъ одинъ рой, первакъ, съ старой маткой; а теперь молодыя матки вывелись. Это онѣ кричатъ. Онѣ завтра съ другимъ роемъ вылетать будутъ“. Я спросилъ у дѣдушки, какія такія бываютъ матки? Онъ сказалъ:

— „А матка всё равно, что царь въ народѣ; безъ нея нельзя быть пчёламъ“.

Я спрашивалъ: „а изъ себя онѣ какія?“

Онъ сказалъ: „приходи завтра; Богъ дастъ отроится, — я тебѣ покажу и мёду дамъ“.

Когда я на другой день пришелъ къ дѣдушкѣ, у него въ сѣняхъ висѣли двѣ закрытыя роевни съ пчёлами. Дѣдъ велѣлъ мнѣ надѣть сѣтку и обвязалъ мнѣ её платкомъ по шеѣ; потомъ взялъ одну закрытую роевню съ пчёлами и понёсъ её на пчельникъ. Пчёлы гудѣли въ ней. Я боялся ихъ и запряталъ руки

въ портки; но мнѣ хотѣлось посмотрѣть матку, и я пошёлъ за дѣдомъ.

На осѣкѣ дѣдъ подошёлъ къ пустой колодѣ, приладилъ корытце, открылъ роевню и вытряхнулъ изъ нея пчёлъ на корыто. Пчёлы поползли по корыту въ колоду и всѣ трубѣли, а дѣдъ вѣничкомъ пошевеливалъ ихъ.

„А вотъ и матка!“ Дѣдъ указалъ мнѣ вѣничкомъ, и я увидалъ длинную пчелу съ короткими крылышками. Она проползла съ другими и скрылась. Потомъ дѣдъ снялъ съ меня сѣтку и пошёлъ въ избушку. Тамъ онъ далъ

мнѣ большой кусокъ мёду, я съѣлъ его и обмазалъ себѣ щёки и руки. Когда я пришёлъ домой, мать сказала:

„Опять тебя баловникъ дѣдъ мёдомъ кормилъ“. А я сказалъ: ,,онъ за то мнѣ далъ мёду, что я ему вчера нашёлъ улей съ молодыми матками, а нынче мы съ нимъ рой сажали“.

(.) Пожаръ.

Въ жнитво мужики и бабы ушли на работу. Въ деревнѣ остались только

старые да малые. Въ одной избѣ оставались бабушка и трое внучатъ. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На неё садились мухи и кусали её. Она закрыла голову полотенцемъ и заснула. Одна изъ внучекъ, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольевъ въ черепокъ и пошла въ сѣни. А въ сѣняхъ лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на свясла[3]. Маша принесла уголья, положила подъ снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла въ избу и привела за руку брата, Кирюшку (ему было полтора года, и онъ только-что выучился ходить), и сказала: „глянь, Килюска, какую я печку вздула“. Снопы уже горѣли и трещали. Когда застлало сѣни дымомъ, Маша испугалась и побѣжала назадъ въ избу. Кирюшка упалъ на порогѣ, расшибъ носъ и заплакалъ; Маша втащила его въ избу, и они оба спрятались подъ лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала. Старшій мальчикъ, Ваня (ему было восемь

лѣтъ), былъ на улицѣ. Когда онъ увидалъ, что изъ сѣней валитъ дымъ, онъ вбѣжалъ въ дверь, сквозь дымъ проскочилъ въ избу и сталъ будить бабушку; но бабушка съ просонковъ ошалѣла и забыла про дѣтей, выскочила и побѣжала по дворамъ за народомъ. Маша тѣмъ временемъ сидѣла подъ лавкой и молчала; только маленькій мальчикъ кричалъ, потому что больно разбилъ себѣ носъ. Ваня услыхалъ его крикъ, поглядѣлъ подъ лавку и закричалъ Машѣ: „бѣги, сгоришь!“ Маша побѣжала въ сѣни, но отъ дыма и отъ огня нельзя было пройти. Она вернулась назадъ. Тогда Ваня поднялъ окно и велѣлъ ей лѣзть. Когда она пролѣзла, Ваня схватилъ брата и потащилъ его. Но мальчикъ былъ тяжёлъ и не давался брату. Онъ плакалъ и толкалъ Ваню. Ваня два раза упалъ, пока дотащилъ его къ окну; дверь въ избѣ уже загорѣлась. Ваня просунулъ мальчикову голову въ окно и хотѣлъ протолкнуть его; но мальчикъ (онъ очень испугался) ухватился ручёнками и не пускалъ ихъ. Тогда Ваня закричалъ

Машѣ: „тащи его за голову!“ а самъ толкалъ сзади. И такъ они вытащили его въ окно на улицу.

Какъ я пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ.

Когда я былъ маленькій, меня пугали слѣпыми нищими, и я боялся ихъ. Одинъ разъ я пришёлъ домой, а на крыльцѣ сидѣло двое слѣпыхъ нищихъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я боялся бѣжать назадъ и боялся пройти мимо ихъ: я думалъ, что они схватятъ меня. Вдругъ одинъ изъ нихъ (у него были бѣлые, какъ молоко, глаза) поднялся, взялъ меня за руку и сказалъ: „паренёкъ! что-же милостыньку?“ Я вырвался отъ него и прибѣжалъ къ матери. Она выслала со мною денегъ и хлѣба. Нищіе обрадовались хлѣбу, стали креститься и ѣсть. Потомъ нищій съ бѣлыми глазами сказалъ: „хлѣбъ твой хорошій — спаси Богъ“. И онъ опять взялъ меня за руку и ощупалъ её. Мнѣ его стало жалко и съ тѣхъ поръ я пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ.

! Мышь-дѣвочка.

Одинъ человѣкъ шёлъ подлѣ рѣки и увидалъ, что воронъ несётъ мышь. Онъ бросилъ въ него камнемъ, и воронъ выпустилъ мышь; мышь упала въ воду. Человѣкъ досталъ её изъ воды и принёсъ домой. У него не было дѣтей, и онъ сказалъ: „ахъ! еслибъ эта мышь сдѣлалась дѣвочкой!“ И мышь сдѣлалась дѣвочкой. Когда дѣвочка выросла, человѣкъ спросилъ её: „за кого ты хочешь замужъ?“ Дѣвочка сказала: „хочу выйти за того, кто сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ“. Человѣкъ пошёлъ къ солнцу и сказалъ: „солнце! моя дѣвочка хочетъ выйти замужъ за того, кто сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Ты сильнѣе всѣхъ; женись на моей дѣвочкѣ“. Солнце сказало: „я не сильнѣе всѣхъ: тучи заслоняютъ меня.“

Человѣкъ пошёлъ къ тучамъ и сказалъ: „тучи! вы сильнѣе всѣхъ, женитесь на моей дѣвочкѣ“. Тучи сказали: „нѣтъ, мы не сильнѣе всѣхъ: вѣтеръ гоняетъ насъ“.

Человѣкъ пошёлъ къ вѣтру и сказалъ:

„вѣтеръ! ты сильнѣе всѣхъ; женись на моей дѣвочкѣ“. Вѣтеръ сказалъ: „я не сильнѣе всѣхъ: горы останавливают меня“.

Человѣкъ пошёлъ къ горамъ и сказалъ: „горы женитесь на моей дѣвочкѣ: вы сильнѣе всѣхъ“. Горы сказали: „сильнѣе насъ крыса: она грызётъ насъ“.

Тогда человѣкъ пошёлъ къ крысѣ и сказалъ: „крыса! ты сильнѣе всѣхъ; женись на моей дѣвочкѣ“. Крыса согласилась. Человѣкъ вернулся къ дѣвочкѣ и сказалъ: „крыса сильнѣе всѣхъ: она грызётъ горы, горы останавливаютъ вѣтеръ, вѣтеръ гонитъ тучи, а тучи заслоняютъ солнце, и крыса хочетъ жениться на тебѣ“. Но дѣвочка сказала: „Ахъ! что мнѣ теперь дѣлать! какъ же я выйду замужъ за крысу?“ Тогда человѣкъ сказалъ: „ахъ! если-бъ моя дѣвочка сдѣлалась опять мышью!“

И изъ дѣвочки сдѣлалась мышь, и мышь вышла замужъ за крысу.

? Липунюшка.

Жилъ старикъ со старухою. У нихъ не было дѣтей. Старикъ поѣхалъ въ поле пахать. А старуха осталась дома блины печь. Старуха напекла блиновъ и говоритъ:

„Если бы былъ у насъ сынъ, онъ бы отцу блиновъ отнёсъ; а теперь съ кѣмъ я пошлю?“

Вдругъ изъ хлопка вылѣзъ маленькій сыночекъ и говоритъ:

— Здравствуй, матушка!

А старуха и говоритъ: „откуда ты, сыночекъ, взялся, и какъ тебя звать?“

А сыночекъ и говоритъ:

— Ты, матушка, отпряла хлопочекъ и положила въ столбочекъ, я тамъ и вывелся. А звать меня Липунюшкой. Дай, матушка, я отнесу блиновъ батюшкѣ.

Старуха и говоритъ:

„Ты донесёшь ли, Липунюшка?“

— Донесу, матушка.

Старуха завязала блины въ узелокъ и дала сыночку. Липунюшка взялъ узелокъ и побѣжалъ въ поле.

Въ полѣ попалась ему на дорогѣ кочка; онъ и кричитъ:

— Батюшка, батюшка, пересади меня черезъ кочку! Я тебѣ блиновъ принёсъ.

Старикъ услыхалъ съ поля, кто-то его зовётъ, пошёлъ къ сыну навстрѣчу, пересадилъ его черезъ кочку и говоритъ:

— „Откуда ты, сынокъ?“ А мальчикъ говоритъ:

— Я, батюшка, въ хлопочкѣ вывелся“, и подалъ отцу блиновъ. Старикъ сѣлъ завтракать, а мальчикъ говоритъ:

— Дай, батюшка, я буду пахать.

А старикъ говоритъ: „у тебя силы не достанетъ пахать“.

А Липунюшка взялся за соху и сталъ пахать. Самъ пашетъ и самъ пѣсни поётъ.

Ѣхалъ мимо этого поля баринъ и увидалъ, что старикъ сидитъ завтракаетъ, а лошадь одна пашетъ. Баринъ вышелъ изъ кареты и говоритъ старику: „какъ это у тебя старикъ, лошадь одна пашетъ?“

А старикъ говоритъ: „у меня тамъ

мальчикъ пашетъ, онъ и пѣсни поётъ“. Баринъ подошёлъ ближе, услыхалъ пѣсни и увидалъ Липунюшку.

Баринъ и говоритъ: „старикъ! продай мнѣ мальчика“. А старикъ говоритъ „нѣтъ, мнѣ нельзя продать, у меня одинъ только и есть“.

А Липунюшка говоритъ старику: „продай, батюшка, я убѣгу отъ него“.

Мужикъ и продалъ мальчика за сто рублей. Баринъ отдалъ деньги, взялъ мальчика, завернулъ его въ платочекъ и положилъ въ карманъ. Баринъ пріѣхалъ домой и говоритъ женѣ: „я тебѣ радость привёзъ“. А жена говоритъ: „покажи, что такое?“ Баринъ досталъ платочекъ изъ кармана, развернулъ его; а въ платочкѣ ничего нѣту. Липунюшка ужь давно къ отцу убѣжалъ.

III

Слонъ.

У одного Индѣйца былъ слонъ. Хозяинъ дурно кормилъ его и заставлялъ много работать. Одинъ разъ слонъ разсердился и наступилъ ногою на своего хозяина. Индѣецъ умеръ. Тогда жена индѣйца заплакала, принесла своихъ дѣтей къ слону и бросила ихъ слону подъ ноги. Она сказала: „слонъ! ты убилъ отца, убей и ихъ“. Слонъ посмотрѣлъ на дѣтей, взялъ хоботомъ старшаго, потихоньку поднялъ и посадилъ его себѣ на шею. И слонъ сталъ слушаться этого мальчика и работать для него.

Китайская Царица Силинчи.

У Китайскаго Императора Гоангчи была любимая жена Силинчи. Императоръ

хотѣлъ, чтобы весь народъ помнилъ его любимую царицу. Онъ показалъ женѣ шелковичнаго червя и сказалъ: „научись, что съ этимъ червякомъ дѣлать и какъ его водить, и тебя народъ никогда не забудетъ“.

Силинчи стала смотрѣть червей и увидала, что когда они замираютъ, то на нихъ бываетъ паутина. Она размотала эту паутину, спряла её въ нитки и соткала шёлковый платокъ. Потомъ она примѣтила, что черви водятся на тутовыхъ деревьяхъ. Она стала собирать листъ съ тутоваго дерева и кормить имъ червей. Она развела много червей и научила свой народъ, какъ водить ихъ.

Съ тѣхъ поръ прошло пять тысячъ лѣтъ, а Китайцы до сихъ поръ помнятъ Императрицу Силинчи и въ честь ея празднуютъ.

Какъ научились Бухарцы разводить шелковичныхъ червей.

Китайцы долго одни умѣли разводить шёлкъ и ни кому этого искусства

не показывали, а продавали за дорогія деньги шёлковыя ткани.

Бухарскій царь услыхалъ объ этомъ, и ему захотѣлось достать червей и научиться этому дѣлу. Онъ просилъ Китайцевъ дать ему сѣмянъ червей и деревьевъ. Они отказали. Тогда Бухарскій царь послалъ сватать за себя дочь у Китайскаго Императора и велѣлъ сказать невѣстѣ, что у него всего много въ царствѣ, нѣтъ только одного — шёлковыхъ тканей; — такъ чтобы она съ собою потихоньку привезла сѣмянъ шелковицы и червей, а то не во что ей будетъ наряжаться.

Царевна набрала сѣмянъ червей и деревьевъ и положила себѣ въ головную повязку.

Когда на границѣ стали осматривать, — не везётъ-ли она съ собою потихоньку чего запрещеннаго, никто не посмѣлъ развязать ея повязку.

И Бухарцы развели у себя тутовыя деревья и шелковичныхъ червей, а царевна научила водить ихъ.

Эскимосы.

На свѣтѣ есть земля, гдѣ только три мѣсяца бываетъ лѣто, а остальное время бываетъ зима. Зимой дни бываютъ такіе короткіе, что только взойдётъ солнце, тотчасъ и сядетъ. А три мѣсяца, въ самую середину зимы, солнце совсѣмъ не восходитъ, и всѣ три мѣсяца темно. Въ этой землѣ живутъ люди; ихъ называютъ Эскимосами. Люди эти говорятъ своимъ языкомъ, другихъ языковъ не понимаютъ и никуда изъ своей земли не ѣздятъ. Ростомъ Эскимосы бываютъ невелики, но головы у нихъ очень большія. Тѣло у нихъ не бѣлое, а бурое, волосы черны и жёстки. Носы у нихъ тонкіе, скулы широкія, глаза маленькія, Эскимосы живутъ въ снѣговыхъ домахъ. Они строятъ ихъ такъ: нарубятъ изъ снѣгу кирпичей и сложатъ изъ нихъ домъ, какъ печку. Вмѣсто стеколъ они вставляютъ въ стѣны льдины, а вмѣсто дверей они дѣлаютъ длинную трубу подъ снѣгомъ и черезъ эту трубу влѣзаютъ

въ свои дома. Когда приходитъ зима, ихъ дома совсѣмъ заноситъ

снѣгомъ, и у нихъ дѣлается тепло. Ѣдятъ Эскимосы оленей, волковъ, бѣлыхъ медвѣдей. Они ловятъ рыбу въ морѣ крючками на палкахъ и сѣтями. Звѣрей они убиваютъ изъ луковъ стрѣлами и копьями. Эскимосы ѣдятъ, какъ звѣри, сырое мясо. У нихъ нѣтъ льна и пеньки, чтобы дѣлать рубахи и верёвки, нѣтъ и шерсти, чтобы дѣлать сукно; верёвки они дѣлаютъ изъ жилъ звѣрей, а платье — изъ звѣриныхъ кожъ.

Они складываютъ двѣ кожи шерстью наружу, протыкаютъ рыбьими костями, и сшиваютъ жилами. Такъже они дѣлаютъ рубахи, штаны и сапоги. Желѣза у нихъ тоже нѣтъ. Они дѣлаютъ копья и стрѣлы изъ костей. Больше всего они любятъ ѣсть звѣриный и рыбій жиръ. Женщины и мущины одѣваются одинаково. У женщинъ только бываютъ очень широки сапоги. Въ эти широкія голенища сапоговъ онѣ кладутъ маленькихъ дѣтей и такъ носятъ ихъ.

Въ срединѣ зимы у Эскимосовъ бываетъ три мѣсяца темно. А лѣтомъ солнце совсѣмъ не садится, и ночей совсѣмъ не бываетъ.

Отъ скорости сила.

Одинъ разъ машина ѣхала очень скоро по желѣзной дорогѣ. А на самой дорогѣ, на переѣздѣ, стояла лошадь съ тяжёлымъ возомъ. Мужикъ гналъ лошадь черезъ дорогу, но лошадь не могла сдвинуть возъ, потому что заднее колесо соскочило. Кондукторъ закричалъ машинисту: „держи“, но машинистъ не послушался. Онъ смекнулъ, что мужикъ не можетъ ни согнать лошадь съ телѣгой, ни своротить её, и что машины сразу остановить нельзя. Онъ не сталъ останавливать, а самымъ скорымъ ходомъ пустилъ машину и во весь духъ налётѣлъ на телѣгу. Мужикъ отбѣжалъ отъ телѣги, а машина, какъ щепку, сбросила съ дороги телѣгу и лошадь, а сама не тряхнулась, пробѣжала дальше. Тогда машинистъ сказалъ кондуктору: „теперь мы только убили

одну лошадь и сломали телѣгу, а если бы я тебя послушалъ, мы сами бы убились и перебили бы всѣхъ пассажировъ. На скоромъ ходу мы сбросили телѣгу и не слыхали толчка, а на тихомъ ходу насъ бы выбросило изъ рельсовъ.

Какъ въ городѣ Парижѣ починили домъ.

Въ одномъ большомъ домѣ разошлись врозь стѣны. Стали думать, какъ ихъ свести такъ, чтобы не ломать крыши. Одинъ человѣкъ придумалъ. Онъ вдѣлалъ съ обѣихъ сторонъ въ стѣны желѣзныя ушки; потомъ сдѣлалъ желѣзную полосу, такую, чтобы она на вершокъ не хватала отъ ушка до ушка. Потомъ загнулъ на ней крюки по концамъ такъ, чтобы крюки входили въ ушки. Потомъ разогрѣлъ полосу на огнѣ; она раздалась и достала отъ ушка до ушка. Тогда онъ задѣлъ крюками за ушки и оставилъ её такъ. Полоса стала остывать и сжиматься, и стянула стѣны.

Куда дѣвается вода изъ моря?

Изъ родниковъ, ключей и болотъ вода течётъ въ ручьи, изъ ручьёвъ въ рѣчки, изъ рѣчекъ въ большія рѣки, а изъ большихъ рѣкъ течётъ въ моря. Съ другихъ сторонъ въ моря текутъ другія рѣки, и всѣ рѣки текутъ въ моря съ тѣхъ поръ, какъ міръ сотворёнъ. Куда дѣвается вода изъ моря? Отчего оно не течётъ черезъ край?

Вода изъ моря поднимается туманомъ; туманъ поднимается выше, и изъ тумана дѣлаются тучи. Тучи гонитъ вѣтромъ и разноситъ по землѣ. Изъ тучъ вода падаетъ на землю. Съ земли стекаетъ въ болота и ручьи. Изъ ручьёвъ течётъ въ рѣки; изъ рѣкъ въ море. Изъ моря опять вода поднимается въ тучи, и тучи разносятся по землѣ....

IV.

ДУРЕНЬ.

Задумалъ ду̀рень

На Русь гуля̀ти,

Людей вида̀ти.

Себя казàти.

Увидѣлъ дȕрень

Двѣ избы пȕсты;

Глянулъ въ подпòлье:

Въ подпольѣ чѐрти,

Востроголòвы,

Глаза, что лòжки,

Усы, что вѝлы,

Руки, что грàбли,

Въ карты играю̀тъ,

Костью бросàютъ,

Деньги считàютъ.

Дурень имъ мòлвилъ:

«Богъ да на пòмочь

Вамъ, добрымъ лю̀дямъ».

Черти не лю̀бятъ,—

Схватили дȕрня,

Зачади бѝти,

Стали давѝти,

Еле живàго

Дурня пустѝли.

Приходитъ дȕрень

Домой, самъ плàчетъ,

На голосъ вòетъ.

А мать бранѝти,

Жена пѣнѝти,

Сестра-то тòже:

«Дурень, ты, дȕрень,

«Глупый ты Бȁбинъ,

«Тоже ты слȍво

«Не такъ бы мȍлвилъ;

«А ты бы мȍлвилъ:

«Будь ты, врагъ, прȍклят

«Имемъ Госпȍднимъ!

«Черти ушлѝ бы,

«Тебѣ бы, дȕрню,

«Деньги достȁлись

«За мѣсто клȁда»

— «Добро же, бȁба,

«Ты, бабарѝха,

«Матерь Лукѐрья,

«Сестра Чернȁва,

«Вперёдъ я, дȕрень,

«Таковъ не бȕду».

Пошёлъ онъ, дȕрень,

На Русь гуля̀ти,

Людей видȁти,

Себя казȁти.

Увидѣлъ дȕрень

Четырёхъ брȁтовъ, —

Ячмень молȍтятъ.

Онъ братьямъ мо̀лвилъ:

«Будь ты, врагъ, про̀клятъ

«Имемъ Госпо̀днимъ!»

Какъ сграбятъ дю̀рня

Четыре бра̀та,

Зачали бѝти,

Еле жива̀го

Дурня пустѝли.

Приходитъ дю̀рень

Домой, самъ пла̀четъ,

На голосъ во̀етъ.

А мать бранѝти,

Жена пѣня̀ти,

Сестра-то та̀кже:

«Дурень, ты, дю̀рень,

«Глупый ты Ба̀бинъ,

«То-же ты сло̀во

«Не такъ бы мо̀лвилъ.

«Ты бы имъ мо̀лвилъ:

«Богъ вамъ на по̀мочь,

«Чтобъ по сту на̀ день,

«Чтобъ не сносѝти»

— «Добро же, ба̀ба,

«Ты, бабарѝха,

«Матерь Лукѐрья,

«Сестра Черна̀ва,

«Впередъ я дȕрень

«Таковъ не бȕду».

Пошёлъ онъ, дȕрень,

На Русь гулѝти,

Людей видѐти,

Себя казѐти.

Увидѣлъ дȕрень, —

Семеро брѐтьевъ

Матерь хорѝнятъ;

Всѣ они плѐчутъ,

Голосомъ вѝютъ.

Онъ имъ и мѝлвилъ:

«Богъ вамъ на пѝмочь,

«Семеро брѐтьевъ,

«Мать хоронѝти,

«Чтобъ по сту нѐ день,

«Чтобъ не сносѝти».

Сграбили дȕрня

Семеро брѐтьевъ,

Зачали бѝти,

Стали таскѐти,

Въ грязи валѝти,

Еле живѐго

Дурня пустѝли.

Идётъ онъ, дȕрень,

Домой, да плàчетъ,

На голосъ вòетъ.

А мать бранѝти,

Жена пѣнѝти,

Сестра-то тàкже:

«Дурень, ты, дȕрень,

«Тоже ты слòво

«Не такъ бы мòлвилъ,

«А ты бы мòлвилъ:

«Канунъ да лàданъ,

«Дай же Госпòдь Богъ

«Царство небѐсно,

«Пресвѣтлый рàй ей

«Тебя бы дȕрня

«Тамъ накормили

«Кутьёй съ блинами».

– «Добро же бàба,

«Ты, бабарѝха,

«Матерь Лукѐрья,

«Вперёдъ я дȕрень

«Таковъ не бȕду».

Пошёлъ онъ, дȕрень,

На Русь гулѝти,

Людей видàти,

Себя казàти;

На встрѣчу свàдьба, –

Онъ имъ и молвилъ:

«Канунъ да лàданъ,

«Дай Господь Бòгъ вамъ,

«Царство небѐсно,

«Пресвѣтлый рàй всѣмъ».

Скочили дрỳжки,

Схватили дỳрня,

Зачали бѝти,

Плетьми стегàти,

Въ лицо хлестàти.

Пошёлъ, заплàкалъ,

Идётъ да вòетъ;

А мать бранѝти,

Жена пѣнѝти,

Сестра-то тàкже:

«Дурень, ты, дỳрень,

«Ты глупый Бàбинъ,

«Ты тоже слòво

«Не такъ бы мòлвилъ;

«А ты бы молвилъ:

«Дай Господь Бòгъ вамъ,

«Князю съ княгѝней,

«Законъ принѝти,

«Любовно жѝти,

«Дѣтей сводѝти».

— «Вперёдъ я дỳрень

«Таковъ не бу̀ду».

Пошёлъ онъ, ду̀рень,

На Русь гуля̀ти,

Людей вида̀ти,

Себя каза̀ти.

Попался ду̀рню

На встрѣчу ста̀рецъ;

Онъ ему мо̀лвилъ:

«Дай Богъ тѣ старцу

«Законъ прия̀ти,

«Любовно жѝти,

«Дѣтей сводѝти».

Какъ схватитъ ста̀рецъ

За воротъ ду̀рня,

Сталъ его бѝти,

Сталъ колотѝти,

Сломалъ костыль весь.

Пошёлъ онъ, ду̀рень,

Домой, самъ пла̀четъ,

А мать бранѝти,

Жена журѝти,

Сестра-то та̀кже:

«Ты дурень, ду̀рень,

«Ты глупый Ба̀бинъ,

«Ты тоже слòво,
«Не такъ бы мòлвилъ.
«А ты бы мòлвилъ:
«Благословѝ мя,
«Святой Игу̀менъ».
— «Добро же, бàба,
«Ты бабарѝха,
«Матерь Лукѐрья,
«Вперёдъ я, дȕрень,
«Таковъ не бȕду».
Пошёлъ онъ, дȕрень,
На Русь гуля̀ти,
Въ лѣсу ходѝти.
Увидѣлъ дȕрень
Въ бору медвѣдя, —
Медвѣдь за ѐлью

Дерётъ корòву.
Онъ ему мòлвитъ:
«Благословѝ мя,
«Святой Игу̀менъ».
Медвѣдь на дȕрня
Кинулся, сгрàбилъ,
Зачалъ ковѐркать,
Зачалъ ломàти,
Едва живàго
Дурня остàвилъ.

Приходитъ дȕрень

Домой, самъ плàчетъ,

На голосъ вòетъ,

Матери скàжетъ.

А мать бранѝти,

Жена пѣнѝти,

Сестра-то тàкже:

«Ты дурень, дȕрень,

«Ты глупый Бàбинъ,

«Ты тоже слòво

«Не такъ бы мòлвилъ

«Ты бы заȕськалъ,

«Ты бы загàйкалъ

«Заулюлȕкалъ».

– «Добро же, бàба,

«Ты, бабарѝха,

«Матерь Лукѐрья,

«Сестра Чернàва.

«Вперёдъ я, дȕрень,

«Таковъ не бȕду».

Пошёлъ онъ дȕрень

На Русь гулѝти,

Людей видàти,

Себя казàти.

Идётъ онъ, дȕрень,

Во чистомъ пòлѣ, –

На встрѣчу дȕрню

Идётъ полкòвникъ.

Зауськалъ дȕрень,

Загайкалъ дȕрень,

Заулюлю̀калъ.

Сказалъ полкòвникъ

Своимъ солда̀тамъ,

Схватили дȕрня, –

Зачали бити,

До смерти дȕрня

Тутъ и убѝли.

СВЯТОГОРЪ БОГАТЫРЬ.

Выѣзжа̀лъ-ли Святогоръ гулять въ чистò поле,

Никогò-то Святогоръ онъ не наха̀живалъ,

Съ кѣмъ бы сѝлой богатырскою помѣряться;

А самъ чȕетъ въ себѣ силу онъ велѝкую,

Чуетъ – жѝвчикомъ по жилкамъ разлива̀ется,

Грузно съ сѝлы Святогору, какъ отъ брѐмени.

И промòлвилъ Святогоръ-свѣтъ похваля̀ючись:

«По моѐй ли да по силѣ богаты̀рскоей

«Кабъ держа̀ву мнѣ найти, всю землю пòднялъ бы.»

Со тѣхъ слòвъ увидѣлъ Святогоръ прохòжаго, —
Сдалекà въ степи идётъ прохожíй съ сýмочкой, —
И поѣхалъ Святогоръ къ тому прохòжему.
Ѣдетъ ры̀сью, всё прохожíй идётъ пѐредомъ, —
Во всю пры̀ть не можетъ онъ догнать прохòжаго.
Закричà̀лъ тутъ Святогоръ да громкимъ гòлосомъ:
«Гой, прохòжíй человѣкъ, пожди немнòжечко,
«Не могýˆ догнать тебя я на добрòмъ конѣ».
Сдалекà прохожíй Святогора слýˆшался,
Становѝлся, съ плечъ на землю бросалъ сýмочку.

Наѣзжà̀етъ Святогоръ на эту сýмочку,
Своей плёточкой онъ сумочку пощýˆпывалъ, —
Какъ урòслая та сумочка не трòнется.
Святогòръ съ коня перстомъ её потрòгивалъ, —
Не сворòхнется та сумка, не шевѐльнется.
Святогòръ съ коня хваталъ рукой, потя̀гивалъ, —
Какъ урòслая та сумка не поднѝмется.
Слѣзъ съ коня̀ тутъ Святогоръ, взялся за сýмочку,
Онъ прилà̀дился, взялся руками обѣими,
Во всю сѝлу богатырску принатýˆжился, —
Отъ натýˆги по бѣлу лицу аль крòвь пошла,
А подня̀лъ суму отъ земи только нà волосъ,
По колѣна жъ самъ онъ въ мать сыру землю̀ угрязъ
Взговорѝтъ ли Святогоръ тутъ громкимъ гòлосомъ:

«Ты скажи же мнѣ, прохожій, правду ѷстинну;

«А и чтѳ̀, скажи ты, въ сумочкѣ наклѧ̀дено?»

Взговорѷ́тъ ему прохожій да на тѣ̀ слова:

«Тяга въ сѹ̀мочкѣ отъ матери сырѳ̀й земли».

Взговорѷ́тъ тутъ Святогоръ да ко прохѳ̀жему:

«А ты сѧ̀мъ кто есть, какъ звать тебя по ѷмени?»

Взговорѷ́тъ ему прохожій ли на тѣ̀ слова:

«Я Микѹ̀ла есмь, мужикъ я Селянѷ́новичъ,

«Я Микѹ̀ла, — меня любитъ мать сырà земля».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

Послѣ потопа три сына Ноевы раздѣлили землю, Симъ, Хамъ и Іафетъ.

И достался востокъ Симу: Сирія, Мидія, Вавилонъ и другія страны.

Хаму же досталась южная страна: Египетъ, Еѳіопія, Ѳивы и другія

страны.

1) Сынове — сыновья, сыновъ — сыновей, сыномъ, сыновомъ — сыновьямъ.

2) Раздѣлиша — они раздѣлили, раздѣлихомъ — мы раздѣдили, раздѣлисте — вы раздѣлили.

3) Симови — Симу, Господеви — Господу.

Іафету же достались сѣверныя страны и западныя: Мидія, Арменія, Сарматія и другія.

Симъ же и Хамъ и Іафетъ, раздѣливши землю, — жребьи кинувши, — (чтобъ) непереходить никому въ долю братнину, жили каждый въ своей части.

Былъ языкъ (и народъ) одинъ, и, когда умножились люди на землѣ, задумали они выстроить столбъ (башню) до неба.

И собрались на мѣстѣ Сенаръ строить столбъ (башню) до неба и городъ вокругъ него Вавилонъ.

И строили башню сорокъ лѣтъ, и (еще) некончена была.

1) Раздѣливше — разделивши

2) Живяху — они жили, живяхомъ — мы жили, живясте — вы жили.

3) Кождо — .каждый, когождо — каждаго, комуждо — каждому.

4) Бысть — онъ былъ, быхъ — я былъ.

5) Умножившимся человѣком — когда умножились люди.

6) Небесе — небеса, небеси — небу, небесемъ — небомъ.

И сошёлъ Господь Богъ, (чтобъ) видѣть городъ и башню, и сказалъ Господь: вотъ родъ одинъ и языкъ (народъ) одинъ.

И смѣшалъ Богъ языки (народы), и раздѣлидъ на семьдесять два народа (языка), и разсѣялъ по всей землѣ. Послѣ смѣшенія же народовъ, Богъ вѣтромъ большимъ разрушилъ башню.

И есть остатокъ ея между Ассиромъ и Вавилономъ, и онъ въ высоту и ширину локтей пять тысячъ четыреста тридцать три.

Послѣ разрушенія башни и послѣ раздѣленія народовъ, взяли потомки Симовы

1) Сниде — онъ сошелъ, снидохъ — я сошелъ

2) Рече — онъ сказалъ, рекохъ — я сказал

3) Смѣси — онъ смесилъ, смѣсихъ — я смесилъ

4) Языкъ — языковъ (народовъ), языци — языки (народы).

восточный страны, а Хамовы потомки южныя страны.

Іафетовы же (потомки) взяли западъ и сѣверныя страны. Изъ этихъ-то семидесяти двухъ народовъ (языковъ) одинъ былъ народъ (языкъ) Славянскій отъ племени Іафетова.

Послѣ же долгаго времени сѣли Славяне по Дунаю, гдѣ нынче Угорская земля и Болгарская.

Изъ этихъ Славянъ разошлись (Славяне) по землѣ и прозвались именами своими, гдѣ (кто) сѣлъ на какомъ мѣстѣ; какъ (напримѣръ, какіе) Пришедши сѣли на рѣкѣ по имени Морава, (тѣ) и прозвались Морава.

1) Мнозѣхъ временѣхъ — многихъ временахъ, многа времена — многія времена, многомъ временемъ — многимъ временамъ.

2) Сѣли суть — они сѣли, сѣлъ есмь — я сѣлъ, сѣлъ есть — онъ сѣлъ.

3) Разидошася — они разошлись, разидохомся — мы разошлись.

4) Имены — именами, именомъ — именамъ, именѣхъ — именахъ.

Такъ тѣже Славяне пришедши сѣли по Днѣпру и назвались Поляне, а другіе (назвались) Древляне, потому что сѣли въ лѣсахъ.

Иные сѣли по Двинѣ и назвались Полочане отъ рѣчки, которая втекаетъ въ Двину, по имени Полота. Отъ нея (-то) прозвались Полочане.

Славяне же сѣли вокругъ озера Илменя и прозвались своимъ именемъ, построили городъ и назвали его Новгородъ Такъ разошелся славянскій

народъ (языкъ); по нёмъ же и грамота прозвалась Славянская.

Когда. Андрей, братъ Петровъ, училъ въ Синопіи,

1) Яже — которая, еяже — которой, ейже — которой, юже — которую.

2) Втечеть — втекаетъ, втечеши — втекаешь.

3) И — его, ю — её, е — его.

4) Оньдрѣю учащу — когда Андрей училъ.

пришёлъ онъ въ Корсунъ и увидѣлъ, что отъ Корсуни близко устье Днѣпровское; захотѣлъ онъ идти въ Римъ и пришёлъ въ устье Днѣпровское.

Оттуда поплылъ по Днѣпру вверхъ, и случайно подплылъ и остановился подъ горами на берегѣ. На утро, вставши, онъ сказалъ бывшимъ съ нимъ ученикамъ: «видите ли горы эти?»

«(Что) На этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, городъ большой будетъ и церквей много Богъ воздвигнетъ.» Взошедши на горы эти, онъ благословилъ ихъ, поставилъ крестъ,

1) Пришедшю ему — когда онъ пришёлъ.

2) На березѣ — на берегѣ, берези — берега, на березѣхъ — на берегахъ.

3) Ученикомъ — ученикамъ, ученици — ученики, ученикъ — учениковъ.

4) Имать быти — онъ будетъ, имамъ быти — я буду, имаши быти — ты будешь.

5) Имать воздвигнути — воздвигнетъ, имамъ воздвигнути — воздвигну.

6) Я — ихъ.

и помолившись Богу, сошёлъ съ горы этой, гдѣ послѣ былъ Кіевъ, и поплылъ по Днѣпру вверхъ.

И пришёлъ къ Славянамъ,. гдѣ нынче Новгородъ; и видѣлъ жившиій тамъ народъ, какіе обычаи у нихъ, и какъ они моются, хлещутся, и подивился онъ имъ.

Пошёлъ онъ къ Варягамъ и пришёлъ въ Римъ, и разсказалъ, сколькихъ научилъ и сколько видѣлъ, и говорилъ: «съ удивленіемъ видѣлъ я Славянскую землю, когда шёлъ сюда; видѣлъ бани деревянныя, и истопятъ ихъ крѣпко, раздѣнутся до-нага и обольются квасомъ кислымъ, и возьмутъ на себя вѣтки молодыя (и) бьютъ себя сами»

1) Ся мыютъ — моются, ся мыемъ — моемся, ся мыете — моетесь.

2) Пережгуть — разожгутъ, пережжемъ — разожжёмъ, пережжете — разожжёте.

3) Е — ихъ.

4) Нази — наги, голы; назіи — нагіе, нагія — нагія, нагая дрѣвеса — нагія деревья; нагихъ, нагимъ, нагими, о назихъ.

«И (до) того себя добьютъ, (что) едва выйдутъ еле живы; а обольются водою холодной, такъ оживутъ; и это дѣлаютъ всегда, и не мучитъ никто ихъ, а они сами себя мучаютъ, и это они дѣлаютъ мытьё себѣ, а не мученіе»

Имѣли Славяне обычаи свои и законъ отцовъ своихъ и преданіе, и каждый (славянскій народъ) свой нравъ. Поляне своихъ отцовъ обычай имѣли кроткій и тихій, и уваженіе къ снохамъ своимъ, къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровямъ и къ деверямъ большое уваженіе имѣли, и брачные обычаи имѣли:

1) Облѣются — обольются, облѣемся — обольёмся, облѣется — обольётся.

2) По вся — во всѣ, вси — всѣ, всѣхъ — всѣхъ, всѣми — всѣми.

3) Имяху — они имѣли, имяхомъ — мы имѣли, имясте — вы имѣли.

4) Отецъ — отцовъ, отци — отцы, отцемъ — отцамъ, отци — отцами.

5) Имяхуть — имѣли.

Не ходилъ зять за невѣстой, но приводили (её) съ вечера, а на утро приносили за ней, что́ даютъ.

А Древляне жили, звѣрскимъ образомъ, по скотски: убивали другъ друга, ѣли всё нечистое, и браковъ у нихъ не бывало, но похищали дѣвицъ.

И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имѣли: жили въ лѣсу, какъ всякій звѣрь, ѣли всё нечистое, браковъ не бывало у нихъ, но игры между сёлъ, и тутъ похищали жёнъ себѣ; и имѣли по двѣ и по три жены.

Если кто умиралъ, дѣлали тризну (поминки) надъ нимъ, и потомъ дѣлали костёръ большой, и клали

1) Бываше – бывало, онъ бывалъ, бывахъ – я бывалъ, бываше – ты бывалъ.

2) Ядуще – ядя, идуще – идя.

3) Взложахуть – возлагали.

его на костёръ; мертваго сжигали, а потомъ, собравши кости, вкладывали(ихъ) въ посудину небольшую и ставили на столбахъ на дорогахъ, что дѣлаютъ Вятичи и до нынѣ.

Въ году шесть, тысячъ триста шестидесятомъ, когда началъ Михаилъ Царь Греческій царствовать, начала прозываться Русская земля. Отсюда и начнёмъ и числа поставимъ. Такъ отъ Адама до потопа двѣ тысячи двѣсти сорокъ два года, а отъ потопа до Авраама тысяча восемьдесятъ два года.

А отъ Авраама до исхода Movсея четыреста тридцать лѣтъ, а отъ исхода Movсея

1) На столпѣхъ – на столбахъ, столпи – столбы, столпомъ – столбамъ.

2) Двѣстѣ – двѣсти, триста – триста; двусту – двухсотъ.

3) Осмьдесятъ – восемьдесятъ, девятьдесятъ – девяносто.

4) Тридесятъ – тридцать, двадесятъ – двадцать, четыредесять – сорокъ.

до Давида Псалмопѣвца шестьсотъ одинъ годъ.

А отъ Давида Псалмопѣвца и отъ начала царства Соломонова до плѣненія Іерусалима четыреста сорокъ восемь лѣтъ.

А отъ плѣненія до Александра триста восемьнадцать лѣтъ, а отъ Александра до Рождества Христова триста тридцать три года.

А отъ Христова Рождества до Константина триста восемьнадцать лѣтъ, отъ Константина же до Михаила этого пятьсотъ сорокъ два года. Въ шесть тысячъ триста шестьдесятъ седьмомъ году брали дань Варяги изъ заморья

1) Соломоня — Соломонова, Соломонь — Соломоновъ, Соломоню — Соломонову, Соломонимъ — Соломоновымъ, о Соломони — о Соломоновомъ.

2) Имаху — брали, имали; имахомъ — мы брали, имасте — вы брали.

съ Чуди и съ Славянъ, съ Мери и съ всѣхъ Кривичей. А Козары брали съ Полянъ и съ Сѣверянъ и съ Вятичей.

Въ шесть тысячъ триста семидесятомъ году прогнали Славяне Варяговъ за море и не дали имъ дани, и начали сами собою управляться; и не было у нихъ правды, и возсталъ родъ на родъ, сдѣлались у нихъ междоусобицы, и воевать начали между собою.

(И) сказали сами между собою: «поищемъ себѣ князя, который бы управлялъ нами и судилъ по правдѣ». (И) пошли за море къ Варягамъ къ Руси. (И) сказали Руси Чудь, Славяне

1) О Кривичѣхъ — о Кривичахъ, Кривичи — Кривичами, Кривичемъ — Кривичамъ.

2) Варяги — Варяговъ, Варязи — Варяги.

3) Усобицѣ — усобицы, усобиць — усобицъ, усобицамъ — усобицамъ.

4) Собѣ — себѣ, ся — себя, себе — себя.

5) Иже — который, егоже — котораго, емуже — которому.

6) Рѣша — сказали, рѣхъ — сказалъ, рещи — говорить.

и Кривичи: «вся земля наша велика и богата, а распорядка въ ней нѣтъ; такъ пойдите княжить и владѣть нами». И выбрались три брата съ родными своими, и взяли съ собою всю Русь, и пришли; старшій Рюрикъ сѣлъ въ Новгородъ, а второй Синеусъ въ Бѣлоозѣрѣ, а третій въ Изборскѣ Труворъ.

Послѣ двухъ лѣтъ Синеусъ померъ и братъ его Труворъ, и принялъ власть Рюрикъ. И было у него два мужа, Аскольдъ и Диръ, не рода его, но бояре; и они отпросились къ Царьграду съ родными своими.

И пошли по Днѣпру и,

1) Пойдѣте — пойдите, пойди — пойди.

2) Изборьстѣ — въ Изборскѣ, Кіевѣ — въ Кіевѣ, Смоленстѣ — въ Смоленскѣ.

3) По дву лѣту — послѣ двухъ лѣтъ; два лѣта — два года; двѣма лѣтома — двумъ годамъ, двумя годами.

4) Бяста — было двое, бяховѣ — мы двое были.

5) Боярина — два боярина, боярину — двухъ бояръ, бояринома — двумъ боярамъ, двумя боярами.

6) Та — эти двое, тою — этихъ двухъ, тѣма — этими двумя, этимъ двумъ.

идучи мимо, увидали на горѣ городокъ и спросили: чей это городокъ? (И имъ) сказали: «были три брата: Кій, Щекъ, Хоривъ, которые построили городокъ этотъ, и вымеръ ихъ родъ, а мы живёмъ здѣсь и платимъ дань единоплеменникамъ ихъ Козарамъ. Аскольдъ же и Диръ остались въ городѣ этомъ. Въ шесть тысячъ триста восемьдесятъ седьмомъ году, Рюрикъ умирая передалъ княженіе свое Олегу, бывшему изъ его же рода, отдавъ ему сына своего на руки, Игоря; потому что былъ онъ (еще) малъ очень.

1) Узрѣста — они двое увидали, узрѣховѣ — мы двое увидѣли.

2) Были суть — были, былъ есмь — я былъ, былъ еси — ты былъ, былъ есть — онъ былъ.

3) Родомъ — родамъ, роды — родами.

4) Сушу — сущему, сый — сущій, суща — сущаго, сущемъ — сущимъ.

5) Сынъ свой — сына своего.

ИЗЪ ЧЕТЬИ МИНЕИ.

О Филагріи монахѣ, который, нашедши тысячу золотыхъ, воротил потерявшему

Былъ нѣкто монахъ, по имени Филагрій, жившій въ Іерусалимѣ; онъ дѣлалъ рукодѣліе и отъ своего труда ѣлъ хлѣбъ. Когда стоялъ онъ (разъ) на торгу, продавая работу свою, забылъ одинъ (человѣкъ) кошель, заключавшій тысячу золотыхъ. Нашедши его, старецъ

сталъ на своемъ мѣстѣ, говоря: потерявшій, конечно, прійдётъ. И вотъ пришёлъ тотъ — плачетъ.

Онъ взялъ и подалъ ему нетронутый (кошель). Тотъ и держитъ, желая дать ему нѣкоторую часть; а старецъ и слышать не хочетъ. Тогда тотъ сталъ кричать: Подите, поглядите на Божьяго человѣка! что это онъ дѣлаетъ! А старецъ, убѣжавъ, вышелъ изъ города, чтобы его не узнали. А дѣлалъ онъ это, чтобы не стали его почитать.

О дровосѣкѣ Муринѣ.

Была нѣкогда .въ Кипрской землѣ большая засуха. И молилъ Бога объ

этомъ епископъ той страны, и былъ голосъ съ неба, говорившій ему: Иди послѣ утрени къ тѣмъ (дальнимъ) воротамъ города, и, если кого увидишь входящаго прежде (другихъ), того и останови, чтобы онъ помолился; и будетъ вамъ дождь. И сдѣлалъ епископъ такъ: вышелъ съ причтомъ своимъ и сѣлъ у воротъ города.

И вотъ входитъ одинъ старикъ, неся беремя дровъ на продажу. Всталъ епископъ и остановилъ его. И тотъ тотчасъ сложилъ себѣ

съ плечъ беремя дровъ. И, поклонившись ему, епископъ попросилъ его, говоря: «Отецъ мой! Господа ради, помолись, чтобы послалъ, намъ Господь милость свою, и чтобы былъ нынче на землю дождь!» По старикъ говорилъ, что онъ недостоинъ. И когда епископъ упрашивалъ его, чтобы онъ помолился, и когда онъ, преклонивъ колѣна, помолился, дождь и пошёлъ

И просилъ епископъ старика, говоря: «Окажи ты намъ милость, отецъ! пользы

(нашей) ради, разскажи свою жизнь, чтобы и мы поревновали (по тебѣ)!»

И сказалъ старикъ: «Прости мнѣ, владыко! я — грѣшный человѣкъ, на горькую долю родившійся и ничего не имѣющій отраднаго, чѣмъ бы утѣшилась моя душа! а вотъ, какъ видишь ты меня, выхожу я изъ города И, собравъ беремя дровъ, продамъ его, и куплю хлѣба, который ѣмъ; а другаго нѣтъ ничего у меня; сплю въ церкви, и опять

выхожу и тоже дѣлаю; если же холодно бываетъ, или ненастье день или два, остаюсь голоднымъ, хваля Бога, пока снова ведро наступить, такъ что я могу выйти и рубить дрова.

И епископъ, получившій пользу (назиданье) съ причтомъ своимъ, и всѣ — прославили Бога о трудѣ старика; и сказали ему: Самымъ дѣломъ исполнилъ ты Писàние: «пришлецъ я наземлѣ». — И епископъ, взявъ его, питалъ его и покоилъ, пока (не) преставился онъ къ Господу

Житіе преподобнаго отца нашего Давида, который прежде былъ разбойникомъ.

Этотъ святой и преподобный отецъ нашъ Давидъ былъ прежде разбойникомъ, жившимъ въ пустынѣ Ермопольской, дѣлавшимъ многія злодѣйства и многихъ убивавшимъ; такъ (онъ былъ) золъ и суровъ, какъ никто другой: имѣлъ подъ своимъ начальствомъ дружины болѣе тридцати человѣкъ, дѣлавшихъ съ нимъ разбой.

Однажды, сидя съ ними на горѣ, онъ подумалъ о своёмъ житьѣ и весьма устрашился Бога, что сдѣлалъ

такое зло. и оставивъ все, что́ съ нимъ было, пошёлъ въ монастырь. Когда онъ ударилъ въ ворота, вышелъ привратникъ и сказалъ ему: «Чего ты хочешь?» Давидъ же сказалъ ему: «Я хочу быть монахомъ». И привратникъ, пойдя, сказалъ о немъ игумену.

Игуменъ же пришедши увидѣлъ его, что онъ старый человѣкъ, и сказалъ ему: «ты не можешь быть здѣсь, такъ какъ у братіи много труда и велико воздержаніе; ты же другаго нрава и монастырскихъ уставовъ не

можешь соблюдать». Онъ же просилъ, говоря: «все, что́ повелите мнѣ, сдѣлаю, только примите меня».

– 127 –

Игуменъ отказывалъ, говоря: «не можешь ты жить съ нами»

Тогда онъ сказалъ игумену: «знай, отецъ, что́ я – Давидъ, старшина разбойниковъ, и пришелъ я къ вамъ, чтобы плакаться о моихъ грѣхахъ; если же ты меня не хочешь принять, то объявляю вамъ съ клятвою, что пойду къ прежнему моему занятію, приведу съ собой сколько есть у меня разбойниковъ, и всѣхъ васъ перебью и разорю монастырь вашъ».

– 128 –

Игуменъ, услышавъ это, взялъ его въ монастырь и постригъ въ ангельскій образъ.

И началъ Давидъ подвизаться въ воздержаніи и пріучать себя къ смиренію, и въ скоромъ времени всѣхъ черноризцевъ, которые были въ монастырѣ, превзошёлъ добродѣтелями, и былъ всѣмъ полезенъ жизнью и словомъ. Однажды, когда сидѣлъ онъ въ кельи, сталъ предъ нимъ Гавріилъ архангелъ, говоря ему: «Давидъ, Давидъ! простилъ Господь грѣхи твои и ты будешь отнынѣ творящимъ чудеса». Давидъ же отвѣчалъ ангелу: «не могу повѣрить тому, что простилъ Господь въ малое время грѣхи мои, которые весьма тяжки и несмѣтнѣе песка морскаго»

– 129 –

Архангелъ сказалъ ему: «я Гавріилъ Архангелъ, который не пощадилъ и Захарію, невѣровавшаго моимъ словамъ, а связалъ въ наказаніе его языкъ, чтобы онъ вѣровалъ говоримому мною; такъ тебя ли я пощажу? такъ вотъ отнынѣ пусть ты будешь нѣмъ!» Давидъ поклонился и сказалъ ангелу: «Когда я былъ разбойникомъ, совершалъ нехорошія дѣла и проливалъ много крови, тогда ты не связалъ мнѣ языка, неприносившаго славы Богу; когда же я хочу служить Господу и приносить ему хвалу, такъ ты вяжешь мой языкъ, такъ что мнѣ не (можно будетъ) говорить».

Сказалъ ему ангелъ: «будь говорящимъ, когда будешь славить Бога и молиться Ему въ канонѣ; кромѣ того

молчи». И такъ наказавъ его, ангелъ удалился

Онъ же воздалъ благодареніе Богу о прощеніи своихъ согрѣшеній. Потомъ онъ сотворилъ Божіею благодатію много чудесъ, слѣпымъ отверзъ зрѣнье, хромыхъ сдѣлалъ ходящими, бѣсноватыхъ изцѣлилъ; и пѣлъ (только) въ церкви на молитвѣ, другаго же слова не могъ произносить, какъ второй Захарія. И проживши много лѣтъ, бывъ для всѣхъ назиданіемъ, онъ отошелъ къ Господу; и нынѣ стоя предъ Нимъ, немолчно молится о насъ: его молитвами и мы да получимъ Господню милость. Аминь.

КНИГА БЫТІЯ.

ГЛАВА I.

1. Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю.

2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною; и Духъ Божій носился надъ водою.

3. И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ; и сталъ свѣтъ.

4. И увидѣлъ Богъ свѣтъ, что онъ хорошъ; и отдѣлилъ Богъ свѣтъ отъ тьмы.

5. И назвалъ Богъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью. И былъ вечеръ, и было утро: день одинъ.

6. И сказалъ Богъ: да будетъ твердь посреди воды

и да отдѣляетъ она воду отъ воды; и стало такъ.

7. И создалъ Богъ твердь; и отдѣлилъ воду, которая подъ твердію, отъ воды, которая надъ твердію.

8. И назвалъ Богъ твердь небомъ; и увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И былъ вечеръ, и было утро: день вторый.

9. И сказалъ Богъ: да соберётся вода, которая подъ небомъ, въ одно мѣсто; и да явится суша: и стало такъ. И собралась вода подъ небомъ въ свои мѣста, и явилась суша.

10. И назвалъ Богъ сушу землёю, а собраніе водъ назвалъ морями: и увидѣлъ Богъ, что это хорошо.

11. И сказалъ Богъ: да произраститъ земля зелень,

траву сѣющую сѣмя, по роду и по подобію ея, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ: и стало такъ.

12. И произвела земля зелень, траву, сѣющую сѣмя по роду и по подобію ея, и дерево плодовитое приносящее плодъ, въ которомъ сѣмя его по роду его на землѣ И увидѣлъ Богъ, что это хорошо.

13. И былъ вечеръ, и было утро: день третій.

14. И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной, для освѣщенія земли, и для отдѣленія дня отъ ночи, и для знамений, и временъ, и дней, и годовъ.

15. И да будутъ они свѣтильниками на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю: и стало такъ.

16. И создалъ Богъ два свѣтила великія; свѣтило

большое, для управленія днемъ, и свѣтило меньшее, для управленія ночью, и звѣзды.

17 И поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю,

18. И управлять днемъ и ночью, и отдѣлять свѣтъ отъ тьмы. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо.

19. И былъ вечеръ и было утро: день четвертый.

20. И сказалъ Богъ: да произведётъ вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетятъ надъ землёю, по тверди небесной: и такъ стало.

21. И сотворилъ Богъ рыбъ большіхъ и всякую душу животныхъ пресмыкающихся, которыхъ произвела вода, по роду ихъ, и всякую птицу пернатую по роду ея: и увидѣлъ Богъ, что это хорошо.

22. И благословилъ ихъ Богъ, говоря: плодитесь и размножайтесь и наполняйте во́ды въ моряхъ, и птицы да размножаются на землѣ.

23. И былъ вечеръ, и было утро: день пятый.

24. И сказалъ Богъ: да произведётъ земля душу живую по роду ея, скотовъ, и гадовъ, и звѣрей земныхъ по роду ихъ: и увидѣлъ Богъ, что это хорошо

25. И создалъ Богъ звѣрей земныхъ по роду ихъ, и скотъ по роду его, и всѣхъ гадовъ земныхъ по роду ихъ: и увидѣлъ Богъ, что это хорошо.

26. И сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему, и по подобно Нашему; и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими, и надъ

птицами небесными, (и надъ звѣрями), и надъ скотомъ, и надъ всею землёю, и надъ всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ.

27. И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ.

28. И благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ Богъ: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте надъ рыбами морскими, (и надъ звѣрьми), и надъ птицами небесными), и надъ всякимъ скотомъ, и надъ всею землею), и надъ всякимъ животнымъ, пресмыкающимся по землѣ.

29. И сказалъ Богъ: вотъ, Я вамъ далъ всякую траву сѣющую сѣмя, какая есть

на всей землѣ, и всякое дерево, у котораго плодъ древесный, сѣющій сѣмя; вамъ сіе будетъ въ пищу.

30. А всѣмъ звѣрямъ земнымъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всякому гаду пресмыкающемуся по землѣ, въ которомъ душа живая, далъ Я всю зелень травную въ пищу: и стало такъ

31. И увидѣлъ Богъ всё, что̀ Онъ создалъ, и вотъ, хорошо весьма. И былъ вечеръ, и было утро: день шестый.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ.

ГЛАВА XXIII.

34. Фарисеи, услышавъ, что Іисусъ привёлъ саддукеевъ въ молчаніе, собрались вмѣстѣ.

35. И одинъ изъ нихъ, законникъ, искушая Его, спросилъ, говоря:

36. Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?

37. Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душёю твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ.

38. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь.

39. Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.

40. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

CVMВОЛЪ ВѢРЫ.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВѢДЕЙ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СЧЕТЪ.

— 143 —

— 144 —

— 145 —

— 146 —

— 147 —

— 148 —

— 149 —

— 150 —

– 151 –

– 152 –

– 153 –

– 154 –

– 155 –

– 156 –

– 157 –

ЦИФРЫ ДЛЯ ЧТЕНІЯ:

217,

двѣсти семнадцать.

314,

триста четырнадцать.

5011,

пять тысячъ одинадцать.

718,

семьсотъ восемнадцать.

3019,

три тысячи девятнадцать.

40,

сорокъ; 90, девяносто.

200,

двѣсти; 300, триста.

190,

сто девяносто.

8040,

восемь тысячъ сорокъ.

595,

пятьсотъ девяносто пять.

643,

шестьсотъ сорокъ три.

147,

сто сорокъ семь.

298,

двѣсти девяносто восемь.

196,

сто девяносто шесть.

414,

четыреста четырнадцать.

1241,

тысяча двѣсти сорокъ одинъ.

2362,

двѣ тысячи триста шестьдесятъ два.

390,

триста девяносто.

240,

двѣсти сорокъ.

5486 можно выговаривать: 5,486 пять тысячъ, четыреста восемьдесятъ шесть простыхъ. И можно выговаривать: 54,86 пятьдесятъ четыре сотни и восемьдесятъ шесть простыхъ. И ещё можно выговаривать: 548,6 пятьсотъ сорокъ восемь десятковъ и шесть простыхъ.

3,121 = 31,21 = 312,1

8,965 = 89,65 = 896,5.

СЧЕТЪ СЛАВЯНСКИМИ ЦИФРАМИ.

Десять и пять = пятнадцать . . . . . .

Двадцать и семь = двадцать семь . . . . . .

Тридцать и девять = тридцать девять . . . . . .

Сто и сорокъ = сто сорокъ . . . . . .

Триста и семьдесятъ и еще восемь = триста семьдесятъ восемь .. .

———

Тридцать и пятьдесятъ = восемьдесятъ . . . . . .

Сорокъ пять и семнадцать = шестьдесятъ два . . . . . .

Триста и двѣсти = пятьсотъ . . . . . .

Сто девяносто девять и одинъ = двѣсти . . . . . .

Четыреста двадцать восемь и пятьсотъ семьдесятъ два = тысяча . . .

———

Славянскія цифры помогаютъ въ счётѣ только тогда, когда къ десяткамъ присчитываешь простыя, или къ сотнямъ десятки. Тогда — только пишутся тѣже буквы. Напр.А какъ только станешь считать простыя съ простыми, или десятки съ десятками, или сотни съ сотнями, — такъ на каждое число пишутся другія буквы. Напр:

СЧЕТЪ РИМСКИМИ ЦИФРАМИ БЕЗЪ СОКРАЩЕНІЯ.

Десять и пять = пятнадцать . . . . . .

X+V=XV.

Восемь и шесть = четырнадцать . . . . . .

VIII+VI=XIIII.

Тридцать пять и тринадцать = сорокъ восемь . . . .

XXXV+XIII=XXXXVIII.

Сто тридцать семь и двадцать два = сто пятьдесятъ девять . .. .

CXXXVII+XXII=CLIX.

Четыреста двадцать восемь и пятьсотъ семьдесятъ два =
тысяча . . . . . .

CCCCXXVIII+DLXXII=M

Чтобы считать Римскими цифрами, надо только списывать вмѣстѣ: тысячи M съ тысячами M; полтысячи D съ полтысячами D; сотни C съ сотнями C; полсотни L съ полсотнями L, десятки X съ десятками X; пяткѝ V съ пяткѐми V, и единицы I съ единицами I. И потомъ очесть сколько выйдетъ тысячъ, полтысячъ, сотенъ, полсотенъ, десятковъ, пятковъ, единицъ.

DCCLXXXVIII+DCCCLXXVIII=DDCCCCCLLXXXXXVVIIIIII.

Когда написалъ — что́ вышло,тогда своди единицы въ пяткѝ, пяткѝ въ десятки, десятки въ полсотни, полсотни въ сотни, сотни въ полтысячи, полтысячи въ тысячи:

IIIII=V.

VV=X.

XXXXX=L.

LL=C.

CCCCC=D.

DD=M.

Было написано:

DDCCCCCLLXXXXXVVIIIIII.

Все равно:

DDCCCCCLLXXXXXVVVI.

Все равно:

DDCCCCCLLXXXXXXVI.

Все равно:

DDCCCCCLLLXVI.

Все равно:

DDCCCCCCLXVI.

Все равно:

DDDCLXVI.

Все равно:

MDCLXVI.

LVI+XXXXIIII=LXXXXVIIIII=LXXXXVV=LXXXXX=LL=C.

CLXXXIIII+XVI=CLXXXXVIIIII=CLXXXXVV= CLXXXXX=CLL=CC.

CCCXXXXIII+DCLVII=DCCCCLXXXXVIIIII=
DCCCCLXXXXVV=DCCCCLXXXXX=DCCCCLL= DCCCCC=DD=M.

ПРИМЂРЫ ДЛЯ СЧЕТА РИМСКИМИ ЦИФРАМИ.

CCLIII + CCCLXXVI.

CCCCXXII + DXVIII.

DCLXXXXVIII + DLVI.

DCCLXXXII + XXV.

LXIIII + DCLXVI.

DCCCCXIII + CXII.

СЧЕТЪ РИМСКИМИ ЦИФРАМИ СЪ СОКРАЩЕНІЯМИ.

Для того, чтобы меньше писать Римскими цифрами, пишутъ тоже и такъ: четыре пишутъ не четыре палочки — IIII, а пишутъ пять и передъ пятью ставятъ одинъ, — значитъ пять безъ одной; четыре — IV. И девять пишутъ не пять и четыре — VIIII, а десять безъ одной — IX. И сорокъ пишутъ не четыре десятка — XXXX, а полсотни безъ десятка — XL. И девяносто пишутъ не полсотни

и четыре десятка — XCLXXXX, а сотню безъ десятка — XC. И четыре сотни пишутъ не четыре сотни — CCCC, а полтысячи безъ сотни — CD. И девятьсот пишутъ не полтысячи и четыре сотни — DCCCC, а тысячу безъ сотни — CM.

XXIX + XIV = XLIII.

CXLIII + LIV = CXCVIII.

XCV + XLIV = CXXXIX.

CXCIX + CDXCIX = DCXCVIII.

CDXXIX + CCCLXXVI = DCCCV.

Чтобы считать сокращёнными цифрами, надо точно также списывать вмѣстѣ тысячи, полтысячи, сотни, полсотни, десятки, пятки, единицы и потомъ сличать, сколько выходитъ тысячъ, полтысячъ, сотенъ, полсотенъ, десятковъ.

Считать надо такъ: Если надо счесть IV+IV, то выйдетъ два пятка, десятокъ; изъ десятка надо взять два, — останется восемь, и напиши VIII. Если надо счесть IV и V, то два пятка — десять, и изъ десяти надо взять одинъ; такъ и оставь одинъ, будетъ — IX. Если надо счесть IV+VI, то въ одномъ пяткѣ надо взять I, а къ другому прибавить; значитъ — ни прибавлять, ни убавлять, — будетъ X. Если счесть IX и IV, то надо изъ XV взять два, будетъ — XIII. Если счесть IX+XI, то у одного взять, къ другому прибавить по одному, будетъ — XX.

Также надо считать полсотни и сотни безъ десятковъ, и тысячи и полтысячи безъ сотенъ.

CXLIII + LIV = CXLLIVIII = CXLLVII = CXCVII.

CXCIX + CDXCIV = CDCXCXCIXIV = CDCXCXCXIII=

CDCCLXXXXIII = CDCCLXLIII = CDCCXCIII = DCXCIII.

Считать сокращёнными Римскими цифрами трудно. Чтобы скорѣе считать, надо переводить сокращённыя на несокращённыя.

——

СЧЕТЪ НА СЧЕТАХЪ И АРАБСКИМИ.

7 и 2. Положи на простыхъ 7 костей и еще 2. Сочти, сколько выйдетъ, и запиши подъ простыми 9.

12 и 6. Положи одинъ десятокъ и двѣ простыхъ. Къ простымъ приложи 6. Сочти и запиши подъ простыми 8, подъ десятками 1.

23 и 45. Положи 2 десятка, и 3 простыхъ. Къ десяткамъ приложи 4. Сочти и запиши подъ десятками 6. Къ простымъ приложи 5; сочти и запиши подъ простыми 8.

1284+5413=

8 и 6.

Положи 8 простыхъ и прикладывай 6 по одной.

Двѣ приложишь, — будетъ всего десять, а 4-хъ не достанетъ.

Скинь назадъ десять простыхъ, а на мѣсто ихъ положи одинъ десятокъ.

Положи въ простыхъ 4. Вышло 14.

ТАБЛИЦА АРАБСКИХЪ ЧИСЕЛЪ ДО МИЛЛІОНА.

5624328 можно выговаривать: пять милліоновъ, шестьсотъ двадцать четыре тысячи, триста двадцать восемь простыхъ

56,24328 можно еще выговаривать: пятьдесятъ шесть сотенъ тысячъ, и двадцать четыре тысячи триста двадцать восемь простыхъ.

562,4328 можно еще выговавивать: пятьсотъ шестьдесятъ два десятка тысячъ, и четыре тысячи триста двадцать восемь простыхъ.

5624,328 можно еще выговаривать: пять тысячъ, шестьсотъ двадцать четыре тысячи, и триста двадцать восемь простыхъ.

56243,28 можно еще выговаривать: пятьдесятъ шесть тысячъ двѣсти сорокъ три сотни, и двадцать восемь простыхъ.

562432,8 можно еще выговаривать: пятьсотъ шестьдесятъ двѣ тысячи четыреста тридцать два десятка, и восемь простыхъ.

1382516 можно выговаривать: одинъ милліонъ, и триста восемьдесятъ двѣ тысячи, пятьсотъ шестьнадцать. Еще 13,82516 можно выговаривать: тринадцать сотенъ тысячъ, и восемьдесятъ двѣ тысячи пятьсотъ шестнадцать. Еще 138,2516 можно выговаривать: сто тридцать восемь десятковъ тысячъ, и двѣ тысячи пятьсотъ шестьнадцать. Еще 1382,516 можно выговаривать: тысяча триста восемьдесятъ двѣ тысячи, и пятьсотъ шестнадцать. Еще 13825,16 можно выговаривать: тринадцать тысячъ восемьсотъ двадцать пять сотенъ, и шестнадцать простыхъ. Еще 138251,6 можно выговаривать: сто тридцать восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ одинъ десятокъ, и шесть простыхъ.

———

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Уменье читать и писать состоитъ изъ

1) Умѣнья отличать одну букву отъ другой и изображать буквы,

2) Умѣнья соединять буквы въ слоги и разлагать слоги на буквы,

3) Умѣнья соединять слоги въ слова и разлагать слова на слоги и

4) Умѣнья въ словахъ правильно произносить и писать тѣ буквы, которыя пишутся не такъ, какъ произносятся.

I.

Для изученія буквъ есть много различныхъ способовъ, — и всѣ они хороши, если ученикъ не скучаетъ. Для одного ученика, и въ особенности для ребенка въ семьѣ, общеупотребительный способъ картинокъ предметовъ, начинающихся по буквамъ, — есть самый лучшій, только картинки должны быть такія, чтобы ученикъ безошибочно называлъ предметъ именемъ, начинающимся съ требуемой буквы. Для

школы же лучшій и простѣйшій способъ слѣдующій.

Пишите мѣломъ на доскѣ или вѣшайте на стѣнѣ изображенія буквъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ, такія, въ которыхъ была бы удержана только сущность фигуры каждой

буквы; называйте буквы а потомъ спрашивайте. Не стирайте и не снимайте буквъ, а постарайтесь найти мѣсто, чтобы всѣ буквы вмѣстѣ были видны ученику: это облегчаетъ запоминаніе. Называйте согласныя буквы всѣ безъ исключенія — ихъ звукомъ съ присоединеніемъ гласной е, т. е. бе, ве, ге, де, и т. д. И м называйте не эмъ, а ме; р не эръ, а ре; ф не эфъ, а фе, и т. д.

Гласную ё называйте ьо; ы называйте толстымъ и; э называйте э; е и ѣ одинаково называйте ъе; ъ называйте еръ; ь — ерь; й называйте ій.

Послѣ того, какъ ученики стали узнавать изображенія буквъ и называть ихъ, заставляйте ихъ писать буквы. При писаньи не требуйте правильности въ изображеніи, а заботьтесь только о томъ, чтобы ученикъ выражалъ смыслъ сочетанія линій между собою, такъ чтобы видно было отличіе одной буквы отъ другой.

Въ особенности избѣгайте требованія правильности изображенія зависящей отъ руки, а не отъ головы ребенка.

Памятливый ученикъ выучитъ этимъ способомъ всѣ буквы въ одинъ урокъ.

II.

Умѣнье складывать состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ научился понимать значеніе согласнаго звука безъ присоединенія какой-нибудь опредѣленной гласной, и могъ бы соединять его со всякою гласною. Для этой цѣли по старинному способу буквы назывались буки, вѣди, глаголь, и при складахъ ученика научали, откидывать ненужные уки, ѣди, лаголь и т. д.

По новому способу буквы называютъ: бъ, въ, гъ, и т. д., и при складахъ научаютъ прямо соединять согласный звукъ съ гласнымъ, предполагая, что бъ есть только согласный звукъ. Но ученикъ точно также долженъ откидывать

полугласную ъ, оканчивающую каждую букву; ибо предположеніе, что бъ есть одинъ согласный звукъ — не вѣрно. По нѣмецки еще можно

предположить, что f есть отдѣльный согласный звукъ; по по-русски ф долженъ быть или фъ, или фь. Такъ что этимъ способомъ, ничего не выигрывая при складахъ и только путая ученика, — очень много теряютъ при заучиваніи буквъ, ибо произношеніе гъ, къ, и т. п. — почти невозможно.

Простѣйшій способъ заучиванія слѣдующій: заставьте ученика на слухъ, безъ книги складывать слоги оканчивающіеся гласною; говорите: бе, ре, а — бра; де, ре, у — дру; же, не, и, — жни; б, а, — ба; з, а — за; с-т-р-у — стру; в-с-т-р-е — встре, и т. д., и заставляйте его повторять за собою.

Ученикъ очень скоро привыкнетъ на слухъ откидывать ненужную гласную е.

Большое количество согласныхъ въ одномъ слогѣ — встре, и т. п., нисколько не затрудняетъ при этомъ ученика.

Почти всякій ученикъ, послѣ десяти такихъ повторенныхъ за учителемъ на слухъ складовъ, уже самъ начинаетъ складывать. Вы говорите ему пе, ре, о, — и онъ прямо отвѣчаетъ про, и т. д.

Когда ученикъ усвоитъ себѣ вполнѣ пріемъ откидыванія на слухъ ненужной гласной е, дѣлайте съ нимъ обратное, тоже на слухъ, т. е. говорите: бра — бе, ре, а; дру — де, ре, у; — и ученикъ также скоро усвоитъ себѣ пріемъ на слухъ разлаганія слоговъ и прибавленія гласной е къ согласнымъ звукамъ.

Тогда заставьте ученика читать и складывать тоже самое по книгѣ или доскѣ, и точно также раскладывать и писать.

Наибольшая трудность при складываніи будетъ встрѣчаться при складахъ на е, ѣ и я. При складахъ на е и ѣ трудность

будетъ состоять въ томъ, что тутъ (напр. бе, е — бе) е дано ученику два раза, и онъ будетъ затрудняться въ откидываніи ненужнаго е болѣе, чѣмъ всякой другой гласной. Другая трудность будетъ состоять въ томъ, что такъ какъ е, ѣ, ю и я выговариваются какъ ье, ьѣ, ью и ья въ началѣ слова, — то ученикъ будетъ складывать иногда бе, е, — бье; бе, ю — бью, бе, я, — бья; и потому нужно на слоги бя, бе, бѣ, бю — обратить особое вниманіе.

Когда ученикъ вполнѣ овладѣетъ складами кончающимися на гласную, — заставьте его точно также повторять за собою склады, кончающіеся на полугласныя ъ, ь, и й, такъ: те, еръ — тъ, — почти какъ ты, — те, ерь — ть, — почти какъ ти; бе, а, ій — бай; рой, дай, лай, и т. д.

Потомъ заставьте разлагать эти слоги на буквы, такъ: тъ — те, еръ; ть — те, ерь; бай — бе, а, ій; и т. д.

Потомъ заставьте его читать эти склады и писать ихъ.

III.

Умѣнье соединять слоги въ слова состоитъ въ томъ, чтобы, прочтя одинъ слогъ, ученикъ, не забывая этого слога, прочелъ-бы второй и присоединилъ бы его къ первому. Обыкновенно ученикъ напрягаетъ такъ сильно свое вниманіе на разобраніе одного слога, что разобравъ второй, онъ забываетъ первый. Сложивъ въ словѣ баня слогъ ба, онъ, складывая и читая ня, — забываетъ ба, и, повторяя два раза первый слогъ или второй (особенно, если слоги эти похожи), говоритъ няня или баба.

Выберите такія двусложныя слова, чтобы слоги ихъ наименѣе были между собою похожи, такъ какъ сходство слоговъ сбиваетъ учениковъ, и, говоря ученику буквы складовъ, заставляйте его на слухъ, безъ книги складывать, и, говоря ему склады, заставляйте его раскладывать ихъ

на буквы. Напр. вы говорите: к, р, ы, — онъ произноситъ: кры. Вы говорите: «помни кры», и говорите дальше: с, а, — онъ произноситъ: са. Вы спрашиваете: «что̀ вмѣстѣ?» — «крыса».

И обратно. Вы спрашиваете: «какъ разложить крыса, сначала на слоги, и потомъ каждый слогъ на буквы?» И онъ отвѣчаетъ: к, р, ы, и с, а. Рѣдко ученикъ скажетъ сразу — к-р-ы-с-а; большею частью, когда вы спросите: «какъ сложить крыса?» онъ скажетъ: к, а, или что-нибудь подобное. Произнесеннное имъ слово кажется ему такъ коротко, что онъ не можетъ вообразить, что нужно пять буквъ для его изображенія.

Прежде чѣмъ разлагать слова на буквы, нужно пріучить учениковъ произносить ихъ медленно, разлагая на слоги.

Такимъ образомъ пройдите постепенно поставленныя по порядку трудности 13 №№ упражненій третьяго отдѣла (III, стр. 18), и когда ученикъ вполнѣ усвоитъ себѣ этотъ пріемъ соединенія и разложенія словъ на слухъ, заставьте его дѣлать тоже самое по книгѣ и на доскѣ, т. е. при чтеніи и письмѣ.

Объ удареніи ненужно и нельзя говорить ученику, такъ какъ нельзя указать правилъ для ударенія. Надо заботиться только о томъ, чтобы слова были понятны для ученика. Въ понимаемомъ словѣ ученикъ найдетъ мѣсто ударенію также хорошо, какъ и учитель.

Послѣ этого ученикъ пусть читаетъ изреченія третьяго отдѣла (стр. 18—30), всѣ выговариваемыя, какъ они пишутся, и пусть пишетъ подъ

диктовку.

Диктовать надо ученику такія слова, которыя-бы писались такъ, какъ они выговариваются. Въ упражненія вставлены неизвѣстныя еще ученику буквы обыкновеннаго и скорописнаго шрифта.

Умѣнье соединять слоги въ слова и разлагать слова на слоги пріобрѣтается медленнѣе другихъ умѣній.

IV.

Умѣнье правильно произносить и писать буквы состоитъ въ знаніи нѣкоторыхъ особенностей произношенія и въ знаніи измѣненій въ произношеніи того-же слова, зависящихъ отъ различныхъ грамматическихъ формъ и отъ принятато говора.

Главнѣйшія изъ этихъ измѣненій слѣдующія:

1) о въ а, 2) б въ п, 3) в въ ф, 4) з въ с, 5) г въ х, 6) г въ к, 7) ч въ ш, 8) д въ т, 9) я въ е, 10) ж въ ш, 11) тся и ться въ ца, 12) к въ х, 13) г въ в, 14) а въ о, 15) с въ з, 16) и въ ы, 17) ій въ ой, 18) а въ е, 19) ый въ ой, 20) ій въ ей.

Ученикъ еще прочтетъ иногда правильно (если угадаетъ удареніе) слово, пишущееся не такъ, какъ выговаривается; но всякій ученикъ напишетъ: мнѣ хочеца, малако, а не «хочется», «молоко»; и потому надобно обратить его вниманіе на различіе письма и произношенія. Заставляйте ученика читать упражненія четвертаго отдѣла (IV, стр. 31—59), выговаривая верхнюю букву; обращайте его вниманіе на то, какъ слово пишется и какъ выговаривается и какъ не должно писаться; и тамъ, гдѣ это возможно въ примѣрахъ, — на причину, почему слово такъ пишется.

Одновременно съ этими упражненіями заставляйте ученика писать изъ головы самыя простыя изреченія, — лучше всего тѣ самыя, которыя онъ только что сказалъ, не думая о нихъ; — или пусть пишетъ подъ диктовку другихъ учениковъ, но отнюдь не по книгѣ.

При письмѣ не надо стѣснять ученика требованіемъ правильности; пускай его пишетъ «малако», «фсатъ» вмѣсто «молоко», «въ садъ», и т. д. Поправляйте его уже тогда, когда онъ кончилъ писать. Писать

могутъ ученики и печатными и скорописными буквами, или и тѣми и другими вмѣстѣ, если они еще не выучились писать скорописными.

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Вторая часть состоитъ изъ статей для русскаго чтенія и имѣетъ двоякую цѣль: 1) Упражненіе учениковъ въ разсказѣ и сочиненіяхъ. 2) Упражненія грамматическія.

Заставляя учениковъ разсказывать басни, нужно стараться, чтобы ученики передавали не только самое содержаніе басни, но и тотъ общій выводъ, который по ихъ понятіямъ вытекаетъ изъ басни.

Заставляя разсказывать статьи втораго отдѣла (II, стр. 72—90), нужно стараться, чтобы ученики передавали подробности разсказа.

Описанія должны служить ученикамъ образцами для сочиненій.

По прочтеніи сказокъ требуйте отъ ученика преимущественно связнаго изложенія хода дѣла.

Въ третьемъ отдѣлѣ (III, стр. 91—98) обращайте вниманіе ученика на тѣ свѣденія, которыя передаются въ статьяхъ этого отдѣла. Большая часть статей этого отдѣла назначена преимущественно для вызова учениковъ на вопросы по различнымъ отраслямъ знанія. Отвѣты зависятъ отъ знанія и умѣнія учителя.

Въ четвертомъ отдѣлѣ (IV, стр. 99—101) обращайте вниманіе на ударенія. Если ученикъ не можетъ самъ усвоить правильнаго ударенія, то прочтите сами нѣсколько стиховъ.

Статьи второй части составлены такъ, что всякій ученикъ можетъ все понять въ нихъ; но для этого онъ долженъ правильно прочесть и произнести каждое слово, и кромѣ того обратить вниманіе на знаки припинанія.

Поэтому не торопитесь чтеніемъ, а заставьте ученика по нѣскольку разъ прочитывать и разсказывать прочитанное. Кромѣ разсказа, для того, чтобы убѣдиться, что ученикъ понялъ смыслъ прочитаннаго, надо вызывать ученика на

свои замѣчанія о томъ, что прочитано. Но не надо вызывать на это ученика вопросами о значеніи каждаго прочитаннаго слова. Лучше самому прочесть и объяснить ученику смыслъ прочитаннаго, чѣмъ скучными вопросами возбуждать въ немъ на первыхъ шагахъ отвращеніе къ чтенію.

При прохожденіи каждаго отдѣла необходимо одновременно съ чтеніемъ упражнять ученика въ писаніи сочиненій изъ головы на заданную тему (лучше всего задавать описанія занимательныхъ событій, которыхъ ученикъ былъ свидѣтелемъ) и въ передачѣ письменно того, что̀ прочелъ. Передача на письмѣ того, что онъ прочелъ въ азбукѣ, удобна для того, чтобы закрѣпить въ памяти ученика правописаніе словъ: буква ѣ въ корняхъ словъ напечатана особеннымъ шрифтомъ, чтобы легче запоминалась.

———

Упражненія грамматическія подраздѣляются на 3 слѣдующіе отдѣла:

1) Упражненія въ произношеніи

(I, стр. 60—71).

На всѣ буквы, поставленныя курсивомъ, надо обратить вниманіе ученика, сначала объяснить ему, почему слово пишется не такъ какъ произносится; напримѣръ: галупка пишется «голубка», потому что мы говоримъ «голуби», а не «галупи»; а потомъ требовать и отъ него указаній на то, почему слово пишется не такъ, какъ произносится.

2) Упражненія въ знакахъ препинанія

(II, стр. 72—90).

Знаніе знаковъ препинанія также необходимо для чтенія, какъ и знаніе буквъ.

Объясненіе значенія знаковъ возможно и необходимо при самомъ первоначальномъ обученіи.

Покажите сначала только точку, и дайте на точку упражненія въ письмѣ, въ чтеніи и разсказѣ.

Когда ученикъ говоритъ, — покажите ему, что онъ останавливается тамъ, гдѣ должна стоять точка.

Когда онъ узнаетъ точку, объясните ему другіе знаки въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ упражненіяхъ этого отдѣла:

. : ; , „ “ ( ) ! ?

3)Упражнения въ предлогахъ

(III, стр. 91–98).

Одну изъ главныхъ трудностей для правильнаго чтенія и писанія на русскомъ языкѣ составляютъ предлоги.

Всякій ученикъ при чтеніи проглатываетъ короткіе предлоги, какъ о, у, съ, къ, въ, и отъ этого теряетъ смыслъ читаемаго; а при писаніи — соединяетъ предлоги съ тѣми словами, какія стоятъ послѣ.

Пройдите съ ученикомъ упражненія въ предлогахъ, обращая его вниманіе на то, что коротенькія слова — о, въ, къ, и т. п. — такія же особенныя слова, какъ и самыя длинныя.

Большею частью, понявъ, что бываютъ коротенькія, особенныя слова: въ, къ, — ученикъ начинаетъ при писаніи дѣлать обратную ошибку, т. е. отставляетъ предлоги отъ глаголовъ и нарѣчій: на—питься, и даже съ—нѣгъ, и т. п.

Для избѣжанія этихъ ошибокъ нужно обратить вниманіе ученика на то, что отъ примѣненія того или другаго предлога — различно измѣняются послѣдующія слова. Для этой цѣли нужно дать ученику много примѣровъ на каждый изъ употребительнѣйшихъ предлоговъ, и главное — заставить его самого составлять изреченія на заданные предлоги. Напримѣръ: скажи мнѣ что нибудь, гдѣ бы было слово на, или къ, или съ, и т. п.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

На первыхъ страницахъ славянскаго отдѣла вставлены всѣ славянскія буквы, такъ что ученику не нужно учить славянскую азбуку — онъ прямо начнетъ читать, пройдя всѣ буквы. Заставляйте ученика читать лѣтопись прямо по-славянски. Пускай онъ пытается понимать Въ выноскахъ поставлены непонятные слова и обороты въ переводѣ. Справляясь самъ въ выноскахъ ученикъ будетъ запоминать и тѣ и другіе.

Въ выноскахъ поставлены примѣры грамматическихъ формъ. Заставляйте ученика склонять и спрягать, по-русски и по-славянски, вынесенныя

слова, — не упоминая ни о частяхъ рѣчи, ни о падежахъ, ни о лицахъ, временахъ и числахъ, а только заставляя видоизмѣнять слова.

Указанія на главнѣйшія грамматическія формы сдѣланы въ выноскахъ не столько для изученія славянской, сколько русской грамматики. Только послѣ сличенія на двухъ языкахъ большаго количества существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоимѣній въ различныхъ падежахъ и числахъ, и глаголовъ въ различныхъ лицахъ, числахъ и временахъ, должно назвать части рѣчи по ихъ имени и объяснить ихъ значеніе. Лѣтопись и житія переведены по возможности подстрочно. Въ случаѣ непониманія ученикъ пусть находитъ въ переводѣ, на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, непонимаемое имъ слово или выраженіе; но пусть читаетъ сперва по-славянски. Священное писаніе переведено не подстрочно и потому ученикъ пусть читаетъ сперва по-русски, а потомъ по-славянски.

Чтобы облегчить ученикамъ сравненіе текста съ переводомъ, можно объяснить имъ нѣкоторыя самыя простыя правила, по которымъ переводъ отступаетъ отъ текста; напр.

1) По-славянски (мы здѣсь соединяемъ подъ общимъ именемъ церковно-славянскій и древне-русскій языки) бываютъ

обороты, которыхъ вовсе нѣтъ по русски Таковъ дательный самостоятельный; всего удобнѣе онъ переводится съ частицею когда. Умножившимся человѣкомъ — когда умножились люди (стр. 106); Ондрею учащу — когда Андрей училъ (стр. 109); пришедшю ему — когда онъ пришелъ (стр. 110) и проч.

2) Одно слово по-славянски переводится двумя по-русски. Такъ въ русскомъ къ глаголамъ часто прибавляются личныя мѣстоимѣнія, — я, ты, онъ, мы, вы, они, и слова ихъ замѣняющія, — тотъ, кто, и т. п., которыя по-славянски рѣже употребляются, такъ какъ лицо указывается самою формою глагола. Помыслиша — задумали они (стр. 106); и есть въ высоту — и онъ (есть) въ высоту (стр. 107); иде — пошелъ онъ (стр. 111.)

3) Два слова по-славянски переводятся однимъ по-русски. Сѣли суть — сѣли (стр. 108); иматъ быти — будетъ (стр. 110).

4) Одно и тоже слово не одно значитъ въ томъ и другомъ языкѣ. Да значитъ а, такъ (кромѣ значенія пусть, чтобы). Но не обозначаетъ всегда противоположенія, какъ по-русски, а только переходъ къ другому предмету, и переводится а, и. Частица же иногда переводится же, иногда а, и.

5) Разстановка словъ бываетъ разная. Же, когда переводится же, ставится позади, какъ и по-славянски; а когда переводится а, и, то эти частицы ставятся впереди. Бо по-славянски ставится позади, а

потому что по-русски впереди.

6) Частица и употребляется по-славянски тамъ, гдѣ ея нельзя ставить по-русски. Вставъ, и рече — вставши, сказалъ (стр. 110). Егда стояше, и забы — когда стоялъ, забылъ (стр. 119).

По прочтеніи статей славянскаго отдѣла заставляйте ученика разсказывать прочитанное.

КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Десятичное счисленіе заключаетъ въ себѣ всю ариѳметику. Тотъ, кто умѣетъ считать впередъ и назадъ до ста, тотъ въ головѣ дѣлаетъ и сложеніе, и вычитаніе, и умноженіе, и дѣленіе, и возвышеніе въ степень, и извлеченіе корней. Тотъ, кто хорошо пойметъ счисленіе, тотъ легко пойметъ всю ариѳметику; и потому надо учить счисленію осторожно, не торопясь, не позволяя ученику ничего заучивать наизусть, а объясняя каждое дѣйствіе.

Покажите ученику славянскія буквы, потомъ семь знаковъ римскаго счисленія — M, D, C, L, X, V, I, и десять знаковъ арабскаго счисленія, и заставляйте его читать таблицу и класть на счетахъ до ста впередъ и назадъ

Когда онъ запомнитъ знаки цифръ, заставляйте его читать по славянскому счисленію, писать по римскому (безъ сокращенія), класть на счетахъ и подписывать арабскими цифрами. (Подъ счёты надо подложить разграфленный листъ бумаги, такъ чтобы графа приходилась на каждый разрядъ счетовъ).

Обращайте вниманіе ученика въ римскомъ счисленіи на образованіе пятковъ, десятковъ, полсотенъ и сотенъ, въ арабскомъ на различные способы класть на счетахъ и писать числа, кончающіяся нулемъ.

Пройдя таблицу до ста и обратно, заставьте ученика подъ диктовку писать числа по-римски, класть на счетахъ и подписывать по-арабски, и заставляйте читать числа, написанныя по разнымъ счисленіямъ.

Не требуйте отъ ученика, чтобы онъ называлъ цифры правильно, то есть 40 — сорокъ, 90 — девяносто, 113 — сто тринадцать, а пускай называетъ: 4 десятка; 9 десятковъ; одна сотня, 1 десятокъ и 3 простыхъ; и диктуя, если онъ не понимаетъ васъ, говорите ему такъ

же.

Потомъ пройдите таблицу до 1000 и точно также заставьте читать и писать цифры по двумъ счисленіямъ и класть на счётахъ.

Потомъ заставьте ученика выговаривать числа правильно. Обратите вниманіе на числа 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, на 40, на 90, на 200, 300. Эти числа при выговариваніи обыкновенно путаютъ ученика.

Покажите счетъ славянскими буквами для того только, чтобы ученикъ понялъ преимущество римскаго и арабскаго счисленія.

Заставляйте ученика считать, т. е. складывать римскими цифрами (безъ сокращенія).

Римское счисленіе, самое понятное и простое, имѣетъ еще то преимущество, что оно пріучаетъ ученика разбивать десятокъ на два пятка, чтò ему потомъ много облегчитъ счетъ; поэтому какъ можно больше заставляйте ученика считать по-римски. Прибавьте отъ себя сотни примѣровъ. Все потраченное на это время вознаградится сторицею.

Сокращеннымъ римскимъ счисленіемъ не нужно считать, если ученикъ не очень способенъ, а нужно только показать его.

Прежде чѣмъ приступить къ арабскому счисленію на бумагѣ и на счётахъ, пройдите нѣсколько разъ упражненія въ различномъ изображеніи чиселъ съ нулями, изображая звѣздочкой десятки (напримѣръ 1000 — одна тысяча, — или 10 сотенъ, — или 9 сотенъ и 10 десятковъ; 1000=∗00=9∗0=99∗), и упражненія въ различныхъ способахъ наименованія чиселъ, напримѣръ 5673=56 сотнямъ и 73 простымъ=567 десяткамъ и 3 простымъ. Чѣмъ лучше пойметъ это ученикъ, чѣмъ тверже онъ будетъ въ этомъ, тѣмъ несравненно легче будетъ для него все дальнѣйшее.

Считать арабскими цифрами заставляйте одновременно съ счетами.

Не торопитесь показывать сложенія одними арабскими цифрами.

Общія замѣчанія для учителя.

Для того, чтобы ученикъ учился хорошо, нужно, чтобы онъ учился охотно; для того, чтобы онъ учился охотно, нужно:

1) Чтобы то, чему учатъ ученика, было понятно и занимательно, и 2) чтобы душевныя силы его были въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Чтобы ученику было понятно и занимательно то, чему его учатъ, избѣгайте двухъ крайностей: не говорите ученику о томъ, чего онъ не можетъ знать и понять, и не говорите о томъ, что̀ онъ знаетъ не хуже, а иногда и лучше учителя. Для того, чтобы не говорить того, чего ученикъ не можетъ понять, избѣгайте всякихъ опредѣленій, подраздѣленій и общихъ правилъ. Всѣ учебники состоятъ только изъ опредѣленій, подраздѣленій и правилъ, а ихъ-то именно и нельзя сообщать ученику.

Избѣгайте грамматическихъ и синтаксическихъ опредѣленій и подраздѣленій частей и формъ рѣчи и общихъ правилъ. А заставляйте ученика видоизмѣнять формы словъ, не называя этихъ формъ, и главное — больше читать, понимая то, что̀ онъ читаетъ, и больше писать изъ головы; и поправляйте его не на томъ основаніи, что то или другое противно правилу, опредѣленію, или подраздѣленію, а на томъ основаніи, что непонятно, нескладно и неясно.

По естественнымъ наукамъ избѣгайте классификацій, предположеній о развитіи организмовъ, объясненій строенія ихъ, а давайте ученику какъ можно болѣе самыхъ подробныхъ свѣдѣній о жизни различныхъ животныхъ и растеній.

По исторіи и географіи избѣгайте общихъ обзоровъ земель и историческихъ событій, и подраздѣленій тѣхъ и другихъ. Ученику не могутъ быть занимательны историческіе и географическіе обзоры тогда, когда онъ не вѣритъ еще хорошенько въ существованіе чего-нибудь за видимымъ горизонтомъ, а о государствѣ, власти, войнѣ и законѣ, составляющихъ предметъ исторіи, не можетъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія. Для того, чтобы онъ повѣрилъ въ географію и исторію, давайте ему географическія и историческія впечатлѣнія. Разсказывайте ученику съ величайшей подробностью про тѣ страны, которыя вы знаете, и про тѣ события историческія, которыя вамъ хорошо извѣстны

По космографіи избѣгайте сообщенія ученику объясненія (столь любимаго въ педагогіи) солнечной системы и вращенія и обращенія земли. Для ученика, ничего не знающаго о видимомъ движеніи небеснаго свода, солнца, луны, планетъ, о затмѣніяхъ, о наблюденіяхъ тѣхъ же явленій съ различныхъ точекъ земли, толкованіе о томъ, что земля вертится и бѣгаетъ, не есть развязка вопроса и объясненіе, а есть безъ всякой необходимости навязываемая безсмыслица. Ученикъ, полагающій, что земля стоитъ на водѣ и рыбахъ, судитъ гораздо

здравѣе, чѣмъ тотъ, который вѣритъ, что земля вертится, и не умѣетъ этого понять и объяснить. Сообщайте какъ можно больше свѣдѣній о видимыхъ явленіяхъ неба, о путешествіяхъ, и давайте ученику только такія объясненія, которыя онъ самъ можетъ провѣрить на видимыхъ явленіяхъ

По ариѳметикѣ избѣгайте сообщенія опредѣленій и общихъ правилъ, упрощающихъ счетъ. Ни на чемъ такъ не замѣтенъ вредъ сообщенія общихъ правилъ, какъ на математикѣ. Чѣмъ короче тотъ путь, посредствомъ котораго вы научите ученика дѣлать дѣйствіе, тѣмъ хуже онъ будетъ понимать и знать дѣйствіе.

Самое короткое счисленіе есть десятичное — оно и самое трудное. Самый короткій пріемъ сложенія — начинать съ меньшихъ разрядовъ и приписывать одну изъ полученныхъ цифръ къ слѣдующему разряду — есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самый непонятный пріемъ; нѣтъ ничего легче, какъ научить ученика при вычитаніи считать за 9 всякій 0, черезъ который онъ перескочитъ занимая, или научить приведенію къ одному знаменателю посредствомъ помноженія крестъ на крестъ, или дѣленію дробей крестъ на крестъ; но ученикъ, выучившій эти правила, уже долго не пойметъ, почему это такъ дѣлается.

Избѣгайте всѣхъ ариѳметическихъ опредѣленій и правилъ, а заставляйте производить какъ можно больше дѣйствій, и поправляйте не потому, что сдѣлано не по правилу, а потому, что сдѣланное не имѣетъ смысла.

Избѣгайте весьма любимаго (особенно въ иностранныхъ книгахъ для школъ) сообщенія необычайныхъ результатовъ, до которыхъ дошла наука — въ родѣ того: сколько вѣситъ земля, солнце; изъ какихъ тѣлъ состоитъ солнце; какъ изъ ячеекъ строится дерево и человѣкъ, и какія необыкновенныя машины выдумали люди. Не говоря уже о томъ, что, сообщая такія свѣдѣнія, учитель внушаетъ ученику мысль, что наука можетъ открыть человѣку много тайнъ, — въ чемъ умному ученику слишкомъ скоро придется разочароваться, — не говоря объ этомъ, — голые результаты вредно дѣйствуютъ на ученика и пріучаютъ его вѣрить на слово.

Избѣгайте непонятныхъ русскихъ словъ, словъ, не соотвѣтствующихъ понятію, или имѣющихъ два значенія, — и особенно иностранныхъ. Старайтесь замѣнять ихъ словами, хотя и длиннѣйшими, хотя даже и не столь точными, но такими, которыя въ умѣ ученика возбуждали бы соотвѣтствующія понятія.

Вообще избѣгайте такихъ оборотовъ: это такъ-то называется,

это такъ-то; а старайтесь называть каждую вещь какъ ей слѣдуетъ

называться.

Вообще давайте ученику какъ можно больше свѣдѣній и вызывайте его на наибольшее число наблюденій по всѣмъ отраслямъ знанія; но какъ можно меньше сообщайте ему общихъ выводовъ, опредѣленій, подраздѣленій, и всякой терминологіи.

Сообщайте опредѣленіе, подраздѣленіе, правило, названіе — только тогда, когда ученикъ имѣетъ столько свѣдѣній, что самъ въ состояніи провѣрить общій выводъ, — когда общій выводъ не затрудняетъ, а облегчаетъ его.

Другая причина, по которой урокъ бываетъ непонятенъ и незанимателенъ, заключается въ томъ, что учитель объясняетъ слишкомъ длинно и сложно то, чтò давно уже понялъ ученикъ. Ученику такъ просто, чтò ему сказали, что онъ ищетъ особеннаго, другаго значенія, и понимаетъ ошибочно, или ужъ вовсе не понимаетъ.

Такого рода толкованія очень обыкновенны, въ особенности, когда предметы уроковъ взяты изъ жизни. Напримѣръ, когда учитель начнетъ толковать ученику: чтò такое столъ, или какое животное лошадь, или чѣмъ отличается книга отъ руки, или: одно перо и одно перо — сколько будетъ перьевъ?

Вообще: толкуйте ученику то, чего онъ не знаетъ, и то, чтò вамъ самимъ было бы занимательно узнать, если бы вы не знали.

При соблюденіи всѣхъ этихъ правилъ, часто случится, что ученикъ все-таки не будетъ понимать. На это будутъ двѣ причины. Или ученикъ уже думалъ о томъ предметѣ, о которомъ вы толкуете, и объяснилъ его себѣ по-своему. Тогда старайтесь вызвать ученика на объясненіе его взгляда, и если онъ не вѣренъ — опровергните его, а если вѣренъ — то покажите ему, что вы и онъ видите предметъ одинаково, но съ различныхъ сторонъ.

Или-же ученикъ не понимаетъ отъ того, что ему еще не пришло время. Это особенно замѣтно въ ариѳметикѣ. То, надъ чѣмъ вы тщетно бились по цѣлымъ часомъ, становится вдругъ ясно въ минуту черезъ нѣсколько времени. Никогда не торопитесь, переждите, возвращайтесь къ тѣмъ же толкованіямъ.

Для того, чтобы душевныя силы ученика были въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ, нужно:

1) Чтобы не было новыхъ, непривычныхъ предметовъ и лицъ тамъ, гдѣ онъ учится.

2) Чтобы ученикъ не стыдился учителя или товарищей.

3) (Очень важное.) Чтобы ученикъ не боялся наказанія за дурное

ученіе т. е. за непониманіе. Умъ человѣка можетъ дѣйствовать только тогда, когда онъ не подавляется внѣшними вліяніями.

4) Чтобъ умъ не утомлялся. Опредѣлить число часовъ или минутъ, послѣ котораго умъ ученика утомляется, — невозможно ни для какого возраста. Но для внимательнаго учителя всегда есть вѣрные признаки утомленія. Какъ скоро умъ утомленъ, заставьте ученика дѣлать физическое движеніе. Лучше ошибиться и отпустить ученика, когда онъ еще не утомленъ, чѣмъ ошибиться въ обратномъ смыслѣ и задержать ученика, когда онъ утомленъ. Тупикъ, столбнякъ, упрямство — происходятъ только отъ этого.

5) Чтобы урокъ былъ соразмѣренъ силамъ ученика, не слишкомъ легокъ, не слишкомъ труденъ.

Если урокъ будетъ слишкомъ труденъ, ученикъ потеряетъ надежду исполнить заданное, займется другимъ и не будетъ дѣлать никакихъ усилій; если урокъ слишкомъ легокъ, будетъ тоже самое. Нужно стараться, чтобы все вниманіе ученика могло быть поглощено заданнымъ урокомъ. Для этого давайте ученику такую работу, чтобъ каждый урокъ чувствовался ему шагомъ впередъ въ ученіи.

——

Чѣмъ легче учителю учить, тѣмъ труднѣе ученикамъ учиться. Чѣмъ труднѣе учителю, тѣмъ легче ученику. Чѣмъ больше будетъ учитель самъ учиться, обдумывать каждый урокъ и соразмѣрять съ силами ученика, чѣмъ больше будетъ слѣдить за ходомъ мысли ученика, чѣмъ больше вызывать на отвѣты и вопросы, тѣмъ легче будетъ учиться ученикъ.

Чѣмъ больше будетъ ученикъ предоставленъ самому себѣ и занятіямъ, не требующимъ вниманія учителя: переписыванію, диктованію, чтенію вслухъ безъ пониманія, заучиванію стиховъ, — тѣмъ труднѣе будетъ ученику.

Но если учитель положитъ и всѣ силы на свое дѣло, то все-таки онъ не только со многими учениками, но и съ однимъ ученикомъ будетъ постоянно чувствовать, что онъ далеко не исполняетъ того, что нужно.

Для того чтобы, не смотря на это всегдашнее недовольство собой, имѣть сознаніе приносимой пользы, нужно имѣть одно качество. Это же качество восполняетъ и всякое искусство учительское и всякое приготовленіе, ибо съ этимъ качествомъ учитель легко пріобрѣтетъ недостающее знаніе.

Если учитель во время трехъ-часоваго урока не чувствовалъ ни минуты скуки, — онъ имѣетъ это качество.

Качество это есть любовь. Если учитель имѣетъ только любовь къ дѣлу,

— онъ будетъ хорошій учитель. Если учитель имѣетъ только любовь къ ученику, какъ отецъ, мать, — онъ будетъ лучше того учителя, который прочелъ всѣ книги, но не имѣетъ любви ни къ дѣлу, ни къ ученикамъ.

Если учитель соединяетъ въ себѣ любовь къ дѣлу и къ ученикам, онъ — совершенный учитель.

———

ОПЕЧАТКИ.

Стр.

Строк.

Напеч.

Читай.

142

1 и 2 снизу.

Пять и одинъ

Пять безъ одного

143

3 сн.

Девять

Десять

165

6 сверху

6018

6012

——

На стр. 163 въ первыхъ счетахъ нижняго ряда положено 6 костей простыхъ, — нужно 4.

——

Двѣ точки надъ буквою ё пропущены въ словахъ:

Стр. 19 строка 1 св. веселый, пестрый, Алеша.

— 24 —

9

св.

далеко

— 24 —

14

св.

ушелъ

— 35 —

9

св.

идетъ

— 36 —

1

св.

слезки

———

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА II.

С.–ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. Замысловскаго, Больш. МѢщан., д. № 33.

1872

ОГЛАВЛЕНІЕ II–ОЙ КНИГИ

———

Часть первая.

Стран.

I.

Оселъ въ львиной шкурѣ (басня Езопа)

1

Курица и ласточка (Езопъ)

1

Олень и ланчукъ (Езопъ)

1

Лисица и виноградъ (Езопъ)

2

Работницы и пѣтухъ (Езопъ)

2

Рыбакъ и рыбка (Езопъ)

2

Лисица и козелъ (Езопъ)

2

Собака и ея тѣнь (Езопъ)

3

Журавль и аистъ (Езопъ)

3

Садовникъ и сыновья (Езопъ)

3

Волкъ и журавль (Езопъ)

4

Утка и мѣсяцъ (индѣйская басня)
4

Волкъ въ пыли (индѣйск.)
4

Мышь подъ амбаромъ (индѣйск.)
5

Зайцы и лягушки (Езопъ)
5

Три калача и одна баранка (индѣйск.)
6

Двѣ лошади
6

Отецъ и сыновья (Езопъ)
6

Самыя лучшія груши (индѣйск.)
7

Теленокъ на льду
7

Соколъ и пѣтухъ (индѣйск.)
8

Шакалы и слонъ (индѣйск.)
8

Цапля, рыбы и ракъ (индѣйск.)
9

Ежъ и заяцъ (нѣмецк.)
10

Водяной и жемчужина (индѣйск.)
12

II
Стран

II.
Дѣвочка и грибы
13

Какая бываетъ роса па травѣ
14

Индѣецъ и англичанинъ (американскій разсказъ)

14

Старая лошадь

15

Орелъ (американск.)

17

Медведь на повозкѣ

18

Бѣшеная собака

19

Жилетка

20

Левъ и собачка (американск.)

21

Воробьи

23

Архіерей и разбойникъ (Викторъ Гюго)

26

Лозина

28

1000 Золотыхъ (французск.)

29

III.

Ужъ (народн.)

31

Удача (индѣйск.)

34

Два брата (арабск.)

34

Петръ I-й и мужикъ (Безсоновъ)

36

Три вора (Гебель)

38

Ровное наслѣдство

39

IV.

Шатъ и Донъ (народн.)

41

Волга и Вазуза (Даль)

42

Судома (Перевлѣсскій)

43

Золотоволосая царевна (Чижовъ)

43

Камбизъ и Псаменитъ (Геродотъ)

45

Ермакъ

47

Сова и заяцъ

56

Какъ волки учатъ своих дѣтей

57

Воробей и ласточки (Перевлѣсскій)

58

Акула (американск.)

59

V.

Какъ мужикъ убралъ камень

61

Самокрутка

61

Тепло, I

63

Тепло, II

64

Тепло, III

65

III

Стран.

Отчего бываетъ вѣтеръ?

66

Для чего вѣтеръ?

66

Отчего потѣютъ окна и бываетъ роса?
69

Осязаніе и зрѣніе
71

Магнитъ, I
72

Магнітъ, II
72

Магнитъ, III
73

VI.
Сухманъ (былина)
75

Часть вторая.
Несторова лѣтопись.

Убіеніе Аскольда и Дира и поселеніе Олега съ Игоремъ въ Кіевѣ
81

Походъ Олега на Грековъ

83

Смерть Олега

86

Изъ четьи минеи.

Житіе преподобнаго отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго, новаго чудотворца

88

Книга Бытія.

Глава II

118

Глава III

121

Евангеліе отъ Луки. Глава XV

124

Псаломъ XXXVI

128

Часть третья. Счетъ.

Сложеніе и вычитаніе

134

Безъ счетовъ считать слѣва

148

IV

Стран

Считать справа

150

Задачи

153

Для учителя.

Къ первой части

155

Къ третьей части. О счетѣ

157

Опечатки

159

———

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ОПЕЧАТКАМЪ

Стр.	Строк.	Напеч.	Читай.
149	8 сн.	1741	1641
152	11 сн.	32	32

На стр. 9 ошибочно названа басня Цапля, лягушка и ракъ. Должно стоять: Цапля, рыбы и ракъ.

———

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

———

I.

ОСЕЛЪ ВЪ ЛЬВИНОЙ ШКУРѢ.

Осёлъ надѣлъ львиную шкуру, и всѣ думали— левъ. Побѣжалъ народъ и скотина. Подулъ вѣтеръ, шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбѣжался народъ: исколотили осла.

КУРИЦА И ЛАСТОЧКА.

Курица нашла змѣиныя яйца и стала ихъ высиживать. Ласточка увидала и говоритъ:

«То-то глупая! Ты ихъ выведешь, а какъ выростутъ, они тебя первую обидятъ».

ОЛЕНЬ И ЛАНЧУКЪ.

Ланчукъ[4] сказалъ разъ оленю:

«Батюшка, ты и больше и рѣзвѣе собакъ, да ещё и рога у тебя огромные на защиту; отчего ты такъ боишься собакъ?»

Олень засѣмялся и говоритъ:

«Правду говоришь, дитятко. Одна бѣда: какъ только услышу собачій лай, не успѣю подумать, а ужь бѣгу».

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Лисица увидала — висятъ спѣлыя кисти винограда, и стала прилаживаться, какъ-бы ихъ съѣсть.

Она долго билась, но не могла достать. Чтобъ досаду заглушить, она говоритъ: «зелены ещё».

РАБОТНИЦЫ И ПѢТУХЪ.

Хозяйка по ночамъ будила работницъ и, какъ запоютъ пѣтухи, сажала за дѣло. Работницамъ тяжело показалось; и онѣ вздумали убить пѣтуха, чтобы не будилъ хозяйки. Убили, а имъ стало хуже: хозяйка боялась проспать и ещё раньше стала поднимать работницъ.

РЫБАКЪ и РЫБКА.

Поймалъ рыбакъ рыбку. Рыбка и говоритъ:

«Рыбакъ, пусти меня въ воду; видишь, я мелка: тебѣ отъ меня пользы мало будетъ. А пустишь, да я выросту, тогда поймаешь — тебѣ пользы больше будетъ»

Рыбакъ и говоритъ:

«Дуракъ тотъ будетъ, кто станетъ большой пользы ждать, а малую изъ рукъ упуститъ.»

ЛИСИЦА И КОЗЁЛЪ.

Захотѣлось козлу напиться; онъ слѣзъ подъ кручь къ колодцу, напился и отяжелѣлъ. Сталъ онъ выбираться назадъ и не можетъ. И сталъ онъ ревѣть. Лисица увидала и говоритъ:

«То-то безтолковый! Коли-бы у тебя, сколько въ бородѣ волосъ, столько бы въ головѣ ума было, ты прежде, чѣмъ слѣзать, подумалъ бы, какъ назадъ выбраться».

СОБАКА И ЕЯ ТѢНЬ.

Собака шла по кладочкѣ черезъ рѣчку, а въ зубахъ несла мясо. Увидала она себя въ водѣ и подумала, что тамъ другая собака мясо несётъ, — она бросила своё мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а своё волною унесло.

И осталась собака ни при чёмъ.

ЖУРАВЛЬ И АИСТЪ.

Мужикъ разставилъ на журавлей сѣти за то, что они сбивали у него посѣвъ. Въ сѣти попались журавли, а съ журавлями одинъ аистъ.

Аистъ и говоритъ мужику:

«Ты меня отпусти: я не журавль, а аистъ; мы самыя почётныя птицы; я у твоего отца на домѣ живу. И по перу видно, что я не журавль».

Мужикъ говоритъ:

«Съ журавлями поймалъ, съ ними и зарѣжу».

САДОВНИКЪ И СЫНОВЬЯ.

Хотѣлъ садовникъ сыновей пріучить къ садовому дѣлу. Когда онъ сталъ умирать, позвалъ ихъ и сказалъ:

«Вотъ дѣти, когда я умру, вы въ виноградномъ саду поищите, что́ тамъ спрятано».

Дѣти подумали, что тамъ кладъ, и когда отецъ умеръ, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю въ виноградникѣ такъ хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше.

ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ.

Подавился волкъ костью и не могъ выперхнуть. Онъ позвалъ журавля и сказалъ:

«Ну-ка, ты, журавль, у тебя шея длинная, засунь ты мнѣ въ глотку голову и вытащи кость; я тебя награжу».

Журавль засунулъ голову, вытащилъ кость и говоритъ:

«Давай же награду».

Волкъ заскрипѣлъ зубами, да и говоритъ:

«Или тебѣ мало награды, что я тебѣ голову не откусилъ, когда она у меня въ зубахъ была?»

УТКА И МѢСЯЦЪ.

Утка плавала по рѣкѣ, отыскивала рыбу и въ цѣлый день не нашла ни одной. Когда пришла ночь, она увидала мѣсяцъ въ водѣ, подумала, что это рыба, и нырнула, чтобъ поймать мѣсяцъ. Другія утки увидали это и стали надъ ней смѣяться.

Съ тѣхъ поръ утка такъ застыдилась и заробѣла, что, когда и видала рыбу подъ водой, она ужь не ловила ея и умерла съ голода.

ВОЛКЪ ВЪ ПЫЛИ.

Волкъ хотѣлъ поймать изъ стада овцу и зашёлъ подъ вѣтеръ, чтобы на него несло пыль отъ стада.

Овчарная собака увидала его и говоритъ:

«Напрасно ты, волкъ, въ пыли ходишь, глаза заболятъ». А волкъ говоритъ: «то-то и горе, собаченька, что у меня ужь давно глаза болятъ, а говорятъ — отъ овечьяго стада пыль хорошо глаза вылѣчиваетъ».

МЫШЬ ПОДЪ АМБАРОМЪ.

Жила одна мышь подъ амбаромъ. Въ полу амбара была дырочка, и хлѣбъ сыпался въ дырочку. Мыши житьё было хорошее, но она захотѣла похвастаться своимъ житьёмъ. Прогрызла больше дыру и назвала другихъ мышей.

«Идите», говоритъ, «ко мнѣ гулять, корму на всѣхъ достанетъ» Когда она привела мышей, она увидала, что дыры совсѣмъ не было. Мужикъ примѣтилъ большую. дыру въ полу и задѣлалъ её.

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ.

Сошлись разъ зайцы и стали плакаться на свою жизнь: «И отъ людей, й отъ собакъ, и отъ орловъ, и отъ прочихъ звѣрей погибаемъ. Ужь лучше разъ умереть, чѣмъ въ страхѣ жить и мучиться. — Давайте, утопимся!»

И поскакали зайцы въ озеро топиться. Лягушки услыхали зайцевъ и забултыхали въ воду. Одинъ заяцъ и говоритъ:

«Стойте, ребята! Подождёмъ топиться; вотъ лягушачье житьё, видно, ещё хуже нашего: онѣ и насъ боятся».

ТРИ КАЛАЧА И ОДНА БАРАНКА.

Одному мужику захотѣлось ѣсть. Онъ купилъ калачъ и съѣлъ; ему всё ещё хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ другой калачъ и съѣлъ; ему всё ещё хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ третій калачъ и съѣлъ, и всё ему ещё хотѣлось ѣсть. Потомъ онъ купилъ баранокъ и, когда съѣлъ одну, сталъ сытъ. Мужикъ ударилъ себя по головѣ и сказалъ:

«Экой я дуракъ! чтожъ я напрасно съѣлъ столько калачей? — Мнѣ бы надо сначала съѣсть одну баранку».

ДВѢ ЛОШАДИ.

Двѣ лошади везли два воза. Передняя лошадь везла хорошо, а задняя останавливалась. На переднюю лошадь стали перекладывать съ задняго воза; когда всё переложили, задняя пошла налегкѣ и сказала передней: «Мучься и потѣй. Что больше будешь стараться, то больше тебя будутъ мучить»

Когда пріѣхали на постоялый дворъ, хозяинъ и говоритъ:

«Что мнѣ двухъ лошадей кормить, а на одной возить? Лучше одной дамъ вволю корму, а ту зарѣжу; хоть шкуру возьму»

Такъ и сдѣлалъ.

ОТЕЦЪ И СЫНОВЬЯ.

Отецъ приказывалъ сыновьямъ, чтобы жили въ согласіи; они не слушались. Вотъ онъ велѣлъ принесть вѣникъ и говоритъ:

«Сломайте!»

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отецъ развязалъ вѣникъ и велѣлъ ломать по пруту. Они поломали.

Отецъ и говоритъ.

«Такъ-то и вы, если въ согласіи жить будете, никто васъ не одолѣетъ; а если будете ссориться, да всё врозь,— васъ всякій легко погубитъ».

САМЫЯ ЛУЧШІЯ ГРУШИ.

Одинъ баринъ послалъ слугу купить самыхъ вкусныхъ грушъ. Слуга пришёлъ въ лавку и спросилъ грушъ. Купецъ подалъ ему; но слуга сказалъ:

«Нѣтъ, дай мнѣ самыхъ лучшихъ»

Купецъ сказалъ:

«Отвѣдай одну; ты увидишь, что онѣ вкусны».

«Какъ я узнаю», сказалъ слуга, «что онѣ всѣ вкусны, если отвѣдаю только одну?»

Онъ откусилъ по немногу отъ каждой груши и принёсъ ихъ барину. Тогда баринъ прогналъ его.

ТЕЛЕНОКЪ НА ЛЬДУ.

Телёнокъ скакалъ по закутѣ и выучился дѣлать круги и повороты. Когда пришла зима, телёнка выпустили съ другою скотиною на лёдъ къ; водопою. Всѣ коровы осторожно подошли къ корыту, а телёнокъ разбѣжался на лёдъ, загнулъ хвостъ, приложилъ уши и сталъ кружить. На первомъ же кругу нога его раскатилась, и онъ ударился головою о корыто.

Онъ заревѣлъ:

«Несчастный я! По колѣно въ соломѣ скакалъ — не падалъ, а тутъ на гладкомъ поскользнулся».

Старая корова сказала.

«Кабы ты былъ не телёнокъ, ты бы зналъ, что гдѣ легче скакать, тамъ труднѣе держаться»

СОКОЛЪ И ПѢТУХЪ.

Соколъ привыкъ къ хозяину и ходилъ на руку, когда его кликали; пѣтухъ бѣгалъ отъ хозяина и кричалъ, когда къ нему подходили. Соколъ и говоритъ пѣтуху:

«Въ васъ, пѣтухахъ, нѣтъ благодарности; видна холопская порода. Вы, только когда голодны, идёте къ хозяевамъ. То-ли дѣло мы, дикая птица; въ насъ и силы много, и летать мы можемъ быстрѣе всѣхъ; а мы не бѣгаемъ отъ людей, а сами ещё ходимъ къ нимъ на руку, когда насъ кличутъ. Мы помнимъ, что они кормятъ насъ».

Пѣтухъ и говоритъ:

«Вы не бѣгаете отъ людей оттого, что никогда не видали жаренаго сокола, а мы то-и-дѣло видимъ жареныхъ пѣтуховъ».

ШАКАЛЫ И СЛОНЪ.

Шакалы поѣли всю падаль въ лѣсу, и имъ нечего стало ѣсть. Вотъ старый шакалъ и придумалъ, какъ имъ прокормиться. Пошёлъ онъ къ слону и говоритъ:

Былъ у насъ царь, да избаловался: приказывалъ намъ дѣлать такія дѣла, какихъ нельзя исполнить; хотимъ мы другаго царя выбрать, — и послалъ меня

нашъ народъ просить тебя въ цари. У насъ житьё хорошее: — что велишь, всё то будемъ дѣлать, и почитать тебя во всёмъ будемъ. Пойдёмъ въ наше царство.» Слонъ согласился и пошёлъ за шакаломъ. Шакалъ привёлъ его въ болото. Когда слонъ завязъ, шакалъ и говоритъ:

«Теперь приказывай; что велишь, то и будемъ дѣлать.»

Слонъ сказалъ:

«Я приказываю вытащить меня отсюда.»

Шакалъ разсмѣялся и говоритъ: хватайся хоботомъ мнѣ за хвостъ, — сейчасъ вытащу.»

Слонъ говоритъ:

«Развѣ можно меня хвостомъ вытащить?» А шакалъ и говоритъ: «такъ зачѣмъ-же ты приказываешь, чего нельзя сдѣлать? Мы и перваго царя за то прогнали, что онъ приказывалъ то, чего нельзя дѣлать»

Когда слонъ издохъ въ болотѣ, шакалы пришли к съѣли его

ЦАПЛЯ, ЛЯГУШКА И РАКЪ.

Жила цапля у пруда и состарѣлась; не стало ужь въ ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, какъ бы ей хитростью прожить. Она и говорить рыбамъ: «а вы, рыбы, не знаете, что на васъ бѣда собирается: слышала я отъ людей, хотятъ они прудъ спустить и васъ всѣхъ повыловить. Знаю я, тутъ за горой — хорошъ прудокъ есть. Я бы помогла, да стара стала: тяжело летать.» Рыбы стали просить цаплю, чтобъ помогла.

Цапля и говоритъ:

«Пожалуй, постараюсь для васъ, перенесу васъ: только вдругъ не могу, а поодиночкѣ.»

Вотъ рыбы и рады; всѣ просятъ: «меня отнеси, меня отнеси!»

И принялась цапля носить ихъ: возьмётъ; вынесетъ въ поле, да и съѣстъ. И переѣла она такъ много рыбъ.

Жиль въ пруду старый ракъ. Какъ стала цапля выносить рыбу, онъ смекнулъ дѣло и говоритъ:

«Ну, теперь, цапля, и меня снеси на новоселье».

Цапля взяла рака и понесла. Какъ вылетѣла она на поле, хотѣла сбосить рака. Но ракъ увидалъ рыбьи косточки на полѣ, стиснулъ клещами цаплю за шею и удавилъ её, а самъ приползъ назадъ къ пруду и разсказалъ рыбамъ.

ЕЖЪ И ЗАЯЦЪ.

Повстрѣчалъ заяцъ ежа и говоритъ:

«Всѣмъ бы ты хорошъ, ёжъ, только ноги у тебя кривыя, заплетаются».

Ежъ разсердился и говоритъ:

«Ты что-жъ смѣешься; мои кривыя ноги скорѣе двоихъ прямыхъ бѣгаютъ. Вотъ дай только схожу домой, а потомъ давай на перегонку»!

Ежъ пошёлъ домой и говоритъ женѣ: «я съ зайцомъ поспорилъ: хотимъ бѣжать на перегонку».

Ежова жена и говоритъ: «ты, видно, съ ума сошёлъ! гдѣ тебѣ съ зайцемъ бѣжать? У него ноги быстрыя».

А ёжъ говоритъ: «у него ноги быстрыя, а у меня умъ быстрый. Ты только дѣлай, что́ я велю. Пойдёмъ въ поле».

— 11 —

Вотъ пришли они на вспаханное поле къ зайцу; ёжъ и говоритъ женѣ:

«Спрячься ты на этомъ концѣ борозды, а мы съ зайцомъ побѣжимъ съ другаго конца; какъ онъ разбѣжится, я вернусь назадъ; а какъ прибѣжитъ къ твоему концу, ты выходи и скажи: а я уже давно жду. Онъ тебя отъ меня не узнаетъ — подумаетъ, что это я».

Ежова жена спряталась въ бороздѣ, а ёжъ съ зайцомъ побѣжали съ другаго конца.

Какъ заяцъ разбѣжался, ёжъ вернулся назадъ и спрятался въ борозду. Заяцъ прискакалъ на другой конецъ борозды: глядь! — а ежова жена уже тамъ и говоритъ: «а я уже давно жду».

Заяцъ думаетъ: «что́ за чудо! какъ это онъ меня обогналъ»?

«Ну», говоритъ, «давай ещё разъ побѣжимъ»!

«Давай»!

Заяцъ пустился назадъ, прибѣжалъ на другой конецъ: глядь! — а ёжъ уже тамъ, да и говоритъ: «э, братъ, ты только теперь, а я уже давно тутъ.»

«Что за чудо!» думаетъ заяцъ, «ужь какъ я шибко скакалъ, а всё онъ обогналъ меня. Ну, такъ побѣжимъ ещё разъ, теперь ужь не обгонишь».

«Побѣжимъ!»

Поскакалъ заяцъ, что было духу: глядь! — ёжъ впереди сидитъ и дожидается.

И такъ заяцъ до тѣхъ поръ скакалъ изъ конца въ конецъ, что изъ силъ выбился.

Заяцъ покорился и сказалъ, что вперёдъ никогда не будетъ спорить.

— 12 —

ВОДЯНОЙ И ЖЕМЧУЖИНА

Одинъ человѣкъ ѣхалъ па лодкѣ и уронилъ драгоцѣнный жемчугъ, въ

море. Человѣкъ вернулся къ берегу, взялъ ведро и сталъ черпать воду и выливать на землю. Онъ черпалъ и выливалъ три дня безъ устали.

На четвертый день вышелъ изъ моря водяной и спросилъ:

«Зачѣмъ ты черпаешь»?

Человѣкъ говоритъ:

«Я черпаю затѣмъ, что уронилъ жемчугъ»

Водяной спросилъ:

«А скоро-ли ты перестанешь?»

Человѣкъ говоритъ:

«Когда высушу море, тогда перестану»

Тогда водяной вернулся въ море, принёсъ тотъ самый жемчугъ и отдалъ чедовѣку.

II

ДѢВОЧКА И ГРИБЫ.

Двѣ дѣвочки шли домой съ грибами.

Имъ надо было переходить черезъ желѣзную дорогу. Онѣ думали, что машина далеко, взлѣзли на насыпь и пошли черезъ рельсы.

Вдругъ зашумѣла машина, Старшая дѣвочка побѣжала назадъ, а меньшая перебѣжала черезъ дорогу.

Старшая дѣвочка закричала сестрѣ: «не ходи назадъ»!

Но машина была такъ близко и такъ громко шумѣла, что меньшая дѣвочка не разслышала; она подумала, что ей велятъ бѣжать назадъ. Она побѣжала назадъ черезъ рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать ихъ.

Машина уже была близко и машинистъ свистѣлъ что было силы.

Старшая дѣвочка кричала: «брось грибы»! а маленькая дѣвочка думала, что ей велятъ собрать грибы, и ползала по дорогѣ.

Машинистъ не могъ удержать машины. Она свистала изо всѣхъ силъ и наѣхала на дѣвочку

Старшая дѣвочка кричала и плакала. Всѣ проѣзжающіе смотрѣли изъ оконъ вагоновъ, а кондукторъ

побѣжалъ на конецъ поѣзда, чтобы видѣть, что́ сдѣлалось съ дѣвочкой.

Когда поѣздъ прошелъ, всѣ увидали, что дѣвочка лежитъ между рельсами головой внизъ и нешевелится.

Потомъ, когда поѣздъ уже отъѣхалъ далеко, дѣвочка подняла голову, вскочила на колѣнки, собрала грибы и побѣжала къ сестрѣ.

КАКАЯ БЫВАЕТЪ РОСА НА ТРАВѢ.

Когда въ солнечное утро, лѣтомъ, пойдёшь въ лѣсъ, то на поляхъ, въ травѣ видны алмазы. Всѣ алмазы эти блестятъ и переливаются на солндѣ разными цвѣтами — и желтымъ, и краснымъ, и синимъ. Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что́ это такое, то увидишь, что это капли росы собрались въ треугольныхъ листахъ травы и блестятъ на солнцѣ.

Листокъ этой травы внутри мохнатъ и пушистъ какъ бархатъ. И капли катаются по листку и не мочатъ его.

Когда неосторожно сорвёшь листокъ съ росинкой, то капелька скатится какъ шарикъ свѣтлый, и не увидишь, какъ проскользнётъ мимо стебля. Бывало, сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснѣе всякаго напитка кажется.

ИНДѢЕЦЪ И АНГЛИЧАНИНЪ.

Индѣйцы взяли на войнѣ въ плѣнъ молодаго англичанина, привязали къ дереву и хотѣли убить.

Старый индѣецъ подошёлъ и сказалъ: «не убивайте, его, а отдайте

мнѣ».

— 15 —

Его отдали.

Старый индѣецъ отвязалъ англичанина, свёлъ въ свой шалашъ, накормилъ и положилъ ночевать.

На другое утро индѣецъ велѣлъ англичанину идти за собой. Они шли долго, и когда подошли близко къ англійскому лагерю, индѣецъ сказалъ:

«Ваши убили моего сына, я спасъ тебѣ жизнь; иди къ своимъ и убивай насъ».

Англичанинъ удивился и сказалъ: «зачѣмъ ты смѣёшься надо мною? Я знаю, что наши убили твоего сына: убивай же меня скорѣе».

Тогда индѣецъ сказалъ: «когда тебя стали убивать, я вспомнилъ о своемъ сынѣ, и мнѣ стало жаль тебя. Я не смѣюсь: иди къ своимъ и убивай насъ, если хочешь». И индѣецъ отпустилъ англичанина.

СТАРАЯ ЛОШАДЬ.

У насъ былъ старый старикъ Пименъ Тимоѳеичъ. Ему было 90 лѣтъ. Онъ жилъ у своего внука безъ дѣла. Спина у него была согнутая: онъ ходилъ съ палкой и тихо передвигалъ ногами, Зубовъ у него совсѣмъ не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда онъ ходилъ и когда говорилъ, онъ шлёпалъ губами, и нельзя было понять, что́ онъ говоритъ.

Насъ было четыре брата и всѣ мы любили ѣздить верхомъ. Но смирныхъ лошадей у насъ для ѣзды не было. Только на одной старой лошади намъ позволяли ѣздить; эту лошадь звали Воронокъ.

Одинъ разъ матушка позволила намъ ѣздить верхомъ, и мы всѣ пошли въ конюшню съ дядькой. Кучеръ

— 16 —

осѣдлалъ намъ Воронка, и первый поѣхалъ старшій братъ. Онъ долго ѣздилъ: ѣздилъ на гумно и кругомъ сада, и когда онъ подъѣзжалъ назадъ, мы закричали: «ну, теперь проскачи!»

Старшій братъ сталъ бить Воронка ногами и хлыстомъ, и Воронокъ проскакалъ мимо насъ.

Послѣ старшаго сѣлъ другой братъ. И онъ ѣздилъ долго, и тоже хлыстомъ разогналъ Воронка и проскакалъ изъ подъ горы. Онъ еще хотѣлъ ѣздить, но третій братъ просилъ, чтобы онъ поскорѣе пустилъ его. Третій братъ проѣхалъ и на гумно, и вокругъ сада, да ещё и по деревнѣ, и шибко проскакалъ изъ подъ горы къ конюшнѣ. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ, Воронокъ сопѣлъ, а шея и лопатки потемнѣли у него отъ пота»

Когда пришёлъ мой черёдъ, я хотѣлъ удивить братьевъ и показать имъ, какъ я хорошо ѣзжу, — сталъ погонять Воронка изо всѣхъ силъ, но Воронокъ не хотѣлъ идти отъ конюшни. И сколько я ни колотилъ его, онъ не хотѣлъ скакать, а только трусилъ и заворачивалъ всё назадъ. Я злился на лошадь и изо всѣхъ силъ билъ её хлыстомъ и ногами. Я старался бить её въ тѣ мѣста, гдѣ ей больнѣе, сломалъ хлыстъ и остаткомъ хлыста сталъ бить по головѣ. Но Воронокъ всё не хотѣлъ скакать. Тогда я поворотилъ назадъ, подъѣхалъ къ дядькѣ и попросилъ хлыстика покрѣпче. Но дядька сказалъ мнѣ:

«Будетъ вамъ ѣздить, сударь, слѣзайте. Что лошадь мучить?» Я обидѣлся и сказалъ: «какъ же я совсѣмъ не ѣздилъ? Посмотри, какъ я сейчасъ проскачу! Дай, пожалуста, мнѣ хлыстъ покрѣпче. Я его разожгу».

Тогда дядька покачалъ головой и сказалъ:

— «Ахъ, сударь, жалости въ васъ нѣтъ. Что его разжигать? Вѣдь ему 20-ть лѣтъ. Лошадь измучена, насилу дышетъ, да и стара. Вѣдь она такая старая! Всё равно какъ Пименъ Тимоѳеичъ. Вы бы сѣли на Тимоѳеича, да такъ-то черезъ силу погоняли бы его хлыстомъ. Что-же, вамъ не жалко бы было»?

Я вспомнилъ про Пимена и послушалъ дядьки. Я слѣзъ съ лошади и, когда я посмотрѣлъ, какъ она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облѣзшимъ хвостикомъ, я понялъ, что лошади трудно было. А то я думалъ, что ей было такъ же весело, какъ мнѣ. Мнѣ такъ жалко стало Воронка, что я сталъ цѣловать его въ потную шею и просить у него прощенья за то, что я его билъ.

Съ тѣхъ поръ я выросъ большой и всегда жалѣю лошадей, и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимоѳеича, когда вижу, что мучаютъ лошадей.

ОРЕЛЪ.

Орёлъ свилъ себѣ гнѣздо на большой дорогѣ, вдали отъ моря, и вывелъ дѣтей.

Одинъ разъ подлѣ дерева работалъ народъ, а орёлъ подлеталъ къ гнѣзду съ большой рыбой въ когтяхъ. Люди увидали рыбу, окружили дерево, стали кричать и бросать въ орла каменьями.

Орёлъ выронилъ рыбу, а люди подняли её и ушли.

Орёлъ сѣлъ на край гнѣзда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орёлъ усталъ и не могъ летѣть опять на море; онъ спустился въ гнѣздо, прикрылъ орлятъ крыльями, ласкалъ ихъ, оправлялъ имъ пёрушки и какъ будто просилъ

ихъ, чтобы они подождали немного. Но чѣмъ больше онъ ихъ ласкалъ, тѣмъ громче они пищали.

Тогда орёлъ отлетѣлъ отъ нихъ и сѣлъ на верхній сукъ дерева.

Орлята засвистали и запищали ещё жалобнѣе.

Тогда орёлъ вдругъ самъ громко закричалъ, расправилъ крылья и тяжело полетѣлъ къ морю. Онъ вернулся только поздно вечеромъ; онъ летѣлъ тихо и низко надъ землёю; въ когтяхъ у него опять была большая рыба.

Когда онъ подлеталъ въ дереву, онъ оглянулся — нѣтъ ли опять вблизи людей, быстро сложилъ крылья и сѣлъ на край гнѣзда

Орлята подняли головы и разнули рты, а орёлъ разорвалъ рыбу и накормилъ дѣтей.

МЕДВѢДЬ НА ПОВОЗКѢ.

Повадырь съ медвѣдемъ подошёлъ къ кабаку; привязалъ медвѣдя къ воротамъ, а самъ вошёлъ въ кабакъ выпить. Ямщикъ на тройкѣ подъѣхалъ къ кабаку, закрутилъ коренную и тоже вошёлъ въ кабакъ. А въ телѣгѣ у ямщика были калачи. Медвѣдь учуилъ въ повозкѣ калачи, отвязался, подошёлъ къ повозкѣ, влѣзъ и сталъ шарить въ сѣнѣ. Лошади оглянулись и шаркнули отъ кабака по дорогѣ. Медвѣдь ухватился лапами за грядки и не знаетъ, какъ ему быть. А лошади что дальше, то пуще разгораются. Медвѣдь держится передними лапами за грядки и только

голову поворачиваешь то на ту сторону, то на другую. А лошади оглянутся оглянутся — ещё шибче катятъ по дорогѣ, подъ гору, на гору.... Проѣзжіе не успѣваютъ посторониваться.

— 19 —

Катитъ тройка вся въ мылѣ, на телѣгѣ сидитъ медвѣдь, держится за грядки, да по сторонамъ оглядывается. Видитъ медвѣдь, что дѣло плохо — убьютъ его лошади, началъ онъ ревѣть. Ещё пуще лошади понеслись. Скакали-скакали, прискакали домой въ деревню. Всѣ смотрятъ, что́ такое скачетъ. Уткнулись лошади въ свой дворъ, въ ворота. Хозяйка глядитъ, что такое. Не путёмъ прискакалъ хозяинъ — видно пьянъ. Выходитъ на дворъ, а съ телѣги не хозяинъ — медвѣдь лѣзетъ. Соскочилъ медвѣдь, да въ поле, да въ лѣсъ.

БѢШЕНАЯ СОБАКА.

Баринъ купилъ лягаваго щенка въ городѣ и въ рукавѣ шубы привёзъ его въ деревню. Барыня полюбила щенка и въ горницахъ выхаживала его. Щенокъ выросъ и его назвали Дружкомъ.

Онъ ходилъ на охоту съ бариномъ, караулилъ домъ и игралъ съ дѣтьми.

Одинъ разъ въ садъ забѣжала дворная собака. Собака эта бѣжала прямо по дорожкѣ, хвостъ у ней былъ опущенъ, ротъ былъ окрытъ и изо рта текли слюни. Дѣти были въ саду.

Баринъ увидалъ эту собаку и закричалъ:

— Дѣти! бѣгите скорѣе домой, — бѣшеная собака!

Дѣти услыхали, что кричалъ отецъ, но не видали собаки и бѣжали ей прямо на встрѣчу. Бѣшеная собака хотѣла броситься на одного изъ дѣтей, но въ это время Дружокъ кинулся на собаку и сталъ съ ней грызться.

Дѣти убѣжали, но когда Дружокъ вернулся въ домъ, онъ визжалъ, и на шеѣ у него была кровь.

— 20 —

Черезъ десять дней Дружокъ сталъ скученъ, не пилъ, не ѣлъ и бросился грызть щенка. Дружка заперли въ пустую горницу.

Дѣти не понимали, зачѣмъ заперли Дружка, и пошли потихоньку посмотрѣть собаку.

Они отперли дверь и стали кликать Дружка. Дружокъ чуть не сбилъ ихъ снотъ, выбѣжалъ въ дворъ и лёгъ въ саду подъ кустомъ. Когда барыня увидала Дружка, она кликнула его, но Дружокъ не послушался, не замахалъ хвостомъ и не взглянулъ на неё. Глаза у него были мутные, изо рта текла слюня. Тогда барыня позвала мужа и сказала:

— Иди скорѣй: кто-то выпустилъ Дружка, онъ совсѣмъ бѣшеный. Ради Бога сдѣлай съ нимъ что-нибудь.

Баринъ вынесъ ружьё и подошёлъ къ Дружку. Онъ прицѣлился въ него, но рука тряслась у него, когда онъ цѣлился. Онъ выстрѣлилъ и не попалъ въ голову, а въ задъ.

Собака завизжала и забилась.

Баринъ подошелъ ближе, что-бы разсмотрѣть, что́ съ нимъ. Весь задъ у Дружка былъ въ крови и всѣ заднія ноги перебиты. Дружокъ подползъ къ барину и сталъ лизать его ногу. Баринъ затрясся, заплакалъ и убѣжалъ въ домъ.

Тогда кликнули охотника, и охотникъ изъ другаго ружья до смерти убилъ собаку и унёсъ её.

ЖИЛЕТКА

Одинъ мужикъ занялся торговлей и такъ разбогатѣлъ, что сталъ первымъ богачёмъ. У него служили сотни прикащиковъ, и онъ ихъ всѣхъ и по имени не зналъ.

— 21 —

Пропало разъ у купца двадцать тысячъ денегъ. Стали старшіе прикащики разыскивать и разыскали того, кто укралъ деньги.

Пришёлъ старшій прикащикъ къ купцу и говоритъ: «я вора нашёлъ. Надо его въ Сибирь сослать».

Купецъ говоритъ: «а кто укралъ»? Старшій прикащикъ говоритъ:

«Иванъ Петровъ, самъ признался».

Купецъ подумалъ и говоритъ:

«Ивана Петрова надо простить».

Прикащикъ удивился и говоритъ:

«Какъ-же простить? Этакъ и тѣ прикащики тоже будутъ дѣлать; всё добро растаскаютъ». Купецъ говоритъ: «Ивана Петрова надо простить: когда я начиналъ торговать, мы съ нимъ товарищами были. Когда я женился, мнѣ подъ вѣнецъ надѣть нечего было. Онъ мнѣ свою жилетку далъ надѣть. Ивана Петрова надо простить»

Такъ и простили Ивана Петрова.

ЛЕВЪ И СОБАЧКА.

Въ Лондонѣ показывали дикихъ звѣрей и за смотрѣнье брали деньгами, или собаками и кошками; на кормъ дикимъ звѣрямъ

Одному человѣку захотѣлось поглядѣть звѣрей, онъ ухватилъ на улицѣ собачёнку и принесъ её въ звѣринецъ. Его впустили смотрѣть, а собачёнку взяли и бросили въ клѣтку къ льву на съѣденье

Собачка поджала хвостъ и прижалась въ уголъ клѣтки. Левъ подошелъ къ ней и понюхалъ её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостикомъ.

Левъ тронулъ её лапой и перевернулъ.

Собачка вскочила и стала передъ львомъ на заднія лапки.

Левъ смотрѣлъ на собачку, поворачивалъ голову со стороны на сторону и не трогалъ ея.

Когда хозяинъ бросилъ льву мяса, левъ оторвалъ кусокъ и оставилъ собачкѣ.

Вечеромъ, когда левъ лёгъ спать, собачка легла подлѣ него и положила свою голову ему на лапу.

Съ тѣхъ поръ собачка жила въ одной клѣткѣ со львомъ. Левъ не трогалъ её, ѣлъ кормъ, спалъ съ ней вмѣстѣ, а иногда игралъ съ ней.

Одинъ разъ баринъ пришелъ въ звѣринецъ и узналъ свою собачку; онъ сказалъ, что собачка его собственная, и попросилъ хозяина звѣринца отдать ему. Хозяинъ хотѣлъ отдать, но какъ только стали звать собачку, чтобы взять её изъ клѣтки, левъ ощетинился и зарычалъ.

Такъ прожили левъ и собачка цѣлый годъ въ одной клѣткѣ.

Черезъ годъ собачка заболѣла и издохла. Левъ пересталъ ѣсть, а всё нюхалъ, лизалъ собачку и трогалъ её лапой.

Когда онъ понялъ, что она умерла, онъ вдругъ вспрыгнулъ, ощетинился, сталъ хлестать себя хвостомъ по бокамъ, бросился на стѣну клѣтки и сталъ грызть засовы и полъ.

Цѣлый день онъ бился, метался по клѣткѣ и ревѣлъ; потомъ лёгъ подлѣ мёртвой собачки и затихъ.

Хозяинъ хотѣлъ унести мёртвую собачку, но левъ ни кого не подпускалъ къ ней.

Хозяинъ думалъ, что левъ забудетъ свое горе, если ему дать другую собачку, и пустилъ къ нему въ клѣтку живую собачку, но левъ тотчасъ разорвалъ её на куски. Потомъ онъ обнялъ своими лапами мёртвую собачку и такъ лежалъ пять дней.

На шестой день левъ умеръ.

ВОРОБЬИ.

Въ нашемъ домѣ за ставнемъ окна воробей свилъ гнѣздо и положилъ пять яичекъ. Мы съ сёстрами смотрѣли, какъ воробей по соломенкѣ и по пёрушку носилъ за ставню и вилъ тамъ гнѣздышко. А потомъ, когда онъ положилъ туда яйца, мы очень обрадовались. Воробей не сталъ больше прилетать съ пёрушками и соломой, а сѣлъ на яйца. Другой воробей — намъ сказали, что одинъ мужъ, а другой жена — приносилъ женѣ червей и кормилъ её.

Черезъ нѣсколько дней мы услыхали изъ-за ставня пискъ и посмотрѣли, что̀ сдѣлалось въ воробьиномъ гнѣздѣ: въ нёмъ было пять крошечныхъ голыхъ птичекъ, безъ крыльевъ и безъ перьевъ; носики у нихъ были жёлтые и мягкіе, и головы большія.

Они показались намъ очень некрасивы, и мы перестали на нихъ радоваться, а только иногда смотрѣли на то, что́ они дѣлали. Мать часто отъ нихъ улетала за кормомъ, и, когда она возвращалась, воробышки съ пискомъ открывали свои жёлтые клювики, и мать одѣляла ихъ кусочками червяковъ.

Черезъ недѣлю маленькіе воробьи подросли, покрылись пухомъ и стали красивѣе, и тогда мы опять, стали часто на нихъ смотрѣть. Мы пришли

утромъ къ ставню посмотрѣть нашихъ воробьёвъ и увидали, что старый воробей лежитъ мёртвый подлѣ ставня. Мы догадались, что воробей сѣлъ на ночь на ставень и заснулъ, и что его раздавили, когда закрывали ставень. Мы подняли стараго воробья и бросили въ траву. Маленькіе пищали, высовывали свои головки и открывали клювики; но ихъ некому было кормить

Старшая сестра сказала: «вотъ у нихъ теперь нѣтъ матери, некому ихъ кормить; давайте выкормимъ ихъ»!

Мы обрадовались, взяли коробокъ, наклали въ него хлопчатой бумаги, уложили туда гнѣздо съ птичками и понесли къ себѣ на верхъ. Потомъ мы нарыли червяковъ, намочили хлѣбъ въ молокѣ и стали кормить воробушковъ. Они ѣли хорошо, трясли головками, чистили клювики объ стѣнки коробка и всѣ были очень веселы.

Такъ мы ихъ кормили весь день, и очень на нихъ радовались. На другое утро, когда мы посмотрѣли въ коробокъ, мы увидали, что самый маленькій воробушекъ лежитъ мёртвый, а лапки его запутались въ хлопчатую бумагу. Мы его выкинули и вынули всю хлопчатую бумагу, чтобы другой въ ней не запутался, и положили въ коробокъ травы и моху. Но къ вечеру ещё два воробья растопырили свои пёрушки и раскрыли рты, закрыли глаза и тоже померли.

Черезъ два дня умеръ и четвёртый воробушекъ и остался только одинъ. Намъ сказали, что мы ихъ окормили.

Сестра плакала о своихъ воробьяхъ и послѣдняго воробья стала кормить одна, а мы только смотрѣли. Послѣдній — пятый воробушекъ былъ весёлый, здоровый и живой; мы называли его Живчикомъ

Этотъ живчикъ жилъ такъ долго, что уже сталъ летать и знать свою кличку.

Когда, бывало, сестра закричитъ: Живчикъ, Живчикъ! онъ прилетитъ, сядетъ ей на плечо, на голову или на руку, и она его кормитъ.

Потомъ онъ выросъ и сталъ самъ кормиться. Онъ жилъ у насъ въ горницѣ, на верху, улеталъ иногда въ окно, но всегда прилеталъ ночевать на своё мѣсто въ коробокъ.

Разъ онъ утромъ никуда не полетѣлъ изъ своего коробка; перья у него стали мокрыя и онъ ихъ растолырилъ, какъ и другіе воробьи, когда они умирали. Сестра не отходила отъ Живчика, ходила за нимъ; но онъ ничего не ѣлъ и не пилъ.

Три дня онъ былъ боленъ и на четвёртый умеръ. Когда мы увидѣли его мёртвымъ, на спинкѣ, съ подкорюченными лапками, мы всѣ три сестры стали такъ плакать, что мать прибѣжала на верхъ узнать, что́ случилось. Когда она вошла, она увидала на столѣ мёртваго воробья и

поняла наше горе. Сестра нѣсколько дней не ѣла, не играла, а всё плакала.

Живчика мы завернули въ наши самые лучшіе лоскутки, положили въ деревянный ящичекъ и зарыли въ саду, въ ямкѣ. Потомъ сдѣлали надъ его могилкой бугорокъ и положили камушекъ.

АРХІЕРЕЙ И РАЗБОЙНИКЪ.

Однаго разбойника давно искали. Разъ онъ переодѣлся и пришёлъ въ городъ. Въ городѣ ого узнали полицейскіе и погнались за нимъ. Разбойникъ бѣжалъ отъ нихъ и прибѣжалъ къ архіерейскому дому; ворота были открыты: онъ вошёлъ во дворъ.

Послушникъ спросилъ его — что́ ему нужно?

Разбойникъ не зналъ, что́ отвѣчать, и на-обумъ сказалъ: «мнѣ нужно архіерея».

Архіерей принялъ разбойника и спросилъ — за какимъ онъ дѣломъ пришелъ къ нему?

Разбойникъ отвѣчалъ: «я разбойникъ, за мною погоня; спрячь меня, а не то я убью тебя».

Архіерей сказалъ: «я — старикъ, смерти не боюсь; но мнѣ жаль тебя. Поди въ ту горницу: ты усталъ, отдохни, а я тебѣ пришлю поѣсть».

Полицейскіе не посмѣли войти къ Архіерею въ домъ, и разбойникъ остался у него ночевать.

Когда разбойникъ отдохнулъ, Архіерей пришёлъ къ нему и сказалъ: «мнѣ жаль тебя, что ты холоденъ и голоденъ и что за тобой гоняются, какъ за волкомъ, но мнѣ всего болѣе жаль тебя за то, что ты зла много сдѣлалъ и душу свою губишь. Брось дурныя дѣла!»

Разбойникъ сказалъ: «нѣтъ, мнѣ уже не отвыкнуть отъ худаго; разбойникомъ жилъ, такимъ и умру».

Архіерей ушёлъ отъ него, растворилъ всѣ двери и лёгъ спать.

Ночью разбойникъ всталъ и пошёлъ ходить по горницамъ. Ему удивительно показалось, какъ Архіерей ничего не заперъ и оставилъ всѣ двери настежь.

— 27 —

Разбойникъ сталъ оглядываться кругомъ — что бы ему украсть, увидалъ большой серебряный подсвѣчникъ и думаетъ: возьму я эту вещь — она много денегъ стоить — и уйду отсюда, а старика убивать не буду. Такъ и сдѣлалъ.

Полицейскіе не отходили отъ Архіерейскаго дома и всё время караулили разбойника. Какъ только онъ вышелъ изъ дому, его окружили и нашли у него подъ полой подсвѣчникъ.

Разбойникъ сталъ отпираться, но поліцейскіе сказали: «если ты отъ прежнихъ дѣлъ своихъ отпираешся, то отъ кражи этого подсвѣчника отклепаться не можешь. Пойдёмъ къ Архіерею — онъ тебя уличитъ».

Привели вора къ Архіерею, показали ему подсвѣчникъ и спросили: «ваша ли это вещь?» Онъ говоритъ: «моя».

Полицейскіе сказали: «у васъ украли эту вещь, а вотъ воръ»

Разбойникъ молчалъ, и у него какъ у волка бѣгали глаза.

Архіерей ничего не сказалъ, вернулся въ горницу, взялъ тамъ дружку отъ того же подсвѣчника, подалъ разбойнику и говоритъ: «зачѣмъ же ты, дружокъ, только одинъ подсвѣчникъ взялъ? Вѣдь я тебѣ оба подарилъ».

Разбойникъ заплакалъ и сказалъ полицейскимъ: «я воръ и разбойникъ, ведите меня!»

Потомъ онъ сказалъ Архіерею: «прости меня ради Христа и помолись за меня Богу».

— 28 —

ЛОЗИНА.

На Святой мужикъ пошёлъ посмотрѣть — оттаяла ли земля?

Онъ вышелъ на огородъ и коломъ ощупалъ землю. Земля раскисла. Мужикъ пошёлъ въ лѣсъ. Въ лѣсу на лозинѣ уже надулись почки. Мужикъ и подумалъ: «дай обсажу огородъ лозиной; выростетъ — защита будетъ!» Взялъ топоръ, нарубилъ десятокъ лозиннику, затесалъ съ толстыхъ концовъ кольями и воткнулъ въ землю.

Всѣ лозинки выпустили побѣги вверху съ листьями и внизу подъ землёю выпустили такіе же побѣги замѣсто кореньевъ; и однѣ зацѣпились за

землю и принялись, а другія неловко зацѣпились за землю кореньями — замерли и повалились.

Къ осени мужикъ порадовался на свои лозины: шесть штукъ принялось. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины, и двѣ только остались. На другую весну и эти обгрызли овцы. Одна совсѣмъ пропала, а другая справилась, стала окореняться и разрослась деревомъ. По веснамъ пчёлы гудмя гудѣли на лозинѣ. Въ роевщину часто на лозину сажались рои, и мужики огребали ихъ. Бабы и мужики часто завтракали и спали подъ лозиной; а ребята лазили на неё и выламывали изъ нея прутья.

Мужикъ. — тотъ, что посадилъ лозину, давно уже умеръ, а она всё росла. Старшій сынъ два раза срубалъ съ нея сучья и топилъ ими. Лозина всё росла. Обрубятъ ее кругомъ, сдѣлаютъ шишку, а она на весну выпуститъ опять сучья, хоть и тоньше, но вдвое больше прежнихъ, какъ вихоръ у жеребёнка.

И старшій сынъ пересталъ хозяйничать, и деревню сселили, а лозина всё росла на чистомъ полѣ. Чужіе мужики ѣздили, рубили её — она всё росла. Грозой ударило въ лозину; она справилась боковыми сучьями, и всё росла и цвѣла. Одинъ мужикъ хотѣлъ срубить её на колоду, да бросилъ: она была дюже гнила. Лозина свалилась на бокъ и держалась только однимъ бокомъ, а всё росла, и всё каждый годъ прилетали пчёлы обирать съ ея цвѣтовъ поноску.

Собрались разъ ребята рано весной стеречь лошадей подъ лозину. Показалось имъ холодно, они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Одинъ влѣзъ на лозину, съ нея же наломалъ сучьевъ. Склали они всё въ дупло лозины и зажгли. Зашипѣла лозина, закипѣлъ въ ней сокъ, пошелъ дымъ и сталъ перебѣгать огонь; все нутро ея почернѣло. Сморщились молодые побѣги, цвѣты завяли. Ребята угнали домой лошадей. Обгорѣлая лозина осталась одна въ полѣ. Прилетѣлъ черный воронъ, сѣлъ на неё и закричалъ: что издохла старая кочерга, давно пора было.

1000 ЗОЛОТЫХЪ.

Богатый человѣкъ захотѣлъ отдать 1000 золотыхъ бѣднымъ, но не зналъ, какимъ бѣднымъ дать эти деньги.

Онъ пришёлъ къ священнику и говоритъ: я хочу дать 1000 золотыхъ бѣднымъ, да не знаю, — кому дать. Возьмите деньги и раздайте, кому знаете».

Священникъ сказалъ: «деньги большія, я тоже не знаю, кому дать:

можетъ быть я одному дамъ много,

а другому мало. Скажите, какимъ бѣднымъ и поскольку дать вашихъ денегъ»?

Богатый сказалъ: «если вы не знаете, кому дать деньги, то Богъ знаетъ: кто первый бѣдный придётъ къ вамъ, тому и отдайте деньги».

Въ томъ-же приходѣ жилъ бѣдный человѣкъ. У него было много дѣтей, а самъ онъ былъ боленъ и не могъ работать. Бѣдный человѣкъ читалъ разъ псалтирь и прочёлъ эти слова: «я былъ молодъ и состарѣлся, и не видалъ праведнаго оставленного и дѣтей его просящихъ хлѣба.»

Бѣдный подумалъ: я вотъ оставленъ Богомъ! а я дурнаго ничего не сдѣлалъ. Дай пойду къ священнику, спрошу его, какъ такъ неправда сказана въ Писаніи.

Онъ пошёлъ въ священнику.

Священникъ увидалъ его и сказалъ: «этотъ бѣдный первый пришёлъ ко мнѣ», и отдалъ ему всѣ 1000 золотыхъ богатаго человѣка.

III.

УЖЪ.

У одной женщины была дочь Маша. Маша пошла съ подругами купаться. Дѣвочки сняли рубашки, положили на берегъ и попрыгали въ воду.

Изъ воды выползъ большой ужъ и свернувшись лёгъ на машину рубашку. Дѣвочки вылѣзли изъ воды, надѣли свои рубашки и побѣжали домой. Когда Маша подошла къ своей рубашкѣ и увидала, что на ней лежитъ ужакъ, она взяла палку и хотѣла согнать его, но ужъ поднялъ голову и засипѣлъ человѣчьимъ голосомъ.

«Маша, Маша, обѣщай за меня замужъ».

Маша заплакала и сказала «только отдай мнѣ рубашку, а я всё сдѣлаю».

«Пойдёшь ли замужъ?»

Маша сказала: «пойду» И ужъ сползъ съ рубашки и ушелъ въ воду.

Маша надѣла рубашку и побѣжала домой. Дома она сказала матери: «матушка, ужакъ легъ на мою рубашку и сказалъ: иди за меня замужъ, а то не отдамъ рубашки. Я ему обѣщала»

Мать посмѣялась и сказала: «это тебѣ приснилось».

— 32 —

Черезъ недѣлю цѣлое стадо ужей приползло кь машиному дому.

Маша увидала ужей, испугалась и сказала: «матушка, за мной ужи приползли»

Мать не повѣрила, но какъ увидала, сама испугалась и заперла сѣни и дверь въ избу. Ужи проползли подъ ворота и вползли въ сѣни, но не могли пройти въ избу. Тогда они выползли назадъ, всѣ вмѣстѣ свернулись клубкомъ и бросились въ окно. Они разбили стекло, упали на полъ въ избу я поползли по лавкамъ, столамъ и на печку. Маша забилась въ уголъ на печи, по ужи нашли её, стащили оттуда и повели къ водѣ.

Мать плакала и бѣжала за ними, но не догнала. Ужи вмѣстѣ съ Машей бросились въ воду.

Мать плакала о дочери и думала, что она умерла.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и смотрѣла на улицу. Вдругъ она увидала, что къ ней идётъ ея Маша и ведетъ за руку маленькаго мальчика, а на рукахъ несётъ дѣвочку.

Мать обрадовалась и стала цѣловать Машу и спрашивать её, гдѣ она была и чьи это дѣти? Маша сказала, что это ея дѣти, что ужъ взялъ её замужъ, и что она живётъ съ нимъ въ водяномъ царствѣ.

Мать спросила дочь, хорошо ли ей жить въ водяномъ царствѣ, и дочь сказала, что лучше, чѣмъ на землѣ.

Мать просила Машу, чтобъ она осталась съ нею, но Маша не согласилась. Она сказала, что обѣщала мужу вернуться.

Тогда мать спросила дочь:

— 33 —

«А какъ же ты домой пойдёшь?»

«Пойду, покличу: «Осипъ, Осипъ, выйди сюда и возьми меня»; онъ и выйдетъ на берегъ и возьмётъ меня».

Мать сказала тогда Машѣ: «ну, хорошо, только переночуй у меня».

Маша легла и заснула, а мать взяла топоръ и пошла къ водѣ.

Она пришла къ водѣ и стала звать: «Осипъ, Осипъ, выйди сюда».

Ужъ выплылъ на берегъ. Тогда мать ударила его топоромъ и отрубила голову. Вода сдѣлалась красною отъ крови.

Мать пришла домой, а дочь проснулась и говорить: «я пойду домой, матушка; мнѣ скучно стало» и она пошла.

Маша взяла дѣвочку на руки, а мальчика повела за руку.

Когда она пришла къ водѣ, она стала кликать: «Осипъ, Осипъ, выйди ко мнѣ». Но никто не выходилъ.

Тогда она посмотрѣла на воду и увидала, что вода красная и ужовая голова плаваетъ по ней.

Тогда Маша подѣловала дочь и сына, и сказала имъ: «Нѣтъ у васъ батюшки, не будетъ у васъ и матушки. Ты, дочка, будь птичкой ласточкой, летай надъ водой; ты, сынокъ, будь соловейчикомъ, распѣвай по зарямъ; а я буду кукушечкой, буду куковать по убитому по своему мужу». И они всѣ разлетѣлись въ разныя стороны.

УДАЧА.

Пріѣхали люди на островъ, гдѣ было много дорогихъ каменьевъ. Люди старались найти больше; они мало ѣли, мало спали, а всё работали. Одинъ только изъ нихъ ничего не дѣлалъ: а сидѣлъ на мѣстѣ: ѣлъ, пилъ и спалъ. Когда стали собираться домой, они разбудили этого человѣка и сказали: «ты съ чѣмъ-же домой поѣдешь?» Онъ взялъ поднялъ горсть земли подъ ногами и положилъ въ сумку.

Когда всѣ пріѣхали домой, этотъ человѣкъ досталъ свою землю изъ сумки и въ ней нашёлъ камень, драгоцѣннѣе всѣхъ другихъ вмѣстѣ.

ДВА БРАТА.

Два брата пошли вмѣстѣ путешествовать. Въ полдень они легли

отдохнуть въ лѣсу. Когда они проснулись, то увидали — подлѣ нихъ лежитъ камень и на камнѣ что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

«Кто найдетъ этотъ камень, тотъ пускай идётъ прямо въ лѣсъ на восходъ солнца. Во лѣсу придёть рѣка; пускай плывётъ черезъ рѣку на другую сторону. Увидишь медвѣдицу съ медвѣжатами: отними медвѣжатъ у медвѣдицы и бѣгі безъ оглядки прямо въ гору. На горѣ увидишь домъ и въ домѣ томъ найдёшь счастіе».

Братья прочли, что́ было написано, и меньшой сказалъ: «давай, пойдёмъ вмѣстѣ. Можетъ быть мы переплывёмъ эту рѣку, донесёмъ медвѣжатъ до дому и вмѣстѣ найдёмъ счастіе».

Тогда старшій сказалъ: «я не пойду въ лѣсъ за медвѣжатами

и тебѣ не совѣтую. Первое дѣло: никто не знаетъ — правда-ли написана на этомъ камнѣ; можетъ быть всё это написано на смѣхъ. Да можетъ быть мы и не такъ разобрали. Второе: — если и правда написано, — пойдёмъ мы въ лѣсъ, придётъ ночь, мы не попадёмъ на рѣку и заблудимся. Да если и найдёмъ рѣку, какъ мы переплывёмъ её? Можетъ быть она быстра и широка? Третье: — если и переплывёмъ рѣку, развѣ лёгкое дѣло отнять у медвѣдицы медвѣжатъ: она насъ задерётъ, и мы, вмѣсто счастія, пропадёмъ ни за что. Четвёртое дѣло: — если намъ и удастся унести медвѣжатъ, мы не добѣжимъ безъ отдыха въ гору. Главное-же дѣло — не сказано какое счастіе мы найдёмъ въ этомъ домѣ? Можетъ-быть насъ тамъ ждётъ такое счастіе, какого намъ вовсе не нужно».

А меньшой сказалъ «по моему не такъ. Напрасно этого писать па камнѣ не стали-бы. И всё написано ясно. Первое дѣло: — намъ бѣды не будетъ, если и попытаемся. Второе дѣло: — если мы не пойдёмъ, кто нибудь другой прочтётъ надпись на камнѣ и найдётъ счастье, а мы останемся ни при чёмъ. Третье дѣло: не потрудиться, да не поработать, ничто въ свѣтѣ не радуетъ. Четвёртое: — не хочу я, чтобъ подумали, что я чего-нибудь да побоялся».

Тогда старшій сказалъ, «и пословица говоритъ: искать большого счастія — малое потерять; да, ещё: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки».

А меньшой сказалъ: «а я слыхалъ — волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить; да ещё: подъ лежачій камень вода не потечётъ. По мнѣ надо идти».

Меньшой брать пошёлъ, а старшій остался.

Какъ только меньшой брать вошёлъ въ лѣсь, онъ напалъ на рѣку, переплылъ её и тутъ-же на берегу увидалъ медвѣдицу. Она спала. Онъ ухватилъ медвѣжать и побѣжалъ безъ оглядки на гору. Только что добѣжалъ до верху, — выходить ему на встрѣчу народъ: подвезли ему карету, повезли въ городъ и сдѣлали царёмъ.

Онъ царствовалъ пять лѣтъ. На 6-ой годъ пришёлъ на него войной другой царь, сильнѣе его: завоевалъ городъ и прогналъ его. Тогда меньшой брать пошёлъ опять странствовать и пришёлъ къ старшему брату.

Старшій братъ жилъ въ деревнѣ ни богато, ни бѣдно. Братья обрадовались другъ другу и стали разсказывать про свою жизнь.

Старшій брать и говоритъ: «вотъ и вышла моя правда: я всё время жиль тихо я хорошо, а ты хошь и былъ царёмъ, за то много горя видѣлъ».

А меньшой сказалъ: «я не тужу, что пошёлъ тогда въ лѣсъ на гору; хошь мнѣ и плохо теперь, за то есть чѣмъ помянуть мою жизнь, а тебѣ и помянуть-то нечѣмъ».

ПЕТРЪ I-й И МУЖИКЪ.

Наѣхалъ Царь Петръ на мужика въ лѣсу. Мужикъ дрова рубитъ.

Царь говоритъ: «Божья помощь, мужикъ!»

Мужикъ и говоритъ: «и то мнѣ нужна Божья помощь».

Царь спрашиваетъ: «а велика ли у тебя семья?»

— «У меня семьи два сына, да двѣ дочери».

«Ну, не велико твоё семейство. Куда-жь ты деньги кладёшь?»

— «А я деньги на три части кладу: во первыхъ долгъ плачу, въ другихъ — въ долгъ даю, въ третьихъ — въ воду мечу».

Царь подумалъ и не знаетъ, что это значитъ, что старикъ и долгъ платитъ, и въ долгъ даётъ, и въ воду мечетъ.

А старикъ говоритъ: «долгъ плачу — отца-мать кормлю; въ долгъ даю — сыновей кормлю; а въ воду мечу — дочерей рощу».

Царь и говоритъ: «умная твоя голова, старичокъ. Теперь выведи меня изъ лѣсу въ поле: я дороги не найду».

Мужикъ говоритъ: «найдёшь и самъ дорогу: иди прямо, потомъ сверни вправо, а потомъ влѣво, потомъ опять вправо».

Царь и говоритъ: «я этой грамоты не понимаю; ты сведи меня».

— «Мнѣ, сударь, водить некогда: намъ въ крестьянствѣ день дорого стоитъ».

«Ну, дорого стоитъ, такъ я заплачу».

— «А заплатишь, пойдёмъ».

Сѣли они на одноколку, поѣхали.

Сталъ дорогой Царь мужичка спрашивать: «далече-ли ты, мужичёкъ, бывалъ»?

— «Кое-гдѣ бывалъ».

«А видалъ-ли Царя?»

— «Царя не видалъ, а надо-бъ посмотрѣть»

«Такъ вотъ, какъ выѣдемъ въ поле, — и увидишь Царя».

— «А какъ я его узнаю?»

«Всѣ безъ шапокъ будутъ; одинъ Царь въ шапкѣ».

Вотъ пріѣхали они въ поле. Увидалъ народъ Царя, — всѣ поснимали шапки. Мужикъ пялитъ глаза, а не видитъ Царя.

Вотъ онъ и спрашиваетъ: «а гдѣ же Царь?»

Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: «видишь, только мы двое въ шапкахъ — кто-нибудь изъ насъ да Царь».

ТРИ ВОРА.

Одинъ мужикъ вёлъ въ городъ продавать осла и козу. На козѣ былъ привязанъ бубенчикъ.

Три вора увидали мужика, и одинъ сказалъ: «я украду козу, такъ что

мужикъ и не замѣтитъ».

Другой воръ сказалъ: «а я изъ рукъ у мужика украду осла».

Третій сказалъ: «и это не трудно; а я такъ всё платье съ мужика украду».

Первый воръ подкрался къ козѣ; снялъ съ нея бубенчикъ и привѣсилъ къ хвосту осла, а козу увёлъ въ поле.

Мужикъ на поворотѣ оглянулся, увидалъ, что козы нѣтъ, сталъ искать.

Тогда къ нему подошёлъ второй воръ и спросилъ, чего онъ ищетъ?

Мужикъ сказалъ, что у него украли козу. Второй воръ сказалъ: «я видѣлъ твою козу: вотъ сейчасъ только въ этотъ лѣсъ пробѣжалъ человѣкъ съ козою. Его можно поймать».

Мужикъ побѣжалъ догонять козу и попросилъ вора подержать осла. Второй воръ увёлъ осла.

Когда мужикъ вернулся изъ лѣсу и увидалъ, что и осла его нѣтъ, онъ заплакалъ и пошёлъ по дорогѣ.

На дорогѣ, у пруда увидалъ онъ — сидитъ человѣкъ и плачетъ Мужикъ спросилъ, что́ съ нимъ?

Человѣкъ сказалъ, что ему велѣли отнести въ городъ мѣшокъ съ золотомъ и что онъ сѣлъ отдохнуть у пруда, заснулъ и во снѣ столкнулъ мѣшокъ въ воду.

Мужикъ спросилъ — отчего онъ не лѣзетъ доставать его?

Человѣкъ сказалъ: «я боюсь воды и не умѣю плавать; но я дамъ 20 золотыхъ тому, кто достанетъ мѣшокъ». Мужикъ обрадовался и подумалъ: мнѣ Богъ далъ счастье за то, что у меня украли козу и осла. Онъ раздѣлся, полѣзъ въ воду, но мѣшка съ золотомъ не нашёлъ; а когда онъ вылѣзъ изъ воды, его платья уже не было.

Это былъ третій воръ: онъ укралъ и платье.

РОВНОЕ НАСЛѢДСТВО.

У одного купца было два сына. Старшій былъ любимецъ отца, и отецъ

всё своё наслѣдство хотѣлъ отдать ему. Мать жалѣла меньшаго сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьямъ, какъ ихъ раздѣлятъ: она хотѣла какъ нибудь сравнять двухъ сыновей. Купецъ её послушалъ и не объявлялъ своего рѣшенія.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и плакала: къ окну подошёлъ странникъ и спросилъ, о чёмъ она плачетъ?

Она сказала: «какъ мнѣ не плакать; оба сына мнѣ равны, а отецъ хочетъ одному сыну всё отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего рѣшенія

сыновьямъ, пока я не придумаю, какъ помочь меньшему. Но денегъ у меня своихъ нѣтъ и я не знаю, какъ помочь горю».

Странникъ сказалъ: «твоему горю легко помочь: поди, объяви сыновьямъ, что старшему достанется всё богатство, а меньшему ничего; и у нихъ будетъ поровну».

Меньшой сынъ, какъ узналъ, что у него ничего не будетъ, ушёлъ въ чужія страны и выучился мастерствамъ и наукамъ, а старшій жилъ при отцѣ и ничему не учился, потому что зналъ, что будетъ богатъ.

Когда отецъ умеръ, старшій ничего не умѣлъ дѣлать, прожилъ всё своё имѣніе, а младшій выучился наживать на чужой сторонѣ, и сталъ богатъ.

IV.

ШАТЪ И ДОНЪ.

У старика Ивана было два сына, Шатъ Иванычъ и Донъ Иванычъ. Шатъ Иванычъ быль старшій братъ; онъ былъ сильнѣе и больше, а Донъ Иванычъ былъ меньшій и былъ меньше и слабѣе. Отецъ показалъ каждому дорогу и велѣлъ имъ слушаться. Шатъ Иванычъ не послушался отца и не пошёлъ по показанной дорогѣ, сбился съ пути и пропалъ. А Донъ Иванычъ слушалъ отца и шёлъ туда, куда отецъ приказывалъ. За то онъ прошёлъ всю Россію и сталъ славенъ.

Въ Тульской губерніи, въ Епифанскомъ уѣздѣ есть деревня «Иванъ-озеро» и въ самой деревнѣ есть озеро. Изъ озера вытекаютъ въ разныя

стороны два ручья. Одинъ ручей такъ узокъ, что черезъ него перешагнуть можно. Этотъ ручей называютъ Донъ. Другой ручеёкъ широкій, и его называютъ Шатъ.

Донъ идётъ всё прямо и чѣмъ дальше онъ идётъ, тѣмъ шире становится.

Шатъ вертится съ одной стороны на другую. Донъ, прошёлъ черезъ всю Россію и впалъ въ Чёрное море. Въ нёмъ много рыбы, и по нёмъ ходятъ барки и пароходы.

Шатъ зашатался, не вышелъ изъ Тульской губерніи и впалъ въ рѣку Упу.

ВОЛГА И ВАЗУЗА.

Были двѣ сестры Волга и Вазуза Онѣ стали спорить, кто изъ нихъ умнѣе и кто лучше проживётъ.

Волга сказала: «зачѣмъ намъ спорить, — мы обѣ на возрастѣ. Давай выйдемъ завтра по утру изъ дому и лойдёмъ каждая своей дорогой; тогда увидимъ, кто изъ двоихъ лучше пройдётъ и скорѣе придётъ въ Хвалынское царство.

Вазуза согласилась, но обманула Волгу Только что Волга заснула, Вазуза ночью побѣжала прямой дорогой въ Хвалынское царство.

Когда Волга встала и увидала, что сестра ея ушла, она ни тихо, ни скоро пошла своей дорогой и догнала Вазузу.

Вазуза испугалась, чтобъ Волга не наказала ея; назвалась меньшей сестрой и попросила Волгу довести её до Хвалынскаго царства. Волга простила сестру и взяла съ собой.

Рѣка Волга начинается въ Осташковскомъ уѣздѣ изъ болотъ, въ деревнѣ Волго. Тамъ есть небольшой колодезь, изъ него течётъ Волга. А рѣка Вазуза начинается въ горахъ. Вазуза течётъ прямо, а Волга поворачиваетъ.

Вазуза весной раньше ломаетъ лёдъ и проходитъ, а Волга позднѣе. Но когда обѣ рѣки сходятся, въ Волгѣ уже 30 саженей ширины, а Вазуза ещё узкая и маленькая рѣчка. Волга проходитъ черезъ всю Россію на три тысячи сто шестьдесятъ вёрстъ и впадаетъ въ Хвалынское (Каспійское) море. И ширины въ ней въ полую воду бываетъ до двѣнадцати вёрстъ.

СУДОМА.

Въ Псковской губерніи, въ Пороховскомъ уѣздѣ, есть рѣчка Судома, и на берегахъ этой рѣчки есть двѣ горы, другъ противъ дружки.

На одной горѣ былъ прежде городокъ Вышгородъ, на другой горѣ въ прежнія времена судились Славяне. Старики расказываютъ, что на этой горѣ встарину съ неба висѣла цѣпь, и что кто былъ правъ, тотъ до цѣпи доставалъ рукой, а кто былъ виноватъ, тотъ не могъ достать. Одинъ человѣкъ занялъ у другаго деньги и отперся. Привели ихъ обоихъ на гору Судому и велѣли доставать до цѣпи. Тотъ, что́ давалъ деньги, поднялъ руку и сразу досталъ. Пришёлъ черёдъ виноватому доставать. Онъ не отпирался, а только отдалъ свой костыль подержать тому, съ кѣмъ судился, чтобы ловчѣе было руками достать до цѣпи; протянулъ руки и досталъ. Тогда народъ удивился: какъ оба правы? А у виноватаго костыль былъ пустой, и въ костылѣ были запрятаны тѣ самыя деньги, въ какихъ онъ отпирался. Когда онъ отдалъ въ руки костыль съ деньгами подержать тому, кому онъ долженъ былъ, онъ съ костылёмъ отдалъ и деньги, и потому досталъ цѣпь.

Такъ онъ обманулъ всѣхъ. Но съ тѣхъ поръ цѣпь поднялась на небо и больше не спускалась. Такъ разсказываютъ старики.

ЗОЛОТОВОЛОСАЯ ЦАРЕВНА.

Въ Индіи была одна царевна съ золотыми волосами; у нея была злая мачиха. Мачиха возненавидѣла золотоволосую падчерицу и уговорила царя сослать её въ

пустыню. Золотоволосую свели далеко въ пустыню и бросили. На пятый день золотоволосая царевна вернулась верхомъ на львѣ назадъ къ своему отцу.

Тогда мачиха уговорила царя сослать золотоволосую падчерицу въ дикія горы, гдѣ жили только коршуны. Коршуны на четвёртый день принесли её назадъ.

Тогда мачиха сослала царевну на островъ среди моря. Рыбаки увидали золотоволосую царевну и на шестой день привезли её назадъ къ царю.

Тогда мачиха велѣла на дворѣ вырыть глубокій колодезь, опустила туда золотоволосую царевну и засыпала землёй.

Черезъ шесть дней изъ того мѣста, куда зарыли царевну, засвѣтился свѣтъ, и когда царь велѣлъ раскопать землю, тамъ нашли живую золотоволосую царевну.

Тогда мачиха велѣла выдолбить колоду тутоваго[5] дерева, задѣлала туда царевну и пустила её по морю.

На девятый день море принесло золотоволосую царевну въ японскую землю и тамъ её Японцы вынули изъ колоды. Она была жива.

Но какъ только она вышла на берегъ, она умерла, и изъ нея сдѣлался шелковичный червь.

Шелковичный червь всползъ на тутовое дерево и сталъ ѣсть тутовый листъ. Когда онъ повыросъ, онъ вдругъ сдѣлался мёртвый: не ѣлъ и не шевелился.

На пятый день, въ тоть самый срокъ, какъ царевну нринёсъ левъ изъ пустыни, — червь ожилъ и опять сталъ ѣсть листъ.

Когда червь опять повыросъ, онъ опять умеръ и на четвёртый день, въ тотъ самый срокъ, какъ коршуны принесли царевну, червь ожилъ и опять сталъ ѣсть.

И опять умеръ, и въ тотъ самый срокъ, какъ царевна вернулась на лодкѣ, опять ожилъ.

И опять умеръ въ четвёртый разъ и ожилъ на шестой день, когда царевну выкопали изъ колодца.

И опять въ послѣдній разъ умеръ, и на девятый день, въ тотъ самый срокъ, какъ царевна приплыла въ Японію, ожилъ въ золотой, шёлковой куколкѣ. Изъ куколки вылетѣла бабочка и положила яички, а изъ яичекъ вывелись черви и повелись въ Японіи. Черви пять разъ засыпаютъ и пять разъ оживаютъ.

Японцы разводятъ много червей, дѣлаютъ много шёлка; и первый сонъ червя называется сномъ льва, второй — сномъ коршуна, третій — сномъ лодки, четвёртый — сномъ двора и пятый — сномъ колоды.

КАМБИЗЪ И ПСАМЕНИТЪ.

Когда царь персидскій Камбизъ завоевалъ Египетъ и полонилъ царя Египетскаго Псаменита, онъ велѣлъ вывесть на площадь царя Псаменита съ другими египтянами и велѣлъ вывести на площадь двѣ тысячи человѣкъ, а съ ними вмѣстѣ псаменитову дочь, приказалъ одѣть её въ лохмотья и выслать съ вёдрами за водой; вмѣстѣ съ нею онъ послалъ въ такой-же одеждѣ и дочерей самыхъ знатныхъ египтянъ. Когда дѣвицы съ воемъ и плачемъ прошли мимо отцовъ, отцы заплакали, глядя на дочерей. Одинъ только Псаменитъ не плакал, а только потупился.

Когда дѣвицы прошли, Камбизъ выслалъ сына Псаменита съ другими египтянами. У всѣхъ ихъ вокругъ шеи были обвязаны верёвки, а во рту были удила. Ихъ вели убивать.

Псаменитъ видѣлъ это и понялъ, что сына ведутъ на смерть. Но такъ же, какъ и при видѣ дочери, когда другіе отцы плакали, глядя на своихъ дѣтей, онъ только потупился.

Потомъ прошёлъ мимо Псаменита прежній товарищъ его и родственникъ.

Онъ прежде былъ богатъ, а теперь какъ нищій просилъ милостыню по войску. Какъ только Псаменитъ увидалъ его, онъ назвалъ его по имени, ударилъ себя по головѣ и зарыдалъ. Камбизъ удивился тому, что́ Псаменитъ сдѣлалъ, и послалъ спросить его такъ:

«Псаменитъ! Господинъ твой Камбизъ спрашиваетъ: отчего, когда дочь твою осрамили и сына вели на смерть, ты не плакалъ, а нищаго, и вовсе не роднаго, такъ пожалѣлъ?».

Псаменитъ отвѣчалъ:

«Камбизъ! моё собственное горе такъ велико, что о нёмъ и плакать нельзя; а товарища мнѣ жалко стало за то, что онъ въ старости изъ богатства попалъ въ нищету».

Былъ при этомъ другой плѣнный царь — Крезъ. Когда онъ услыхалъ эти слова, ему больнѣе показалось своё горе, и онъ заплакалъ — и всѣ Персы, что́ тутъ были, всѣ заплакали.

И на самого Камбиза нашла жалость, и онъ велѣлъ вернуть назадъ Псаменитова сына, а самаго Псаменита привесть къ себѣ. Но сына не застали живымъ —

онъ уже былъ убитъ; а самого Псаменита привели къ Камбизу, и Камбизъ помиловалъ его.

ЕРМАКЪ.

При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ были богатые купцы Строгоновы и жили они въ Перми на рѣкѣ Камѣ. Прослышали они, что по рѣкѣ Камѣ на 140 верстъ въ кругу есть хороша земля: пашня не пахана отъ вѣка, лѣса черные отъ вѣка не рублены. Въ лѣсахъ звѣря много, и по рѣкѣ озёра рыбныя, и никто на той землѣ не живётъ, только захаживаютъ Татары.

Строгоновы написали Царю письмо «Отдай намъ эту землю, а мы сами по ней городки построимъ и народъ соберёмъ, заселимъ и не будемъ давать черезъ эту землю ходу Татарамъ.»

Царь согласился и отдалъ имъ землю Строгоновы послали прикащиковъ собирать народъ. И сошлось къ нимъ много гулящаго народа. Кто приходилъ, тѣмъ Строгоновы отводили землю, лѣсъ, давали скотину, и никакихъ оброковъ не брали, только живи и, когда нужда, выходи съ народомъ биться съ Татарами. Такъ и заселились эта земля русскимъ народомъ.

Прошло лѣтъ 20-ть. Строгоновы купцы ещё сильнѣе разбогатѣли, и мало имъ стало той земли на 140 вёрстъ. Захотѣли они ещё болѣе земли. Вёрстъ за 100 отъ нихъ были высокія горы, Уральскія, и за этими горами, прослышали они, есть прекраснѣйшая земля, и землѣ той конца нѣтъ. Владѣлъ этой землёй Сибирскій князёкъ Кучумъ. Кучумъ въ прежнее время покорился Царю Русскому, а потомъ сталъ бунтовать и грозилъ разорить Строгоновскіе городки.

Вотъ Строгоновы и написали Царю: «отдалъ ты намъ землю, мы её подъ твою руку покорили; теперь воровской царёкъ Кучумъ противъ тебя бунтуетъ и хочетъ и эту землю отнять и насъ разорить. Вели ты намъ занять землю за Уралскими горами; мы Кучума завоюемъ и всю его землю подъ твою руку подведёмъ.» Царь согласился и отписалъ: «Если сила у васъ есть, отберите у Кучума землю. Только изъ Россіи много народу не сманивайте.»

Вотъ Строгоновы какъ получили отъ Царя письмо, послали прикащиковъ ещё собирать народъ къ себѣ. И больше велѣли подговаривать казаковъ съ Волги и съ Дону. А въ то время по Волгѣ, по Дону казаковъ много ходило. Соберутся шайками въ 200, 300, 600 человѣкъ, выберутъ Атамана и плаваютъ на стругахъ, перехватываютъ суда, грабятъ, а на зиму становятся городкомъ на берегу.

Пріѣхали прикащики на Волгу и стали спрашивать: какіе тутъ казаки слывутъ. Имъ и говорятъ: «казаковъ много. Житья отъ нихъ не стало. Есть Мишка Черкашенинъ, есть Сары-Азманъ... Но нѣтъ злѣе Ермака Тимофеича, Атамана. У того человѣкъ 1000 народа и его нетолько

народъ и купцы боятся, а царское войско къ нему приступить не смѣетъ».

И поѣхали прикащики къ Ермаку Атаману и стали его уговаривать идти къ Строгонову. Ермакъ принялъ прикащиковъ, отслушалъ ихъ рѣчи и обѣщалъ придти съ народомъ своимъ къ Успенью.

Къ Успенью пришли къ Строгоновымъ казаки человѣкъ 600 съ Атаманомъ Ермакомъ Тимофеевичемъ. Напустилъ ихъ сначала Строгоновъ на ближнихъ Татаръ.

Казаки ихъ побили. Потомъ когда нечего было дѣлать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призываетъ Строгоновъ Ермака и говоритъ: «Я васъ теперь больше держать не стану, если вы такъ шалить будете». А Ермакъ говорить: «Я и самъ не радъ, да съ народомъ моимъ не совладаешь, набаловались. Дай намъ работу». Строгоновъ и говоритъ: «Идите за Уралъ воевать съ Кучумомъ, завладѣйте его землёю. Васъ и Царь наградитъ.» И показалъ Ермаку царское письмо. Ермакъ обрадовался, собралъ казаковъ и говоритъ:

«Вы меня срамите передъ хозяиномъ—всё безъ толку грабите. Если не бросите, онъ васъ прогонитъ, а куда пойдёте? На Волгѣ царскаго войска много, насъ переловятъ и за прежнія дѣла худо будетъ. А если скучно вамъ, то вотъ вамъ работа».

И показалъ имъ Царское письмо, что позволено Строгонову за Ураломъ землю завоевать. Поговорили казаки и согласились идти. Пошёлъ Ермакъ къ Строгонову, сталъ съ нимъ думать, какъ имъ идти.

Обсудили, сколько струговъ надо, сколько хлѣба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиковъ татаръ плѣнныхъ, сколько нѣмцевъ мастеровъ ружейныхъ.

Строгоновъ думаетъ: хоть и дорого мнѣ станетъ, а надо дать ему всего, а то здѣсь останутся, разорятъ меня. Согласился Строгоновъ, собралъ всего и снарядилъ Ермака съ казаками.

1-го Сентября поплыли казаки съ Ермакомъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой на 32-хъ стругахъ, на каждомъ стругѣ было 20-ть человѣкъ. Плыли они четыре дня

на вёслахъ вверхъ по рѣкѣ и выплыли въ Серебряную рѣку. Оттуда ужъ плыть нельзя. Разспросили проводниковъ и узнали, что надо имъ тутъ перевалиться черезъ горы и вёрстъ 200 сухопутьемъ пройти а потомъ пойдутъ опять рѣки. Остановились тутъ казаки, построили городъ, и выгрузили всю снасть; и струга побросали, а наладили телѣги, уложили

всё и пошли сухопутьемъ — черезъ горы. Мѣста всё были лѣсныя и народу не жило никакого. Прошли они 10 дней сухопутьемъ, попали на Жаровню на рѣку. Тутъ опять постояли, и стали ладить струги. Наладили и поплыли по рѣкѣ внизъ. Проплыли пять дней, и пришли мѣста еще веселѣе: луга, лѣса, озёра. И рыбы и звѣря много; и звѣрь непуганный. Проплыли ещё день, выплыли въ Туру рѣку. Тутъ по Турѣ рѣкѣ сталъ попадаться народъ и городки татарскіе.

Послалъ Ермакъ казаковъ посмотрѣть одинъ городокъ, что за городокъ и много ли въ нёмъ силы: Пошли 20 казаковъ, распугали всѣхъ татаръ и забрали весь городокъ, и скотину всю забрали. Какихъ татаръ перебили, а какихъ привели живьёмъ.

Сталъ Ермакъ черезъ переводчиковъ спрашивать татаръ: какіе они люди и подъ чьей рукой живутъ? Татары говорятъ, что они Сибирскаго царства и царь ихъ Кучумъ.

Ермакъ отпустилъ татаръ, а троихъ поумнѣе взялъ съ собой, чтобы они ему дорогу показывали.

Поплыли дальше. Что дальше плывутъ, то рѣка всё больше становится; а мѣста, что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. Только народъ не сильный. И всѣ городки, какіе были по рѣкѣ, казаки повоевали.

Забрали они въ одномъ городкѣ много татаръ и одного почётнаго, стараго татарина. Стали спрашивать татарина, что́ онъ за человѣкъ? Онъ и говоритъ: «Я Таузикъ, я своего царя Кучума слуга, и отъ него начальникомъ въ этомъ городѣ».

Ермакъ сталь спрашивать Таузика про его царя. Далеко ли его городъ Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства? Таузикъ всё разсказалъ. Говоритъ: «Кучумъ первѣйшій царь на свѣтѣ. Городъ его Сибирь — самый большой городъ на свѣтѣ. Въ городѣ этомъ, говоритъ, людей и скотины столько, сколько звѣздъ на небѣ. А силы у Кучума царя счёту нѣтъ, его всѣ цари вмѣстѣ не завоюютъ.

А Ермакъ говорить: «Мы, русскіе, пришли сюда твоего царя завоевать и его городъ взять; русскому Царю подъ руку подвести. Силы у насъ: много. Что́ со мной пришли — это только передніе, а сзади плывутъ въ стругахъ — счёту имъ нѣтъ, и у всѣхъ ружья. А ружья наши насквозь дерево пробиваютъ, не то что ваши луки и стрѣлы. Вотъ смотри».

И Ермакъ выпалилъ въ дерево, и дерево раскололось, и со всѣхъ сторонъ стали палить казаки, Таузикъ отъ страха на колѣни упалъ. Ермакъ и говоритъ ему: «ступай же ты къ своему царю Кучуму и скажи ему, что́ ты видѣлъ. Пускай онъ покоряется, а не покорится, такъ и его погубимъ». И отпустилъ Таузика.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ большую рѣку Тоболь, и всё къ Сибири городу приближаются. Подплыли они къ рѣчкѣ Бабасанъ, смотрятъ — на берегу городокъ стоитъ, и кругомъ городка татаръ много.

— 52 —

Послали они переводчика къ татарамъ — узнать, что́ за люди. Приходитъ назадъ переводчикъ, говоритъ: «Это войско Кучумово собралось. А начальникомъ надъ войскомъ самъ зять Кучумовъ — Маметкулъ. Онъ меня призывалъ и велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы назадъ шли, а то онъ васъ перебьётъ».

Ермакъ собралъ казаковъ, вышелъ на берегъ и началъ стрѣлять въ татаръ. Какъ услыхали татары пальбу, такъ и побѣжали. Стали ихъ казаки догонять, и какихъ перебили, а какихъ забрали. Насилу самъ Маметкулъ ушелъ.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ широкую, быструю рѣку Иртышъ. По Иртышу-рѣкѣ проплыли день, подплыли къ городку хорошему и остановились. Пошли казаки въ городокъ. Только стали подходить, начали въ нихъ татары стрѣлы пускать и поранили трёхъ казаковъ. Послалъ Ермакъ переводчика сказать татарамъ, чтобы сдали городъ, а то всѣхъ перебьютъ. Переводчикъ пошёлъ, вернулся и говоритъ: «Тутъ живётъ Кучумовъ слуга Атикъ Мурза Качара. У него силы много, и онъ говоритъ, что не сдастъ городка».

Ермакъ собралъ казаковъ и говоритъ:

«Ну, ребята, если не возьмёмъ этого городка, татары запируютъ. И намъ ходу не дадутъ. Что скорѣе страха зададимъ, то намъ легче будетъ. Выходи всѣ. Кидайся всѣ разомъ.» Такъ и сдѣлали. Татаръ много тутъ было, и татары лихіе.

Какъ бросились казаки, стали татары стрѣлять изъ луковъ. Засыпали казаковъ стрѣлами. Которыхъ до смерти перебили, которыхъ переранили.

— 53 —

Озлились и казаки, добрались до татаръ, и какіе попались, всѣхъ перебили.

Въ городкѣ этомъ нашли казаки много добра, скотины, ковровъ, мѣховъ и мёду много. Похоронили мёртвыхъ, отдохнули, забрали добро съ собой и поплыли дальше Не далеко проплыли, смотрятъ — на берегу какъ городъ стоитъ, войска конца-края невидать, и все войско окопано канавой, и канава лѣсомъ завалена. Остановились казаки Стали думать; собралъ Ермакъ кругъ. «Ну что, ребята, как быть?»

Казаки заробѣли. Одни говорятъ: надо мимо плыть; другіе говорятъ: назадъ идти.

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорятъ: «зачѣмъ ты насъ завёлъ сюда? Вотъ перебили ужь изъ насъ сколько, да переранили; и всѣ мы тутъ пропадёмъ.» Стали плакать.

Ермакъ и говоритъ своему подъатаманью, Ивану Кольцо: «Ну, а ты, Ваня, какъ думаешь?» А Кольцо и говоритъ: «А я что думаю? Не нынче убьютъ, такъ завтра; а не завтра, такъ даромъ на печи помрёмъ. По мнѣ — выйти на берегъ, да и валить прямо лавой на Татаръ, — что́ Богъ дастъ?»

Ермакъ и говоритъ: «Ай молодецъ, Ваня! Такъ и надо. Эхъ вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно бѣлужину ловить, да бабъ татарскихъ пугать, только на то васъ и взять. Развѣ не видите сами? Назадъ идти — перебьютъ; мимо плыть — перебьютъ; здѣсь стоять—перебьютъ. Куда же намъ попятиться? Разъ потрудишься, послѣ полегчаетъ. Такъ-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Какъ подъ горку — везётъ, и по ровному везётъ, а какъ придётся въ гору,

заноровится, назадъ воротитъ, думаетъ легче будетъ. Такъ взялъ батюшка колъ, возилъ-возилъ её коломъ-то. Ужъ она крутилась, билась, всю телѣгу разбила. Выпрягъ её батюшка изъ воза и ободралъ. А везла бы возъ, никакой бы муки не видала. Такъ-то и намъ, ребята. Одно только мѣсто осталось, прямо на татаръ ломить».

Засмѣялись казаки, говорятъ: «видно ты Тимофеичъ умнѣе нашего; насъ дураковъ и спрашивать нечего. Веди куда знаешь. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать». Ермакъ и говоритъ: «Ну, слушай, ребята! Вотъ какъ дѣлать. Они ещё насъ всѣхъ не видали. Разобьёмтесь мы на три кучки. Одни въ середину прямо на нихъ пойдутъ, а другія двѣ кучи въ обходъ зайдутъ справа и слѣва. Вотъ какъ станутъ средніе подходить, они подумаютъ, что мы всѣ тутъ — выскочатъ. А тогда съ боковъ и ударимъ. Такъ-то, ребята. А этихъ перебьёмъ, ужъ бояться некого. Царями сами будемъ».

Такъ и сдѣлали. Какъ пошли средніе съ Ермакомъ, татары завизжали, выскочили; тутъ ударили — справа Иванъ Кольцо, слѣва — Мещерякъ атаманъ. Испугались татары, побѣжали. Перебили ихъ казаки. Тутъ ужъ Ермаку никто противиться не смѣлъ. И такъ онь вошёлъ въ самый городъ Сибирь. И насѣлъ туда Ермакъ всё равно какъ Царёмъ.

Стали пріѣзжать къ Ермаку царьки съ поклонами. Стали татары пріѣзжать селиться въ Сибири: а Кучумъ съ зятемъ Маметкуломъ боялись на Ермака прямо идти, а только кругомъ ходили, придумывали, какъ бы его погубить.

Весною по водополью прибѣжали къ Ермаку татары, говорятъ: Маметкулъ опять на тебя идётъ, собралъ войска много, стоитъ на Вагаѣ рѣкѣ.

Ермакъ собрался черезъ рѣки, болота, ручьи, лѣса, подкрался съ казаками, бросился на Маметкула и побилъ много татаръ и самаго Маметкула забралъ живьёмъ и привёзъ въ Сибирь. Тутъ ужъ мало немирныхъ Татаръ осталось, а какіе не покорялись, на тѣхъ Ермакъ ходилъ въ это лѣто; и по Иртышу, по Оби рѣкамъ завоевалъ Ермакъ столько земли, что въ два мѣсяца не обойдёшь.

Какъ забралъ Ермакъ всю эту землю, послалъ Ермакъ посла къ Строгоновымъ и письмо. «Я, говоритъ, Кучума городъ взялъ и Маметкула въ плѣнъ забралъ, и весь здѣшній народъ подъ свою руку привёлъ. Только казаковъ много истратилось. Присылайте народа, чтобы намъ веселѣе было. А добра въ здѣшней землѣ и конца нѣтъ».

И послалъ онъ дорогихъ мѣховъ: лисицъ, куницъ и соболей.

Прошло тому дѣлу два года. Ермакъ всё держалъ Сибирь, а помощь изъ Россіи всё не приходила, и стало у Ермака мало русскаго народа.

Прислалъ разъ къ Ермаку татаринъ Карача посла, говоритъ: «мы тебѣ покорились, а насъ Ногайцы обижаютъ, пришли къ намъ своихъ молодцовъ на помощь. Мы вмѣстѣ Ногайцевъ покоримъ. А что мы твоихъ молодцовъ не обидимъ, такъ мы тебѣ клятву дадимъ».

Ермакъ повѣрилъ ихъ клятвѣ и отпустилъ съ Иваномъ Кольцомъ 40 человѣкъ. Какъ пришли эти сорокъ

человѣкъ, татары бросились на нихъ и побили; казаковъ ещё меньше стало.

Прислали другой разъ бухарскіе купцы вѣсть Ермаку, что они собрались къ нему въ Сибирь городъ товары везти, да что имъ на дорогѣ Кучумъ съ войскомъ стоитъ и не пускаетъ ихъ пройти.

Ермакъ взялъ съ собой 50 человѣкъ и пошёлъ очистить дорогу Бухарцамъ. Пришёлъ онъ къ Иртышу рѣкѣ, не нашёлъ Бухарцевъ. Остановился ночевать. Ночь была тёмная и дождь. Только полегли спать казаки, откуда ни взялись татары, бросились на сонныхъ, начали ихъ бить. Вскочилъ Ермакъ, сталъ биться. Ранили его ножомъ въ руку. Бросился онъ бѣжать къ рѣкѣ. Татары за нимъ. Онъ въ рѣку. Только его и видѣли. И тѣла его не нашли, и никто не узналъ, какъ онъ умеръ.

На другой годъ пришло царское войско, и Татары замирились.

СОВА И ЗАЯЦЪ.

Смерклось. Стали совы летать въ лѣсу по оврагу, высматривать добычу.

Выскочилъ на полянку большой русакъ, сталъ охорашиваться. Старая сова посмотрѣла на русака и сѣла на сукъ; а молодая сова говорить: «что-жъ ты зайца не ловишь?» Старая говоритъ: «не по силамъ, — великъ русакъ: ты въ него вцѣпишься, а онъ тебя уволочётъ въ чащу». А молодая сова говорить: «а я одной лапой вцѣплюсь, а другой поскорѣе за дерево придержусь».

И пустилась молодая сова за зайцомъ, вцѣпилась ему лапой въ спину такъ, что всѣ когти ушли, а другую лапу приготовила за дерево уцѣпиться. Какъ поволокъ заяцъ сову, она уцѣпилась другой лапой за дерево и думала: «не уйдётъ». Заяцъ рванулся и разорвалъ сову. Одна лапа осталась на деревѣ, другая на спинѣ у зайца. На другой годъ охотникъ убилъ этого зайца и дивился тому, что у него въ спинѣ были заросшіе совиные когти.

КАКЪ ВОЛКИ УЧАТЪ СВОИХЪ ДѢТЕЙ.

Я шёлъ по дорогѣ и сзади себя услыхалъ крикъ. Кричалъ мальчикъ пастухъ. Онъ бѣжалъ полемъ и на кого-то показывалъ.

Я поглядѣлъ и увидалъ — по полю бѣгутъ два волка; одинъ матерой, другой молодой. Молодой нёсъ на спинѣ зарѣзаннаго ягнёнка, а зубами держалъ его за ногу. Матерой волкъ бѣжалъ позади.

Когда я увидалъ волковъ, я вмѣстѣ съ пастухомъ побѣжалъ за ними, и мы стали кричать. На нашъ крикъ прибѣжали мужики съ собаками.

Какъ только старый волкъ увидалъ собакъ и народъ, онъ подбѣжалъ къ молодому, выхватилъ у него ягнёнка, перекинулъ себѣ на спину и оба волка побѣжали скорѣе и скрылись изъ глазъ.

Тогда мальчикъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло: изъ оврага выскочилъ большой волкъ, схватилъ ягнёнка, зарѣзалъ его и понёсъ.

На встрѣчу выбѣжалъ волчёнокъ и бросился къ ягнёнку. Старый отдалъ нести ягнёнка молодому волку, а самъ налегкѣ побѣжалъ возлѣ.

Только когда пришла бѣда, старый оставилъ ученье и самъ взялъ

ягнёнка.

ВОРОБЕЙ И ЛАСТОЧКИ.

Разъ я стоялъ на дворѣ и смотрѣлъ на гнѣздо ласточекъ подъ крышей. Обѣ ласточки при мнѣ улетѣли, и гнѣздо осталось пустое.

Въ то время, какъ онѣ были въ отлучкѣ, съ крыши слетѣлъ воробей, прыгнулъ на гнѣздо, оглянулся, взмахнулъ крылушками и юркнулъ въ гнѣздо; потомъ высунулъ оттуда свою головку и зачирикалъ.

Скоро послѣ того прилетѣла къ гнѣзду ласточка. Она сунулась въ гнѣздо, но какъ только увидала гостя, запищала, побилась крыльями на мѣстѣ и улетѣла.

Воробей сидѣлъ и чирикалъ.

Вдругъ прилетѣлъ табунокъ ласточекъ: всѣ ласточки подлетали къ гнѣзду — какъ будто для того, чтобъ посмотрѣть на воробья, и опять улетали.

Воробей не робѣлъ, поворачивалъ головку и чирикалъ.

Ласточки опять подлетали къ гнѣзду, что-то дѣлали и опять улетали.

Ласточки не даромъ подлетали: они приносили каждая въ клювикѣ грязь и понемногу замазывали отверстіе гнѣзда.

Опять улетали и опять прилетали ласточки, и всё больше и больше замазывали гнѣздо, и отверстіе становилось все тѣснѣе и тѣснѣе.

Сначала видна была шея воробья, потомъ уже одна головка, потомъ носикъ, а потомъ ничего не стало видно:

ласточки совсѣмъ замазали его въ гнѣздѣ, улетѣли и съ свистомъ стали кружиться вокругъ дома.

АКУЛА.

Нашъ корабль стоялъ на якорѣ у берега Африки. День быль прекрасный;

съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ; но къ вечеру погода измѣнилась: стало душно и точно изъ топленой печки несло на насъ горячимь воздухомъ съ пустыни Сахары.

Передъ закатомъ солнца капитанъ вышелъ на палобу, крикнулъ: «купаться!» и въ одну минуту матросы попрыгали въ воду, спустили въ воду парусъ, привязали его и въ парусѣ устроили купальню.

На кораблѣ съ нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали въ воду, но имъ тѣсно было въ парусѣ и они вздумали плавать на перегонки въ открытомъ морѣ.

Оба какъ ящерицы вытягивались въ водѣ и что было силы поплыли къ тому мѣсту, гдѣ былъ боченокъ надъ якоремъ.

Одинъ мальчикъ сначала перегналъ товарища, но потомъ сталъ отставать. Отецъ мальчика, старый артиллеристъ, стоялъ на палубѣ и любовался на своего сынишку. Когда сынъ сталъ отставать, отецъ крикнулъ ему: «не выдавай! понатужься!»

Вдругъ съ палубы кто-то крикнулъ: «акула!» и всѣ мы увидали въ водѣ спину морскаго чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиковъ.

— «Назадъ! назадъ! вернитесь! акула!» закричалъ артиллеристъ. Но ребята не слыхали его, плыли дальше, смѣялись и кричали еще веселѣе и громче прежняго.

Артиллеристъ, блѣдный какъ полотно, не шевелясь, смотрѣлъ на дѣтей.

Матросы спустили лодку, бросились въ неё и, сгибая вёсла, понеслись что было силы къ мальчикамъ, но они были ещё далеко отъ нихъ, когда акула уже была не дальше 20-ти шаговъ.

Мальчики сначала не слыхали того, что́ имъ кричали, и не видали акулы; но потомъ одинъ изъ нихъ оглянулся, и мы всѣ услыхали пронзительный визгъ, и мальчики поплыли въ разныя стороны.

Визгъ этотъ какъ будто разбудилъ артиллериста. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ къ пушкамъ. Онъ повернулъ хоботъ, прилёгъ къ пушкѣ, прицѣлился и взялъ фитиль.

Мы всѣ, сколько насъ ни было на кораблѣ, замерли отъ страха и ждали, что будетъ.

Раздался выстрѣлъ, и мы увидали, что артиллеристъ упалъ подлѣ пушки и закрылъ лицо руками. Что сдѣлалось съ акулой и съ мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дымъ застлалъ намъ глаза.

Но когда дымъ разошёлся надъ водою, со всѣхъ сторонъ послышался сначала тихій ропотъ, потомъ ропотъ этотъ сталъ сильнѣе и наконецъ со всѣхъ сторонъ раздался громкій, радостный крикъ.

Старый артиллеристъ открылъ лицо, поднялся и посмотрѣлъ на море.

По волнамъ колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. Въ нѣсколько минутъ лодка подплыла къ мальчикамъ и привезла ихъ на корабль.

V.

КАНЬ МУЖИКЪ УБРАЛЪ КАМЕНЬ.

На площади въ одномъ городѣ лежалъ огромный камень. Камень занималъ много мѣста и мѣшалъ ѣздѣ по городу. Призвали инженеровъ и спросили ихъ, какъ убрать этотъ камень и сколько это будетъ стоить.

Одинъ инженеръ сказалъ, что камень надо разбивать на куски порохомъ и потомъ по частямъ свезти его, и что это будетъ стоить 8000 руб., другой сказалъ, что подъ камень надо подвести большой катокъ и на каткѣ свезти камень и что это будетъ стоить 6000 рублей.

А одинъ мужикъ сказалъ: «а я уберу камень и возьму за это 100 рублей».

У него спросили, какъ онъ это сдѣлаетъ. И онъ сказалъ: «я выкопаю подлѣ самаго камня большую яму; землю изъ ямы развалю по площади, свалю камень въ яму и заровняю землёю».

Мужикъ такъ и сдѣлалъ, и ему дали 100 рублей и еще 100 руб за умную выдумку.

САМОКРУТКА.

Одинъ мужикъ выучился мельничному мастерству и сталъ делать мельницы водяныя, вѣтреныя и конныя.

Потомъ онъ задумалъ сдѣлать такую мельницу, чтобы не нужно было ни воды, ни вѣтра, ни лошадей: онъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы тяжелый камень спускался книзу и своей тяжестью вертѣлъ колесо, и опять бы поднимался кверху, и опять спускался — такъ чтобы мельница ходила сама.

Мужикъ пошёлъ къ барину и сказалъ: «я придумаль такую мельницу — самокрутку, что сама будеть ходить безъ воды и безъ лошадей; только разъ завести, она и будетъ ходить до тѣхъ поръ, пока остановишь. Нѣтъ только у меня денегъ на лѣсъ, да на чугунъ. Дай мнѣ, баринъ, триста рублей денегъ, я тебѣ первому сдѣлаю такую мельницу».

Баринъ спросилъ у мужика — знаетъ-ли онъ грамотѣ.

Мужикъ сказалъ, что не знаетъ.

Тогда баринъ сказалъ: «вотъ еслибы ты зналъ грамотѣ, я бы тебѣ книжку далъ о механикѣ, и тамъ ты бы прочёлъ о такой мельницѣ и увидалъ-бы, что такой мельницы сдѣлать нельзя, что много людей учёныхъ посходили съ ума — всё выдумывали такую мельницу, чтобъ сама ходила.

Мужикъ не повѣрилъ барину и сказалъ: «въ книгахъ вашихъ много дурно пишутъ. Такъ-то ученый машинистъ построилъ крупорушку купцу въ городѣ, да только испортилъ, а я хоть не грамотный, да какъ взглянулъ, такъ увидалъ и переладилъ рушку — стала работать».

Баринъ сказалъ: «чѣмъ же ты подымешь свой камень, когда онъ спустится?»

Мужикъ сказалъ: «самъ по колесу поднимется».

Баринъ сказалъ: «поднимется, да ниже, а другой

разъ поднимется еще ниже и станетъ, какія ты колеса ни прилаживай. Всё. равно, какъ если на салазкахъ съ большой горы съѣдешь — на маленькую поднимешься, а съ маленькой назадъ на большую никакъ не поднимешься».

Мужикъ не повѣрилъ, а пошёлъ къ купцу и обѣщалъ ему сдѣлать мельницу безъ воды и лошадей.

Купецъ далъ денегъ. Мужикъ строилъ, строилъ, простроилъ всѣ 300 рублей, а мельница не ходитъ.

Тогда мужикъ сталъ своё имѣніе продавать и всё простроилъ.

А купецъ говорить: «давай мнѣ мельницу, чтобы сама ходила безъ лошадей, или деньги давай назадъ».

Пришёлъ мужикъ къ барину и разсказалъ о своёмъ горѣ.

Баринъ далъ ему денегъ и говорить «оставайся у меня работать: строй ты мнѣ мельницы, только водяныя да конныя —на это ты мастеръ, а вперёдъ за то не берись, чего и поумнѣе тебя люди не сдѣлали».

ТЕПЛО.

I.

Отчего на чугункѣ кладутъ рельсы такъ, чтобы концы не сходились съ концами?

Оттого, что зимой желѣзо отъ холода сжимается, а лѣтомъ отъ жару растягивается. Если-бы зимою вплотную сомкнуть рельсы концы съ концами, они бы лѣтомъ растянулись, уперлись бы другъ въ друга и поднялись.

Отъ жару всё раздается, отъ холода всё сжимается.

Если винтъ не входить въ гайку, то погрѣть гайку и винтъ взойдётъ. А если винтъ слабъ, то нагрѣть винтъ и онъ будетъ тугъ.

Отчего стаканъ лопается, если нальёшь въ него кипятокъ?

Оттого, что то мѣсто, гдѣ кипятокъ разогрѣвается, растягивается, а то мѣсто, гдѣ нѣтъ кипятка, остаётся попрежнему: внизу тянетъ стаканъ врозь, а вверху не пускаетъ, и онъ лопается.

Отчего тонкій стаканъ не лопается?

ТЕПЛО.

II.

Отчего, когда въ оттепель идётъ снѣгъ, онъ таетъ на рукѣ, а на шубѣ остаётся?

Оттого, что тепло лица и руки переходить въ снѣгъ и распускаетъ его; отъ этого то мѣсто лица, гдѣ растаялъ снѣгъ, дѣлается холодно.

Отчего, если подержать жестяную кружку съ холодной водой въ ладоняхъ, вода согрѣется, а ладони охолодѣютъ?

Оттого, что тепло изъ рукъ перейдётъ въ жесть, а потомъ въ воду.

Если держать кружку рукавицами, отчего она нескоро согрѣвается?

Оттого, что рукавицы не позволяютъ теплу изъ руки перейти въ воду, а жесть пропускаетъ тепло изъ рукъ въ воду. Желѣзо и жесть пропускаютъ тепло и холодъ, а

шуба и дерево не пропускаютъ. Отъ этого жолѣзо, жесть, мѣдь и всякій металлъ[6] разогрѣваются на солнцѣ сильнѣе дерева, шерсти, бумаги и скорѣе остываютъ. Отъ этого-то въ холода одѣваются въ мѣха, шерсть и во всё, что́ не пропускаетъ тепла.

Для чего закрываютъ квашню шубой, а не заслонкой?

Для того, что шуба не пропустить тепла, и хлѣбы (квашни) не остынутъ, а заслонка пропустить тепло наружу, и хлѣбы остынутъ.

Отчего подъ щепой и соломой снѣгъ не таетъ, а лежитъ до Петровокъ?

Отчего лёдъ лучше держится въ погребахъ подъ соломенной крышей?

Отчего, когда хотятъ высушить доски, то кладутъ ихъ подъ желѣзную, а не подъ соломенную крышу?

Для чего на покосѣ и жнитвѣ мужики, чтобы не согрѣлась вода, — обёртываютъ кувшины полотенцомъ?

ТЕПЛО.

III.

Отчего, когда вѣтрено безъ мороза, то зябнешь больше, чѣмъ въ морозъ безъ вѣтра?

Оттого, что тепло изъ тѣла переходитъ въ воздухъ, и если тихо, то воздухъ вокругъ тѣла нагрѣвается и стоитъ тёплый. Но когда дуетъ вѣтеръ, онъ относитъ нагрѣтый воздухъ и приноситъ холодный. Опять изъ тѣла выходитъ тепло и нагрѣваетъ воздухъ вокругъ него и

опять вѣтеръ относитъ тёплый воздухъ. Когда выйдетъ много тепла изъ тѣла, тогда и зябнешь.

Отчего, когда горячь чай въ чашкѣ, на него дуютъ?

ОТЧЕГО БЫВАЕТЪ ВѢТЕРЪ?

Рыбы живутъ въ водѣ, а люди въ воздухѣ. Рыбамъ не слышно и не видно воды, пока сами рыбы не шевелятся, или пока вода не шевелится. И намъ также не слышно воздуха, пока мы не шевелимся, или воздухъ не шевелится.

Но какъ только мы побѣжимъ, мы слышимъ воздухъ — намъ дуетъ въ лицо; а иногда слышно, когда мы бѣжимъ, какъ воздухъ въ ушахъ свиститъ. Когда-же отворимъ дверь въ тёплую горницу, то всегда дуетъ вѣтеръ низомъ со двора въ горницу, а верхомъ дуетъ изъ горницы на дворъ.

Когда кто-нибудь ходитъ по комнатѣ или махаетъ платьемъ, то мы говоримъ: «онъ вѣтеръ дѣлаетъ», а когда топятъ печку, всегда въ неё дуетъ вѣтеръ. Когда на дворѣ дуетъ вѣтеръ, то онъ дуетъ цѣлые дни и ночи, иногда въ одну сторону, иногда въ другую. Это бываетъ оттого, что гдѣ нибудь на землѣ воздухъ очень разогрѣется, а въ другомъ мѣстѣ остынетъ, — тогда и начинается вѣтеръ, и низомъ идетъ холодный духъ, а верхомъ теплый, такъ же какъ съ надворья въ избу. И до тѣхъ поръ дуетъ, пока не согрѣется тамъ, гдѣ было холодно, и не остынетъ тамъ, гдѣ было жарко.

ДЛЯ ЧЕГО ВѢТЕРЪ?

Свяжутъ крестъ изъ двухъ лучинъ и кругомъ креста обвяжутъ ещё четыре лучины. На всё наклеятъ бумаги.

Къ одному концу привяжутъ мочальный хвостъ, а къ другому привяжутъ длинную бичёвку и выйдетъ змѣй. Потомъ возьмутъ змѣй, разбѣгутся на вѣтеръ и пустятъ. Вѣтеръ подхватитъ змѣй, занесётъ его высоко въ небо. И змѣй подрагиваетъ и гудитъ, и рвется, и поворачивается, и развѣвается мочальнымъ хвостомъ.

Если бы не было вѣтра, нельзя бы было пускать змѣя.

Сдѣлаютъ изъ тёса четыре крыла, утвердятъ ихъ крестомъ въ валъ и придѣлаютъ къ валу шестерни и колёса съ кулачьями, такъ чтобы, кегда валъ вертится, онъ бы цѣплялъ за шестерни и колёса, а колеса бы вертѣли жёрновъ. Потомъ крылья поставятъ противъ вѣтра: крылья начнутъ вертѣться, станутъ шестерни и колёса цѣплять другъ за друга, и жёрновъ станетъ вертѣться на другомъ жёрновѣ. И тогда сыплють зерно промежду двухъ жернововъ, зерно растирается, и высыпается въ ковшъ мука.

Если бы вѣтра не было, нельзя бы было молоть зерно на вѣтряныхъ мельницахъ.

Когда плывутъ на лодкѣ и хотятъ плыть скорѣе, то возьмутъ на серединѣ лодки вставятъ въ. дыру большой шестъ мачты; къ шесту этому придѣлана верёвка и поперёкъ перекладина. Къ этой перекладинѣ привяжутъ холстинный парусъ, къ низу паруса привяжутъ верёвку и держатъ её въ рукахъ. Потомъ поставятъ парусъ противъ вѣтра. И тогда вѣтеръ надуетъ парусъ такъ крѣпко, что лодка нагибается на бокъ, верёвка рвётся изъ рукъ; и лодка поплывётъ по вѣтру такъ скоро, что подъ носомъ лодки забурчитъ вода, и берега точно бѣгутъ назадъ мимо лодки.

Еслибы не было вѣтра, нельзя бы было плавать съ парусомъ.

Тамъ, гдѣ люди живутъ, бываетъ дурной духъ; если бы не было вѣтра, духъ этотъ такъ и оставался бы. А придётъ вѣтеръ, разгонять дурной духъ и принесётъ изъ лѣсовъ и съ полей хорошій, чистый воздухъ. Еслибы не было вѣтра, люди бы надышали и испортили воздухъ. Воздухъ всё бы стоялъ на мѣстѣ, и людямъ. надо бы уходить изъ того мѣста, гдѣ они надышали.

Когда дикіе звѣри ходятъ по лѣсамъ и полямъ, то они всегда ходятъ на вѣтеръ, и слышать ушами, и чуютъ носомъ то, что впереди ихъ. Если бы не было вѣтра, они бы не знали, куда имъ идти.

Почти всѣ травы, кусты и деревья такіе, что для того, чтобы на травѣ, кустѣ или деревѣ завязалось сѣмя, нужно, чтобъ съ одного цвѣтка пыль нерелетала на другой цвѣтокъ. Цвѣтки бываютъ далеко другъ отъ друга, и имъ нельзя пересылать свою пыль съ одного на другой.

Когда огурцы ростутъ въ парникахъ, гдѣ вѣтра нѣтъ, тогда люди сами срываютъ одинъ цвѣтокъ и накладываютъ на другой, чтобы цвѣтовая пыль попала на плодовой цвѣтокъ, и была бы завязь. Пчелы и другія насѣкомыя иногда переносятъ на лапкахъ пыль съ цвѣтка на цвѣтокъ; но

больше всего пыль эту переноситъ вѣтеръ. Если бы не было вѣтра, половина растенiй была бы безъ сѣмени.

Въ тёплое время надъ водой поднимается паръ. Паръ этотъ поднимается выше и, когда онъ остынетъ на верху, то падаетъ внизъ каплями дождя.

Надъ землёй поднимается паръ только тамъ, гдѣ

есть вода — надъ ручьями, надъ болотами, надъ прудами и рѣками: больше всего надъ моремъ. Еслибы вѣтру не было пары не ходили бы, а собирались бы въ тучи надъ водой и падали бы опять тамъ, гдѣ поднялись. Надъ ручьёмъ, надъ болотомъ, надъ рѣкой, надь моремъ былъ бы дождь, а на землѣ, на поляхъ и лѣсахъ дождя бы не было. Вѣтеръ разносить тучи и поливаетъ землю. Если бы вѣтра не было, то гдѣ вода, тамъ бы было ещё больше воды, а земля вся бы пересохла.

ОТЧЕГО ПОТѢЮТЪ ОКНА И БЫВАЕТЪ РОСА?

Когда сохнетъ вода, что́ дѣлается съ этой водой?

Отъ тепла всѣ вещи раздаются. Вода отъ тепла раздаётся и вся разойдётся на такiя маленькiя частички, что ихъ глазомъ не видать, и уйдётъ въ воздухъ. Частички эти, пары, носятся въ воздухѣ, и ихъ не видно, покуда воздухъ тёпелъ. Но остуди воздухъ, и сейчасъ паръ остынетъ и станетъ виденъ.

Если натопить жарко баню и налить воду на кирпичи, вода вся уйдётъ паромъ и будетъ сухо. Поддай ещё, — вода опять разойдётся. Если баня горяча, летучей воды разойдётся въ воздухѣ ушатъ. Ушатъ воды будетъ стоять въ горячемъ воздухѣ бани и его будетъ не видно. Воздухъ бани впитастъ въ себя весь ушатъ. Но если станешь ещё поддавать, то воздухъ уже напитается и не станетъ больше принимать воды, а лишняя вода потечётъ каплями. Одинъ ушатъ будетъ держаться, а лишняя вода вытечетъ.

Если въ ту-же баню нетопленную принесёшь горячiе кирпичи и станешь лить на нихъ воду, выльешь

шайку — она разойдётся и не будетъ видно, воздухъ всосётъ её въ себя. Но если станешь лить другую шайку, вода потечётъ каплями. Лишняя вода стечётъ каплями, и холодный воздухъ только будетъ держать одну шайку. Въ той же банѣ воздухъ, когда былъ горячь, впиталъ ушатъ; а когда холоденъ, можетъ впитать только шайку.

Если подуть на стекло, на стеклѣ сядутъ капли. И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ больше сядетъ капель. Отчего это будетъ? Оттого что дыханіе человѣка теплѣе чѣмъ стекло и въ дыханіи много летучей воды. Какъ только это дыханіе сядетъ на холодное стекло, изъ него выйдетъ вода.

Губка держитъ въ себѣ воду, и воды не видать, покуда губка не сожмётся; но только что пожмёшь её, вода польётся. Также и воздухъ держитъ въ себѣ воду, пока онъ горячь: а какъ онъ остынетъ, такъ вода польётся.

Если лѣтомъ вынесешь изъ погреба холодный горшокъ, по нёмъ сейчасъ сядутъ капли воды. Откуда взялась эта вода? Она тутъ и была. Только пока тепло было, ея не видно было, а какъ ушло тепло изъ воздуха въ холодный горшокъ, воздухъ вокругъ горшка остылъ, и капли сѣли. Тоже бываетъ и на окнахъ. Въ горницѣ тепло, и пары держатся въ воздухѣ; но съ надворья остынутъ окна и снутри подлѣ оконъ воздухъ охолодѣетъ, и потекутъ капли.

Отъ этого же бываетъ роса. Какъ остынетъ земля ночью, надъ ней воздухъ остынетъ и изъ холоднаго воздуха выходятъ пары каплями и садятся на землю.

Иногда бываетъ, что и холодно на дворѣ, а въ горницѣ

тепло, — а не потѣютъ окна; а иногда и теплѣе на дворѣ, а въ горницѣ не такъ тепло, — а потѣютъ окна

Тоже иногда ночь тёплая, а большая роса; а то холодная ночь и нѣтъ росы.

Отчего это бываетъ? Оттого что бываетъ сухой и сырой воздухъ Сухой воздухъ бываетъ тогда, когда онъ не нагрѣваясь можетъ поднять ещё много паровъ, а сырой тогда, когда онъ не нагрѣваясь не можетъ больше поднять паровъ Сухой воздухъ — это губка не вся ещё напитанная водой; а сырой воздухъ —губка вся напитанная водой. Чуть похолоднѣй воздухъ и чуть пожать губку, и потечётъ. Въ сыромъ воздухѣ всякая вещь, если она холоднѣе воздуха, намокнетъ, а въ сухомъ всякая мокрая вещь высохнетъ. Пары выйдутъ изъ нея, и воздухъ впитаетъ ихъ въ себя.

ОСЯЗАНІЕ И ЗРѢНІЕ.

Заплети указательный палецъ съ среднимъ и заплетёнными пальцами потрогивай маленькій шарикъ такъ, чтобы онъ катался промежь обоихъ

пальцевъ, а самъ закрой глаза. Тебѣ покажется, что два шарика. Открой глаза, — увидишь, что одинъ шарикъ. Пальцы обманули, а глаза поправили.

Погляди (всего лучше сбоку) на хорошее, чистое зеркало; тебѣ покажется, что это окно или дверь, и что тамъ сзади что-то есть Ощупай пальцемъ, — увидишь что это зеркало. Глаза обманули, а пальцы поправили.

МАГНИТЪ.

I.

Въ старину былъ пастухъ; звали его Магнисъ. Пропала у Магниса овца. Онъ пошёлъ въ горы искать. Пришёлъ на одно мѣсто, гдѣ — один голые камни. Онъ пошелъ по этимъ камнямъ и чувствуетъ, что сапоги на немъ прилипаютъ къ этимъ камнямъ. Онъ потрогалъ рукой — камни сухіе и къ рукамъ не липнутъ. Пошёлъ опять, — опять сапоги прилипаютъ. Онъ сѣлъ, разулся, взялъ сапогъ въ руку и сталъ трогать имъ камни.

Тронетъ кожей и подошвой — ка прилипаетъ, а какъ тронетъ гвоздями, такъ прилипнетъ.

Была у Магниса палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Онъ тронулъ камень деревомъ — не прилипаетъ; тронулъ желѣзомъ — прилипло такъ, что отрывать надо.

Магнисъ разсмотрѣдъ камень, видитъ, что похожъ на желѣзо, и принёсъ куски камня домой. Съ тѣхъ поръ узнали этотъ камень и прозвали его магнитомъ.

МАГНИТЪ.

II

Магнитъ находятъ въ землѣ съ желѣзной рудой. Тамъ, гдѣ есть магнитъ въ рудѣ, и желѣзо самое лучшее. Изъ себя магнитъ нохожъ на желѣзо.

Если положить кусокъ жслѣза на магнитъ, то и желѣзо станетъ притягивать другое желѣзо. А если положить стальную иголку на магнитъ, да подержать

подольше, то иголка сдѣлается магнитомъ и станетъ къ себѣ притягивать желѣзо. Если два магнита сводить концы съ концами, то одни концы будутъ отворачиваться другъ отъ друга, а другіе будутъ сцѣпляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополамъ, то опять каждая половинка будетъ съ одной стороны цѣпляться, а съ другой отворачиваться. И ещё разруби, — тоже будетъ; и ещё руби сколько хочешь, — всё тоже будетъ: одинакіе концы будутъ отворачиваться, разные цѣпляться, какъ будто съ одного конца магнитъ выпираетъ, а съ другаго втягиваетъ. И какъ его ни разломи, всё съ одного конца онъ будетъ выпирать, а съ другаго втягивать. Всё равно какъ еловую шишку, гдѣ ни разломи, всё будетъ. съ одного конца пупомъ, а съ другаго чашечкой. Съ того ли, съ другаго ли конца, — чашечка съ пупомъ сойдётся, а пупъ съ пупомъ и чашечка съ чашечкой не сойдутся.

МАГНИТЪ.

III.

Если намагнитить иголку (подержать подольше съ магнитомъ) и насадить её серединкой на шпенёкъ, такъ чтобы она ходила вольно на шпенькѣ, то какъ хочешь верти магнитную иголку, какъ пустишь — она станетъ однимъ концомъ на полдни (югъ), другимъ на полночь (сѣверъ).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Какъ выйдутъ далеко въ море, что земли не видать, то только по солнцу и по звѣздамъ и знали,

куда плыть. А если пасмурно, не видать солнца и звѣздъ, то и не знаютъ сами, куда плыть. А корабль несётъ вѣтромъ и занесётъ на камни, и разобьётъ

Пока не знали магнита, не плавали по морямъ вдаль отъ берега; а когда узнали магнитъ, то сдѣлали иголку магнитную на шпенькѣ, чтобъ она вольно ходила. По этой иголкѣ и стали узнавать, въ какую сторону плывутъ Съ магнитной иголкой стали ѣздить дальше отъ береговъ, и съ тѣхъ поръ много новыхъ морей узнали.

На корабляхъ всегда бываетъ магнитная иголка (компасъ) и есть мѣрная верёвка съ узлами на концѣ корабля. И верёвка придѣлана такъ, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проѣхалъ.

Такъ что когда плывутъ на кораблѣ, всегда знаютъ, на какомъ теперь мѣстѣ корабль, далеко ли отъ берега и въ какую сторону.

VI.

СУХМАНЪ.

Какъ у ласкова князь-Владиміра
Пированье шло, шёлъ почестенъ пиръ
На бояръ, князей, добрыхъ молодцовъ.
На пиру-то всѣ порасхвастались:
Одинъ хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ что добрымъ конёмъ,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Умный хвастаетъ старой матерью.
За столомъ сидитъ призадумавшись
Богатырь Сухманъ Одихмантьевичъ,
И ничѣмъ Сухманъ онъ не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ-князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похажива(е)тъ,
Желтыми кудрями онъ потряхива(е)тъ,
Одихмантьичу выговарива(е)тъ:
«Что, Сухмантьюшка, ты задумался?
«Что не ѣшь, не пьёшь и не кушаешь,

«Бѣлой лебеди ты не рушаешь.

«И ничѣмъ въ пиру ты не хвастаешь?»

Взговорилъ Сухманъ таковы слова:

— «Если хвастать мнѣ ты приказываешь,

— «Привезу-жъ тебѣ я, похвастаю,

— «Лебедь бѣлую не кровавлену

— «И не ранену, а живьёмъ въ рукахъ»

И вставалъ Сухманъ на рѣзвы ноги,

Онъ сѣдладъ коня свого добраго,

Выѣзжалъ Сухманъ ко синю морю,

Ко синю морю, къ тихимъ заводямъ.

Подъѣзжалъ Сухманъ къ первой заводи,

Не наѣзживалъ бѣлыхъ лебедей.

Подъѣзжалъ Сухманъ къ другой заводи,

Не нахаживалъ гусей-лебедей.

И у третіей тихой заводи —

Нѣтъ сѣрыхъ гусей, бѣлыхъ лебедей.

Тутъ Сухмантьюшка призадумался:

«Какъ поѣду я въ славный Кіевъ-градъ?

«Что́ сказать будетъ князь-Владиміру?»

И поѣхалъ онъ къ мать Нѣпрѣ рѣкѣ.

Глядь — течётъ Нѣпра не по старому,

Не по старому, не по прежнему,

А вода съ пескомъ въ ней смутилася.
Тутъ Нѣпру рѣку Сухманъ спрашивалъ:
«Что течёшь ты такъ, мать Нѣпра рѣка,
«Не по старому, не по прежнему,
«А вода съ пескомъ помутилася?»
Испровѣщится мать Нѣпра рѣка:
«Я затѣмъ теку не по старому,
«Не по прежнему, по старинному,
«Что стоятъ за мной, за Нѣпрой рѣкой,
«Сорокъ тысячей злыхъ Татаровей.
«Они мостъ мостятъ съ утра до ночи.
«Что́ намостятъ днёмъ, то въ ночь вырою,

«Да изъ силъ ужъ я выбиваюся».
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
«То не честь-хвала молодецкая
Не отвѣдать мнѣ силъ татарскiихъ».
И пустилъ коня свого добраго,
Чрезъ Нѣпру рѣку перескакивалъ,
Не мочилъ копытъ его добрый конь,
Подъѣзжалъ Сухманъ ко сыру дубу
До сыру дубу, кряковистому,
Дубъ съ кореньями выворачивалъ.
А съ комля дуба бѣлый сокъ бѣжалъ;
Ту дубиночку за вершину бралъ

И пустилъ коня на Татаровей.
Сталъ Сухмантьюшка поварачивать,
Той дубиночкой сталъ помахивать.
Какъ махнетъ впередъ, станетъ улица,
Отвернётъ назадъ — переулочекъ.
Всѣхъ побилъ Татаръ Одихмантьевичъ,
Убѣжало ли три Татарченка, —
Подъ кусточками, подъ ракитовыми
У Нѣпры рѣки схоронилися.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ мать-Нѣпрѣ рѣкѣ,
Изъ подъ кустиковъ въ Одихмантьича
Три Татарченка стрѣлки пустили
Во его бока, въ тѣло бѣлое.
Свѣтъ-Сухмантьюшка стрѣлки выдернулъ
Изъ своихъ боковъ, изъ кровавыхъ ранъ,
Листьемъ маковымъ позатыкивалъ,
И споролъ ножомъ трёхъ Татарченковъ.
Пріѣзжалъ Сухманъ къ князь-Владиміру,
Привязалъ коня на дворѣ къ столбу,

Самъ входилъ Сухманъ во столовую.
Тутъ Владиміръ князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похаживаетъ,
Одихмантьичу выговариваетъ:

«Чтожъ, Сухмантьюшка, не привёзъ ты мнѣ

«Лебедь бѣлую не кровавлену?»

Взговорить Сухманъ таковы слова:

«Гой, Владиміръ князь, за Нѣпрой рѣкой

«Доходило мнѣ не до лебедей:

«Повстрѣчалась мнѣ за Нѣпрой рѣкой

«Сила ратная въ сорокъ тысячей: —

«Шли во Кіевъ градъ злы Татаровья,

«Съ утра до ночи мосты ладили,

«А Нѣпра рѣка вырывала въ ночь,

«Да изъ силъ она выбивалася.

«Я пустилъ коня на Татаровей,

«И побилъ ихъ всѣхъ до единаго».

Володиміръ князь, красно солнышко,

Тѣмъ словамъ его не увѣровалъ,

Приказалъ слугамъ своимъ вѣрныимъ

Брать Сухмантія за бѣлы руки,

Въ погреба сажать во глубокіе;

А Добрынюшку посылалъ къ Нѣпрѣ

Про Сухмантьевы свѣдать заработки.

Всталъ Добрынюшка на рѣзвы ноги,

Онъ сѣдлалъ коня свого добраго,

Выѣзжалъ въ поле, къ мать-Нѣпрѣ рѣкѣ.

Увидалъ, — лежитъ сила ратная,

Въ сорокъ тысячей, вся побитая,

И валяется дубъ съ кореньями,

На лучиночки весь исщепанный.

— 79 —

Дубъ Добрынюшка поднималъ съ земли,
Привозилъ его ко Владиміру,
Такъ Добрынюшка выговаривалъ.
«Правдой хвастаетъ Одихмантьевичъ:
«За Нѣпрой рѣкой я видалъ — лежатъ
«Сорокъ тысячей злыхъ Татаровей,
«И дубиночка Одихмантьича,
«На лучиночки вся исщепана».
Тутъ велѣлъ слугамъ Володиміръ князь
Въ погреба идти во глубокіе,
Выводить скорѣй Одихмантьича,
Приводить къ себѣ на ясны очи,
Таковы слова выговаривалъ:
«За услуги тѣ за великія
«Добра молодца буду миловать,
«Буду жаловать его до люби
«Городами ли съ пригородками,
«Еще сёлами да съ присёлками,
«Золотой казной да безсчётною»
Въ погреба идутъ во глубокіе
Къ Одихмантьичу слуги вѣрные,
Говорятъ ему таковы слова:
«Выходи, Сухманъ, ты изъ погреба:

«Володиміръ князь тебя милуетъ,
«За твои, труды за великіе
«Хочетъ солнышко тебя жаловать
«Городами ли съ пригородками,
«Еще сёлами да съ присёлками,
«Золотой казной да безсчётною».
Выходилъ Сухманъ во чисто поле,
Говорилъ Сухманъ таковы слова:

«Гой, Владиміръ князь, ласково солнышко
«Не умѣлъ меня въ пору миловать,
«Не умѣлъ же ты въ пору жаловать,
«А теперь тебѣ не видать будетъ,
«Не видать меня во ясны очи.
И выдёргивалъ Одихмантьевичъ
Изъ кровавыхъ ранъ листье маково,
Свѣтъ-Сухмантьюшка приговаривалъ.
«Потеки рѣка отъ моей крови,
«Отъ моей крови отъ горючія,
«Отъ горючія, отъ напрасныя,
«Потеки Сухманъ, ахъ Сухманъ рѣка,
«Будь Нѣпрѣ рѣкѣ ты родна сестра.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

УБІЕНІЕ АСКОЛЬДА И ДИРА И ПОСЕЛЕНІЕ ОЛЕГА СЪ

ИГОРЕМЪ ВЪ КІЕВѢ.

Въ 6390 году, пошёлъ Олегъ, взявъ воиновъ много: Варяговъ, Чуди, Славянъ, Мери, Веси и Кривичей. И пришёлъ къ Смоленску съ Кривичами, и принялъ городъ, и посадилъ намѣстника своего. Оттуда пошёлъ внизъ, и взялъ Любечь, и посадилъ мужа своего.

Пришли они къ горамъ къ Кіевскимъ, и увидалъ

Олегъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ (вдвоёмъ), спряталъ воиновъ въ лодкахъ, а другихъ пазади оставилъ, а самъ подплылъ, взявъ Игоря ребенка. И подплылъ подъ Угорское (урочище), спрятавъ воиновъ своихъ, и послалъ къ Аскольду и Диру, говоря: «я купецъ — а идёмъ мы въ Греки отъ Олега и отъ Игоря княжича. Такъ приходите вы оба къ намъ, къ роднымъ своимъ».

Аскольдъ и Диръ пришли; повыскакивали всѣ остальные изъ лодки, и сказалъ Олегъ Аскольду и Диру: «оба вы не князья и не рода княжескаго, а я рода княжескаго»; вынесли (тутъ) Игоря, «а вотъ сынъ Рюрика». И убили Аскольда и Дира, и снесли на гору, и похоронили

ихъ на горѣ, что теперь называется Угорское.

Сѣлъ Олегъ, княжа въ Кіевѣ, и сказалъ Олегъ: пусть это будетъ мать городамъ русскимъ.

ПОХОДЪ ОЛЕГА НА ГРЕКОВЪ.

Пошёлъ Олегъ на Грековъ, Игоря оставивъ въ Кіевѣ. Набралъ множество Варяговъ, и Славянъ, и Чуди, и Кривичей, и Мери, и Полянъ, и Сѣверянъ, и Древлянъ, и Радимичей, и Тиверцовъ. И съ этими всѣми пошёлъ Олегъ на коняхъ и въ корабляхъ, и было числомъ кораблей двѣ тысячи.

И пришёлъ къ Царьграду, и Греки замкнули гавань, а городъ заперли. И высадился Олегъ на берегъ, и велѣлъ воинамъ вытащить корабли на берегъ, и опустошилъ (мѣстà) около города, и много побилъ Грековъ, и

дворцовъ много разорили и церквей пожгли. А какихъ забирали въ плѣнъ — однихъ рубили, другихъ мучили, нѣкоторыхъ разстрѣливали, а другихъ въ море побросали, и другихъ много золъ творили Русскіе Грекамъ — всѣ, какія воины дѣлаютъ.

И велѣлъ Олегъ воинамъ своимъ колёса сдѣлать и поставить корабли на колеса; и когда поднялся боковой вѣтеръ, поставили парусà со стороны поля и такъ шёлъ онъ къ городу. Увидѣвъ же это, Греки испугались и сказали, выславши (пословъ) къ Олегу: «не губи города, — возьмемся давать дань, какъ хочешь». И остановилъ Олегъ воиновъ, и вынесли ему кушанье и вино, и онъ не принялъ ихъ; потому-что было приготовлено съ отравою. И устрашились Греки и сказали: это не Олегъ, а Святой Димитрій, посланный на насъ отъ Бога.

И потребовалъ Олегъ дань давать на двѣ тысячи кораблей, по двенадцати гривенъ на человѣка; а въ кораблѣ было по сорока человѣкъ. Взялись Греки за это, и стали Греки мира просить, чтобъ не воевалъ онъ греческой земли. Олегъ, немного отойдя отъ города, сталъ миръ заключать съ (двумя) царями греческими, съ Львомъ и Александромъ, послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлафа, Велмуда, Рулава и Стемида, говоря: «Возьмитесь (давать) мнѣ дань». И сказали Греки: «чего хотите? Мы дадимътебѣ».

И выговорилъ Олегъ, чтобы дано было воинамъ его дани на двѣ тысячи кораблей по двѣнадцати гривенъ на человѣка, а затѣмъ дать (еще) плату на русскіе города. И сказалъ Олегъ Грекамъ: «пошейте шелковые

вые паруса для Руси, а для Славянъ полотняные». И было это (исполнено).

И повѣсили щиты свои на воротахъ въ знакъ побѣды.

И приплылъ Олегъ къ Кіеву, везя золото, и шёлковыя ткани, и овощи, и вино, и всякія украшенія. И прозвали Олега вѣщимъ потому что былъ народъ некрещёный и неучёный.

СМЕРТЬ ОЛЕГА.

Жилъ Олегъ въ мирѣ со всѣми сосѣдями, княжа въ Кіевѣ. И пришла осень, и вспомнилъ Олегъ коня своего, котораго онъ отдалъ кормить, не садясь (уже) на него. Потому что прежде спрашивалъ волхвовъ колдуновъ: «Отъ чего мнѣ умереть?» И сказалъ ему одинъ колдунъ: «Князь! Конь, котораго ты любишь, и ѣздишь на которомъ, — отъ него тебѣ умереть.»

Олегъ взявъ (это) на умъ, такъ сказалъ: «никогда я не сяду на (этого) коня и не увижу его больше». И велѣлъ кормить и не водить его къ себѣ; и такъ прошло нѣсколько лѣтъ, что онъ не видалъ его, — до самаго времени, когда на Грековъ пошёлъ. А когда и вернулся онъ въ Кіевъ и прожилъ еще четыре года, (такъ только) на пятый годъ вспомнилъ онъ коня своего, отъ котораго сказали волхвы (прійдется) умереть Олегу; и призвалъ старшаго конюха, говоритъ: «гдѣ — конь мой, котораго я отдалъ кормить и беречь?» А тотъ сказалъ: «умеръ».

Олегъ посмѣялся и покорилъ колдуна, говоря: «Такъ вотъ неправду говорятъ волхвы, все-то это ложь; конь умеръ, а я живъ». И велѣлъ осѣдлать коня: «дай, молъ, погляжу кости его». И пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали

кости его голыя и черепъ голый. И слѣзши съ коня, посмѣялся, сказавъ: «Отъ этого ли черепа смерть мнѣ принять?» И наступилъ ногой на черепъ. И, высунувшись, змѣя ужалила его въ ногу, и отъ этого разболѣвшись, онъ умеръ.

И плакалъ о нёмъ весь народъ плачемъ великимъ; и понесли его, и похоронили его на горѣ, которая называется Щековица. И есть могила его до нынѣ, — прозывается могила Олегова.

ИЗЪ ЧЕТЬИ МИНЕИ

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГІЯ, ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКАГО, НОВАГО ЧУДОТВОРЦА.

Преподобный и богоносный отецъ нашъ Сергій родился въ городѣ Ростовѣ, отъ благовѣрныхъ родителей — Кирилла и Маріи. Семи лѣтъ, онъ былъ отданъ для обученія

грамотѣ, но медленно учился, потому что памятью былъ тупъ. Съ большимъ стараніемъ училъ его учитель, однакожъ онъ мало успѣвалъ.

Однажды, гуляя одинъ въ нѣкоторой дубравѣ, — ибо любилъ онъ отъ юности безмолвіе, и часто одинъ прогуливался въ безмолвныхъ мѣстахъ,

— нашёлъ онъ нѣкоего монаха, стоявшаго въ дубравѣ и творившаго молитву. Онъ приблизившись сталъ подлѣ него и ожидалъ окончанія молитвы, и потомъ сдѣлалъ ему поклонъ. Монахъ (же) спросилъ: что тебѣ нужно, дитя мое? Отвѣчалъ отрокъ, говоря: «отданъ я, отецъ, учиться грамотѣ, и немогу ничего понять, о чёмъ мнѣ говоритъ учитель мой, почему очень печалюсь и незнаю, что́ дѣлать; молю честную твою святость, помоли Бога обо мнѣ, чтобы онъ вразумилъ меня святыни твоими молитвами». Монахъ

же, сотворивъ молитву, благословилъ его и сказалъ: «вотъ отнынѣ, дитя, дастъ тебѣ Богъ понимать, что́ тебѣ нужно, такъ что будешь имѣть возможность и другимъ быть полезнымъ».

Съ того времени блаженный отрокъ сталъ способенъ къ изученію всякаго книжнаго знанія безъ труда. Ибо Богъ открылъ ему умъ къ разумѣнью Писанія. И росъ отрокъ лѣтами, и вмѣстѣ и разумомъ, и добродѣтелями; любилъ онъ постъ и воздержаніе, отъ дѣтскихъ обыкновенныхъ игръ удалялся, — чтеніемъ же Божественныхъ книгъ занимаясь, учился той премудрости, которой начало страхъ Господень. И такъ, отъ силы въ силу идя, возсталъ въ мужа совершеннаго.

Потомъ родители его переселились изъ выше-названнаго города Ростова въ мѣсто, называемое Радонежъ. Спустя не много времени

переселились они изъ этой жизни въ мѣста свѣтлыя и отрадныя, оставивши все имѣніе свое наслѣднику своему Варѳоломею. Онъ же, видѣвъ кончину родителей своихъ, думалъ самъ съ собою, говоря: «и я смертенъ, и во всякомъ случаѣ умру, какъ и родители, мои». Такъ благоразумный отрокъ, размысливъ о скоротечной этой жизни, роздалъ оставшееся послѣ родителей имѣніе, не оставивъ себѣ (даже и) на необходимое пропитаніе ничего: ибо уповалъ онъ на Бога, дающаго пищу

голодающимъ. Затѣмъ онъ удалился въ пустыню и, сдѣлавши хижину, пребывалъ въ ней, трудясь и молясь Богу безпрестанно.

Черезъ нѣкоторое время пришелъ къ нему одинъ священно-инокъ (іеромонахъ), по имени Митрофанъ. Отъ него блаженный Варѳоломей въ монашескій чинъ

былъ постриженъ, имѣя отъ роду своего двадцать три года, и дано было имя ему Сергій. Пробылъ этотъ священно-инокъ съ Сергіемъ нѣсколько дней и потомъ сказалъ ему: я, сынъ мой, ухожу въ путь свой, а тебя отдаю въ руки Божіи. И онъ предсказалъ, говоря: «распространить Богъ на мѣстѣ этомъ обитель великую и (пре)знаменитую». И, совершивъ молитву, ушёлъ. А святый Сергій на мѣстѣ томъ остался, и трудился, умерщвляя плоть свою бодрствованіемъ, постомъ, и многоразличными трудами. Въ зимнее время, когда разсѣдалась земля отъ мороза, онъ въ одной одеждѣ терпѣлъ (стужу), какъ-бы безплотнымъ оказываясь.

Когда это такъ было, слухъ о нёмъ началъ проходить всюду, и приходили къ нему многіе изъ близлежащихъ городовъ и мѣстъ ради пользы (душевной), а

иные желая съ нимъ жить и научиться отъ него пути спасенія. Онъ же съ любовію принималъ приходящихъ къ нему. И построилъ сперва малую церковь, которая по повелѣнію тогда бывшаго архіерея ѳеогноста освящена во имя Пресвятой Троицы; также и монастырь честной воздвигъ, который существуетъ и до-нынѣ по благодати Христовой. Упрошенъ бывъ братіею, принялъ священство чрезъ рукоположеніе Аѳанасія епископа, и пасъ усердно ввѣренное ему словесное стадо, указывая ему пастбище духовное.

Когда слухъ о нёмъ сталъ проникать всюду, и многіе изъ близлежащихъ мѣстъ собирались (къ нему), пришёлъ одинъ архимандритъ изъ Смоленска, по имени Симонъ; онъ, принёсши большое имущество, отдалъ его въ руки святаго, чтобы онъ бо̀льшую церковь построилъ, а самого себя отдалъ

подъ начало святому.

И при помощи Божіей, преподобный Сергій скоро на это имѣніе бо̀льшую церковь построилъ, и монастырь распространилъ, и жилъ подобно ангеламъ, какъ на небѣ, съ ликомъ братьевъ своихъ, день и ночь славословя Бога. Случилось однажды, что въ монастырѣ его не достало пищи, и братія была въ большомъ истощеніи, пробывъ безъ пищи три дня. Правило же было преподобнаго такое, чтобы не выходили монахи изъ монастыря просить у мірянъ хлѣба, но полагали бы надежду на Бога, питающаго всё, что̀ дышетъ на свѣтѣ, и отъ него съ вѣрою просили бы необходимаго; а ещё тогда не было общежитія въ монастырѣ преподобнаго.

Братья же, голодомъ томимые, начали роптать на святаго, говоря: «до какихъ поръ станешь ты запрещать

намъ идти въ міръ, и просить, что̀ нужно? потерпимъ мы ещё эту ночь, а утромъ уйдёмъ отсюда, чтобъ не умереть съ голоду» Святой же утѣшалъ ихъ, разсказывая житія святыхъ отцовъ, какъ они многія скорби, голодъ, и жажду, и наготу терпѣли ради Господа, и говорилъ имъ слова Христовы. «Посмотрите на птицъ небесныхъ, какъ онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ закромы не собираютъ, и Отецъ Небесный

питаетъ ихъ; а если птицъ питаетъ, насъ-ли не можетъ пропитать? Вотъ нынѣ терпѣнія время, а мы не терпѣливыми оказались, не желая перенесть короткое время случившагося намъ испытанія, — которое, ежели бы мы съ благодарностію приняли (его), въ великую пользу обратилось-бы намъ, ибо безъ испытанія золото не очищается»: И предсказалъ онъ (имъ), говоря: «нынѣ на малое время случился намъ

недостатокъ, а утромъ всѣхъ благъ обиліе будетъ.

И сбылось пророчество святаго: ибо на другой день принесено было въ монастырь множество свѣжихъ хлѣбовъ, и рыбъ много и другихъ различныхъ вновь приготовленныхъ яствъ отъ одного неизвѣстнаго человѣка. Принёсшіе говорили: «онъ, этотъ христолюбецъ прислалъ (все это) отцу Сергію и живущимъ съ нимъ братьямъ». Просили же братья принёсшихъ вкусить съ ними пищи, но они не захотѣли, говоря, что велѣно имъ немедленно вернуться, и, поспѣшивъ, ушли изъ обители.

Было пищи той довольно на много дней братьямъ, и говорилъ имъ преподобный: «смотрите, братья, и удивляйтесь, какое подаётъ Богъ вознагражденіе терпѣнію, ибо не забудетъ бѣдныхъ своихъ до конца, и не оставитъ никогда въ пренебреженіи мѣста этого святаго

и живущихъ въ нёмъ рабовъ своихъ, служащихъ ему день и ночь.

Преподобный отецъ Сергій въ началѣ пришествія своего въ пустыню поселился на мѣстѣ безводномъ; а (сдѣлалъ) это для увеличенія труда, чтобы, издалека принося воду, больше утруждать своё тѣло. Когда же, по Божіей волѣ, братья умножились, и монастырь составился, была

нужда большая въ водѣ, потому что издалека со многимъ трудомъ приносилась она, и по этой причинѣ роптали нѣкоторые на святаго, говоря: зачѣмъ не подумавъ поселился на этомъ мѣстѣ? зачѣмъ здѣсь обитель основалъ, тогда какъ воды близко нѣтъ?

Святой же отвѣчалъ: я, братья, одинъ на мѣстѣ этомъ намѣренъ былъ безмолствовать, а такъ какъ благоизволилъ Богъ такой обители устроиться, то силенъ онъ и воду достаточную

подать, только ее ослабѣвайте, но молитесь съ вѣрою! Ибо если людямъ непокорнымъ извёлъ воду изъ камня въ пустынѣ, то тѣмъ болѣе васъ, трудящихся Ему, не пренебрежётъ. И однажды, взявъ тайно съ собою одного брата, пошёлъ онъ въ лѣсъ, который; былъ близъ монастыря; не было же въ лѣсу томъ воды текущей никогда, какъ, старожилы прямо говорили. Святой же, нашедши въ одномъ рву немного воды (оставшейся) отъ новодненія дождеваго, преклонивъ колѣна и помолился усердно Богу, и неожиданно явился большой источникъ, который и доселѣ всѣмъ видимъ, и черпаютъ изъ него на всякую нужду монастырскую.

Поселянинъ нѣкоторый, земледѣлецъ изъ дальняго мѣста, слышавъ многое о святомъ Сергіи, захотѣлъ видѣть его, и, прійдя въ обитель преподобнаго, сталъ спрашивать о нёмъ.

гдѣ онъ находится? Случилось же тогда преподобному копать землю въ огородѣ, и сказано было объ этомъ человѣку тому. Но войдя Въ огородъ, увидѣлъ поселянинъ святаго въ худой одеждѣ, разодранной и во многихъ мѣстахъ зашитой, копающаго землю, и думалъ, что посмѣялись ему сказавши, ибо предполагалъ въ большой славѣ видѣть святаго. И возвратившись въ монастырь, опять спросилъ, говоря: «гдѣ находится святой Сергій? покажите мнѣ, потому что я издалека пришёлъ повидать его». Они же отвѣчали: истинно онъ тотъ, котораго ты

видѣлъ.

Потомъ по выходѣ святаго изъ огорода, увидѣлъ его поселянинъ, съ пренебреженьемъ взглянулъ на него, отвернулъ лицо своё отъ него и смотрѣть не хотѣлъ на блаженнаго. И бранился про себя, говоря: «Сколько труда я принялъ напрасно!

Я пришёлъ видѣть великаго пророка, о которомъ слышалъ, и надѣялся увидѣть его въ большой славѣ и чести, а тутъ вотъ вижу какого-то нищаго, невзрачнаго монаха» Святой же, понявъ его мысли, весьма благодарилъ его, ибо какъ гордый похвалѣ и почести, такъ смиренномудрый безчестію и униженію своему радуется; и взявши поселянина этого къ себѣ, приготовилъ ему обѣдъ, и съ любовію угостилъ его.

Послѣ того сказалъ ему: «не печалься (добрый) человѣкъ! Ибо, кого ты хочешь видѣть, того вскорѣ увидишь!» Ещё святый говорилъ, какъ вотъ явился вѣстникъ, объявляя о прибытіи въ монастырь одного знатнаго князя, и святой вставъ вышелъ на встрѣчу князю, который шёлъ со множествомъ слугъ своихъ. Увидя же князь святаго, поспѣшивъ подошёлъ къ нему, и предупредивъ своимъ поклономъ

до земли, просилъ. благословенія отъ преподобнаго. Онъ же, благословивъ его, ввёлъ его въ обитель съ надлежащею честью, и, сѣвши оба вмѣстѣ, старецъ и князь, бесѣдовали, прочіе же всѣ стояли вокругъ. А поселянинъ тотъ далеко куда-то оттѣснёнъ былъ стоявшими кругомъ слугами, и старца, котораго онъ гнушался, того (хоть) издалека, (какъ-нибудь) изогнувшись, увидѣть хотѣлъ онъ, и не могъ. И спросилъ онъ одного изъ присутствующих, шёпотомъ говоря ему: кто, господинъ, этотъ монахъ, сидящій съ княземъ? И сказалъ ему тотъ, что это святой Сергій.

Началъ же поселянинъ бранить и укорять себя, говоря: «какъ это я ослѣпъ и не вѣрилъ указывавшимъ мнѣ святаго отца и невоздалъ ему достойной чести! недаромъ зовутъ насъ поселянинъ и невѣжда! какъ покажусь теперь передъ святымъ

стыдомъ одержимый!» Когда ушёлъ князь изъ обители, поселянинъ подошёлъ къ преподобному и, стыдясь взглянуть ему въ лицо, упалъ къ ногамъ его, прося прощенія, что отъ, неразумия согрѣшилъ. Святой же съ любовію утѣшилъ его, говоря: «не печалься, сынъ мой, такъ какъ ты одинъ былъ правъ относительно меня, считая меня за ничто; остальные же всѣ заблуждаются, думая, что я нѣчто важное»

Нѣкогда блаженный, по-обычаю своему въ вечеръ глубокій на правилѣ стоя и объ ученикахъ своихъ прилежно Богу молясь, услышалъ голосъ, говорящій: Сергій! Онъ же, удивившись необыкновенному въ ночи зову, сотворилъ молитву, и отворилъ окно кельи, желая увидѣть, кто зовётъ его. И вотъ увидѣлъ онъ свѣтъ большой, съ неба сіяющій, такъ что освѣтилась ночь та лучше бѣлаго

дня. Дошелъ до него другой разъ голосъ, говорящій: «Сергій! ты молишься о дѣтяхъ твоихъ, и принята молитва твоя! смотри и види число монаховъ во имя Святой Троицы собирающихся въ твою паству» Святой же взглянувъ увидѣлъ великое множество птицъ прекрасныхъ, нетолько въ монастырѣ, но и около монастыря сидящихъ и поющихъ пѣсни ангельскія съ невыразимою нріятностію.

И опять слышенъ былъ голосъ, говорящій: «какъ видишь ты птицъ этихъ, такъ увеличится собраніе учениковъ твоихъ, и послѣ тебя не

уменьшится, и такъ дивно и различно украшены будутъ по своимъ добродѣтелямъ желающіе слѣдовать по стопамъ твоимъ!» Святой же видя удивлялся чудному тому явленію. Желая имѣть участника и свидѣтеля этого явленія, крикнувъ призвалъ онъ прежде-названнаго

Симона, какъ по близости случившагося. Симонъ, удивясь необычному зову старца, немедля явился къ нему, но не удостоился всего явленія видѣть, только часть нѣкоторую того небеснаго свѣта усмотрѣлъ; открылъ же ему святой все, что̀ видѣлъ и что̀ слышалъ, и радовались они оба, вмѣстѣ прославляя Бога.

Послѣ сего въ одинъ день пришли Греки изъ Константинополя, присланные къ. святому отъ святѣйшаго патріарха Филофея, и передали ему отъ патріарха благословеніе и дары: крестъ, поясъ (парамандъ), одежду и писаніе, имѣющее написаннымъ въ себѣ слѣдующее:

Милостію Божіею архіепископъ Константина-града вселенскій патріархъ Киръ Филоѳей, о Святомъ Духѣ сыну и сослужителю нашего смиренія Сергію! — благодать и миръ и наше благословеніе

да будетъ съ вами! Слышали мы по Богѣ жизнь вашу весьма добродѣтельную, и похвалили и прославили Бога; в прочемъ одной стороны ещё недостаетъ, что общежитія не устроили у себя. И, поелику знаешь, преподобный, что и самый Богоотецъ Пророкъ Давидъ, который всё обнялъ умомъ, ничего другого не могъ такъ похвалить, какъ(слѣдующее) только: «Что̀ же есть теперь добраго? — или что́ прекраснаго? — конечно, жить братьямъ вмѣстѣ!» — то и мы совѣтъ добрый даёмъ вамъ, чтобы вы установили общежитіе; и милость Божія и наше благословеніе да будетъ съ вами.

Это патріаршее посланіе преподобный принявъ, пошёлъ къ преосвященному всей Россіи митрополиту блаженному Алексѣю, и показавъ ему посланіе, спросилъ его, говоря: «ты, святой владыка, какъ велишь?»

Митрополитъ, отвѣчая старцу, сказалъ: «поелику ты, преподобный, такого блага удостоился отъ Бога, прославляющего славящихъ Его, что и въ далёкія страны прошёлъ слухъ объ имени и жизни твоей, и какъ великій вселенскій патріархъ совѣтуетъ тебѣ на пользу, то и мы также совѣтуемъ и одобряемъ». Итакъ съ того времени преподобный Сергій установилъ общежитіе въ своей обители, приказавъ твордо исполнять общежительныя постановленія, ничего для себя никому не пріобрѣтать, ни своимъ что-нибудь называть, но всё общимъ имѣть — по заповѣдямъ святыхъ отцовъ.

По установленіи же общежитія, захотѣлъ онъ удалиться отъ славы человѣческой, и, въ неизвѣстномъ поселившись мѣстѣ, въ безмолвіи на единѣ служить Богу. Итакъ, нашедши время удобное, вышелъ тайно изъ обители своей, такъ

что никто не зналъ о томъ, и пошёлъ въ пустыню; прошедши же около сорока вёрстъ, нашёлъ благопріятное себѣ мѣсто близъ рѣки, называемой Киржачъ, и тамъ поселившись жилъ. Братья, видя себя оставленными отцомъ, находились въ большой печали и безпокойствѣ, какъ овцы безъ пастуха, и усердно его искали всздѣ. Черезъ нѣсколько времени однакожъ братья узнали, гдѣ онъ; и они пришедши просили святаго со слезами, чтобы онъ возвратился въ обитель, но онъ нехотѣлъ, любя молчаніе и уединеніе: поэтому многіе изъ учениковъ его оставили лавру, поселились съ пустынѣ той, и со временемъ монастырь и храмъ во имя Пресвятой Богородицы построили.

Но братья великой лавры, не будучи въ состоянiи жить безъ отца своего, и не имѣя возможности упросить его возвратиться къ

нимъ, пошли къ преосвященному митрополиту Алексѣю, прося, чтобы онъ послалъ къ преподобному, повелѣвая ему возвратиться па прежнее мѣсто. Блаженный же Алексѣй послалъ двухъ архимандритовъ, прося, чтобы онъ послушалъ и утѣшилъ братiю свою возвращенiемъ своимъ къ нимъ, чтобы они, печалясь безъ него, не разошлись, и мѣсто святое не опустѣло. Преподобный Сергiй, не могши ослушаться архiерея, возвратился въ лавру на прежнее свое пребыванiе, и утѣшились братья весьма.

Епископъ Пермскiй святой Стефанъ великую къ преподобному любовь имѣя, нѣкогда изъ епархiи своей въ городъ Москву слѣдовалъ дорогою, которая отстоитъ отъ Сергiева монастыря около пяти вёрстъ или больше; поспѣшая въ городъ, рѣшился не быть тогда въ обители святаго,

но, возвращаясь домой, заѣхать къ преподобному. Когда былъ онъ противъ монастыря, онъ всталъ съ повозки своей и прочитавъ: «Достойно есть», и обыкновенную молитву совершивъ, поклонился Сергiю преподобному, сказавъ слѣдующее: «миръ тебѣ, духовный братъ!»

Случилось тогда Сергiю блаженному ѣсть въ трапезѣ; узнавъ духомъ поклонъ епископа, всталъ онъ тот-часъ же изъ за стола, и немного постоявши и молитву совершивши, поклонился также епископу, находившемуся далеко отъ обители, сказавъ: «радуйся и ты, пастырь Христова стада, и миръ Божiй да будетъ съ тобой!» Братья удивились необыкновенному этому случаю, и поняли нѣкоторые, что видѣнiе видитъ преподобный.

По окончаніи же стола спросили его о бывшемъ. Онъ же открылъ имъ, говоря:

«въ этотъ часъ» епископъ Стефанъ, слѣдуя дорогою къ городу Москвѣ, сталъ противъ монастыря нашего, и поклонился Святой Троицѣ, и насъ грѣшныхъ благословилъ». Впослѣдствіи нѣкоторые изъ учениковъ его ясно узнали дѣйствительно бывшее событіе, и удивлялись дару прозорливости, отцу ихъ отъ Бога данному.

Процвѣтала же обитель преподобнаго весьма добродѣтельными мужами, и многіе изъ нихъ, великихъ ради добродѣтелей ихъ, взяты были въ другіе монастыри; въ настоятели, другіе же и на святительскіе престолы возведены.

Послѣ сего блаженный Алексѣй митрополитъ, одряхлѣвъ отъ старости и видя себя къ смерти приближающимся, призвалъ къ себѣ Сергія преподобнаго, и взявши крестъ свой архіерейскій, который на груди носилъ, золотомъ и каменьями

украшенный, подалъ его преподобному.

Онъ же, со смиреніемъ поклонившись, сказалъ: «прости мнѣ, владыко! отъ юности не былъ златоносцемъ, въ старости же въ особенности желаю въ нищетѣ пребывать». Архіерей же сказалъ: «знаю, возлюбленный, что это ты исполнилъ, но послушайся и прими отъ насъ подаваемое тебѣ

благословеніе!» И такимъ образомъ онъ своими руками крестъ на святаго, какъ нѣкоторое обрученіе, возложилъ.

Затѣмъ началъ онъ говорить: «узнай, блаженный, для чего призвалъ я тебя, и чтò хочу съ тобою устроить! Вотъ я, по Божію мнѣ врученію, правилъ Русскою Митрополіею, сколько времени Ему угодно было; а теперь вижу себя къ концу приблизившимся, только не знаю дня конца моего, и желаю при жизни моей найти мужа, могущаго послѣ

меня пасти стадо Христово; не нахожу же такого человѣка, кромѣ тебя одного. Знаю же достовѣрно, что и великодержавные князья, и всѣ люди мірскіе и духовные, даже до послѣдняго человѣка, полюбятъ тебя, и не другаго кого, а только тебя на престолъ этотъ требовать будутъ, какъ достойнаго. Итакъ теперь, преподобный, прими санъ епископскій, по моей же смерти престолъ мой примешь».

Преподобный же эти слова услышавъ, опечалился весьма, ибо недостойнымъ такого сана считалъ себя, Архіерею же отвѣчалъ: «прости мнѣ, владыко! ты сверхъ моей силы хочешь на меня наложить тяжесть, но этому нельзя быть никогда: ибо кто я, грѣшный и худшій изъ всѣхъ людей, чтобы я осмѣлился коснуться такого сана?» Блаженный же Алексѣй много сказалъ словъ святому

изъ Божественныхъ писаній, склоняя его къ волѣ своей, но смиренія любитель не склонился никакъ; наконецъ отвѣчалъ, говоря:

Владыко Святой, если не хочешь удалить недостойность мою изъ предѣловъ этихъ, и отъ словъ твоихъ, то не продолжай болѣе говорить

объ этомъ мнѣ, ни другому кому не допусти, чтобы онъ печалилъ меня такими словами, поелику никто не можетъ найти во мнѣ на то согласія.

Архіерей же, видѣвъ святаго непреклоннымъ, пересталъ говорить ему о томъ, опасаясь, чтобы преподобный опечалясь не ушёлъ какъ-нибудь въ дальнѣйшія страны и пустыни, и не потеряла бы Москва такого свѣтильника. Утѣшивши же его словами духовными, отпустилъ съ миромъ въ монастырь. Черезъ нѣкоторое же время, причисленный къ лику святыхъ Алексѣй митрополитъ

отошелъ отъ міра сего, и опять блаженный Сергій былъ убѣждаемъ просьбами великодержавныхъ князей и всѣхъ людей, чтобы принялъ престолъ митрополіи Русской, Святой же какъ твердый алмазъ, остался пепреклоненъ.

Въ тѣ года Божіимъ за грѣхи наши попущеніемъ было нашествіе нечестиваго Мамая, царя Татарскаго, на Русскую землю, о чёмъ когда великій князь Димитрій скорбѣлъ, святой Сергій молитвою его вооружилъ, и о побѣдѣ предсказывалъ, говоря: «выди противъ варваровъ, всякое сомнѣніе отбросивши отъ себя, и съ Божіей помощью ты враговъ побѣдишь и въ отечество своё воротишься невредимымъ».

Великій же князь, на помощь Божію и на молитвы святаго надѣясь, пошёлъ и, сразившись съ Татарами, побѣдилъ ихъ, такъ что едва съ малою дружиною

Мамай убѣжалъ. Преподобный же, прозорливъ будучи, видѣлъ вдали происходящее, какъ будто вблизи находящееся, и, стоя съ братіею на

молитвѣ въ обители своей, когда происходила битва между Христіанами и татарами, объявилъ, что въ это время великій князь Димитрій татаръ побѣдилъ, и, которые изъ Христіанъ храбрые воины въ битвѣ убиты были, тѣхъ поимённо назвали, и даръ за нихъ Богу принёсъ: ибо обо всёмъ ему открыто было отъ Бога.

Князь же, съ торжествомъ съ войны возвратившись, въ обитель къ преподобному пришёлъ, и много благодарилъ святаго, что помогъ ему своими къ Богу прилежными молитвами.

Живши же преподобный года многіе въ большомъ воздержаніи и трудахъ, и многія чудеса совершивъ, въ старость глубокою пришёлъ, ибо было уже ему

отъ роду семьдесять восемь лѣтъ. Предусмотрѣвъ же за шесть мѣсяцевъ своё къ Богу отшествіе, призвалъ братію и передалъ начальство ученику своему, именемъ Никону, который хотя и молодъ былъ годами, но умъ его сѣдинами процвѣталъ, и во всей жизни подражалъ учителю и наставнику своему Сергію преподобному.

Итакъ этого Никона Сергій игуменомъ поставилъ, самъ же началъ безмолвствовать. Сентября же месяца въ болѣзнь тѣлесную впалъ, и, уразумѣвъ окончательное своё къ Богу отшествіе, призвалъ и долго поучалъ братію. Благословивъ же ихъ и простившись съ ними, въ самый часъ смерти пречистыхъ таинъ. пріобщился, и такимъ образомъ святую свою душу предалъ въ руки Божіи.

Было лицо его свѣтло, не какъ у мёртваго, но

какъ у спящаго человѣка, чтò было явнымъ знакомъ чистоты его душевной и воздаянія отъ Бога. И положено было честное тѣло его въ обители, въ которой онъ доблестно подвизался. Послѣ тридцати лѣтъ найдены были святыя его мощи цѣлыми и нетлѣнными, и даже къ одеждамъ его не прикоснулось тлѣніе, благоуханіе же несказанное исходило отъ него, и многія исцѣленія больнымъ подавались.

Но и до сего дня отъ честной его гробницы, какъ отъ источника истекаютъ исцѣленія всѣмъ съ вѣрою приходящимъ, ибо какъ при жизни своей, такъ и по кончинѣ великій этотъ чудотворецъ великія и несчётныя творитъ чудеса во славу Христа Бога нашего, которому честь и благодареніе во вѣки, аминь.

КНИГА БЫТІЯ.

ГЛАВА II.

2. И совершиль Богъ къ седьмому дню дѣлà Свои, которыя Онъ дѣлалъ, и почиль въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя дѣлалъ.

3. И благословилъ Богъ седьмый день и освятилъ его; ибо въ оный почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Богъ творилъ и созидалъ.

4. Вотъ происхожденіе неба и земли, при сотвореніи ихъ, въ то время, когда Господь Богъ создалъ землю и небо,

5. И всякій полевый кустарникъ, котораго ещё не было на землѣ, и всякую полевую траву, которая

ещё не росла; ибо Господь Богъ не посылалъ дождя на землю, и не было человѣка для воздѣлыванія земли.

6. Но паръ поднимался съ земли, и орошалъ всё лицо земли.

7. И создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго, и вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душёю живою.

8. И насадилъ Господь Богъ рай въ Едемѣ на востоке; и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ.

9. И произрастилъ Господь Богъ изъ земли всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познанія добра и зла.

16. И заповедалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть;

17. А отъ дерева познанія добра и зла, не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ

который ты вкусишь отъ него, смертію умрёшь.

18. И сказалъ Господь Богъ: не хорошо человѣку быть одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтственнаго ему.

19. Господь Богъ образовалъ изъ земли всѣхъ животныхъ полевыхъ, и всѣхъ птицъ небесныхъ, и привёлъ (ихъ) къ человѣку, чтобы видѣть, какъ онъ назовётъ ихъ, и чтобы, какъ наречётъ человѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей.

20. И нарёкъ человѣкъ имена всѣмъ скотамъ и птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣрямъ полевымъ; Но для человѣка не нашлось помощника, подобнаго ему.

21. И навелъ Господь Богъ на человѣка крѣпкій сонъ; и, когда онъ уснулъ, взялъ одно изъ рёберъ его, и закрыль то мѣсто плотію

22. И создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у человѣка, жену, и привёлъ

её къ человѣку.

23. И сказалъ человѣкъ: это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою: ибо взята отъ мужа (своего).

ГЛАВА III.

Змѣй былъ хитрѣе всѣхъ звѣрей полевыхъ, которыхъ создалъ Господь Богъ. И сказалъ змѣй женѣ: подлинно ли сказалъ Богъ: не ѣшьте ни отъ какого дерева въ раю?

2. И сказала жена змѣю: плоды съ дерёвъ мы можемъ ѣсть,

3. Только плодовъ дерева, которое среди рая, сказалъ Богъ, не ѣшьте ихъ, и не прикасайтесь къ нимъ, чтобы вамъ не умереть.

4. И сказалъ змѣй женѣ: нѣтъ, не умрёте;

5. Но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши, и вы будете,

какъ Боги, знающіе добро и зло.

6. И увидѣла жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно пріятно для глазъ и вождѣленно, потому что даётъ знаніе; и взяла плодовъ его, и ѣла; и дала также мужу своему, и онъ ѣлъ.

7. И открылись глаза у нихъ обоихъ, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сдѣлали себѣ опоясанія.

8. И услышали голосъ Господа Бога, ходящаго въ раю во время прохлады дня; и скрылся Адамъ и жена его отъ лица Господа Бога между деревьями рая.

9. И воззвалъ Господь Богъ къ Адаму, и сказалъ ему: (Адамъ,) гдѣ ты?

10. Онъ сказалъ: голосъ Твой я услышалъ въ раю, и убоялся, потому что я нагъ, и скрылся.

11. И сказалъ (Богъ): кто сказалъ тебѣ, что ты нагъ? не ѣлъ ли ты отъ

дерева, съ котораго Я запретилъ тебѣ ѣсть?

12. Адамъ сказалъ: жена, которую Ты мнѣ далъ, она дала мнѣ отъ дерева, и я ѣлъ.

13. И сказалъ Господь Богъ женѣ: что̀ ты эта сдѣлала? Жена сказала: змѣй обольстилъ меня, и я ѣла.

14. И сказалъ Господь Богъ змѣю: за то, что ты сдѣлалъ это, проклятъ ты предъ всѣми скотами, и предъ всѣми звѣрями полевыми; ты будешь ходить на чревѣ твоёмъ, и будешь ѣсть прахъ во всѣ дни жизни твоей.

16. Женѣ сказалъ: умножая умножу скорбь твою въ беременности твоей; въ болѣзни будешь раждать детей...

17. Адаму же сказалъ: за то, что ты послушалъ голоса жены твоей, и ѣлъ отъ дерева, о которомъ Я заповѣдалъ тебѣ, сказавъ:

не ѣшь отъ него, проклята земля за тебя; со скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей.

18. Терніе и волчцы произрастить она тебѣ; и будешь питаться полевою травою.

19. Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ; ибо прахъ ты и въ прахъ возвратишься.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ЛУКИ.

ГЛАВА XV

11. Еще сказалъ Іисусъ: у нѣкотораго человѣка было два сына;

12. И сказалъ младшій изъ нихъ отцу: отче! дай мнѣ слѣдующую мнѣ часть имѣнія. И отецъ раздѣлилъ имъ имѣніе.

13. По прошествіи немногихъ дней, младшій сынъ, собравъ всё, пошёлъ въ

дальнюю сторону, и тамъ расточилъ имѣніе своё, живя распутно.

14. Когда же онъ прожилъ всё, насталъ великій голодъ въ той странѣ, и онъ началъ нуждаться.

15. И пошёлъ, присталъ къ одному изъ жителей страны той; а тотъ послалъ его на поля свои пасти свиней.

16. И онъ радъ былъ наполнить чрево своё рожками, которые ѣли свиньи; но никто не давалъ ему.

17 Пришёдши же въ себя, сказалъ: сколько наёмниковъ у отца моего избыточествуютъ хлѣбомъ, а я умираю отъ голода!

18 Встану, пойду къ отцу моему, и скажу ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою.

19 И уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ; прими меня въ число наёмниковъ твоихъ.

20. Всталъ, и пошёлъ къ отцу своему. И когда

онъ былъ ещё далеко, увидѣлъ его отецъ его, и сжалился; и побѣжавъ

палъ ему на шею, и цѣловалъ его.

21 Сынъ же сказалъ ему: отче! я согрѣшилъ противъ неба и предъ тобою, и уже недостоинъ называться сыномъ твоимъ.

22. А отецъ сказалъ рабамъ своимъ: принесите лучшую одежду, и одѣньте его, и дайте перстень на руку его, и обувь на ноги.

23. И приведите откормленнаго телёнка, и заколите; станемъ ѣсть, и веселиться!

24. Ибо сей сынъ мой былъ мёртвъ, и ожилъ; пропадалъ и нашёлся. И начали веселиться.

25. Старшій же сынъ его былъ на полѣ; и, возвращаясь, когда приблизился къ дому, услышалъ пѣніе и ликованіе.

26. И, призвавъ одного изъ слугъ, спросилъ: что́ это такое?

27. Онъ сказалъ ему: братъ твой пришёлъ; и отецъ твой закололъ откормленнаго телёнка, потому что принялъ его здоровымъ.

28. Онъ осердился, и не хотѣлъ войти. Отецъ же его вышедши, звалъ его.

29. Но онъ сказалъ въ отвѣтъ отцу: вотъ я столько лѣтъ служу тебѣ, и никогда не преступалъ приказам твоего: но ты никогда не далъ мнѣ и козлёнка, чтобы мнѣ повеселиться съ друзьями своими.

30. А когда этотъ сынъ твой, расточившій имѣніе твоё съ блудницами, пришёлъ; ты закололъ для него откормленнаго телёнка.

31. Онъ же сказалъ ему: сынъ мой, ты всегда со мною, и всё моё твоё.

32. А о томъ надобно было радоваться и веселиться, что братъ твой сей былъ мёртвъ и ожилъ: пропадалъ и нашёлся.

ПСАЛОМЪ XXXVI

Псаломъ Давида.

Не ревнуй злодѣямъ, не завидуй дѣлающимъ беззаконіе.

2. Ибо они, какъ трава, скоро будутъ подкошены, и, какъ зеленѣющій злакъ, увянутъ.

3. Уповай на Господа и дѣлай добро; живи на землѣ, и храни истину.

4. Утѣшайся Господомъ, и Онъ исполнитъ желанія сердца твоего

5. Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Онъ совершитъ

6. И выведетъ, какъ свѣтъ, правду твою, и справедливость твою, какъ полдень

7. Покорись Господу и

надѣйся на Него. Не ревнуй успѣвающему въ пути своёмъ, человѣку лукавнующему.

8. Перестань гнѣваться, и оставь ярость: не ревнуй до того, чтобы дѣлать зло.

9. Ибо дѣлающіе зло истребятся, уповающіе же на Господа наслѣдуютъ землю.

10. Ещё не много, и не станетъ нечестиваго; посмотришь на его мѣсто, и нѣтъ его.

11. А кроткіе наслѣдуютъ землю, и насладятся множествомъ мира.

12. Нечестивый злоумышляетъ противъ праведника, и скрежещетъ на него зубами своими.

13. Господь же посмѣвается надъ нимъ: ибо видитъ, что приходитъ день его.

14. Нечестивые обнажаютъ мечъ, и натягиваютъ лукъ свой, чтобы низложить бѣднаго и нищаго, чтобы пронзить идущихъ прямымъ путёмъ.

15. Мечъ ихъ войдётъ въ ихъ же сердце, и луки ихъ сокрушатся.

16. Малое у праведника лучше богатства многихъ нечестивыхъ

17. Ибо мышцы нечестивыхъ сокрушатся, а праведниковъ подкрѣпляетъ Господь.

18. Господь знаетъ дни непорочныхъ, и достоянiе ихъ пребудетъ вовѣкъ.

19. Не будутъ они постыжены во время лютое, и во дни голода будутъ сыты.

20. А нечестивые погибнуть, и враги Господни, какъ тукъ агнцевъ, исчезнутъ, въ дымѣ исчезнутъ.

21. Нечестивый берётъ взаймы, и не отдаётъ; а праведникъ милуетъ и даётъ.

22. Ибо благословенные Имъ наслѣдуютъ землю, а проклятые Имъ истребятся.

23. Господомъ утверждаются стоны такого человѣка, и Онъ благоволить къ пути его.

24. Когда онъ будетъ падать, не упадётъ; ибо Господь поддерживаетъ его за руку.

25. Я былъ Молодъ, и состарѣлся, и не видалъ праведника оставленнымъ, и потомковъ его просящими хлѣба.

26. Онъ всякой день милуетъ и взаймы даётъ, и потомство его въ благословеніе будетъ.

27 Уклоняйся отъ зла; и дѣлай добро, и будешь жить вовѣкъ.

28. Ибо Господь любитъ правду, и не оставляетъ святыхъ Своихъ; вовѣкъ сохранятся они: (а беззаконные будутъ извержены), и потомство нечестивыхъ истребится

29. Праведники наслѣдуютъ землю, и будутъ жить на ней вовѣкъ.

30 Уста праведника изрекаютъ премудрость, и языкъ его произноситъ правду

31. Законъ Бога его въ

сердцѣ у него; не поколеблются стопы его.

32. Нечестивый подсматриваетъ за праведникомъ, и ищетъ умертвить его

33. Но Господь не отдаетъ его въ руки его, и не допустить обвинить его, когда онъ будетъ судимъ.

34. Уповай на Господа, и держись пути Его; и Онъ вознесётъ тебя, чтобы ты наслѣдовалъ землю; и когда будутъ истребляемы нечестивые, ты увидишь.

35. Видѣлъ я нечестивца грознаго, разширявшагося, подобно укоренившемуся многовѣтвистому дереву;

36. Но онъ прошёлъ, и вотъ нѣтъ его; ищу его, и не нахожу.

37. Наблюдай за непорочнымъ и смотри на праведнаго ибо будущность такого человѣка есть миръ.

38. А беззаконники всѣ истребятся; будущность нечестивыхъ погибнетъ.

39. Отъ Господа спасеніе

праведникамъ; Онъ защита ихъ во время скорби.

40. И поможетъ имъ Господь и избавитъ ихъ; избавитъ ихъ отъ нечестивыхъ, и спасётъ ихъ, ибо они на Него уповаютъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СЧЕТЪ.

СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ.

Если считаешь такъ: два и три будетъ пять, 2+3=5; четыре и шесть будетъ десять, 4+6=10; сто тридцать два и двѣсти тридцать семь будетъ триста шестьдесятъ девять, 132+237=369, — то дѣлаешь сложеніе.

Если считаешь такъ: пять безъ двухъ останется три, 5—2=3; десять безъ шести останется четыре, 10—6=4; триста шестьдесятъ девять безъ ста тридцати двухъ останется двѣсти тридцать семь, 369—132=237, — то дѣлаешь вычитаніе.

Сложить:

Вычесть:

897 — 132. Положи на счёты восемь сотенъ, девять десятковъ, семь простыхъ.

Скидывай со счётовъ 1 изъ сотенъ, 3 изъ десятковъ, 2 изъ простыхъ. Осталось

897 — 132 =

Сложить:

3331 + 2348. 45 + 21. 6084 + 1311. 56 + 43.

47821 + 2147.

Вычесть:

5679 — 2348. 5679 — 3331. 67 — 21. 67 — 45.

7395 — 6084. 7395 — 1311. 99 — 56. 99 — 43.

49969 — 47821. 39969 — 2147.

Сложить:

Вычесть:

20 — 6. Положи на счёты два десятка.

Скидывай шесть простыхъ изъ простыхъ. Простыхъ нѣтъ; положи два десятка такъ, чтобы были простыя

Изъ простыхъ скинь шесть, — вышло:

20 — 6 =

Сложить:

15 + 5. 38 + 12. 49 + 31. 89 + 1.

Вычесть:

20 — 5. 20— 15. 50 — 38. 50 — 12. 80 — 31.

81 — 49. 90 — 89. 90 — 1.

Сложить:

Вычесть:

200 — 80. Положи на счёты двѣ сотни.

Скидывай восемь десятковъ изъ десятковъ. Десятковъ нѣтъ. Положи двѣ сотни такъ, чтобы были десятки.

Изъ десятковъ скинь восемь. Сочти, сколько осталось.

200 — 80 =

Сложить:

110 + 90 220 + 80. 330 + 70. 440 + 60. 550 + 50.

770 + 30. 890 + 10.

Вычесть:

200 — 90. 200 — 110. 300 — 80. 300 — 220. 500 — 60.

500 — 440. 600 — 50. 600 — 550. 800 — 30. 800 — 770.

900 — 10. 900 — 890.

Сложить:

26 + 7 Положи на счётахъ два десятка и шесть простыхъ.

Прикладывай семь простыхъ къ простымъ. Приложишь четыре — будетъ десять простыхъ, и трёхъ недостанетъ.

Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ.

Приложи три простыхъ. Вышло три десятка и три простыхъ

26 + 7 =

Вычесть:

33 — 7. Положи на счётахъ три десятка и три простыхъ.

Скидывай семь простыхъ изъ простыхъ. Три скинешь, четырёхъ не достанетъ.

Переложи изъ трёхъ десятковъ одинъ на десять простыхъ.

Теперь скинь то, что не достало, — четыре простыхъ.

Останется два десятка и шесть простыхъ.

33 — 7 =

Сложить:

375 + 246 Положи на счёты три сотни, семь десятковъ и пять простыхъ

Прикладывай двѣ сотни къ трёмъ сотнямъ, — будетъ пять сотенъ.

Прикладывай четыре десятка къ семи десяткамъ Приложишь три, — будетъ десять десятковъ, а одного недостанетъ.

Переложи десять десятковъ на одну сотню.

— 141 —

Теперь приложи то, что́ недостало — одинъ десятокъ.

Прикладывай шесть простыхъ къ пяти простымъ. Приложишь пять простыхъ, — будетъ десять, а одной недостанетъ.

Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ.

Приложи то, что недостало, — одну простую. Вышло

375 + 246 =

— 142 —

Вычесть:

621 — 375. Положи на счёты шесть сотенъ, два десятка, одну простую.

Скидывай изъ шести сотенъ три сотни; останется:

Изъ двухъ десятковъ скидывай семь; два скинешь, пяти недостанетъ; останется:

Переложи изъ трёхъ сотенъ одну такъ, чтобъ были десятки.

Скидывай то, что́ недостало, — пять десятковъ; останется:

Скидывай пять простыхъ изъ одной простой. Скинешь одну, — четырёхъ не достанетъ.

Переложи пять десятковъ такъ, чтобы было десять простыхъ.

Скидывай сколько недостало, — четыре простыхъ; останется:

621 — 375 =

Сложить:

397 + 145. 428 + 387. 613 + 298.

Вычесть:

542 — 397. 542 — 145. 815 — 357. 911 — 613.

911 — 298.

Сложить: 191 + 9.

Вычесть:

200 — 9. Положи на счёты двѣ сотни.

Скидывай девять простыхъ изъ простыхъ. Простыхъ нѣтъ, и десятковъ нѣтъ. Переложи сотню на десять десятковъ.

Переложи десять десятковъ, такъ чтобы были простыя.

Скидывай изъ десяти простыхъ девять простыхъ, останется:

200 — 9 =

Сложить:

293 + 7. 496+4 792 + 8, 985 + 15. 1837 + 163

3799 + 1.

Вычесть:

300 — 7. 300 — 293. 500 — 4. 500 — 496. 800 — 8

800 — 792. 1000 — 15. 1000 — 985 2000 — 163

2000 — 1837. 4000 — 3799. 4000 — 1

— 145 —

Сложить:

997 + 8. Положи 997.

Прикладывай къ семи простымъ восемь простыхъ. Приложишь три, а пяти недостанетъ. Выйдетъ:

Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ, — будетъ:

Переложи десять десятковъ на одну сотню, — будетъ:

Переложи десять сотенъ на одну тысячу, — будетъ:

Приложи теперь, что́ недостало, — пять простыхъ, будетъ:

997 + 8 =

— 146 —

Вычесть:

1005 — 8. Положи на счёты одну тысячу и пять простыхъ.

Скидывай изъ пяти простыхъ восемь. Пять скинешь, трёхъ не достанетъ.

Простыхъ нѣтъ, десятковъ нѣтъ, сотенъ нѣтъ; положи тысячу на десять сотенъ.

Изъ десяти сотенъ одну положи такъ, чтобы были десятки.

Изъ десяти десятковъ положи одинъ такъ, чтобы были простыя.

Изъ десяти скинь, что̀ не достало, — три простыхъ. Осталось:

1005 — 8 =

Сложить:

999 + 1. 3992 + 8. 998 + 7. 6000 + 4000.

9800 + 200. 9950 + 50. 9993 + 7. 100097 + 1498.

9999 + 30005.

Вычесть:

1000 — 1. 1000 — 999 4000 — 8. 4000 — 3992

1005 — 998. 1005 — 7 10000 — 4000. 10000 — 6000.

10000 — 50. 10000 — 9950. 10000 — 9993.

10000 — 7. 101595 — 100097. 101595 — 1498.

40004 — 9999. 40004 — 30005.

— 148 —

БЕЗЪ СЧЕТОВЪ СЧИТАТЬ СЛѢВА

— 149 —

Вычесть: 1404 — 565.

1) Скидывай сотни изъ сотенъ. Не достанетъ

Разложи одну тысячу на сотни и запиши такъ. *

404

Изъ 14 сотенъ скинь 5 сотенъ . . . . . *

404 — 500

Останется 9 сотенъ; запиши 904

2) Скидывай десятки отъ десятковъ . . . . 904 — 60

Десятковъ нѣтъ. Разложи 9 сотенъ такъ,

чтобы были десятки . . . . . 904 — 8*

04

Скинь 6 десятковъ изъ 10, останется . . . . . 844.

3) Скидывай простыя изъ простыхъ. Не

достанетъ. Разложи 4 десятка такъ, чтобы

были простыя 844
= 834

Скинь 5 простыхъ; останется 839

1404 — 839.

_____

1741 – 987

———————

1404 (=∗

404)–800=604

604 (=5∗

04)– 30=574

574 (=56∗

4)– 9=565

1641 (=∗

641)–900=741

741 (=6∗

41)– 80=661

661 (=65∗

1)– 7=654

1205 – 876.

———————

1205 – 329.

———————

1205 (=∗

205)–800=405

405 (=3∗

05)– 70=335

335 (=32∗

5)– 6=329

1205 (=∗

205)—300=905

905 (=8∗

05)— 20=885

885 (=87∗

5)— 9=876

Сложить:

8248 + 735. 2981 + 19. 8736 + 3574.

Вычесть:

8983 — 8248. 8983 — 735. 3000 — 19. 3000 — 2981.

12310 — 8736. 12310 — 3574.

СЧИТАТЬ СПРАВА

Сложить: 789 + 693

Напиши оба числа одно подъ другимъ, — простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ

сотнями

Сочти простыя и подпиши; зачеркни 9 и 3

Сочти десятки и подпиши; зачеркни 8, 9 и 1.

Сочти сотни и подпиши; зачеркни 7, 6 и 1.

Прочти все, что вышло

Сложить 9873 + 3657.

Вычесть 1482 — 693.

Напиши оба числа одно подъ другимъ, — простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями.

1) Вычитай простыя изъ простыхъ. Простыхъ недостанетъ Переложи восемь десятковъ на семь десятковъ и десять простыхъ.

Вычитай 3 изъ 12, — останется 9; напиши 9, и зачеркни простыя.

2) Вычитай десятки изъ десятковъ. Десятковъ недостанетъ. Переложи 4 сотни на 3 сотни и 10 десятковъ 9 изъ 17 будетъ 8. Напиши 8, и зачеркни десятки.

3) Вычитай сотни изъ сотенъ. Сотенъ не достанетъ. Разложи тысячу на

10 сотенъ. Будетъ 13 сотенъ. 6 изъ 13 будетъ 7 Напиши 7, и зачеркни сотни.

Сложить:

736 + 2453 + 196 + 9 + 38.

Напиши всѣ числа — простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями и тысячи подъ тысячами, и складывай такъ же, какъ два числа.

Сложить:

7893 + 3657 + 85 + 10 + 11 + 20056

5005 + 5050. 7896 + 3659. 6701 + 8928.

Вычесть:

9009 — 190. 5689 — 657. 10101 — 9876. 8765 — 3298.

560751 — 98765.

ЗАДАЧИ

I

1) Нынче 1872 годъ. Мнѣ 43 года отъ роду, а дѣдъ старше меня на 48 лѣтъ Въ какомъ году родился дѣдъ?

Дѣдъ старше меня на 48 лѣтъ, а мнѣ 43 года; сколько же дѣду лѣтъ? 43 да 48 будетъ 91. Значить онъ 91 годъ тому назадъ родился. Какой былъ годъ 91 годъ тому назадъ? Надо вычесть 91 изъ 1872.

Если мнѣ въ 1872 году 43 года, то значить я 43 года тому назадъ родился. Надо вычесть 43 изъ 1872; узнаешь, въ которомъ году я родился, — въ 1829. А когда я родился, дѣду ужъ было 48 лѣтъ. Стало быть онъ родился 48 лѣтъ прежде 1829 года. Надо вычесть 48 изъ 1829.

———

2) Купецъ пріѣхалъ на ярмарку и купилъ сукна на 5687 рублей, да бархату на 6898 рублей, и хотѣлъ ещё купить ситцу на 365 рублей, да недостало у него на ситецъ 58 рублей. Сколько у купца было денегъ?

У купца достало денегъ на сукно — 5687 рублей, и на бархатъ — 6898, (сложить) — всего 12585; да на ситецъ достало 365 безъ 58. Вычесть 58 изъ 365, — узнаешь сколько достало на ситецъ; а приложить къ 12585, — узнаешь, сколько всѣхъ было денегъ.

Если бы достало купцу денегъ на всё, то вышло бы всѣхъ денегъ 5687+6898+365. Сложи всё вмѣстѣ и вычти сколько недостало; узнаешь, сколько всѣхъ было денегъ.

ЗАДАЧИ

II.

1) Отецъ оставилъ въ наслѣдство трёмъ дѣтямъ 59075 рублей: старшему сыну 20000, дочери 13289 р. а другому сыну остальное.

На. сколько сестра получила меньше противъ старшего и противъ младшаго брата?

2) Трёмъ нищимъ дали вмѣстѣ 7 копѣекъ: одному 1 копейку, другому 4, а третьему остальныя.

Насколько первому дали меньше противъ другихъ?

ЗАДАЧИ

III.

1) У двухъ мужиковъ 35 овецъ. У одного на 9 овецъ больше, чѣмъ у другаго. Сколько у каждаго овецъ?

2) У одного мужика 23 овцы, а у другаго на 7 овецъ больше. Сколько у нихъ овецъ вмѣстѣ?

3) У одного мужика 26 овецъ, а у другаго на 5 овецъ меньше. Сколько у нихъ вмѣстѣ овецъ?

5) У двухъ мужиковъ 40 овецъ, а у одного меньше противъ другаго на 6 овецъ. Сколько .у каждаго?

5) У двухъ мужиковъ 50 овецъ, а у одного 15.

Насколько овецъ у него меньше противъ другаго?

———

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

—

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Заставляя учениковъ разсказывать басни, нужно стараться, чтобы ученики передавали не только самое содержаніе басни, но и тотъ общій выводъ, который по ихъ понятіямъ вытекаетъ изъ нея.

Заставляя разсказывать статьи втораго отдѣла (II, стр. 13—30), нужно стараться, чтобы ученики при описаніяхъ и разсказахъ передавали подробности разсказа или описанія.

(Описанія и разсказы должны служить ученикамъ образцами для сочиненій.)

А при сказкахъ требуйте отъ ученика преимущественно связнаго изложения хода дѣла.

Въ четвертомъ и пятомъ отдѣлахъ (IV, V, стр. 41—74) болѣе всего обращайте вниманіе ученика на тѣ свѣденія, которыя передаются въ

статьяхъ этихъ отдѣловъ.

Большая часть этихъ статей назначена преимущественно для вызова учениковъ на вопросы по различнымъ отраслямъ знанія. Отвѣты зависятъ отъ свѣдѣній и умѣнья учителя.

Въ шестомъ отдѣлѣ (VI, стр. 75) болѣе всего обращайте вниманіе на ударенія, и если ученикъ не можетъ самъ усвоить правильнаго ударенія, то прочтите сами нѣсколько стиховъ.

Общее правило для стиха былинъ состоитъ въ томъ, что удареніе находится на 3-мъ слогѣ и съ конца и съ начала, напр

Илья Мӯромецъ, сынъ Ивà новичъ

Во всѣхъ русскихъ статьяхъ второй книги поставлено ѣ особаго шрифта въ корняхъ словъ, и кромѣ того крупнымъ шрифтомъ обозначены слѣдующія грамматическія формы:

Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 1—12) тѣ падежи единственнаго числа существительныхъ, въ которыхъ употребляется буква ѣ.

Заставляйте ученика составлять изреченія, въ которыхъ бы были существительныя въ предложномъ и дательномъ падежахъ съ окончаніями на ѣ. Или предлагайте ему изреченія въ другихъ падежахъ, а его заставляйте передѣлывать такъ, чтобы были употреблены дательный или предложный; напримѣръ: Я держу палку рукой. У меня палка въ .... и т. п.

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 13—30) поставлено крупное ѣ въ окончаніяхъ мѣстоименій, и въ числительныхъ однѣ, двѣ. Заставляйте ученика составлять изреченія съ мѣстоименіями, имѣющими ѣ въ окончаніяхъ падежей.

Въ третьемъ отдѣлѣ (стр. 31—40) обозначено ѣ въ окончаніяхъ глаголовъ. Заставляйте ученика находить неокончательное наклоненіе такихъ глаголовъ и называть ихъ въ разныхъ формахъ, имѣющихъ ѣ; напр, хотѣть, онъ хотѣлъ, хотѣвшій.

Въ четвертомъ отдѣлѣ (стр. 41—60) обозначено ѣ въ сравнительныхъ и превосходныхъ степеняхъ нарѣчій и прилагательныхъ. Заставляйте ученика составлять изреченія, въ которыхъ была бы сравнительная в превосходная степень

Въ пятомъ отдѣлѣ (стр. 61—74) всѣ упражнения на бухву ѣ соединены внѣстѣ. Спрашивайте ученика, почему

въ такомъ и такомъ мѣстѣ поставлено ѣ крупнымъ шрифтомъ.

Къ стихамъ и къ славянскому относится тоже, что́ сказано въ первой книгѣ.

———

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ. О СЧЕТѢ.

Вычитаніе и сложеніе заставляйте дѣлать на счетахъ, записывая то, что̀ выходить, на разграфленной бумагѣ.

Безъ счетовъ заставляйте ученика первое время писать на разграфленной бумагѣ по разрядамъ чиселъ.

Пройдите всѣ упражненія болѣе или менѣе подробно, смотря по способности ученика, но всегда заставляйте дѣлать одновременно сложеніе и вычитаніе изъ суммы слагаемыхъ.

На сложеніи съ большихъ разрядовъ и безъ подписыванія слагаемыхъ чиселъ одного подъ другимъ упражняйте ученика какъ можно дольше. Оно яснѣе и полезнѣе для ученика, чѣмъ сложеиіе съ меньшихъ разрядовъ: естественнѣе прежде узнать сколько тысячъ, потомъ сколько единицъ.

Пройдя сложеніе цифрами, обратите вниманіе ученика на значеніе ∗ и на возможность съ помощію этого знака цифрами такъ же, какъ счетами, различно изображать числа, имѣющія нули.

Вычитаніе не-механическое есть одно изъ самыхъ трудныхъ ариѳметическихъ дѣйствій, и для того, чтобы дальнѣйшіе успѣхи были легки, не торопитесь вычитаніемъ и не жалѣйте мѣлу или карандаша, а заставляйте по нѣскольку разъ переписывать то число, изъ котораго вычитается, — какъ показано въ упражненіяхъ.

Обратите вниманіе ученика на то, что, вычитая многоразрядное число; онъ всякій разъ разбиваетъ его на разряды, и вычитаетъ отдѣльно, сотни; десятки и единицы.

Вычитаніе точно также естественнѣе съ большихъ разрядовъ, и потому долѣе упражняйте въ немъ ученика.

Не говорите правила о числѣ въ умѣ, приписываемомъ въ сложеніи; а главное, не говорите правила о заниманіи, и о томъ, что нуль, черезъ который перескочили, становится 9-ю. Ученикъ самъ пускай выведетъ эти правила.

Объясненіе задачъ возможно тремя способами:

1) Разъясненіе самой задачи, какъ въ задачахъ № I.

2) Составленіе точно такой же задачи съ самыми малыми числами, такъ чтобы ученикъ тот часъ же въ умѣ дѣлалъ ее, — какъ въ задачахъ № II.

3) Перестановка неизвѣстнаго въ той же задачѣ, какъ въ задачахъ № III. Полезно заставлять ученика дѣлать тоже самое хотя съ самыми легкими задачами.

Составляйте сами такого рода задачи и задавайте ученику.

———

ОПЕЧАТКИ

Стран.

Строк.

Напеч.

Читай.

1

3

сн.

засѣмялся

засмѣялся.

19

10

сн.

окрытъ

открытъ.

20

6

св.

Дужокъ

Дружокъ.

25

5

св.

живчикъ

Живчикъ.

37

5

св.

Урадскими

Уральскими.

58

8

сн.

они

онѣ.

59

9

св.

палобу

палубу.

68

9

сн.

зявязь

завязь.

———

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. Замысловскаго, Больш. МѢщан., д. № 33.

1872

ОГЛАВЛЕНІЕ III-ЕЙ КНИГИ.

Часть первая.

Стран.

I.

Лисица (Езопъ)

1

Дикій и ручной оселъ (Езопъ)

1

Олень (Езопъ)

2

Собака и волкъ (Езопъ)

2

II.

Слѣпой и молоко (индѣйская басня)

2

Волкъ и лукъ (индѣйск.)

3

Комаръ и левъ (Езопъ)

4

III.

Лошадь и хозяева (Езопъ)
4

Старикъ и смерть (Езопъ)
5

Левъ и лисица (Езопъ)
5

IV.
Олень и виноградникъ (Езопъ)
6

Топоръ и пила.
6

Котъ и мыши (Езопъ)
7

Перепелка и перепелята
7

Птици въ сѣти (индѣйск.)
7

Собака и поваръ .8
8

V.

Волкъ и коза (Езопъ)

9

Царь и соколъ (индѣйск.)

9

Галченокъ (арабск.)

10

VI.

Царскій сынъ и его товарищи (турецк.)

10

Праведный судья (восточн. сказка)

14

Какъ мужикъ гусей дѣлилъ

18

Строгое наказаніе (арабск.)

19

Царскіе братья (Гебель)

20

Стран.

VII.

Какъ я выучился ѣздить верхомъ

21

Солдаткино житье

24

VШ.

Булька

30

Булька и кабанъ

32

Фазаны

34

Мильтонъ и Булька

36

Черепаха

37

Булька и волкъ

39

Что случилось съ Булькой въ ПятигорскѢ

41

Конецъ Бульки и Мильтона

44

Русакъ

46

IX.

Основаніе Рима (Плутархъ)

47

Какъ гуси Римъ спасли (Плутархъ)

50

Поликратъ Самосскій (Геродотъ)

51

Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ.

53

X.

Яблони

64

Клопы

65

Заяцъ и гончая собака.

66

Зайцы и волки

67

Чутье

68

Отъ чего въ морозы трещатъ деревья

70

Сырость, I.

71

Сырость, II.

71

Разная связь частицъ

72

Ледъ, вода и паръ

73

Кристаллы
76

XI.
Вольга богатырь
80

Часть вторая.
Несторова лѣтопись.

Походы Игоря на Грековъ
87

Смерть Игоря
91

Месть Ольги за Игоря
92

III
Стран.

Крещеніе Ольги
101

Святославъ

103

Смерть Ольги

105

Походъ Святослава на Грековъ

106

Смерть Святослава

111

Изъ четьи минеи

Чудо Симеона Столпника съ разбойникомъ (Макарьев.)

112

Книга Бытія.

Глава VI.

116

Глава VII.

118

Глава VIII.

122

Глава IX.

126

Евангеліе отъ Матѳея.

Глава XIII.

130

Глава XVIII.

133

Псаломъ LIXXXIX.

137

Часть третья. Счетъ.

Умноженіе и дѣленіе.

140

Задачи, I.

171

Задачи, II.

173

Задачи, III.

174

Задачи, IV.

175

Задачи, V.

176

Для учителя.

Въ первой части

179

Къ третьей части. О счетѣ.

180

Опечатки

186

———

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

ЛИСИЦА.

Попалась лисица въ капканъ, оторвала хвостъ и ушла. И стала она придумывать, какъ бы ей свой стыдъ прикрыть. Созвала она лисицъ и стала ихъ уговаривать, чтобы отрубили хвосты — «Хвостъ», говоритъ, «совсѣмъ не кстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаемъ.» — Одна лисица и говоритъ: — «Охъ, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая.»

Куцая лисица смолчала и ушла.

ДИКІЙ И РУЧНОЙ ОСЕЛЪ.

Дикій осёлъ увидалъ ручнаго осла, подошёлъ къ нему и сталъ хвалить его жизнь: какъ и тѣломъ-то онъ гладокъ и какой ему кормъ сладкій. Потомъ, какъ навьючили ручного осла, до какъ сзади сталъ погоньщикъ подгонять его дубиной, дикій осёлъ и говоритъ: «нѣтъ, братъ, теперь не завидую; вижу, что твоё житьё тебѣ сокомъ достаётся.»

ОЛЕНЬ.

Олень подошёлъ къ рѣчкѣ напиться, увидалъ себя въ водѣ и сталъ радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрѣлъ и говоритъ: «Только ноги мои плохи и жидки.» Вдругъ выскочи левъ и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Онъ уходилъ, а какъ пришёлъ лѣсъ, запутался рогами за сучья, и левъ схватилъ его. Какъ пришло погибать оленю, онъ и говоритъ: «То-то глупый я! Про кого думалъ, что плохи и жидки, тѣ спасали, а на кого радовался, отъ тѣхъ пропалъ.»

СОБАКА И ВОЛКЪ.

Собака заснула за дворомъ. Голодный волкъ набѣжалъ и хотѣлъ съѣсть её. Собака и говоритъ: «Волкъ! подожди меня ѣсть, — теперь я костлява, худа. А вотъ дай срокъ, хозяева будутъ свадьбу играть,

тогда мнѣ ѣды будетъ вволю, я разжирѣю, — лучше тогда меня съѣсть». Волкъ повѣрилъ и ушёлъ. Вотъ приходитъ онъ въ другой разъ и видитъ — собака лежитъ на крышѣ. Волкъ и говоритъ: «чтожъ, — была сватьба?» А собака говоритъ: «Вотъ что, волкъ: коли другой разъ застанешь меня сонную передъ дворомъ, не дожидайся больше сватьбы.»

II.

СЛѢПОЙ И МОЛОКО.

Одинъ слѣпой отъ роду спросилъ зрячаго:

Какого цвѣта молоко?

Зрячій сказалъ: «цвѣтъ молока такой, какъ бумага бѣлая.»

Слѣпой спросилъ: «а что, этотъ цвѣтъ такъже шуршитъ подъ руками, какъ бумага?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, онъ бѣлый,какъ мука бѣлая.»

Слѣпой спросилъ: «а что, онъ такой же мягкій и сыпучій, какъ мука?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, онъ просто бѣлый, какъ заяцъ бѣлякъ.»

Слѣпой спросилъ: «что же, онъ пушистый и мягкій, какъ заяцъ?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, бѣлый цвѣтъ такой точно какъ снѣгъ.»

Слѣпой спросилъ: «что же, онъ холодный, какъ снѣгъ?»

И сколько примѣровъ зрячій ни говорилъ, слѣпой не могъ понять — какой бываетъ бѣлый цвѣтъ молока.

ВОЛКЪ И ЛУКЪ.

Охотникъ съ лукомъ и стрѣлами пошёлъ на охоту, убилъ козу, взвалилъ на плечи и понёсъ её. По дорогѣ увидалъ онъ кабана. Охотникъ сбросилъ козу, выстрѣлилъ въ кабана и ранилъ его. Кабанъ бросился на охотника, споролъ его до смерти, да и самъ тутъже издохъ. Волкъ почуялъ кровь и пришёлъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали коза, кабанъ, человѣкъ и его лукъ. Волкъ обрадовался подумалъ: «Теперь я буду долго сытъ, только и не стану ѣсть всего вдругъ, а буду ѣсть понемногу, чтобы ничего не пропало: сперва съѣмъ, что́ пожёстче, а потомъ закушу тѣмъ, что́ помягче и послаще.

— 4 —

Волкъ понюхалъ козу, кабана и человѣка и сказалъ: «это кушанье мягкое, я съѣмъ это послѣ; а прежде дай съѣмъ эти жилы на лукѣ.» И онъ сталъ грызть жилы на лукѣ. Когда онъ перекусилъ тетиву, лукъ разскочился и ударилъ волка по брюху. Волкъ тутъ же издохъ, а другіе волки съѣли и человѣка, и козу, и кабана, и волка.

КОМАРЪ И ЛЕВЪ.

Комаръ прилетѣлъ ко льву и говоритъ: «ты думаешь, въ тебѣ силы больше моего? Какъ бы не такъ! Какая въ тебѣ сила? Что царапаешь ногтями и грызёшь зубами; — это и бабы такъ-то съ мужиками дерутся. Я сильнѣе тебя: хочешь, выходи на войну!» И комаръ затрубилъ и сталъ кусать льва въ голыя щёки и въ носъ. Левъ сталъ бить себя по лицу лапами и драть когтями; изодралъ себѣ въ кровь всё лицо и изъ силъ выбился.

Комаръ затрубилъ съ радости и улетѣлъ. Потомъ запутался въ паутину къ пауку, и сталъ паукъ его сосать. Комаръ и говоритъ: «сильнаго звѣря, льва, одолѣлъ, а вотъ отъ дряннаго паука погибаю.»

III.

ЛОШАДЬ И ХОЗЯЕВА.

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить Бога, чтобы ей перейти къ другому хозяину. Такъ и

сдѣлалось. Садовникъ продалъ лошадь горшечнику. Лошадь была

рада, но у горшечника ещё больше прежняго стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей къ лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечникъ продалъ лошадь кожевнику. Вотъ какъ увидала лошадь на кожевенномъ дворѣ кониныя шкуры, она и завыла: «охъ горе мнѣ бѣдной! лучшебъ у прежнихъ хозяевъ оставаться: теперь ужъ, видно, не на работу продали меня, а на шкуру».

СТАРИКЪ И СМЕРТЬ.

Старикъ разъ нарубилъ дровъ и понёсъ. Нести было далеко; онъ измучился, сложилъ вязанку и говоритъ: «эхъ, хоть-бы смерть пришла!» — Смерть пришла и говоритъ: «вотъ я, чего тебѣ надо?» — Старикъ испугался и говоритъ: «мнѣ вязанку поднять».

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

Левъ отъ старости не могъ уже ловить звѣрей и задумалъ хитростію жить: зашёлъ онъ въ пещеру, лёгъ и притворился больнымъ. Стали ходить звѣри его провѣдывать и онъ съѣдалъ тѣхъ, которые входили къ нему въ пещеру. Лисица смекнула дѣло, стала у входа въ пещеру и говоритъ: «что левъ, какъ можешь?»

Левъ говоритъ: «плохо, — да ты отчегожь не входишь?»

А лисица говоритъ: «оттого не вхожу, что по слѣдамъ вижу — входовъ много, а выходовъ нѣтъ».

IV.

ОЛЕНЬ И ВИНОГРАДНИКЪ.

Олень спрятался отъ охотниковъ въ виноградникъ. Когда охотники проминовали его, олень сталъ объѣдать виноградные листья.

Охотники примѣтили, что листья шевелятся, и думаютъ: «не звѣрь ли тутъ подъ листьями?» — выстрѣлили и ранили оленя.

Олень и говоритъ умираючи: «подѣломъ мнѣ за то, что я хотѣлъ съѣсть листья тѣ самые, какіе спасли меня».

ТОПОРЪ И ПИЛА.

Пошли два мужика въ лѣсъ за деревомъ. У одного былъ топоръ, а у другаго пила. Вотъ они выбрали дерево и стали спорить. Одинъ говоритъ — надо дерево срубить, а другой говоритъ — надо спилить.

Третій мужикъ и говорить: «я сейчасъ помирю васъ; если топоръ востёръ, то лучше рубить, а если пила ещё вострѣе, то лучше пилить». Онъ взялъ топоръ и сталъ рубить дерево. Но топоръ былъ такъ тупъ, что имъ нельзя было рубить.

Онъ взялъ пилу; пила была плохая и совсѣмъ не рѣзала. Тогда онъ сказалъ: «Вы подождите спорить; топоръ не рубитъ, а пила не рѣжетъ. Вы прежде отточите топоръ да поправьте пилу, а потомъ ужь спорьте». Но тѣ мужики еще пуще разсердились другъ на друга за то, что у одного былъ неточеный топоръ, а у другаго пила тупая; и они стали драться.

КОТЪ И МЫШИ.

Завелось въ одномъ домѣ много мышей. Котъ забрался въ этотъ домъ и сталъ ловить мышей. Увидали мыши, что дѣло плохо, и говорятъ: «давайте, мыши, не будемъ больше сходить съ потолка, а сюда къ намъ коту не добраться!» Какъ перестали мыши сходить внизъ, котъ и

задумалъ, какъ бы ихъ перехитрить. Уцѣпился онъ одной лапкой за потолокъ, свѣсился и притворился мёртвымъ. Одна мышь выглянула на него, да и говоритъ: «Нѣтъ, братъ! хошь мѣшкомъ сдѣлайся, и то не подойду.»

ПЕРЕПЕЛКА И ПЕРЕПЕЛЯТА.

Мужики косили луга, а въ лугу подъ кочкой было перепелиное гнѣздо.

Перепёлка съ кормомъ прилетѣла къ гнѣзду и увидала, что кругомъ всё обкошено. Она и говоритъ перепелятамъ: «Ну дѣти, — бѣда пришла! Теперь молчите и не шевилитесь, а то пропадёте; вечеромъ переведу васъ.» А перепелята радовались, что въ лугу свѣтлѣе стало, и говорили: «мать — старая, оттого и не хочетъ, чтобы мы веселились»; и стали пищать и свистать.

Ребята принесли мужикамъ на покосъ обѣдать, услыхали перепелятъ и порвали имъ головы.

ПТИЦЫ ВЪ СЕТИ.

Охотникъ поставилъ у озера сѣти и накрылъ много птицъ. Птицы были большія, подняли сѣть и улетѣли

съ ней. Охотникъ побѣжалъ за птицами. Мужикъ увидалъ, что охотникъ бѣжитъ, и говоритъ: «и куда бѣжишь? Развѣ пѣшкомъ можно догнать птицу?» Охотникъ сказалъ: «Кабы одна была птица, я бы не догналъ, а теперь догоню».

Такъ и сдѣлалось. Какъ пришёлъ вечеръ, птицы потянули на ночлегъ каждая въ свою сторону: одна къ лѣсу, другая къ болоту, третья въ поле; и всѣ съ сѣтью упали на землю и охотникъ взялъ ихъ.

СОБАКА И ПОВАРЪ.

Поваръ готовилъ обѣдъ; собаки лежали у дверей кухни. Поваръ убилъ телёнка и бросилъ кишки на дворъ. Собаки подхватили, поѣли и говорятъ: «поваръ хорошій: хорошо стряпаетъ».

Немного погодя, поваръ сталъ чистить горохъ, рѣпу и лукъ и выбросилъ обрѣзки. Собаки кинулись, отвернули носы и говорятъ: «испортился нашъ поваръ: прежде хорошо готовилъ, а теперь никуда не годится».

Но поваръ не слушался собакъ, а стряпалъ обѣдъ по своему. Обѣдъ съѣли и похвалили хозяева, а не собаки.

V.

ВОЛКЪ И КОЗА.

Волкъ видитъ — коза пасётся на каменной горѣ, и нельзя ему къ ней подобраться; онъ ей и говоритъ: «пошла бы ты внизъ: тутъ и мѣсто поровнѣе и трава тебѣ для корма много слаще».

А коза говоритъ: «не затѣмъ ты, волкъ, меня внизъ зовёшь: ты не объ моёмъ, а о своёмъ кормѣ хлопочешь.»

ЦАРЬ И СОКОЛЪ.

Одинъ царь на охотѣ пустилъ за зайцемъ любимаго сокола и поскакалъ.

Соколъ поймалъ зайца. Царь отнялъ зайца и сталъ искать воды, гдѣ бы напиться. Въ бугрѣ царь нашёлъ воду. Только она по каплѣ капала. Вотъ царь досталъ чашу съ сѣдла и подставилъ подъ воду. Вода текла по каплѣ, и когда чаша набралась полная, царь поднялъ её ко рту и хотѣлъ пить. Вдругъ соколъ встрепенулся на рукѣ у царя, забилъ крыльями и выплеснулъ воду. Царь опять подставилъ чашу. Онъ долго ждалъ, пока она наберётся вровень съ краями, и опять, когда онъ сталъ подносить её ко рту, соколъ затрепыхался и разлилъ воду.

Когда въ третій разъ царь набралъ полную чашу и сталъ подносить её

къ губамъ, соколъ опять разлилъ её. Царь разсердился и, со всего размаха ударивъ сокола объ камень, убилъ его. Тутъ подъѣхали царскіе слуги, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ вверхъ къ роднику, чтобы найти побольше воды и скорѣе набрать полную чашу. Только и слуга не принёсъ воды; онъ вернулся съ пустой чашкой и сказалъ: «Ту воду нельзя пить; въ родникѣ змѣя и она выпустила свой ядъ въ воду. Хорошо, что соколъ разлилъ воду. Если бы ты выпилъ этой воды, ты бы умеръ».

Царь сказалъ: «Дурно же я отплатилъ соколу — онъ спасъ мнѣ жизнь, а я убилъ его».

ГАЛЧЁНОКЪ.

Пустынникъ увидалъ разъ въ лѣсу сокола. Соколъ принесъ въ гнѣздо кусокъ мяса, разорвалъ мясо на маленькіе куски и сталъ кормить галчонка.

Пустынникъ удивился, как такъ соколъ кормитъ галчёнка, и подумалъ: «галчёнокъ, и тотъ у Бога не пропадётъ: и научилъ же Богъ этого сокола кормить чужаго сироту. Видно Богъ всѣхъ тварей кормитъ, а мы всё о себѣ думаемъ. Перестану я о себѣ заботиться, не буду себѣ припасать пищи. Богъ всѣхъ тварей не оставляетъ, и меня не оставитъ».

Такъ и сдѣлалъ: сѣлъ въ лѣсу и не вставалъ съ мѣста, а только молился Богу. Три дня и три ночи онъ пробылъ безъ питья и ѣды. На третій день пустынникъ такъ ослабѣлъ, что ужъ не могъ поднять руки. Отъ слабости онъ заснулъ. И приснился ему старецъ. Старецъ будто подошёлъ къ нему и говоритъ: «ты зачѣмъ себѣ пищи не припасаешь? Ты думаешь Богу угодить, а ты грѣшишь. Богъ такъ міръ устроилъ, чтобъ каждая тварь добывала себѣ нужное. Богъ велѣлъ соколу кормить галчонка потому, что галчёнокъ пропалъ бы безъ сокола; а ты можешь самъ работать. Ты хочешь испытывать Бога, а это грѣхъ. Проснись и работай по прежнему». Пустынникъ проснулся и сталъ жить по прежнему.

VI.

ЦАРСКІЙ СЫНЪ И ЕГО ТОВАРИЩИ.

У Царя было два сына. Царь любилъ старшаго и отдалъ ему всё царство. Мать жалѣла меньшаго сына

и спорила съ Царёмъ. Царь на неё за то сердился, и каждый день была у нихъ изъ за этого ссора. Меньшій Царевичъ и подумалъ «лучше мнѣ уйти куда-нибудь», — простился съ отцомъ и матерью, одѣлся въ простое платье и пошёлъ странствовать.

На пути сошёлся онъ съ купцомъ. Купецъ раз сказалъ Царевичу, что былъ онъ прежде богатъ, но что всѣ его товары потонули въ морѣ, и что онъ идётъ теперь въ чужіе края поискать счастья.

Они пошли вмѣстѣ. На третій день сошелся съ ними ещё товарищъ. Они разговорились и новый товарищъ разсказалъ, что онъ мужикъ; былъ у него домъ и земля, но что была война, поля его стоптали и дворъ его сожгли; не при чёмъ ему стало жить, и что идётъ онъ теперь искать работы на чужую сторону.

Они пошли всѣ вмѣстѣ. Подошли они къ большому городу, и сѣли отдохнуть. Вотъ мужикъ и говоритъ: «ну, братцы, будетъ намъ гулять, теперь мы пришли къ городу, надо намъ за работу приниматься, кто какую умѣетъ.»

Купецъ говоритъ: «я умѣю торговать. Если бы у меня было хоть немного денегъ, я бы много наторговалъ.» А Царевичъ говоритъ — «а я не умѣю ни работать, ни торговать; я только умѣю царствовать. Еслибъ было у меня царство, я бы хорошо царствовалъ.» — А мужикъ говоритъ — «А мнѣ ни денегъ, ни царства не нужно; у меня только бы ноги ходили, да руки ворочали, — я проживу и васъ ещё прокормлю. А то вы, пока кто денегъ, а кто царства дожидаетесь, съ голоду помрёте.» А Царевичъ говоритъ:

«Купцу деньги нужны, мнѣ царство нужно, тебѣ сила нужна, чтобъ работать; а и деньги, и царство, и сила намъ отъ Бога. Захочетъ Богъ, и мнѣ царство дастъ, и тебѣ силу; а не захочетъ ни тебѣ силы, ни мнѣ царства не дастъ.»

Мужикъ не сталъ слушать, а пошёлъ въ городъ. Въ городѣ онъ нанялся таскать дрова. Ввечеру ему заплатили деньги. Онъ ихъ принёсъ товарищамъ и говоритъ: «Вы покуда собираетесь царствовать, а я ужь заработалъ.»

На другой день купецъ выпросилъ денегъ у мужика и пошёлъ въ городъ.

На торгу купецъ узналъ, что въ городѣ мало масла и каждый день ждутъ новаго привоза. Купецъ пошёлъ на пристань и сталъ высматривать корабли. При немъ пришёлъ корабль съ масломъ. Купецъ прежде всѣхъ вошёлъ на корабль, отъискалъ хозяина, купилъ всё масло и далъ задатокъ. Потомъ купецъ побѣжалъ въ городъ; перепродалъ масло и за свои хлопоты заработалъ денегъ въ 10 разъ больше противъ мужика и принёсъ товарищамъ.

Царевичъ и говоритъ: «Ну, теперь мой черёдъ идти въ городъ. Вамъ обоимъ посчастливилось, можетъ и мнѣ тоже будетъ. Для Бога ничего не трудно, — что́ тебѣ мужику дать работу, что́ купцу барыши, что́ Царевичу царство».

Входитъ Царевичъ въ городъ, видитъ онъ, — народъ ходитъ по улицамъ и плачетъ. Царевичъ сталъ спрашивать, о чёмъ плачутъ. Ему говорятъ: «развѣ не знаешь, нынче въ ночь нашъ царь умеръ, и другаго царя намъ такого не найти?» — «Отчего же онъ

умеръ»? — «Да должно быть злодѣи наши отравили». Царевичъ разсмѣялся и говоритъ: «Это не можетъ быть».

Вдругъ одинъ человѣкъ присмотрѣлся къ Царевичу, примѣтилъ, что онъ говоритъ нечисто по ихнему и одѣтъ не такъ, какъ всѣ въ городѣ, и крикнулъ:

— «Ребята! этотъ человѣкъ подосланъ къ намъ отъ нашихъ злодѣевъ разузнавать про нащъ городъ. Можетъ онъ самый отравилъ Царя. Видите, онъ и говоритъ не по нашему и смѣется, когда мы всѣ плачемъ. Хватайте его, ведите въ тюрьму!»

Царевича схватили, отвели въ тюрьму и два дня не давали ему пищи. На третій день пришли за Царевичемъ и повели его на судъ. Народа собралось много слушать, какъ будутъ судить Царевича.

На судѣ Царевича спросили, кто онъ и зачѣмъ пришёлъ въ ихъ городъ? Царевичъ сказалъ: — «Я царскій сынъ. Мой отецъ отдалъ всё царство старшему брату, а мать за меня заступалась и изъ за меня отецъ съ матерью ссорились. Я этого не захотѣлъ; простился съ отцомъ и матерью и ушёлъ странствовать. По дорогѣ встрѣтилъ я двухъ товарищей: купца и мужика и съ ними подошёлъ къ вашему городу. Когда мы сидѣли отдыхали за городомъ, мужикъ сказалъ, что надо теперь работать, кто что́ умѣетъ; купецъ сказалъ, что онъ умѣетъ торговать, но что у него денегъ нѣтъ, а я сказалъ, что я умѣю только царствовать, да у меня царства нѣтъ. Мужикъ сказалъ, что мы съ голоду помрёмъ, дожидаючи денегъ да царства, а что у него есть сила въ рукахъ, и что онъ и себя, и насъ прокормитъ. И онъ пошёлъ въ городъ, заработалъ деньги и принёсъ намъ. Купецъ на

эти деньги пошёлъ и наторговалъ вдесятеро; а я пошёлъ въ городъ нынче, и вотъ меня взяли и понапрасну посадили въ тюрьму и два дня не давали ѣсть, и теперь хотятъ казнить. Да я этого ничего не боюсь, потому что знаю, что всё отъ Бога, и захочетъ Богъ, такъ вы меня казните понапрасну, а захочетъ, такъ вы меня царёмъ сдѣлаете.»

Когда онъ всё это сказалъ, судья замолчалъ и не зналъ, что говорить. Вдругъ одинъ человѣкъ изъ народа закричалъ:

— «Намъ Богъ послалъ этого Царевича. Мы не найдёмъ себѣ лучше царя! Выбирайте его въ цари!»

И всѣ выбрали его царёмъ.

Когда его выбрали царёмъ, Царевичъ послалъ за городъ привести къ себѣ своихъ товарищей. Когда имъ сказали, что ихъ требуетъ Царь — они испугались: думали, что они сдѣлали какую нибудь вину въ городѣ. Но имъ нельзя было убѣжать и ихъ привели къ Царю. Они упали ему въ ноги, но Царь велѣлъ встать. Тогда они узнали своего товарища. Царь разсказалъ имъ всё, что съ нимъ было, и сказалъ имъ: — «Видите ли вы, что моя правда? Худое и доброе — всё отъ Бога. И Богу не труднѣе дать царство Царевичу, чѣмъ купцу барышъ, а мужику работу.»

Онъ наградилъ ихъ и оставилъ жить въ своёмъ Царствѣ.

ПРАВЕДНЫЙ СУДЬЯ.

Одинъ Алжирскій царь Бауакасъ захотѣлъ самъ узнать, — правду-ли ему говорили, что въ одномъ изъ

его городовъ есть праведный судья, что онъ сразу узнаётъ правду и что отъ него ни одинъ плутъ неможетъ укрыться. Бауакасъ переодѣлся въ купца и поѣхалъ верхомъ на лошади въ тотъ городъ, гдѣ жилъ судья. У въѣзда въ городъ къ Бауакасу подошёлъ калѣка и сталъ просить милостыню. Бауакасъ подалъ ему и хотѣлъ ѣхать дальше, но калѣка уцѣпился ему за платье. «Что тебѣ нужно?» спросилъ Бауакасъ; «развѣ я не далъ тебѣ милостыни?» — «Милостыню ты далъ», сказалъ калѣка, «но ещё сдѣлай милость, довези меня на твоей лошади до площади, а то лошади и верблюды какъ-бы не раздавили меня». Бауакасъ посадилъ калѣку сзади себя, и довёзъ его до площади. На площади Бауакасъ остановилъ лошадь. Но нищій не слѣзалъ. Бауакасъ сказалъ: «что-жь сидишь, слѣзай, мы пріѣхали!» А нищій сказалъ: «зачѣмъ слѣзать, — лошадь моя; а не хочешь добромъ отдать лошадь, пойдёмъ къ судьѣ.» Народъ собрался вокругъ нихъ и слушалъ, какъ они спорили; всѣ

закричали: «ступайте къ судьѣ, онъ васъ разсудитъ.»

Бауакасъ съ калѣкой пошли къ судьѣ. Въ судѣ былъ народъ и судья вызывалъ по очереди тѣхъ, кого судилъ. Прежде чѣмъ черёдъ дошёлъ до Бауакаса, судья вызвалъ учёнаго и мужика: они судились за жену. Мужикъ говорилъ, что это его жена, а учёный говорилъ, что его жена. Судья выслушалъ ихъ, помолчалъ и сказалъ «Оставьте женщину у меня, а сами приходите завтра»

Когда эти ушли, вошли мясникъ и масленникъ. Мясникъ былъ весь въ крови, а масленникъ въ маслѣ. Мясникъ держалъ въ рукѣ деньги, масленникъ руку

мясника. Мясникъ сказалъ: «Я купилъ у этого человѣка масло и вынулъ кошелёкъ, чтобы расплатиться: а онъ схватилъ меня за руку и хотѣлъ отнять деньги. Такъ мы и пришли къ тебѣ, — я держу въ рукѣ кошелёкъ, а онъ держитъ меня за руку. Но деньги мои, а онъ — воръ».

А масленникъ сказалъ: «Это неправда. Мясникъ пришёлъ ко мнѣ покупать масло. Когда я налилъ ему полный кувшинъ, онъ просилъ меня размѣнять ему золотой. Я досталъ деньги и положилъ ихъ на лавку, а онъ взялъ ихъ и хотѣлъ бѣжать. Я поймалъ его за руку и привёлъ сюда» Судья помолчалъ и сказалъ: «оставьте деньги здѣсь и приходите завтра.»

Когда очередь дошла до Бауакаса и до калѣки, Бауакасъ разсказалъ какъ было дѣло. Судья выслушалъ его и спросилъ нищаго. Нищій сказалъ: «это всё неправда. Я ѣхалъ верхомъ черезъ городъ, а онъ сидѣлъ на землѣ и просилъ меня подвезти его. Я посадилъ его на лошадь и довёзъ, куда ему нужно было; но онъ не хотѣлъ слѣзать и сказалъ, что лошадь его. Это неправда»

Судья подумалъ и сказалъ: «оставьте лошадь у меня и приходите завтра.»

На другой день собралось много народу слушать, какъ разсудитъ судья?

Первые подошли учёный и мужикъ.

«Возьми свою жену», сказалъ судья учёному, «а мужику дать 50 палокъ». Учёный взялъ свою жену, а мужика тутъ же наказали.

Потомъ судья вызвалъ мясника.

«Деньги твои», сказалъ онъ мяснику; потомъ онъ384 384—17 —

указалъ на масленника и сказалъ: «а ему дать 50 палокъ.»

Тогда позвали Бауакаса и калѣку. «Узнаѐшь-ты свою лошадь изъ двадцати другихъ?» спросилъ судья Бауакаса.

— «Узнàю.»

— «А ты?»

— «И я узнаю», сказалъ калѣка.

— «Иди за мною», сказалъ судья Бауакасу.

Они вошли въ конюшню. Бауакасъ сейчасъ-же промежь другихъ двадцати лошадей показалъ на свою. Потомъ судья вызвалъ калѣку въ конюшню и тоже велѣлъ ему указать на лошадь. Калѣка призналъ лошадь и показалъ её. Тогда судья сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ Бауакасу:

— «Лошадь твоя; возьми её. А калѣкѣ дать 50 палокъ».

Послѣ суда, судья пошёлъ домой; а Бауакасъ пошёлъ за нимъ.

«Что-же ты, или не доволенъ моимъ рѣшеніемъ?» спросилъ судья.

«Нѣтъ, я доволенъ,» сказалъ Бауакасъ. «Только хотѣлось-бы мнѣ знать — почёмъ ты узналъ, что жена была учёнаго, а не мужика, что деньги были мясниковы, а не масленниковы, и что лошадь была моя, а не нищаго?»

«Про женщину я узналъ вотъ какъ: позвалъ её утромъ къ себѣ и сказалъ ей: налей чернила въ мою чернильницу. Она взяла чернильницу, вымыла её скоро и ловко и налила чернила. Стало быть она привыкла это дѣлать. Будь она жена мужика, она не

съумѣла-бы это сдѣлать. Выходитъ, что учёный былъ правъ. Про деньги я узналъ вотъ какъ: положилъ я деньги въ чашку съ водой и сегодня утромъ посмотрѣлъ — всплыло-ли на водѣ масло. Если-бы деньги были масленниковы, то онѣ были бы запачканы его масляными руками. На водѣ масла не было, стало быть мясникъ говоритъ правду.»

«Про лошадь узнать было труднѣе. Калѣка такъже, какъ и ты, изъ двадцати лошадей сейчасъ указалъ на лошадь. Да я не для того приводилъ васъ обоихъ въ конюшню, чтобы видѣть, узнаете-ли вы лошадь, а для того, чтобы видѣть — кого изъ васъ двоихъ узнаетъ лошадь. Когда ты подошёлъ къ ней, она обернула голову, потянулась къ тебѣ; а когда калѣка тронулъ её, она прижала уши и подняла ногу. Поэтому я узналъ, что ты настоящій хозяинъ лошади.

Тогда Бауакасъ сказалъ:

«Я не купецъ, а царь Бауакасъ. Я пріѣхалъ сюда, чтобы видѣть — правда-ли то, что́ говорятъ про тебя. Я вижу теперь, что ты мудрый судья. Проси у меня чего хочешь, я награжу тебя.»

Судья сказалъ: Мнѣ не нужно награды; я счастливъ уже тѣмъ, что царь

мой похвалилъ меня.»

КАКЪ МУЖИКЪ ГУСЕЙ ДѢЛИЛЪ.

У одного бѣднаго мужика не стало хлѣба. Вотъ онъ и задумалъ попросить хлѣба у барина. Чтобы было съ чѣмъ идти къ барину, онъ поймалъ гуся, изжарилъ его и понёсъ. Баринъ принялъ гуся и говоритъ мужику: «спасибо, мужикъ, тебѣ за гуся; только не знаю, какъ мы твоего гуся дѣлить будемъ. Вотъ

у меня жена, два сына, да двѣ дочери. Какъ бы намъ раздѣлить гуся безъ обиды?» Мужикъ говоритъ: я раздѣлю. Взялъ ножикъ, отрѣзалъ голову и говоритъ барину: «ты всему дому голова, тебѣ голову». Потомъ отрѣзалъ задокъ, подаётъ барынѣ: «тебѣ, говоритъ, дома сидѣть, за домомъ смотрѣть, тебѣ задокъ» Потомъ отрѣзалъ лапки и подаётъ сыновьямъ «Вамъ», говорить, «ножки — топтать отцовскія дорожки» А дочерямъ далъ крылья. «Вы», говоритъ, «скоро изъ дома улетите, вотъ вамъ по крылышку А остаточки себѣ возьму!» — и взялъ себѣ всего гуся.

Баринъ посмѣялся, далъ мужику хлѣба и денегъ

Услыхалъ богатый мужикъ, что баринъ за гуся наградилъ бѣднаго мужика хлѣбомъ и деньгами, зажарилъ пять гусей и понёсъ къ барину

Баринъ говорить: «спасибо за гусей, да вотъ у меня жена, два сына, двѣ дочери — всѣхъ шестеро; какъ бы намъ поровну раздѣлить твоихъ гусей?» — Сталь богатый мужикъ думать и ничего не придумалъ.

Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ и велѣлъ дѣлить. Бѣдный мужикъ взялъ — одного гуся далъ барину съ барыней и говорить «вотъ васъ трое съ гусемъ»; одного далъ сыновьямъ — «и васъ», говорить, «трое»; одного далъ дочерямъ — «и васъ трое»; а себѣ взялъ двухъ гусей. «Вотъ», говорить, «и насъ трое съ гусями, — всѣ поровну».

Баринъ посмѣялся и далъ бѣдному мужику ещё денегъ и хлѣба, а богатаго прогналъ.

СТРОГОЕ НАКАЗАНІЕ.

Одинъ человѣкъ пошёлъ на торгъ и купилъ говядины.

На торгу его обманули — дали дурной говядины, да еще обвѣсили.

Вотъ онъ идётъ домой съ говядиной и бранится. Встрѣчается ему царь и спрашиваетъ, кого ты бранишь? А онъ говоритъ: «я браню того, кто меня обманулъ. Я заплатилъ за три фунта, а мнѣ дали только два, и то дурную говядину. Царь и говоритъ: «Пойдёмъ назадъ на торгъ; покажи того, кто тебя обманулъ». Человѣкъ пошёлъ назадъ и показалъ купца. Царь свѣсилъ при себѣ мясо: видитъ, точно обманули; царь и говоритъ: «Ну, какъ ты хочешь, чтобъ я наказалъ купца?» Тотъ говоритъ: «вели вырѣзать изъ его спины столько мяса, насколько онъ обманулъ меня»

Царь и говоритъ: «Хорошо, возьми ножъ и вырѣжь изъ купца фунтъ мяса; только смотри — чтобы у тебя вѣсъ былъ-бы вѣренъ, а если вырѣжешь больше или меньше фунта, ты виноватъ останешься.

Человѣкъ смолчалъ и ушёлъ домой.

ЦАРСКІЕ БРАТЬЯ.

Одинъ Царь шёлъ по улицѣ. Нищій подошёлъ къ нему и сталъ просить милостыню.

Царь не далъ ничего. Нищій сказалъ. «Царь, ты видно забылъ, что Богъ всѣмъ одинъ Отецъ, мы всѣ братья и намъ всѣмъ дѣлиться надо». Тогда Царь остановился и сказалъ: «ты правду говоришь, мы братья и намъ дѣлиться надо», и далъ нищему золотую деньгу. Нищій взялъ золотую деньгу и сказалъ: «Ты мало далъ; развѣ такъ дѣлятся съ братьями? Надо дѣлить по́ровну. У тебя милліонъ денегъ, а ты мнѣ далъ одну.» Тогда Царь сказалъ: «то правда, что

у меня милліонъ денегъ, а я тебѣ далъ одну; но у меня и братьевъ столько же, сколько денегъ».

VII.

КАКЪ Я ВЫУЧИЛСЯ ѢЗДИТЬ ВЕРХОМЪ.

Когда я былъ маленькій, мы каждый день учились, только по воскресеньямъ и по праздникамъ ходили гулять и играли съ братьями. Одинъ разъ батюшка сказалъ: «надо старшимъ дѣтямъ учиться ѣздить верхомъ. Послать ихъ въ манежъ». Я былъ меньше всѣхъ братьевъ и спросилъ: «А мнѣ можно учиться?» Батюшка сказалъ: — «ты упадёшь». Я сталъ просить его, чтобъ меня тоже учили и чуть не заплакалъ. Батюшка сказалъ: «ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадёшь. Кто ни разу не упадётъ съ лошади, не выучится верхомъ ѣздить».

Когда пришла середа, насъ троихъ повезли въ манежъ. Мы вошли на большое крыльцо, а съ большаго крыльца прошли на маленькое крылечко. А подъ крылечкомъ была очень большая комната. Въ комнатѣ вмѣсто пола былъ песокъ. И по этой комнатѣ ѣздили верхомъ господа и барыни, и такіе же мальчики, какъ мы. Это и былъ манежъ. Въ манежѣ было несовсѣмъ свѣтло и пахло лошадьми, и слышно было, какъ хлопаютъ бичами, кричатъ на лошадей, и лошади стучатъ копытами о деревянныя стѣны. Я сначала испугался и не могъ ничего разсмотрѣть. Потомъ нашъ дядька позвалъ берейтора и сказалъ: «вотъ этимъ мальчикамъ дайте лошадей, они будутъ учиться ѣздить верхомъ». Берейторъ сказалъ: «хорошо».

Потомъ онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «этотъ малъ очень». А дядька сказалъ: «онъ обѣщаетъ не плакать, когда упадётъ». Берейторъ засмѣялся и ушёлъ.

Потомъ привели трёхъ осѣдланныхъ лошадей, мы сняли шинели и сошли по лѣстницѣ внизъ въ манежъ. Берейторъ держалъ лошадь за корду[7], а братья ѣздили кругомъ него. Сначала они ѣздили шагомъ, потомъ рысью. Потомъ привели маленькую лошадку. Она была рыжая и хвостъ у нея былъ обрѣзанъ. Её звали Червончикъ. Берейторъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: «ну, кавалеръ, садитесь». Я и радовался, и боялся, и старался такъ сдѣлать, чтобъ никто этого не замѣтилъ. Я долго старался попасть ногою въ стремя, но никакъ не могъ, потому что я былъ слишкомъ малъ. Тогда берейторъ поднялъ меня на руки и посадилъ. Онъ сказалъ: «не тяжёлъ баринъ, — фунта два, больше не будетъ».

Онъ сначала держалъ меня за руку, но я видѣлъ, что братьевъ не держали, и просилъ, чтобы меня пустили. Онъ сказалъ: «а не боитесь?» Я очень боялся, но сказалъ, что не боюсь. Боялся я больше отъ того, что Червончикъ всё поджималъ уши. Я думалъ, что онъ на меня сердится. Берейторъ сказалъ: «ну, смотрите-жъ не падайте!» и пустилъ меня. Сначала Червончикъ ходилъ шагомъ, и я держался прямо. Но сѣдло

было скользкое и я боялся свернуться. Берейторъ меня спросилъ: «ну что, утвердились?» Я ему сказалъ. «утвердился». «Ну, теперь рысцой!» и берейторъ защёлкалъ языкомъ.

— 23 —

Червончикъ побѣжалъ маленькой рысью и меня стало подкидывать. Но я всё молчалъ и старался не свернуться на бокъ. Берейторъ меня похвалилъ: «Ай да кавалеръ, хорошо!» Я былъ очень этому радъ.

Въ это время къ берейтору подошёлъ его товарищъ и сталъ съ нимъ разговаривать, и берейторъ пересталъ смотрѣть на меня.

Только вдругъ я почувствовалъ, что я свернулся немножко на бокъ съ сѣдла. Я хотѣлъ поправиться, но никакъ не могъ. Я хотѣлъ закричать берейтору, чтобъ онъ остановилъ; но думалъ, что будетъ стыдно, если я это сдѣлаю, и молчалъ. Берейторъ не смотрѣлъ на меня, Червончикъ все бѣжалъ рысью, и я еще больше сбился на бокъ. Я посмотрѣлъ на берейтора и думалъ, что онъ поможетъ мнѣ; а онъ все разговаривалъ съ своимъ товарищемъ и, не глядя на меня, приговаривалъ: «молодецъ кавалеръ». Я уже совсѣмъ былъ на боку и очень испугался. Я думалъ, что я пропалъ. Но кричать мнѣ стыдно было. Червончикъ тряхнулъ меня еще разъ, я совсѣмъ соскользнулъ и упалъ на землю. Тогда Червончикъ остановился, берейторъ оглянулся и увидалъ, что на Червончикѣ меня нѣтъ. Онъ сказалъ: «вотъ-те на! свалился кавалеръ мой», и подошёлъ ко мнѣ. Когда я ему сказалъ, что не ушибся, онъ засмѣялся и сказалъ: дѣтское тѣло мягкое. А мнѣ хотѣлось плакать. Я попросилъ, чтобы меня опять посадили; и меня посадили. И я ужъ больше не падалъ.

Такъ мы ѣздили въ манежѣ два раза въ недѣлю, и я скоро выучился ѣздить хорошо, и ничего не боялся.

— 24 —

СОЛДАТКИНО ЖИТЬЕ.

Мы жили бѣдно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка. Бабушка ходила въ старомъ чупрунѣ и худенькой панёвѣ, а голову завязывала какой-то ветошкой, и подъ горломъ у ней висѣлъ мѣшочекъ. Бабушка любила и жалѣла меня больше матери. Отецъ мой былъ въ солдатахъ. Говорили про него, что онъ много пилъ и за то его отдали въ солдаты. Я какъ сквозь сонъ помню — онъ приходилъ къ намъ на побывку. Изба наша была тѣсная и подпертая въ серединѣ рогулиной, и я помню, какъ я лазилъ на эту подпорку, оборвался и разбилъ себѣ лобъ объ лавку. И до сихъ поръ мѣтина эта осталась у меня на лбу.

Въ избѣ были два маленькія окна и одно всегда было заткнуто ветошкой. Дворъ нашъ былъ тѣсный и раскрытый. Въ серединѣ стояло старое корыто. На дворѣ была только одна старая, кособокая лошадёнка; коровы у насъ не было, были двѣ плохенькія овчёнки и одинъ ягнёнокъ. Я всегда спалъ съ этимъ ягнёнкомъ. Ѣли мы хлѣбъ съ водою. Работать у насъ было некому, мать моя всегда жаловалась отъ живота, а бабушка отъ головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то въ свою долю, а не въ семью, покупала себѣ наряды и собиралась замужъ.

Помню я — мать стала больнѣе и потомъ родился у ней мальчикъ. Мамушку положили въ сѣни. Бабушка заняла у сосѣда крупицъ и послала дядю Нефеда за попомъ. А сестра пошла собирать народъ на крестины.

Собрался народъ, принесли три ковриги хлѣба. Родня стала разставлять столы и покрывать скатертями. Потомъ принесли скамейки и ушатъ съ водой. И всѣ сѣли по мѣстамъ. Когда пріѣхалъ священникъ, кумъ съ кумой стали впереди, а позади стала тетка Акулина съ мальчикомъ. Стали молиться. Потомъ вынули мальчика и священникъ взялъ его и опустилъ въ воду. Я испугался и закричалъ: «дай мальчика сюда!» Но бабушка разсердилась на меня и сказала: «молчи, а то побью»

Священникъ окунулъ его три раза и отдалъ тёткѣ Акулинѣ. Тётка завернула его въ миткаль и отнесла къ матери въ сѣни.

Потомъ всѣ сѣли за столы, бабушка наложила каши двѣ чашки, налила постное масло и подала народу. Когда всѣ наѣлись, — вылѣзли изъ за столовъ, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошёлъ къ матери и говорю:

— «Ма, какъ его зовутъ?» Мать говоритъ: «такъже, какъ тебя»

Мальчикъ былъ худой; ножки, ручки у него были тоненькія, и онъ всё кричалъ. Когда ни проснёшься ночью, онъ всё кричитъ, а мамушка всё баюкаетъ, припѣваетъ. Сама кряхтитъ, а всё поётъ.

Одинъ разъ ночью я проснулся и слышу — мать плачетъ. Бабушка встала и говоритъ: «что́ ты, Христосъ съ тобой!» Мать говоритъ: «мальчикъ померъ». Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надѣла чистую рубашечку подпоясала и положила подъ святое. Когда разсвѣло, бабушка вышла изъ избы и привела дядю Нефеда. Дядя принесъ двѣ старенькія тесинки и сталъ

дѣлать гробикъ. Сдѣлалъ маленькое домовище и положилъ мальчика туда.

Потомъ мать сѣла къ гробику и тонкимъ голосомъ стала причитать и завыла. Потомъ дядя Нефедъ взялъ гробикъ подъ мышку и понёсъ хоронить.

Только у насъ и было радости, какъ мы няньку отдавали замужъ. Пріѣхали къ намъ разъ мужики и принесли съ собой ковригу хлѣба и вина. И стали подносить своё вино матери. Мать выпила. Дядя Иванъ отрѣзалъ ломоть хлѣба и подалъ ей. Я стоялъ подлѣ стола и мнѣ захотѣлось хлѣбушка. Я нагнулъ мать и сказалъ ей на ухо. Мать засмѣялась, а дядя Иванъ говоритъ: «что онъ? хлѣбца?» и отрѣзалъ мнѣ большой ломоть. Я взялъ хлѣбъ и ушёлъ въ чуланъ. А нянька сидѣла въ чуланѣ. Она стала меня спрашивать: «что́ тамъ мужики говорятъ?» Я сказалъ: «вино пьютъ». Она засмѣялась и говоритъ: «это они меня сватаютъ за Кондрашку».

Потомъ собрались играть свадьбу. Всѣ встали рано. Бабушка топила печку, мать мѣсила пироги, а тётка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась въ новые коты, надѣла сарафанъ красный и платокъ хорошій и ничего не дѣлала. Потомъ, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло къ намъ много народу, — полная изба

Потомъ подъѣхали къ нашему двору три пары съ колоколами. И на задней парѣ сидѣлъ женихъ Кондрашка въ новомъ кафтанѣ и въ высокой шапкѣ. Женихъ слѣзъ съ телѣги и пошёлъ въ избу. Надѣли на няньку новую шубу и вывели её къ жениху. Посадили жениха съ невѣстой за столъ и бабы стали ихъ величать.

Потомъ вылѣзли изъ за стола, помолились Богу и вышли на дворъ. Кондрашка посадилъ няньку въ телѣгу, а самъ сѣлъ въ другую. Всѣ посажались въ телѣги, перекрестились и поѣхали. Я вернулся въ избу и сѣлъ къ окну ждать, когда свадьба вернётся. Мать дала мнѣ кусочекъ хлѣбца, я поѣлъ, да тутъ и заснулъ. Потомъ меня разбудила мать, говоритъ: «ѣдутъ»! дала мнѣ скалку и велѣла сѣсть за столъ. Кондрашка съ нянькой вошли въ избу и за ними много народа, больше прежняго. И на улицѣ былъ народъ и всѣ смотрѣли къ намъ въ окна. Дядя Герасимъ былъ дружкою; онъ подошёлъ ко мнѣ и говоритъ: «вылѣзай». Я испугался и хотѣлъ лѣзть, а бабушка говоритъ: «ты покажи скалку и скажи: а это что?» Я такъ и сдѣлалъ. Дядя Герасимъ положилъ денегъ въ стаканъ и налилъ вина и подалъ мнѣ. Я взялъ стаканъ и подалъ бабушкѣ. Тогда мы вылѣзли, а они сѣли.

Потомъ стали подносить вино, студень, говядину; стали пѣть пѣсни и плясать. Дядѣ Герасиму поднесли вина; онъ выпилъ немного и говоритъ: «что-то вино горько». Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его цѣловать. Долго играли пѣснѝ и плясали, а потомъ всѣ ушли и Кондрашка повёлъ няньку къ себѣ домой.

Послѣ этого мы стали ещё бѣднѣе жить. Продали лошадь и послѣднихъ овецъ, и хлѣба у насъ часто не было. Мать ходила занимать у родныхъ. Вскорѣ и бабушка померла. Помню я, какъ матушка по ней выла и причитала: «Уже родимая моя матушка! на кого ты меня оставила горькую горемычную? на кого покинула свое дитятко безсчастное? гдѣ я ума-разума возьму?

какъ мнѣ вѣкъ прожить?» И такъ она долго плакала и причитала.

Одинъ разъ пошёлъ я съ ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу — идётъ солдатъ съ сумочкой за плечами. Онъ подошёлъ къ ребятамъ и говоритъ: «Вы изъ какой деревни, ребята?» «Мы — говоримъ — изъ Никольскаго». — «А что, живётъ у васъ солдатка Матрёна?» А я говорю: «жива, она мнѣ матушка». Солдатъ поглядѣлъ на меня и говоритъ: «а отца своего видалъ?» Я говорю: «онъ въ солдатахъ, не видалъ». Солдатъ и говоритъ: «ну, пойдёмъ, проводи меня къ Матрёнѣ, я ей письмо отъ отца привёзъ». Я говорю: какое письмо? А онъ говоритъ: вотъ пойдёмъ, увидишь.

«Ну чтожъ, пойдёмъ».

Солдатъ пошёлъ со мной, да такъ скоро, что я бѣгомъ за нимъ не поспѣвалъ. Вотъ пришли мы въ свой домъ. Солдатъ помолился Богу и говоритъ: «здравствуйте!» Потомъ раздѣлся, сѣлъ на конникъ и сталъ оглядывать избу, и говоритъ: «чтожъ, у васъ семьи только-то?» Мать оробѣла и ничего не говоритъ, только смотритъ на солдата. Онъ и говоритъ: «гдѣжъ матушка? — а самъ заплакалъ. Тутъ мать подбѣжала къ отцу и стала его цѣловать. И я тоже влѣзъ къ нему на колѣни и сталъ его обшаривать руками. А онъ пересталъ плакать и сталъ смѣяться.

Потомъ пришёлъ народъ, и отецъ со всѣми здоровался и разсказывалъ, что онъ теперь совсѣмъ по билету вышелъ.

Какъ пригнали скотину, пришла и нянька и поцѣловалась съ отцомъ. А отецъ и говоритъ: «это чья же молодая бабочка?» А мать засмѣялась и говоритъ:

«свою дочь не узналъ». Отецъ позвалъ её ещё къ себѣ и поцѣловалъ и спрашивалъ, какъ она живетъ? Потомъ мать ушла варить яичницу, а няньку послала за виномъ. Нянька принесла штофикъ заткнутъ бумажкой и поставила на столъ. Отецъ и говоритъ: «это что?» А мать говоритъ: «тебѣ вина». А онъ говоритъ: «нѣтъ, ужъ пятый годъ не пью; а вотъ яичницу подавай!» Онъ помолился Богу, сѣлъ за столъ и сталъ ѣсть. Потомъ онъ говоритъ: «кабы я не бросилъ пить, я бы и унтеръ-офицеромъ не былъ, и домой бы ничего не принёсъ, — а теперь слава Богу». Онъ досталъ въ сумкѣ кошель съ деньгами и отдалъ матери. Мать обрадовалась, заторопилась и понесла хоронить.

Потомъ, когда всѣ разошлись, отецъ лёгъ спать на задней лавкѣ и меня положилъ съ собой, а мать легла у насъ въ ногахъ. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потомъ я уснулъ.

Поутру мать говоритъ: «охъ, дровъ-то нѣтъ у меня!» А отецъ говоритъ: «топоръ есть?» — «Есть, да щербатый, плохой». Отецъ обулся, взялъ топоръ и вышелъ на дворъ. Я побѣжалъ за нимъ.

Отецъ сдёрнулъ съ крыши жердь, положилъ на колоду, взмахнулъ топоромъ, живо перерубилъ и принёсъ въ избу, и говоритъ: «ну вотъ тебѣ и дрова, топи печь; а я нынче пойду пріищу купить избу, да лѣсу на дворъ. Корову также купить надо». Мать говоритъ:

«Охъ, денегъ много на всё надо».

А отецъ говоритъ: «а работать будемъ. Вонъ мужикъ-то растётъ!» Отецъ показалъ на меня.

Вотъ отецъ помолился Богу, поѣлъ хлѣбца, одѣлся и

говоритъ матери: «а есть яички свѣжія, такъ испеки въ золѣ къ обѣду». И пошёлъ со двора.

Отецъ долго не ворочался. Я сталъ проситься у матери за отцомъ. Она не пускала. Я хотѣлъ уйти, а мать не пустила меня и побила. Я сѣлъ на печку и сталъ плакать. Тутъ отецъ вошёлъ въ избу и говоритъ: «о чёмъ плачешь?» Я говорю: «я хотѣлъ за тобой бѣчь, а мать меня не пустила, да ещё побила», и ещё пуще заплакалъ. Отецъ засмѣялся, подошёлъ къ матери и сталъ её бить нарочно, а самъ приговариваетъ: «не бей ѳедьку, не бей ѳедьку!» Мать нарочно будто заплакала, отецъ засмѣялся и говоритъ: «вотъ вы съ ѳедькой какіе на слёзы слабые, сейчасъ и плакать». Потомъ отецъ сѣлъ за столъ, посадилъ меня съ собой рядомъ и закричалъ: «ну, теперь давай намъ, мать, съ ѳедюшкой обѣдать; мы ѣсть хотимъ».

Мать дала намъ каши и яицъ, и мы стали ѣсть. А мать говоритъ: «ну что-же, — иструбъ?» А отецъ говоритъ: «купилъ, 80 цѣлковыхъ, липовый, бѣлый, какъ стекло. Вотъ дай срокъ, мужикамъ купимъ винца, они мнѣ и свезутъ воскреснымъ дѣломъ».

Съ тѣхъ поръ мы стали хорошо жить.

VIII.

БУЛЬКА.

У меня была мордашка. Её звали Булька. Она была вся чёрная, только кончики переднихъ лапъ были бѣлые. У всѣхъ мордашекъ нижняя челюсть длиннѣе верхней и верхніе зубы заходятъ за нижніе; но у Бульки

нижняя челюсть такъ выдавалась вперёдъ, что палецъ можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое, глаза большіе, черные и блестящіе; и зубы и клыки бѣлые всегда торчали наружу. Онъ былъ похожъ на арапа. Булька былъ смирный и не кусался, но онъ былъ очень силенъ и цѣпокъ. Когда онъ бывало уцѣпится за что-нибудь, то стиснетъ зубы и повиснетъ, какъ тряпка, и его, какъ клещука, нельзя никакъ оторвать.

Одинъ разъ его пускали на медвѣдя и онъ вцѣпился медвѣдю въ ухо и повисъ, какъ піявка. Медвѣдь билъ его лапами, прижималъ къ себѣ, кидалъ изъ стороны въ сторону, но не могъ оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тѣхъ поръ на нёмъ держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взялъ его щенкомъ и самъ выкормилъ. Когда я ѣхалъ на Кавказъ, я не хотѣлъ брать его, и ушёлъ отъ него потихоньку, а его велѣлъ запереть. На первой станціи я хотѣлъ уже садиться на другую перекладную, какъ вдругъ увидалъ, что по дорогѣ катится что-то чёрное и блестящее. Это былъ Булька въ своёмъ мѣдномъ ошейникѣ. Онъ летѣлъ во весь духъ къ станціи. Онъ бросился ко мнѣ, лизнулъ мою руку и растянулся въ тѣни подъ телѣгой. Языкъ его высунулся на цѣлую ладонь. Онъ то втягивалъ его назадъ, глоталъ слюни, то опять высовывалъ на цѣлую ладонь. Онъ торопился, не поспѣвалъ дышать, бока его такъ и прыгали. Онъ поворачивался съ боку на бокъ и постукивалъ хвостомъ о землю.

Я узналъ потомъ, что онъ послѣ меня пробилъ раму

и выскочилъ изъ окна, и прямо по моему слѣду поскакалъ по дорогѣ, и проскакалъ такъ вёрстъ 20-ть въ самый жаръ.

БУЛЬКА И КАБАНЪ.

Одинъ разъ на Кавказѣ мы пошли на охоту за кабанами, и Булька прибѣжалъ со мной. Только-что гончія погнали, Булька бросился на ихъ голосъ и скрылся въ лѣсу. Это было въ Ноябрѣ мѣсяцѣ: кабаны и свиньи тогда бываютъ очень жирные.

На Кавказѣ, въ лѣсахъ, гдѣ живутъ кабаны, бываетъ много вкусныхъ плодовъ: дикаго винограду, шишекъ, яблокъ, грушъ, ежевики, желудей, терновнику. И когда всѣ эти плоды поспѣютъ и тронутся морозомъ — кабаны отъѣдаются и жирѣютъ.

Въ то время кабанъ такъ бываетъ жиренъ, что не долго можетъ бѣгать подъ собаками. Когда его погоняютъ часа два, онъ забивается въ чащу и останавливается. Тогда охотники бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоитъ и стрѣляютъ. По лаю собакъ можно знать, сталъ ли кабанъ или бѣжитъ. Если онъ бѣжитъ, то собаки лаютъ съ визгомъ, какъ будто ихъ бьютъ; а если онъ стоитъ, то они лаютъ, какъ на человѣка, и подвываютъ.

Въ эту охоту я долго бѣгалъ по лѣсу, но ни разу мнѣ не удалось перебѣжать дорогу кабану. Наконецъ я услыхалъ протяжный лай и вой гончихъ собакъ и побѣжалъ къ тому мѣсту. Ужъ я былъ близко отъ кабана. Мнѣ уже слышенъ былъ трескъ по чащѣ. Это ворочался кабанъ съ собаками. Но слышно было по

лаю, что они не брали его, а только кружились около. Вдругъ я услыхалъ — зашуршало что-то сзади, и увидалъ Бульку. Онъ видно потерялъ гончихъ въ лѣсу и спутался, а теперь слышалъ ихъ лай и, также какъ я, что было духу катился въ ту сторону. Онъ бѣжалъ черезъ полянку по высокой травѣ, и мнѣ отъ него видна только была его чёрная голова и закушенный языкъ въ бѣлыхъ зубахъ. Я окликнулъ его, но онъ не оглянулся, обогналъ меня и скрылся въ чащѣ. Я побѣжалъ за нимъ, но чѣмъ дальше я шёлъ, тѣмъ лѣсъ становился чаще и чаще. Сучки сбивали съ меня шапку, били по лицу, иглы терновника цѣплялись за платье. Я уже былъ близокъ къ лаю, но ничего не могъ видѣть.

Вдругъ я услыхалъ, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало и кабанъ сталъ отдуваться и захрипѣлъ. Я такъ и думалъ, что теперь Булька добрался до него и возится съ нимъ. Я изъ послѣднихъ силъ побѣжалъ черезъ чащу къ тому мѣсту. Въ самой глухой чащѣ я увидалъ пёструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одномъ мѣстѣ, и въ трёхъ шагахъ отъ нея возилось и чернѣло что-то.

Когда я подвинулся ближе, я разсмотрѣлъ кабана и услыхалъ, что Булька пронзительно завизжалъ. Кабанъ захрюкалъ и посунулся на гончую; гончая поджала хвостъ и отскочила. Мнѣ сталъ виденъ бокъ кабана и его голова. Я прицѣлился въ бокъ и выстрѣлилъ. Я видѣлъ, что попалъ. Кабанъ хрюкнулъ и затрещалъ прочь отъ меня по чащѣ. Собаки визжали, лаяли слѣдомъ за нимъ; я по чащѣ ломился за ними.

Вдругъ почти у себя подъ ногами я увидалъ и услыхалъ что-то. Это былъ Булька.

Онъ лежалъ на боку и визжалъ. Подъ нимъ была лужа крови. Я подумалъ: пропала собака; но мнѣ теперь не до него было, я ломился дальше. Скоро я увидалъ кабана. Собаки хватали его сзади, а онъ поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабанъ увидалъ меня, онъ сунулся ко мнѣ. Я выстрѣлилъ другой разъ почти въ упоръ, такъ что щетина загорѣлась на кабанѣ, и кабанъ — захрипѣлъ, пошатался и всей тушей тяжело хлопнулся на земь.

Когда я подошёлъ, кабанъ уже былъ мёртвый и только то тамъ, то тутъ его пучило и подёргивало. Но собаки, ощетинившись, однѣ рвали его за брюхо и за ноги, а другія локали кровь изъ раны.

Тутъ я вспомнилъ про Бульку и пошёлъ его искать. Онъ ползъ мнѣ на встрѣчу и стоналъ. Я подошёлъ къ нему, присѣлъ и посмотрѣлъ его рану. У него былъ распоронъ животъ, и цѣлый комокъ кишокъ изъ живота волочился по сухимъ листьямъ. Когда товарищи подошли ко мнѣ, мы вправили Булькѣ кишки и зашили ему животъ. Пока зашивали животъ и прокалывали кожу, онъ всё лизалъ мнѣ руки.

Кабана привязали къ хвосту лошади, чтобъ вывезти изъ лѣсу, а Бульку положили на лошадь, и такъ привезли его домой. Булька проболѣлъ недѣль шесть, и выздоровѣлъ.

ФАЗАНЫ.

На Кавказѣ дикихъ куръ зовутъ фазанами. Ихъ такъ много, что онѣ тамъ дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся съ кобылкой, съ подсаду и изъ

подъ собаки. Съ кобылкой вотъ какъ охотятся: возьмутъ парусины, натянутъ на рамку, въ серединѣ рамки сдѣлаютъ перекладину. А въ парусинѣ сдѣлаютъ прорѣшку. Эта рамка съ парусиной называется кобылкой. Съ этой кобылкой и съ ружьёмъ, на зарѣ выходятъ съ лѣсъ. Кобылку несутъ передъ собою и высматриваютъ въ прорѣшку фазановъ. Фазаны по зарямъ кормятся на полянкахъ. Иногда цѣлый выводокъ — насѣдка съ цыплятами, иногда пѣтухъ съ курицей, иногда нѣсколько пѣтуховъ вмѣстѣ.

Фазаны не вѝдятъ человѣка, а не боятся парусины и подпускаютъ къ

себѣ близко. Тогда охотникъ ставитъ кобылку, высовываетъ ружьё въ прорѣху и стрѣляетъ по выбору

Съ подсаду охотятся вотъ какъ: пустятъ дворную собачёнку въ лѣсъ и ходятъ за ней. Когда собака найдётъ фазана, она бросится за нимъ. Фазанъ влетитъ на дерево и тогда собачёнка начинаетъ на него лаять. Охотникъ подходитъ на лай и стрѣляетъ фазана на деревѣ. Охота эта была бы легка, если бы фазанъ садился на дерево на чистомъ мѣстѣ и сидѣлъ бы прямо на деревѣ, такъ что его бы видно было. Но фазаны всегда садятся на густыя деревья въ чащѣ, и какъ завидятъ охотника, такъ прячутся въ сучкахъ. И бываетъ трудно пролѣзть въ чащѣ къ дереву, гдѣ сидитъ фазанъ, и трудно разсмотрѣть его. Когда собака одна лаетъ на фазана, онъ не боится ея; сидитъ на сучкѣ и ещё пѣтушится на неё и хлопаетъ крыльями. Но какъ только онъ увидитъ человѣка, то сейчасъ же вытягивается по сучку, такъ что только привычный охотникъ различитъ его, а непривычный будетъ стоять подлѣ и ничего не увидитъ.

Когда казаки подкрадываются къ фазанамъ, то они надвигаютъ шапку на своё лицо и не глядятъ вверхъ, потому что фазанъ боится человѣка съ ружьёмъ, а больше всего боится его глазъ.

Изъ подъ собаки охотятся вотъ какъ: берутъ лягавую собаку и ходятъ за ней по лѣсу. Собака чутьемъ услышитъ, гдѣ на зарѣ ходили и кормились фазаны, и станетъ разбирать ихъ слѣды. И сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдётъ послѣдній слѣдъ, выходъ съ того мѣста, гдѣ кормились. Чѣмъ дальше будетъ идти собака по слѣду, тѣмъ сильнѣе ей будетъ пахнуть, и такъ она дойдётъ до того мѣста, гдѣ днёмъ сидитъ въ травѣ или ходитъ фазанъ. Когда она подойдётъ близко, тогда ей будетъ казаться, что фазанъ ужъ тутъ, прямо передъ ней, и она всё будетъ идти осторожнѣе, чтобы не спугнуть его, и будетъ останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдётъ совсѣмъ близко, тогда фазанъ вылетаетъ и охотникъ стрѣляетъ.

МИЛЬТОНЪ И БУЛЬКА.

Я завёлъ себѣ для фазановъ лягавую собаку. Собаку эту звали Мильтонъ; она была высокая, худая, крапчатая по сѣрому, съ длинными брылами и ушами; и очень сильная и умная. Съ Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Онъ бывало только покажетъ свои зубы, и собаки поджимаютъ хвосты и отходятъ прочь. Одинъ разъ я пошёлъ съ Мильтономъ за фазанами. Вдругъ Булька прибѣжалъ за мной въ лѣсъ. Я хотѣлъ прогнать его, но

никакъ не могъ. А идти домой, чтобы отвести его, было далеко Я думалъ, что онъ не будетъ мѣшать мнѣ, и пошёлъ дальше: но только что Мильтонъ почуялъ въ травѣ фазана и сталъ искать, Булька бросился вперёдъ, и сталъ соваться во всѣ стороны. Онъ старался прежде Мильтона поднять фазана Онъ что-то такое слышалъ въ травѣ, прыгалъ, вертѣлся; но чутьё у него плохое и онъ не могъ найти слѣда одинъ, а смотрѣлъ на Мильтона и бѣжалъ туда, куда шёлъ Мильтонъ. Только что Мильтонъ тронется но слѣду, Булька забѣжитъ вперёдъ. Я отзывалъ Бульку, билъ, но ничего не могъ съ нимъ сдѣлать. Какъ только Мильтонъ начиналъ искать, онъ бросался вперёдъ и мѣшалъ ему. Я хотѣлъ уже идти домой, потому что думалъ, что охота моя испорчена, но Мильтонъ лучше меня придумалъ, какъ обмануть Бульку. Онъ вотъ что сдѣлалъ: какъ только Булька забѣжитъ ему вперёдъ, Мильтонъ броситъ слѣдъ, повернётъ въ другую сторону и протворится, что онъ ищетъ. Булька бросится туда, куда показалъ Мильтонъ, а Мильтонъ оглянется на меня, махнётъ хвостомъ и пойдётъ опять по настоящему слѣду. Булька опять прибѣгаетъ къ Мильтону, забѣгаетъ вперёдъ, и опять Мильтонъ нарочно сдѣлаетъ шаговъ десять въ сторону, обманетъ Бульку и опять поведётъ меня прямо. Такъ что всю охоту онъ обманывалъ Бульку и не далъ ему испортить дѣла.

ЧЕРЕПАХА.

Одинъ разъ я пошёлъ съ Мильтономъ на охоту. Подлѣ лѣса онъ началъ искать, вытянулъ хвостъ, поднялъ уши и сталъ принюхиваться. Я приготовилъ ружьё

и пошёлъ за нимъ. Я думалъ, что онъ ищетъ куропатку, фазана или зайца. Но Мильтонъ не пошёлъ въ лѣсъ, а въ поле. Я шёлъ за нимъ и глядѣлъ вперёдъ. Вдругъ я увидалъ то, что́ онъ искалъ. Впереди его бѣжала небольшая черепаха, величиною съ шапку. Голая, темно-сѣрая голова на длинной шеѣ была вытянута, какъ пестикъ; черпаха широко перебирала голыми лапами, а спина ея вся была покрыта корой.

Когда она увидала собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, такъ что видна была только одна скорлупа. Мильтонъ схватилъ её и сталъ грызть; но не могъ прокусить её, потому что у черепахи на брюхѣ такая же скорлупа, какъ и на спинѣ. Только спереди, сзади и съ боковъ есть отверстія, куда она пропускаетъ голову, ноги и хвостъ.

Я отнялъ черепаху у Мильтона и разсмотрѣлъ, какъ у нея разрисована

спина и какая скорлупа и какъ она туда прячется. Когда держишь ее въ рукахъ и смотришь подъ скорлупу, то только внутри, какъ въ подвалѣ, видно что-то чёрное и живое. Я бросилъ черепаху на траву и пошёлъ дальше, но Мильтонъ не хотѣлъ её оставить, а нёсъ въ зубахъ за мною. Вдругъ Мильтонъ взвизгнулъ и пустилъ её. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему ротъ. Онъ такъ разсердился на неё за это, что сталъ лаять и опять схватилъ её и понесъ за мною. Я опять велѣлъ бросить, но Мильтонъ не слушался меня. Тогда я отнялъ у него черепаху и бросилъ. Но онъ не оставилъ ея. Онъ сталъ торопиться лапами подлѣ нея рыть яму. И когда вырылъ яму, то лапами завалилъ въ яму черепаху и закопалъ землёю.

Черепахи живутъ и на землѣ и въ водѣ, какъ ужи и лягушки. Дѣтей они выводятъ яицами, и яица кладутъ на землѣ, и не высиживаютъ ихъ, а яица сами, какъ рыбья икра, лопаются — и выводятся черепахи. Черепахи бываютъ маленькія, не больше блюдечка, и большія, въ три аршина длины и вѣсомъ въ 20 пудовъ. Большія черепахи живутъ въ моряхъ.

Одна черепаха въ весну кладётъ сотни яицъ. Скорлупа черепахи — это ея рёбра. Только у людей и у другихъ животныхъ рёбра бываютъ каждое отдѣльно, а у черепахи рёбра срослись въ скорлупу. Главное же то, что у всѣхъ животныхъ ребра бываютъ внутри подъ мясомъ, а у черепахи рёбра сверху, а мясо подъ ними.

БУЛЬКА И ВОЛКЪ.

Когда я уѣзжалъ съ Кавказа, тогда ещё тамъ была война, и ночью опасно было ѣздить безъ конвоя.

Я хотѣлъ выѣхать какъ можно раньше утромъ, и для этого не ложился спать.

Мой пріятель пришёлъ провожать меня, и мы сидѣли весь вечеръ и ночь на улицѣ станицы передъ моей хатой.

Была мѣсячная ночь съ туманомъ, и было такъ свѣтло, что читать можно, хотя мѣсяца и не видно было.

Въ серединѣ ночи мы вдругъ услыхали, что черезъ улицу на дворѣ пищитъ поросёнокъ. Одинъ изъ насъ закричалъ: «это волкъ душитъ поросёнка!»

Я побѣжалъ къ себѣ въ хату, схватилъ заряженное ружьё и выбѣжалъ на улицу. Всѣ стояли у воротъ того двора, гдѣ пищалъ поросёнокъ и

кричали мнѣ

«сюда!» Мильтонъ бросился за мной, — вѣрно думалъ, что я на охоту иду съ ружьемъ; а Булька поднялъ свои короткія уши и метался изъ стороны въ сторону, какъ будто спрашивалъ, въ кого ему велятъ вцѣпиться. Когда я подбѣжалъ къ плетню, я увидалъ, что съ той стороны двора прямо ко мнѣ бѣжитъ звѣрь. Это былъ волкъ. Онъ подбѣжалъ къ плетню и вскочилъ на него. Я отстранился отъ него и приготовилъ ружьё. Какъ только волкъ соскочилъ съ плетня на мою сторону, я приложился почти въ упоръ и спустилъ курокъ; но ружьё сдѣлало: «чикъ» и не выстрѣлило. Волкъ не остановился и побѣжалъ черезъ улицу. Мильтонъ и Булька пустились за нимъ. Мильтонъ былъ близко отъ волка, но видно боялся схватить его; а Булька какъ ни торопился на своихъ короткихъ ногахъ — не могъ поспѣть. Мы бѣжали, что́ было силы, за волкомъ, но и волкъ и собаки скрылисъ у насъ изъ виду. Только у канавы на углу станицы мы услыхали подлаиванье, визгъ и видѣли сквозь мѣсячный туманъ, что поднялась пыль и что собаки возились съ волкомъ. Когда мы прибѣжали къ канавѣ, волка уже не было, и обѣ собаки вернулись къ намъ съ поднятыми хвостами и разсерженными лицами. Булька рычалъ и толкалъ меня головой, — онъ видно хотѣлъ что-то разсказать, но не умѣлъ.

Мы осмотрѣли собакъ и нашли, что у Бульки на головѣ была маленькая рана Онъ видно догналъ волка передъ канавой, но не успѣлъ захватить, и волкъ огрызнулся и убѣжалъ. Рана была небольшая, такъ что ничего опаснаго не было.

Мы вернулись назадъ къ хатѣ, сидѣли и разговаривали

о томъ, что́ случилось. Я досадовалъ на то, что ружьё моё осѣклось и всё думалъ о томъ, какъ бы тутъ же на мѣстѣ остался волкъ, еслибъ оно выстрѣлило. Пріятель мой удивлялся, какъ волкъ могъ залѣзть на дворъ. Старый казакъ говорилъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что это былъ не волкъ, а что это была вѣдьма, и что она заколдовала моё ружьё. Такъ мы сидѣли и разговаривали. Вдругъ собаки бросились, и мы увидали на серединѣ улицы передъ нами опять того же волка; но въ этотъ разъ онъ отъ нашего крика такъ скоро побѣжалъ, что собаки уже не догнали его.

Старый казакъ послѣ этого уже совсѣмъ увѣрился, что это былъ не волкъ, а вѣдьма; а я подумалъ, что не бѣшеный ли это былъ волкъ, потому что я никогда не видывалъ и не слыхивалъ, чтобы волкъ послѣ того, какъ его прогнали, вернулся опять на народъ.

На всякій случай я посыпалъ Булькѣ на рану пороху и зажёгъ его. Порохъ вспыхнулъ и выжегъ больное мѣсто.

Я выжегъ порохомъ рану затѣмъ, чтобы выжечь бѣшеную слюню, если она еще не успѣла войти въ кровь. Если же попала слюня и вошла уже въ кровь, то я зналъ, что по крови она разойдётся по всему тѣлу и тогда уже нельзя вылѣчить.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СЪ БУЛЬКОЙ ВЪ ПЯТИГОРСКѢ.

Изъ станицы я поѣхалъ не прямо въ Россію, а сначала въ Пятигорскъ, и тамъ пробылъ два мѣсяца.

Мильтона я подарилъ казаку охотнику, а Бульку взялъ съ собой въ Пятигорскъ.

Пятигорскъ такъ называется отъ того, что онъ стоитъ на горѣ Бешъ-Тау. А Бешъ по-татарски значить пять, Тау — гора. Изъ этой горы течётъ горячая сѣрная вода. Вода эта горяча, какъ кипятокъ, и надъ мѣстомъ, гдѣ идётъ вода изъ горы, всегда стоитъ паръ; какъ надъ самоваромъ. Всё мѣсто, гдѣ стоитъ городъ, — очень весёлое. Изъ горъ текутъ горячіе родники, подъ горой течётъ рѣчка Подкумокъ. По горѣ лѣса, кругомъ поля, а вдалекѣ всегда видны большія, Кавказскія горы. На этихъ горахъ снѣгъ никогда не таетъ, и онѣ всегда бѣлыя, какъ сахаръ. Одна большая гора Эльбрусъ, какъ сахарная бѣлая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячіе ключи пріѣзжаютъ лѣчиться и надъ ключами сдѣланы бесѣдки, навѣсы, кругомъ разбиты сады и дорожки. По утрамъ играетъ музыка и народъ пьётъ воду, или купается и гуляетъ.

Самый городъ стоитъ на горѣ, а подъ горой есть слобода. Я жилъ въ этой слободѣ въ маленькомъ домикѣ. Домикъ стоялъ на дворѣ и передъ окнами былъ садикъ, а въ саду стояли хозяйскія пчёлы, не въ колодахъ, какъ въ Россіи, а въ круглыхъ плетушкахъ. Пчёлы тамъ такъ смирны, что я всегда по утрамъ съ Булькой сиживалъ въ этомъ садикѣ промежду ульевъ.

Булька ходилъ промежду ульевъ, удивлялся на пчёлъ, нюхалъ, слушалъ, какъ онѣ гудятъ, но такъ осторожно ходилъ около нихъ, что не мѣшалъ имъ, и они его не трогали.

Одинъ разъ утромъ я вернулся домой съ водъ и сѣлъ пить кофій въ палисадникѣ. Булька сталъ чесать себѣ

за ушами и гремѣть ошейникомъ. Шумъ тревожилъ пчёлъ, и я снялъ съ Бульки ошейникъ. Немного погодя я услыхалъ изъ города съ горы странный и страшный шумъ. Собаки лаяли, выли, визжали, люди кричали, и шумъ этотъ спускался съ горы и подходилъ всё ближе и ближе къ нашей слободѣ. Булька пересталъ чесаться, уложилъ свою широкую голову съ бѣлыми зубами промежъ переднихъ бѣлыхъ лапокъ, уложилъ и языкъ, какъ ему надо было, и смирно лежалъ подлѣ меня. Когда онъ услыхалъ шумъ, онъ какъ будто понялъ, что это такое, насторожилъ уши, оскалилъ зубы, вскочилъ и началъ рычать. Шумъ приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышелъ къ воротамъ посмотрѣть, и хозяйка моего дома подошла тоже. Я спросилъ: «что это такое?» Она сказала: «это колодники изъ острога ходятъ собакъ бьютъ. Развелось много собакъ, и городское начальство велѣло бить всѣхъ собакъ по городу»

— Какъ, и Бульку убьютъ, если попадётся?

— Нѣтъ, въ ошейникахъ не велятъ бить.

Въ то самое время, какъ я говорилъ, колодники подошли ужъ къ нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника въ цѣпяхъ. У двухъ колодниковъ въ рукахъ были длинные желѣзные крючья и у двухъ дубины. Передъ нашими воротами одинъ колодникъ крючкомъ зацѣпилъ дворную собачёнку, притянулъ её на середину улицы, а другой колодникъ сталъ бить её дубиной. Собачёнка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смѣялись. Колодникъ съ крючкомъ перевернулъ собачёнку

и, когда увидалъ, что она издохла, онъ вынулъ крючёкъ и сталъ оглядываться, нѣтъ ли ещё собаки.

Въ это время Булька стремглавъ, какъ онъ кидался на медвѣдя, бросился на этого колодника. Я вспомнилъ, что онъ безъ ошейника и закричалъ: «Булька, назадъ», и кричалъ колодникамъ, чтобы они не били Бульку. Но колодникъ увидалъ Бульку, захохоталъ и крючкомъ ловко ударилъ въ Бульку и зацѣпилъ его за ляшку. Булька бросился прочь; но колодникъ замахнулся дубиной, и Булька былъ бы убитъ, но онъ рванулся, кожа прорвалась на ляшкѣ, и онъ, поджавъ хвостъ, съ красной раной на ногѣ, стремглавъ влетѣлъ въ калитку, въ домъ и забился подъ мою постель.

Онъ спасся тѣмъ, что кожа его прорвалась насквозь въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ крючёкъ.

КОНЕЦЪ БУЛЬКИ И МИЛЬТОНА.

Булька и Мильтонъ кончились въ одно и тоже время. Старый казакъ не умѣлъ обращаться съ Мильтономъ. Вмѣсто того, чтобы брать его съ собой только на птицу, онъ сталъ водить его за кабанами. И въ туже осень сѣкачъ[8] кабанъ распоролъ его. Никто не умѣлъ его зашить, и Мильтонъ издохъ. Булька тоже недолго жилъ послѣ того, какъ онъ спасся отъ колодниковъ. Скоро послѣ своего спасенія отъ колодниковъ онъ сталъ скучать и сталъ лизать всё, что́ ему попадалось. Онъ лизалъ мнѣ руки, но не такъ какъ прежде, когда ласкался.

Онъ лизалъ долго, и сильно налегалъ языкомъ, а потомъ начиналъ прихватывать зубами. Видно ему нужно было кусать руку, но онъ не хотѣлъ. Я не сталъ давать ему руку. Тогда онъ сталъ лизать мой сапогъ, ножку стола, и потомъ кусать сапогъ или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третій день онъ пропалъ, и никто не видалъ и не слыхалъ про него.

Украсть его нельзя было, и уйти отъ меня онъ не могъ, а случилось это съ нимъ 6 недѣль послѣ того, какъ его укусилъ волкъ. Стало быть волкъ точно былъ бѣшеный. Булька взбѣсился и ушёлъ. Съ нимъ сдѣлалось то, что́ называется по охотничьи — стечка. Говорятъ, что бѣшенство въ томъ состоитъ, что у бѣшенаго животнаго въ горлѣ дѣлаются судороги. Бѣшеныя животныя хотятъ пить и не могутъ, потому что отъ воды судороги дѣлаются сильнѣе. Тогда они отъ боли и отъ жажды выходятъ изъ себя и начинаютъ кусать. Вѣрно у Бульки начинались эти судороги, когда онъ начиналъ лизать, а потомъ кусать мою руку и ножку стола.

Я ѣздилъ вездѣ по округѣ и спрашивалъ про Бульку, но не могъ узнать, куда онъ дѣлся и какъ онъ издохъ. Если бы онъ бѣгалъ и кусалъ, какъ дѣлаютъ бѣшеныя собаки, то я бы услыхалъ про него. А вѣрно онъ забѣжалъ куда-нибудь въ глушь и одинъ умеръ тамъ. Охотники говорятъ, что когда съ умной собакой сдѣлается стечка, то она убѣгаетъ въ поля или лѣса и тамъ ищетъ травы, какой ей нужно, вываливается по росамъ и сама лѣчится. Видно Булька не могъ вылѣчиться. Онъ не вернулся и пропалъ.

РУСАКЪ.

Заяцъ-русакъ жилъ зимою подлѣ деревни. Когда пришла ночь, онъ поднялъ одно ухо, послушалъ; потомъ поднялъ другое, поводилъ усами,

понюхалъ и сѣлъ на заднія лапы. Потомъ онъ прыгнулъ разъ-другой по глубокому снѣгу и опять сѣлъ на заднія лапы и сталъ оглядываться. Со всѣхъ сторонъ ничего не было видно, кромѣ снѣга. Снѣгъ лежалъ волнами и блестѣлъ какъ сахаръ. Надъ головой зайца стоялъ морозный паръ и сквозь этотъ паръ виднѣлись большія, яркія звѣзды.

Зайцу нужно было перейти черезъ большую дорогу, чтобы придти на знакомое гумно. На большой дорогѣ слышно было, какъ визжали полозья, фыркали лошади и скрипѣли кресла въ саняхъ.

Заяцъ опять остановился подлѣ дороги. Мужики шли подлѣ саней съ поднятыми воротниками кафтановъ. Лица ихъ были чуть видны. Бороды, усы, рѣсницы ихъ были бѣлые. Изъ ртовъ и носовъ ихъ шёлъ паръ. Лошади ихъ были потныя, и къ поту присталъ иней. Лошади толкались въ хомутахъ, ныряли, выныривали въ ухабахъ. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядомъ, и одинъ разсказывалъ другому, какъ у него украли лошадь.

Когда обозъ проѣхалъ, заяцъ перескочилъ дорогу и полегоньку пошёлъ къ гумну. Собачёнка отъ обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за нимъ. Заяцъ поскакалъ къ гумну по субоямъ; зайца держали субои, а собака на десятомъ прыжкѣ завязла въ снѣгу и остановилась. Тогда заяцъ тоже остановился, посидѣлъ на

заднихъ лапахъ и потихоньку пошёлъ къ гумну. По дорогѣ онъ на зеленяхъ встрѣтилъ двухъ зайцевъ. Они кормились и играли. Заяцъ поигралъ съ товарищами, покопалъ съ ними морозный снѣгъ, поѣлъ озими и пошёлъ дальше. На деревнѣ было всё тихо, огни были потушены. Только слышался на улицѣ плачъ ребенка въ избѣ, да трескъ мороза въ брёвнахъ избъ. Заяцъ прошёлъ на гумно и тамъ нашёлъ товарищей, Онъ поигралъ съ ними на расчищенномъ току, поѣлъ овса изъ начатой кладушки, взобрался по крышѣ занесённой снѣгомъ на овинъ и черезъ плетень пошёлъ назадъ къ своему оврагу. На востокѣ свѣтилась заря, звѣздъ стало меньше, и ещё гуще морозный паръ подымался надъ землёю. Въ ближней деревнѣ проснулись бабы и шли за водой; мужики несли кормъ съ гуменъ, дѣти кричали и плакали. По дорогѣ еще больше шло обозовъ и мужики громче разговаривали.

Заяцъ перескочилъ черезъ дорогу, подошёлъ къ своей старой норѣ, выбралъ мѣстечко повыше, раскопалъ снѣгъ, лёгъ задомъ въ новую нору, уложилъ на спинѣ уши и заснулъ съ открытыми глазами.

IX.

ОСНОВАНІЕ РИМА.

Былъ одинъ Царь, и у него было два сына: Нумиторъ и Амулій. Когда онъ умиралъ, онъ сказалъ сыновьямъ: «какъ вы хотите раздѣлиться между собою? Кто возьмётъ себѣ царство, а кто всѣ мои богатства?» Нумиторъ взялъ царство, а Амулій взялъ богатства. Когда Амулій взялъ богатства, ему стало завидно, что

братъ его царёмъ, и онъ сталъ дарить солдатъ и уговаривать, чтобы они прогнали Нумитора, а его бы поставили царёмъ. Солдаты такъ и сдѣлали, и Амулій сталъ царёмъ. У Нумитора была дочь. У дочери этой родилась двойня — два мальчика. Оба были велики и красивы.

Амулій боялся, чтобы народъ не полюбилъ этихъ близнецовъ, когда они выростутъ, и не выбралъ-бы ихъ царями. Онъ позвалъ своего слугу Фаустина и сказалъ ему: «возьми этихъ двухъ мальчиковъ и брось ихъ въ рѣку».

Рѣка называлась Тибръ.

Фаустинъ положилъ дѣтей въ зыбку, отнёсъ на берегъ и положилъ тамъ. Фаустинъ думалъ, что они помрутъ сами. Но Тибръ разлился до берега, поднялъ колыбелку, понёсъ её и поставилъ у высокаго дерева. Ночью пришла волчица и стала своимъ молокомъ кормить близнецовъ.

Мальчики выросли большіе и стали красивые и сильные. Они жили въ лѣсу недалеко отъ того города, гдѣ жилъ Амулій, научились бить звѣрей и тѣмъ кормились. Народъ узналъ ихъ и полюбилъ за ихъ красоту. Большаго прозвали Ромуломъ, а меньшаго Ремомъ. Одинъ разъ пастухи Нумитора и Амулія стерегли скотину недалеко отъ лѣса и поссорились, Амуліевы пастухи угнали стада Нумитора. Близнецы увидали это и побѣжали за пастухами, догнали ихъ и отняли скотину.

Пастухи Нумитора были сердиты за это на близнецовъ, выбрали время, когда Ромула не было, схватили Рема и привели въ городъ къ Нумитору и говорятъ: «Проявились

въ лѣсу два брата, отбиваютъ скотину и разбойничаютъ. Вотъ мы одного поймали и привели». Нумиторъ велѣлъ отвести Рема къ Царю Амулію. Амулій сказалъ: «Они обидѣли братниныхъ пастуховъ. Пускай братъ ихъ и судитъ». Рема опять привели къ Нумитору. Нумиторъ позвалъ его къ себѣ и спросилъ: «Откуда ты, и кто ты такой?» Ремъ сказалъ:

«Насъ два брата; когда мы были маленькіе, насъ принесло въ колыбелкѣ

къ дереву на берегу Тибра, и тамъ насъ кормили дикіе звѣри и птицы. И тамъ мы выросли. А чтобы узнать, кто мы такіе, — у насъ осталась наша зыбка. На ней мѣдныя полоски. И на полоскахъ что-то написано».

Нумиторъ удивился и подумалъ: не его ли это внуки? Онъ оставилъ у себя Рема и послалъ за Фаустиномъ, чтобы спросить его.

Между тѣмъ Ромулъ искалъ брата и нигдѣ не могъ найти его. Когда ему сказали пастухи, что брата повели въ городъ, — онъ взялъ съ собой зыбку и пошёлъ за нимъ. Фаустинъ сейчасъ узналъ зыбку и сказалъ народу, что это внуки Нумитора, что Амулій хотѣлъ утопить ихъ. Тогда народъ озлобился на Амулія и убилъ его, а Ромула и Рема выбралъ Царями. Но Ромулъ и Ремъ не захотѣли жить въ этомъ городѣ, а оставили тутъ царствовать своего дѣда Нумитора. А сами пошли назадъ къ тому мѣсту подъ деревомъ, гдѣ ихъ выкормила волчица подлѣ рѣки Тибра, и построили тамъ новый городъ, — Римъ.

КАКЪ ГУСИ РИМЪ СПАСЛИ.

Въ 390-мъ году до Р. Х. дикіе народы Галлы напали на Римлянъ. Римляне не могли съ ними справиться, и которые убѣжали совсѣмъ вонъ изъ города, а которые заперлись въ кремлѣ. Кремль этотъ назывался Капитолій. Остались только въ городѣ одни сенаторы. Галлы вошли въ городъ, перебили всѣхъ сенаторовъ и сожгли Римъ. Въ серединѣ Рима оставался только кремль Капитолій, куда не могли добраться Галлы. Галламъ хотѣлось разграбить Капитолій, потому что они знали, что тамъ много богатствъ. Но Капитолій стоялъ на крутой горѣ: съ одной стороны были стѣны и ворота, а съ другой былъ крутой обрывъ. Ночью Галлы украдкою полѣзли изъ подъ обрыва на Капитолій: они поддерживали другъ друга снизу и передавали другъ другу копья и мечи.

Такъ они потихоньку взобрались ни обрывъ: ни одна собака не услыхала ихъ.

Они уже полѣзли черезъ стѣну, какъ вдругъ гуси почуяли народъ, загоготали и захлопали крыльями. Одинъ Римлянинъ проснулся, бросился къ стѣнѣ и сбилъ подъ обрывъ одного Галла. Галлъ упалъ и свалилъ за собою другихъ. Тогда сбѣжались Римляне и стали кидать брёвна и каменья подъ обрывъ, и перебили много Галловъ. Потомъ пришла помощь къ Риму, и Галловъ прогнали.

Съ тѣхъ поръ Римляне въ память этого дня завели у себя праздникъ. Жрецы идутъ наряженные по городу, одинъ изъ нихъ несётъ гуся, а за

ними на верёвкѣ тащатъ собаку И народъ подходить къ гусю и кланяется

ему и жрецу; для гусей даютъ дары, а собаку бьютъ палками до тѣхъ поръ, пока она не издохнетъ.

ПОЛИКРАТЪ САМОССКІЙ.

Былъ одинъ греческій Царь Поликратъ. Онъ во всёмъ былъ счастливъ. Онъ завоевалъ много городовъ и сталъ очень богатъ. Поликратъ и описалъ въ письмѣ всю свою счастливую жизнь, и послалъ это письмо своему другу царю Амазису въ Египетъ. Амазисъ прочёлъ письмо, и написалъ Поликрату отвѣтъ. Онъ писалъ такъ: «Пріятно бываетъ знать друга въ удачѣ. Но мнѣ твоё счастье не нравится. По моему, лучше бываетъ, когда человѣку въ одномъ дѣлѣ удача, а въ другомъ нѣтъ, — чтобы было въ перемежку. Послушай меня и сдѣлай вотъ что: что́ есть у тебя дороже всего, то возьми и брось куда нибудь въ такое мѣсто, чтобы не попалось людямъ. И тогда у тебя будетъ счастье въ перемежку съ несчастьемъ».

Поликратъ прочёлъ это и послушался своего друга Онъ сдѣлалъ вотъ что: былъ у него дорогой перстень, взялъ онъ этотъ перстень, собралъ много народа, и сѣлъ со всѣмъ народомъ въ лодку. Потомъ велѣлъ ѣхать въ море. И когда выѣхалъ далеко за острова, тогда при всёмъ народѣ бросилъ перстень въ море и вернулся домой.

На пятый день одному рыбаку случилось поймать очень большую, прекрасную рыбу, и захотѣлъ онъ подарить её Царю. Вотъ пришёлъ онъ къ Поликрату на дворъ, и когда Поликратъ вышелъ къ нему, рыбакъ сказалъ: Царь, я поймалъ эту рыбу и принёсъ тебѣ, потому

что такую прекрасную рыбу только Царю кушать». Поликратъ поблагодарилъ рыбака и позвалъ его къ себѣ обѣдать. Рыбакъ отдалъ рыбу и пошёлъ къ Царю, а повара̀ разрѣзали рыбу и нашли въ ней тотъ самый перстень, что́ Поликратъ бросилъ въ море.

Когда повара принесли Поликрату его перстень и разсказали, какъ они нашли его, — Поликратъ написалъ другое письмо въ Египетъ къ своему другу Амазису и описалъ, какъ онъ бросилъ перстень и какъ онъ нашёлся. Амазисъ прочёлъ письмо и подумалъ: это не къ добру, — видно нельзя уйти отъ судьбы. А лучше мнѣ разойтись съ своимъ другомъ, чтобы потомъ не жалѣть его; и онъ послалъ сказать Поликрату, что ихъ дружбѣ конецъ.

Въ то время былъ одинъ человѣкъ Оройтесъ. Этотъ Оройтесъ былъ сердить на Поликрата, и хотѣлъ погубить его. Вотъ Оройтесъ придумалъ какую хитрость. Написалъ онъ Поликрату, что будто Персидскій царь Камбизъ обидѣлъ его и хотѣлъ убить, и что онъ будто ушёлъ отъ него. Оройтесъ такъ писалъ Поликрату: «У меня много богатствъ, но я не знаю, гдѣ мнѣ жить. Прими ты меня къ себѣ съ моими богатствами, и тогда мы съ тобой сдѣлаемся самые сильные цари. А если ты не вѣришь, что у меня много богатствъ, такъ пришли кого-нибудь посмотрѣть.

Поликратъ и послалъ своего слугу посмотрѣть, правда ли, что Оройтесъ привёзъ столько богатствъ. Когда слуга пріѣхалъ смотрѣть богатства, Оройтесъ такъ обманулъ его: онъ взялъ много лодокъ и во всѣ наложилъ камни; а сверхъ камней до краевъ заложилъ золотомъ.

Когда слуга Поликрата увидѣлъ эти лодки, онъ повѣрилъ, что лодки всѣ по края были полны золотомъ, и такъ и разсказалъ Поликрату.

Тогда Поликратъ захотѣлъ самъ ѣхать къ Оройтесу смотрѣть его богатства. Въ эту самую ночь дочь Поликрата увидала во снѣ, что онъ будто виситъ на воздухѣ. Дочь и стала просить отца, чтобъ онъ не ѣздилъ къ Оройтесу; но отецъ разсердился и сказалъ, что онъ её не отдастъ замужъ, если она не замолчитъ сейчасъ. А дочь сказала: «Я рада никогда не идти замужъ, только не ѣзди ты къ Оройтесу; я боюсь, что съ тобой случится бѣда».

Отецъ не послушался ея и поѣхалъ. Когда онъ пріѣхалъ, Оройтесъ схватилъ его и повѣсилъ до смерти. Такъ-то сонъ дочери и совершился.

Такъ и случилось, какъ угадалъ Амазисъ, что большое счастье Поликрата кончилось большимъ несчастьемъ.

БОГЪ ПРАВДУ ВИДИТЪ, ДА НЕ СКОРО СКАЖЕТЪ.

Въ городѣ Владимірѣ жилъ молодой купецъ Аксёновъ. У него были двѣ лавки и домъ.

Изъ себя Аксёновъ былъ русый, кудрявый, красивый и первый весельчакъ и пѣсенникъ. Съ молоду Аксёновъ много пилъ и когда напивался — буянилъ, но съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ бросилъ пить, и только изрѣдка это случалось съ нимъ.

Разъ лѣтомъ Аксёновъ поѣхалъ въ Нижній на ярмарку. Когда онъ сталъ прощаться съ семьёй, жена сказала ему:

— Иванъ Дмитриевичу не ѣзди ты нынче, я про тебя дурно во снѣ видѣла.

Аксёновъ посмѣялся и сказалъ:

— Ты всё боишься, какъ-бы не загулялъ я на ярмаркѣ?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а такъ дурно в дѣла, — видѣла, будто ты приходишь изъ города, снялъ шапку, а я гляжу: голова у тебя вся сѣдая.

Аксёновъ засмѣялся.

— Ну, это къ прибыли. Смотри, — какъ расторгуюсь, дорогихъ гостинцевъ привезу.

И онъ простился съ семьёй и уѣхалъ.

На половинѣ дороги съѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Они напились чаю вмѣстѣ и легли спать въ двухъ комнатахъ рядомъ. Аксёновъ не любилъ долго спать, онъ проснулся среди ночи и, чтобы легче холодкомъ было ѣхать, взбудилъ ямщика и велѣлъ запрягать. Потомъ вышелъ въ чёрную избу, расчёлся съ хозяиномъ и уѣхалъ.

Отъѣхавши вёрстъ сорокъ, онъ опять остановился кормить, отдохнулъ въ сѣняхъ на постояломъ дворѣ, и въ обѣдъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ поставить самоваръ, досталъ гитару и сталъ играть. Вдругъ ко двору подъѣзжаетъ тройка съ колокольчикомъ, и изъ повозки выходитъ чиновникъ, съ двумя солдатами, подходитъ къ Аксёнову и спрашиваетъ: кто? откуда? Аксёновъ всё разсказываетъ, какъ есть, и проситъ: не угодно ли чайку вмѣстѣ выпить? Только чиновникъ всё пристаетъ съ распросами: «Гдѣ ночевалъ

прошлую ночь? Одинъ или съ купцомъ? Видѣлъ ли купца по утру? Зачѣмъ рано уѣхалъ со двора?» — Аксёновъ удивился, зачѣмъ его обо всёмъ спрашиваютъ, всё разсказалъ, какъ было, да и говоритъ: «Что-жъ вы меня такъ выспрашиваете? Я ни воръ, ни разбойникъ какой-нибудь. Ѣду по своему дѣлу, и нечего меня спрашивать».

Тогда чиновникъ кликнулъ. солдать и сказалъ:

— Я исправникъ, и спрашиваю тебя затѣмъ, что купецъ, къ какимъ ты ночевалъ прошлую ночь, зарѣзанъ. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Взошли въ избу, взяли чемоданъ и мѣшокъ, и стали развязывать и искать. Вдругъ исправникъ вынулъ изъ мѣшка ножикъ и закричалъ:

— Это чей ножикъ?

Аксёновъ поглядѣлъ, видитъ — ножикъ въ крови изъ его мѣшка достали, и испугался.

— А отъ чего кровь на ножѣ?

Аксёновъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ выговорить слова.

— Я.... я не знаю.... я.... ножъ.... я не мой....

Тогда исправникъ сказалъ:

— Поутру купца нашли зарѣзаннымъ на постелѣ. Кромѣ тебя некому было это сдѣлать. Изба была заперта изнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя въ мѣшкѣ, да и по лицу видно. Говори, какъ ты убилъ его, и сколько ты ограбилъ денегъ?

Аксёновъ божился, что не онъ это сдѣлалъ, что не видалъ купца послѣ того, какъ пилъ чай съ нимъ, что деньги у него только свои 8.000, что ножикъ не

его. Но голосъ у него обрывался, лицо было блѣдно, и онъ весь трясся отъ страха, какъ виноватый.

Исправникъ позвалъ солдатъ, велѣлъ связать и вести его на телѣгу. Когда его съ связанными ногами взвалили на телѣгу, Аксёновъ перекрестился и заплакалъ. У Аксёнова обобрали вещи и деньги, отослали его въ ближній городъ, въ острогъ. Послали во Владиміръ узнать, какой человѣкъ былъ Аксёновъ, и всѣ купцы и жители владимірскіе показали, что Аксёновъ съ молоду пилъ и гулялъ, но былъ человѣкъ хорошій. Тогда его стали судить. Судили его за то, что онъ убилъ рязанскаго купца и укралъ 20.000 денегъ.

Жена убивалась о мужѣ и не знала, что́ думать. Дѣти ея ещё всѣ были малы, а одинъ былъ у груди. Она забрала всѣхъ съ собою и поѣхала въ тотъ городъ, гдѣ ея мужъ содержался въ острогѣ. Сначала ея не пускали, но потомъ она упросила начальниковъ, и её привели къ мужу. Когда она увидала его въ острожномъ платьѣ, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ разбойниками, — она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потомъ она поставила дѣтей вокругъ себя, сѣла съ нимъ рядышкомъ и стала сказывать ему про домашнія дѣла и спрашивать его про всё, что́ съ нимъ случилось. Онъ всё разсказалъ ей. Она сказала:

— Какъ же быть теперь?

Онъ сказалъ:

— Надо просить Царя. Нельзя же невинному погибать!

Жена сказала, что она уже подавала прошеніе Царю, но что прошеніе не дошло. Аксёновъ ничего не сказалъ и только потупился. Тогда жена сказала:

— Не даромъ я тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужь и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волоса и сказала:

— Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду: не ты сдѣлалъ это?

Аксёновъ сказалъ: «и ты подумала на меня!» — закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришёлъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо уходить. И Аксёновъ въ послѣдній разъ простился съ семьёй.

Когда жена ушла, Аксёновъ сталъ вспоминать, что́ говорили. Когда онъ вспомнилъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: «видно, кромѣ Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо просить и отъ Него только ждалъ милости». И съ тѣхъ поръ Аксёновъ пересталъ подавать прошенія, пересталъ надѣяться и только молился Богу.

Аксёнова присудили наказать кнутомъ и сослать въ каторжную работу. Такъ и сдѣлали.

Его высѣкли кнутомъ и потомъ, когда отъ кнута раны зажили, его погнали съ другими каторжниками въ Сибирь.

Въ Сибири, на каторгѣ, Аксёновъ жилъ 26 лѣтъ. Волоса его на головѣ стали бѣлые, какъ снѣгъ, и борода отросла длинная, узкая и сѣдая. Вся весёлость его пропала. Онъ сгорбился, сталъ ходить тихо, говорилъ мало, никогда не смѣялся и часто молился Богу.

Въ острогѣ Аксёновъ выучился шить сапоги и на заработанныя деньги купилъ Четьи-Минеи и читалъ

ихъ, когда былъ свѣтъ въ острогѣ; а по праздникамъ ходилъ въ острожную церковь, читалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ, — голосъ у него всё еще былъ хорошъ». Начальство любило Аксёнова за его смиренство, а товарищи острожные почитали его и называли «дѣдушкой» и «божьимъ человѣкомъ». Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксёнова посылали просить начальство, и когда промежь каторжныхъ были ссоры, то они всегда къ Аксёнову приходили судиться.

Изъ дому никто не писалъ писемъ Аксёнову, и онъ не зналъ, живы ли его жена и дѣти.

Привели разъ на каторгу новыхъ колодниковъ. Вечеромъ всѣ старые колодники собрались вокругъ новыхъ и стали ихъ разспрашивать, кто изъ какого города или деревни и кто за какія дѣла. Аксёновъ тоже подсѣлъ на нары подлѣ новыхъ и, потупившись, слушалъ, кто что́ разсказывалъ. Одинъ изъ новыхъ колодниковъ былъ высокій, здоровый старикъ лѣтъ 60-ти, съ сѣдой. стриженой бородой. Онъ разсказывалъ, за что его взяли. Онъ говорилъ:

— Такъ, братцы, ни за что сюда попалъ. У ямщика лошадь отвязалъ отъ саней. Поймали, говорятъ: укралъ. А я говорю: я только доѣхать скорѣй хотѣлъ, — я лошадь пустилъ. Да и ямщикъ мнѣ пріятель. Порядокъ, я говорю? — Нѣтъ, говорятъ, укралъ. А того не знаютъ, что́ и гдѣ укралъ. Были дѣла, давно бы слѣдовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врёшь, — былъ въ Сибири, да не долго гащивалъ.

— А ты откуда будешь? спросилъ одинъ изъ колодниковъ.

— А мы изъ города Владиміра, тамошніе мѣщане. Звать Макаромъ, а величаютъ Семёновичемъ.

Аксёновъ поднялъ голову и спросилъ:

— А что, не слыхалъ ли, Семёнычъ, во Владимірѣ городѣ про Аксёновыхъ купцовъ? Живы ли?

— Какъ не слыхать! Богатые купцы — даромъ, что отецъ въ Сибири. Такой же, видно, какъ и мы грѣшные. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла?

Аксёновъ не любилъ говорить про свое несчастье; онъ вздохнулъ и сказалъ:

— По грѣхамъ своимъ 26-й годъ нахожусь въ каторжной работѣ.

Макаръ Семеновъ сказалъ:

— А по какимъ же такимъ грѣхамъ?

Аксёновъ сказалъ: «стало-быть стоилъ того», и не хотѣлъ больше разсказывать, но другіе острожные товарищи разсказали новому, какъ Аксёновъ попалъ въ Сибирь. Они разсказали, какъ на дорогѣ кто-то убилъ купца и подсунулъ Аксёнову ножикъ, и какъ за это его понапрасну засудили.

Когда Макаръ Семёновъ услыхалъ это, онъ взглянулъ на Аксёнова, хлопнулъ себя руками по колѣнамъ и сказалъ:

— Ну чудо! Вотъ чудо-то! Постарѣлъ же ты, дѣдушка!

Его стали спрашивать, чему онъ удивлялся, и гдѣ онъ видѣлъ Аксёнова; но Макаръ Семёновъ не отвѣчалъ, онъ только сказалъ:

— Чудеса, ребята, — гдѣ свидѣться пришлось!

И съ этихъ словъ пришло Аксёнову въ мысли, что не знаетъ ли этотъ человѣкъ про то, кто убилъ купца? Онъ сказалъ:

— Или ты слыхалъ, Семенычъ, прежде про это дѣло, или видалъ меня прежде?

— «Какъ не слыхать! Земля слухомъ полнится. Да давно ужь дѣло было; что́ и слыхалъ, то забылъ», сказалъ Макаръ Семёновъ.

— «Можетъ слыхалъ, кто купца убилъ?» спросилъ Аксёновъ.

Макаръ Семёновъ засмѣялся и сказалъ:

— Да видно тотъ убилъ, у кого ножикъ въ мѣшкѣ нашёлся. Если кто и подсунулъ тебѣ ножикъ, не пойманъ — не воръ. Да и какъ же тебѣ ножикъ въ мѣшокъ сунуть? Вѣдь онъ у тебя въ головахъ стоялъ? Ты бы услыхалъ.

Какъ только Аксёновъ услыхалъ эти слова, онъ подумалъ, что этотъ самый человѣкъ убилъ купца. Онъ всталъ и отошёлъ прочь. Всю эту ночь Аксёновъ не могъ заснуть. Нашла на него скука и стало ему представлятся: то представлялась ему его жена, такою, какою она была, когда провожала его въ послѣдній разъ на ярмарку. Такъ и видѣлъ онъ её, какъ живую, и видѣлъ ея лицо и глаза, и слышалъ, какъ она говорила ему и смѣялась. Потомъ представлялись ему дѣти, такія, какія они были тогда — маленькія, одинъ въ шубкѣ, другой у груди. И себя онъ вспоминалъ, какимъ онъ былъ тогда — весёлымъ, молодымъ; вспоминалъ, какъ онъ сидѣлъ на крылечкѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ его взяли, и игралъ на гитарѣ, — и какъ у него на душѣ весело было тогда. И вспомнилъ лобное мѣсто, гдѣ его сѣкли, и палача, и народъ кругомъ, и цѣпи, и колодниковъ, и всю 26-ти-лѣтнюю осторожную жизнь, и свою старость вспомнилъ. И такая скука

нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить

— И всё отъ того злодѣя!.. думалъ Аксёновъ.

И на него нашла такая злость на Макара Семёнова, что хоть самому пропасть, а хотѣлось отмстить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но

не могъ успокоиться. Днёмъ онъ не подходилъ къ Макару Семёнову и не смотрѣлъ на него.

Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксёновъ не могъ спать, и на него находила такая скука, что онъ не зналъ, куда дѣваться.

Одинъ разъ, ночью, онъ пошёлъ по острогу и увидалъ, что изъ-подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился посмотрѣть. Вдругъ Макаръ Семёновъ выскочилъ изъ-подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ на Аксёнова. Аксёновъ хотѣлъ пройти, чтобъ не видѣть его; но Макаръ ухватилъ его за руку и разсказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ подъ стѣнами, и какъ онъ землю каждый день выноситъ въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу. Онъ сказалъ:

— Только молчи, старикъ, — я и тебя выведу. А если скажешь, — меня засѣкутъ; да и тебѣ не спущу — убью.

Когда Аксёновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости, выдернулъ руку и сказалъ:

— Выходить мнѣ не за чѣмъ и убивать меня нечего, — ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду, или нѣтъ, — какъ Богъ на душу положитъ.

На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семёновъ высыпалъ землю, стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ пріѣхалъ въ острогъ и сталъ всѣхъ допрашивать:

кто выкопалъ дыру? Всѣ отпирались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семёнова, потому что знали, что за это дѣло его засѣкутъ до полусмерти. Тогда начальникъ обратился къ Аксёнову Онъ зналъ, что Аксёновъ былъ справедливый человѣкъ, и сказалъ:

— Старикъ, ты правдивъ, — скажи мнѣ передъ Богомъ, кто это сдѣлалъ?

Макаръ Семёновъ стоялъ какъ ни въ чёмъ не бывало и смотрѣлъ на начальника и не оглядывался на Аксёнова. У Аксёнова тряслись руки и губы, и онъ долго не могъ слова выговорить. Онъ думалъ: «Если скрыть его, за что же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай поплатится за моё мученье. А сказать на него, точно — его засѣкутъ. А что, какъ я понапрасну на него думаю? Да и что-жъ, мнѣ легче развѣ будетъ?»

Начальникъ еще разъ сказалъ: «ну, что-жъ, старикъ, говори правду: кто подкопался?»

Аксёновъ поглядѣлъ на Макара Семёнова и сказалъ:

— Я не видалъ и не знаю.

Такъ и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксёновъ лёгъ на свою нару и чуть задремалъ, онъ услыхалъ, что кто-то подошёлъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара. Аксёновъ сказалъ:

— Чего тебѣ ещё отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь?

Макаръ Семёновъ молчалъ. Аксёновъ приподнялся и сказалъ:

— Что надо? Уйди! А то я солдата кликну.

Макаръ Семёновъ нагнулся близко къ Аксёнову и шёпотомъ сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня!

Аксёновъ сказалъ: «за что тебя прощать?»

— Я купца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунулъ. Я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли; я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окошко. Аксёновъ молчалъ и не зналъ, что сказать. Макаръ Семёновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня, прости ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убилъ, — тебя простятъ. Ты домой вернёшься.

Аксёновъ сказалъ:

— Тебѣ говорить легко, а мнѣ терпѣть каково! Куда я пойду теперь?... Жена померла, дѣти забыли; мнѣ ходить некуда...

Макаръ Семёновъ не вставалъ съ полу, бился головой о землю и говорилъ:

— «Иванъ Дмитричъ, прости! Когда меня кнутомъ сѣкли, мнѣ легче было, чѣмъ теперь на тебя смотрѣть.... А ты ещё пожалѣлъ меня — не сказалъ. Прости меня ради Христа! Прости ты меня, злодѣя окаяннаго!» — И онъ зарыдалъ.

Когда Аксёновъ услыхалъ, что Макаръ Семёновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ:

— «Богъ проститъ тебя; можетъ быть я во сто разъ хуже тебя!» И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ, и никуда не хотѣлъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ.

Макаръ Семёновъ не послушался Аксёнова и объявился виноватымъ. Когда

вышло Аксёнову разрѣшеніе вернуться, — Аксёновъ уже умеръ.

X.

ЯБЛОНИ.

Я посадилъ двѣсти молодыхъ яблонь, и три года весною и осенью окапывалъ ихъ и на зиму завёртывалъ соломой отъ зайцевъ. На четвёртый годъ, когда сошёлъ снѣгъ, я пошёлъ смотрѣть свои яблони. Они потолстѣли въ зиму, кора на нихъ была глянцовитая и налитая; сучки всѣ были цѣлы и на всѣхъ кончикахъ и на развилинкахъ сидѣли круглыя, какъ горошинки, цвѣтовыя почки. Кое-гдѣ уже лопнули распуколки и виднѣлись алые края цвѣтовыхъ листьевъ. Я зналъ, что всѣ распуколки будутъ цвѣтами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернулъ первую яблоню, я увидалъ, что внизу, надъ самой землёю, кора яблони обгрызена кругомъ по самую древесину — какъ бѣлое кольцо. Это сдѣлали мыши. Я развернулъ другую яблоню, — и на другой было тоже самое. Изъ двухъсотъ яблонь ни одной не осталось цѣлой. Я замазалъ обгрызенныя мѣста смолою съ воскомъ; но когда яблони распустились, цвѣты ихъ сейчасъ-же спали. Вышли маленькіе листики, и тѣ завяли и засохли. Кора сморщилась и почернѣла. Изъ двухъсотъ яблонь осталось только девять. На этихъ девяти яблоняхъ кора была не кругомъ объѣдена, а въ бѣломъ кольцѣ. оставалась полоска коры. На этихъ

полоскахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходилась кора, сдѣлались наросты, и яблони хотя и поболѣли, но пошли. Остальныя всѣ пропали, только ниже обгрызенныхъ мѣстъ пошли отростки, и то всё дикіе.

Кора у деревьевъ — тѣ же жилы у человѣка: черезъ жилы кровь ходитъ по человѣку, — и черезъ кору сокъ ходитъ по дереву и поднимается въ сучья, листья и цвѣтъ. Можно изъ дерева выдолбить все нутро, какъ это бываетъ у старыхъ лозинъ, но только бы кора была жива — и дерево будетъ жить; но если кора пропадётъ, дерево пропало. Если человѣку подрѣзать жилы, то онъ умрётъ, во первыхъ потому, что кровь вытечетъ, а во вторыхъ потому, что крови не будетъ уже ходу по тѣлу.

Такъ и берёза засыхаетъ, когда ребята продолбятъ лунку, чтобы пить сокъ, и весь сокъ вытечетъ.

Такъ и яблони пропали отъ того, что мыши объѣли всю кору кругомъ, и соку уже не было хода изъ кореньевъ въ сучья, листья и цвѣтъ.

КЛОПЫ.

Я остановился ночевать на постояломъ дворѣ. Прежде чѣмъ ложиться спать, я взялъ свѣчу и посмотрѣлъ углы кровати и стѣнъ, и когда увидалъ, что во всѣхъ углахъ были клопы, сталъ придумывать — какъ-бы устроиться на ночь такъ, чтобы клопы не добрались до меня.

Со мною была складная кровать, но я зналъ, что поставь я её и посрединѣ комнаты, клопы сползутъ со стѣнъ на полъ, и съ полу по ножкамъ кровати доберутся

и до меня; а потому я попросилъ у хозяина четыре деревянныя чашки, налилъ въ чашки воды и каждую ножку кровати поставилъ въ чашку съ водой. Я лёгъ, поставилъ свѣчу на полъ и сталъ смотрѣть — что́ будутъ дѣлать клопы. Клоповъ было много и они уже чуяли меня: я видѣлъ, какъ они ползли по полу, влѣзали на край чашки и одни падали въ воду, другіе ворочались назадъ. «Перехитрилъ я васъ», подумалъ я, «теперь не доберётесь» — и хотѣлъ уже тушить свѣчу, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня кусаетъ что-то. Осматриваюсь: клопъ. Какъ онъ попалъ ко мнѣ? Не прошло минуты, я нашёлъ другаго; я сталъ оглядываться и допытываться — какъ до меня они добрались?

Долго я не могъ понять, но наконецъ взглянулъ на потолокъ и увидалъ — клопъ ползъ по потолку; какъ только онъ доползъ вровень съ кроватью, онъ отцѣпился отъ потолка и упалъ на меня. «Нѣтъ», подумалъ я, «васъ не перехитришь», надѣлъ шубу и вышелъ на дворъ.

ЗАЯЦЪ И ГОНЧАЯ СОБАКА.

Заяцъ сказалъ разъ гончей собакѣ: для чего ты лаешь, когда гоняешься за нами? Ты бы скорѣе поймала насъ, если-бы бѣжала молча. А съ лаемъ ты только нагоняешь насъ на охотника: ему слышно, гдѣ мы бѣжимъ; и онъ, забѣгаетъ съ ружьёмъ намъ на встрѣчу, убиваетъ насъ, и ничего не даётъ тебѣ».

Собака сказала: «я не для этого лаю, а лаю только потому, что когда, слышу твой запахъ, то и сержусь,

и радуюсь, что я вотъ сейчасъ поймаю тебя; и сама не знаю зачѣмъ, но не могу удержаться отъ лая.

ЗАЙЦЫ И ВОЛКИ.

Зайцы по ночамъ кормятся корою деревьевъ; зайцы полевые — озимями и травой, гуменники — хлѣбными зёрнами на гумнахъ. За ночь зайцы прокладываютъ по снѣгу глубокій, видный слѣдъ. До зайцевъ охотники и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяцъ ходилъ просто и прямо, то поутру его сейчасъ бы нашли по слѣду и поймали; но Богъ далъ зайцу трусость, — и трусость спасаетъ его.

Заяцъ ходитъ ночью по полямъ и лѣсамъ безъ страха и прокладываетъ прямые слѣды; но какъ только приходитъ утро, враги его просыпаются, заяцъ начинаетъ слышать то лай собакъ, то визгъ саней, то голоса мужиковъ, то трескъ волка по лѣсу, и начинаетъ отъ страха метаться изъ стороны въ сторону. Проскачетъ вперёдъ, испугается чего нибудь и побѣжитъ назадъ по своему слѣду. Ещё услышитъ что-нибудь и со всего размаха прыгнётъ въ сторону и поскачетъ прочь отъ прежняго слѣда. Опять стукнетъ что-нибудь, опять заяцъ повернётся назадъ и опять поскачетъ въ сторону. Когда свѣтло станетъ, онъ ляжетъ.

На утро охотники начинаютъ разбирать заячій слѣдъ, путаются по двойнымъ слѣдамъ и далёкимъ прыжкамъ и удивляются хитрости зайца. А заяцъ и не думалъ хитрить. Онъ только всего боится.

ЧУТЬЕ.

Человѣкъ видитъ глазами, слышитъ ушами, нюхаетъ носомъ, отвѣдываетъ языкомъ и щупаетъ пальцами. У одного человѣка лучше видятъ глаза, у другаго хуже. Одинъ слышитъ издали, а другой глухъ У одного чутье сильнѣе и онъ слышитъ, чѣмъ пахнетъ, издалека, а другой и нюхаетъ гнилое яйцо, а не чуетъ. Одинъ ощупью узнаетъ всякую вещь, а другой ничего на ощупь не узнаетъ, не разберётъ дерева отъ бумаги. Одинъ чуть возмётъ въ ротъ, слышитъ, что сладко, а другой проглотитъ и не разберётъ, горько или сладко.

Такъ и у звѣрей разныхъ разныя чувства сильнѣе. Но у всѣхъ звѣрей чутьё сильнѣе, чѣмъ у человѣка.

Человѣкъ когда захочетъ узнать вещь — посмотритъ её, послушаетъ, какъ она шумитъ, иногда понюхаетъ и отвѣдаетъ; но человѣку для того, чтобы узнать вещь, нужнѣе всего её пощупать.

А для звѣрей почти для всѣхъ нужнѣе всего понюхать вещь. Лошадь, волкъ, собака, корова, медвѣдь до тѣхъ поръ не знаютъ вещи, пока её не понюхаютъ.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркаетъ — прочищаетъ себѣ носъ, чтобы лучше чуять, и до тѣхъ поръ не перестанетъ бояться, пока не обнюхаетъ.

Собака часто бѣжитъ за хозяиномъ по слѣду, а увидитъ хозяина — испугается, не узна̀етъ и начнётъ лаять, до тѣхъ поръ, пока не обнюхаетъ его и не узна̀етъ, что то, что́ ей на глазъ страшно, есть самый ея хозяинъ.

Быки видятъ, какъ бьютъ быковъ, слышатъ, какъ ревутъ быки на бойнѣ, и всё не понимаютъ, что́ такое

дѣлается. Но сто́итъ коровѣ или быку найти на мѣсто, гдѣ бычачья кровь, да понюхать, и онъ поймётъ, начнётъ ревѣть, бить ногами, и его не отгонишь отъ того мѣста.

У одного старика заболѣла жена; онъ пошёлъ самъ доить корову. Корова фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не давала молока. Хозяйка велѣла мужу надѣть свою шубейку и платокъ на голову, — корова дала молоко; но старикъ распахнулся, корова понюхала и опять остановила молоко.

Гончія собаки, когда гоняютъ звѣря по слѣду, то никогда не бѣгутъ по самому слѣду, а стороной, шаговъ на 20. Когда незнающій охотникъ хочетъ навесть собаку на слѣдъ звѣря и ткнётъ собаку носомъ въ самый слѣдъ, то собака всегда отскочитъ въ сторону. Для нея слѣдъ такъ сильно пахнетъ, что она ничего не разберётъ на самомъ слѣдѣ и не знаетъ, вперёдъ или назадъ побѣжалъ звѣрь. Она отбѣжитъ въ сторону и тогда только чуетъ, въ какую сторону сильнѣе пахнетъ и бѣжитъ за звѣремъ. Она дѣлаетъ тоже, что́ мы дѣлаемъ, если намъ говорятъ громко надъ самымъ ухомъ: мы отойдёмъ, и тогда издали только разберёмъ, что говорятъ. Или, когда слишкомъ близко отъ насъ то, что́ мы разсматриваемъ, — мы отстранимся и тогда разсмотримъ.

Собаки узна̀ютъ другъ друга и даютъ другъ другу знаки по запаху.

Еще тоньше чутьё у насѣкомыхъ. Пчела прямо летитъ на тотъ цвѣтокъ, какой ей нуженъ. Червякъ ползётъ къ своему листу, клопъ, блоха,

комаръ чуютъ человѣка на сотни тысячъ клопиныхъ шаговъ.

Если малы частицы тѣ, которыя отдѣляются отъ вещества и попадаютъ въ нашъ носъ, то какъже малы должны быть частицы тѣ, которыя попадаютъ въ чутьё насѣкомыхъ!

ОТЪ ЧЕГО ВЪ МОРОЗЫ ТРЕЩАТЪ ДЕРЕВЬЯ?

Отъ того, что въ деревьяхъ есть сырость, и сырость эта замерзаетъ, какъ вода. Когда вода замёрзнетъ, она раздаётся, а когда ей нѣтъ мѣста раздаться — она разрываетъ деревья.

Если налить воды въ бутылку и поставить на морозъ, вода замёрзнетъ и разорвётъ бутылку.

Когда изъ воды дѣлается лёдъ, то во льду этомъ такая сила, что, если наполнить чугунную пушку водой и заморозить, то льдомъ разорвётъ её.

Отъ чего вода не сжимается, какъ желѣзо, отъ холода, — а раздаётся, когда замёзнетъ?

Отъ того, что когда вода замёрзнетъ, ея частицы связываются между собою по другому, и промежъ нихъ больше пустыхъ мѣстъ.

Для чего вода не сжимается, когда замёрзнетъ?

Для того, чтобы вода въ рѣкахъ и озёрахъ не замёрзла до дна.

Лёдъ раздаётся отъ мороза, отъ того дѣлается легче воды и плаваетъ на водѣ, и только снизу подмерзаетъ и дѣлается толще и толще, но никогда не намерзаетъ до дна. А если-бы вода сжималась отъ мороза, какъ сжимается желѣзо, то верхняя вода замерзала бы на рѣкѣ и тонула-бы, потому что лёдъ былъбы тяжелѣе воды. Потомъ опять бы замерзала верхняя

вода и тонула-бы — и такъ замёрзли бы озёра и рѣки отъ дна и до верху.

СЫРОСТЬ.

I.

Отъ чего паукъ иногда дѣлаетъ частую паутину и сидитъ въ самой серединѣ гнѣзда, а иногда выходитъ изъ гнѣзда и выводитъ новую паутину?

Паукъ дѣлаетъ паутину по погодѣ, какая есть и какая будетъ. Глядя на паутину, можно узнать, какая будетъ погода; если паукъ сидитъ забившись въ серединѣ паутины и не выходитъ — это къ дождю. Если онъ выходитъ изъ гнѣзда и дѣлаетъ новыя паутины, — то это къ погодѣ.

Какъ можетъ паукъ знать вперёдъ, какая будетъ погода?

Чувства у паука такъ тонки, что когда въ воздухѣ начнётъ только собираться сырость, и мы этой сырости не слышимъ, и для насъ погода еще ясная — для паука уже идётъ дождь.

Точно такъ же, какъ и человѣкъ раздѣтый сейчасъ почувствуетъ сырость, а одѣтый не замѣтитъ ея, такъ и для паука идётъ дождь, когда для насъ онъ только собирается.

СЫРОСТЬ.

II.

Отъ чего зимою двери разбухаютъ и не затворяются, а лѣтомъ. ссыхаются и притворяются?

Отъ того, что осенью и зимой дерево насытится водой, какъ губка, и его разопрётъ, а лѣтомъ вода выйдетъ паромъ и оно съёжится.

Отъ чего слабое дерево, — осина, больше разбухаетъ, а дубъ меньше?

Отъ того, что въ крѣпкомъ деревѣ, — дубѣ, пустаго мѣста меньше и водѣ некуда набраться; а въ слабомъ деревѣ, — осинѣ, пустаго мѣста больше и водѣ есть куда набраться. Въ гниломъ деревѣ еще больше пустаго мѣста и отъ того гнилое дерево больше всего разбухаетъ и больше садится.

Колоды для пчёлъ дѣлаютъ изъ самаго слабаго и гнилаго дерева: самые лучшіе улья бываютъ изъ гнилой лозины. Отъ чего это? Отъ того, что черезъ гнилую колоду проходитъ воздухъ, и для пчёлъ въ такой колодѣ воздухъ легче.

Отъ чего доски коробятся?

Отъ того, что неровно сохнуть. Если приставить сырую доску одной стороной къ печкѣ, вода выйдетъ и дерево сожмётся съ этой стороны и потянетъ за собой другую сторону; а сырой сторонѣ сжаться нельзя, потому что въ ней вода, — и вся доска погнётся.

Для того, чтобы не коробились полы, ихъ рѣжутъ изъ сухихъ досокъ на куски, и куски эти вываривают въ кипяткѣ. Когда изъ нихъ вода вся выкипитъ, ихъ клеятъ, и они уже не коробятся (паркетъ).

РАЗНАЯ СВЯЗЬ ЧАСТИЦЪ.

Отъ чего подушки подъ телѣги вырѣзаютъ и ступицы подъ колёса точатъ не изъ дуба, а изъ берёзы?

Подушки и ступицы нужны крѣпкія, а дубъ не дороже берёзы. Отъ того, что дубъ колется вдоль, а береза не расколется, а вся измочалится.

Отъ того, что дубъ, хоть и плотнѣе связанъ, чѣмъ берёза, да связанъ такъ, что расходится вдоль, а берёза не расходится.

Отъ чего колёса и полозья гнутъ изъ дуба и вяза, а не гнутъ изъ берёзы и липы?

Отъ того, что дубъ и вязъ, когда ихъ распарятъ въ банѣ, гнутся и не ломаются, а берёза и липа на всѣ стороны мочалятся.

Всё отъ того-же, что частицы дерева въ дубѣ и берёзѣ иначе связаны.

ЛЕДЪ, ВОДА И ПАРЪ.

Лёдъ бываетъ крѣпкій, какъ камень. Если во льдѣ вмёрзнетъ палка, то палку эту не выломаешь изо льда, пока не оттаешь. Когда лёдъ холоденъ, то по нёмъ возà ѣздятъ и не проваливаются, и брось на него 10 пудовъ желѣза, ледъ не провалится.

Чѣмъ холоднѣе лёдъ, тѣмъ онъ крѣпче. Какъ согрѣется лёдъ — такъ онъ ослабнетъ, сдѣлается какъ каша; что́ въ нёмъ вмёрзло — рукой можно

вынуть; онъ проваливается подъ ногами и не удержитъ и фунта желѣза. Когда лёдъ ещё больше согрѣется, то онъ станетъ водой. Изъ воды всякую вещь легко вынуть, и вода уже ничего не держитъ кромѣ дерева. Если еще станешь согрѣвать воду, она ещё меньше станетъ держать. Въ холодной водѣ легче плавать, чѣмъ въ тёплой. А въ горячей водѣ и дерево тонетъ.

Если ещё согрѣть воду, она и вовсе разойдётся пàромъ; и паръ ужъ ничего не держитъ, а самъ идётъ во всѣ стороны.

Если кипятить воду подъ крышкой, то вода испарится и сядетъ каплями подъ крышкой, стечётъ внизъ и опять станетъ вода. Собрать эту воду и выставить на морозъ — опять станетъ лёдъ.

Согрѣй воду — будетъ паръ; застуди воду — будетъ лёдъ. Всё таже вода бываетъ летучая, когда согрѣется, и крѣпкая, когда остынетъ.

Во льду нѣтъ тепла, въ водѣ есть немного, а въ парѣ очень много.

Если ко льду приставить льдину, то льдина не согрѣется и не похолодѣетъ.

А если польёшь воды на лёдъ, то лёдъ потеплѣетъ, а вода похолодѣетъ. Лёдъ растаетъ, если воды много, и вода замёрзнетъ, если льду много.

А если на лёдъ пустить паръ, то лёдъ потеплѣетъ, а паръ похолодѣетъ: лёдъ растаетъ, станетъ водой, а паръ охолодѣетъ и тоже станетъ водой.

Если вода холодная и воздухъ холодный, то ни вода не согрѣется, ни воздухъ не похолодѣетъ. Но если воздухъ тёплый, а вода холодная, что́ будетъ? Изъ воздуха тепло будетъ переходить въ воду, вода станетъ всё теплѣе, а воздухъ всё холоднѣе, до тѣхъ поръ, пока они сравняются.

Если воздухъ теплѣе воды, то вода согрѣется, а воздухъ остынетъ; а если вода теплѣе, то воздухъ согрѣется, а вода остынетъ.

Если на воздухѣ изъ жидкой воды дѣлается мёрзлая

вода, то значитъ вода теплѣе воздуха, — она будетъ холодѣть, а воздухъ теплѣть.

Ели на воздухѣ летучая вода дѣлается жидкой водой, — значитъ воздухъ холоднѣе летучей воды, и вода будетъ стыть, а воздухъ грѣться.

Если изъ крѣпкой воды дѣлается на воздухѣ жидкая вода, значитъ

воздухъ теплѣе; онъ будетъ стыть, крѣпнуть, а лёдъ грѣться.

Если на воздухѣ изъ воды дѣлается паръ, высыхаетъ вода, значитъ воздухъ теплѣе; онъ будетъ стыть, а вода грѣться.

Льдомъ нельзя грѣть, а водой и паромъ можно грѣть. Водой можно вотъ какъ грѣть: провести въ холодный домъ воду. Какъ вода замёрзнетъ, такъ лёдъ выносить вонъ; опять замёрзнетъ, — опять выносить вонъ. И въ домѣ всё будетъ теплѣе, и такъ станетъ тепло, что вода, не станетъ ужъ мёрзнуть. Отъ чего это такъ будетъ? Отъ того, что, какъ вода замёрзнетъ, такъ она выпуститъ изъ себя лишнее тепло въ воздухъ, и до тѣхъ поръ будетъ выпускать, пока воздухъ согрѣется и вода перестанетъ мёрзнуть.

Паромъ грѣютъ вотъ какъ: напустятъ пару въ холодный домъ. Паръ станетъ охолаживаться, каплями потечётъ книзу и станетъ водой. Воду эту выносятъ и въ домѣ становится тепло.

Отъ чего это такъ будетъ? Отътого, что какъ только паръ станетъ водой, онъ изъ себя выпуститъ лишнее тепло въ воздухъ.

Когда изъ воды дѣлается лёдъ, а изъ пара дѣлается вода, то въ воздухъ выходитъ тепло изъ воды и изъ пара, и воздухъ становится теплѣе. А когда изъ

льда дѣлается вода, а изъ воды дѣлается паръ, то тепло изъ воздуха выходить въ воду и въ паръ, и воздухъ становится холоднѣе.

Если хочешь остудить теплую горницу, принеси льду и дай ему растаять. Отъ чего станетъ холоднѣе? Отъ того что лёдъ, чтобъ ему сдѣлаться водой, заберётъ въ себя тепло изъ воздуха.

Если хочешь остудить, налей воды и дай ей высохнуть. Отъ чего такъ будетъ? Отъ того, что изъ воды сдѣлается паръ. А чтобы изъ воды сдѣлаться пàромъ, она заберётъ много тепла изъ воздуха.

Отъ этого бываетъ холоднѣе, когда идётъ дождь, и теплѣе, когда собирается дождь. Когда идётъ дождь, то вода сохнетъ, испаряется и забираетъ въ себя тепло. А когда собирается дождь, то въ воздухѣ ходятъ пары и охлаждаются въ тучи; отъ нихъ-то и тепло.

Такъ и говорятъ, что пàритъ.

КРИСТАЛЛЫ.

Если сыпать въ воду соль и мѣшать, то соль станетъ расходиться и такъ разойдётся въ водѣ, что не видать будетъ соли; но если сыпать ещё и ещё соли, то подъ конецъ соль ужь перестанетъ распускаться, а сколько ты её ни мѣшай, такъ и останется бѣлымъ порошкомъ въ водѣ. Вода насытилась солью и больше ужъ принять не можетъ. Но если разогрѣть воду, она приметъ ещё; и соль, та, которая не распускалась въ холодной водѣ, распустится въ горячей. Но если ещё насыпать соли, тогда ужъ и горячая вода не приметъ больше соли. А если больше станешь грѣть воду, то сама вода уйдётъ пàромъ, и соли ещё больше останется.

Такъ на каждую вещь, какую вода распускаетъ, у воды есть мѣра, дальше чего ей нельзя распустить. Каждой вещи вода распускаетъ больше, когда горяча, чѣмъ когда холодна, но всё же — какъ насытится горячая вода, такъ дальше ужъ не принимаетъ. Вещь останется сама по себѣ, а вода уйдётъ пàромъ.

Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ, а потомъ подсыпать ещё селитры лишней, всё согрѣть и не мѣшавши дать остынуть, то селитра лишняя не ляжетъ порошкомъ на днѣ воды, а соберётся вся шестигранными столбиками и сядетъ на днѣ и по бокамъ, столбикъ подлѣ столбика Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ и поставить въ тёпломъ мѣстѣ, то вода уйдётъ пàромъ, а селитра лишняя также сложится столбиками шестигранными.

Если насытить воду простою солью, согрѣть и также дать уйти водѣ пàромъ, то лишняя соль сложится тоже не порошкомъ, а кубиками Если насытить воду селитрой съ солью вмѣстѣ, лишняя селитра и соль не смѣшаются, и сложатся каждая по сво́ему — селитра столбиками, а соль кубиками.

Если насытить воду извёсткой, или другой солью, или ещё чѣмъ нибудь, то каждая вещь, когда вода выйдетъ пàромъ, сложится по своему. Какая въ трехгранные столбики, какая въ восьмигранные, какая кирпичиками, какая звѣздочками — каждая по своему. Эти-то фигуры разныя бываютъ во всѣхъ крѣпкихъ вещахъ. Иногда фигуры эти большія, въ руку; такіе находятъ камни въ землѣ Иногда фигуры эти такъ малы, что простымъ глазомъ не разберёшь ихъ; но въ каждой вещи есть свои фигуры.

Если, когда вода насыщена селитрой и въ ней начинаютъ складываться фигуры, отломить иголочкой край фигуры, то опять на тоже мѣсто придутъ новые кусочки селитры и опять задѣлаютъ отломанный край точно такъ, какъ ему надо быть, — шестигранными столбиками. Тоже самое и съ солью и со всякой другой вещью. Всѣ маленькія порошинки сами ворочаются и приставляются той стороной, какой надо.

Когда замерзаетъ лёдъ, то дѣлается тоже самое.

Летитъ снѣжинка — въ ней не видать никакой фигуры; но какъ только она сядетъ на что-нибудь тёмное и холодное, на сукно, на мѣхъ, — въ ней можно разобрать фигуру: увидишь звѣздочку, или шестиугольную дощечку. На окнахъ паръ примерзаетъ не какъ попало, а какъ онъ станетъ примерзать, такъ сейчасъ сложится въ звѣздочку.

Что такое лёдъ? Это холодная, крѣпкая вода. Когда изъ жидкой воды дѣлается крѣпкая вода, она складывается въ фигуры и изъ нея выходитъ тепло. Тоже самое дѣлается съ селитрой; когда она изъ жидкой складывается въ крѣпкія фигуры, изъ нея выходитъ тепло. Тоже съ солью, тоже съ плавленымъ чугуномъ, когда онъ изъ жидкаго дѣлается крѣпкимъ. Когда какая нибудь вещь изъ жидкой дѣлается крѣпкой, изъ нея выходитъ тепло и она складывается въ фигуры. А когда изъ крѣпкой дѣлается жидкая, то вещь забираетъ въ себя тепло, и изъ нея выходитъ холодъ и фигуры ея распускаются.

Принеси плавленаго желѣза и дай ему остывать; принеси тѣста горячаго и дай ему остывать; принеси извёстки гашеной и дай ей остывать, — будетъ тепло.

Принеси льду и тай его — станетъ холодно. Принеси селитры, соли и всякой вещи, какая въ водѣ расходится, и распускай её въ водѣ, — станетъ холодно. Чтобъ заморозить мороженое — сыплютъ соль въ воду.

XI.

ВОЛЬГА БОГАТЫРЬ.

Что не мелки часты звѣздочки

Разсажалися подъ небесью,

Что не ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ

Просвѣтилъ въ небѣ высокоемъ, —

Освѣтило красно солнышко

Нашу землю святорусскую:

На святой Руси на матушкѣ

Народился удалъ молодецъ,

Свѣтъ Вольгà — сударь Буслаевичъ.

Отъ рожденья богатырскаго

Потряслася мать сыра земля,

Море сине всколыбалося,

Рыбы въ глубь моря забилися,

Звѣри въ чащи схоронилися,

Постряслось царство Турецкое.

Выросталъ Вольга семи годовъ —

Захотѣлъ онъ много мудрости,

Къ мудрецамъ задался въ выучку,

И въ наукъ пошло ученiе.

Понималъ Вольга всѣ мудрости.

Обучился первой мудрости —

Оборачиваться птицею;

Обучился другой мудрости —

Оборачиваться рыбою;

Обучился третьей мудрости —

Сѣрымъ волкомъ ся обёртывать.

Какъ и сталъ Вольгà въ пятнадцать лѣтъ,

Подбиралъ Вольгà дружинушку,

И собралъ онъ себѣ ровнюшекъ,

Удалыхъ-ли добрыхъ мóлодцевъ, —

Тридцать братьевъ безъ единаго,

Становился самъ въ тридцатыихъ.

Какъ и сталъ Вольгà съ дружиною

На крутомъ яру у Кіева,

Взговоритъ Вольгà Буслаевичъ:

«Вы дружина моя храбрая,

«Тридцать братьевъ безъ единаго,

«Самъ Вольгà я во тридцатыихъ, —

«Вы большàго брата слушайте,

«Повелёно дѣло дѣлайте:

«Повяжите сѣти шёлковы,

«Опускайте въ море синее»

Тутъ Вольгỳ дружина слушалась,

Повязала сѣти шёлковы,

Опускала въ море синее.

Рыбой Вольга ся обёртывалъ,

Рыбой-щукою зубастою,

Во станы поплылъ глубокіе,

Распугалъ всю рыбу красную,

Загонялъ рыбу во частꙑ сѣти.

Какъ и сталъ Вольга съ дружиною

На крутомъ яру у Кіева,

Взговоритъ Вольга Буслаевичъ:

«Вы, дружина моя храбрая,

«Тридцать братьевъ безъ единаго,

«Самъ Вольгà я во тридцатыихъ,

«Брата бо̀льшаго вы слушайте,

«Повелёно дѣдо дѣлайте: –

«Вейте шёлковы верёвочки,

«Разстанавливайте по лѣсу,

«На звѣриныхъ-ли на тропочкахъ»

Тутъ Вольгу дружина слушалась –

Вила шёлковы верёвочки,

Разстанавливала по лѣсу.

Звѣремъ Вольга ся обёртывалъ

Сѣрымъ волкомъ голенастыимъ,

Поскакалъ въ лѣса дремучіе,

Во глухѝ ломы, во чащицы,

Распугалъ онъ звѣря куннаго,

Загонялъ звѣря во петельки.

Какъ и сталъ Вольга съ дружиною,

На крутомъ яру у Кіева,

Взговоритъ Вольга Буслаевичъ:

«Половили мы всю рыбушку

«Изъ синя моря глубокаго,

«Половили звѣря куннаго

«Изъ темныхъ лѣсовъ дремучіихъ;

«А и будетъ-ли тотъ мо̀лодецъ,

«Чтобъ сходилъ въ царство Турецкое

«Ко Царю Салтанъ-Бекетычу,

«Свѣдать думу его Царскую»
Молодцы тутъ стали прятаться,
Что большой да за середняго,
А середній что за мѐньшаго, —

А отвѣта нѣтъ отъ мѐньшаго:
Говоритъ Вольгà Буслаевичъ:
«Вольгѣ будетъ самому идти».
Птицей Вольгà ся обёртывалъ,
Высокò взивлся подъ нѐбесью;
Прилеталъ въ Царство Турецкое,
На оконце сѣлъ косящато.
Сидитъ Царь Салтанъ Бекетовичъ
Со Царицею Давыдьевной, —
Разговоры разговарива(е)тъ;
Говоритъ Салтанъ Бекетовичъ:
«Ты жена моя возлюбленна,
«Молода-ли свѣтъ-Давыдьевна,
«Воевать хочу святую Русь,
«Хочу взять я славный Кіевъ-градъ,
«Подарить хочу по городу
«Девяти сынамъ, по русскому;
«Да привезть хочу я шубоньку
«Дорогую, соболиную».
Взговоритъ ему Давыдьевна:

— «Гой ты, Царь Салтанъ Бекетовичъ!

«Ты напрасно снаряжаешься

«Воевать на землю русскую;

«Али ты того не вѣдаешь —

«На Руси всё не по старому,

«Освѣтило красно солнышко

«Славну землю Святорусскую:

«Народился удалъ-мѡлодецъ

«Богатырь Вольгà Буслаевичъ;

«Онъ теперь, Вольга Буслаевичъ,

«На окнѣ сидитъ и слушаетъ

«Наши рѣчи съ тобой тайныя.

«Не возмёшь ты славный Кіевъ-градъ,

«Не подаришь ты по городу

«Девяти сынамъ по русскому,

«А пропасть твоей головушкѣ

«Отъ того Вольги Буслa(е)вича».

Тѣмъ словамъ Салтанъ не вѣровалъ;

На Царицу Царь прогнѣвался —

По лицу ударилъ бѣлому,

Прогонялъ онъ съ глазъ Давыдьевну.

Догадался Вольгъ Буслаевичъ,

Горностаемъ ся обёртывалъ,

Въ погреба бѣжалъ глубокіе —

Онъ тетивочки шелкóвыя
На лукахъ тугихъ накусывалъ,
Съ калены̀хъ-отъ стрѣлъ желѣзочки
Онъ повынималъ — закапывалъ,
Оборачивался птицею,
Прилеталъ назадъ ко Кіеву,
Собиралъ свою дружинушку,
Подходилъ къ Царству Турецкому.
Царство крѣпко огорожено
Стѣной каменной, высокою,
Во стѣнѣ ворота крѣпкія,
По булату золочёныя, —
А засовы — крюки мѣдные,
Подворотня — дорогъ рыбій зубъ,
Мелкимъ вырѣзомъ вырѣзана;
По мудрёнымъ мелкимъ вырѣзамъ
Въ пору-ли пролѣзть мурашику.
Тутъ дружина закручинилась:

«Какъ пройти намъ стѣны каменны,
«Погубить-ли добрымъ мо̀лодцамъ
«Намъ головушки напрасныя?»
Догадался Вольгъ Буслаевичъ.
Мурашомъ себя обёртывалъ,

Добрыхъ мѡлодцевъ мурашками, —

Пролѣзалъ съ своей дружиною

Въ подворотню зуба рыбьяго;

За стѣной Вольга Буслаевичъ

Оборачивалъ мурашиковъ —

Молодцами съ сбруей ратною.

Взговоритъ-ли Вольгъ Буслаевичъ:

«Вы большѣго брата слушайте,

«Повелёно дѣло дѣлайте:

«Въ славномъ царствѣ во Турецкіимъ

«Вырубайте старъ и малаго,

«Изведите всѣхъ до кореня;

«Оставляйте только лучшіихъ

«Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ»

Тутъ Вольгу дружина слушалась —

Въ славномъ царствѣ во Турецкіимъ

Вырубала старъ и малаго,

Изводила всѣхъ до кореня,

Не оставила на сѣмена;

Оставляла только лучшіихъ

Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ.

Самъ Вольга Царя отыскивалъ,

Во палатахъ его каменныхъ —

Двери заперты желѣзныя,

Во дверяхъ засовы крѣпкіе.

Взговоритъ-ли Вольгъ Буслаевичъ:

«Хоть нога сломать, а выставить!»

Пнулъ ногой двери желѣзныя,

Поломалъ засовы крѣпкіе;

Царя славнаго Турецкаго

Бралъ Вольга за ручки бѣлыя.

Говорилъ Вольга Буслаевичъ:

«А не бьютъ Царей, ни казнятъ васъ» —

Царя хлопнулъ о кирпищатъ полъ,

И расшибъ Салтана въ дребезги.

Тутъ дружину свою храбрую

Вольга поровну одѣливалъ.

Табуновъ коней по тысячѣ,

По бочёнку красна золота,

Да по дѣвушкѣ на мóлодца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

ПОХОДЫ ИГОРЯ НА ГРЕКОВЪ.

Въ 6421 году, началъ царствовать Игорь послѣ Олега.

Въ 6422 году пошёлъ Игорь на Древлянъ, и, побѣдивъ ихъ, наложить на нихъ дань бóльшую, (чѣмъ) Олегова.

Въ 6449 году пошёлъ Игорь на Грековъ. И послали Болгаре извѣстіе къ Дарю, что идутъ Русскіе на Царьградъ лодокъ 10 тысячъ, которые пошли и приплыли и начали воевать Виѳанскія земли, и воевали въ Понтійской области до (города) Иракліи и Пафлагонской

земли, и ограбивъ всю окрестность Никомидіи, гавань всю сожгли. Какихъ забирали, однихъ разрубали, другихъ ставя какъ цѣль, стрѣляли въ нихъ, (а то) брали, на спинѣ руки связывали и гвозди желѣзные вбивали посреди головы имъ. Много святыхъ церквей огню предали, монастыри и сёла пожгли, и добра не мало въ обѣихъ земляхъ взяли.

Потомъ же, когда пришли воины съ востока, Памфиръ Деместикъ съ 40 тысячами, Ѳока Патрицій съ Македонцами, и Ѳёдоръ Стратилатъ съ Ѳракійцами, съ ними ещё люди сана боярскаго, (то) обошли Русскихъ кругомъ. Держали совѣтъ Русскіе, и вышли построившись на Грековъ, и послѣ жестокаго боя между ними, едва одолѣли Греки. Русскіе же возвратившись къ дружинѣ своей къ вечеру, къ ночи вошли въ лодки и отплыли. Ѳеофанъ

же встрѣтилъ ихъ въ корабляхъ съ огнёмъ, и пускать началъ трубами огонь на лодки Русскія, и было видѣть страшно (это) диво.

Русскіе, видя пламень, бросались въ воду морскую, чтобы уйти, и такъ остальные возвратились восвояси. Когда они пришли въ землю свою, они разсказывали каждый своимъ о томъ, что́ было, и о корабельномъ огнѣ: «какъ молнія», говорили, «что̀ на небѣ, (такая) есть у Грековъ, и эту (–то) пускаючи жгли насъ; отъ этого мы и не одолѣли ихъ»

Игорь же, возвратившись, началъ собирать воиновъ много, и послалъ за большимъ числомъ Варяговъ за море, набирая ихъ на Грековъ, — опять хотѣлъ идти на нихъ.

Въ 6452 году Игорь, собравъ воиновъ много, Варяговъ, Руси, и Полянъ, Славянъ, и Кривичей, и Тиверцовъ, и Печенѣговъ (и заложниковъ

у нихъ взялъ), пошёлъ на Грековъ въ лодкахъ и на лошадяхъ, желая мстить (за) себя.

Это услышавши, Корсунцы послали къ Роману, говоря: «вотъ идутъ Русскіе, безъ числа кораблей — покрыли море корабли». Также и Болгаре послали извѣстіе, говоря: «идутъ Русскіе, и наняли себѣ Печенѣговъ».

Это услышавши, Царь послалъ къ Игорю знатнѣйшихъ бояръ, прося и говоря: «не ходи, а возьми дань, которую бралъ Олегъ; я прибавлю и ещё къ той дани». Также и Печенѣгамъ послалъ парчи и золота много. Игорь же, дошедши до Дуная, созвалъ дружину, и началъ совѣтъ держать и передалъ имъ слова Царя.

Сказала дружина Игоря: «а если такъ говоритъ Царь, то чего хотѣть больше этого: не бившись получить золото, и серебро, и парчи? Развѣ кто знаетъ, кто одолѣетъ, —

мы—ли, они—ли? или съ моремъ кто друженъ? вѣдь не по землѣ ходимъ мы, а по глубинѣ морской».

Послушалъ ихъ Игорь, и велѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю; а самъ взялъ у Грековъ, золото, и парчи, и (дани) на всѣхъ воиновъ, и вернулся назадъ и пришёлъ къ Кіеву во свояси.

СМЕРТЬ ИГОРЯ.

Годъ 6453. Въ этомъ году сказала дружина Игорю: люди Свѣнельдовы (вдоволь) одѣлися оружіемъ и одёжей, а мы голы; поди, князь, съ нами за данью, чтобъ и тебѣ раздобыться и намъ. Послушалъ ихъ Игорь, пошёлъ въ Дерева за данью и набавлялъ къ прежней дани, вымогалъ у нихъ; понабравъ дани, пошёлъ въ городъ свой.

Когда же онъ возвращался, раздумавъ сказалъ дружинѣ

своей: «идите съ данью домой, а я вернусь, похожу ещё». Отпустилъ свою дружину домой, а съ малой (частью) дружины вернулся, желая

большаго сбора. Услышали Древляне, что онъ опять идётъ и рѣшили съ княземъ своимъ Маломъ: «Если повадится волкъ къ овцамъ, то выносить всё стадо, если не убьютъ его. Также и теперь, если не убьемъ его, то онъ всѣхъ насъ въ конецъ разоритъ». И послали къ нему, говоря: «зачѣмъ идёшь опять? ты взялъ уже всю дань».

И не послушалъ ихъ Игорь, и вышедши изъ города Искоростеня, Древляне убили Игоря и дружину его; потому что было ихъ мало. И похоронёнъ былъ Игорь, и есть могила его у Искоростеня въ Деревахъ и до сего дня.

МЕСТЬ ОЛЬГИ ЗА ИГОРЯ.

Ольга же была въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ съ ребёнкомъ Святославомъ, и воспитатель его Асмудъ; а воевода былъ Свѣнельдъ.

И сказали Древляне: «вотъ мы Князя убили Русскаго; возьмёмъ жену его Ольгу за Князя своего Мала, и Святослава, и сдѣлаемъ съ нимъ, что́ хотимъ». И послали Древляне знатнѣйшихъ людей, числомъ 20, въ лодкѣ къ Олыѣ. И пристали они подъ Боричевымъ въ лодкѣ.

И сказали Ольгѣ, что приплыли Древляне; и позвала ихъ Ольга къ себѣ: «добрые (молъ) гости пришли». И сказали Древляне: «мы пришли, Княгиня». И сказала имъ Ольга: «такъ говорите, для чего пришли сюда». И сказали Древляне: «послала насъ Древлянская земля, говоря такъ: мужа твоего убили мы, потому

что былъ твой мужъ какъ волкъ хватающій и грабящій, а наши князья добрые; такъ иди за князя нашего за Мала». Потому что было имя ему Малъ, князю Древлянскому.

И сказала имъ Ольга: «пріятна мнѣ рѣчь ваша; ужъ мнѣ мужа своего не воскресить; а хочу почтить васъ на утро передъ народомъ своимъ; такъ теперь идите въ лодку свою, и лягьте въ лодкѣ, величаючись; я утромъ пошлю за вами, вы же скажите: не пойдемъ на лошадяхъ, ни пѣши не пойдёмъ, а несите насъ въ лодкѣ, — и взнесутъ васъ въ лодкѣ». И отпустила ихъ въ лодку.

А Ольга, велѣла выкопать яму большую и глубокую на дворѣ (своего) терема, за городомъ. И наутро Ольга, сидя въ теремѣ, послала за гостями. И пришли къ нимъ говоря: «зовётъ васъ Ольга на чествованіе большое», Они же сказали: «не поѣдемъ

на лошадяхъ, ни на телѣгахъ, ни пѣшіе (не) пойдёмъ, — несите насъ въ лодкѣ». И сказали Кіевляне: «намъ неволя; Князь нашъ убитъ, а Княгиня наша хочетъ за вашего Князя». И понесли ихъ въ лодкѣ. Они же сидѣли, гордяся. И принесли ихъ на дворъ къ Ольгѣ, и бросили ихъ въ яму и съ лодкою

Нагнувшись, Ольга сказала имъ: «хорошъ ли вамъ почётъ?» Они же сказали: «хуже (онъ) намъ Игоревой смерти». И велѣла она засыпать ихъ живыми, и засыпали ихъ.

Пославши Ольга къ Древлянамъ, сказала имъ: «если меня просите вправду, то пришлите людей отборныхъ, чтобы въ большомъ почётѣ явилась я (идти) за вашего Князя, а то какъ бы не удержали меня люди Кіевскіе. Это услышавши, Древляне выбрали знатнѣйшихъ людей, которые правили

Древлянскою землёю, и послали за нею.

Когда Древляне пришли, велѣла Ольга баню сготовить, говоря такъ: «вымывшись, приходите ко мнѣ». Они истопили избу, и вошли Древляне, и начали мыться; и заперли вкругъ нихъ (кругомъ) избу, и велѣла зажечь ихъ съ дверей; тутъ (и) сгорѣли всѣ.

И послала она къ Древлянамъ, говоря такъ: «вотъ уже иду я. къ вамъ; такъ приготовьте медовъ больше въ городѣ, гдѣ вы убили мужа моего, чтобы поплакать мнѣ надъ могилой его, и сдѣлать поминки (по) своему мужу» Они, услышавъ это, свезли медовъ очень много, и заварили. Ольга-же, взявъ немного дружины, на легкѣ идя, пришла къ могидѣ его, и плакалась по мужѣ своёмъ. И велѣла людямъ своимъ насыпать могильный холмъ большой; и когда насыпали, велѣла поминки дѣлать.

Послѣ того сѣли Древляне пить, и велѣла Ольга людямъ своимъ прислуживать имъ. И сказали Древляне Ольгѣ: „гдѣ — дружина наша, которую мы послали за тобой?» Она сказала: «идутъ за мной съ дружиною мужа моего». Когда напились Древляне, она отошла прочь, и велѣла дружинѣ своей рубить Древлянъ; и порубили ихъ 5000. А Ольга воротилась въ Кіевъ.

Въ 6454 году. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собрала войско большое и храброе, и пошла на Древлянскую землю. Вышли Древляне на встрѣчу, и, когда сошлись оба войска въ схваткѣ, бросилъ Святославъ копьёмъ въ Древлянъ, и копьё пролетѣло промежъ ушей коня и упало у ногъ лошади, потому что онъ былъ ребёнокъ. И сказали Свѣнельдъ и Асмольдъ: «князь уже началъ; вперёдъ, дружина, за княземъ!»

И побѣдили Древлянъ, и Древляне побѣжали и заперлись въ городахъ своихъ.

Ольга же двинулась съ сыномъ своимъ на Искоростень городъ, такъ какъ они убили мужа ея, и стала около города съ сыномъ своимъ. А Древляне заперлись въ городѣ и оборонялись крѣпко изъ города; потому что знали они, что сами же убили Князя и (знали,) на что́ себя предадутъ. И стояла Ольга годъ, не могла взять города, и придумала такъ: послала къ городу, говоря: «чего вы хотите досидеться? Вѣдь всѣ города ваши отдались мнѣ, и взялись (платить) дань, и обрабатываютъ нивы и земли свои; а вы хотите вымѣреть голодомъ, не хотя платить дань.

Древляне же сказали: «рады бы были мы взяться (платить) дань; да вѣдь ты хочешь всё мстить за мужа своего». Сказала имъ Ольга: «я отомстила уже обиду мужа

своего, когда приходили ваши въ Кіевъ, и когда дѣлала поминки мужу своему; то ужъ не хочу мстить, но хочу брать дань понемногу, и замирившись съ вами, уйду назадъ».

И сказали Древляне: «чего хочешь отъ насъ? Мы готовы давать дань

мёдомъ и шкурами». Она же сказала имъ: «теперь у васъ нѣтъ ни меду, ни шкуръ, а я малаго у васъ прошу: дайте мнѣ отъ двора по три голубя, да по три воробья; потому что я не хочу тяжёлой дани налагать, какъ мужъ мой; прошу у васъ этого малаго, потому что вы изнемогли въ осадѣ; такъ вотъ у васъ прошу этого малаго». Древляне же обрадовались, собрали отъ двора по три голубя и по три воробья, и послали къ Ольгѣ съ поклономъ

Ольга же сказала имъ; «вотъ уже вы покорились мнѣ и моему дитяти; такъ идите въ городъ, а я завтра

отступлю отъ города и пойду въ свой городъ». Древляне же обрадовавшись вошли въ городъ и разсказали народу, и обрадовался народъ въ городѣ. И Ольга раздала воинамъ по голубю каждому, а другимъ по воробью, и велѣла къ каждому голубю и воробью привязать сѣрпички, завёртывая въ лоскутья небольшіе, и ниткою наматывая каждому изъ нихъ; и велѣла Ольга, когда смерилось, пустить воробьевъ и голубей воинамъ своимъ.

И голуби и воробьи полетѣли въ гнѣзда свои, голуби въ голубятни, воробьи же подъ застрѣхи. И такъ стали загораться голубятни, (а) гдѣ клѣти, гдѣ вышки, гдѣ и избы; и не было двора, гдѣ бы не горѣло, и нельзя было гасить, потому что всѣ дворы загорѣлись. И побѣжалъ народъ изъ города, и велѣла Ольга воинамъ своимъ хватать ихъ; и такъ взяла она городъ и

сожгла его; старшинъ же города перехватала, и прочихъ людей, — какихъ перебила, а другихъ въ работу отдала людямъ своимъ, а остатокъ ихъ оставила платить дань. И наложила на нихъ дань тяжелую: двѣ части дани идутъ въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ, Ольгѣ; потому что Вышгородъ былъ городъ Ольгинъ.

КРЕЩЕНІЕ ОЛЬГИ.

Въ году 6463 пошла Ольга въ греческую (землю), и пришла (въ) Царьградъ. Былъ тогда Царь именемъ Константинъ; и пришла къ нему Ольга, и, увидѣвши, что она хороша очень лицомъ и умна, удивившись разуму ея, Царь говорилъ съ ней и сказалъ ей: «тебѣ бы царствовать въ (нашемъ) городѣ съ нами».

Она, понявши, (къ чему клонится рѣчь) — сказала Царю: «я не христіанка;

такъ если ты меня хочешь крестить, то крести меня ты самъ; если же нѣтъ, то не крещусь». И крестить её Царь съ Патріархомъ. Просвѣтившись же, она радовалась душою и тѣломъ. И наставилъ её патріархъ въ вѣрѣ, и сказалъ ей: «благословенна ты между женщинами Русскими, такъ какъ полюбила свѣтъ, а тьму оставила; благословлять тебя будутъ сыны Русскіе до послѣдняго рода потомковъ твоихъ».

И далъ ей наставленіе о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милосердіи и о соблюденіи тѣлесной чистоты. Она же, наклонивши голову, стояла, какъ губка напитывающаяся (водою), внимая поученію; и поклонившися патріарху, она сказала: «молитвами твоими, владыко, да сохранена буду отъ сѣтей лукаваго». И было наречено имя ей въ крещеніи Елена, какъ звалась

и древняя Царица, мать великаго Константина. И благословилъ её

патріархъ и отпустилъ её.

И послѣ крещепія пригласилъ её Царь и сказалъ ей: «хочу тебя взять себѣ въ жёны». Она же сказала: «какъ же хочешь меня взять (замужъ), крестивши меня самъ и назвавши меня дочерью? Вѣдь у христіанъ такого нѣтъ закона, и ты самъ (это) знаешь». И сказалъ Царь: «перехитрила меня ты, Ольга». И далъ ей подарковъ много, золота и серебра, парчей и утвари всякой, и отпустилъ её, назвавъ её дочерью себѣ.

СВЯТОСЛАВЪ.

Въ году 6472. Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, началъ онъ воиновъ собирать многочисленныхъ и храбрыхъ, и легко ходя, какъ барсъ, войны частыя велъ. Дѣлая походы,

повозокъ за собою онъ не возилъ, ни котловъ, и мяса не варилъ, но, тонко изрѣзавши, конину ли, дичину ли, или говядину, на угляхъ изжаривши, ѣлъ. И шатра не имѣлъ, но (спалъ), потникъ разославъ и сѣдло (положивъ) подъ голову. Такіе-же и прочіе воины его всѣ были. Онъ посылалъ въ (другія) земли, говоря: «хочу на васъ идти»

И пошёлъ онъ на Оку рѣку и на Волгу, и встрѣтилъ Вятичей и сказалъ Вятичамъ: «кому дань даёте?» И они сказали: «Козарамъ по деньгѣ съ плуга даёмъ».

Въ 6473 году пошёлъ Святославъ на Козаръ. И услышавши Козары вышли навстрѣчу съ княземъ своимъ Каганомъ, и сошлися биться, И была

битва, и одолѣлъ Святославъ Козаръ и городъ ихъ Бѣлую Вѣжу взялъ. И Ясовъ побѣдилъ онъ и Косоговъ.

Въ 6474 году Вятичей

побѣдилъ Святославъ, и дань на нихъ наложить.

Въ 6475 году пошёлъ Святославъ на Дунай на Болгаръ. И бились съ той и другой стороны — одолѣлъ Святославъ Болгаръ и взялъ 80 городовъ по Дунаю; и сѣлъ онъ княжа тамъ въ Переяславцѣ, собирая дань съ Грековъ

СМЕРТЬ ОЛЬГИ.

Въ 6479 году сказалъ Святославъ матери своей и боярамъ своимъ: «не любо мнѣ въ Кіевѣ быть, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, такъ какъ это середина земли моей, (и) такъ какъ тамъ всё хорошее сходится: отъ Грековъ золото, шёлковыя ткани, вина, овощи всякія, отъ Чеховъ же и отъ Угровъ серебро и лошади, а отъ Русскихъ мѣха и воскъ, медъ и слуги».

Сказала ему Ольга: «ты

видишь, что я больна; куда (же) хочешь отъ меня идти?» а была она уже при смерти. И сказала она ему: «похоронивъ меня, иди, куда, ты желаешь» Черезъ три дня умерла Ольга, и плакался по ней сынъ ея и внуки ея и люди всѣ плачемъ великимъ, и снесли и похоронили её; а завещала Ольга не дѣлать тризны надъ собой, потому что былъ у ней священникъ, онъ похоронилъ блаженную Ольгу.

ПОХОДЪ СВЯТОСЛАВА НА ГРЕКОВЪ.

Въ 6479 году пришёлъ Святославъ къ Переяславцу, и заперлись Болгаре въ городѣ. И вышли Болгаре на битву противъ Святослава, и была битва большая, и стали одолѣвать Болгаре; и сказалъ Святославъ воинамъ своимъ: «уже (видно) намъ здѣсь пасть; давайте-жъ биться какъ слѣдуетъ мужамъ, братья и дружина!»

И къ вечеру побѣдилъ Святославъ, и взялъ городъ приступомъ, и послалъ къ Грекамъ, говоря: «хочу на васъ идти, взять городъ вашъ, какъ и этотъ».

И сказали Греки: «мы не можемъ противъ васъ бороться; а возьми дань съ насъ, и на дружину свою (возьми): и скажите намъ, сколько васъ, чтобъ мы выдали по числу человекъ!» Это же сказали Греки, обманывая Русскихъ: ибо хитры Греки и до сего дня. И сказалъ имъ Святославъ: «насъ двадцать тысячъ», и присказалъ десять тысячъ, потому что было Русскихъ десять тысячъ только.

И снарядили Греки сто тысячъ (войска) на Святослава, и не дали дани; и пошёлъ Святославъ на Грековъ, и вышли они на встрѣчу Русскимъ. И увидѣвши Русскіе очень устрашились множества воиновъ, и сказалъ Святославъ: «Ужъ намъ некуда дѣться, волею

или неволей (надо) стать противъ (нихъ): такъ не осрамимъ земли Русской, ляжемъ тутъ костьми! потому что мертвымъ намъ не будетъ срама, если-жъ побѣжимъ, срамъ намъ будетъ; да и не убѣжать намъ; такъ постоимъ же крѣпко, я же впереди васъ пойду: если моя голова ляжетъ, то (ужъ) позаботьтесь сами о себѣ» И сказали воины: «гдѣ голова твоя, тамъ и мы свои головы положимъ».

И построились Русскіе, и была битва большая, и одолѣлъ Святославъ, и побѣжали Греки; и пошёлъ Святославъ къ городу, (всё) опустошая и города раззоряя.

И созвалъ Царь (греческій) бояръ своихъ во дворецъ и сказалъ имъ: «что дѣлать намъ, вѣдь мы не можемъ противъ него устоять?» И сказали ему бояре: «пошли къ нему подарки; испытаемъ его, охотникъ ли онъ (до) золота

или (до) дорогихъ тканей». И послали къ нему золота и тканей, и человѣка умнаго, сказавъ ему: «примѣчай осанку и лицо его, и нравъ его»; онъ же, взявъ дары, пришёлъ къ Святославу. Сказали Святославу, что пришли Греки съ поклономъ, и сказалъ онъ: «введите ихъ сюда. Пришли они и поклонились ему; положили передъ нимъ золото и ткани; и сказалъ Святославъ, въ сторону глядя, людямъ своимъ: «спрячьте».

Тѣ вернулись къ Царю, и. созвалъ Царь бояръ, и сказали посланные: «пришли мы къ нему и поднесли подарки, а онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, и велѣлъ спрятать». И сказалъ одинъ: «испытай его ещё, — пошли ему оружіе. И послушали его, и послали ему мечъ и другое оружіе, и принесли ему ихъ; но онъ, принявъ, началъ хвалить и любоваться, и посылать привѣты Царю.

Вернулись опять къ Царю и расказали ему всё, что́ было. И сказали бояре: «лютъ этотъ человѣкъ долженъ быть, такъ какъ добромъ пренебрегаетъ, а оружіе берётъ; возьмись (платить) дань». И послалъ Царь, говоря такъ: «не ходи къ городу, возьми дань, какую хочешь»; потому что малымъ чѣмъ онъ не дошёлъ (до) Царьграда. И выдали ему дань; бралъ же онъ и на убитыхъ, говоря: «родные его получатъ». Взялъ и подарковъ много, и возвратился въ Переяславецъ со славою большою.

Видя же мало дружины своей, сказалъ онъ самъ себѣ: «какъ бы, схитривши, не перебили дружину мою и меня», потому что много погибло въ битвахъ; и сказалъ: «пойду въ Русь, приведу больше дружины» И послалъ пословъ къ Царю въ Доростолъ (Силистрію), потому что тамъ былъ Царь,

говоря такъ: «хочу имѣть миръ съ тобой твердый, и дружбу» Это услышавъ, Царь обрадовался и послалъ ему подарки больше первыхъ.

СМЕРТЬ СВЯТОСЛАВА.

И заключивъ миръ съ Греками, Святославъ поплылъ въ лодкахъ къ порогамъ. И сказалъ ему воевода отцовскій Свѣнельдъ: «иди, князь, на лошадяхъ обходомъ, потому что стоятъ Печенѣги въ порогахъ». И не послушалъ онъ его, поплылъ па лодкахъ, и послали Переяславцы къ Печенѣгамъ, говоря: «вотъ вамъ идётъ Святославъ въ Русь, взявши добра много у Грековъ и добычи безъ числа, съ малой дружиной».

И услышавши это, Печенѣги заняли пороги; и пришёлъ Святославъ къ порогамъ, и нельзя было пройти пороги; и остался онъ зимовать

въ Бѣлобережьи. И не было у нихъ ѣды уже, и былъ голодъ большой такъ что по полугривнѣ (продавалась) голова лошадиная, и зимовалъ Святославъ тамъ.

Когда же весна пришла, въ 6480-мъ году пошёлъ Святославъ къ порогамъ, и напалъ на него Куря, князь Печенѣжскій; и убили Святослава. И взяли голову его, и изъ черепа его сдѣлали чашу; оковавши черепъ его, пили изъ него. Свѣнельдъ же пришёлъ въ Кіевъ въ Ярополку. А всѣхъ лѣтъ княженія Святослава — 28.

ЧУДО СИМЕОНА СТОЛПНИКА СЪ РАЗБОЙНИКОМЪ.

Разбойникъ одинъ былъ въ Сиріи по имени Антіохъ, — слухъ о нёмъ шёлъ во всёмъ народѣ; почему и не-разъ посылали воиновъ и поимщиковъ, чтобы привели въ Антіохію, и не могли его взять по причинѣ большой

силы его. Снарядились же воины въ Антіохіи, и всѣ граждане вышли, чтобы его взять И нашли его въ одной деревнѣ вино пьющаго, и обошли корчму воины.

Увидѣвъ же ихъ, онъ началъ пѣть заклятія. Рѣка же шла мимо деревни

той, и кобылу имѣлъ разбойникъ тотъ, и сказалъ ей, какъ человѣку, и она послушала его. Поднявшись, онъ положилъ платье своё на неё и сказалъ ей: «иди и подожди меня у рѣки». Пошла кобыла, огрызаясь и бросаясь, и подождала его у рѣки; вышелъ и разбой ни къ изъ корчмы, обнаживъ мечь свой, крича и говоря: «бѣгите, не-то смерть (чтобы никто не погибъ)». И никто не смѣлъ схватить его.

И побѣжавъ сѣлъ на кобылу, и пріѣхавъ схватился за столпъ святаго Симеона, крича и говоря: «спаси душу гибнущую». Святой же сказалъ: «чего хочешь, человѣвекъ?»

Онъ же сказалъ ему: Я разбойникъ, и прибѣжалъ сюда, желая спасенія. И сказалъ ему святой Симеонъ: «можешь ли покаяться въ злыхъ дѣлахъ твоихъ?» Онъ же сказалъ: «затѣмъ и пришёлъ я сюда, владыко» Неуспѣлъ онъ ещё сказать, какъ пришли посланные воины изъ города, говоря праведному: «Нельзя никакъ скрыть этого человѣка, потому что большая молва идётъ объ нёмъ; выдай его, пусть онъ получить по дѣламъ своимъ».

Сказалъ праведный имъ: «нѣтъ, дѣти мои; я не приводилъ его сюда, и не могу его отпустить; но знающій желаніе его и дѣла, тотъ можетъ его спасти, потому что таковыхъ есть царство небесное: съ Богомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ два разбойника распяты были; одинъ (только) изъ нихъ двоихъ принялъ по дѣламъ своимъ, а другой наслѣдовалъ царство небесное.

Если кто есть сильнѣе пославшаго его сюда, то онъ оторвётъ его отсюда; и не взведите клеветы на меня, много принявшаго трудовъ за многіе мои грѣхи». И сказавъ это, простился съ ними.

Когда тѣ ушли, сказалъ разбойникъ ему: «господинъ мой, и я уйду». И сказалъ святой ему: «на то же ли злое пойдёшь (опять) дѣло?» И сказалъ разбойникъ: «нѣтъ, человѣкъ Божій, а Господь Богъ призываетъ меня». И, воздѣвъ руки на небо, ничего другаго не говорилъ, какъ только: «сыне Божій, пріими въ покой душу мою». И плакался два часа, и святой плакался, глядя на него, и всѣ люди его. И, легши передъ столпомъ, отдалъ душу; и вынесши его, похоронили за оградой.

На другой же день пришло туда болѣе ста человѣкъ, хотѣвшихъ схватить его и кричавшихъ. Сказалъ же имъ святой: «Братья,

тотъ, кто его послалъ сюда, сильнѣе васъ; нуженъ видно онъ былъ ему; и онъ послалъ двухъ воиновъ страшныхъ и вооруженныхъ, и они взяли его. Я же грѣшный, видя страшный образъ ихъ (обоихъ), не смѣлъ противиться имъ, чтобы меня они не убили, какъ противящагося Богу». Услышавъ же это люди тѣ отъ святаго, въ какомъ просвѣтленіи предалъ духъ свой, прославляя Бога вернулись въ Антіохію.

КНИГА БЫТІЯ

ГЛАВА VI.

9. Ной былъ человѣкъ праведный и непорочный въ родѣ своемъ; Ной ходилъ предъ Богомъ.

10. Ной родилъ трёхъ сыновъ: Сима, Хама и Іафета.

11. Но земля растлилась предъ лицемъ Божіимъ, и наполнилась земля зладѣяніями.

12. И воззрѣлъ Господь Богъ на землю, и вотъ, она растлѣнна: ибо всякая плоть извратила путь свой на землѣ.

13. И сказалъ Господь Богъ Ною: конецъ всякой плоти пришёлъ предъ лице Моё, ибо земля наполнилась отъ нихъ злодѣніями. И вотъ, Я истреблю ихъ съ земли.

14. Сдѣлай себѣ ковчегъ изъ дерева гоферъ; отдѣленія сдѣлай въ ковчегѣ, и осмоли его смолою внутри и снаружи.

15. И сдѣлай его такъ: длина ковчега триста локтей; широта его пятьдесятъ локтей, а высота его тридцать локтей.

16. И сдѣлай отверстіе въ ковчегѣ, и въ локоть сведи его вверху, и дверь въ ковчегъ сдѣлай съ боку его; устрой въ нёмъ нижнее, второе и третье жильё.

17. И вотъ, Я наведу на

землю потопъ водный, чтобъ истребить всякую плоть, въ которой есть духъ жизни, подъ небесами; всё, что́ есть на землѣ, лишится жизни.

18. Но съ тобою Я поставлю завѣтъ Мой: и войдёшь въ ковчегъ ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жёны сыновъ твоихъ съ тобою.

19. Введи также въ ковчегъ (изъ всякаго скота, и изъ всѣхъ гадовъ, и) изъ всѣхъ животныхъ, и отъ всякой плоти по парѣ, чтобъ они остались съ тобою въ живыхъ; мужескаго пола и женскаго пусть они будутъ.

21. Ты же возьми себѣ всякой пищи, какою питаются, и собери къ себѣ; и будетъ она для тебя и для нихъ пищею.

ГЛАВА VII.

2. И всякаго скота чистаго возьми по семи, мужескаго пола и женскаго, а изъ скота нечистаго по

два, мужескаго пола и женскаго.

3. Также и изъ птицъ небесныхъ чистыхъ по семи, мужескаго пола и женскаго, и изъ всѣхъ птицъ нечистыхъ по двѣ, мужескаго пола и женскаго, чтобы сохранить племя для всей земли.

4 Ибо чрезъ семь дней Я буду изливать дождь на землю сорокъ дней и сорокъ ночей; и истреблю всё существующее, что̀ Я создалъ, съ лица земли.

5. Ной сдѣлалъ всё, что̀ Господь Богъ повелѣлъ ему.

10. Спустя семь дней, воды потопа пришли на землю.

11. Въ шестисотый годъ жизни Ноевой, во вторый мѣсяцъ, въ семнадцатый день (27) мѣсяца, въ сей день разверзлись всѣ источники великой бездны, и окна небесныя отворились;

12. И лился на землю

дождь сорокъ дней и сорокъ ночей.

13. Въ сей самый день вошёлъ въ ковчегъ Ной, и Симъ, Хамъ и Іафетъ, сыновья Ноевы, и жена Ноева, и три жены сыновъ его съ ними.

14. Они, и всѣ звѣри земли по роду ихъ, и всякій скотъ по роду его, и всѣ гады, пресмыкающіеся по землѣ, по роду ихъ, и всѣ летающія по роду ихъ, всѣ птицы, всѣ крылатыя.

15. И вошли къ Ною въ ковчегъ по парѣ мужескаго пола и женскаго отъ всякой плоти, въ которой есть духъ жизни.

16. И вошедшіе къ Ною въ ковчегъ мужескій и женскій полъ всякой плоти вошли, какъ повелѣлъ ему Господь Богъ. И затворилъ. Господь Богъ за нимъ ковчегъ.

17. И продолжалось на землѣ наводненіе сорокъ дней и сорокъ ночей, и умножилась вода, в подняла ковчегъ,

и онъ возвысился надъ землёю.

18. Вода же усиливалась и весьма умножалась на землѣ; и ковчегъ плавалъ по поверхности водъ.

19. И усилилась вода на землѣ чрезвычайно, такъ что покрылись всѣ высокія горы, какія есть подъ всѣмъ небомъ.

20. На пятнадцать локтей поднялась надъ ними вода, и покрылись всѣ высокія горы.

21. И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по землѣ, и птицы, и скоты, и звѣри, и всѣ гады, ползающіе по землѣ, и всѣ люди.

22, Все, что́ имѣло дыханіе духа жизни въ ноздряхъ своихъ на сушѣ, умерло.

23. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности всей земли; отъ человѣка до скота, и гадовъ, и птицъ небесныхъ, всё истребилось съ земли:

остался только Ной, и что́ было съ нимъ въ ковчегѣ.

24. Вода же усиливалась на землѣ сто пятьдесятъ дней.

ГЛАВА VIII

И вспомнилъ Богъ о Ноѣ, и о всѣхъ звѣряхъ, и о всѣхъ скотахъ, и о

всѣхъ птицахъ, и о всѣхъ гадахъ пресмыкающихся, бывшихъ съ нимъ въ ковчегѣ; и навёлъ Богъ вѣтеръ на землю, и воды остановились.

2. И закрылись источники бездны и окна небесныя, и пересталъ дождь съ неба.

3. Вода же постепенно возвращалась съ земли, и стала убывать вода по окончанiи ста пятидесяти дней.

4. И остановился ковчегъ въ седьмомъ мѣсяцѣ, въ семнадцатый день мѣсяца, на горахъ Араратскихъ.

5. Вода постоянно убывала до десятаго мѣсяца; въ первый день десятаго

мѣсяца показались верхи горъ.

6. По прошествш сорока дней Ной открылъ сдѣланное имъ окно ковчега.

7. И выпустилъ ворона, (чтобы видѣть, убыла ли вода съ земли,) который, вылетѣвъ, отлеталъ и прилеталъ, пока осушилась земля отъ воды.

8. Потомъ выпустилъ отъ себя голубя, чтобы видѣть, сошла ли вода съ лица земли.

9. Но голубь не нашёлъ мѣста покоя для ногъ своихъ, и возвратился къ нему въ ковчегъ; ибо вода была ещё на поверхности всей земли: и онъ простёръ руку свою, и взялъ его, и принялъ къ себѣ въ ковчегъ.

10. И помедлилъ ещё семь дней другихъ; и опять выпустилъ голубя изъ ковчега.

11. Голубь возвратился къ нему въ вечернее время; и вотъ, свѣжій масличный

листъ во рту у него: и Ной узналъ, что вода сошла съ земли.

12. Онъ помедлилъ ещё семь дней другихъ, и опять выпустилъ голубя; и онъ уже не возвратился къ нему.

13. Шесть сотъ перваго года жизни Ноевой къ первому дню перваго мѣсяца изсякла вода на землѣ; и открылъ Ной кровлю ковчега, и посмотрѣлъ, и вотъ, обсохла поверхность земли.

14. И во второмъ мѣсяцѣ, къ двадцать седьмому дню мѣсяца, земля высохла.

15. И сказалъ Господь Богъ Ною:

16. Выйди изъ ковчега ты, жена твоя, и сыновья твои, и жёны сыновъ твоихъ съ тобою.

17. Выведи съ собою всѣхъ животныхъ, которыя съ тобою, отъ всякой плоти, изъ птицъ, и скотовъ, и всѣхъ гадовъ пресмыкающихся по землѣ: пусть разойдутся

они по землѣ, и пусть плодятся и размножаются на землѣ.

18. И вышелъ Ной, и сыновья его, и жена его, и жёны сыновъ его съ нимъ.

19. Всѣ звѣри, и весь скотъ, и всѣ гады, и всѣ птицы, всё движущееся по землѣ, по родамъ своимъ, вышли изъ ковчега.

20. И устроилъ Ной жертвенникъ Господу; и взялъ изъ всякаго скота чистаго, и изъ всѣхъ птицъ чистыхъ, и принёсъ во всесожженіе на жертвенникѣ.

21. И обонялъ Господь пріятное благоуханіе, и сказалъ Господь Богъ въ сердцѣ Своёмъ: не буду больше проклинать землю за человѣка, потому что помышленіе сердца человѣческаго — зло отъ юности его; и не буду больше поражать всего живущаго, какъ Я сдѣлалъ.

22. Впредь во всѣ дни земли сѣяніе и жатва, холодъ и зной, лѣто и зима, день и ночь не прекратятся.

ГЛАВА IX.

И благословилъ Богъ Ноя и сыновъ его, и сказалъ имъ: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею.

2. Да страшатся и да трепещутъ васъ всѣ звѣри земные, (и весь скотъ земный) и всѣ птицы небесныя, всё, что̀ движется на землѣ, и всѣ рыбы морскія: въ ваши руки отданы они.

3. Всё движущееся, что́ живётъ, будетъ вамъ въ пищу; какъ зелень травную даю вамъ всё.

4. Только плоти съ душёю ея, съ кровію ея, не ѣшьте.

5. Я взыщу и вашу кровь, въ которой жизнь ваша, взыщу её отъ всякаго звѣря, взыщу также душу человѣка отъ руки человѣка, отъ руки брата его.

6. Кто прольётъ кровь

человѣческую, того кровь прольётся рукою человѣка: ибо человѣкъ созданъ по образу Божію;

7. Вы же плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по землѣ, и умножайтесь на ней.

8. И сказалъ Богъ Ною и сынамъ его съ нимъ:

9. Вотъ Я поставляю завѣтъ Мой съ вами, и съ потомствомъ послѣ васъ.

10. И со всякою душёю живою, которая съ вами, съ птицами и со

скотами, и со всѣми звѣрями земными, которые у васъ, со всѣми вышедшими изъ ковчега, со всѣми животными земными;

11. Поставляю завѣтъ Мой съ вами, что не будетъ болѣе истреблена всякая плоть водами потока, и не будетъ уже потопа на опустошеніе земли.

12. И сказалъ Господь Богъ: вотъ знаменіе завѣта, который Я поставляю

между Мною, и между вами, и между всякою душёю живою, которая съ вами, въ роды навсегда:

13. Я полагаю радугу Мою въ облакѣ, чтобы она была знаменіемъ (вѣчнаго) завѣта между Мною и между землёю.

14. И будетъ, когда Я наведу облако на землю: то явится радуга Моя въ облакѣ;

15. И Я вспомню завѣтъ Мой, который между Мною и между вами, и между всякою душёю живою во всякой плоти; и не будетъ болѣе вода потопомъ на истребленіе всякой плоти.

16. И будетъ радуга Моя въ облакѣ, и Я увижу её, и, вспомню завѣтъ вѣчный между Богомъ, и между землёю, и между всякою душёю живою во всякой плоти, которая на землѣ.

17. И сказалъ Богъ Ною: вотъ знаменіе завѣта, который Я постановилъ между Мною и между всякою

плотію, которая на землѣ.

18. Сыновья Ноя, вышедшіе изъ ковчега, были: Симъ, Хамъ и Іафетъ. Хамъ же былъ отецъ Ханаана.

19. Сіи трое были сыновья Ноевы, и отъ нихъ населилась вся земля.

20. Ной. началъ воздѣлывать землю, и насадилъ виноградникъ.

21 И выпилъ онъ вина, и опьянѣлъ, и лежалъ обнажённымъ въ шатрѣ своёмъ.

22. И увидѣлъ Хамъ; отецъ Ханаана, наготу отца своего, и вышедши разсказалъ двумъ братьямъ своимъ.

23 Симъ же и Іафетъ взяли одежду и, положивъ её на плеча свои, пошли задомъ, и покрыли наготу отца своего; лица ихъ были обращены назадъ, и они не видали наготы отца своего.

24. Ной проспался отъ вина своего, и узналъ, что̀

сдѣлалъ надъ нимъ меньшій сынъ его;

25. И сказалъ: проклятъ Ханаанъ, рабъ рабовъ будетъ онъ у братьевъ своихъ.

26. Потомъ сказалъ: благословенъ Господь Богъ Симовъ; Ханаанъ же будетъ рабомъ ему.

27. Да распространить Богъ Іафета; и да вселится онъ въ шатрахъ Симовыхъ; Ханаанъ же будетъ рабомъ ему.

28. И жилъ Ной послѣ потопа триста пятьдесятъ лѣтъ.

29. Всѣхъ же дней Ноевыхъ было девять сотъ пятьдесятъ лѣтъ; и онъ умеръ.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ.

ГЛАВА XIII.

Вышедши же въ день тотъ изъ дома, Іисусъ сѣлъ у моря.

2. И собралось къ Нему множество народа, такъ что Онъ вошёлъ въ лодку, и

сѣлъ; а весь народъ стоялъ на берегу.

3. И поучалъ ихъ много притчами, говоря: вотъ вышелъ сѣятель сѣять.

4. И когда онъ сѣялъ, иное упало при дорогѣ; и налетѣли птицы, и поклевали то.

5. Иное упало на мѣста каменнстыя, гдѣ не много было земли; и скоро взошло, потому что земля была не глубока:

6. Когда же взошло солнце, увяло, и, какъ не имѣло корня, засохло;

7 Иное упало въ терніе, и выросло терніе, и заглушило его.

8. Иное упало на добрую землю, и принесло плодъ: одно во сто кратъ, а другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать.

9. Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ!

18. Вы же выслушайте значеніе притчи о сѣятелѣ.

19. Ко всякому, слушающему слова о царствіи и

неразумѣющему, приходитъ лукавый, и похищаетъ посѣянное въ сердцѣ его: вотъ, кого означаетъ посѣянное при дорогѣ.

20. А посѣянное на каменистыхъ мѣстахъ означаетъ того, кто слышитъ слово, и тотчасъ съ радостію принимаетъ его;

21. Но не имѣетъ въ себѣ корня и непостояненъ: когда настанетъ скорбь или гоненіе за слово, тотчасъ соблазняется.

22. А посѣянное въ терніи означаетъ того, кто слышитъ слово, по забота вѣка сего и обольщеніе богатства заглушаетъ слово, и оно бываетъ безплодно

23. Посѣянное же на доброй землѣ означаетъ слышащаго слово и разумѣющаго, который и бываетъ плодоносенъ, такъ что иной приноситъ плодъ во сто кратъ, иной въ шестьдесятъ, а иной въ тридцать.

ГЛАВА XVIII.

Въ то время ученики приступили къ Іисусу, и сказали: кто больше въ царствѣ небесномъ?

2. Іисусъ, призвавъ дитя, поставилъ его посреди ихъ,

3. И сказалъ: истинно говорю вамъ, если не обратитесь, и не будете какъ дѣти, не войдёте въ царство небесное.

4. И такъ, кто умалится, какъ это дитя; тотъ и больше въ царствѣ небесномъ.

5. И кто приметъ одно такое дитя во имя Моё; тотъ Меня принимаетъ;

6. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня; тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жёрновъ на шею, и потопили его во глубинѣ морской.

7. Горе міру отъ соблазновъ; ибо надобно прійти соблазнамъ: но горе тому

человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ.

8. Если же рука твоя, или нога твоя соблазняетъ тебя; отсѣки ихъ, и брось отъ себя лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки, или безъ ноги, нежели съ двумя руками и съ двумя ногам быть ввержену въ огонь вѣчный

9. И если глазъ твой соблазняетъ тебя; вырви его и брось отъ себя: лучше тебѣ съ однимъ глазомъ войти въ жизнь, нежели съ двумя глазами быть ввержену въ геенну огненную.

11. Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ; ибо говорю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго

11. Ибо Сынъ человѣческій пришёлъ взыскать и спасти погибшее

12. Какъ вамъ кажется? Если бы у кого было сто овецъ, и одна изъ нихъ заблудилась; то не оставитъ

ли девяносто девять въ горахъ, и не пойдётъ ли искать заблудившуюся?

13. И если случится найти её; то, истинно говорю вамъ, онъ радуется о ней болѣе, нежели о девяносто девяти незаблудившихся.

14. Такъ нѣть воли Отца вашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ.

15. Если же согрѣшитъ противъ тебя братъ твой; пойди, и обличи его между тобою и имъ однимъ: если послушаетъ тебя; то пріобрѣлъ ты брата своего.

16. Если же не послушаетъ; возьми съ собою ещё одного, или двухъ, дабы устами двухъ, или трёхъ свидѣтелей потвердилось всякое слово.

17. Если же не послушаетъ ихъ; скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ; то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь.

18. Истинно говорю вамъ:

что̀ вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что̀ разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ.

19. Истинно также говорю вамъ, что, если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомь дѣлѣ; то, чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго.

20. Ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Моё: тамъ Я посреди ихъ.

21. Тогда Петръ приступилъ къ Нему, и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣщающему противъ меня? до семи ли разъ?

22. Іисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи, но до седьмижды семидесяти разъ.

ПСАЛОМЪ LXXXIX.

Господи! Ты намъ прибѣжище въ родъ и родъ.

3. Прежде нежели родились горы, и ты образовалъ землю и вселенную, и отъ вѣка и до вѣка Ты — Богъ.

4. Ты возвращаешь человѣка въ тлѣніе, и говоришь: возвратитесь, сыны человѣческіе!

5. Ибо предъ очами Твоими тысяча лѣтъ, какъ день вчерашній, когда онъ прошёлъ, и какъ стража въ ночи.

6. Ты какъ наводненіемъ уносишь ихъ; они, какъ сонъ, — какъ трава, которая утромъ выростаетъ, утромъ цвѣтётъ и зеленѣетъ, вечеромъ подсѣкается и засыхаетъ:

7. Ибо мы исчезаемъ отъ гнѣва Твоего, и отъ ярости Твоей мы въ смятеніи.

8. Ты положилъ беззаконія наши предъ Тобою, и

тайное наше, предъ свѣтомъ лица Твоего.

9. Всѣ дни наши прошли во гнѣвѣ Твоёмъ; мы теряемъ лѣта наши, какъ звукъ

10. Дней лѣтъ нашихъ семьдесять лѣтъ, а при большей крѣпости — восемьдесятъ лѣтъ; и самая лучшая пора ихъ — трудъ и болѣзнь, ибо проходятъ быстро, и мы летимъ.

11. Кто знаетъ силу гнѣва Твоего, и ярость Твою по мѣрѣ страха твоего?

12. Научи насъ такъ счислять дни наши, чтобы намъ пріобрѣсть сердце мудрое.

13. Обратись, Господи! Доколѣ? Умилосердись надъ рабами Твоими.

14. Рано насыти насъ милостію Твоею, и мы будемъ радоваться и веселиться во всѣ дни наши.

15. Возвесели насъ за дни, въ которые Ты поражалъ

насъ, за лѣта, въ которыя мы видѣли бѣдствіе.

16. Да явится на рабахъ Твоихъ дѣло Твоё, и на сынахъ ихъ — слава Твоя,

17 И да будетъ благоволеніе Господа Бога нашего на насъ, и въ дѣлѣ рукъ вашихъ споспѣшествуй намъ, въ дѣлѣ рукъ нашихъ споспѣшествуй

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СЧЕТЪ.

УМНОЖЕНІЕ И ДѢЛЕНІЕ.

Если считать такъ: 5 + 3 = 8; это — сложеніе. Если считать такъ: 8 — 5 = 3; это — вычитаніе. Если считать такъ: пять троекъ сколько будетъ? — пятнадцать (3 х 5 = 15); это — умноженіе. Если считать такъ: три пяткà сколько будетъ? — пятнадцать (5 × 3 = 15); это тоже

— умноженіе.

Если считать такъ: въ пятнадцати сколько будетъ троекъ? — пять (15 : 3 = 5); это — дѣленіе. Если считать такъ: въ пятнадцати чего будетъ три? — три пятка; это тоже — дѣленіе.

Умноженіе.

Три раза два (три пары) сколько будетъ?

2 × 3 = 6

Два раза три (двѣ тройки) сколько будетъ?

3 × 2 = 6

Восемь разъ пять (восемь пятковъ)?

5 × 8 = 40

Пять разъ восемь (пять восьмериковъ)?

8 × 5 = 40

Семь разъ двѣнадцать (семь дюжинъ)?

12 × 7 = 84

Двѣнадцать разъ семь (двѣнадцать семериковъ)?

7 × 12 = 84.

Шесть разъ пятьдесятъ (шесть полусотенъ)?

50 × 6 = 300.

Пятьдесятъ разъ шесть (пятьдесятъ шестериковъ)?

6 × 50 = 300.

Три раза сорокъ (три сорока) сколько будетъ?

40 × 3 = 120

Сорокъ разъ три (сорокъ троекъ)?

3 × 40 = 120

Дѣленіе.

Въ шести сколько разъ два?

(Въ шести сколько паръ?)

Въ шести по скольку будетъ два раза?

(Въ шести чего будетъ два?)

6 : 2 = 3

Въ сорока сколько разъ будетъ восемь?

(Въ сорока сколько восьмериковъ?)

Въ сорока по скольку будетъ восемь разъ?

(Въ сорока чего будетъ восемь?)

40 : 8 = 5

Въ восьмидесяти четырёхъ сколько разъ будетъ двѣнадцать?

(Въ восьмидесяти четырёхъ сколько дюжинъ?)

Въ восьмидесяти четырёхъ по скольку будетъ двѣнадцать разъ?

(Въ восьмидесяти четырёхъ чего будетъ двѣнадцать?)

84 : 12 = 7.

Въ трехъ стахъ сколько разъ будетъ пятьдесятъ?

(Въ трехъ стахъ сколько полусотенъ?)

Въ трехъ стахъ по скольку будетъ пятьдесятъ разъ?

(Въ трехъ стахъ чего будетъ пятьдесятъ?)

300 : 50 = 6

Въ ста двадцати сколько разъ будетъ сорокъ?

(Въ ста двадцати сколько будетъ сороковъ)?

Въ ста двадцати по скольку будетъ сорокъ разъ?

(Въ ста двадцати чего будетъ сорокъ?)

120 : 40 = 3

Умноженіе.

4 × 8. Значитъ узнать: восемь четвериковъ (восемь разъ четыре) — сколько будетъ? Или узнать: четыре восьмерика (четыре раза по восьми) — сколько будетъ?

Чтобы узнать, надо 4 сложить 8 разъ, или 8 сложить 4 раза.

4 сложить 8 разъ:

1-й разъ 4 = 4.

2-й разъ 4 + 4 = 8.

3-й разъ 4 + 8 = 12.

4-й разъ 4 + 12 = 16.

5-й разъ 4 + 16 = 20.

6-й разъ 4 + 20 = 24.

7-й разъ 4 + 24 = 28.

8-й разъ 4 + 28 = 32.

8-мь разъ 4 = 32.

4 × 8 = 32.

8 сложить 4 раза:

1-й разъ 8 = 8.

2-й разъ 8 + 8 = 16.

3-й разъ 8 + 16 = 24.

4-й разъ 8 + 24 = 32.

_____

4-ре раза 8 = 32.

8 × 4 = 32.

Помножить: 7 × 5, 9 × 2, 6 × 7, 5 × 4, 7 × 8, 6 × 5, 7 × 6, 3 × 9, 4 × 5, 8 × 7, 5 × 6.

Дѣленіе.

32 : 4. Значитъ — узнать: въ 32-хъ сколько будетъ четвериковъ? (сколько разъ по четыре?). Или узнать: въ 32-хъ чего будетъ четыре? (четыре раза по скольку?).

Чтобы узнать сколько будетъ четвериковъ въ 32-хъ, надо изъ 32-хъ вычитать по одному четверику, и счесть, сколько разъ вычтется.

1-й разъ 32 — 4 = 28.

2-й разъ 28 — 4 = 24.

3-й разъ 24 — 4 = 20.

4-й разъ 20 — 4 = 16.

5-й разъ 16 — 4 = 12.

6-й разъ 12 — 4 = 8.

7-й разъ 8 — 4 = 4.

8-й разъ 4 — 4 = 0.

8-мь разъ изъ 32-хъ вычесть 4 — ничего не останется. Стало быть изъ 32-хъ 4 вычтется ровно 8 разъ.

32 : 4 = 8.

Чтобы узнать въ 32-хъ по скольку будетъ 4 раза, надо раздѣлить 32 на 4 равныя части. Сколько будетъ въ каждой части, по стольку и будетъ 4 раза въ 32-хъ.

Изъ 32-хъ разложи на 8 частей по 1 (1 х 8 = 8), вычти 8, останется:

32

8

——

24

Изъ 24-хъ разложи на 8 частей по 1 (1 × 8 = 8), вычти 8, останется:

24

8

——

16

Изъ 16-ти разложи на 8 частей по 1 (1 × 8 = 7), вычти 8, останется:

16

8

——

8

Изъ 8-ми разложи на 8 частей по 1 (1 × 8 = 8), вычти 8, останется:

8

8

—

0

32 разложится на 8 частей по 4 (4 × 8 = 32). и ничего не останется.

Стало быть въ 32-хъ будетъ 4 раза по восьми. 32 : 8 = 4

Раздѣлить: 42 : 7, 20 : 4, 56 : 8, 35 : 7, 27 : 9, 42 : 6, 20 : 5, 56 : 7, 30 : 5.

Умноженіе.

2 × 50. Значить 2 сложить 50 разъ, или 50 сложить 2 раза, — будетъ 100.

3 × 80. Сложить 80 разъ 3, или 3 раза 80.

500 × 4. 138 × 2. 574 × 5. 898 × 6. 517 × 4.

Какъ скорѣе, такъ и дѣлай.

Дѣленіе.

100 : 2. Значитъ изъ 100 вычитать по 2 до тѣхъ

поръ, пока ничего не останется. Или узнать, чего будетъ

2 въ 100-тѣ?

(Въ 100-тѣ 2 раза будетъ по скольку?)

Будетъ двѣ полусотни.

90 : 3. Вычитать по 3, или найти, чего будетъ 3 въ 90?

(Въ 90-тѣ 3 раза будетъ по скольку?)

2000 : 4. 800 : 2 500 : 5. 276 : 2. 936 : 3. 1000 : 4.

Какъ скорѣе, такъ и дѣлай.

Умноженіе.

9 × 8 Надо 9 сложить 8 разъ.

1-й разъ 9 = 9.

2-й разъ 9 + 9 = 18.

3-й разъ 9 + 18 = 27

4-й разъ 9 + 27 = 36.

5-й разъ 9 + 36 = 45.

6-й разъ 9 + 45 = 54.

7-й разъ 9 + 54 = 63.

8-й разъ 9 + 63 = 72.

_____

8-мь разъ 9 = 72. 9 × 8 = 72.

Вмѣсто того, чтобы складывать по одному разу 9,

можно складывать по два и по четыре раза вмѣстѣ.

Вотъ такъ:

2 раза 9 = 18.

2 раза 9 = 18.

_____

4 раза 9 = 36

____

4 раза 9 = 36

4 раза 9 = 36

_____

8 разъ 9 = 72.

Если сложить 8 девять разъ, то выйдетъ то же самое.

Помножить:

22 × 2, 10 × 8, 45 × 4, 33 × 8, 71 × 4.

Дѣленіе.

72:9 Надо 9 вычитать изъ 72-хъ, и счесть, сколько разъ вычтется; или

узнать, чего будетъ 9 въ 72-хъ? (Въ 72-хъ 9 разъ будетъ по скольку?)

Вычитай 9 изъ 72-хъ.

1-й разъ 72 — 9 = 63.

2-й разъ 63 — 9 = 54.

3-й разъ 54 — 9 = 45.

4-й разъ 45 — 9 = 36.

5-й разъ 36 — 9 = 27.

6-й разъ 27 — 9 = 18.

7-й разъ 18 — 9 = 9.

8-й разъ 9 — 9 = 0.

_____

8-мь разъ изъ 72 вычесть 9 — ничего не останется.

Раздѣлить 72 : 9

Узнать, чего будетъ 9 въ 72-хъ. (въ 72-хъ 9 разъ по скольку?).

Разложи 72 на 9 равныхъ частей.

Вместо того, чтобы раскладывать по одной, раскладывай по двѣ и по четыре.

Изъ 72-хъ разложи на 9 частей по 2 (2 × 9 = 18), вычти 18, останется:

72

18

__

54

Изъ 54-хъ разложи на 9 частей по 2 (2 × 9 = 18), вычти 18, останется:

54

18

——

36

Изъ 36 разложи на 9 частей но 4 (4 × 9 = 36), вычти 36, останется:

36

36

——

0

72 разложится на 9 частей по 8 (8 × 9 = 72), и ничего не останется.

Стало быть въ 72-хъ будетъ 8 разъ по 9 72 : 8 = 9.

Разделить: 60:15, 44:11, 80:10, 180:45, 284:71, 3692:71

Умноженіе.

17 × 9. Надо 17 сложить 9 разъ или 9 сложить 17 разъ. 17 сложить 9 разъ:

17 + 17 = 34 =17 × 2 = 34.

2 раза 17 = 34.

2 раза 17 = 34.

————————

4 раза 17 = 68.

  ————

4 раза 17 = 68.

4 раза 17 = 68.

_____

8 разъ 17 =136.

    ____

8 разъ 17 =136.

1 разъ 17 = 17.

_____

9 разъ 17 =153.

Если сложить 9-ть 17 разъ, то будетъ тоже самое.

____

26 × 11.

26 + 26 = 52

 2 раза 26 = 52.

 2 раза 26 = 52.

_____

 4 раза 26 =104.

     ____

 4 раза 26 =104.

 4 раза 26 =104.

_____

 8 разъ 26 =208.

     ____

 8 разъ 26 =208.

 2 раза 26 = 52.

_____

10 разъ 26 =260.

     ____

10 разъ 26 =260.

1 разъ 26 = 26.

———————————

11 разъ 26 =286. 26 × 11 = 286.

26 разъ 11 будетъ тоже самое.

35 × 12.

1 разъ 35 = 35.

1 разъ 35 = 35.

———————————

2 раза 35 = 70.

2 раза 35 = 70.

———————————

4 раза 35 =140.

4 раза 35 =140.

———————————

8 разъ 35 =280.

4 раза 35 =140.

———————————

12 разъ 35 =420.

35 × 12 = 420.

35 сложить 12 разъ, будетъ то же самое

14 × 7.

1 разъ 14 = 14.

1 разъ 14 = 14.

———————————

2 раза 14 = 28.

2 раза 14 = 28.

———————————

4 раза 14 = 56.

2 раза 14 = 28.

1 разъ 14 = 14.

———————————

7 разъ 14 = 98.

Можно сдѣлать еще такъ:

1 разъ 14 = 14.

1 разъ 14 = 14.

———————————

2 раза 14 = 28.

2 раза 14 = 28.

———————————

4 раза 14 = 56.

4 раза 14 = 56.

———————————

8 разъ 14 =112; вычесть 1 разъ 14,

1 разъ 14 = 14.

———————————

7 разъ 14 = 98. 14 × 7 = 98.

36 × 15.

1 разъ 36 = 36.

1 разъ 36 = 36.

———————————

2 раза 36 = 72.

2 раза 36 = 72.

———————————

4 раза 36 =144.

4 раза 36 =144.

———————————

8 разъ 36 =288.

4 раза 36 =144.

2 раза 36 = 72.

1 разъ 36 = 36.

———————————

15 разъ 36 =540.

Можно сдѣлать еще такъ

1 разъ 36 = 36.

1 разъ 36 = 36.

———————————

2 раза 36 = 72.

2 раза 36 = 72.

———————————

4 раза 36 =144.

4 раза 36 =144.

———————————

8 разъ 36 =288.

8 разъ 36 =288.

———————————

16 разъ 36 =576.

———

16 разъ 36 =576. Вычесть 1 разъ 36

1 разъ 36 = 36.

———————————

15 разъ 36 =540.

36 × 15 = 540

Помножить: 48 × 7, 56 × 9, 73 × 15, 183 × 3, 35 × 31.

Дѣленіе.

153 : 9 Надо 9 вычитать изъ 153-хъ и считать сколько разъ вычтется, или узнать, въ 153-хъ 9 разъ будетъ по скольку?

Разложи 153 на 9 равныхъ частей

Изъ 153-хъ разложи на 9 частей по 2 (2 × 9 = 18), вычти 18, останется

153

18

———

135

Изъ 135-ти разложи на 9 частей по 2 (2 × 9= 18), вычти 18, останется

135

18

———

117

Изъ 117-ти разложи на 9 частей по 4 (4 × 9 = 36), вычти 36, останется

117

36

———

81

Изъ 81-го разложи на 9 частей по 8 (8 × 9 = 72), вычти 72, останется

81

72

——

9

Изъ 9-ти разложи на 9 частей по 1 (1 × 9 = 9), вычти 9, останется

9

9

——

0

153 разложится на 9 частей по 17 (9 × 17 = 153), и ничего не останется.

Стало быть въ 153-хъ 9 разъ будетъ по 17 153 : 9=17

286 : 26 Вычитать 26 изъ 286 и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 286-ти 26 разъ будетъ но скольку?

Изъ 286-ти разложи на 26 частей по 2 (2 × 26 = 52), вычти 52,

останется:

286

52

—

234

Изъ 234-хъ разложи на 26 частей по 2 (2 × 26 = 52), вычти 52, останется:

234

52

—

182

Изъ 182-хъ разложи на 26 частей по 4 (4 × 26 = 104), вычти 104, останется:

182

104

—

78

Изъ 78-ми разложи на 26 частей по 2 (2 × 26 = 52), вычти 52, останется:

78

52

—

26

Изъ 26-ти разложи на 26 частей по 1 (1 × 26 = 26), вычти 26, останется:

26

26

——

00

286-ть разложится па 26 частей по 11 (11 × 26 = 286), и ничего не останется.

Стало быть въ 286-ти 26 разъ будетъ по 11-ти. 286 : 26 =11.

420 : 35. Вычитать 35 изъ 420, и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать 420-ти 35 разъ будетъ по скольку?

Изь 420 ти разложи на 35 частей по 2 (2 × 35 = 70), вычти 70, останется:

420

70

———

350

Изъ 350-ти разложи на 35 частей по 2 (2 × 35=70), вычти 70, останется:

350

70

———

280

Изъ 280-ти разложи на 35 частей по 4 (4 × 35 = 140), вычти 140, останется:

280

140

———

140

Изъ 140-ка разложи на 35 частей но 4 (4 × 35 = 140), вычти 140, останется:

140

140

———

000

240 разложится на 35 частей по 12 (12 × 35 = 420), и ничего не останется.

Стало быть въ 420 ти 35 разъ будетъ по 12-ти. 430 : 35 =12.

98 : 14. Вычитать 14 изъ 98-ми и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, чего будетъ 14 в 98-ми,

Изъ 98-ми разложи на 14 частей по 2 (2 × 14 = 28), вычти 28, останется:

98

28

——

70

Изъ 70-ти разложи на 14 частей по 2 (2 × 14 = 28), вычти 28, останется:

70

28

——

42

Изъ 42-хъ разложи на 14 частей по 2 (2 × 14 = 28), вычти 28, останется:

42

28

——

14

Изъ 14-ти разложи на 14 частей по 1 (1 × 14 –14), вычти 14, останется:

14

14

——

00

98 разложится на 14 частей по 7 (7 × 14 = 98), и ничего не останется.

Стало быть въ 98-ми 14 семериковъ. 98 : 14 = 7.

Раздѣлить 54:9, 198:22, 2352:112, 5292:756, 5796:9, 38142:3

————

Помножить:

3×48 Сорокъ восемь надо сложить три раза. Вмѣсто того, чтобы складывать 48 и 48, складывай десятки особенно и простыя особенно, такъ три раза 4 десятка будетъ 12 десятковъ – 120. Три раза 8 будетъ 24. Сложи вмѣстѣ 120 + 24 = 144

3 × 40 =120

3 × 8 = 24

——————————

3 × 48 =144

Помножить: 63 × 5; 74 × 8; 36 × 4;

24 × 3; 5 × 49; 83 × 6

— 156 —

Раздѣлить:

144 : 3. Надо 3 вычитать изъ 144-хъ и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 144-хъ будетъ три раза по скольку?

Чтобы узнать, въ 144-хъ по скольку будетъ три раза, надо разделить 144 на 3 части. Вмѣсто того, чтобы откладывать на каждую часть по одной и вдвое, можно откладывать сразу на часть по десятку и вдвое, пока выйдутъ всѣ десятки, а потомъ откладывать простыя, сколько останется.

Изъ 144-хъ разложи на 3 части по 10 (3 × 10 = 30), вычти 30, останется:

144

30

———

114

Изъ 114-ти разложи на 3 части по 10 (3 × 10 = 30), вычти 30, останется:

30

——

84

Изъ 84-хъ разложи на 3 части по 20 (3 × 20 = 60), вычти 60, останется:

60

——

24

— 157 —

Изъ 24 разложи на 3 части по 1 (1 × 3 = 3). Изъ 24 вычесть 3, останется:

24

3

__

21

Изъ 21 разложи на 3 части по 2 (2 × 3 = 6). Изъ 21 вычесть 6, останется:

6

__

15

Изъ 15 разложи на 3 части по 3 (3 × 3 = 9). Изъ 15 вычесть 9, останется:

9

__

6

Изъ 6 разложи на 3 части по 2 (2 × 3 = 6). Изъ 6 вычесть 6, останется:

_____

6

__

0

Изъ 144 разложи на 3 части по 40 (40 × 3 = 120). Изъ 144 вычесть 120, останется:

144

120

___

24

Изъ 24 разложи на 3 части по 8 (8 × 3 = 24). Изъ 24 вычесть 24, останется:

24

——

00

143 разложится на 3 части но 48 (3 × 48 = 144), и ничего не останется.

Въ 144 стало быть 3 раза будетъ по 48. 144 : 3 = 48.

Раздѣлить:

153 : 9.

284 : 4.

378 : 7.

180 : 6.

452 : 2.

100 : 5.

285 : 5.

177 : 3.

Помножить:

37×45. Надо помножить 30 на 40 и на 5, да 7 на 40 и на 5, и всё сложить.

30×40. Тридцать разъ четыре десятка будетъ 120 десятковъ

1200

30×5. Тридцать разъ пять будетъ

150

7×40. Семь разъ четыре десятка будетъ

280

7×5. Семь разъ пять будетъ

35

Сложить: 1665.

Помножить:

49 × 72.

85 × 16.

38 × 95.

49 × 25.

51 × 65.

Раздѣлить 1665 : 37

Изъ 1665 разложи на 37 ч. по 10 (10 × 37 = 370). Изъ 1665 вычти 370, остан.

1665

370

————

1295

Изъ 1295 разложи иа 37 ч. по 10 (10 × 37 = 370). Изъ 1295 вычти 370, остан.

370

———

925

Изъ 925 разложи на 37 ч. по 20 (20 × 37 = 740). Изъ 925 вычти 740, остан.

740

———

185

Изъ 185 разложи на 37 ч. по 2 (2 × 37 = 74). Изъ 185 вычти 74, остан.

74

———

111

Изъ 111 разложи на 37 ч. по 2 (2 × 37 = 74). Изъ 111 вычти 74, остан.

74

——

37

Изъ 37 разложи на 37 ч. по 1 (1 × 37 = 37). Изъ 37 вычти 37, остан.

37

——

00

Изъ 1665 разложи на 37 ч. по 40 (40 × 37 = 1480). Изъ 1665 вычти 1480, ост.

1665

1480

————

185

Изъ 185 разложи на 37 частей по 5 (5 × 37 = 185). Изъ 185 вычти 185, остан.

185

———

000

1665 разложится на 37 частей по 45 (45 × 37 = 1665), и ничего не останется.

Раздѣлить.

3528:72. 3528:49. 1360:16. 1360:85. 3315:51. 3315:65.

Помножить 352×674.

Надо помножить 300 на 600, на 70 и на 4; 50 помножить на 600, на 70 и на 4; 2 помножить на 600, на 70 и на 4.

300×600. Триста разъ шесть простыхъ. будетъ тысяча восемьсотъ простыхъ; триста разъ шестьсотъ будетъ тысяча восемьсотъ сотенъ . . .

180000

300×70. Триста разъ семь простыхъ будетъ двѣ тысячи сто простыхъ; триста разъ семь десятковъ будетъ двѣ тысячи сто десятковъ. . .

21000

300×4. Триста разъ четыре будетъ . . .

1200

50×600. Пятьдесятъ разъ шесть будетъ триста; пятьдесятъ разъ шестьсотъ будетъ триста сотенъ. . .

30000

50×70. Пятьдесятъ разъ семь будетъ триста пятьдесятъ; пятьдесятъ разъ семь десятковъ будетъ триста пятьдесятъ десятковъ. . .

3500

50×4. Пятьдесятъ разъ четыре будетъ . . .

200

2×600. Два раза шестьсотъ будетъ двѣнадцать сотъ . . .

1200

2×70. Два раза семь десятковъ будетъ четырнадцать десятковъ . . .

140

2×4 Два раза четыре . . .

8

Сложить, выйдетъ . . .

237248

Помножить:

165 × 382. 595 × 435. 898 × 111. 205 × 178.

Раздѣлить: 237248 : 674.

Въ 237248-ми 674 раза по скольку?

Вмѣсто того, чтобы класть по 10-ти на часть, можно раскладывать по 100, по 1000 и больше.

Въ 237248 много ли десятковъ? 23724. Можно класть десятками.

Въ 237248 много ли сотенъ? 2372. Можно класть сотнями.

Въ 237248 много ли тысячь? 237. По тысячѣ нельзя положить; потому что, если положить по 1000 на 674 части, то всѣхъ выйдетъ 674000. А 674000 больше, чѣмъ 237248. Стало быть надо класть сперва сотнями, потомъ десятками, а потомъ простыми.

_____

Изъ 237248 разложи на 674 части по 100, (100 × 674 = 67400); изъ 237248 вычти 67400, останется

237248

67400

_____

169848

Изъ 169848 разложи на 674 части по 100 (100 × 674 = 67400); изъ 169848 вычти 67400, останется

67400

_____

102448

Изъ 102448 разложи на 674 части по 100, (100 × 674 = 67400); изъ 102448 вычти 67400, останется

102448

67400

_____

35048

Изъ 35048 разложи на 674 части по 10, (10 × 674 = 6740); изъ 35048 вычти 6740, останется

67400

_____

28308

Изъ 28308 разложи на 674 части по 10, (10 × 674 = 6740); изъ 28308 вычти 6740, останется

67400

_____

21568

Изъ 21568 разложи на 674 части по 20, (20 × 674 = 13480); изъ 21568 вычти 13480, останется

13480

_____

8088

Изъ 8088 разложи на 674 части по 10, (10 × 674 = 6740); изъ 8088 вычти 6740, останется

6740

_____

1348

Изъ 1348 разложи на 674 части по 1, (1 × 674 = 674); изъ 1348 вычти 674, останется

674

———

674

Изъ 674 разложи на 674 части по 1, (1 × 674 = 674); изъ 674 вычти 674, останется

674

———

000

Изъ 237248 разложи на 674 части по 300, (300 × 674 = 202200); изъ 237248 вычти 202200, останется

237248

202200

———

35048

Изъ 35048 разложи на 674 части по 50 (50 × 674 = 33700); изъ 35048 вычти 33700, останется

35048

33700

———

1348

Изъ 1348 разложи на 674 части по 2 (2 × 674 = 1358); изъ 1348 вычти 1348, останется

1348

1348

———

0000

237248 разложится на 674 части по 352 (352 × 674 = 237248), и ничего не останется.

Стало быть въ 237248-ми 674 раза по 352. 237258 : 674 = 352.

Раздѣлить 468750 : 5. Въ 468750-ти 5 разъ по скольку? Десятковъ будетъ 46875; сотенъ будетъ 4687; тысячъ 468; десятковъ тысячъ 46. Сотенъ тысячъ 4. Сотнями тыеичъ нельзя класть; по 100000 на 5 частей вышло бы 500000, — лишнее. Стало быть надо класть десятками тысячъ.

Изъ 468750 разложи на 5 частей по 10000 (5 × 10000 = 50000); изъ 468750 вычти 50000, останется.

468750

50000

_____

418750

Изъ 418750 разл. на 5 ч. по 10000 (5 × 10000 = 50000); вычти, остан.

50000

_____

368750

Изъ 368750 разл. па 5 ч. по 20000 (5 × 20000 = 100000); вычти, остан.

100000

_____

268750

Изъ 268750 разл. на 5 ч. по 20000 (5 × 20000 = 100000); вычти, остан.

100000

_____

168750

Изъ 168750 разл. на 5 ч. по 20000 (5 × 20000 = 100000); вычти, остан.

100000

_____

68750

Изъ 68750 разл на 5 ч. по 10000 (5 × 10000 = 50000); вычти, остан.

50000

_____

18750

Изъ 18750 разложи да 5 ч. по 1000 (5 × 1000 = 5000); вычти, остан.

5000

_____

13750

Изъ 13750 разложи на 5 ч. по 2000 (5 × 2000 = 10000); вычти; остан.

13750

10000

_____

3750

Изъ 3750 разложи на 5 частей по 100 (5 × 100 = 500); вычти, остан.

500

_____

3250

Изъ 3250 разложи на 5 частей по 200 (5 × 200 = 1000); вычти, остан.

1000

_____

2250

Изъ 2250 разложи на 5 частей по 200 (5 × 200 = 1000); вычти, останется

1000

_____

1250

Изъ 1250 разложи на 5 частей по 200 (5 × 200 = 1000); вычти, останется

1000

_____

250

Изъ 250 разложи на 5 частей по 20 (5 × 20 = 100); вычти, останется

100

_____

150

Изъ 150 разложи на 5 частей по 20 (5 × 20 = 100); вычти, останется

100

——————

50

Изъ 50 разложи на 5 частей по 10 (5 × 10= 50); вычти, останется

50

——————

00

468750 разложится на 5 частей по 93750, и ничего не останется.

Стало быть въ 468750-ти 5 разъ по 93750. 468750 : 5 = 93750.

— 166 —

Раздѣлить:

809712 : 815.

68950 : 45.

56709 : 23.

608121 : 9.

308924 : 826.

308924 : 374.

578034564 : 3.

Умножить:

48 × 37.

Можно множить сначала десятки, а потомъ простыя:

40 на 30 и на 7, и

8 на 30 и на 7.

40 × 30 = 1200

40 × 7 = 280

8 × 30 = 240

8 × 7 = 56

_____

1776.

А можно множить сначала простыя, а потомъ десятки:

  7 на 8 и на 40, и

30 на 8 и на 40.

7 × 8 = 56

7 × 40 = 280

30 × 8 = 240

30 × 40 = 1200

_____

1776.

Чтобы дѣлать скорѣе умноженіе, надо сначала множить простыя, а потомъ десятки, и писать такъ:

48

37

___

Семь разъ восемь — пять десятковъ и шесть простыхъ.

Пиши подъ простыми 6, и помни, что къ десяткамъ надо приложить 5,0.

48

37

___

6

Семь разъ четыре десятка — двѣ сотни и восемь десятковъ, и еще пять десятковъ, — вышло: три сотни, три десятка.

48

37

———

336

Тридцать разъ восемь — двѣ сотни, четыре десятка и ни одной простой. Пиши подъ простыми 0, подъ десятками четыре, и помни, что къ сотнямъ надо приложить 2,00

48

37

———

336

40

Тридцать разъ сорокъ — одна тысяча и двѣ сотни. Приложи двѣ сотни. Пиши: одна тысяча и четыре сотни.

48

37

———

336

1440

Сложи все вмѣстѣ:

48

37

336

1440

————

1776

687 × 325 =

687

325

———

3435

13740

206100

—————

223275

715 × 201 =

715

201

———

715

143000

—————

143715

702 × 204 =

702

204

———

2808

140400

—————

143208

Помножить.

735 × 48. 561 × 798. 615 × 105. 281 × 107.

Раздѣлить:

1680 : 35.

Чтобы дѣлать скорѣе дѣленіе, надо раскладывать не по одному десятку, а сразу столько десятковъ, сколько выйдетъ; потомъ вычесть десятки изъ десятковъ и раскладывать не по одной простой, а сразу столько, сколько выйдетъ, и писать такъ:

Изъ ста шестидесяти восьми десятковъ разложи на 35 частей по 4 десятка. Пиши 40 подъ чертой:

Помножить тридцать пять на четыре десятка — выйдетъ 1400. Подпиши 1400 подъ 1680.

Вычти 1400 изъ 1680, и подпиши что останется:

Изъ 280-ти разложи на 35 частей по восьми простыхъ. Пиши 8 подъ 40.

Помножь 35 на 8, — выйдетъ 280. Подпиши 280 подъ 280.

Вычти 280 изъ 280, и подпиши, что останется. Сложи 40 и 8, будетъ 48.

Разложи по 10 на 75 частей.

Помножить 10 на 75, выйдетъ 750.

Вычти 750 изъ 837, останется 87.

Разложи по 1 на 75 частей

Помножь 1 на 75, выйдетъ 75.

Вычти 75 изъ 87, останется 12.

Сложи 10 и 1, выйдетъ 11, и осталось 12.

837 : 75 = 11. Осталось 12.

817263 : 839 = 974. Осталось 77.

Раздѣлить:

5101 : 25. 382 : 16. 641 : 52. 21078 : 516.

Задачи.

I.

1) Купецъ купилъ лѣсъ за 3700 рублей. Срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, и вышло 531 сажень дровъ.

Купецъ продалъ дрова по 8 рублей за сажень. Получилъ ли купецъ барышъ, или убытокъ, и сколько барыша или убытка?

Сколько купецъ выручилъ за всѣ 531 сажень дровъ по 8 рублей?

531 × 8 = 4248.

А сколько онъ заплатилъ? — 3700.

Что больше, 3700, или 4248? — 4248.

На сколько больше?

4248 — 3700 = 548. На 548 рублей.

———

2) Купецъ купилъ лѣсъ за 8650 рублей. Онъ срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, и вышло 796 саженъ дровъ.

Купецъ продалъ дрова всѣ по одной цѣнѣ, получилъ на лѣсѣ барыша 106 рублей.

По чёмъ купецъ продавалъ дрова за каждую сажень?

Купецъ выручилъ за дрова свои деньги 8650, да ещё 106 рублей. Стало быть всѣхъ 8756 рублей. 8756 рублей онъ получилъ за 796 саженъ. По чёмъ продавалъ за сажень? 8756:796.

———

3) Купецъ купилъ лѣсъ, заплатилъ 10000, срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, продавалъ дрова по 11 рублей за сажень и получилъ барыша 1000 рублей.

Сколько было саженъ дровъ? Купецъ выручилъ всѣхъ 11000 за дрова по 11 рублей за сажень. Сколько было саженъ? 11000 : 11 = 1000.

3) Купецъ купилъ лѣсъ. Срѣзалъ весь въ дрова. Вышло 693 сажени дровъ. Продавалъ дрова по 17 рублей и получилъ убытку 86 рублей. За сколько онъ купилъ лѣсъ?

За дрова купецъ выручилъ 693 × 17 = 11781.

А заплатилъ купецъ за лѣсъ 86-ю рублями больше. Стало быть онъ заплатилъ 11781 + 86=11867 рублей.

ЗАДАЧИ

II.

1) На два человѣка на три дни давали 18 фунтовъ хлѣба. Прибавилось два человѣка. На 5 человѣкъ на 6 дней много ли нужно хлѣба?

18 фунтовъ давали на двухъ на три дня. На одного человѣка на три дня много ли? 18:2=9.

Девять фунтовъ давали на одного человѣка на три дня. На день сколько? 9 : 3 = 3. Три фунта на день на человѣка.

На 5 человѣкъ на 6 дней много ли нужно? На каждаго человѣка на день 3 фунта; на 6 дней, 3 × 6 = 18 фунтовъ на человѣка. На 5 человѣкъ на

каждаго по 18 фунтовъ, 5 × 18 = 90, девяносто фунтовъ. Изъ сорока фунтовъ выходить пудъ, — много ли пудовъ? 90 : 40 = 2 пуда и 10 фунтовъ.

2) На 62 человѣка выдавали по 43 пуда и по 16 фунтовъ хлѣба. Прибавилось ещё 15 человѣкь; сколько на всѣхъ нужно хлѣба на годъ?

На 62 человѣка въ недѣлю выходило по 43 пуда и 16 фунтовъ. (Сколько фунтовъ въ 43-хъ пудахъ 16 фунтахъ? 43 × 40 = 1720. Приложи 16. Выйдетъ 1736 фунтовъ). На одинъ день на 62 человѣка много да нужно хлѣба?

(Въ недѣлѣ 7 дней). 1736 : 7 = 248.

На одного человѣка на одинъ день много ли нужно хлѣба? 248 : 62 = 4.

Прибавилось 15 человѣкъ къ 62-мъ. Всѣхъ стало: 15 + 62 = 77.

Много ли на день нужно хлѣба 77 человѣкамъ? 77 × 4 = 308.

77 человѣкамъ на день нужно 308 фунтовъ. Много ли нужно въ годъ? (Въ году 365 дней)

308 × 356 = 109648 фунтовъ. Много ли тутъ пудовъ? 109648 : 40 = 2741 пудъ и 8 фунтовъ.

ЗАДАЧИ

III.

1) Пять братьевъ раздѣлили послѣ отца наслѣдство поровну. Въ наслѣдствѣ было три дома. Три дома нельзя было дѣлить, ихъ взяли старшіе три брата. А меньшимъ за то выдѣлили деньги. Каждый изъ старшихъ заплатилъ по 800 рублей меньшимъ.

Меньшіе раздѣлили эти деньги между собою и тогда у всѣхъ 5 братьевъ стало поровну. Много ли стоили дома?

Три старшіе брата дали двумъ меньшимъ три раза по восьмисотъ 3 × 800 = 2400. Меньшіе раздѣлили 2400 на 2 части 2400 : 2 = 1200, и у всѣхъ стало по ровну, по 1200.

Стало быть дома стоили по 2000 рублей. А всего наслѣдства было на 6000 въ домахъ.

2) Мужикъ вышелъ пѣшкомъ изъ Тулы въ Москву въ 5 часовъ утра. Въ 12 часовъ выѣхалъ баринъ изъ Тулы въ Москву. Мужикъ идётъ 5 вёрстъ въ каждый

часъ, а баринъ ѣдетъ 11 вёрстъ въ каждый часъ. На какой верстѣ баринъ догонитъ мужика?

До тѣхъ поръ, пока баринъ выѣхалъ изъ Тулы, сколько мужикъ ушёлъ? Когда баринъ выѣхалъ и мужикъ шёлъ Сколько барінъ въ часъ навёрстывалъ на мужикѣ? На сколько онъ приближался къ мужику въ каждый часъ?

Въ сколько жъ часовъ баринъ нагонитъ мужика?

Когда узнаешь въ сколько часовъ нагонитъ, тогда сочти, сколько часовъ ѣхалъ баринъ по 11 вёрстъ въ часъ.

ЗАДАЧИ

IV

1) Одинъ мужикъ нанялъ 70 десятинъ земли, заплатилъ по 8 рублей за десятину помѣщику, и посѣялъ пшеницы всѣ 70 десятинъ. За сѣмяна заплатилъ по 1 р. 30 к. за пудъ, сѣялъ на десятину по 9 пудовъ. За работу заплатилъ по 8 рублей за десятину Родилось пшеницы по 13 копёнъ на десятинѣ. Изъ каждой копны вымолотилъ по 6 пудовъ пшеницы. За молотьбу по 7 копѣкъ съ пуда. За провозъ въ городъ заплатилъ по 11 копѣкъ съ пуда.

Продалъ пшеницу по 1 р. 40 копѣкъ за пудъ. Много ли мужикъ получилъ барыша, или убытку?

Выдалъ мужикъ за землю 70 × 8 = 560,00. Сѣмянъ высѣялъ мужикъ по 9 пудовъ на десятину, на 70 десятинъ 70 × 9 = 630 пудовъ. Покупалъ за пудъ по 1 р. 30 к. За 630 пудовъ по 1 р, 30 копѣкъ 630 × 130 = 819,00.

_____

итого 1379,00

Получилъ мужикъ 13 копёнъ на десятинѣ; на 70 десятинахъ 70 × 13 — 910. Изъ копны вышло по 6-ти пудовъ; изъ 910-ти копёнъ 910 × 6 =

5460 пудовъ. Продалъ 5460 пудовъ по 1 руб 40 копѣкъ за пудъ. Получилъ всѣхъ денегъ .... 5460 × 140 = 7644,00.

За молотьбу мужикъ заплатилъ по 7 копѣкъ за пудъ, за 5460 пудовъ 5460 × 7 = 38220 .... 382,20.

За провозъ въ городъ по 11 копѣкъ за пудъ, за 5460 пудовъ 5460 × 11 = 600,60.

_____

итого ещё расхода . . 982,80.

прежняго расхода. . . 1379,00.

_____

2361,80.

Всего прихода. . 7644,00.

Всего расхода. . 2361,80.

_____

Барыша. . 5282,20.

2) Одинъ купецъ далъ работнику 1000 рублей и велѣлъ купить на всѣ деньги сто скотинъ, и чтобы платить за телушекъ по 5 рублей, за быковъ по 100 рублей, а за коровъ по 50 рублей. Работникъ купилъ 90 телушекъ, 9 коровъ и одного быка.

V

Одинъ человѣкъ выдумалъ игру въ шашки, сдѣлалъ хорошія шашки и шашешницу, и подарилъ Царю. Царю полюбилась игра, и онъ спросилъ, чѣмъ его наградить? Человѣкъ сказалъ: на одну клѣтку вели положить зернушко пшеницы, а на другую два, а на третью 4,

а на 4-ую вдвое, и опять вдвое, и такъ всѣ клѣтки уложить пшеницей, и мнѣ отдать ту пшеницу. Царь посмеялся, что человѣкъ такъ мало проситъ, а какъ стала считать, такъ у Царя пшеницы не достало. Клѣтокъ въ шашечшщѣ 8 съ одной стороны и 8 съ другой; 8 рядовъ по 8-ми = 64.

на

1-ую

1

на 24-ую

8.388,608

»

2

2

» 25

16.777,216

»

3

4

» 26

33.554,432

»

4

8

» 27

67.108,864

»

5

16

» 28

134.217,728

»

6

32

» 29

268.435,456

»

7

64

» 30

536.870,912

»

8

128

» 31

1.073.741,824

»

9

256

» 32

2.147.483,648

»

10

512

» 33

4.294.967,296

»

11

1,024

» 34

8.589.934,592

»

12

2,048

» 35

17.179.869,184

»

13

4,096

» 36

34.359.738,368

»

14

8,192

» 37

68.719.476,736

»

15

16,384

» 38

137.438.953,472

»

16

32,768

» 39

274.877.906,944

»

17

65,536

» 40

549.755.813,888

»

18

131,072

» 41

1.099.511.627,776

»

19

262,144

» 42

2.199.023.255,552

»

20

524,288

» 43

4.398.046.511,104

»

21

1.048,576

» 44

8.796.093.022,208

»

22

2.097,152

» 45

17,592.186.044,416

»

23

4.194,304

» 46

35.184.372.088,832

— 178 —

на

47-ую

70 368.744.177,664

»

48

140.737.488.355,328

»

49

281.474.976.710,656

»

50

562.949.953.421,312

»

51

1.125.899.906.842,624

»

52

2.251.799.813.685,248

»

53

4.503.599.627.370,496

»

54

9.007.199.254.740,992

»

55

18.014.398.509.481,984

»

56

36.028.797.018.963,968

»

57

72.057.594.037.927,936

»

58

144.115.188.075.855,872

»

59

288.230.376.151.711,744

»

60

576.460.752.303.423,488

»

61

1.152.921.504.606.846,976

»

62

2.305.843.009.213.693,952

»

63

4.611.686 018.427.387,904

»

64

9.223.372.036 854.775,808

Если 40,000 зёренъ въ одномъ пудѣ, то на одной послѣдней клѣткѣ вышло 230.584.300.921.369 пудовъ.

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Грамматическія упражненія здѣсь расположены въ такомъ порядкѣ:

Въ первомъ отдѣлѣ (I, стр. 1—2) обозначены особымъ шрифтомъ окончанія винительнаго падежа, когда онъ отличается отъ именительнаго

Во второмъ (II, стр. 2—4) — родительнаго

Въ третьемъ (III, стр 4—6) — дательного

Въ четвертомъ (IV, стр 6—8) — творительнаго

Въ пятомъ (V, стр. 8—10) — предложнаго

Въ шестомъ (VI, стр. 10—21) обозначены всѣ эти падежи

Упражненія должны состоять въ томъ, чтобы ученикъ составлялъ изреченія, въ которыхъ употребленъ тотъ или другой падежъ, и чтобы узнавалъ падежи при чтеніи.

Въ седьмомъ отдѣлѣ (VII, стр 21—30) обозначены окончания родов прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій въ именѣльномъ падежѣ единственнаго числа, и тѣхъ существительныхъ, съ которыми они согласованы. На эти упражненія слѣдуетъ обратить особое вниманіе, такъ какъ у дѣтей и у народа часто вовсе не существуетъ понятія о среднемъ родѣ; часто говорятъ: моя ружье, сухая сѣна и т. п.

Въ восьмомъ отдѣлѣ (VIII, стр. 30—47) таким же образомъ обозначены окончания родовъ множественнаго числа.

Въ девятомъ отдѣлѣ (IX, стр. 47—64) обозначены тѣ слова, не имѣющія склоненія, который всего чаще употребляются какъ нарѣчія. Нарѣчія, которыхъ производство трудно, напр. тамъ, когда, и т. п. напечатаны цѣликомъ особымъ шрифтомъ; въ нарѣчіяхъ, которыхъ производство ясно, напечатаны особымъ шрифтомъ буквы, указывающія на это производство; напр. такъ, пріятно — отъ такой, пріятный; назадъ, поутру, — отъ на и задъ, отъ по и утро; рядомъ отъ рядъ и т. д.

Упражнения должны состоять въ составлении нарѣчій и въ узнаваніи ихъ при чтеніи.

Десятый отдѣлъ (X, стр. 64—79) назначенъ для упражненія въ узнаваніи всѣхъ формъ, указанныхъ въ предъидущихъ отдѣлахъ

———

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ. О СЧЕТѢ.

Дѣленіе есть самое трудное изъ ариѳметическихъ дѣіствій Но тотъ ученикъ, который понялъ ясно дѣленіе, уже не найдетъ никакого затрудненія въ дробяхъ; для того же, который не понялъ дѣленія, дроби будутъ всегда непонятны.

Поэтому не торопитесь умноженіемъ, а старайтесь посредствомъ умноженія уяснить ученику дѣйствіе обратное умноженію дѣленіе.

Всякое умноженіе представляетъ два случая. 3 × 5 = 1.) 3 раза 5, и 2) 5 разъ 3. Точно также в дѣленіе всегда представляетъ два случая: 15 : 3 = 1.) Сколько разъ 3 въ 15-ти, и 2.) какое число повторится 3 раза въ 15-ти. Если ученикъ

привыкнетъ умножать, называя множителя тройками пятериками, восьмериками, и т. д., то и второй, случай дѣленія, — какое число повторяется извѣстное число разъ въ дѣлимомъ, — можетъ быть выраженъ для ученика коротко и понятно. Если три пятка составляютъ 15, то ему понятен будетъ вопросъ; чего въ 15-ти три? т. е. пятковъ, или паръ, или четвериковъ?

Эта форма вопроса удобна потому, что она коротка и ясна для ученика (незнающаго еще дѣленія); въ особенности же потому, что только эта форма вопроса соотвѣтствуетъ дѣленію дробей 1/3 : 4/ Нельзя сказать,сколько разъ 4/5 въ 1/3, ибо очевидно — ни разу. И нельзя сказать: раздѣлить 4/5 на 1/3 часть. Оба вопроса не имѣютъ смысла. Но какъ при 15 : 3 мы говоримъ: 15 есть три чего? или три какого числа? — такъ и при 4/5 : 1/3 можно сказать: 4/5 есть одна треть чего? или какого числа? Точно также и при помноженіи дроби на дробь, 3/5×2/3, нельзя сказать: повторить 3/5 тыхъ 2/3 раза и обратно; оба вопроса не имѣютъ смысла. Но, какъ при 5 × 3 мы говоримъ: три пятка или пять троекь сколько будетъ? — такъ и при 3/5 × 2/3 можно сказать: двѣ трети трехъ пятыхъ сколько будетъ? Въ отдѣлѣ дробей объ этомъ говорено подробнѣе, теперь же упоминаю для того, чтобы учитель не прошелъ безъ вниманія принятую мною форму вопроса.

При умножении всегда два случая, и всегда предоставленъ выборъ брать тотъ или другой, смотря по удобству; точно также, и при дѣленіи. Положимъ задано: 50 × 2, или 100 : 2; всегда выбирается второй случай какъ при умноженіи, такъ и при дѣленіи, т. е. всегда берется два раза 50, а не 50 разъ два, и всегда отъискивается чего 2 въ 100, а не сколько разъ 2 въ 100.

Такъ точно и при дробяхъ, смотря по отношенію множителя и множимаго, и дѣлимаго и дѣлителя, избирается 1-й или 2-й случай. И ученикъ долженъ владѣть искусствомъ

выбирать тотъ или другой случай, и обращаться съ тѣмъ и съ другимъ.

Самое же дѣленіе, т. е. разложеніе числа на части, есть одинъ изъ пріемовъ совершать, дѣйствіе отъисканія множителя, изображаемое знакомъ (:) и неточно называемое дѣленіемъ.

Обыкновенно, при дѣленіи цѣлыхъ чиселъ, дѣленіемъ на части совершенно замѣняютъ дѣйствіе (:) отъисканія другого множителя — когда данъ одинъ и тѣмъ правда облегчаютъ пониманіе дѣленія цѣлыхъ чиселъ, но совершенно уже лишаютъ ученика возможности понять сущность дѣйствія дѣленія при дробныхъ числахъ.

———

Совѣтую не торопясь упражнять ученика всегда вмѣстѣ въ умноженіи и въ обратномъ дѣленіи небольшихъ чиселъ, называя множителя пятками, дюжинами, семериками, — хоть бы даже и восемнадцатериками и двадцатиодноріками.

Предоставляйте ученику при умноженіи выбирать, какого множителя онъ хочетъ повторять. И заставляйте потомъ повторять другаго множителя. Упражненія эти полезны для пріученія ученика къ быстрому счету.

Предоставляйте ученику точно также при дѣленіи избирать пріемъ вычитанія, или разложенія на части. И заставляйте повѣрять одинъ другимъ.

———

Потомъ покажите ученику пріемъ ускоренія дѣйствія умноженія и дѣлэнія посредствомъ удвоенія множителя и дѣлителя.

Изученіе таблицы умноженія я считаю не только безполезнымъ, — такъ какъ при частомъ упражненіи ученикъ скоро

составляетъ себѣ каждый свою таблицу, — но даже вреднымъ, потому что знаніе наизусть произведенія затемняетъ ходъ вычисленія.

При умноженіи показанъ пріемъ удвоенія лишній разъ и потомъ вычитаніе линшняго раза. Такой же обратный примѣръ можно показать и при дѣленіи.

———

Потомъ покажите ученику пріемъ ускоренія счета посредствомъ повторенія десятками, сотнями, тысячами и т. д.

При помноженіи и дѣленіи многоразрядныхъ чиселъ однихъ на другія не говорите ученику правила о прибавленіи нолей отъ множителя къ произведенію; но всякій разъ заставляйте его соображать, сколько выйдетъ какихъ разрядовъ при повтореніи однихъ числомъ другаго. При этомъ заставляйте, его называть числа какъ ему удобнѣе: десятками, сотнями, тысячами, и ставить значекъ на томъ разрядѣ, который онъ называетъ

При такомъ пріемѣ умноженіе многоразрядныхъ чиселъ дѣлается легко.

Положимъ дано помножить:

376539 × 7815.

Ученикъ говоритъ: триста тысячъ разъ семь чего-то будетъ = два милліона сто тысячъ чего-то Чего было 7? Тысячъ. Стало быть два милліона сто тысячъ тысячъ 2.100.000,000.

При этомъ пріемѣ уничтожается одна изъ главныхъ трудностей при обученіи дѣленію, состоящая въ томъ, чтобы знать, чѣмъ задаваться.

837655 на 417

Ученикъ говоритъ: на 417 частей по скольку я положу на часть? По десятку ли, по сотнѣ ли, по тысячѣ ли? Онъ говоритъ:

если положу по 10 на часть, достанетъ ли десятковъ? Сколько десятковъ въ дѣлимомъ? 83765 десятковъ. Достанетъ. Достанетъ ли сотенъ? Сотенъ 8376. Достанетъ. Достанетъ ли тысячъ? Тысячъ 837. Достанетъ. Онъ беретъ тысячи на часть. А потомъ уже соображаетъ, сколько тысячъ на часть.

———

Потомъ покажите ученику обыкновенно принятый пріемъ умножения и дѣленія, и объясните ему выгоду, состоящую въ томъ, чтобы не переписывать два раза числа, которыя приходится складывать. Но въ умноженіи не показывайте ученику пріема пропусканія нолей въ числахъ, происходящихъ отъ умноженія чиселъ высшихъ рязрядовъ, и въ дѣленіи не показывайте ученику пріема писанія частнаго безъ нолей, а всегда заставляйте выписывать всѣ ноли при умноженіи, и частное заставляйте писать съ нолями и потомъ складывать.

Неясность пониманія дѣйствій умноженія и дѣленія много зависитъ отъ этихъ ускоренныхъ пріемовъ.

Таблица умноженія и ускоренные пріемы придутъ сами собой и

незамѣтно.

Задачи № I представляютъ измѣненіе неизвѣстнаго. Совѣтую по задачнику или изъ головы выбрать непонятнѣе задачи и самому измѣнять ихъ такимъ образомъ для учениковъ, а потомъ заставлять учениковъ самихъ составлять такія же измѣненія задачъ, начиная съ болѣе легкихъ. Напримѣръ Отецъ втрое старѣе сына, сыну 13 лѣтъ; сколько отцу?

Составь такую задачу, чтобы узнать, во сколько разъ отецъ старше сына, и т. д.

Задача № II составлена на такъ называемыя именованныя числа и на такъ называемое тройное правило.

Совѣтую не заставлять учить ни именования числа — какъ особый отдѣлъ, ни тройное правило, — а прямо задавать задачи на именованныя числа и на тройное правило. Именованныя числа трудны только тогда (и безполезны), когда ученикъ при рѣшеніи задачъ въ первый разъ узнаéтъ содержаніе мѣръ или вѣса одного въ другомъ; правила только тогда, когда отъ ученика требуется, чтобы онъ рѣшилъ задачу непремѣнно по указанному примѣру. Объясненіе этой задачи состоитъ въ томъ, что первая задача, точно такая же, составлена на цѣлыя числа, доступныя ученику для умственнаго вычисленія.

При задачахъ № III сдѣлано словесное объясненіе вопроса.

Совѣтую составлять такого рода задачи и объяснять ученикамъ. Прошу замѣтить, что трудность большей части задачъ въ задачникахъ состоитъ въ дурномъ языкѣ, которымъ изложены вопросы, и что для того, чтобы ясно изложить задачу, надо надъ ней подумать.

Задача о посѣвѣ (IV) поставлена для объясненія цѣлаго ряда задачъ, въ особенности житейскихъ, гдѣ всѣ числа подраздѣляются на два разряда, имѣющіе быть сличены между собой. Кромѣ того, задачи этого рода подготовляютъ къ веденію книгъ, и потому совѣтую преимущественно выбирать изъ задачниковъ и составлять изъ головы задачи такого рода.

———

АЗБУКА

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТАГО

КНИГА IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. Замысловскаго, Больш. МѢщан., д. № 33.

1872

ОГЛАВЛЕНІЕ IV-ОЙ КНИГИ.

———

Часть первая.

Стран.

I.

Камышъ и маслина (басня Езопа) ...

1

Два товарища (Езопъ)

1

Дубъ и орѣшникъ .....

2

Волкъ и ягненокъ (Езопъ) .....

2

Левъ, волкъ и лисица (Езопъ)
3

Царь и слоны (индѣйск.)
4

Насѣдка и цыплята
4

Левъ, оселъ и лисица (Езопъ)
5

Дергачь и его самка
5

Корова и козелъ
6

Мужикъ и водяной (Езопъ)
6

Воронъ и лисица (Езопъ)
7

II.

Царь и рубашка (арабск.)

8

Отчего зло на свѣтѣ (индѣйск.)

9

Воронъ и воронята (литовск.)

11

Волкъ и мужикъ (народн.)

12

Царское новое платье (Андерсенъ)

15

III.

Прыжокъ (американск.)

17

Охота пуще неволи

19

IV.

Кавказскій плѣнникъ

30

V.

Лисій хвостъ

63

Шелковичный червь

63

Старый тополь

69

Черемуха.

70

II

Стран

Какь ходятъ деревья

71

Удѣльный Вѣсъ

72

Вредный воздухъ

73

Газы, I

77

Газы. II

79

Какъ дѣлаютъ воздушные шары

80

Разсказъ аэронавта

82

Галванизмъ

85

Солнце—тепло.

89

VI.

Микулушка Селяниновичь (былина)

92

———

Часть вторая.

Несторова лѣтопись.

Какъ Владиміръ посылалъ узнавать вѣры

97

Походъ на Корсунь и крещеніе Владиміра

102

Крещеніе Руси

107

Борьба Русскаго съ Печенѣгомъ

110

Добрыя дѣла Владиміра

113

Изъ четьи минеи.

Слово о гнѣвѣ (Макарьевск.)

117

Книга Бытія.

Глава XXXVII

119

Глава XL

125

Глава XLI

129

Глава XLII

139

Глава XLIII

145

Глава XLIV

152

Глава XLV

158

Евангеліе отъ Матѳея.

Глава V

146

Псаломъ 103

170

III

Часть третья. Счетъ дробей.

Стран.

Отдѣлъ первый.

175

Сложеніе и вычитаніе десятичныхъ дробей

178

Умноженіе и дѣленіе десятичныхъ дробей

179

Разныя счисленія

185

Отдѣлъ второй. Переименованіе дробей

190

Приведеніе по одному знаменателю

195

Отдѣлъ третій. Сложеніе и вычитаніе дробей

203

Умноженіе и дѣленіе дробей

212

Задачи, I

218

Задача, II

219

Задачи, III

220

——

Для учителя.

Къ первой части

222

Къ третьей части. О счетѣ

223

I Отдѣлъ. Десятичныя дроби

224

Разныя счисленія

225

II Отдѣлъ. Переименованіе дробей

225

III Отдѣлъ

226

————

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

———

I.

КАМЫШЪ И МАСЛИНА.

Маслина и камышъ заспорили о томъ, кто крѣпче и сильнѣе. Маслина посмѣялась надъ камышемъ за то, что онъ отъ всякаго вѣтра гнется. Камышъ молчалъ. Пришла буря: камышъ шатался, мотался, до земли сгибался — уцѣлѣлъ. Маслина напружилась сучьями противъ вѣтра — и сломилась.

ДВА ТОВАРИЩА.

Шли по лѣсу два товарища, и выскочилъ на нихъ медвѣдь. Одинъ бросился бѣжать, влѣзъ на дерево и спрятался, а другой остался на дорогѣ. — Дѣлать ему было нѐчего — онъ упалъ на земь и притворился мертвымъ.

Медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ нюхать: онъ и дышать пересталъ.

Медвѣдь понюхалъ ему лицо, подумалъ, что мертвый, и отошелъ.

Когда медвѣдь ушелъ, тотъ слѣзъ съ дерева и

смѣется: «ну-что́», говоритъ, «медвѣдь тебѣ на ухо говорилъ?»

«А онъ сказалъ мнѣ, что — плохіе люди тѣ, которые въ опасности отъ товарищей убѣгаютъ».

ДУБЪ И ОРЕШНИКЪ.

Старый дубъ уронилъ съ себя жолудь подъ кустъ орѣшника. Орѣшникъ сказалъ дубу: «Развѣ мало простора подъ твоими сучьями? Ты-бы ронялъ свои жолуди на чистое мѣсто. Здѣсь мнѣ самому тѣсно для моихъ отростковъ, и я самъ не бросаю на земь своихъ орѣховъ, а отдаю ихъ людямъ»

«Я живу 200 лѣтъ», сказалъ на это дубъ, «и дубокъ изъ этого жолудя проживетъ столько-же».

Тогда орѣшникъ разсердился и сказалъ: «такъ я заглушу твой дубокъ, и онъ не проживетъ и трехъ дней». Дубъ ничего не отвѣтилъ, а велѣлъ расти своему сынку изъ жолудя.

Жолудь намокъ, лопнулъ и уцѣпился крючкомъ. ростка въ землю, а другой ростокъ кверху.

Орѣшникъ глушилъ его и не давалъ солнца. Но дубокъ тянулся къ верху и сталъ сильнѣе въ тѣни орѣшника. Прошло сто лѣтъ. Орѣшникъ давно засохъ, а дубъ изъ жолудя поднялся до неба и раскинулъ шатеръ на всѣ стороны.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

Волкъ увидалъ, — ягненокъ пьетъ у рѣки.

Захотѣлось волку съѣсть ягнёнка, и сталъ он къ нему придираться. «Ты,» говоритъ, «мнѣ воду мутишь и пить не даешь.»

Ягненокъ говоритъ: «Ахъ волкъ, какъ я могу тебѣ воду мутить? Вѣдь я ниже по водѣ стою, да и то кончиками губъ пью. А волкъ говоритъ: «Ну, такъ зачѣмъ ты прошлымъ лѣтомъ моего отца ругалъ?» Ягненокъ говоритъ: «Да я, волкъ, и не родился еще прошлымъ лѣтомъ». Волкъ разсердился и говоритъ: «Тебя не переговоришь. Такъ я натощакъ; за то и съѣмъ тебя».

ЛЕВЪ, ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Старый, больной левъ лежалъ въ пещерѣ. Приходили всѣ звѣри проведывать царя, только лисица не бывала. Вотъ волкъ обрадовался случаю и сталъ передъ львомъ оговаривать лисицу

— Она, говоритъ, тебя ни во что считаетъ, ни разу не зашла царя провѣдать.

На эти слова и прибѣги лисица: Она услыхала, что́ волкъ говорилъ, и думаетъ: «погоди жъ, волкъ, я тебе вымещу»

Вотъ левъ зарычалъ на лисицу, а она говоритъ: «Не вели казнить, вели слово вымолвить. Я отъ того не бывала, что не досугъ было. А не досугъ было отъ того, что по всему свету бегала, у лекарей для тебя лекарства спрашивала. Только теперь нашла, вотъ и прибежала».

Левъ и говоритъ:

— Какое лекарство?

— А вотъ какое: если живаго волка обдерешь, да шкуру его тепленькую надѣнешь...

Какъ растянулъ левъ волка, лисица засмѣялась и говоритъ:

— 4 —

— Такъ-то, братъ; господъ не на зло, а на добро наводить надо.»

ЦАРЬ И СЛОНЫ.

Одинъ индѣйскій Царь велѣлъ собрать всѣхъ слѣпыхъ, и когда они пришли, велѣлъ имъ показать своихъ слоновъ. Слѣпые пошли въ конюшню и стали щупать слоновъ. Одинъ ощупалъ — ногу, другой — хвостъ,третій — рѣпицу[9], четвертый — брюхо, пятый — спину, шестой — уши, седьмой — клыки, осьмой — хоботъ. Потомъ Царь позваль слѣпыхъ къ себѣ и спросилъ: каковы мои слоны? Одинъ слѣпой сказалъ: слоны твои похожи на столбы; этотъ слѣпой щупалъ ноги. Другой слѣпой сказалъ: они похожи на вѣники; этотъ щупалъ хвостъ. Третій сказалъ: они похожи на сучья; этотъ щупалъ рѣпицу. Тотъ, что щупалъ животъ, сказалъ: слоны похожи на кучу земли; тотъ что щупалъ бока, сказалъ: они похожи на стѣну; тотъ, что щупалъ спину, сказалъ: они похожи на гору; тотъ, что щупалъ уши, сказалъ: они похожи на платки; тоть, что щупалъ голову, сказалъ: они похожи на ступу; тотъ, что щупалъ клыки, сказалъ: они похожи на рога; тотъ, что щупалъ хоботъ, сказалъ, что они похожи на толстую веревку.

И всѣ слѣпые стали спорить и ссориться.

НАСѢДКА И ЦЫПЛЯТА.

Насѣдка вывела цыплятъ и не знала, какъ ихъ уберечь. Она и сказала имъ: «Полѣзайте опять въ скорлупу,

когда вы будете въ скорлупѣ, я сяду на васъ, какъ прежде сидѣла, и уберегу васъ. Цыплята послушались, полѣзли въ скорлупу, но не могли никакъ влѣзть въ нее и только помяли себѣ крылья. Тогда одинъ цыпленокъ сказалъ матери:

«Если намъ всегда оставаться въ скорлупѣ, ты-бы лучше и не выводила насъ»

ЛЕВЪ, ОСЕЛЪ И ЛИСИЦА.

Левъ, оселъ и лисица вышли на добычу. Наловили они много звѣрей, и левъ велѣлъ ослу дѣлить. Оселъ раздѣлилъ по ровну на три части и говоритъ: «ну, теперь берите!» Левъ разсердился, съѣлъ осла и велѣлъ лисицѣ передѣлить. Лисица все собрала въ одну кучу, а себѣ чуточку оставила. Левъ посмотрѣлъ и говоритъ: «Ну, умница! Кто жъ тебя научилъ такъ хорошо делить?»

Она говоритъ: «А съ осломъ-то что́ было?»

ДЕРГАЧЪ И ЕГО САМКА.

Дергачъ поздно свилъ въ лугу гнѣздо и въ покосъ еще самка сидѣла на яицахъ. Рано утромъ мужики пришли къ лугу, сняли кафтаны, наточили косы и пошли другъ за другомъ подрѣзать траву и класть рядами. Дергачъ вылетѣлъ посмотрѣть, что́ дѣлаютъ косцы. Когда онъ увидалъ, что одинъ мужикъ махнулъ косой и разрѣзалъ пополамъ змѣю, — онъ обрадовался, прилетѣлъ къ дергачихѣ и сказалъ: «не бойся мужиковъ; они пришли рѣзать змѣй, намъ давно отъ нихъ житья нѣтъ». А дергачиха сказала: «Мужики рѣжутъ

траву, а съ травой рѣжутъ все, что́ ни попадется: и змѣю, и дергачиное гнѣздо, и дергачиную голову. Не добро чуетъ мое сердце; — а нельзя мнѣ ни унести яицъ, ни улетѣть съ гнѣзда, чтобъ не остудить ихъ».

Когда косцы дошли до дергачинаго гнѣзда, одинъ мужикъ махнулъ косой и срѣзалъ дергачихѣ голову, а яйца положилъ за пазуху и отдалъ ребятамъ играть.

КОРОВА И КОЗЕЛЪ.

У старухи была корова и козелъ. Корова и козелъ. вмѣстѣ ходили въ стадо. Корова все ворочалась, когда ее доили. Старуха вынесла хлѣба съ солью, дала коровѣ и приговаривала: «да стой же, матушка; на, на, еще вынесу, только стой смирно».

На другой вечеръ козелъ впередъ коровы вернулся съ поля, разставилъ ноги и сталъ передъ старухой. Старуха замахнулась на него полотенцемъ; но козелъ стоялъ не шевелился. Онъ помнилъ, что старуха обѣщала хлѣба коровѣ, чтобъ стояла смирно. Старуха видитъ, что козелъ не пронимается, взяла палку и прибила его.

Когда козелъ отошелъ, старуха опять стала кормить корову хлѣбомъ и уговаривать ее.

«Нѣтъ въ людяхъ правды!» подумалъ козелъ. «Я смирнѣе ея стоялъ, а меня прибили»

Онъ отошелъ къ сторонкѣ, разбѣжался, ударилъ въ подойникъ, разлилъ молоко и зашибъ старуху.

МУЖИКЪ И ВОДЯНОЙ.

Мужикъ уронилъ топоръ въ рѣку; съ горя сѣлъ на берегъ и сталъ плакать.

Водяной услыхалъ, пожалѣлъ мужика, вынесъ ему изъ рѣки золотой

топоръ и говоритъ «твой это топоръ?»

Мужикъ говорить: «нѣтъ, не мой»

Водяной вынесъ другой, серебрянный топоръ.

Мужикъ опять говоритъ — не мой топоръ.

Тогда водяной вынесъ настоящій топоръ.

Мужикъ говоритъ: «вотъ это мой топоръ»

Водяной подарилъ мужику всѣ три топора за его правду.

Дома мужикъ показалъ товарищамъ топоры, и разсказалъ, что́ съ нимъ было.

Вотъ одинъ мужикъ задумалъ то-же сдѣлать: пошелъ къ рѣкѣ, нарочно бросилъ свой топоръ въ воду, сѣлъ на берегъ и заплакалъ.

Водяной вынесъ золотой топоръ и спросилъ: «твой это топоръ?»

Мужикъ обрадовался и закричалъ: «мой, мой!»

Водяной не далъ ему золотаго топора, и его собственнаго назадъ не отдалъ, — за его неправду

ВОРОНЪ И ЛИСИЦА.

Воронъ добылъ мяса кусокъ и сѣлъ на дерево. Захотѣлось лисицѣ мясца. Она подошла и говоритъ

— Эхъ, воронъ, какъ посмотрю на тебя, — по твоему росту, да красотѣ, только бы тебѣ царемъ быть! И вѣрно былъ бы царемъ, если бы у тебя голосъ былъ.

Воронъ разинулъ ротъ и заоралъ, что́ было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила его и говоритъ:

— Ахъ воронъ! коли бы еще у тебя и умъ былъ, быть бы тебѣ царемъ.

II.

ЦАРЬ И РУБАШКА.

Одинъ Царь былъ боленъ и сказалъ: «половину царства отдамъ тому, кто меня вылѣчитъ». Тогда собрались всѣ мудрецы и стали судить, какъ Царя вылѣчить. Никто не зналъ. Одинъ только мудрецъ сказалъ, что Царя можно вылѣчить. Онъ сказалъ: если найти счастливаго человѣка, снять съ него рубашку и надѣть на Царя, — Царь выздоровѣетъ. Царь и послалъ искать по своему царству счастливаго человѣка; но послы Царя долго ѣздили по всему царству и не могли найти счастливаго человѣка. Не было ни одного такого, чтобы всѣмъ былъ доволенъ. Кто богатъ, да хвораетъ; кто здоровъ, да бѣденъ, кто и здоровъ и богатъ, да жена не хороша; а у кого дѣти не хороши — всѣ на что-нибудь да жалуются. Одинъ разъ идетъ поздно вечеромъ царскій сынъ мимо избушки, и слышно ему — кто-то говоритъ: «вотъ, слава Богу; наработался, наѣлся и спать лягу; чего мнѣ еще нужно?» Царскій сынъ обрадовался, велѣлъ снять съ этого человѣка рубашку, а ему дать за это денегъ, сколько онъ захочетъ, а рубашку отнести къ Царю. Посланные пришли къ счастливому человѣку и хотѣли съ него снять рубашку;

но счастливый былъ такъ бѣденъ, что на немъ не было рубашки.

ОТЧЕГО ЗЛО НА СВѢТѢ.

Пустынникъ жилъ въ лѣсу, и звѣри не боялись его. Онъ и звѣри говорили между собою и понимали другъ друга.

Одинъ разъ пустынникъ легъ подъ дерево, а воронъ, голубь, олень и змѣя собрались ночевать къ тому же мѣсту. Звѣри стали разсуждать — отъ чего зло бываетъ на свѣтѣ?

Воронъ сказалъ: «Зло на свѣтѣ все отъ голода. Когда поѣшь въ волю, сядешь себѣ на сукъ, покаркиваешь — все весело, хорошо, на все радуешься; а вотъ только поголодай день-другой, и все такъ противно станетъ, что и не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій. И все тебя тянетъ куда-то, перелетаешь съ мѣста на мѣсто, и нѣтъ тебѣ покоя. А завидишь мясо, такъ еще тошнѣе сдѣлается, такъ и бросишься безъ разбора. Другой разъ и палками-то и камнями въ тебя кидаютъ, и волки и собаки хватаютъ, а ты все не отстаешь. И сколько такъ изъ за голода пропадаетъ нашего брата. Все зло отъ голода».

Голубь сказалъ: «А по мнѣ не отъ голода зло, а все зло отъ любви. Кабы жили мы по одному, намъ бы горя мало. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна. А то мы живёмъ всегда парочками. И такъ полюбишь свою дружку, что нѣтъ тебѣ покоя — все объ ней думаешь: сыта ли, тепла ли она? А какъ улетитъ куда-нибудь отъ тебя дружка, тутъ ужъ совсѣмъ

пропадаешь — все думаешь: какъ бы ястребъ не унёсъ или люди не поймали бы; и самъ полетишь ее искать, да и залетишь въ бѣду, — либо подъ ястреба, либо въ силокъ. А если пропадетъ дружка, такъ самому ужъ ничто не мило. Не ѣшь, не пьешь и только ищешь, да плачешь. Сколько насъ отъ этого пропадаетъ. Все зло не отъ голода, а отъ любви».

Змѣя сказала: «Нѣтъ, зло не отъ голода и не отъ любви, а зло отъ злости. Кабы жили мы смирно, не злились бы, — намъ бы все хорошо было, А то какъ сдѣлается что-нибудь не по тебѣ, разозлишься, — тогда ужъ ничто не мило. Только и думаешь, какъ зло свое на комъ выместить. Тутъ ужъ сама себя не помнишь, только шипишь, да ползаешь, ищешь, кого бы укусить. Ужъ никого не жалѣешь — отца и мать закусаешь. Сама себя, кажется, съѣла бы. И до тѣхъ поръ злишься, пока сама себя погубишь. Все зло на свѣтѣ отъ злости».

Олень сказалъ: «Нѣтъ, не отъ злости, и не отъ любви, и не отъ голода все зло на свѣтѣ, а зло отъ страха. Кабы можно было не бояться, все бы хорошо было. Ноги у насъ рѣзвыя, силы много. Отъ маленькаго звѣря рогами отобьешься, отъ большаго уйдешь. Да нельзя не бояться. Только хрусни въ лѣсу вѣтка, зашурши листья, такъ весь и затрясешься отъ страха, забьется сердце, точно выскочить хочетъ, и летишь, что есть духу. Другой разъ заяцъ пробѣжитъ, птица затрепещется, или сухая вѣтка обломится, а ты думаешь — звѣрь, да и набѣжишь на звѣря. А то бѣжишь отъ собаки, — набѣжишь на человѣка. Часто испугаешься и бѣжишь, самъ не знаешь куда, и съ размаху

оборвешься подъ кручь и убьешься. И спишь-то однимъ глазомъ, все слушаешь и боишься. Нѣтъ покоя. Все зло отъ страха».

Тогда пустынникъ сказалъ:

— Не отъ голода, не отъ любви, не отъ злобы, не отъ страха всѣ наши мученья, — а отъ нашего тѣла все зло на свѣтѣ. Отъ него и голодъ, и любовь, и злоба, и страхъ.

ВОРОНЪ И ВОРОНЯТА.

Воронъ свилъ себѣ гнѣздо на островѣ, и когда воронята вывелись, онъ сталъ ихъ переносить съ острова на землю. Сперва онъ взялъ въ когти одного вороненка и полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Когда старый воронъ вылетѣлъ на середину моря, онъ уморился, сталъ рѣже махать крыльями и подумалъ: теперь я силенъ, а онъ слабъ, — я перенесу его черезъ море; а когда онъ станетъ великъ и силенъ, а я стану слабъ отъ старости, вспомнитъ-ли онъ мои труды и будетъ-ли переносить меня съ мѣста на мѣсто? И старый воронъ опросилъ вороненка: «Когда я буду слабъ, а ты будешь силенъ, будешъ-ли ты носить меня? Говори мнѣ правду!» Вороненокъ боялся, что отецъ бросить его въ море, и сказалъ: «буду». Но старый воронъ не повѣрилъ сыну и выпустилъ вороненка изъ когтей. Воронёнокъ какъ комокъ упалъ книзу и потонулъ въ морѣ. Старый воронъ одинъ полетѣлъ черезъ море назадъ на свой островъ. Потомъ старый воронь взялъ другаго вороненка и также понёсъ его черезъ море. Опять онъ уморился на серединѣ моря и спросилъ сына —будетъ-ли

онъ его въ старости переносить съ мѣста на мѣсто? Сынъ испугался, чтобы отецъ не бросилъ его, и сказалъ: «буду».

Отецъ не повѣрилъ и этому сыну, и бросилъ его въ море. Когда старый воронъ прилетѣлъ назадъ къ своему гнѣзду, у него оставался одинъ вороненокъ. Онъ взялъ послѣдняго сына и полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Когда онъ вылетѣлъ на средину моря и уморился, онъ спросилъ: «будешь ли ты въ моей старости кормить меня и переносить съ мѣста на мѣсто?» Вороненокъ сказалъ: «нѣтъ, не буду». «Отъ чего?» спросилъ отецъ. «Когда ты будешь старъ, а я буду большой, у меня будетъ свое гнѣздо и свои воронята, и я буду кормить и носить своихъ дѣтей». Тогда старый воронъ подумалъ: онъ правду сказалъ; за то потружусь и перенесу его за море. И старый воронъ не выпустилъ вороненка, а изъ послѣднихъ силъ замахалъ крыльями и перенесъ его на землю, чтобы онъ свилъ себѣ гнѣздо и вывелъ дѣтей.

ВОЛКЪ И МУЖИКЪ.

Гнались за волкомъ охотники. И набѣжалъ волкъ на мужика. Мужикъ шелъ съ гумна и несъ цѣпъ и мѣшокъ. Волкъ и говоритъ: «мужикъ, спрячь меня, — меня охотники гонятъ». Мужикъ пожалѣлъ волка, спряталъ его въ мѣшокъ и взвалилъ на плечи. Наѣзжаютъ охотники и спрашиваютъ мужика, не видалъ ли волка?

– «Нѣтъ, не видалъ».

Охотники уѣхали. Волкъ выскочилъ изъ мѣшка и бросился на мужика, хочетъ его съѣсть. Мужикъ и говоритъ:

– 13 –

– «Ахъ, волкъ, нѣтъ въ тебѣ совѣсти; я тебя спасъ, а ты жъ меня съѣсть хочешь». А волкъ говоритъ:

– «Старая хлѣбъ соль не помнится».

– «Нѣтъ, старая хлѣбъ–соль помнится; хоть у кого хочешь спроси, – всякій скажетъ, что помнится». Волкъ и говорить:

– «Давай, пойдемъ вмѣстѣ по дорогѣ. Кого перваго встрѣтимъ, спросимъ: забывается ли старая хлѣбъ–соль, или помнится? Если скажутъ: помнится, – я пущу тебя, а скужутъ: забывается, – съѣмъ». Пошли они по дорогѣ, и повстрѣчалась имъ старая, слѣпая кобыла. Мужикъ и спрашиваетъ: «скажи, кобыла, что помнится старая хлѣбъ–соль, или забывается?»

Кобыла и говоритъ:

– «Да вотъ какъ: жила я у хозяина 12–ть лѣтъ, принесла ему 12–ть жеребятъ, и все то время пахала да возила, а прошлымъ годомъ ослѣпла и все работала на рушалкѣ; а вотъ намедни стало мнѣ не въ силу кружиться, я и упала на колесо. Меня били, били, стащили за хвостъ подъ кручь и бросили. Очнулась я, насилу выдралась, и куда иду – сама не знаю»

Волкъ говоритъ:

– «Мужикъ, видишь, – старая хлѣбъ–соль не помнится». Мужикъ говоритъ:

– «Погоди, еще спросимъ».

Пошли дальше. Встрѣчается имъ старая собака. Ползетъ, задъ волочетъ.

Мужикъ говоритъ:

– «Ну, скажи, собака, забывается ли старая хлѣбъ–соль, или помнится?»

– «А вотъ какъ: жила я у хозяина 15 лѣтъ, его домъ

– 14 –

стерегла, лаяла и бросалась кусаться; а вотъ состарѣлась, зубъ не стало, – меня со двора прогнали, да еще задъ оглоблею отбили. Вотъ и

волочусь, сама не знаю куда, подальше отъ стараго хозяина».

Волкъ говоритъ:

— «Слышишь, что́ говоритъ».

А мужикъ говоритъ:

— «Погоди еще — до третьей встрѣчи».

И встрѣчается имъ лисица. Мужикъ говоритъ: «скажи, лиса, что помнится старая хлѣбъ-соль, или забывается?»

А лисица говоритъ:

— «Тебѣ зачѣмъ знать?»

А мужикъ говоритъ:

— «Да вотъ бѣжалъ волкъ отъ охотниковъ, сталъ меня просить, — я и спряталъ его въ мѣшокъ; а теперь онъ меня съѣсть хочетъ».

Лисица и говоритъ:

— «Да развѣ можно большому волку въ такой мѣшокъ умѣститься? Кабы я видѣла, я бы васъ разсудила».

Мужикъ говоритъ:

— «Весь поместится, хоть у него сама спроси».

И волкъ сказалъ: правда.

Тогда лисица говоритъ:

— «Не повѣрю, пока не увижу. Покажи, какъ ты лазилъ».

Тогда волкъ всунулъ голову въ мѣшокъ и говоритъ: «вотъ такъ».

Лисица говоритъ:

— Ты весь влѣзь, а то я такъ не вижу.

Волкъ и влѣзъ въ мѣшокъ. Лисица и говоритъ мужику: теперь завяжи. Мужикъ завязалъ мѣшокъ. Лисица говоритъ:

— «Ну теперь покажи, мужикъ, какъ ты на току хлѣбъ молотишь». Мужикъ обрадовался и сталъ бить цѣпомъ по волку.

А потомъ говоритъ: «А посмотри лисица, какъ на току хлѣбъ

отварачиваютъ», — и ударилъ лисицу по головѣ и убилъ. А самъ говорить: «старая хлѣбъ соль не помнится!»

ЦАРСКОЕ НОВОЕ ПЛАТЬЕ.

Одинъ Царь былъ охотникъ до хорошихъ платьевъ. Онъ ни объ чемъ больше не думалъ, только какъ бы ему получше нарядиться. Пришли къ нему одинъ разъ два портные мастера и говорятъ: мы можемъ сшить такое нарядное платье, какого еще никогда ни у кого не было. Только если кто глупъ и къ своей должности не годится, тотъ платья нашего не можетъ видѣть. Кто уменъ, тотъ будетъ видѣть, а кто глупъ, тотъ рядомъ будетъ стоять и не увидитъ платья нашей работы. Царь обрадовался портнымъ и велѣлъ сшить на себя платье. Портнымъ отвели во дворцѣ горницу и дали имъ бархату, шолку, золота, — всего, что́ нужно было для платья. Когда прошла недѣля, Царь послалъ своего министра узнать, готово ли новое платье. Министръ пришелъ и спросилъ; портные сказали, что готово и показали министру пустое мѣсто. Министръ зналъ, что если кто глупъ и къ своей должности не годится, то тотъ не можетъ видѣть платья; и онъ притворился,

что видитъ платье и похвалилъ. Царь велѣлъ себѣ принести платье. Ему принесли и показали пустое мѣсто; Царь тоже притворился, что онъ видитъ новое платье, снялъ свое старое платье и велѣлъ надѣть на себя новое. Когда Царь пошелъ въ новомъ платьѣ гулять по городу, — всѣ видѣли, что на Царѣ нѣтъ никакого платья; но всѣ боялись сказать, что они не видятъ платья, потому что слышали, что только глупый не можетъ видѣть новаго платья. И каждый думалъ только про себя, что онъ не видитъ, а думалъ, что другіе всѣ видятъ. Такъ Царь гулялъ по городу, и всѣ хвалили новое платье. Вдругъ одинъ дурачекъ увидалъ Царя и закричалъ: «смотрите, Царь по улицамъ ходитъ раздѣвшись!» И Царю стадо стыдно, что онъ не одѣтъ, и всѣ увидали, что на Царѣ ничего не было.

III.

ПРЫЖОКЪ.

Одинъ корабль обошелъ во кругъ свѣта и возвращался домой. Была тихая погода, весь народъ былъ на палубѣ. Посреди народа вертѣлась большая обезьяна и забавляла всѣхъ. Обезьяна эта корчилась, прыгала, дѣлала смѣшныя рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула къ 12-ти-лѣтнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала съ его головы шляпу, надѣла и живо взобралась на мачту. Всѣ засмѣялись, а мальчикъ остался безъ шляпы и самъ не зналъ, смѣяться ли ему, или сердиться.

Обезьяна сѣла на первой перекладинѣ мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она какъ будто дразнила мальчика, показывала на него и дѣлала ему рожи. Мальчикъ погрозилъ ей и крикнулъ на неё, но она еще злѣе рвала шляпу. Матросы громче стали смѣяться, а мальчикъ покраснѣлъ, скинулъ куртку и бросился за обезьяной на мачту. Въ одну минуту онъ взобрался по веревкѣ на первую перекладину; но обезьяна еще ловчѣе и быстрѣе его, въ ту самую минуту, какъ онъ думалъ схватить шляпу, взобралась еще выше.

— Такъ не уйдешь же ты отъ меня! — закричалъ мальчикъ и полѣзъ выше. Обезьяна опять подманила его и полѣзла еще выше, но мальчика уже разобралъ задоръ и онъ не отставалъ. Такъ обезьяна и мальчикъ въ одну минуту добрались до самаго верха. На самомъ верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацѣпившись задней рукой[10] за веревку, повѣсила шляпу на край послѣдней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. Отъ мачты до конца перекладины, гдѣ висѣла шляпа, было аршина два, такъ что достать её нельзя было иначе, какъ выпустить изъ рукъ веревку и мачту.

На мальчикъ очень раззодорился. Онъ бросилъ мачту и ступилъ на перекладину. На палубѣ всѣ смотрѣли и смѣялись тому, что выдѣлывали обезьяна и капитанскій сынъ; но какъ увидали, что онъ пустилъ веревку и ступилъ на перекладину покачивая руками, — всѣ замерли отъ страха.

Стоило ему только оступиться — и онъ бы въ дребезги разбился объ палубу. Да еслибъ даже онъ и не оступился, а дошелъ до края перекладины и взялъ шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назадъ до мачты. Всѣ молча смотрѣли на него и ждали, что́ будетъ.

Вдругъ въ народѣ кто-то ахнулъ отъ страха. Мальчикъ отъ этого крика опомнился, глянулъ внизъ и зашатался.

Въ это время капитанъ корабля, отецъ мальчика, вышелъ изъ каюты. Онъ несъ ружье, чтобы стрѣлять чаекъ[11] Онъ увидалъ сына на мачтѣ, и тотчасъ же

прицѣлился въ сына и закричалъ: «Въ воду! прыгай сейчасъ въ воду! Застрѣлю!» Мальчикъ шатался, но не понималъ. «Прыгай, или застрѣлю!.. Разъ, два»... и какъ только отецъ крикнулъ: «три!» — мальчикъ размахнулся головой внизъ и прыгнулъ.

Точно пушечное ядро шлепнуло тѣло мальчика въ море, и не успѣли волны закрыть его, какъ уже 20 молодцовъ матросовъ спрыгнули съ корабля въ море. Секундъ черезъ 40 — онѣ долги показались всѣмъ — вынурнуло тѣло мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Черезъ нѣсколько минутъ у него изо рта и изъ носа полилась вода, и онъ сталъ дышать.

Когда капитанъ увидалъ это, онъ вдругъ закричалъ, какъ будто его что-то душило, и убѣжалъ къ себѣ въ каюту, чтобъ никто не видалъ, какъ онъ плачетъ.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ.

Мы были на охотѣ за медвѣдями. Товарищу пришлось стрѣлять по медвѣдю; онъ ранилъ его, да въ мягкое мѣсто. Осталось немного крови на снѣгу, а медвѣдь ушелъ.

Мы сошлись въ лѣсу и стали судить, какъ намъ быть: идти ли теперь отъискивать этого медвѣдя, или подождать дня три, пока медвѣдь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиковъ медвѣжатниковъ, можно или нельзя обойти теперь этого медвѣдя? Старикъ медвѣжатникъ говорилъ: «нельзя, надо медвѣдю дать остепениться; дней черезъ пять обойти можно, а

теперь за нимъ ходить — только напугаешь, онъ и не ляжетъ».

А молодой мужикъ медвѣжатникъ спорилъ съ старикомъ и говорилъ, что обойти теперь можно. «По этому снѣгу», говорить, «медвѣдь далеко не уйдетъ, — медвѣдь жирный. Онъ нынче же ляжетъ. А не ляжетъ, такъ я его на лыжахъ догоню».

И товарищъ мой тоже не хотѣлъ теперь обходить и совѣтовалъ подождать.

Я и говорю: «Да что спорить. Вы дѣлайте какъ хотите, а я пойду съ

Демьяномъ по слѣду. Обойдемъ — хорошо, не обойдемъ — все равно дѣлать нынче нечего, а еще не поздно».

Такъ и сдѣлали.

Товарищи пошли къ санямъ, да въ деревню, а мы съ Демьяномъ взяли съ собой хлѣба и остались въ лѣсу.

Какъ ушли всѣ отъ насъ, мы съ Демьяномъ осмотрѣли ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по слѣду.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжахъ была трудная: снѣгъ былъ глубокій и праховый. Осадки снѣга въ лѣсу не было, да еще снѣжокъ выпалъ наканунѣ, такъ что лыжи уходили въ снѣгъ на четверть, а гдѣ и больше.

Медвѣжій слѣдъ издалека былъ виденъ. Видно было, какъ шелъ медвѣдь, какъ мѣстами по брюхо проваливался и выворачивалъ снѣгъ. Мы шли сначала въ виду отъ слѣда, крупнымъ лѣсомъ; а потомъ, какъ пошелъ слѣдъ въ мелкій ельникъ, Демьянъ остановился. «Надо», говоритъ, «бросать слѣдъ. Должно быть здѣсь ляжетъ.

Присаживаться сталъ — на снѣгу видно. Пойдемъ прочь отъ слѣда и кругъ дадимъ. Только тише идти надо; не кричать, не кашлять, а то спугнешь».

Пошли мы прочь отъ слѣда, влѣво. Прошли шаговъ пятьсотъ, глядимъ — слѣдъ медвѣжій опять передъ нами. Пошли мы опять по слѣду, и вывелъ насъ этотъ слѣдъ на дорогу. Остановились мы на дорогѣ и стали разсматривать, въ какую сторону пошелъ медвѣдь. Кое-гдѣ по дорогѣ видно было, какъ всю лапу съ пальцами отпечаталъ медвѣдь, а кое-гдѣ — какъ въ лаптяхъ мужикъ ступалъ по дорогѣ. Видно что пошелъ онъ къ деревнѣ.

Пошли мы по дорогѣ. Демьянъ и говоритъ: «Теперь смотрѣть нечего на дорогу, гдѣ сойдетъ съ дороги вправо или влѣво — видно будетъ въ снѣгу. Гдѣ-нибудь своротитъ, не пойдетъ же въ деревню».

Прошли мы такъ по дорогѣ съ версту; видимъ впереди — слѣдъ съ дороги. Посмотрѣли — что за чудо! Слѣдъ медвѣжій, да не съ дороги въ лѣсъ, а изъ лѣсу на дорогу идетъ: пальцами къ дорогѣ. Я говорю: «это другой медвѣдь». Демьянъ посмотрѣлъ, подумалъ. «Нѣтъ», говоритъ, «это онъ самый, только обманывать началъ. Онъ задомъ съ дороги сошелъ». Пошли мы по слѣду — такъ и есть. Видно медвѣдь прошелъ съ дороги шаговъ десять задомъ, зашелъ за сосну, повернулся и пошелъ прямо. Демьянъ остановился и говоритъ: «Теперь вѣрно обойдемъ. Больше ему и лечь негдѣ, какъ въ этомъ болотѣ. Пойдемъ въ обходъ».

Пошли мы въ обходъ, по частому ельнику. Я ужъ уморился, да и труднѣе стало ѣхать. То на кустъ можжевеловый наѣдешь, зацѣпишь; то промежъ ногъ

елочка подвернется, то лыжа свернется безъ привычки, то на пень, то на колоду наѣдешь подъ снѣгомъ. Сталъ ужъ я уставать. Снялъ я шубу, и потъ съ меня такъ и льетъ. А Демьянъ — какъ на лодкѣ плыветъ. Точно сами подъ нимъ лыжи ходятъ. Не зацѣпитъ нигдѣ, не свернется. И мою шубу еще себѣ за плечи перекинулъ, и все меня понукиваетъ.

Дали мы кругъ версты въ три, обошли болото. Я уже отставать сталъ, — лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдругъ впе́реди меня Демьянъ и машетъ рукой. Я подошелъ, — Демьянъ пригнулся, шепчетъ и показываетъ: «Видишь, сорока надъ ломомъ щекочетъ; птица издалече его духъ слышитъ. Это онъ».

Взяли мы прочь, прошли еще съ версту и нашли опять на старый слѣдъ. Такъ что мы кругомъ обошли медвѣдя, и онъ въ серединѣ нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снялъ и разстегнулся весь: жарко мнѣ какъ въ банѣ, и весь какъ мышь мокрый. И Демьянъ раскраснѣлся, рукавомъ утирается. «Ну», говоритъ, «баринъ, дѣло сдѣлали, теперь отдохнуть надо».

А ужъ заря сквозь лѣсъ краснѣться стала. Сѣли мы на лыжи отдыхать. Достали хлѣбъ изъ мѣшка и соль; поѣлъ я сначала снѣгу, а потомъ хлѣба. И такой мнѣ хлѣбъ вкусный показался, что я въ жизнь такого не ѣлъ. Посидѣли мы; ужъ и смеркаться стало. Я спросилъ Демьяна, далеко ли до деревни. «Да верстъ 12 ть будетъ. Дойдемъ ночью; а теперь отдохнуть надо. Надѣвай-ка шубу, баринъ, а то остудишься».

Наломалъ Демьянъ вѣтвей еловыхъ, обилъ снѣгъ, настлалъ кровать, и легли мы съ нимъ рядышкомъ, руки подъ головы подложили. И самъ не помню я,

какъ заснулъ. Проснулся я часа черезъ два. Треснуло что-то.

Я такъ крѣко спалъ, что и забылъ, гдѣ я заснулъ. Оглянулся я — что за чудо? Гдѣ я? Палаты какія-то бѣлыя надъ мной, и столбы бѣлые, и на всемъ блестки блестятъ. Глянулъ вверхъ — разводы бѣлые, а промежъ разводовъ сводъ какой-то вороненый, и огни разноцвѣтные горятъ. Оглядѣлся я, вспомнилъ, что мы въ лѣсу, и что это деревья въ снѣгу и въ инеѣ мнѣ за палаты показались, а огни — это звѣзды на небѣ промежъ сучьевъ дрожатъ.

Въ ночь иней выпалъ; и на сучьяхъ иней, и на шубѣ моей иней, и Демьянъ весь подъ инеемъ, и сыплется сверху иней. Разбудилъ я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо въ лѣсу; только слышно, какъ

мы лыжами по мягкому снѣгу посовываемъ, да кое-гдѣ треснетъ дерево отъ мороза, и по всему лѣсу голкъ раздастся. Одинъ разъ только — живое что-то зашумѣло близехонько отъ насъ и прочь побѣжало. Я такъ и думалъ, что медвѣдь. Подошли къ тому мѣсту, откуда зашумѣло, — увидали слѣды заячьи. И осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дорогѣ. Идти легко стало. Льши сзади по накатанной дорогѣ раскатываются, громыхаютъ, снѣжокъ подъ сапогами поскрипываетъ, холодный иней на лицо какъ пушокъ липнетъ. А звѣзды вдоль по сучьямъ точно на встрѣчу бѣгутъ, засвѣтятся, потухнутъ, — точно все небо ходуномъ ходитъ.

Товарищъ спалъ, — я разбудилъ его. Мы разсказали, какъ обошли медвѣдя, и велѣли хозяину къ утру собрать

загонщиковъ мужиковъ. Поужинали и легли спать.

Я бы съ усталости проспалъ до обѣда, да товарищъ разбудилъ меня. Вскочилъ я, смотрю: товарищъ ужъ одѣтъ, съ ружьемъ что-то возится.

— «А гдѣ Демьянъ?» — «Онъ ужъ давно въ лѣсу. Ужъ и обкладъ повѣрилъ, сюда прибѣгалъ, а теперь повелъ загонщиковъ заводить». Умылся я, одѣлся, зарядилъ свои ружья; сѣли въ сани, поѣхали.

Морозъ все держалъ крѣпкій, тихо было и солнца не видать было; туманъ стоялъ на верху и иней садился.

Проѣхали мы версты три по дорогѣ, подъѣхали къ лѣсу. Видимъ — въ низочкѣ дымокъ синѣетъ и народъ стоить, — мужики и бабы съ дубинами.

Слѣзли мы, подошли къ народу. Мужики сидятъ, кортошки жарятъ, смѣются съ бабами.

И Демьянъ съ ними. Поднялся народъ, повелъ ихъ Демьянъ разставлять кругомъ по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, 30-ть человѣкъ — только по поясъ ихъ видно, — зашли въ лѣсъ; потомъ пошли мы съ товарищемъ по ихъ слѣду.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело идти; за то падать нѐкуда, — какъ промежду двухъ стѣнъ идешь.

Прошли мы такъ съ полверсть; смотримъ — ужъ Демьянъ съ другой стороны къ намъ бѣжитъ на лыжахъ, машетъ рукой, чтобъ къ нему шли.

Подошли мы къ нему, показалъ намъ мѣста. Сталъ я на свое мѣсто, оглядѣлся.

На лѣво отъ меня высокій ельникъ; сквозь него далеко видно, и за

деревьями чернѣется мнѣ мужикъ

загонщикъ. Противъ меня частый, молодой ельникъ въ ростъ человѣка. И на ельникѣ сучья повисли и слиплись отъ снѣга. Въ серединѣ ельника дорожка засыпана снѣгомъ. Дорожка эта прямо на меня идетъ. На право отъ меня частый ельникъ, а на концѣ ельника полянка. И на этой полянкѣ, вижу я, что Демьянъ ставитъ товарища.

Осмотрѣлъ я свои два ружья, взвелъ курки и сталъ раздумывать, гдѣ бы мнѣ получше стать. Сзади меня къ трехъ шагахъ большая сосна. «Дай стану у сосны, и ружье другое къ ней прислоню». Полѣзъ я къ соснѣ, провалился выше колѣнъ, обтопталъ у сосны площадку аршина въ полтора и на ней устроился. Одно ружье взялъ въ руки, а другое, съ взведенными курками прислонилъ къ соснѣ. Кинжалъ я вынулъ и вложилъ, чтобы знать, что въ случаѣ нужды онъ легко вынимается.

Только я устроился, слышу — кричитъ въ лѣсу Демьянъ: «Пошелъ! въ ходъ пошелъ! пошелъ!» И какъ закричалъ Демьянъ, на кругу закричали мужики разными голосами: «Пошелъ! Уууу!..» кричали мужики. «Ай! Иихъ!» кричали бабы тонкими голосами.

Медвѣдь былъ въ кругу. Демьянъ гналъ его. Кругомъ вездѣ кричалъ народъ, только я и товарищъ стояли молчали и не шевелились, ждали медвѣдя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня такъ и стучитъ. Держусь за ружье, подрагиваю. Вотъ-вотъ, думаю, выскочить, прицѣлюсь, выстрѣлю, упадетъ... Вдругъ на лѣво слышу я — въ снѣгу обваливается что-то; только далеко. Глянулъ я въ высокій ельникъ: шаговъ на 50, за деревьями, стоитъ что-то черное, большое. Приложился

я и жду. Думаю, не подбѣжитъ ли ближе. Смотрю — шевельнулъ онъ ушами, повернулся и назадъ. Съ боку мнѣ его всего видно стало. Здоровенный звѣрище! Нацѣлился я съ горяча. Хлопъ! — слышу: шлепнулась объ дерево моя пуля. Смотрю изъ за дыма, — медвѣдь мой назадъ катитъ въ обкладъ и скрылся за лѣсомъ. Ну, думаю, пропало мое дѣло, теперь ужъ не набѣжитъ на меня; либо товарищу стрѣлять, либо черезъ мужиковъ пойдетъ, а уже не на меня. Стою я, зарядилъ опять ружье и слушаю. Кричатъ мужики со всѣхъ сторонъ, но съ правой стороны, недалеко отъ товарища, слышу — не путемъ кричитъ какая-то баба: «Вотъ онъ! Вотъ онъ! Вотъ онъ! Сюда! Сюда! Ой, ой! Ай, ай, ай!»

Видно — на глазахъ медвѣдь. Не жду уже я къ себѣ медвѣдя, и гляжу на право на товарища. Смотрю — Демьянъ съ палочкой безъ лыжъ по тропинкѣ бѣжитъ къ товарищу, присѣлъ подлѣ него и палкой указываетъ ему на что-то, какъ будто цѣлится. Вижу — товарищъ вскинулъ ружье,

цѣлится туда, куда показываетъ Демьянъ. Хлопъ! — выпалилъ. «Ну», думаю, «убилъ». Только смотрю, не бѣжитъ товарищъ за медвѣдемъ. «Видно промахъ, или плохо попалъ, — уйдетъ», думаю, «теперь медвѣдь назадъ, а ко мнѣ уже не выскочитъ!» Что такое? Впереди себя слышу вдругъ — какъ вихорь летитъ кто-то, близехонько сыплется снѣгъ, и пыхтитъ. Поглядѣлъ я передъ собой: а онъ прямёхонько на меня по дорожкѣ между частымъ ельникомъ катитъ стремглавъ, и видно — со страху самъ себя не помнитъ. Шагахъ отъ меня въ пяти весь мнѣ виденъ, — грудь черная, и головища огромная съ рыжинкой. Летитъ прямёхонько на меня лбомъ и сыплетъ снѣгъ во всѣ

стороны. И вижу я по глазамъ медвѣдя, что онъ не видитъ меня, а съ испугу катитъ благимъ матомъ куда попало. Только ходъ ему прямо на сосну, гдѣ я стою. Вскинулъ я ружье, выстрѣлилъ, — а уже онъ еще ближе. Вижу — не попалъ, пулю пронесло; а онъ и не слышитъ, катитъ на меня и все не видитъ. Пригнулъ я ружье, чуть не уперъ въ него въ голову. Хлопъ! — вижу попалъ, а не убилъ.

Приподнялъ онъ голову, прижалъ уши, осклабился и прямо ко мнѣ. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукою, ужъ онъ налетѣлъ на меня, сбилъ съ ногъ въ снѣгъ и перескочилъ черезъ. Ну, думаю, хорошо, что онъ бросилъ меня. Сталъ я подниматься, слышу — давитъ меня что-то, не пускаетъ. Онъ съ налету не удержался, перескочилъ черезъ меня, да повернулся передомъ назадъ и навалился на меня всей грудью. Слышу я — лежитъ на мнѣ тяжелое, слышу теплое надъ лицомъ, и слышу — забираетъ онъ въ пасть все лицо мое. Носъ мой ужъ у него во рту, и чую я — жарко и кровью отъ него пахнетъ. Надавилъ онъ меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову къ груди изъ пасти, носъ и глаза выворачиваю. А онъ норовитъ какъ разъ въ глаза и носъ зацѣпить. Слышу — зацѣпилъ онъ зубами верхней челюстью въ лобъ подъ волосами, а нижней челюстью въ маслакъ подъ глазами, стиснулъ зубы, началъ давить. Какъ ножами рѣжутъ мнѣ голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а онъ торопится и какъ собака грызетъ — жамкнетъ-жамкнетъ. Я вывернусь, — онъ опять забираетъ. Ну, думаю, — конецъ мой пришелъ. Слышу

вдругъ полегчило на мнѣ Смотрю — нѣту его, соскочилъ онъ съ меня и убѣжалъ.

Когда товарищъ и Демьянъ увидали, что медвѣдь сбилъ меня въ снѣгъ и грызетъ, они бросились ко мнѣ. Товарищъ хотѣлъ поскорѣе поспѣть, да ошибся; вмѣсто того, чтобы бѣжать по протоптанной дорожкѣ, онъ побѣжалъ цѣликомъ и упалъ. Пока онъ выкарабкивался изъ снѣга, медвѣдь все грызъ меня. А Демьянъ какъ былъ безъ ружья, съ одной хворостиной, пустился по дорожкѣ, самъ кричитъ. «Барина заѣлъ! Барина заѣлъ!» Самъ бѣжитъ и кричитъ на медвѣдя: «Ахъ ты баломутный!

Что дѣлаетъ! Брось! Брось!»

Послушался медвѣдь, бросилъ меня и побѣжалъ. Когда я поднялся, на снѣгу крови было, точно барана зарѣзали, и надъ глазами лохмотьями висѣло мясо; а сгоряча больно не было.

Прибѣжалъ товарищъ, собрался народъ, смотрятъ мою рану, снѣгомъ примачиваютъ. А я и забылъ про рану, спрашиваю: «гдѣ медвѣдь, куда ушелъ?» Вдругъ слышимъ: «вотъ онъ! вотъ онъ!» Видимъ — медвѣдь бѣжитъ опять къ намъ. Схватились мы за ружья, да не поспѣлъ никто выстрѣлить — ужъ онъ пробѣжалъ. Медвѣдь остервенѣлъ — хотѣлось ему еще погрызть, да увидалъ, что народу много, испугался. По слѣду мы увидали, что изъ медвѣжьей головы идетъ кровь; хотѣли идти догонять, но у меня разболѣлась голова, и поѣхали въ городъ, къ доктору.

Докторъ зашилъ мнѣ раны шелкомъ, и онѣ стали заживать.

Черезъ мѣсяцъ мы поѣхали опять на этого медвѣдя; но мнѣ не удалось добить его. Медвѣдь не выходилъ

изъ обклада, а все ходилъ кругомъ и ревѣлъ страшнымъ голосомъ. Демьянъ добилъ его. У медвѣдя этого моимъ выстрѣломъ была перебита нижняя челюсть и выбитъ зубъ.

Медвѣдь этотъ былъ очень великъ и на немъ прекрасная, черная шкура.

Я сдѣлалъ изъ нея чучелу, и она лежитъ у меня въ горницѣ. Раны у меня на лбу зажили, такъ что только чуть-чуть видно, гдѣ онѣ были.

IV.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

I.

Служилъ на Кавказѣ офицеромъ одинъ баринъ. Звали его Жилинъ.

Пришло ему разъ письмо изъ дома. Пишетъ ему старуха-мать: «Стара я ужь стала, и хочется передъ смертью повидать любимаго сынка. Пріѣзжай со мной проститься, похорони, а тамъ и съ Богомъ поѣзжай опять на службу. А я тебѣ и невѣсту пріискала: и умная, и хорошая, и имѣнье есть. Полюбится тебѣ — можетъ и женишься и совсѣмъ останешься».

Жилинъ и раздумался: «И въ самомъ дѣлѣ: плоха ужъ старуха стала; можетъ и не придется увидать. Поѣхать; а если невѣста хороша — и жениться можно».

Пошелъ онъ къ полковнику, выправилъ отпускъ, простился съ товарищами, поставилъ своимъ солдатамъ четыре ведра водки на прощанье и собрался ѣхать.

На Кавказѣ тогда война была. По дорогамъ ни днемъ, ни ночью не было проѣзда. Чуть кто изъ русскихъ отъѣдетъ или отойдетъ отъ крѣпости — татары или убьютъ, или уведутъ въ горы. И было заведено, что два раза въ недѣлю изъ крѣпости въ крѣпость ходили

провожатые солдаты. Спереди и сзади идутъ солдаты, а въ срединѣ ѣдетъ народъ.

Дѣло было лѣтомъ. Собрались на зорькѣ обозы за крѣпость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дорогѣ. Жилинъ ѣхалъ верхомъ и телѣга его съ вещами шла въ обозѣ.

Ѣхать было 25 верстъ. Обозъ шелъ тихо; то солдаты остановятся, то въ обозѣ колесо у кого соскочитъ, или лошадь станетъ, и всѣ стоятъ — дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обозъ только половину дороги прошелъ. Пыль, жара, солнце такъ и печетъ, и укрыться негдѣ. Голая степь; ни деревца, ни кустика по дорогѣ.

Выѣхалъ Жилинъ впередъ, остановился и ждетъ, пока подойдетъ къ нему обозъ. Слышитъ, сзади на рожкѣ заиграли, — опять стоять. Жилинъ и подумалъ: «А не уѣхать ли одному, безъ солдатъ? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татаръ — ускачу. Или не ѣздить?...»

Остановился, раздумываетъ. И подъѣзжаетъ къ нему на лошади другой офицеръ, Костылинъ, съ ружьемъ, и говоритъ:

— «Поѣдемъ, Жилинъ, одни. Мочи нѣтъ — ѣсть хочется, да и жара. На мнѣ рубаху хоть выжми». А Костылинъ — мужчина грузный, толстый, весь красный, а потъ съ него такъ и льетъ. Подумалъ Жилинъ и говоритъ:

— А ружье заряжено?

— Заряжено.

— Ну, такъ поѣдемъ. Только уговоръ — не разъѣзжаться.

— 32 —

И поѣхали они впередъ по дорогѣ. Ѣдутъ степью разговариваютъ, да поглядываютъ по сторонамъ. Кругомъ далеко видно.

Только кончилась степь, вошла дорога промежъ двухъ горъ въ ущелье. Жилинъ и говоритъ:

— Надо выѣхать на гору поглядѣть, — а то тутъ, пожалуй, выскочатъ изъ горы и не увидишь.

А Костылинъ говоритъ:

— «Что смотрѣть? Поѣдемъ впередъ». Жилинъ не послушалъ его.

— Нѣть, говоритъ, ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустилъ лошадь на лѣво, на гору. Лошадь подъ Жилинымъ была охотницкая (онъ за нее сто рублей заплатилъ въ табунѣ жеребенкомъ, и самъ выѣздилъ); какъ на крыльяхъ взнесла его на кручь. Только выскакалъ, глядь, — а передъ самымъ имъ, на десятину мѣста, стоятъ татары верхами. Человѣкъ тридцать. Онъ увидалъ, сталъ назадъ поворачивать; и татары его увидали, пустились къ нему, сами на скаку выхватываютъ ружья изъ чахловъ. Припустилъ Жилинъ подъ кручь во всѣ лошадиныя ноги, кричитъ Костылину:

— «Вынимай ружье!» — а самъ думаетъ на лошадь на свою: «матушка, вынеси, не зацѣпись ногой, спотыкнешься — пропалъ. Доберусь до ружья, я имъ не дамся».

А Костылинъ, замѣсто того, чтобы подождать, только увидалъ татаръ, — закатился что есть духу къ крѣпости. Плетью ожариваетъ лошадь то съ того бока, то съ другаго. Только въ пыли видно, какъ лошадь хвостомъ вертитъ.

— 33 —

Жилинъ видитъ — дѣло плохо. Ружье уѣхало, съ одной шашкой ничего не сдѣлаешь. Пустилъ онъ лошадь назадъ, къ солдатамъ — думалъ уйти. Видитъ, ему наперерѣзъ катятъ шестеро. Подъ нимъ лошадь добрая, а подъ тѣми еще добрѣе, да и наперерезъ скачутъ. Сталъ онъ окорачивать, хотѣлъ назадъ поворотить, да ужь разнеслась лошадь, не удержитъ, прямо на нихъ летитъ. Видитъ — близится къ нему съ красной бородой татаринъ на сѣромъ конѣ. Визжитъ, зубы оскалилъ, ружье на готовѣ.

— Ну, думаетъ Жилинъ, знаю васъ чертей, если живаго возьмутъ, посадятъ въ яму, будутъ плетью пороть. Не дамся же живой...

А Жилинъ хоть не великъ ростомъ, а удалъ былъ. Выхватилъ шашку, пустилъ лошадь прямо на краснаго татарина, думаетъ: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь мѣста не доскакалъ Жилинъ, выстрѣлили по немъ сзади изъ ружей и попали въ лошадь. Ударилась лошадь о земь со всего маху, — навалилась Жилину на ногу.

Хотѣлъ онъ подняться, а ужь на немъ два татарина вонючіе сидятъ, крутятъ ему назадъ руки. Рванулся онъ, скинулъ съ себя татаръ, — да еще соскакали съ коней трое на него, начали бить прикладами по головѣ. Помутилось у него въ глазахъ и зашатался. Схватили его татары, сняли съ сѣделъ подпруги запасныя, закрутили ему руки за спину, завязали татарскимъ узломъ, поволокли къ сѣдлу. Шапку съ него сбили, сапоги стащили, все обшарили, деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилинъ на свою лошадь.

Она, сердечная, какъ упала на бокъ, такъ и лежитъ, только бьется ногами, — до земли не достаетъ; въ головѣ дыра, и изъ дыры такъ и свищетъ кровь черная, — на аршинъ кругомъ пыль смочила.

Одинъ татаринъ подошелъ къ лошади, сталъ сѣдло снимать. Она все бьется, — онъ вынулъ кинжалъ, прорѣзалъ ей глотку. Засвистѣло изъ горла, трепенулась и паръ вонъ.

Сняли татары сѣдло, сбрую. Сѣлъ татаринъ съ красной бородой на лошадь, а другіе подсадили Жилина къ нему на сѣдло; а чтобы не упалъ, притянули его ремнемъ за поясъ къ татарину и повезли въ горы.

Сидитъ Жилинъ за татариномъ, покачивается, тычется лицомъ въ вонючую татарскую спину. Только и видитъ передъ собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, — да бритый затылокъ изъ подъ шапки синѣется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась надъ глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки такъ закручены, что въ ключицѣ ломитъ.

Ѣхали они долго съ горы на гору, переѣхали въ бродъ рѣку, выѣхали на дорогу и поѣхали лощиной.

Хотѣлъ Жилинъ примѣчать дорогу, куда его везутъ, — да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться; переѣхали еще рѣчку, стали подниматься по каменной горѣ, запахло дымомъ, забрехали собаки. Пріѣхали въ аулъ[12]. Послѣзли съ лошадей татары, собрались ребята татарскіе, окружили Жилина, пищатъ, радуются, стали камнями пулять въ него.

Татаринъ отогналъ ребятъ, снялъ Жилина съ лошади и кликнулъ работника. Пришелъ ногаецъ, скуластый, въ одной рубахѣ. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказалъ что-то ему татаринъ. Принесъ работникъ колодку: два чурбака дубовыхъ на желѣзныя кольца насажены, и въ одномъ кольцѣ пробойчикъ и замокъ.

Развязали Жилину руки, надѣли колодку и повели въ сарай; толкнули его туда и заперли дверь. Жилинъ упалъ на навозъ. Полежалъ, ощупалъ въ темнотѣ, гдѣ помягче, и легъ.

II.

Почти всю эту ночь не спалъ Жилинъ. Ночи короткія были. Видитъ — въ щелкѣ свѣтиться стало. Всталъ Жилинъ, раскопалъ щелку побольше, сталъ смотрѣть.

Видна ему изъ щелки дорога — подъ гору идетъ, на право сакля татарская, два дерева подлѣ ней. Собака черная лежитъ на порогѣ, коза съ козлятами ходитъ — хвостиками подергиваютъ. Видитъ — изъ подъ горы идетъ татарка молоденькая, въ рубахѣ цвѣтной, распояской, въ штанахъ и сапогахъ, голова кофтаномъ покрыта, а на головѣ большой кувшинъ жестяной съ водой. Идетъ, въ спинѣ подрагиваетъ, перегибается, а за руку татарченка ведетъ бритаго, въ одной рубашенкѣ. Прошла татарка въ саклю съ водой, вышелъ татаринъ вчерашній съ красной бородой, въ бешметѣ въ шелковомъ, на ремнѣ кинжалъ серебряный, въ башмакахъ на босу ногу. На головѣ шапка высокая, баранья, черная, назадъ заломлена. Вышелъ, потягивается,

бородку красную самъ поглаживаетъ. Постоялъ, велѣлъ что-то работнику и пошелъ куда-то.

Проѣхали потомъ на лошадяхъ двое ребятъ къ водопою. У лошадей храпъ мокрый. Выбѣжали еще мальчишки бритые, въ однѣхъ рубашкахъ безъ портокъ, собрались кучкой, подошли къ сараю, взяли хворостину и суютъ въ щелку. Жилинъ какъ ухнетъ на нихъ: завизжали ребята, закатились бѣжать прочь, — только колѣнки голыя блестятъ.

А Жилину пить хочется, въ горлѣ пересохло; думаетъ: хоть бы пришли провѣдать. Слышитъ — отпираютъ сарай. Пришелъ красный татаринъ, а съ нимъ другой, поменьше ростомъ, черноватенькій. Глаза черные, свѣтлые, румяный, бородка меленькая подстрижена; лицо веселое, все смѣется. Одѣтъ черноватый еще лучше: бешметъ шелковый синій,

галунчикомъ обшитъ. Кинжалъ на поясѣ большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебромъ обшиты. А на тонкихъ башмачкахъ другіе, толстые башмаки. Шапка высокая, бѣлаго барашка.

Красный татаринъ вошелъ, проговорилъ что-то тòчно ругается и сталъ; облокотился на притолку, кинжаломъ пошевеливаетъ, какъ волкъ изъ подлобья косится на Жилина. А черноватый, — быстрый, живой, такъ весь на пружинахъ и ходитъ, — подошелъ прямо къ Жилину, сѣлъ на корточки, оскаливается, потрепалъ его по плечу, что-то началъ часто-часто по своему лопотать, глазами подмигиваетъ, языкомъ прищелкиваетъ, все приговариваетъ: корошо урусъ! корошо урусъ!

Ничего не понялъ Жилинъ и говоритъ: «Пить, воды пить дайте».

— 37 —

Черный смѣется. «Корошъ урусъ», — все по своему лопочетъ.

Жилинъ губами и руками показалъ, чтобъ пить ему дали.

Черный понялъ, засмѣялся, выглянулъ въ дверь, кликнулъ кого-то: «Дина!»

Прибѣжала дѣвочка — тоненькая, худенькая, лѣтъ тринадцати и лицомъ на чернаго похожа. Видно, что дочь. Тоже — глаза черные, свѣтлые и лицомъ красивая. Одѣта въ рубаху длинную, синюю, съ широкими рукавами и безъ пояса. На полахъ, на груди и на рукавахъ оторочено краснымъ. На ногахъ штаны и башмачки, а на башмачкахъ другіе съ высокими каблуками; на шеѣ монисто, все изъ русскихъ полтинниковъ. Голова непокрытая, коса черная и въ косѣ лента, а на лентѣ привѣшены бляхи и рубль серебряный.

Велѣлъ ей что-то отецъ. Убѣжала и опять пришла, принесла кувшинчикъ жестяной. Подала воду, сама сѣла на корточки, вся изогнулась такъ, что плечи ниже колѣнъ ушли. Сидитъ, глаза раскрыла, глядитъ на Жилина, какъ онъ пьетъ, — какъ на звѣря какого.

Подалъ ей Жилинъ назадъ кувшинъ. Какъ она прыгнетъ прочь, какъ коза дикая. Даже отецъ засмѣялся. Послалъ ее еще куда-то. Она взяла кувшинъ, побѣжала, принесла хлѣба преснаго на дощечкѣ круглой, и опять сѣла, изогнулась, глазъ не спускаетъ — смотритъ.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного приходитъ къ Жилину ногаецъ и говоритъ:

— «Ай-да, хозяинъ, ай-да!»

— 38 —

Тоже не знаетъ по русски. Только понялъ Жилинъ, что велитъ идти куда-то.

Пошелъ Жилинъ съ колодкой, хромаетъ, ступить нельзя, такъ и воротитъ ногу въ сторону. Вышелъ Жилинъ за ногайцемъ. Видитъ — деревня татарская, домовъ десять, и церковь ихняя, съ башенкой. У одного дома стоятъ три лошади въ сѣдлахъ. Мальчишки держатъ въ поводу. Выскочилъ изъ этого дома черноватый татаринъ, замахалъ рукой, чтобъ къ нему шелъ Жилинъ. Самъ смѣется, все говоритъ что-то по своему, и ушелъ въ дверь. Пришелъ Жилинъ въ домъ. Горница хорошая, стѣны глиной гладко вымазаны. Въ передней стѣнѣ пуховики пестрые уложены, по бокамъ висятъ ковры дорогіе; на коврахъ ружья, пистолеты, шашки — всѣ въ серебрѣ. Въ одной стѣнѣ печка маленькая вровень съ поломъ. Полъ земляной, чистый, какъ токъ, и весь передній уголъ устланъ войлоками; на войлокахъ ковры, а на коврахъ пуховыя подушки. И на коврахъ, въ однихъ башмакахъ сидятъ татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всѣхъ пуховыя подушки подложены, а передъ ними на круглой дощечкѣ блины просяные, и масло коровье распущено въ чашкѣ, и пиво татарское — буза, въ кувшинчикѣ. Ѣдятъ руками и руки всѣ въ маслѣ.

Вскочилъ черный, велѣлъ посадить Жилина къ сторонкѣ, не на коверъ, а на голый полъ; залѣзъ опять на ковёръ, угощаетъ гостей блинами и бузой. Посадилъ работникъ Жилина на мѣсто, самъ снялъ верхніе башмаки, поставилъ у двери рядкомъ, гдѣ и другіе башмаки стояли, и сѣлъ на войлокъ поближе къ хозяевамъ; смотритъ, какъ они ѣдятъ, слюни утираетъ.

Поѣли татары блины, пришла татарка въ рубахѣ такой же, какъ и дѣвка, и въ штанахъ; голова платкомъ покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшинъ съ узкимъ носкомъ. Стали мыть руки татары, потомъ сложили руки, сѣли на колѣнки, подули во всѣ стороны и молитвы прочли. Поговорили по своему. Потомъ одинъ изъ гостей татаръ повернулся къ Жилину, сталъ говорить по русски:

— «Тебя», говоритъ, «взялъ Кази-Мугамедъ», — самъ показываетъ на краснаго татарина, «и отдалъ тебя Абдулъ-Мурату», — показываетъ на черноватаго. — «Абдулъ-Муратъ теперь твой хозяинъ». — Жилинъ молчитъ. Заговорилъ Абдулъ-Муратъ, и все показываетъ на Жилина, и смѣется и приговаетъ: «солдатъ урусъ, корошо урусъ». Переводчикъ говоритъ: «онъ тебѣ велитъ домой письмо писать, чтобъ за тебя выкупъ прислали. Какъ пришлютъ деньги, онъ тебя пуститъ».

Жилинъ подумалъ и говоритъ: «а много ли онъ хочетъ выкупа?»

Поговорили татары; переводчикъ и говоритъ:

— Три тысячи монетъ.

— «Нѣтъ,» говоритъ Жилинъ, «я этого заплатить не могу». Вскочилъ Абдулъ, началъ руками махать, что-то говоритъ Жилину, — все думаетъ, что онъ пойметъ. Перевелъ переводчикъ, говоритъ: «Сколько же ты

дашь?» Жилинъ подумалъ и говоритъ: 500 рублей. Тутъ татары заговорили часто, всѣ вдругъ. Началъ Абдулъ кричать на краснаго, залопоталъ такъ, что слюни изо рта брызжутъ.

А красный только жмурится, да языкомъ пощелкиваетъ.

— 40 —

Замолчали они, переводчикъ говоритъ:

— Хозяину выкупа мало 500 рублей. Онъ самъ за тебя 200 рублей заплатилъ. Ему Кази-Мугамедъ былъ долженъ. Онъ тебя за долгъ взялъ. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, въ яму посадятъ, наказывать будутъ плетью.

«Эхъ», думаетъ Жилинъ, «съ ними что робѣть, то хуже». Вскочилъ на ноги и говоритъ:

— А ты ему, собакѣ, скажи, что если онъ меня пугать хочетъ, такъ ни копѣйки-жъ не дамъ, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться васъ, собакъ!

Пересказалъ — переводчикъ, опять заговорили всѣ вдругъ.

Долго лопотали, вскочилъ черный, подошелъ къ Жилину

— «Урусъ», говоритъ, «джигитъ, джигитъ Урусъ!»

Джигитъ по ихнему значить «молодецъ». И самъ смѣется; сказалъ что-то переводчику, а переводчикъ говоритъ.

— Тысячу рублей дай.

Жилинъ сталъ на своемъ: — «Больше 500 рублей не дамъ. А убьете, — ничего не возьмете».

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядываютъ. Пришелъ работникъ и идетъ за нимъ человѣкъ какой-то, толстый, босикомъ и ободранный; на ногѣ тоже колодка.

Такъ и ахнулъ Жилинъ — узналъ Костылина. И его поймали. Посадили ихъ рядомъ; стали они разсказывать другъ другу, а татары молчатъ, смотрятъ. Разсказалъ

— 41 —

Жилинъ, какъ съ нимъ дѣло было; Костылинъ разсказалъ, что лошадь подъ нимъ стала и ружье осѣклось, и что этотъ самый Абдулъ нагналъ его и взялъ.

Вскочилъ Абдулъ, показываетъ на Костылина, что-то говоритъ. Перевелъ переводчикъ, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде деньги дастъ, того прежде отпустятъ.

— «Вотъ», говоритъ Жилину, «ты все серчаешь, а товарищъ твой смирный; онъ написалъ письмо домой, пять тысячъ монетъ пришлютъ. Вотъ его и кормить будутъ хорошо, и обижать не будутъ».

Жилинъ и говоритъ:

— Товарищъ какъ хочетъ; онъ, можетъ, богатъ, а я не богатъ. Я, говоритъ, какъ сказалъ, такъ и будетъ. Хотите — убивайте, — пользы вамъ не будетъ, а больше 500 рублей не напишу.

Помолчали. Вдругъ какъ вскочитъ Абдулъ, досталъ сундучекъ, вынулъ перо, бумаги лоскутъ и чернила, сунулъ Жилину, хлопнулъ по плечу, показываетъ «пиши». Согласился на 500 рублей.

— «Погоди еще», говоритъ Жилинъ переводчику, «скажи ты ему, чтобъ онъ насъ кормилъ хорошо, одѣлъ-обулъ какъ слѣдуетъ, чтобъ держалъ вмѣстѣ, — намъ веселѣй будетъ, и чтобы колодку снялъ». Самъ смотритъ на хозяина и смѣется. Смѣется и хозяинъ. Выслушалъ и говоритъ:

— «Одежу самую лучшую дамъ: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду какъ князей. А коли хотятъ жить вмѣстѣ — пускай живутъ въ сараѣ. А колодку нельзя снять — уйдутъ. На ночь только снимать

буду». Подскочилъ, треплетъ по плечу. — «Твоя хорошъ, моя хорошъ!»

Написалъ Жилинъ письмо, а на письмѣ не такъ написалъ, — чтобы не дошло. Самъ думаетъ: «я уйду».

Отвели Жилина съ Костылинымъ въ сарай, принесли имъ туда соломы кукурузной, воды въ кувшинѣ, хлѣба, двѣ черкески старыя и сапоги истрепанные, солдатскіе. Видно — съ убитыхъ солдатъ стащили. На ночь сняли съ нихъ колодки и заперли въ сарай.

III.

Жилъ такъ Жилинъ съ товарищемъ мѣсяцъ цѣлый. Хозяинъ все смѣется. — «Твоя, Иванъ, хорошъ, — моя, Абдулъ, хорошъ.» А кормилъ плохо, — только и давалъ, что хлѣбъ прѣсный изъ просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тѣсто непеченое.

Костылинъ еще разъ писалъ домой, все ждалъ присылки денегъ и скучалъ. По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сараѣ и считаетъ дни, когда письмо придетъ, или спитъ. А Жилинъ зналъ, что его письмо не дойдетъ, а другаго не писалъ.

— «Гдѣ», думаетъ, «матери столько денегъ взять за меня заплатить. И то она тѣмъ больше жила, что́ я посылалъ ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться въ конецъ. Богъ дастъ — и самъ выберусь».

А самъ все высматриваетъ, выпытываетъ, какъ ему бѣжать.

Ходитъ по аулу, насвистываетъ, а то сидитъ, что-нибудь рукодѣльничаетъ, или изъ глины куколъ лѣпитъ,

или плететъ плетенки изъ прутьевъ. А Жилинъ на всякое рукодѣлье мастеръ былъ.

Слѣпилъ онъ разъ куклу, съ носомъ, съ руками, съ ногами и въ татарской рубахѣ, и поставилъ куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидала куклу, позвала татарокъ. Составили кувшины, смотрятъ, смѣются. Жилинъ снялъ куклу, подаетъ имъ. Онѣ смѣются, а не смѣютъ взять. Оставилъ онъ куклу, ушелъ въ сарай и смотритъ, что будетъ?

Подбѣжала Дина, оглянулась, схватила куклу и убѣжала.

На утро смотритъ, на зорькѣ Дина вышла на порогъ съ куклой. А куклу ужъ лоскутками красными убрала и качаетъ какъ ребенка, сама по своему прибаюкиваетъ. Вышла старуха, забранилась на нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сдѣлалъ Жилинъ другую куклу, еще лучше, — отдалъ Динѣ. Принесла разъ Дина кувшинчикъ, поставила, сѣла и смотритъ на него, сама смѣется, показываетъ на кувшинъ.

«Чего она радуется?» думаетъ Жилинъ. Взялъ кувшинъ, сталъ пить. Думалъ вода, а тамъ молоко. Выпилъ онъ молоко, — «хорошо», говоритъ. Какъ взрадуется Дина!

— «Хорошо, Иванъ, хорошо!» — и вскочила, забила въ ладоши, вырвала кувшинчикъ и убѣжала.

И съ тѣхъ поръ стала она ему каждый день крадучи молока носить. А то дѣлаютъ татары изъ козьяго молока лепешки сырныя, и сушатъ ихъ на крышахъ, —

такъ она эти лепешки ему тайкомъ принашивала. А то, разъ рѣзалъ хозяинъ барана, — такъ она ему кусокъ баранины принесла въ рукавѣ. Броситъ и убѣжитъ.

Была разъ гроза сильная, и дождь часъ цѣлый какъ изъ ведра лилъ. И

помутились всѣ рѣчки. Гдѣ бродъ былъ, тамъ на три аршина вода пошла, камни ворочаетъ. Повсюду ручьи текутъ, гулъ стоитъ по горамъ. Вотъ, какъ прошла гроза, вездѣ по деревнѣ ручьи бѣгутъ. Жилинъ выпросилъ у хозяина ножикъ, вырѣзалъ валикъ, дощечки, колесо оперилъ, а къ колесу на двухъ концахъ куколъ придѣлалъ.

Принесли ему дѣвчонки лоскутковъ, — одѣлъ онъ куколъ: одна — мужикъ, другая — баба; утвердилъ ихъ, поставилъ колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгаютъ.

Собралась вся деревня: мальчишки, дѣвчонки, бабы; и татары пришли, языкомъ щелкаютъ:

— Ай, урусъ! ай, Иванъ!

Были у Абдула часы русскіе, сломанные. Позвалъ онъ Жилина, показываетъ, языкомъ щелкаетъ. Жилинъ говоритъ:

— Давай, починю.

Взялъ, разобралъ ножичкомъ, разложилъ; опять сладилъ, отдалъ. Идутъ часы.

Обрадовался хозяинъ, принесъ ему бешметъ свой старый, весь въ лохмотьяхъ, подарилъ. Нечего дѣлать, взялъ, — и то годится покрыться ночью.

Съ тѣхъ поръ прошла про Жилина слава, что онъ мастеръ. Стали къ нему изъ дальнихъ деревень пріѣзжать; кто замокъ на ружье или пистолетъ починить

принесетъ, кто часы. Привезъ ему хозяинъ снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочекъ.

Заболѣлъ разъ татаринъ, пришли къ Жилину: «поди, полѣчи». Жилинъ ничего не знаетъ, какъ лѣчить. Пошелъ, посмотрѣлъ, думаетъ: «авось поздоровѣетъ самъ». Ушелъ въ сарай, взялъ воды, песку, помѣшалъ. При татарахъ нашепталъ на воду, далъ выпить. Выздоровѣлъ на его счастье татаринъ. Сталъ Жилинъ немножко понимать по ихнему. И которые татары привыкли къ нему, — когда нужно, кличутъ: Иванъ, Иванъ; а которые все какъ на звѣря косятся.

Красный татаринъ не любилъ Жилина. Какъ увидитъ, нахмурится и прочь отвернется, либо обругаетъ. Былъ еще у нихъ старикъ. Жилъ онъ не въ аулѣ, а приходилъ изъ-подъ горы. Видалъ его Жилинъ только когда онъ въ мечеть проходилъ Богу молиться. Онъ былъ ростомъ маленькій, на шапкѣ у него бѣлое полотенце обмотано. Бородка и усы подстрижены, — бѣлые, какъ пухъ; а лицо сморщенное и красное, какъ кирпичъ. Носъ крючкомъ, какъ у ястреба, а глаза сѣрые, злые, и зубовъ нѣтъ, — только два клыка. Идетъ, бывало, въ чалмѣ своей, костылемъ

подпирается, какъ волкъ озирается. Какъ увидитъ Жилина, такъ захрапитъ и отвернется.

Пошелъ разъ Жилинъ подъ гору — посмотрѣть, гдѣ живетъ старикъ. Сошелъ по дорожкѣ, видитъ — садикъ, ограда каменная; изъ-за ограды — черешни, шепталы и избушка съ плоской крышкой. Подошелъ онъ поближе, видитъ — ульи стоятъ плетеные изъ соломы, и пчелы летаютъ, гудятъ. И старикъ стоитъ на колѣночкахъ; что-то хлопочетъ у улья. Поднялся Жилинъ повыше

посмотрѣть и загремѣлъ колодкой. Старикъ оглянулся — какъ визгнетъ; выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, въ Жилина выпалилъ. Чуть успѣлъ онъ за камень притулиться.

Пришелъ старикъ къ хозяину жаловаться. Позвалъ хозяинъ Жилина, самъ смѣется и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты къ старику ходилъ?

— «Я», говоритъ, «ему худаго не сдѣлалъ. Я хотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ живетъ». Передалъ хозяинъ.

А старикъ злится, шипитъ, что-то лопочетъ, клыки свои выставилъ, махаетъ руками на Жилина.

Жилинъ не понялъ всего, — но понялъ, что старикъ велитъ хозяину убить русскихъ, а не держать ихъ въ аулѣ. Ушелъ старикъ.

Сталъ Жилинъ спрашивать хозяина: что это за старикъ? Хозяинъ и говоритъ:

— «Это большой человѣкъ! Онъ первый джигитъ былъ, онъ много русскихъ побилъ, богатый былъ. У него было три жены и 8 сыновъ. Всѣ жили въ одной деревнѣ. Пришли русскіе, разорили деревню и семь сыновей убили. Одинъ сынъ остался и передался русскимъ. Старикъ поѣхалъ и самъ передался русскимъ. Пожилъ у нихъ три мѣсяца, нашелъ тамъ своего сына, самъ убилъ его и бѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ воевать, пошелъ въ Мекку — Богу молиться Отъ этого у него чалма. Кто въ Меккѣ былъ, тотъ называется Хаджи и чалму надѣваетъ. Не любитъ онъ вашего брата. Онъ велитъ тебя убить; да мнѣ нельзя убить, — я за тебя деньги заплатилъ; да я, тебя, Иванъ, полюбилъ; я тебя не то, что убить, — я бы тебя и выпускать не сталъ, кабы слова не далъ». Смѣется, самъ

приговариваетъ по-русски: «твоя, Иванъ, хорошъ, — моя, Абдулъ, хорошъ!»

IV.

Прожилъ такъ Жилинъ мѣсяцъ. Днемъ ходитъ по аулу или рукодѣльничаетъ, а какъ ночь придетъ, затихнетъ въ аулѣ, — такъ онъ у себя въ сараѣ копаетъ. Трудно было копать отъ камней, да онъ подпилкомъ камни теръ, и прокопалъ онъ подъ стѣной дыру, что въ пору пролѣзть. «Только бы», думаетъ, мнѣ «мѣсто хорошенько узнать, въ какую сторону идти. Да не сказываютъ никто татары».

Вотъ онъ выбралъ время, какъ хозяинъ уѣхалъ; пошелъ послѣ обѣда за аулъ, на гору, — хотѣлъ оттуда мѣсто посмотрѣть. А когда хозяинъ уѣзжалъ, онъ приказалъ малому за Жилинымъ ходить, съ глазъ его не спускать. Бѣжитъ малый за Жилинымъ, кричитъ:

— Не ходи! Отецъ не велѣлъ. Сейчасъ народъ позову!

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Я, говоритъ, далеко не уйду, — только на ту гору поднимусь; мнѣ траву нужно найти, — вашъ народъ лѣчить. Пойдемъ со мной; я съ колодкой не убѣгу. А тебѣ завтра лукъ сдѣлаю и стрѣлы.

Уговорилъ малаго, пошли. Смотрѣть на гору — не далеко, а съ колодкой трудно; шелъ-шелъ, насилу взобрался. Сѣлъ Жилинъ, сталъ мѣсто разглядывать. На полдни за сарай лощина, табунъ ходитъ, и аулъ другой въ низочкѣ видѣнъ. Отъ аула другая гора — еще круче; а за той горой еще гора. Промежь горъ лѣсъ

синѣется, а тамъ еще горы — все выше и выше поднимаются. А выше всѣхъ, — бѣлыя, какъ сахаръ, горы стоять подъ снѣгомъ. И одна снѣговая гора выше другихъ шапкой стоитъ. На восходъ и на закатъ — все такія же горы; кое-гдѣ аулы дымятся въ ущельяхъ. Ну, думаетъ: это все ихняя сторона. Сталъ смотрѣть въ русскую сторону: — подъ ногами рѣчка, аулъ свой, садики кругомъ. На рѣчкѣ, какъ куклы маленькія видно, — бабы сидятъ, полоскаютъ. За ауломъ пониже гора, и, черезъ нее еще двѣ горы, по нимъ лѣсъ, а промежь двухъ горъ синѣется ровное мѣсто, и на ровномъ мѣстѣ, далеко-далеко, точно дымъ стелется. Сталъ Жилинъ вспоминать, когда онъ въ крѣпости дома жилъ, гдѣ солнце всходило и гдѣ заходило. Видитъ — тамъ точно, въ этой долинѣ должна быть наша крѣпость. Туда, промежъ этихъ двухъ горъ, и бѣжать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снѣговыя горы изъ бѣлыхъ — алыя; въ черныхъ горахъ потемнѣло; изъ лощинъ паръ поднялся, и самая та

долина, гдѣ крѣпость наша должна быть, — какъ въ огнѣ загорѣлась отъ заката. Сталъ Жилинъ вглядываться, — маячитъ что-то въ долинѣ, точно дымъ изъ трубъ. И такъ и думается ему, что это самое — крѣпость русская.

Ужъ поздно стало. Слышно — мулла прокричалъ. Стадо гонятъ — коровы ревутъ. Малый все зоветъ: «пойдемъ», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну, думаетъ Жилинъ, теперь мѣсто знаю, надо бѣжать». Хотѣлъ онъ бѣжать въ ту же ночь. Ночи были темныя, — ущербъ мѣсяца. На бѣду — къ вечеру вернулись татары. Бывало, пріѣзжаютъ они — гонять съ собой скотину, и пріѣзжаютъ

веселые. А на этотъ разъ ничего не пригнали, и привезли на сѣдлѣ своего убитаго татарина, брата рыжаго. Пріѣхали сердитые, собрались всѣ хоронить. Вышелъ и Жилинъ посмотрѣть. Завернули мертваго въ полотно, безъ гроба, вынесли подъ чинары за деревню, положили на траву. Пришелъ мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сѣли рядкомъ на пятки передъ мертвымъ.

Спереди мулла, сзади три старика въ чалмахъ рядкомъ, а сзади ихъ еще татары. Сѣли, потупились и молчатъ. Долго молчали. Поднялъ голову мулла и говоритъ:

— Алла! (значитъ Богъ). Сказалъ это одно слово, — и опять потупились и долго молчали; сидятъ, не шевелятся. Опять поднялъ голову мулла:

— «Алла!» и всѣ проговорили: «Алла!» — и опять замолчали. Мертвый лежитъ на травѣ, не шелохнется, и они сидятъ какъ мертвые. Не шевельнется ни одинъ. Только слышно, на чинарѣ листочки отъ вѣтерка поворачиваются. Потомъ прочелъ мулла молитву, всѣ встали, подняли мертваго на руки, понесли. Принесли къ ямѣ. Яма вырыта не простая, а подкопана подъ землю, какъ подвалъ. Взяли мертваго подъ мышки да подъ лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидьмя подъ землю, заправили ему руки на животъ.

Притащилъ ногаецъ камышу зеленаго, заклали камышомъ яму, живо засыпали землей, сравняли, а въ головы къ мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сѣли опять рядкомъ передъ могилкой. Долго молчали.

— «Алла! Алла! Алла!» — Вздохнули и встали.

Роздалъ рыжій денегъ старикамъ, потомъ всталъ, взялъ плеть, ударилъ себя три раза по лбу и пошелъ домой.

На утро видитъ Жилинъ — ведетъ красный кобылу за деревню, и за нимъ трое татаръ идутъ. Вышли за деревню, снялъ рыжій бешметъ, засучилъ

рукава, — ручищи здоровыя, — вынулъ кинжалъ, поточилъ на брускѣ. Задрали татары кобылѣ голову кверху, подошелъ рыжій, перерѣзалъ глотку, повалилъ кобылу и началъ свежевать, — кулачищими шкуру подпарываетъ. Пришли бабы, дѣвки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потомъ кабылу, стащили въ избу. И вся деревня собралась къ рыжему поминать покойника.

Три дня ѣли кобылу, бузу пили, покойника поминали. Всѣ татары дома были. На четвертый день, видитъ Жилинъ, въ обѣдъ куда-то собираются. Привели лошадей, убрались, и поѣхали человѣкъ 10-ть, и красный поѣхалъ; только Абдулъ дома остался. Мѣсяцъ только народился, ночи еще темныя были.

— «Ну», думаетъ Жилинъ, «нынче бѣжать надо», и говоритъ Костылину. А Костылинъ заробѣлъ.

— Да какже бѣжать? — мы и дороги не знаемъ.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдемъ въ ночь.

— А не дойдемъ — въ лѣсу переночуемъ. Я вотъ лепешекъ набралъ. Чтожъ ты будешь сидѣть? Хорошо пришлютъ денегъ, а то вѣдь и не соберутъ. А татары теперь злые, за то, что ихняго русскіе убили. Поговариваютъ — насъ убить хотятъ

Подумалъ-подумалъ Костылинъ.

— Ну, пойдемъ!

V

Полѣзъ Жилинъ въ дыру, раскопалъ пошире, чтобъ и Костылину пролѣзть; и сидятъ они, — ждутъ, чтобы затихло въ аулѣ.

Только затихъ народъ въ аулѣ, Жилинъ полѣзъ подъ стѣну, выбрался. Шепчетъ Костылину: «полѣзай». Полѣзъ и Костылинъ, да зацѣпилъ камень ногой, загремѣлъ. А у хозяина сторожка была — пестрая собака. И злая-презлая; звали ее Уляшинъ. Жилинъ уже напередъ прикормилъ ее. Услыхалъ Уляшинъ, — забрехалъ и кинулся, а за нимъ другія собаки.

Жилинъ чуть свиснулъ, кинулъ лепешки кусокъ, — Уляшинъ узналъ, замахалъ хвостомъ и пересталъ брехать.

Хозяинъ услыхалъ, загайкалъ изъ сакли: «гайть! гайть, Уляшинъ!»

А Жилинъ за ушами почесываетъ Уляшина. Молчитъ собака, трется ему объ ноги, хвостомъ махаетъ.

Посидѣли они за угломъ. Затихло все, только слышно — овца перхаетъ въ закутѣ, да низомъ вода по камушкамъ шумитъ. Темно, звѣзды высоко стоятъ на небѣ; надъ горой молодой мѣсяцъ закраснѣлся, кверху рожками заходитъ. Въ лощинахъ туманъ какъ молоко бѣлѣется.

Поднялся Жилинъ, говоритъ товарищу: ну, братъ, айда!

Тронулись; только отошли, слышатъ, — запѣлъ мулла на крышѣ: «Алла! Бесмилла! Ильрахманъ!» Значитъ — пойдетъ народъ въ мечеть. Сѣли опять, притаившись подъ стѣнкой. Долго сидѣли, дожидались, пока народъ пройдетъ. Опять затихло.

— «Ну, съ Богомъ!» Перекрестились, пошли. Прошли черезъ дворъ подъ кручь къ рѣчкѣ, перешли рѣчку, пошли лощиной. Туманъ густой, да низомъ стоитъ, а надъ головой звѣзды виднешеньки. Жилинъ по звѣздамъ примѣчаетъ, въ какую сторону идти. Въ туманѣ свѣжо, идти легко, только сапоги неловки, — стоптались. Жилинъ снялъ свои, бросилъ, пошелъ босикомъ. Попрыгиваетъ съ камушка на камушекъ, да на звѣзды поглядываетъ. Сталъ Костылинъ отставать.

— Тише, говоритъ, иди; сапоги проклятые — всѣ ноги стерли.

— Да ты сними, легче будетъ.

Пошелъ Костылинъ босикомъ, — еще того хуже: изрѣзалъ всѣ ноги по камнямъ, и все отстаетъ. Жилинъ ему говоритъ:

— Ноги обдерешь — заживутъ, а догонятъ — убьютъ, хуже.

Костылинъ ничего не говоритъ, идетъ—покряхтываетъ. Шли они низомъ долго. Слышатъ — вправо собаки забрехали. Жилинъ остановился, осмотрѣлся, полѣзъ на гору, руками ощупалъ.

— Эхъ, говоритъ, ошиблись мы, — вправо забрали. Тутъ аулъ чужой — я его съ горы видѣлъ; назадъ надо, да влѣво, въ гору. Тутъ лѣсъ долженъ быть.

А Костылинъ говоритъ:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, — у меня ноги въ крови всѣ.

— Э, братъ, заживутъ; ты легче прыгай. Вотъ какъ!

И побѣжалъ Жилинъ назадъ, и влѣво въ гору, в лѣсъ. Костылинъ все отстаетъ и охаетъ. Жилинъ шикнетъ-шикнетъ на него, а самъ все идетъ.

Поднялись на гору. Такъ и есть — лѣсъ. Вошли въ лѣсъ, — по колючкамъ изодрали все платье послѣднее. Напали на дорожку въ лѣсу. Идутъ.

— «Стой!» Затопало копытами по дорогѣ. Остановились, слушаютъ. Потопало какъ лошадь и остановилось. Тронулись они — опять затопало. Они остановятся — и оно остановится. Подползъ Жилинъ, смотритъ на свѣтъ по дорогѣ, — стоитъ что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человѣка не похоже. Фыркнуло — слышитъ. «Что за чудо!» Свиснулъ Жилинъ потихоньку, — какъ шаркнетъ съ дороги въ лѣсъ и затрещало по лѣсу, — точно буря летитъ, сучья ломаетъ.

Костылинъ такъ и упалъ со страху. А Жилинъ смѣется, говоритъ:

— Это олень. Слышишь — какъ рогами лѣсъ ломитъ? Мы его боимся, а онъ насъ боится.

Пошли дальше. Ужъ высожары спускаться стали, до утра не далеко. А туда ли идутъ, нѣтъ ли, — не знаютъ. Думается такъ Жилину, что по этой самой дорогѣ его везли, и что до своихъ верстъ десять еще будетъ, — а примѣты вѣрной нѣтъ, да и ночью не разберешь. Вышли на полянку. Костылинъ сѣлъ и говоритъ:

— Какъ хочешь, а я не дойду, — у меня ноги не идутъ.

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Нѣтъ, говоритъ, — не дойду, не могу.

Разсердился Жилинъ, плюнулъ, обругалъ его.

— Такъ я же одинъ уйду, — прощай!

Костылинъ вскочилъ, пошелъ. Прошли они версты

четыре. Туманъ въ лѣсу еще гуще сѣлъ, ничего не видать передъ собой, и звѣзды ужъ чуть видны.

Вдругъ слышатъ — впереди топаетъ лошадь. Слышно — подковами за камни цѣпляется. Легъ Жилинъ на брюхо, сталъ по землѣ слушать.

— Такъ и есть, — сюда, къ намъ, конный ѣдетъ!

Сбѣжали они съ дороги, сѣли въ кусты, и ждутъ. Жилинъ подползъ къ

дорогѣ, смотритъ — верховой татаринъ ѣдетъ, корову гонитъ, самъ себѣ подъ носъ мурлычетъ что-то. Проѣхалъ татаринъ. Жилинъ вернулся къ Костылину.

— Ну, пронесъ Богъ, — вставай, пойдемъ.

Сталъ Костылинъ вставать и упалъ.

— Не могу, — ей Богу, не могу; силъ моихъ нѣтъ.

Мужчина грузный, пухлый, запотѣлъ; да какъ обхватило его въ лѣсу туманомъ холоднымъ, да ноги ободраны, — онъ и разсолодѣлъ. Сталъ его Жилинъ силой поднимать. Какъ закричитъ Костылинъ:

— Ой, больно!

Жилинъ такъ и обмеръ.

—«Что кричишь? Вѣдь татаринъ близко, —услышитъ». А самъ думаетъ: «Онъ и вправду разслабъ; что́ мнѣ съ нимъ дѣлать? Бросить товарища не годится».

— Ну, говоритъ, вставай, садись на закорки, — снесу, коли ужъ идти не можешь.

Подсадилъ на себя Костылина, подхватилъ руками подъ ляжки, вышелъ на дорогу, поволокъ.

— Только, говоритъ, не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину, — ноги тоже въ крови и уморился.

Нагнется, подправитъ, подкинетъ, чтобъ повыше сидѣлъ на немъ Костылинъ, тащитъ его по дорогѣ.

Видно услыхалъ татаринъ, какъ Костылинъ закричалъ. Слышитъ Жилинъ — ѣдетъ кто-то сзади, кличетъ по своему. Бросился Жилинъ въ кусты. Татаринъ выхватилъ ружье, выпалилъ, — не попалъ, завизжалъ по своему и поскакалъ прочь по дорогѣ

— «Ну», говорить Жилинъ, «пропали, братъ! Онъ, собака, сейчасъ соберетъ татаръ за нами въ погоню. Коли не уйдемъ версты три — пропали». — А самъ думаетъ на Костылина: «И чортъ меня дернулъ колоду эту съ собой брать. Одинъ я бы давно ушелъ».

Костылинъ говорить: — Иди одинъ, за что тебѣ изъ за меня пропадать.

— Нѣтъ, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватилъ опять на плечи, поперъ. Прошелъ онъ такъ съ версту. Все лѣсъ идетъ и не видать выхода. А туманъ ужь расходиться сталъ, и какъ будто тучки заходить стали, не видать ужъ звѣздъ. Измучился Жилинъ.

Пришелъ у дороги родничекъ, камнемъ обдѣланъ. Остановился, ссадилъ Костылина.

— Дай, говоритъ, отдохну, напьюсь. Лепешекъ поѣдимъ. Должно быть недалеко.

Только прилегъ онъ пить, слышитъ — затопало сзади. Опять кинулись вправо, въ кусты, подъ кручь, и легли.

Слышатъ голоса татарскіе; остановились татары на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они съ дороги свернули. Поговорили, потомъ зауськали, какъ собакъ притравливаютъ. Слышатъ — трещитъ что-то по кустамъ, прямо

къ нимъ собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лѣзуть и татары — тоже чужіе; схватили ихъ, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проѣхали версты три, — встрѣчаетъ ихъ Абдулъ хозяинъ съ двумя татарами. Поговорилъ что-то съ татарами, пересадили на своихъ лошадей, повезли назадъ въ аулъ.

Абдулъ ужь не смѣется и ни слова не говоритъ съ ними.

Привезли на разсвѣтѣ въ аулъ, посадили на улицѣ. Сбѣжались ребята. Камнями, плетками бьютъ ихъ, визжатъ.

Собрались татары въ кружокъ, и старикъ изъ подъ горы пришелъ. Стали говорить. Слышитъ Жилинъ, что судятъ про нихъ, что́ съ ними дѣлать. Одни говорятъ — надо ихъ дальше въ горы услать, а старикъ говоритъ: «надо убить». Абдулъ споритъ, говоритъ: «я за нихъ деньги отдалъ; я за нихъ выкупъ возьму». А старикъ говоритъ: «Ничего они не заплатятъ, только бѣды надѣлаютъ. И грѣхъ русскихъ кормить. Убить, — и кончено».

Разошлись Подошелъ хозяинъ къ Жилину, сталъ ему говорить:

— Если, говоритъ, мнѣ не пришлютъ за васъ выкупъ, я черезъ двѣ недѣли васъ запорю. А если затѣешь опять бѣжать, — я тебя какъ собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли имъ бумаги, написали они письма. Набили на нихъ колодки, отвели за мечеть. Тамъ яма была аршинъ пяти, — и спустили ихъ въ эту яму.

VI.

Житье имъ стало совсѣмъ дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свѣтъ. Кидали имъ туда тѣсто непеченое, какъ собакамъ, да въ кувшинѣ воду спускали. Вонь въ ямѣ, духота, мокрота Костылинъ совсѣмъ разболѣлся, распухъ, и ломота во всемъ тѣлѣ стала; и все стонетъ или спитъ. И Жилинъ пріунылъ, видитъ — дѣло плохо. И не знаетъ, какъ выдраться.

Началъ онъ было подкапываться, да землю некуда кидать; увидалъ хозяинъ, пригрозилъ убить.

Сидитъ онъ разъ въ ямѣ на корточкахъ, думаетъ объ вольномъ житьѣ, и скучно ему. Вдругъ прямо ему на колѣнки лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядѣлъ кверху, — а тамъ Дина. Поглядѣла на него, посмѣялась и убѣжала. Жилинъ и думаетъ: «Не поможетъ ли Дина?»

Расчистилъ онъ въ ямѣ мѣстечко, наковырялъ глины, сталъ лѣпить куколъ. Надѣлалъ людей, лошадей, собакъ; думаетъ: «какъ придетъ Дина, брошу ей».

Только — на другой день нѣтъ Дины. А слышитъ Жилинъ — затопали лошади, проѣхали какіе-то, и собрались татары у мечети, спорятъ, кричатъ и поминаютъ про русскихъ. И слышитъ голосъ старика. Хорошенько не разобралъ онъ, а догадывается, что русскіе близко подошли, — и боятся татары, какъ бы въ аулъ не зашли, и не знаютъ, что̀ съ плѣнными дѣлать.

Поговорили и ушли. Вдругъ слышитъ — зашуршало что-то на верху. Видитъ: Дина присѣла на корточки, колѣнки выше головы торчатъ, свѣсилась, монисты

висятъ, болтаются надъ ямой. Глазенки такъ и блестятъ какъ звѣздочки. Вынула изъ рукава двѣ сырныя лепешки, бросила ему. Жилинъ взялъ и говоритъ: — «Что давно не бывала? А я тебѣ игрушекъ надѣлалъ. На, вотъ!» Сталъ ей швырять по одной. А она головой мотаетъ, не смотритъ. «Не надо», говоритъ. Помолчала, посидѣла и говоритъ: «Иванъ! тебя убить хотятъ». Сама себѣ рукой на шею

показываетъ.

— Кто убить хочетъ?

— Отецъ, — ему старики велятъ. А мнѣ тебя жалко.

Жилинъ и говоритъ:

— А коли тебѣ меня жалко, такъ ты мнѣ палку длинную принеси.

Она головой мотаетъ, — что «нельзя». Онъ сложилъ руки, молится ей:

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— «Нельзя», говоритъ, «увидятъ, всѣ дома», и ушла.

Вотъ сидитъ вечеромъ Жилинъ и думаетъ: «что будетъ?» Все поглядываетъ вверхъ. Звѣзды видны, а мѣсяцъ еще не всходилъ. Мулла прокричалъ, затихло все. Сталъ уже Жилинъ дремать, думаетъ: «побоится дѣвка».

Вдругъ на голову ему глина посыпалась; глянулъ кверху — шестъ длинный въ тотъ край ямы тыкается. Потыкался, спускаться сталъ, ползетъ въ яму. Обрадовался Жилинъ, схватилъ рукой, спустилъ; — шестъ здоровый. Онъ еще прежде этотъ шестъ на хозяйской крышѣ видѣлъ.

Поглядѣлъ вверхъ, — звѣзды высоко въ небѣ блестятъ, и надъ самой ямой, какъ у кошки, у Дины глаза въ

темнотѣ свѣтятся. Нагнулась она лицомъ на край ямы и шепчетъ: «Иванъ, Иванъ!» А сама руками у лица все машетъ, — что «тише молъ»

— Что? говоритъ Жилинъ

— Уѣхали всѣ, только двое дома.

Жилинъ и говоритъ:

— Ну, Костылинъ, пойдемъ, попытаемся послѣдній разъ; я тебя подсажу.

Костылинъ и слышать не хочетъ.

— Нѣтъ, говоритъ, ужъ мнѣ видно отсюда не выдти. Куда я пойду, когда и поворотиться силъ нѣтъ?

— «Ну, такъ прощай, — не поминай лихомъ». Поцеловался съ Костылинымъ.

Ухватился за шестъ, велѣлъ Динѣ держать и полезъ. Раза два онъ

обрывался, — колодка мѣшала. Поддержалъ его Костылинъ, — выбрался кое-какъ на верхъ. Дина его тянетъ рученками за рубаху изо всѣхъ силъ, сама смѣется.

Взялъ Жилинъ шестъ и говоритъ:

— Снеси на мѣсто, Дина, а то хватятся, — прибьютъ тебя.

Потащила она шестъ, а Жилинъ подъ гору пошелъ. Слѣзъ подъ крѫ̀чь, взялъ камень вострый, сталъ замокъ съ колодки выворачивать. А замокъ крѣпкій, — никакъ не собьетъ, да и неловко. Слышитъ — бѣжитъ кто-то съ горы, легко попрыгиваетъ. Думаетъ: «вѣрно опять Дина». Прибѣжала Дина, взяла камень и говоритъ:

— Дай, я.

Сѣла на колѣночки, начала выворачивать. Да рученки тонкія какъ прутики, — ничего силы нѣтъ. Бросила

камень, заплакала. Принялся опять Жилинъ за замокъ, а Дина сѣла подлѣ него на корточкахъ, за плечо его держитъ. Оглянулся Жилинъ, видитъ — на лѣво за горой, зарево красное загорѣлось, мѣсяцъ встаетъ. «Ну, думаетъ, до мѣсяца надо лощину пройти, до лѣсу добраться». Поднялся, бросилъ камень. Хоть въ колодкѣ — да надо идти.

— Прощай, говоритъ, Динушка. Вѣкъ тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина, шаритъ по немъ руками, ищетъ — куда бы лепешки ему засунуть. Взялъ онъ лепешки.

— «Спасибо», говоритъ, «умница. Кто тебѣ безъ меня куколъ дѣлать будетъ?» И погладилъ ее по головѣ.

Какъ заплачетъ Дина, — закрылась руками, побѣжала на гору, какъ козочка прыгаетъ. Только въ темнотѣ слышно — монисты въ косѣ по спинѣ побрякиваютъ.

Перекрестился Жилинъ, подхватилъ рукой замокъ на колодкѣ, чтобы не бренчалъ, пошелъ по дорогѣ, — ногу волочитъ, а самъ все на зарево поглядываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаетъ. Дорогу онъ узналъ. Прямикомъ идти верстъ восемь. Только бы до лѣсу дойти прежде, чѣмъ мѣсяцъ совсѣмъ выйдетъ. Перешелъ онъ рѣчку, — побѣлѣлъ уже свѣтъ за горой. Пошелъ лощиной, идетъ, самъ поглядываетъ: не видать еще мѣсяца. Ужъ зарево посвѣтлѣло и съ одной стороны лощины все свѣтлѣе-свѣтлѣе становится. Ползетъ подъ гору тѣнь, все къ нему приближается.

Идетъ Жилинъ, все тѣни держится. Онъ спѣшитъ, а мѣсяцъ еще скорѣе

выбирается; ужъ и на право засвѣтились макушки. Сталъ подходить къ лѣсу,

выбрался мѣсяцъ изъ-за горъ, — бѣло, свѣтло совсѣмъ, какъ днемъ. На деревахъ всѣ листочки видны. Тихо, свѣтло по горамъ; какъ вымерло все. Только слышно внизу рѣчка журчитъ.

Дошелъ до лѣсу, — никто не попался. Выбралъ Жилинъ мѣстечко въ лѣсу потемнѣе, сѣлъ отдыхать.

Отдохнулъ, лепешку съѣлъ. Нашелъ камень, принялся опять колодку сбивать. Всѣ руки избилъ, а не сбилъ. Поднялся, пошелъ по дорогѣ. Прошелъ съ версту, выбился изъ силъ, — ноги ломитъ. Ступитъ шаговъ десять и остоновится. «Нечего дѣлать», думаетъ, «буду тащиться пока сила есть. А если сѣсть, такъ и не встану. До крѣпости мнѣ не дойти, а какъ разсвѣтетъ, — лягу въ лѣсу, переднюю, и ночью опять пойду».

Всю ночь шелъ. Только попались два татарина верхами, — да Жилинъ издалека ихъ услышалъ, схоронился за дерево.

Ужъ сталъ мѣсяцъ блѣднѣть, роса пала, близко къ свѣту, а Жилинъ до края лѣса не дошелъ. — «Ну, думаетъ, еще тридцать шаговъ пройду, сверну въ лѣсъ и сяду». Прошелъ 30 шаговъ, видитъ — лѣсъ кончается. Вышелъ на край — совсѣмъ свѣтло; какъ на ладонкѣ передъ нимъ степь и крѣпость, и на лѣво, близехонько подъ горой, — огни горятъ, тухнутъ, дымъ стелется, и люди у костровъ.

Вглядѣлся — видитъ: ружья блестятъ, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилинъ, собрался съ послѣдними силами, пошелъ подъ гору. А самъ думаетъ: «избави Богъ, — тутъ, въ чистомъ полѣ, увидитъ конный татаринъ; хоть близко, а не уйдешь».

Только подумалъ — глядь: на лѣво, на бугрѣ стоятъ трое татаръ, десятины на двѣ. Увидали его, — пустились къ нему. Такъ сердце у него и оборвалось. Замахалъ руками, закричалъ что было духу своимъ:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши, — выскочили казаки верховые. Пустились къ нему — наперерѣзъ татарамъ.

Казакамъ далеко, а татарамъ близко. Да ужъ и Жилинъ собрался съ послѣдней силой, подхватилъ рукой колодку, бѣжитъ къ казакамъ, а самъ себя не помнитъ, крестится и кричитъ:

— Братцы! братцы! братцы!

Казаковъ человѣкъ 15-ть было.

Испугались татары, — не доѣзжаючи стали останавливаться. И подбѣжалъ Жилинъ къ казакамъ.

Окружили его казаки, спрашиваютъ: «кто онъ, что за человѣкъ, откуда?» А Жилинъ самъ себя не помнитъ, плачетъ и приговариваетъ:

— Братцы! братцы!

Выбѣжали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлѣба, кто каши, кто водки; кто шинелью прикрываетъ, кто колодку разбиваетъ.

Узнали его офицеры, повезли въ крѣпость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались къ Жилину.

Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ все дѣло было, и говоритъ:

— Вотъ и домой съѣздилъ, женился! Нѣтъ, ужъ видно не судьба моя.

И остался служить на Кавказѣ. А Костылина только еще черезъ мѣсяцъ выкупили за пять тысячь. Еле живаго привезли.

V.

ЛИСІЙ ХВОСТЪ.

Человѣкъ поймалъ лисицу и спросилъ ее: «кто научилъ лисицъ обманывать хвостомъ собакъ»? Лисица спросила: «Какъ обманывать? Мы не обманываемъ собакъ, а просто бѣжимъ отъ нихъ что есть силы». Человѣкъ сказалъ: «Нѣтъ, вы обманываете хвостомъ. Когда собаки догоняютъ васъ и хотятъ схватить, — вы поворачиваете хвостомъ въ одну сторону; собака круто поворачиваетъ за хвостомъ, — а вы тогда бѣжите въ противную сторону». Лисица засмѣялась и сказала: «мы дѣлаемъ это не для того, чтобы обманывать собакъ; а дѣлаемъ это только для того, чтобы поворачиваться: когда собака догоняетъ насъ, и мы видимъ, что не можемъ уйти прямо, — мы поворачиваемъ въ сторону; а для того, чтобы поворотиться вдругъ въ одну сторону, намъ нужно взмахнуть хвостомъ въ другую, — такъ какъ вы это дѣлаете руками, когда хотите на бѣгу поворотиться. Это не наша выдумка; это придумалъ самъ Богъ еще тогда, когда онъ сотворялъ насъ, — для того, чтобы собаки не могли переловить всѣхъ лисицъ».

ШЕЛКОВИЧНЫЙ ЧЕРВЬ.

У меня были старыя тутовыя деревья въ саду. Еще дѣдушка мой посадилъ ихъ. Мнѣ дали осенью золотникъ

сѣмянъ шелковичныхъ червей и присовѣтовали выводить червей и дѣлать шелкъ. Сѣмяна эти — темносѣрыя, и такія маленькія, что въ моемъ золотникѣ я сосчиталъ ихъ 5835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсѣмъ мертвыя; только когда раздавишь, такъ они щелкнутъ

Сѣмечки валялись у меня на столѣ, и я было забылъ про нихъ.

Но разъ весной я пошелъ въ садъ и замѣтилъ, что почка на тутовикѣ стала распускаться, и на припорѣ солнечномъ ужъ былъ листъ. Я вспомнилъ про сѣмена червей и дома сталъ перебирать ихъ и разсыпалъ попросторнѣе. Большая часть сѣмечекъ были уже не темносѣрыя, какъ прежде, а одни были свѣтлосѣрыя, а другія еще свѣтлѣе, съ молочнымъ отливомъ.

На другое утро я рано посмотрѣлъ яички и увидалъ, что изъ однихъ червячки уже вышли, а другія разбухли и налились. Они видно почувствовали въ своихъ скорлупкахъ, что кормъ ихъ поспѣлъ.

Червячки были черные, мохнатые и такіе маленькіе, что трудно ихъ было разсмотрѣть. Я поглядѣлъ въ увеличительное стекло на нихъ и увидалъ, что они въ яичкѣ лежатъ свернутые колечкомъ, и какъ выходятъ, такъ выпрямляются. Я пошелъ въ садъ за тутовыми листьями, набралъ пригоршни три, положилъ къ себѣ на столъ и принялся готовить для червей мѣсто, такъ какъ меня учили.

Пока я готовилъ бумагу, червячки почуяли на столѣ свой кормъ и поползли къ нему. Я отодвинулъ и сталъ манить червей на листъ, и они, какъ собаки за кускомъ мяса, ползли за листомъ по сукну стола черезъ карандаши,

ножницы и бумагу. Тогда я нарѣзалъ бумаги, протыкалъ ее ножичкомъ, на бумагу наложилъ листья, и совсѣмъ съ листомъ наложилъ бумагу на червяковъ. Червячки пролѣзли въ дырочки, всѣ взобрались на листъ и сейчасъ же принялись за ѣду.

На другихъ червей, когда они вывелись, я также наложилъ бумагу съ листомъ, и всѣ пролѣзли въ дырочки и принялись ѣсть. На каждомъ листѣ бумаги, всѣ червяки собирались вмѣстѣ и съ краевъ объѣдали листъ. Потомъ, когда съѣдали все, то ползали по бумагѣ и искали новаго корма. Тогда я накладывалъ на нихъ новые листы дырявой бумаги съ тутовымъ листомъ, и они перелѣзали на новый кормъ.

Они лежали у меня на полкѣ, и когда листа не было, они ползали по полкѣ, приползали къ самому краю, но никогда не спадали внизъ, даромъ что они слѣпые. Какъ только червякъ подойдетъ къ обрыву, онъ, прежде чѣмъ спускаться, изо рта выпуститъ паутинку и на ней приклеится къ краю, спустится, повиситъ, поосмотрится, и если хочетъ спуститься — спустится, а если хочетъ вернуться назадъ, то втянется назадъ по своей паутинкѣ.

Цѣлые сутки червяки только и дѣлали, что ѣли. И листу все имъ надо было подавать больше и больше. Когда имъ принесешь свѣжій листъ и они переберутся на него, то дѣлается шумъ, точно дождь по листьямъ: это они начинаютъ ѣсть свѣжій листъ.

Такъ старшіе черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали ѣсть въ 10 разъ больше противъ прежняго. На пятый день, я зналъ, что имъ надо засыпать, и все ждалъ, когда это будетъ. Къ вечеру на

5-й день точно — одинъ старшій червякъ прилипъ къ бумагѣ и пересталъ ѣсть и шевелиться.

На другія сутки я долго караулилъ его. Я зналъ, что черви нѣсколько разъ линяютъ, потому что выростаютъ и имъ тѣсно въ прежней шкурѣ, и они надѣваютъ новую.

Мы караулили по перемѣнкамъ съ моимъ товарищемъ. Ввечеру товарищъ закричалъ: «раздѣваться началъ, идите!» Я пришелъ и увидалъ, что точно, — этотъ червякъ прицѣпился старой шкурой къ бумагѣ, прорвалъ около рта дыру, высунулъ голову, и тужится, извивается — какъ бы выбраться, но старая рубашка не пускаетъ его. Долго я смотрѣлъ на него, какъ онъ бился и не могъ выбраться, и захотѣлъ помочь ему. Я ковырнулъ чуть чуть ногтемъ, но тотчасъ же увидалъ, что сдѣлалъ глупость. Подъ ногтемъ было что-то жидкое, и червякъ замеръ. Я думалъ, что это кровь, но потомъ я узналъ, что у червяка подъ кожей есть жидкій сокъ — для того, чтобы по смазкѣ легче сходила его рубашка. Ногтемъ я вѣрно разстроилъ новую рубашку, потому что червякъ хотя и вылѣзъ, но скоро умеръ.

Другихъ уже я не трогалъ, а они всѣ также выбирались изъ своихъ рубашекъ; только нѣкоторые пропадали, а всѣ почти, хотя и долго мучались, но выползали-таки изъ старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнѣе стали ѣсть, и листу пошло еще больше. Черезъ 4 дня они опять заснули и опять стали вылѣзать изъ шкуръ. Листу пошло еще больше, и они уже были ростомъ въ осьмушку вершка. Потомъ черезъ шесть дней — опять заснули и вышли опять въ новыхъ шкурахъ изъ старыхъ, и стали уже

очень велики и толсты, и мы едва поспѣвали готовить имъ листъ.

На 9-й день старшіе червяки совсѣмъ перестали ѣсть и поползли вверхъ по полкамъ и по столбамъ. Я собралъ ихъ и положилъ имъ свѣжаго листа, но они отворачивали головы отъ листа и ползли прочь. Я вспомнилъ тогда, что червяки, когда готовятся завиваться въ куклы, то перестаютъ совсѣмъ ѣсть и ползутъ вверхъ.

Я оставилъ ихъ и сталъ смотрѣть, что́ они будутъ дѣлать.

Старшіе влѣзли на потолокъ, разошлись врозь, поползали и стали протягивать по одной паутинкѣ въ разныя стороны. Я смотрѣлъ за однимъ. Онъ забрался въ уголъ, протянулъ нитокъ шесть на вершокъ отъ себя во всѣ стороны повисъ на нихъ, перегнулся подковой вдвое, и сталъ кружить головой и выпускать шелковую паутину, такъ что паутина обматывалась вокругъ него. Къ вечеру онъ уже былъ какъ въ туманѣ въ своей паутинѣ. Чуть видно его было; а на другое утро ужъ его и совсѣмъ не видно было за паутиной; онъ весь обмотался шелкомъ, и все еще моталъ.

Черезъ три дня онъ кончилъ мотать и замеръ.

Потомъ я узналъ, сколько онъ выпускаетъ въ длину паутины въ эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдетъ иногда больше версты, а рѣдко меньше. И если счесть сколько разъ надо мотнуть червяку головой въ эти три дня, чтобы выпустить паутину, то выйдетъ, что онъ повернется вокругъ себя въ эти три дня 300,000 разъ. Значитъ онъ не переставая дѣлаетъ каждую секунду по обороту. За то уже

послѣ этой работы, когда мы сняли нѣсколько куколокъ и разломили ихъ, то мы нашли въ куколкахъ червяковъ совсѣмъ высохшихъ, бѣлыхъ, точно восковыхъ.

Я зналъ, что изъ этихъ куколокъ съ бѣлыми, восковыми мертвецами внутри должны выйдти бабочки; но глядя на нихъ, не могъ этому вѣрить. Однако все таки я на 20-й день сталъ смотрѣть, что̀ будетъ съ тѣми, какихъ я оставилъ.

На 20-й день, я зналъ, что должна быть перемѣна. Ничего не было видно, и я уже думалъ — что-нибудь не такъ, какъ вдругъ примѣтилъ — на одномъ коконѣ кончикъ потемнѣлъ и намокъ. Я подумалъ уже, не

испортился ли, и хотѣлъ выбросить. Но потомъ подумалъ: не такъ ли начинается? — и сталъ смотрѣть, что́ будетъ. И точно, изъ мокраго мѣста что-то тронулось. Я долго не могъ разобрать, что̀ это такое. Но потомъ показалось что-то похожее на голову съ усиками. Усики шевелились. Потомъ я замѣтилъ, что лапка просунулась въ дырку, потомъ другая, — и лапки цѣплялись и выкарабкивались изъ куколки. Все дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобралъ — мокрую бабочку. Когда выбрались всѣ шесть лапокъ, — задокъ выскочилъ, она вылѣзла и тутъ же сѣла. Когда бабочка обсохла, она стала бѣлая, расправила крылья, полетала, покружилась и сѣла на окно.

Черезъ два дня бабочка на подоконннкѣ рядкомъ паклала яицъ и приклеила ихъ. Яички были желтыя. 25 бабочекъ положили яйца. И я набралъ 5,000 яичекъ.

На другой годъ я выкормилъ уже больше червей и больше вымоталъ шелку.

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ.

Пять лѣтъ нашъ садъ былъ заброшенъ; я нанялъ работниковъ съ топорами и лопатами, и самъ сталъ работать съ ними въ саду. Мы вырубали и вырѣзывали сушь и дичь и лишніе кусты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другія деревья — тополь и черёмуха. Тополь идетъ отъ корней, и его нельзя вырыть, а въ землѣ надо вырубать корни. За прудомъ стоялъ огромный въ два обхвата тополь. Вокругъ него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велѣлъ ихъ рубить: мнѣ хотѣлось, чтобы мѣсто было веселѣе, — а главное, мнѣ хотѣлось облегчить старый тополь, потому что я думалъ — всѣ эти молодыя деревья отъ него идутъ и изъ него тянуть сокъ. Когда мы вырубали эти молодые тополюки, мнѣ иногда жалко становилось смотрѣть, какъ разрубали подъ землею ихъ сочные коренья, какъ потомъ въ четверомъ мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополекъ. Онъ изо всѣхъ силъ держался и не хотѣлъ умирать. Я подумалъ: видно нужно имъ жить, если они такъ крѣпко держаться за жизнь. Но надо было рубить, и я рубилъ. Потомъ уже, когда было поздно, — я узналъ, что не надо было уничтожать ихъ.

Я думалъ, что отростки вытягиваютъ сокъ изъ старого тополя, а вышло на оборотъ. Когда я рубилъ ихъ, старый тополь ужъ умиралъ. Когда распустились листья, я увидалъ (онъ расходился на два сука), что одинъ сукъ былъ голый; и въ тоже лѣто онъ засохъ. Онъ давно уже умиралъ и зналъ это, и передалъ свою жизнь въ отростки.

Отъ этого они такъ скоро разрослись, а я хотѣлъ его облегчить — и побилъ всѣхъ его дѣтей.

ЧЕРЕМУХА.

Одна черемуха выросла на дорожкѣ орѣшника и заглушала лещиновые кусты. Долго думалъ я — рубить иль не рубить ее; мнѣ жаль было. Черемуха эта росла не кустомъ, а деревомъ вершка три въ отрубѣ и сажени 4 въ вышину, вся развилистая, кудрявая, и вся обсыпанная яркимъ, бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ. Издалека слышенъ былъ ея запахъ. Я бы и не срубилъ ее, да одинъ изъ работниковъ (я ему прежде сказал вырубить всю черемуху) безъ меня началъ рубить ее. Когда я пришелъ, ужъ онъ врубился въ нее вершка на полтора, и сокъ такъ и хлюпалъ подъ топоромъ, когда онъ попадалъ въ прежнюю тяпку. «Нечего дѣлать, видно судьба», — подумалъ я, взялъ самъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топоръ, и потомъ напрямикъ подсѣчь подкошенное, и дальше и дальше врубаться въ дерево.

Я совсѣмъ забылъ о черемухѣ и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе свалить ее. Когда я запыхался, я положилъ топоръ, уперся съ мужикомъ въ дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на насъ закапало съ него росой и посыпались бѣлые, душистые лепестки цвѣтовъ.

Въ тоже время, точно вскрикнуло что-то, — хрустнуло въ серединѣ дерева; мы налегли, и, какъ будто заплакало,

— затрещало въ серединѣ, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и покачиваясь легло сучьями и цвѣтами на траву. Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

«Эхъ! штука-то важная!» сказалъ мужикъ. «Живо жалко!» А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ.

КАКЪ ХОДЯТЪ ДЕРЕВЬЯ.

Разъ мы вычищали на полубугрѣ подлѣ пруда заросшую дорожку. Много нарубили шиповника, лозины, тополя, — потомъ пришла черёмуха. Росла она на самой дорогѣ и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше 10 лѣтъ, А пять лѣтъ тому назадъ, я зналъ, что садъ былъ чищенъ. Я никакъ не могъ понять — какъ могла тутъ вырости такая старая черёмуха. Мы срубили ее и прошли дальше. Дальше, въ другой чащѣ, росла другая такая же черёмуха, даже еще потолше. Я осмотрѣлъ ея корень и нашелъ, что она росла подъ старой липой. Липа своими сучьями заглушила ее и черёмуха протянулась аршинъ на пять прямымъ стеблемъ по землѣ, а когда выбралась на свѣтъ, подняла голову и стала цвѣсти. Я срубилъ ее въ корнѣ, и подивился тому, какъ она была свѣжа и какъ гнилъ былъ корень Когда я срубилъ ее, мы съ мужиками стали ее оттаскивать; но сколько мы ни тащили, — не могли ее сдвинуть: она какъ будто прилипла. Я сказалъ «посмотри, не зацѣпили-ли гдѣ?» Работникъ подлѣзъ подъ нее и закричалъ: «Да у ней другой корень; вотъ на дорогѣ!» Я подошелъ къ нему и увидалъ, что это было правда.

Черёмуха, чтобы ея не глушила липа, перешла изъ-подъ липы на дорожку, за три аршина отъ прежняго корня. Тотъ корень, что я срубилъ, былъ гнилой и сухой, а новой былъ свѣжій. Она почуяла видно, что ей не жить подъ липой, вытянулась, вцѣпилась сучкомъ за землю, сдѣлала изъ сучка корень, а тотъ корень бросила. Тогда только я понялъ, какъ выросла та первая черёмуха на дорогѣ. Она тоже вѣрно сдѣлала, — но успѣла уже совсѣмъ отбросить старый корень, такъ что я не нашелъ его.

УДѢЛЬНЫЙ ВѢСЪ.

Греческій Царь Гіеронъ Сиракузскій заказалъ своему золотыхъ дѣлъ мастеру Димітрію золотую корону для идола Юпитера и далъ ему 12 фунтовъ золота. Димитрій сдѣлалъ корону, и когда Царь ее свѣсилъ, то въ коронѣ было ровно 12 фунтовъ. Только царь прослышалъ, что Димитрій укралъ много золота и въ корону подмѣшалъ серебра. Царю хотѣлось доискаться, многоли подмѣшано серебра въ коронѣ, и онъ велѣлъ ее перетопить, чтобы видѣть середину. Былъ одинъ умный и ученый человѣкъ, родной царю, Архимедъ. Онъ сказалъ царю: «не вели ломать корону, чтобы даромъ не пропала работа; а я, не ломаючи корону, узнаю, сколько въ ней серебра и сколько золота. Царь согласился съ Архимедомъ, и Архимедъ сдѣлалъ такъ:

Онъ взялъ фунтъ золота и фунтъ серебра, и свѣсилъ ихъ просто на вѣсахъ; а потомъ свѣсилъ ихъ въ водѣ. Фунтъ золота въ водѣ потянулъ

на одну гирьку меньше, чѣмъ прежде, а фунтъ серебра на двѣ гирька меньше.

— 73 —

Потомъ Архимедъ всю корону свѣсилъ въ водѣ, позвалъ Царя и сказалъ: «Съ фунта чистаго золота, если вѣсить въ водѣ, — остается гирька; а если вѣсить серебро въ водѣ, — остаются двѣ гирьки съ фунта; стало быть, если корона вся изъ чистаго золота и въ ней 12 фунтовъ, то въ двѣнадцати фунтахъ надо снять съ вѣсовъ 12 гирекъ. Вотъ смотри». Онъ положилъ на вѣсы 12 фунтовъ и сталъ вѣшать корону въ водѣ. Корона не потянула двѣнадцати фунтовъ безъ 12 гирекъ, а меньше. Сняли еще гирекъ, — Архимедъ и говорить: «Вотъ сколько тутъ снято лишнихъ гирекъ, на столько Димитрій и обманулъ тебя». Такъ Архимедъ вѣрно узналъ, сколько было серебра подмѣшано въ корону.

ВРЕДНЫЙ ВОЗДУХЪ.

Въ селѣ Никольскомъ, въ праздникъ, народъ пошелъ къ обѣднѣ. На барскомъ дворѣ остались скотница, староста и конюхъ. Скотница пошла къ колодцу за водой. Колодезь былъ на самомъ дворѣ. Она вытащила бадью, да не удержала. Бадья сорвалась, ударилась объ стѣнку колодца и оторвала веревку. Скотница вернулась въ избу и говорить старостѣ:

— «Александръ! слазяй, батюшка, въ колодезь, — я бадью упустила». Александръ сказалъ:

— «Ты упустила, ты и доставай».Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полѣзетъ, — только, чтобы онъ спускалъ её.

Староста посмѣялся ей и сказалъ:

— «Ну, пойдемъ. Ты теперь на тощакъ, такъ я удержу; а послѣ обѣда и не удержать».

— 74 —

Староста привязалъ палку къ веревкѣ, и баба верхомъ сѣла на нее, взялась за веревку и стала слѣзать въ колодезь, а староста за колесо сталъ спускать ее. Въ колодцѣ было всего шесть аршинъ глубины, и только на аршинъ стояла вода. Староста спускалъ за колесо потихоньку и все спрашивалъ: «Еще что-ли?» Скотница кричала оттуда: «еще немного!»

Вдругъ староста почувствовалъ, что веревка ослабла: онъ окликнулъ скотницу, но она не отвѣчала. Староста поглядѣлъ въ колодезь и

увидѣлъ, что баба лежитъ въ водѣ головой и кверху ногами. Староста сталъ кричать и звать народъ; но никого не было. Пришелъ только одинъ конюхъ. Староста велѣлъ ему держать колесо, а самъ вытянулъ веревку, сѣлъ на палку и полѣзъ въ колодезь.

Только что конюхъ спустилъ старосту до воды, съ старостой сдѣлалось то же самое. Онъ бросилъ веревку и упалъ головой внизъ на бабу. Конюхъ сталъ кричать, потомъ побѣжалъ въ церковь за народомъ. Обѣдня отошла, и народъ шелъ изъ церкви. Всѣ мужики и бабы побѣжали къ колодцу. Всѣ столпились у колодца и всякій кричалъ свое, — но никто не зналъ, что́ дѣлать. Молодой плотникъ Иванъ пробился сквозь толпу къ колодцу, схватилъ веревку, сѣлъ на палку и велѣлъ себя спускать. Иванъ только привязалъ себя къ веревкѣ кушакомъ. Двое спускали его, а другіе всѣ смотрѣли въ колодезь, что будетъ съ Иваномъ. Какъ только онъ сталъ доходить до воды, онъ бросилъ веревку руками и упалъ бы головой, но кушакъ держалъ его. Всѣ закричали: «тащи его назадъ!» — и Ивана вытащили.

Онъ какъ мертвый висѣлъ на кушакѣ, голова его тоже висѣла и билась о края колодца. Лицо было сине-багровое. Его вынули, сняли съ веревки и положили на землю. Думали, что онъ мертвый; но онъ вдругъ тяжело дохнулъ, сталъ перхать и ожилъ.

Тогда хотѣли лѣзть еще, но одинъ старый мужикъ сказалъ, что лазить нельзя, потому что въ колодцѣ дурной воздухъ, и что этотъ дурной воздухъ убиваетъ людей. Тогда мужики побѣжали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другіе ихъ унимали, а мужики цѣпляли въ колодцѣ баграми, и старались вытащить мертвыхъ. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье; но онъ былъ тяжелъ, платье прорывалось и онъ срывался. Наконецъ зацѣпили его въ два багра и вытащили. Потомъ вытащили и скотницу. Оба уже были совсѣмъ мертвые и не ожили.

Потомъ, когда стали разсматривать колодезь, то узнали, что точно, — внизу колодца былъ дурной воздухъ.

Воздухъ этотъ бываетъ такой тяжелый, что въ немъ ни человѣкъ и никакое животное жить не можетъ. Спустили въ колодезь кошку, — и какъ она дошла до того мѣста, гдѣ стоялъ другой воздухъ, она сейчасъ умерла. Мало того, что животное жить не можетъ, — свѣча тамъ не можетъ горѣть. Спустили свѣчу, и какъ она дошла до того мѣста — сейчасъ потухла.

Бываютъ мѣста подъ землей, гдѣ этотъ воздухъ собирается, и если попадешь въ такое мѣсто, то сейчасъ умираешь. Для этого въ рудникахъ дѣлаютъ лампы, и прежде чѣмъ человѣку идти въ такое мѣсто, спускаютъ туда лампу. Если лампа тухнетъ, то и человѣку

нельзя идти; тогда пускаютъ туда чистаго воздуха до тѣхъ поръ, пока можетъ огонь горѣть. Подлѣ города Неаполя есть одна такая пещера. Въ ней дурной воздухъ всегда стоитъ внизу на аршинъ отъ земли, а выше хорошій воздухъ. Человѣкъ будетъ ходить по этой пещерѣ и ему ничего не сдѣлается; а собака — какъ войдетъ, такъ и задохнется.

Откуда берется этотъ дурной воздухъ? Онъ дѣлается изъ того самаго хорошаго воздуха, какимъ мы дышимъ. Если собрать много людей въ одно мѣсто и закрыть всѣ двери и окна такъ, чтобы не проходилъ свѣжій воздухъ, то сдѣлается такой же воздухъ, какъ въ колодцѣ, — и люди помрутъ.

Сто лѣтъ тому назадъ на войнѣ, индѣйцы взяли въ плѣнъ 146 англичанъ и заперли ихъ въ подземную пещеру, куда не могъ проходить воздухъ.

Плѣнные англичане, когда побыли тамъ нѣсколько часовъ, стали задыхаться, — и подъ конецъ ночи изъ нихъ 123 умерло, а остальные вышли еле живые и больные. Сначала въ пещерѣ воздухъ былъ хорошъ; но когда плѣнные выдышали весь хорошій воздухъ, а новаго не приходило, — сдѣлался дурной воздухъ, похожій, на тотъ, что былъ въ колодцѣ, и они померли. Отчего дѣлается дурной воздухъ изъ хорошаго, когда соберутся много людей? Оттого, что люди, когда дышутъ, то забираютъ въ себя хорошій воздухъ, а выдыхаютъ дурной.

ГАЗЫ.

I.

Воздухъ бываетъ разный, хоть онъ всегда свѣтлый и невидный.

Вода расходится въ воздухѣ, дѣлается летучею; и когда много воды въ воздухѣ, онъ бываетъ сырой, когда мало — сухой.

Когда въ закрытомъ мѣстѣ надышутъ люди, воздухъ бываетъ дурной, нездоровый; а на открытыхъ мѣстахъ, или въ лѣсу, — воздухъ здоровый, хорошій. Это бываетъ отъ того, что въ закрытой комнатѣ къ обыкновенному воздуху прибавился тотъ дурной воздухъ, который выдыхаютъ изъ себя люди и всѣ животныя.

Стало быть въ воздухѣ есть разныя части, и ихъ глазомъ нельзя отличить: всѣ похожи на обыкновенный воздухъ. Эти разныя вещества, разные газы, смѣшаны въ воздухѣ такъ, какъ вода съ уксусомъ или съ виномъ. Если въ воду налить водки, то вода и водка перемѣшаются такъ, что глазомъ не разберешь, есть ли въ водѣ водка, или нѣтъ, — и много ли ея, или мало. Но понюхать, — и можно разобрать; такъ и въ воздухѣ бываетъ разная смѣсь, и глазами ничего нельзя видѣть, а можно только почувствовать, когда долго подышешь. Въ хорошемъ воздухѣ дышать пріятно и здорово, въ дурномъ тяжело и иногда вредно.

Для дыханія нужнѣе всѣхъ частей воздуха одна, называемая кислородомъ. Если собрать этотъ газъ отдѣльно и всунуть въ него курилку, то она сейчасъ загорится огнемъ. Стало быть отъ него дерево и всякая другая вещь горитъ сильнѣе. А если кислорода нѣтъ въ воздухѣ, и всунуть въ такой воздухъ курилку, она погаснеть.

Отъ того воздухъ и нуженъ для горѣнія, что въ немъ есть кислородъ. Чтобы огонь разгорѣлся, на него дуютъ машутъ; а если хочешь, чтобы загорѣвшаяся вещь погасла, — сдѣлай такъ, чтобы вокругъ нея не было воздуха; накрой ее, зажми со всѣхъ сторонъ, — и она погаснетъ

Другая часть воздуха — азотъ. Въ немъ дышать нельзя и вещи не могутъ горѣть.

Третья часть воздуха — углекислый газъ, углекислота. Она тоже не годится ни для дыханія, ни для горѣнія. Этого газа мало въ воздухѣ, но онъ вездѣ есть. Когда же его наберется много, то онъ опускается и собирается внизу, потому что онъ тяжелѣе другихъ газовъ.

Четвертая часть воздуха — водяные пары, летучая вода.

Когда мы дышемъ, то кислородъ уходитъ въ наше тѣло, и въ томъ воздухѣ, который мы выдыхаемъ, кислорода меньше, чѣмъ въ обыкновенномъ воздухѣ, а за то больше углекислоты. Вотъ отъ чего воздухъ становится дурнымъ отъ дыханія.

Деревья, травы и всѣ растенія тоже дышутъ только они не втягиваютъ въ себя воздухъ, какъ мы втягиваемъ грудью, а вбираютъ его всѣми листочками и молодой корою. И изъ всѣхъ листочковъ тоже незамѣтно выдыхается воздухъ; и этотъ воздухъ тоже не такой, какъ обыкновенный: въ немъ меньше углекислоты и больше кислорода. Стало быть растеніямъ нужна углекислота, которая не нужна и вредна животнымъ. И вотъ отчего въ лѣсу воздухъ такой здоровый: тамъ и углекислоты меньше, и кислорода больше.

ГАЗЫ.

II.

Если въ ведро съ водой набросать камней, пробокъ, соломы, дерева сухаго и сыраго, насыпать песку, глины, соли, налить туда же масла, водки, и все это взболтать и смѣшать, — и потомъ посмотрѣть, что будетъ дѣлаться, то увидишь, что камни, глина, песокъ пойдутъ на дно; сухое дерево, солома, пробки, масло всплывутъ кверху; соль и водка распустятся, такъ что ихъ не будетъ видно. Все это будетъ сначала кружиться, шевелиться, толкать другъ друга, а потомъ все найдетъ себѣ мѣсто и разстановится: чтò тяжелѣе, то скорѣе пойдетъ книзу; чтò легче, то скорѣе пойдетъ на верхъ.

Точно также въ воздухѣ, надъ землею размѣщаются всѣ газы. Какіе тяжелѣе воздуха, тѣ садятся ниже; какіе легче, тѣ поднимаются выше; какіе могутъ распуститься, тѣ расходятся по всему воздуху.

Если бы газы не дѣлались новые, не смѣшивались бы съ другими, не перемѣнялись. бы, то воздухъ бы стоялъ надъ землею и не шевелился бы, какъ вода въ ведрѣ, когда она устоится; но на землѣ безпрестанно дѣлаются новые газы, и тѣ, какіе есть, смѣшиваются съ другими веществами.

Каждый человѣкъ, каждое животное, когда дышетъ, то выбираетъ изъ воздуха кислородъ и въ самомъ себѣ смѣшиваетъ его съ веществами своего тѣла, а выпускаетъ уже другимъ газомъ. Всякое растеніе — трава, дерево забираетъ въ себя углекислоту и выпускаетъ кислородъ. Вода въ одномъ мѣстѣ изъ жидкой дѣлается летучею, водянымъ газомъ, невидимым паромъ; въ

другомъ мѣстѣ изъ летучей воды дѣлается жидкая. Отъ этого въ воздухѣ всегда ходятъ разные газы: какіе легче, тѣ идутъ вверхъ, какіе тяжелѣе — тѣ опускаются внизъ, — и ходятъ газы безпрестанно, какъ въ ведрѣ съ водою разныя вещества. Но всего больше весь воздухъ шевелится и ходитъ отъ того, что — какъ онъ гдѣ нагрѣется, такъ поднимается кверху, — а какъ остынетъ, такъ идетъ къ низу. Когда въ солнечный день солнце съ боку свѣтитъ въ окно, то къ лучахъ солнца видно, какъ кружатся и прыгаютъ кверху и книзу пылинки. Это крутится теплый и холодный воздухъ и носитъ съ собою легкія пылинки.

КАКЪ ДѢЛАЮТЪ ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ.

Если взять надутый пузырь и опустить его въ воду, а потомъ пустить, — то пузырь выскочитъ на верхъ воды и станетъ по ней плавать. Точно также, если кипятить чугунъ воды, — то на днѣ, надъ огнемъ, вода дѣлается летучею, газомъ; и какъ соберется немножко водянаго газа, онъ сейчасъ пузыремъ выскочитъ на верхъ. Сперва выскочитъ одинъ пузырь, потомъ другой, а какъ нагрѣется вся вода, то пузыри выскакиваютъ не переставая; тогда вода кипитъ.

Такъ же, какъ изъ воды выскакиваютъ на верхъ пузыри надутые летучею водою, потому что они легче воды, — такъ изъ воздуха выскочитъ на самый верхъ воздуха пузырь надутый газомъ-водородомъ, или горячимъ воздухомъ, — потому что горячій воздухъ легче холоднаго воздуха, а водородъ легче всѣхъ газовъ.

Воздушные шары дѣлаютъ изъ водорода и изъ горячаго воздуха. Изъ водорода шары дѣлаютъ вотъ какъ:

сдѣлаютъ большой пузырь, привяжутъ его веревками къ кольямъ и напустятъ въ него водорода. Какъ только отвяжутъ веревку, пузырь полетитъ кверху, и летитъ до тѣхъ поръ, пока не выскочитъ изъ воздуха того, который тяжелее водорода. А когда выскочитъ наверхъ въ легкій воздухъ, то начнетъ плавать по воздуху, какъ пузырь на водѣ. Изъ горячаго воздуха дѣлаютъ воздушные шары вотъ какъ. Сдѣлаютъ большой пустой шаръ съ горлышкомъ внизу, какъ перевернутый кувшинъ; и въ горлышкѣ придѣлаютъ клокъ хлопка, и хлопокъ этотъ намочатъ въ спиртѣ и зажгутъ. Отъ огня разогрѣется воздухъ въ шарѣ и станетъ легче воздуха холоднаго, и шаръ потянетъ кверху, какъ пузырь изъ воды. И шаръ будетъ летѣть до тѣхъ поръ кверху, пока не придетъ воздухъ легче горячаго воздуха въ шарѣ.

Почти сто лѣтъ тому назадъ французы — братья Монгольфьеры выдумали воздушные шары. Они сдѣлали шаръ изъ полотна съ бумагой, напустили въ него горячаго воздуха: шаръ полетѣлъ. Тогда они сдѣлали другой шаръ побольше, подвязали подъ шаръ барана, пѣтуха и утку, и пустили. Шаръ поднялся и опустился благополучно. Потомъ уже поддѣлали подъ шаръ лодочку, и въ лодочку сѣлъ человѣкъ. Шаръ взлетѣлъ такъ высоко, что скрылся изъ виду; полеталъ и потомъ спустился благополучно. Потомъ придумали наполнять шары водородомъ и стали летать еще выше и скорѣе.

Для того, чтобы летать на шару, подвязываютъ подъ него лодочку, и въ эту лодочку садятся по двое, по трое, и даже по восьми человѣкъ, и берутъ съ собою питье и ѣду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься когда хочешь,

въ шару сдѣланъ клапанъ, и этотъ клапанъ тотъ, кто летитъ, можетъ за веревку потянуть и открывать и закрывать. Если шаръ слишкомъ высоко поднимется, и, кто летитъ, хочетъ спустить его, то онъ откроетъ клапанъ, — газъ выйдетъ, шаръ сожмется и станетъ спускаться. Кромѣ того на шару всегда есть мѣшки съ пескомъ. Если сбросить мѣшокъ, то шару будетъ легче, и онъ пойдетъ кверху. Если, кто летитъ, хочетъ спуститься и видитъ, что внизу не ладно, — или рѣка, иди лѣсъ, — то онъ высыпаетъ песокъ изъ мѣшковъ, и шаръ становится легче и опять поднимается.

РАЗСКАЗЪ АЭРОНАВТА.

Народъ собрался смотрѣть на то, какъ я полечу. Шаръ былъ готовъ. Онъ подрагивалъ, рвался вверхъ на четырехъ канатахъ и то морщился, то надувался. Я простился съ своими, сѣлъ въ лодку, осмотрѣлъ, всѣ ли мои припасы были по мѣстамъ, и закричалъ: «пускай!» Канаты подрѣзали, и шаръ поднялся кверху сначала тихо, — какъ жеребецъ сорвался съ привязи и оглядывался, — и вдругъ дернулъ кверху и полетѣлъ такъ, что дрогнула и закачалась лодка. Внизу захлопали въ ладоши, закричали и замахали платками и шляпами. Я взмахнулъ имъ шляпой, и не успѣлъ опять надѣть её, какъ ужъ я былъ такъ высоко, что съ трудомъ могъ разобрать людей. Первую минуту мнѣ стало жутко, и морозъ пробѣжалъ по жиламъ; но потомъ вдругъ такъ стало весело на душѣ, что я забылъ бояться. Мнѣ ужъ чуть слышенъ былъ шумъ въ городѣ. Какъ пчелы шумѣлъ народъ внизу. Улицы, дома, рѣка, сады въ городѣ виднѣлись мнѣ внизу какъ на картинкѣ.

Мнѣ казалось, что я царь надъ всѣмъ городомъ и народомъ, — такъ мнѣ весело было на верху. Я шибко поднимался кверху, — только подрагивали веревки въ лодкѣ, да разъ налетѣлъ на меня вѣтеръ, перевернулъ меня два раза на мѣстѣ; но потомъ опять не слыхать было, лечу ли я, или стою на мѣстѣ. Я только потому замѣчалъ, что лечу кверху, что все меньше и меньше становилась подо мной картинка города, и дальше становилось видно. Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдругъ я замѣтилъ, что земля подо мной стала какъ чашка. Края были выпуклые, — на днѣ чашки былъ городъ. Мнѣ веселѣе и веселѣе становилось. Весело и легко было дышать и хотѣлось пѣть. Я запѣлъ, но голосъ мой былъ такой слабый, что я удивился и испугался своему голосу.

Солнце еще стояло высоко, но на закатѣ тянулась туча, — и вдругъ она

закрыла солнце. Мнѣ опять стало жутко, и я, чтобъ заняться чѣмъ нибудь, досталъ барометръ и посмотрѣлъ на него, и по немъ узналъ, что я поднялся уже на 4 версты. Когда я клалъ на мѣсто барометръ, что-то затрепыхалось около меня, и я увидалъ голубкà. Я вспомнилъ, что взялъ голубкà затѣмъ, чтобы спустить его съ записочкой внизъ. Я написалъ на бумажкѣ, что я живъ и здоровъ, на 4-хъ верстахъ высоты, и привязалъ бумажку къ шеѣ голубя. Голубь сидѣлъ на краю лодки и смотрѣлъ на меня своими красноватыми глазами. Мнѣ казалось, что онъ просилъ меня, чтобы я не сталкивалъ его. Съ тѣхъ поръ какъ стало пасмурно, внизу ничего не было видно Но нечего дѣлать, надо было послать внизъ голубя. Онъ дрожалъ всѣми перушками, когда я взялъ его въ руку.

Я отвелъ руку и бросилъ его. Онъ, часто махая крыльями, полетѣлъ бокомъ какъ камень книзу. Я посмотрѣлъ на барометръ. Теперь я уже былъ на пять верстъ надъ землею и чувствовалъ, что мнѣ воздуха мало, и я часто сталъ дышать. Я потянулъ за веревку, чтобы выпустить газъ и спускаться, но ослабѣлъ ли я, или сломалось что-нибудь — клапанъ не открывался. Я обмеръ. Мнѣ не слыхать было, чтобы я поднимался, — ничто не, шевелилось; но дышать мнѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. «Если я не остановлю шаръ», подумалъ я, «то онъ лопнетъ, и я пропалъ». Чтобы узнать, поднимаюсь ли я или стою на мѣстѣ, — я выбросилъ бумажку изъ лодки. Бумажки точно камни летѣли книзу. Значитъ я какъ стрѣла летѣлъ кверху. Я изо всѣхъ силъ ухватился за веревку и потянулъ. Слава Богу — клапанъ открылся, засвистало что-то. Я выбросилъ еще бумажку — бумажка полетѣла около меня и поднялась. Значитъ я опускался. Внизу все еще ничего не было видно. Только какъ море тумана разстилалось надо мной. Я спустился въ тумань. Это были тучи. Потомъ подулъ вѣтеръ, понесъ меня куда-то, и скоро выглянуло солнце, и я увидалъ подъ собой опять чашку земли. Но не было нашего города, а какіе-то лѣса и двѣ синія полосы — рѣки. Опять мнѣ стало радостно на душѣ и не хотѣлось спускаться; но вдругъ что-то зашумѣло подлѣ меня, и я увидѣлъ орла.

Онъ удивленными глазами поглядѣлъ на меня и остановился на крыльяхъ. Я какъ камень летѣлъ внизъ. Я сталъ скидывать баластъ, чтобъ задержаться.

Скоро мнѣ стали видны поля, лѣсъ, и у лѣса деревня, и къ деревнѣ идетъ стадо. Я слышалъ голоса

народа и стада. Шаръ мой спускался тихо. Меня увидали. Я закричалъ и бросилъ имъ веревки. Сбѣжался народъ. Я видѣлъ, какъ мальчикъ первый поймалъ веревку. Другіе подхватили, прикрутили шаръ къ дереву и я вышелъ. Я леталъ только 3 часа. Деревня эта была за 250 верстъ отъ моего города.

ГАЛЬВАНИЗМЪ.

Былъ одінъ ученый итальянецъ Гальвани. У него была электрическая машина, и онъ показывалъ своимъ ученикамъ, что такое электричество. Онъ натиралъ крѣпко стекло шелкомъ съ мазью и потомъ къ стеклу подводилъ мѣдную шишечку укрѣпленную въ стеклѣ, — и изъ стекла перескакивала искра въ мѣдную шишечку. Онъ толковалъ имъ, что бываетъ такая же искра и отъ сургуча и отъ янтаря. Показывалъ, какъ перушки и бумажки иногда притягиваются электричествомъ, иногда отталкиваются, и отчего это бываетъ. Онъ много дѣлалъ разныхъ опытовъ съ электричествомъ, и все это показывалъ ученикамъ.

Однажды у него заболѣла жена. Онъ позвалъ доктора и спросилъ, чѣмъ её лѣчить? Докторъ велѣлъ сдѣлать ей супъ изъ лягушекъ. Гальвани велѣлъ наловить съѣдобныхъ лягушекъ. Ему наловили, убили ихъ и положили къ нему на столъ.

Пока кухарка не приходила за лягушками, Гальвани продолжалъ показывать ученикамъ эликтрическую машину и пускать искры.

Вдругъ онъ увидалъ, что мертвыя лягушки на столѣ дрыгаютъ ногами. Онъ сталь присматриваться

и замѣтилъ, что всякій разъ, какъ онъ пуститъ искру изъ электрической машины, лягушки дрыгнутъ ногами. Гальвани набралъ еще лягушекъ и сталъ надъ ними дѣлать опыты. Всякій разъ выходило такъ, что какъ пуститъ искру, такъ мертвыя лягушки станутъ какъ живыя шевелить ногами.

Гальвани и подумалъ, что живыя лягушки не отъ того ли шевелятъ ногами, что въ нихъ проходитъ электричество. А Гальвани зналъ, что электричество есть и въ воздухѣ, что въ сургучѣ, янтарѣ и стеклѣ оно замѣтнѣе, но что оно есть въ воздухѣ и что гроза и молнія бываютъ отъ воздушнаго электричества.

Вотъ онъ и сталъ пытать, не будутъ ли мертвыя лягушки двигать ногами и отъ воздушнаго электричества. Для этого онъ взялъ лягушекъ, снялъ съ нихъ шкуру, отрѣзалъ головы и переднія лапы и подвѣсилъ ихъ мѣдными крючками къ крышѣ подъ желѣзный жолобъ. Онъ думалъ, что когда найдетъ гроза и въ воздухѣ будетъ много электричества, то черезъ мѣдную проволоку электричество пройдетъ въ лягушекъ, и они начнутъ шевелиться.

Только гроза проходила нѣсколько разъ, а лягушки не шевелились.

Гальвани сталъ уже снимать ихъ, да снимаючи тронулъ лягушечьей ногой объ жолобъ, — и нога дрыгнула. Гальвани снялъ лягушекъ и сталъ пробовать такъ: онъ привязалъ къ мѣдному крючку желѣзную проволоку и проволокой трогалъ лягушечью лапу, — и лапа дрыгала.

Вотъ Гальвани и рѣшилъ, что всѣ животныя живы только отъ того, что въ нихъ электричество, и что электричество перескакиваетъ отъ мозга въ мясо и отъ

этого животныя движутся. Никто тогда еще не пробовалъ хорошенько этого дѣла и не зналъ, и всѣ повѣрили Гальвани. Но въ это время другой ученый, Вольта, сталъ пробовать по своему и показалъ всѣмъ, что Гальвани ошибся. Онъ попробовалъ трогать лягушку не такъ, какъ Гальвани, не мѣднымъ крючкомъ съ желѣзной проволокой — а либо мѣдной проволокой съ мѣднымъ крючкомъ, либо желѣзной съ желѣзнымъ крючкомъ, — и лягушки не шевелились. Лягушки шевелились только тогда, когда Вольта трогалъ ихъ желѣзной проволокой связанной съ мѣдной.

Вольта и подумалъ, что электричество, не въ мертвой лягушкѣ, а въ желѣзѣ и мѣди. Онъ сталъ пробовать, и точно: какъ только сведешь вмѣстѣ желѣзо и мѣдь, — такъ и дѣлается электричество; а отъ электричества уже и дрыгаетъ ногами мертвая лягушка. Вольта и сталь пробовать — какъ бы дѣлать электричество не такъ, какъ прежде его дѣлали. Прежде электричество дѣлали тѣмъ, что натирали стекло или сургучъ. А Вольта сталъ дѣлать его тѣмъ, что желѣзо и мѣдь сводилъ вмѣстѣ. Онъ пробовалъ сводить вмѣстѣ желѣзо и мѣдь и другіе металлы и дошелъ до того, что изъ одного соединенія металловъ: серебра, платины, цинка, олова, желѣза — онъ производилъ электрическія искры.

Послѣ Вольты придумали еще усилить электричество тѣмъ, что промежъ металловъ стали наливать разныя жидкости — воду и кислоты. Отъ этихъ жидкостей электричество стало еще сильнѣе, такъ что ужъ не нужно — какъ прежде дѣлали — тереть, чтобы было электричество; а стоитъ только положить въ одну чашку

кусковъ разнаго металла и налить жидкостей — и въ этой чашкѣ будетъ электричество, и будетъ выходить іскра изъ проволоки.

Когда придумано было это электричество, стали его прилагать къ дѣлу: придумали золотить и серебрить электричествомъ, придумали свѣтъ электрическій, и придумали электричествомъ на дальнемъ разстояніи съ мѣста на мѣсто передавать знаки.

Для этого кладутъ куски разныхъ, металловъ въ стаканчики; въ нихъ наливаютъ жидкости. Въ стаканчикахъ набирается электричество, и это электричество проводятъ по проволокѣ въ то мѣсто, куда хотятъ, а изъ того мѣста проволоку проводятъ въ землю. Электричество въ землѣ

бѣжить опять назадъ къ стаканчикам и поднимается къ нимъ изъ земли по другой проволокѣ; такъ что электричества не переставая ходить кругомъ, какъ въ кольцѣ, — по проволокѣ въ землю и назадъ по землѣ, и опять по проволокѣ, и опять по землѣ. Электричество можетъ ходить въ одну и въ другую сторону, — какъ захочешь пустить его: оно можетъ идти сначала по проволокѣ и возвращаться по землѣ, — или сначала по землѣ и возвращаться по проволокѣ. Надъ проволокой въ томъ мѣстѣ куда подаютъ знаки, придѣлана магнитная стрѣлка, и стрѣлка эта поворачиваетъ въ одну сторону, если электричество пуститъ туда по проволокѣ и назадъ по землѣ — и въ другую, если электричество пустить туда по землѣ и назадъ по проволокѣ. По этой стрѣлкѣ уговорены знаки, и по этимъ знакамъ на телеграфахъ пишут съ одного мѣста въ другое.

СОЛНЦЕ—ТЕПЛО.

Выдь зимой въ тихій, морозный день въ поле или въ лѣсъ, и посмотри кругомъ себя и послушай: вездѣ кругомъ снѣгъ, рѣки замерзли, сухія травки торчать изъ—подъ снѣга, деревья стоятъ голыя, ничто не шевелится.

Посмотри лѣтомъ: рѣки бѣгутъ, шумятъ; въ каждой лужицѣ лягушки кричатъ, бубулькаютъ; птицы перелетываютъ, свистятъ, поютъ; мухи, комары вьются, жужжать; деревья, травы растутъ, махаются.

Заморозь чугунъ съ водой, — онъ окаменѣетъ. Поставь замороженный чугунъ на огонь: станетъ лёдъ трескаться, таять, пошевеливаться; станетъ вода качаться, бульки пускать; потомъ, какъ станетъ кипѣть, — загудитъ, завертится. Тоже дѣлается и на свѣтѣ отъ тепла. Нѣтъ тепла — все мертво; есть тепло — все движется и живетъ. Мало тепла — мало движенья; больше тепла — больше движенья; много тепла — много движенья; очень много тепла — и очень много движенья.

Откуда берется тепло на свѣтѣ? Тепло отъ солнца.

Ходить солнце низко зимой, стороною, не упираетъ лучами въ землю, — и ничто не шевелится. Станетъ солнышко ходить выше надъ головами; станетъ свѣтить въ припоръ къ землѣ, — отогрѣется все на свѣтѣ и начнетъ шевелиться.

Станетъ снѣгъ осаживаться, станетъ отдувать лёдъ на рѣкахъ, польется вода съ горъ, поднимутся пары изъ воды въ облака, дойдетъ дождь. Кто

все это сдѣлаетъ? Солнце. Оттаютъ сѣмечки, выпустятъ ростки, зацѣпятся ростки за землю; изъ старыхъ кореньевъ

пойдутъ побѣги, начнутъ расти деревья и травы. Кто это сдѣлалъ? Солнце.

Встанутъ медвѣди, кроты; очнутся мухи, пчёлы; выведутся комары, выведутся рыбы изъ яичекъ на теплѣ. Кто все это сдѣлалъ? Солнце.

Разогрѣется въ одномъ мѣстѣ воздухъ, подымется, а на его мѣсто пойдетъ воздухъ похолоднѣе, — станетъ вѣтеръ. Кто это сдѣлалъ? Солнце.

Поднимуться облака, станутъ сходиться и расходиться, — ударитъ молнія. Кто сдѣлалъ этотъ огонь? Солнце.

Выростутъ травы, хлѣба, плоды, деревья; насытятся животныя, напитаются люди, соберутъ корму и топлива на зиму; построятъ себѣ люди дома, построятъ чугунки, города. Кто все приготовилъ? Солнце.

Человѣкъ построилъ себѣ домъ. Изъ чего онъ его сдѣлалъ? Изъ бревенъ. Бревна вырублены изъ деревьев; деревья выростило солнце.

Топится печка дровами. Кто выростилъ дрова? Солнце.

Ѣстъ человѣкъ хлѣбъ, картофель. Кто выростилъ? Солнце. Ѣстъ человѣкъ мясо. Кто выкормилъ животныхъ, птицъ? Травы. А травы выростило солнце.

Человѣкъ строитъ каменный домъ изъ кирпича и известки. Кирпичъ и известка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Все, что́ нужно, что́ идетъ прямо на пользу, — все это заготовляется солнцемъ́, и во все идетъ много солнечнаго тепла. Потому и нуженъ всѣмъ хлѣбъ, что его растило солнце и что въ немъ много солнечнаго тепла. Хлѣбъ грѣетъ того, кто его ѣстъ.

Потому и нужны дрова и бревна, что въ нихъ много

тепла. Кто закупитъ дровъ на зиму, тотъ закупить солнечнаго тепла и зимой, когда захочетъ, то и зажжетъ дрова и выпустить тепло солнечное себѣ въ горницу.

А когда есть тепло, то есть и движенье. Какое ни на есть движенье — все отъ тепла; — либо прямо отъ солнечнаго тепла, либо отъ тепла того, которое заготовило солнце въ углѣ, въ дровахъ, въ хлѣбѣ и въ травѣ.

Лошади, быки возятъ, люди работаютъ, — что ихъ двигаетъ? Тепло. А откуда они взяли тепло? Изъ корма. А кормъ заготовило солнце.

Водяныя и вѣтреныя мельницы вертятся и мелютъ. Кто ихъ двигаетъ? Вѣтеръ и вода. А вѣтеръ кто гонитъ? Тепло. А воду кто гонитъ? Тепло-же. Оно подняло воду парàми, и этого вода не падала бы книзу. Машина ее движетъ паръ. А паръ кто дѣлаетъ? Дрова. — А въ дровахъ тепло солнечное.

Изъ тепла дѣлается движенье, а изъ движенья тепло. И тепло и движенье отъ солнца.

VI.

МИКУЛУШКА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

Выѣзжалъ-ли Вольгà-свѣтъ съ дружиною

По селамъ-городамъ за получкою,

Съ мужиковъ выбирать дани-выходы;

Выѣзжалъ-ли, сударь во чисто поле,—

Услыхалъ во чистомъ полѣ пахаря:

Слышно — пашетъ мужикъ, да посвистыва(е)тъ,

Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,

Сошнички по камнямъ, слышно, чѐркаютъ, —

А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.

И поѣхалъ Вольгà къ тому пахарю —

Цѣлый день ѣхалъ съ утра до вечера,

А наѣхать не мог Вольгà пахаря.

День другой ѣхалъ съ утра до вечера,

А наѣхать не могъ Вольгà пахаря.

Слышно — пашетъ мужикъ, да посвистыва(е)тъ,

Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,

Сошнички по камнямъ, слышно, чѐркаютъ, —

А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.

Третій день Вольгà ѣхалъ до пабѣдья —

Наѣзжаетъ Вольгà въ полѣ пахаря:

Въ полѣ пашетъ мужикъ, да понукива(е)тъ,

Съ края въ край онъ бороздку отвалива(е)тъ

Камни, корни сохой выворачива(е)тъ;

Какъ заѣдетъ мужикъ-отъ въ одинъ конецъ —

Со другаго конца и не виднушко.

А у пахаря сошка, кленовенька,

Сошники во той сошкѣ булатные,

Захлеснѷты гужочки шелковеньки,

А кобылка во сошкѣ соловенька.

Взговоритъ-ли Вольгà тому пахарю:

«Гой мужикъ-пахарёкъ! Божья помощь тѣ, —

«Божья помощь пахать, да крестьянствовать,

«Широку борозду отворачивать,

«Да коренья, каменья вывертывать!»

Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:

«А спасибо, Вольга, — благодарствуемъ, —

«Божья помощь, подитка, намъ надобна,

«Божья помощь — пахать, да крестьянствовать.

«Самъ далеко-ль, ѣдешь, со дружинушкой?

«Далеко-ль Богъ несётъ, — куда путь держишь?»

Взоговоритъ-ли Вольгà таковы слова:

«А я ѣду, мужикъ, со дружинушкой

«По селамъ-городамъ за получкою —

«Выбиратъ съ мужиковъ дани-выходы.

«Ай, поѣдемъ со мной во товарищахъ!»

Взялъ мужикъ, воткнулъ сошку въ бороздочку,

Онъ гужочки шелковы взялъ выстегнулъ,

Взялъ изъ сошки кобылку да вывернулъ,

На кобы̀лку ввалился, сѣлъ о́хлѣпью —

Со Вольго́ю поѣхалъ въ товарищахъ

Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:

— «А не ладно, Вольгà, я въ бороздочкѣ

Свою сошку оставилъ не убранну:

«Какъ-бы сошка съ земельки повыдернуть,

«Съ сошничковъ какъ-бы землю повытряхнуть,

«А и бросить сошка за ракитовъ кустъ».

Посылалъ тутъ Вольгà десять молодцевъ:

Велитъ сошку съ земельки повыдернуть,

Съ сошничковъ велитъ землю повытряхнуть,

А и бросить сошка за ракитовъ кустъ. —

Подъѣзжали ко сошкѣ тѣ мо́лодцы,

Соскочили въ бороздку съ добрыхъ коней,
Разомъ брались за сошку кленовенькy, —
Отъ земли этой сошки поднять нельзя.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могу̀тъ съ сошниковъ землю вытряхнуть, —
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
А и шлетъ-ли Вольга всю дружинушку:
Велитъ сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велитъ землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Вотъ за сошку бралась вся дружинушка,
Разомъ бра̀лась за сошку кленовую, —
Только сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могутъ съ сошничковъ землю вытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Подъѣзжалъ тутъ мужикъ-деревеньщина:
Онъ слѣзалъ со кобылки соловенькой,
Подходилъ къ своей сошкѣ кленовенькой,
Брался ручкой одной да попёхивалъ,
Изъ земельки онъ сошку выдергивалъ,
Съ сошничковъ онъ земельку вытрёхивалъ,

Онъ палицей камлыжки сокрёбывалъ

А и бросилъ сошка за ракитовъ кустъ.

На добрыхъ коней сѣли, — поѣхали.

Выѣзжаютъ они на дороженьку —

Мужико́ва кобылка ходо́й идетъ,

А Вольгѝнъ-отъ конь ужъ поскакиваетъ;

Мужикова кобылка рысцой пошла,

А Вольгѝнъ-отъ ужъ конь оставаться сталъ.

Передомъ мужикъ ѣдетъ, не тряхнется, —

Во всю прыть Вольга̀ ѣдетъ сугоною.

Мужику тутъ Вольга̀ сталъ покрикивать,

Мужику колпакомъ сталъ помахивать:

«Ты, мужикъ-пахарёкъ, ты посто́й, пожди,

«За тобою, мужикъ, не угонишься».

На Вольгу тутъ мужикъ пріогля̀нулся,

Сталъ кобылку свою укорачивать, —

И поѣхали шагомъ дорожкою.

Взговоритъ-ли Вольга̀ таковы слова:

«У тебя-ли, мужикъ, лошадь добрая —

«Кабы лошадь твоя да конькомъ была, —

«За лошадку цѣна-бы пятьсотъ рублей».

Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:

«А и глупъ-ты, Вольга, глупо сказыва(е)шь;

«Я кобылочку взялъ изъ подъ матери,

«За сосунчика далъ я пятьсотъ рублей;

«А конькомъ-бы была — ей и смѣты нѣтъ».

Взговоритъ-ли Вольга таковы слова:

«А и какъ тя, мужикъ, звать по имени, —

«Величать тебя какъ по изотчеству?»

Говоритъ-ли мужикъ таковы слова:

— «А я ржи напашу, во скирды сложу,

«Домой вы̀волоку, дома вымолочу,

«Да и пива сварю, мужиковъ сзову;

«И почнутъ мужики тутъ покликивать:

«Гой Микула-свѣтъ, ты Микулушка,

«Свѣтъ-Микулушка, да Селяниновичъ!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.

КАКЪ ВЛАДИМІРЪ ПОСЫЛАЛЪ УЗНАВАТЬ ВѢРЫ.

Въ 6495 году созвалъ Владиміръ бояръ своихъ и стариковъ городскихъ, и сказалъ имъ: «Вотъ приходили ко мнѣ Болгаре, говоря: прими законъ нашъ, а послѣ приходили Нѣмцы, и тѣ хвалили законъ свой; послѣ нихъ пришли Евреи. А вотъ напослѣдокъ пришли Греки, хуля всѣ законы, а свой хваля. И много говорили, разсказывая отъ начала міра, о томъ, какъ весь міръ есть; и они очень искусно говорятъ, дивишься слушая ихъ, пріятно каждому слушать ихъ; они

разсказываютъ, что есть другой свѣтъ: такъ что если кто, дескать, въ нашу вѣру вступитъ, тотъ, умерши, снова будетъ жить и не умереть ему во вѣкъ; и если въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ. въ огнѣ горѣть (ему). Такъ какъ же вы посовѣтусте? что́ отвѣтите?»

И сказали бояре и старики: «ты знаешь, князь, что своего никто не хулитъ, а хвалитъ; если (жъ ты хочешь разузнать хорошенько, то есть у тебя (на то) люди: пославши разузнай (у) каждаго ихъ служеніе, — кто какъ служить Богу». И полюбилась рѣчь (эта) князю и всему собранію; выбрали людей именитыхъ и умныхъ, числомъ десять, и сказали имъ: «идите сперва къ Болгарамъ, и разузнайте сперва ихъ вѣру».

Они и пошли, и пришедши видѣли скверныя дѣла и моленіе въ мечети; и

вернулись въ землю свою. И сказалъ имъ Владиміръ: «Идите опять къ Нѣмцамъ, разглядите также, и оттуда идите къ Грекамъ». Они пришли къ Нѣмцамъ, и повидавъ церковную службу ихъ, пришли въ Царьградъ, и явились къ царю Царь же распросилъ, зачѣмъ они пришли, и они разсказали ему всё, что было.

Услыша это и обрадовавшись, царь празднество большое устроилъ имъ въ въ тотъ же день. На утро послалъ онъ къ патріарху, говоря такъ: «Пришли Русскіе узнавать вѣру нашу, такъ приготовь церковь и клиръ, и самъ одѣнься въ святительскія одежды; пусть видятъ славу Бога нашего». Услышавъ это, патріархъ велѣлъ созвать миръ; по заведенному порядку устроили празднество, и паникадила зажгли, пѣніе и хоръ устроили.

И пошёлъ онъ съ ними въ церковь, и поставилъ ихъ на просторномъ мѣстѣ, показывая красоту церковную, и пѣніе и служеніе Архіерейское, предстояніе дьяконовъ, разсказывая имъ служеніе Богу своему. Они, изумлённые и удивясь, восхваляли богослуженіе ихъ. И призвали ихъ оба царя, Василій и Константинъ, (и) сказали имъ: «Идите въ землю вашу». И отпустили ихъ съ подарками большими и съ почестями.

Пришли они въ землю свою, и созвалъ князь бояръ своихъ и стариковъ. Сказалъ Владиміръ: «вотъ пришли посланные нами люди, такъ послушаемъ отъ нихъ, что́ было»; и сказалъ: «разсказывайте передъ дружиною.»

II они сказали: «Мы ходили къ Болгарамъ, смотрѣли, какъ они покланяются въ храмѣ, то есть въ мечети, стоя безъ пояса; поклонившись

сядетъ, и глядитъ туда и сюда, какъ безумный, и нѣтъ радости въ нихъ, но печаль и смрадъ большой; не хорошъ законъ ихъ. И ходили къ Нѣмцамъ, и видѣли — въ храмахъ много служеній дѣлаютъ, а красоты не видѣли никакой.»

«А пришли мы къ Грекамъ и повели они насъ (туда), гдѣ служатъ Богу своему, и мы не знаемъ, на небѣ ли мы были, или на землѣ: потому что нѣтъ на землѣ такого зрѣлища, или красоты такой; и (никакъ) не съумѣемъ разскзать (что̀ было). Только то мы знаемъ, что тамъ Богъ съ людьми пребываетъ, и служеніе ихъ лучше, чѣмъ у всѣхъ народовъ. Мы же не можемъ забыть красоты той, потому что всякій человѣкъ, если отвѣдаетъ сладкаго, то потомъ горькаго не принимаетъ; такъ и мы

здѣсь (больше) не останемся».

— 102 —

И отвѣчая боярѐ сказали: «если бы (былъ) дуренъ законъ греческій, то не приняла бы (его) бабка твоя Ольга, которая была умнѣе всѣхъ людей. И отвѣчая Владиміръ сказалъ: — «гдѣ же крещеніе примемъ?» И они сказали: «гдѣ тебѣ угодно».

ПОХОДЪ НА КОРСУНЬ И КРЕЩЕНІЕ ВЛАДИМІРА.

И когда прошёлъ годъ, въ 6496-мъ году, пошёлъ Владиміръ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій, и заперлись Корсуняне въ городѣ; и сталъ Владиміръ по ту сторону города у залива, отъ города (на) выстрѣлъ одинъ; и защищались крѣпко изъ города, Владиміръ же обложилъ городъ. Изнемогалъ въ городѣ народъ, и сказалъ Владиміръ горожанамъ: «если не сдадитесь, буду стоять и больше трёхъ лѣтъ.» Они же не послушали этого. Владиміръ приготовилъ (къ

— 103 —

бою) воиновъ своихъ, и велѣлъ насыпь дѣлать къ городу.

Когда они насыпàли, Корсуняне, подкопавши стѣну городскую и крадучи насыпаемую землю, носили къ себѣ въ городъ, сваливая посрединѣ города. Воины же продолжали насыпать, а Владиміръ стоялъ. И вотъ (одинъ) человѣкъ Корсунянинъ, именемъ Настасъ, выстрѣлилъ, написавъ такъ на стрѣлѣ: «колодцы, которые за тобой отъ востока, — изъ тѣхъ вода идётъ по трубѣ; перекопавши, перейми (воду).» Владиміръ же это услышавъ, взглянувши на небо, сказалъ: «Если это сбудется, я самъ крещусь.»

И тутъ сейчасъ велѣлъ копать поперекъ трубъ, и переняли воду. Люди изнемогли отъ жажды и сдались. Вошелъ Владиміръ въ городъ и дружина его; и послалъ Владиміръ къ царямъ Василию и Константину,

говоря такъ: «вотъ я городъ. вашъ славный взялъ, слышу же вотъ, что сестра у насъ есть невѣста; такъ если её не отдадите за меня, сдѣлаю (съ) городомъ вашимъ такъ же, какъ и (съ) этимъ сдѣлалъ».

И услышали цари, опечалились; и дали отвѣтъ, такъ говоря: «не прилично христіанамъ за язычниковъ выдавать; если крестишься, то и это получишь, и царство небесное наслѣдуешь, и съ нами единовѣрцемъ будешь; если же ты этого не хочешь сдѣлать, не можемъ выдать сестры своей за тебя».

Это услышавъ, Владиміръ сказалъ посланнымъ отъ обоихъ царей: «скажите Царямъ такъ: что я крещуся, что я узналъ прежде этихъ дней законъ вашъ, и что мнѣ по душѣ вѣра ваша и богослуженіе, насколько мнѣ разсказали посланные нами люди.» И это услышавши, цари

обрадовались, и упросили сестру свою, именемъ Айну, и послали къ Владиміру, говоря: «крестися, и тогда пошлёмъ мы сестру свою къ тебѣ. И сказалъ Владиміръ: «такъ пусть придутъ съ сестрою своею и крестятъ меня»

И согласились цари, послали сестру свою, чиновниковъ нѣкоторыхъ и священниковъ; а она не хотѣла идти. «Въ плѣнъ», говорила она, «иду,

лучше бы мнѣ здѣсь умереть». И сказали ей братья: «Можетъ быть какъ-нибудь обратитъ Богъ тобою русскій народъ къ покаянію, и ты греческій народъ избавишь отъ злой войны. Видишь ли сколько зла сдѣлали Русскіе Грекамъ? И теперь если не пойдёшь, тоже сдѣлаютъ намъ.» И едва её убѣдили.

И она сѣвши въ корабль, распростившись съ родными своими, съ плачемъ поплыла черезъ море. И приплыла

къ Корсуню и вышли Корсуняне съ поклономъ и ввели ее въ городъ, и помѣстили её во дворцѣ.

И по Божьему устроенію въ это время разболѣлся Владиміръ глазами, и не видѣлъ ничего, и тужилъ крѣпко; и послала къ нему царица говоря: — «Если хочешь избавиться (отъ) болѣзни этой, то скорѣе крестись. Если же нѣтъ, то ты не избавишься (отъ) этого недуга.» Это услышавъ, Владиміръ сказалъ: «Такъ если это на самомъ дѣлѣ будетъ, то по правдѣ великъ Богъ будетъ христіанскій» и велѣлъ крестить себя.

И епископъ Корсунскій. съ священниками царицыными, огласивъ, окрестилъ Владиміра; какъ только онъ возложилъ руку на него, такъ онъ тотчасъ прозрѣлъ. И увидѣвши это внезапное изцѣленіе, Владиміръ прославилъ Бога и сказалъ: «вотъ впервые увѣдалъ я

Бога истиннаго». Видѣвъ же это, многіе изъ дружины его крестились.

И Владиміръ послѣ этого, взявъ, царицу и Настаса, и священниковъ Корсунскихъ съ мощами Св. Климента и ѳиѳа, ученика его, взялъ сосуды церковные и иконы на благословенье себѣ. И поставилъ церковь въ Корсуни, на горѣ, которую насыпали по серединѣ города, крадучи насыпь.

Вернулъ же онъ, вмѣсто вѣна за невѣсту, Грекамъ Корсунь за царицу, а самъ воротился въ Кіевъ. Какъ пришёлъ, велѣлъ идоловъ ниспровергнуть, которыхъ изрубить, а которыхъ огню предать; а Перуна велѣлъ привязать къ хвосту и тащить съ горы по Боричеву на Ручай; двѣнадцать человѣкъ приставилъ онъ бить его палками; и

это не потому, чтобъ дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который обманывалъ этимъ образомъ людей, — чтобъ возмездіе получилъ онъ отъ людей.

Великъ Ты, Господи, чудны дѣла Твои! Вчера онъ чтимъ. людьми, а нынче поруганъ. Когда тащили его по Ручаю къ Днѣпру, плакали по нёмъ невѣрные люди, потому что ещё не приняли они святаго крещенія; и притащивши, бросили въ Днѣпръ.

А приставилъ же Владиміръ ихъ, сказавъ: «Если онъ гдѣ нибудь пристанетъ, то вы отталкивайте его отъ берега, до тѣхъ поръ, (пока) пороги пройдётъ; только тогда избавитесь отъ него». Они же, что́ велѣно — сдѣлали; какъ пустили, и прошёлъ онъ черезъ пороги, выкинулъ его вѣтеръ на отмель, и оттого прозвалась она Перунова отмѣль, какъ и до сего дня зовётся.

— 109 —

Послѣ того Владиміръ послалъ по всему городу, говоря: «если не окажется кто завтра на рѣкѣ: богатый ли, убогій ли, нищій ли, или работникъ, — тотъ врагъ мнѣ будетъ.» Это услышавши, люди съ радостью шли, веселяся и говоря: «Если бы это не хорошо было, не приняли бы этого князь и бояре».

И на утро вышелъ Владиміръ съ священниками царицыными и съ Корсунскими на Днѣпръ. И сошлося безъ числа народу: вошли въ воду и стояли одни по шею, а другіе по груди, дѣти у берега, другіе же дѣтей держали, взрослые же шли въ бродъ. Священники же стояли и молитвы творили.

И видѣть это была радость на небѣ и на землѣ.

— 110 —

БОРЬБА РУССКАГО СЪ ПЕЧЕНѢГОМЪ.

Въ 6500 году пошёлъ Владиміръ на Хорватовъ; и когда пришёлъ съ войны Хорватской, вдругъ Печенѣги пришли по той сторонѣ отъ Сулы; Владиміръ же пошёлъ на встрѣчу имъ, и встрѣтилъ ихъ на Трубежѣ на броду, гдѣ нынче Переяславль. И остановился Владиміръ на этой сторонѣ, а Печенѣги на той. И не рѣшались (перейти) ни эти на ту сторону, ни тѣ на эту сторону.

И подъѣхалъ князь Печенѣжскій къ рѣкѣ, вызвалъ Владиміра и сказалъ ему: «выставь ты своего воина, а я своего, чтобы они вдвоёмъ поборолись; такъ (что) если твой воинъ ударитъ моимъ (объ землю), такъ мы не будемъ воевать три года, а если нашъ воинъ ударитъ, такъ мы будемъ воевать васъ три года». И разошлись врозь. И

Владиміръ пришёлъ въ обозъ и послалъ глашатаевъ по обозу, говоря: «нѣтъ ли такого ратника, который бы схватился съ Печенѣгомъ?» И не нашлось (такого) нигдѣ.

На утро подъѣхали Печенѣги и своего воина вывели, а у нашихъ не было. И началъ печалиться Владиміръ, посылая по всему войску, и пришёлъ одинъ старый человѣкъ къ князю и сказалъ ему: «князь, есть у меня одинъ сынъ меньшой до́ма; съ четырьмя я вышёлъ, а онъ до́ма; отъ дѣтства его нѣтъ того, кто бы его повалилъ: разъ вотъ, когда я бранилъ его, а онъ мялъ шкуру, то онъ, разсердившись на меня, перервалъ кожу руками».

И князь, это услыхавши, обрадовался, послалъ за нимъ, и привели его къ князю, и князь сказалъ ему всё: онъ же сказалъ; «Князь, не знаю, въ силахъ

ли я съ нимъ (бороться), но пусть испытаютъ меня; нѣтъ ли здѣсь быка большаго и сильнаго?»

И нашли быка большаго и сильнаго, и велѣлъ (Владиміръ) разсердить

быка. Положили на него желѣзо горячее, и быка пустили. И побѣжалъ быкъ мимо его, и ухватилъ онъ быка за бокъ, и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько у него рука захватила; и сказалъ ему Владиміръ: «ты можешь съ нимъ бороться».

И на утро пришли Печенѣги и начали кричать: «нѣтъ развѣ человѣка? вотъ нашъ готовъ». Владиміръ же велѣлъ той ночью надѣть оружіе, и подступили тутъ оба (войска). Выслали Печенѣги человѣка своего, и былъ онъ огроменъ очень и страшенъ; и вышелъ человѣкъ Владиміровъ, и увидалъ его Печенѣгъ и посмѣялся, потому что тотъ былъ средняго роста.

И размѣривъ (разстояніе) между обоими войсками: пустили ихъ другъ къ другу; и схватилися они, и начали крѣпко бороться, и сдавилъ (Русскій) Печенѣга въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ объ землю; и (Русскіе) закричали, и Печенѣги побѣжали, и Русскіе гнались за ними, рубя (ихъ), и разогнали ихъ.

И Владиміръ обрадовавшись заложилъ городъ у брода того и назвалъ его Переяславлемъ, потому что перенялъ славу юноша тотъ. И Владиміръ знатнымъ человѣкомъ сдѣлалъ его и отца его. И Владиміръ вернулся въ Кіевъ съ побѣдою и славою великою.

ДОБРЫЯ ДѢЛА ВЛАДИМИРА.

Послѣ этаго пришли Печенѣги къ Василёву, и Владиміръ съ малою дружиною вышелъ на встрѣчу, и когда сошлися, онъ не могъ выдержать (нападенія) и отступивъ

остановился ниже моста, и едва укрылся (отъ) враговъ; и тогда обѣщался Владиміръ поставить церковь въ Василёвѣ Св. Преображенія, потому что было въ тотъ день Преображеніе Господне, когда эта была битва.

Избавившись же отъ этого, Владиміръ поставилъ церковь, и сдѣлалъ празднество большое, наваривъ триста котловъ мёду и назвавши бояръ своихъ, и посадниковъ, и старѣйшинъ со всѣхъ городовъ, и народу много, и раздавши бѣднымъ триста гривенъ.

Праздновавши князь восемь дней, возвратился въ Кіевъ на успенье Св. Богородицы, и тутъ опять дѣлалъ пиръ большой, созывая безчисленное множество народу. И видя народъ христіанами, радовался душою и тѣломъ, и такъ всегда онъ дѣлалъ.

Любилъ онъ слова книжныя; слышавъ иногда читаемое

Евангеліе: «блаженны милостивые, такъ какъ они помилованы будутъ»; и опять: «продайте имѣніе своё и отдайте нищимъ»; и опять «не прячьте себѣ богатствъ на землѣ, гдѣ червь точитъ и воры подкапываютъ, но прячьте себѣ богатства на небѣ, гдѣ ни червь (не) точить, ни веры (не) крадутъ», (слыша) и Давида, говорящаго «Блаженъ человѣкъ, милующій и дающій;» и Соломона слышалъ, говорящаго: «дающій нищѣму, Богу взаймы даетъ»; (все) это слышавши велѣлъ всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжескій, и брать всё, что нужно: питье и ѣду, и изъ казны деньги.

Устроивъ и это, сказалъ: «слабые и больные не могутъ дойти до двора моего». Велѣлъ сдѣлать телѣги, наклавши на нихъ хлѣба, мяса, рыбы, овощей разныхъ, мёда въ боченкахъ, а въ другихъ квасу, возить по городу,

спрашивая: «гдѣ больные и нищіе, (что) не могутъ ходить?» такимъ (людямъ) раздавали сколько нужно.

А вотъ что еще дѣлалъ для людей своихъ: каждую недѣлю учердилъ въ (своемъ) дворѣ пиръ приготовлять и приходить боярамъ, и дружинникамъ, и сотскимъ, и десятскимъ. и сановнымъ людямъ, при князѣ и безъ князя. Бывало множество мяса, и скота, и дичины, было въ изобиліи всего. Когда же (бывало) подопьютъ, начнутъ роптать на князя, говоря: «худо нашимъ головамъ; онъ далъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными.»

Это услышавши, Владиміръ велѣлъ наковать ложекъ серебряныхъ. ѣсть дружинѣ, сказавъ такъ: «серебромъ и золотомъ не добыть мнѣ дружины, а дружиною добуду серебра и золота. какъ и дѣдъ мой и отецъ мой доискались дружиною

золота и серебра». А Владиміръ любилъ дружину, и съ нею совѣщался объ устройствѣ земли, и объ воинахъ, и объ земскомъ уставѣ.

И жилъ Владиміръ по порядкамъ отцовскимъ и дѣдовскимъ.

ИЗЪ ЧЕТЬИ МИНЕИ

Слово о гнѣвѣ; какъ неоставляющій гнѣва на своихъ ближнихъ, отдается во власть дьяволу.

Расказывалъ монахъ Исакъ: случилась у меня, говорилъ онъ, однажды ссора съ однимъ изъ братіи; и оставался я въ гнѣвѣ на него. Занимаясь же своимъ рукодѣльемъ, опомнился я, и скорбѣлъ, какъ поддавшійся искушенію и весь день провелъ я безъ дѣла, не зная, за что приняться.

И вотъ вошелъ ко мнѣ въ двери юноша, и, не сотворивъ молитвы, сталъ

говорить мнѣ: «поддался ты искушенію! но дай только мнѣ, и я поправлю тебѣ (все дѣло)!» Я же сказалъ ему «уйди отсюда, и никогда больше не приходи, потому что ты не отъ Бога!»

И сказалъ онъ мнѣ: «жаль мнѣ тебя, что ты дѣло себѣ портишь; только ты ужъ мой!» Я же опять отвѣчалъ ему: «Божій — я, а не твой, сатана!»

А онъ сказалъ мнѣ: «(говорю тебѣ) по истинѣ: намъ отдалъ Богъ (всѣхъ), не покидающихъ гнѣва и помнящихъ зло; а ты уже три недѣли, какъ въ гнѣвѣ, и сталъ врагомъ ближнему своему» Я же сказалъ ему: «ты лжешь!» Сказалъ онъ мнѣ: «нѣтъ у тебя въ памяти геенны огненной;

зло у тебя къ брату; а я и приставленъ къ помнящимъ зло, и ты ужъ — мой!»

И, какъ услышалъ я это, такъ и пошелъ къ брату; попросилъ у него прощенья и вошелъ (съ нимъ) въ

любовь. И вернувшись я увидѣлъ, что (сатана) сжегъ мою работу и рогожку, на которой я клалъ поклоны.

КНИГА БЫТІЯ.

ГЛАВА XXXVII.

2. Іосифъ, семнадцати лѣтъ, пасъ скотъ отца своего вмѣстѣ съ братьями своими.

3. Израиль любилъ Іосифа болѣе всѣхъ сыновей своихъ, потому что онъ былъ сынъ старости его; и сдѣлалъ ему разноцвѣтную одежду.

4. И увидѣли братья его, что отецъ ихъ любитъ его болѣе всѣхъ братьевъ его; и возненавидѣли его, и не могли говорить съ нимъ дружелюбно.

5. И видѣлъ Іосифъ сонъ, и разсказалъ его братьямъ своимъ: и они возненавидѣли его еще болѣе.

6. Онъ сказалъ имъ: выслушайте сонъ, который я видѣлъ.

7. Вотъ, мы вяжемъ снопы посреди поля, и вотъ, мой снопъ всталъ, и сталъ прямо; и вотъ, ваши снопы стали кругомъ, и поклонились моему снопу.

8. И сказали ему братья его: не уже ли ты будешь царствовать надъ нами? Не уже ли будешь владѣть нами? И возненавидѣли его еще болѣе за сны его, и за слова его.

9. И видѣлъ онъ еще другой сонъ, и разсказалъ его отцу своему и братьямъ своимъ, говоря: вотъ, я видѣлъ еще сонъ; вотъ, солнце, и луна, и одиннадцать звѣздъ покланяются мнѣ.

10. И онъ разсказалъ отцу своему и братьямъ своимъ; и побранилъ его отецъ его, и сказалъ ему: что́ это за сонъ, который ты видѣлъ? не уже ли я, и твоя мать, и твои братья прійдемъ поклониться тебѣ до земли?

11. Братья его досадовали

на него; а отецъ его замѣтилъ это слово.

12. Братья его пошли пасти скотъ отца своего, въ Сихемъ.

13. И сказалъ Израиль Іосифу: братья твои не пасутъ ли въ Сихемѣ? Пойди, я пошлю тебя къ нимъ. Онъ отвѣчалъ ему: вотъ я.

14 Израиль сказалъ ему: пойди, посмотри, здоровы ли братья твои и цѣлъ ли. скотъ, и принеси мнѣ отвѣтъ. И послалъ его изъ долины Хевронской и онъ пришелъ въ Сихемъ.

15 И нашелъ его нѣкто блуждающимъ въ полѣ, и спросилъ его тотъ человѣкъ, говоря: чего ты ищешь?

16. Онъ сказалъ: я ищу братьевъ моихъ; скажи мнѣ, гдѣ они пасутъ?

17. И сказалъ тотъ человѣкъ: они ушли отсюда; ибо я слышалъ, какъ они говорили: пойдемъ въ Доѳанъ. И пошелъ Іосифъ за братьями своими, и нашелъ

ихъ въ Доѳанѣ.

18. И увидѣли они его издали, и прежде нежели онъ приблизился къ нимъ, стали умышлять противъ него, чтобы убить его.

19. И сказали другъ другу: вотъ идетъ сновидѣцъ.

20. Пойдемъ теперь, и убьемъ его, и бросимъ его въ какой нибудь ровъ, и скажемъ, что хищный звѣрь съѣлъ его; и увидимъ, что́ будетъ изъ его сновъ.

21. И услышалъ сіе Рувимъ, и пзбавилъ его отъ рукъ ихъ, сказавъ: не убьемъ его.

22. И сказалъ имъ Рувимъ: не проливайте крови; бросьте его въ ровъ, который въ пустынѣ, а руки не налагайте на него. Сіе говорилъ онъ (съ тѣмъ намѣреніемъ), чтобы избавить его отъ рукъ ихъ, и возвратить его къ отцу его.

23. Когда Іосифъ пришелъ къ братьямъ своимъ, они сняли съ Іосифа одежду

его, одежду разноцвѣтную, которая была на немъ;

24. И взяли его и бросили въ ровъ; ровъ же тотъ былъ пустъ; воды въ немъ не было.

25. И сѣли они ѣсть хлѣбъ, и взглянувъ, увидели: вотъ, идетъ изъ Галаада караванъ Измаильтянъ, и верблюды ихъ несутъ стираксу, бальзамъ и ладонъ; идутъ они отвезти это въ Египетъ.

26. И сказалъ Іуда братьямъ своимъ: что́ пользы, если мы убьемъ брата нашего, и скроемъ кровь его?

27 Пойдемъ, продадимъ его Измаильтянамъ; а руки наши да не будутъ на немъ, ибо онъ братъ нашъ, плоть наша. Братья его послушались.

28. И, когда проходили купцы Мадіамскіе, вытащили Іосифа изо рва, и продали Іосифа Измаильтянамъ за двадцать сребрениковъ; а они отвели Іосифа въ Египетъ.

29. Рувимъ же пришелъ опять ко рву; и вотъ, нѣтъ Іосифа во рвѣ. И разодралъ онъ одежды свои,

30. И возвратился къ братьямъ своимъ, и сказалъ: отрока нѣтъ, а я,

куда я дѣнусь?

31. И взяли одежду Іосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью;

32. И послали разноцвѣтную одежду, и доставили къ отцу своему, и сказали: мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда, или нѣтъ.

33 Онъ узналъ ее, и сказалъ, это одежда сына моего; хищный звѣрь съѣлъ его; верно, растерзанъ Іосифъ.

34. И разодралъ Іаковъ одежды свои; и возложилъ вретище на чресла свои; и оплакивалъ сына своего многіе дни.

35. И собрались всѣ сыновья его, и всѣ дочери его, чтобы утѣшить его;

но онъ не хотѣлъ утешиться, и сказалъ: съ печалію сойду къ сыну моему въ преисподнюю. Такъ оплакивалъ его отецъ его.

36. Мадіанитяне же продали его въ Египтѣ Потифару, царедворцу Фараонову, начальнику тѣлохранителей.

ГЛАВА XL.

Послѣ сего виночерпій царя Египетскаго и хлѣбадаръ провинились передъ господиномъ своимъ, царемъ Египетскимъ.

2. И прогнѣвался Фараонъ на двухъ царедворцовъ своихъ, на главнаго внночерпія и на главнаго хлѣбодара.

3 И отдалъ ихъ подъ стражу въ домъ начальника тѣлохранителей, въ темницу, въ место, где заключенъ былъ Іосифъ.

4. Начальникъ тѣлохранителей приставилъ къ нимъ Іосифа, и онъ служилъ имъ.

И пробыли они подъ стражею нѣсколько времени.

5. Однажды виночерпію и хлѣбодару царя египетскаго, заключеннымъ въ темницѣ, видѣлись сны, каждому свой сонъ, обоимъ въ одну ночь, каждому сонъ особеннаго значенія.

6. И пришелъ къ нимъ Іосифъ. поутру, увидѣлъ ихъ, и вотъ, они въ смущеніи.

7. И спросилъ онъ царедворцевъ Фараоновыхъ, находившихся съ нимъ въ домѣ господина его подъ стражею, говоря: отъ чего у васъ сегодня печальныя лица?

8. Они сказали ему: намъ видѣлись сны; а истолковать ихъ некому. Іосифъ сказалъ имъ: не отъ Бога ли истолкованія? разскажите мнѣ.

9. И разсказалъ главный виночерпій Іосифу сонъ свой, и сказалъ ему: мнѣ снилось, вотъ виноградная

лоза предо мною.

10 На лозѣ три вѣтви. Она развилась, показался на ней цвѣтъ, выросли на ней ягоды.

11. И чаша Фараонова въ рукѣ у меня. Я взялъ ягодъ, и выжалъ ихъ въ чашу Фараонову, и подалъ чашу въ руки Фараону.

12. И сказалъ ему Іосифъ: вотъ истолкованіе его: три вѣтви — это три

дня.

13. Чрезъ три дня Фараонъ вознесетъ главу твою, и возвратитъ тебя на место твое, и ты подашь чашу Фараонову въ руку его, по прежнему обыкновенію, когда ты былъ у него виночерпіемъ.

14. Вспомни же меня, когда хорошо тебѣ будетъ; и сдѣлай мнѣ благодѣяніе, и упомяни обо мнѣ Фараону, и выведи меня изъ этого дома.

15. Ибо я украденъ изъ земли Евреевъ; а также и здѣсь ничего не сдѣлалъ,

за что бы бросить меня въ темницу.

16. Главный хлѣбодаръ увидѣлъ, что истолковалъ онъ хорошо, и сказалъ Іосифу: мнѣ также снилось, вотъ на головѣ у меня три корзины решетчатыхъ.

17. Въ верхней корзинѣ всякая пища Фараонова, издѣліе пекаря; и птицы небесныя клевали ее изъ корзины на головѣ моей.

18. И отвѣчалъ Іосифъ, и сказалъ ему: вотъ истолкованіе его: три

корзины — это три дня.

19. Черезъ три дня Фараонъ сниметъ съ тебя голову твою: и повѣситъ тебя на деревѣ; и птицы небесныя будутъ клевать плоть твою съ тебя.

20. На третій день, день рожденія Фараонова, сдѣлалъ онъ пиръ для всѣхъ слугъ своихъ, и вспомнилъ о главномъ виночерпіи и главномъ хлѣбодарѣ, среди слугъ своихъ:

21. И возвратилъ главнаго виночерпія на прежнее мѣсто, и онъ подалъ чашу въ руку Фараону.

22. А главнаго хлѣбодара повѣсилъ (на деревѣ), какъ истолковалъ имъ Іосифъ.

23. И не вспомнилъ главный виночерпій объ Іосифѣ, но забылъ его.

ГЛАВА XLI.

По прошествіи двухъ лѣтъ Фараону снилось: вотъ, онъ стоитъ у рѣки.

2. И вотъ, вышли изъ рѣки семь коровъ, хорошихъ видомъ и тучныхъ плотію, и паслись въ тростникѣ.

3. Но вотъ, послѣ нихъ вышли изъ рѣки семь коровъ другихъ, худыхъ видомъ и тощихъ плотію, и стали подлѣ тѣхъ коровъ, на берегу рѣки.

4. И съѣли коровы худыя видомъ и тощія плотію семь коровъ хорошихъ. видомъ и тучныхъ. И проснулся Фараонъ,

5. И заснулъ опять, и снилось ему въ другой разъ: вотъ, на одномъ стеблѣ поднялось семь колосьевъ тучныхъ и хорошихъ

6. Но вотъ, послѣ нихъ выросло семь колосьевъ тощихъ и изсушенныхъ восточнымъ вѣтромъ.

7. И пожрали тощіе колосья семь колосьевъ тучныхъ и полныхъ. И проснулся Фараонъ, и понялъ, что это сонъ.

8. Утромъ смутился духъ его, и послалъ онъ, и призвалъ всѣхъ волхвовъ Египта и всѣхъ мудрецовъ его, и разсказалъ имъ Фараонъ сонъ свой: но не было никого, кто бы истолковалъ его Фараону.

9. И сталъ говорить главный виночерпій Фараону, и сказалъ: грѣхи мои вспоминаю я нынѣ.

10. Фараонъ прогнѣвался на рабовъ своихъ, и отдалъ меня и главнаго хлѣбодара

подъ стражу въ домъ начальника тѣлохранителей.

11. И снился намъ сонъ въ одну дочь, мнѣ и ему, каждому снился сонъ особеннаго значенія.

12. Тамъ же былъ съ нами молодой Еврей, рабъ начальника тѣлохранителей. Мы расказали ему сны наши, и онъ истолковалъ намъ каждому соотвѣтственно съ его сновидѣніемъ.

13. И какъ онъ истолковалъ намъ, такъ и сбылось: я возвращенъ на мѣсто мое; а тотъ повѣшенъ.

14. И послалъ Фараонъ, и позвалъ Іосифа; и поспѣшно вывели его изъ темницы. Онъ остригся и перемѣнилъ одежду свою, и пришелъ къ Фараону.

15. Фараонъ. сказалъ Іосифу: мнѣ снился сонъ, и нѣтъ никого, кто бы истолковалъ его, а о тебѣ я слышалъ, что ты умѣешь толковать сны.

16. И отвѣчалъ Іосифъ

Фараону говоря: это не мое; Богъ дастъ отвѣтъ во благо Фараону.

17. И сказалъ Фараонъ Іосифу: мнѣ снилось: вотъ, стою я на берегу рѣки.

18. И вотъ, вышли изъ рѣки семь коровъ тучныхъ плотію и хорошихъ видомъ; и паслись въ тростникѣ.

19. Но вотъ, послѣ нихъ вышли семь коровъ другихъ, худыхъ, очень дурныхъ видомъ и тощихъ плотію; я не видывалъ во всей землѣ Египетской такихъ худыхъ, какъ онѣ.

20. И съѣли тощія и худыя коровы прежнихъ семь коровъ тучныхъ.

21. И вошли тучныя въ утробу ихъ, но не примѣтно было, что онѣ вошли въ утробу ихъ. Онѣ были такъ же худы видомъ, какъ и сначала. И я

проснулся.

22. Потомъ снилось мнѣ: вотъ, на одномъ стеблѣ поднялись семь колосьевъ полныхъ и хорошихъ.

23. Но вотъ, послѣ нихъ выросло семь колосьевъ тонкихъ, тощихъ и изсушенныхъ восточнымъ вѣтромъ.

24 И пожрали тощіе колосья семь колосьевъ хорошихъ. Я разсказалъ это волхвамъ, но никто не изъяснилъ мнѣ.

25. И сказалъ Іосифъ Фараону: сонъ Фараоновъ одинъ: что́ Богъ сдѣлаетъ, то Онъ возвѣстилъ Фараону.

26. Семь коровъ хорошихъ, это семь лѣтъ; и семь колосьевъ хорошихъ, это семь лѣтъ: сонъ одинъ.

27. И семь коровъ тощихъ и худыхъ, вышедшихъ послѣ тѣхъ, это семь лѣтъ; также и семь колосьевъ тощихъ и изсушенныхъ восточнымъ вѣтромъ, это семь лѣтъ голода.

28 Вотъ, почему сказалъ я Фараону: что̀ Богъ сдѣлаетъ, то Онъ показалъ Фараону.

29. Вотъ, наступаетъ семь

лѣтъ великаго изобилія во всей землѣ Египетской.

30. Послѣ нихъ настанутъ семь лѣтъ голода; и забудется все то изобиліе въ землѣ Египетской, и истощитъ голодъ землю,

31. И непримѣтно будетъ прежнее изобиліе на землѣ, по причинѣ голода, который послѣдуетъ, ибо онъ будетъ очень тяжелъ.

32. А что сонъ повторился Фараону дважды, это значитъ, что сіе истинно слово Божіе, и что вскорѣ Богъ исполнитъ сіе.

33. И нынѣ да усмотритъ Фараонъ мужа разумнаго и мудраго, и да поставитъ его надъ землею Египетскою.

34. Да повелитъ Фараонъ поставить надъ землею надзирателей, и собирать въ семь лѣтъ изобилія пятую часть всѣхъ произведеній земли Египетской.

35. Пусть они берутъ всякій хлѣбъ этихъ наступающихъ хорошихъ годовъ, и соберутъ въ городахъ

хлѣбъ подъ вѣденіе Фараона въ пищу, и пусть берегутъ.

36. И будетъ сія пища въ запасъ для земли на семь лѣтъ голода, которые будутъ въ землѣ Египетской, дабы земля не погибла отъ голода.

37. Сіе понравилось Фараону и всѣмъ слугамъ его.

38. И сказалъ Фараонъ слугамъ своимъ: найдемъ ли мы такого, какъ онъ, человѣка, въ которомъ былъ бы Духъ Божій?

39 И сказалъ Фараонъ Іосифу: такъ какъ Богъ открылъ тебѣ все сіе; то нѣтъ столь разумнаго и мудраго, какъ ты.

40. Ты будешь надъ домомъ моимъ; и твоего слова держаться будетъ весь народъ мой; только престоломъ я буду больше тебя.

41. И сказалъ Фараонъ Іосифу: вотъ, я поставляю тебя надъ всею

землею Египетскою

42. И снялъ Фараонъ перстень свой съ руки своей, и надѣлъ его на руку Іосифу; одѣлъ его въ виссонныя одежды, возложилъ золотую цѣпь на шею ему;

43. Велѣлъ везти его на второй изъ своихъ колесницъ провозглашать предъ нимъ: преклоняйтесь! И поставилъ его надъ всею землею Египетскою.

44. И сказалъ Фараонъ Іосифу: я Фараонъ; безъ тебя никто не двинетъ ни руки своей, ни ноги своей, во всей землѣ Египетской.

45. И нарекъ Фараонъ Іосифу имя: Цафнаѳ-панеахъ; и далъ ему въ жену Асенеѳу, дочь Потифера, жреца Иліопольскаго. И пошелъ Іосифъ по землѣ Египетской.

46. Іосифу было тридцать лѣтъ отъ рожденія, когда онъ предсталъ предъ лице Фараона, царя Египетскаго. И вышелъ Іосифъ отъ лица Фараонова, и прошелъ по всей землѣ Египетской.

47. Земля же, въ семь лѣтъ изобилія приносила изъ зерна по горсти.

48. И собралъ онъ всякій хлѣбъ семи лѣтъ, которые были (плодородны) въ землѣ Египетской, и положилъ хлѣбъ въ городахъ; въ каждомъ городѣ положилъ хлѣбъ полей, окружающихъ его.

49. И скопилъ Іосифъ хлѣба весьма много, какъ песку морскаго, такъ что пересталъ и считать; ибо не стало счета.

50. До наступленія годовъ голода, у Іосифа родились два сына, которыхъ родила ему Асенеѳа, дочь Потифера, жреца Иліопольскаго.

51. И нарекъ Іосифъ имя первенцу: Манассія; потому что (говорилъ онъ), Богъ далъ мнѣ забыть всѣ несчастія мои, и весь домъ отца моего.

52. А другому нарекъ имя Ефремъ; потому что (говорилъ онъ), Богъ сдѣлалъ меня плодовитымъ въ землѣ

страданія моего.

53. И прошли семь лѣтъ изобилія, которое было въ землѣ Египетской;

54. И наступили семь лѣтъ голода, какъ сказалъ Іосифъ. И былъ голодъ во всѣхъ земляхъ: а во всей землѣ Египетской былъ хлѣбъ.

55. Но когда и вся земля Египетская начала терпѣть голодъ; то народъ началъ вопіять къ Фараону о хлѣбѣ. И сказалъ Фараонъ всѣмъ Египтянамъ: пойдите къ Іосифу, и дѣлайте, что́ онъ вамъ скажетъ.

56. И былъ голодъ по всей землѣ: и отворилъ Іосифъ всѣ житницы, и сталъ продавать хлѣбъ Египтянамъ. Голодъ же усиливался въ землѣ Египетской.

57. И изъ всѣхъ странъ приходили въ Египетъ, покупать хлѣбъ у Іосифа; ибо голодъ усилился по всей землѣ.

ГЛАВА XLII.

И узналъ Іаковъ, что въ Египтѣ есть хлѣбъ, и сказалъ Іаковъ сыновьямъ своимъ: что вы смотрите?

2. И сказалъ: вотъ, я слышалъ, что есть хлѣбъ въ Египтѣ; пойдите туда, и купите намъ оттуда хлѣба, чтобы намъ жить и не умереть.

3. Десять братьевъ Іосифовыхъ пошли купить хлѣба въ Египтѣ,

4. А Веніамина, брата Іосифова, не послалъ Іаковъ съ братьями его; ибо сказалъ: не случилось бы съ нимъ бѣды.

5. И пришли сыны Израилевы покупать хлѣбъ, вмѣстѣ съ другими пришедшими; ибо въ землѣ Ханаанской былъ голодъ.

6. Іосифъ же былъ начальникомъ въ землѣ той; онъ и продавалъ хлѣбъ всему народу земли. Братья Іосифа пришли и поклонились ему лицемъ до земли.

7. И увидѣлъ Іосифъ братьевъ своихъ, и узналъ ихъ; но показалъ, будто не знаетъ ихъ, и говорилъ съ ними сурово, и сказалъ имъ: откуда вы пришли? Они сказали: изъ земли Ханаанской, купить пищи:

8. Іосифъ узналъ братьевъ своихъ; но они не узнали его.

9. И вспомнилъ Іосифъ сны, который снились ему о нихъ; и сказалъ имъ: вы соглядатаи; вы пришли высмотрѣть наготу (слабыя мѣста) земли сей.

10. Они сказали ему: нѣтъ, господинъ нашъ; рабы твои пришли купить пищи.

11. Мы всѣ дѣти одного человѣка; мы люди честные; рабы твои не бывали соглядатаями.

12. Онъ сказалъ имъ: нѣтъ, вы пришли высмотрѣть наготу земли сей.

13. Они сказали: насъ, рабовъ твоихъ, двѣнадцать братьевъ; мы сыновья одного человѣка въ землѣ Ханаанской,

и вотъ, меньшій теперь съ отцемъ нашимъ, а одного не стало.

14. И сказалъ имъ Іосифъ: это самое я и говорилъ вамъ, сказавъ: вы соглядатаи.

15. Вотъ, какъ вы будете испытаны: клянусь жизнію Фараона, вы не выйдете отсюда, если не прійдетъ сюда меньшій братъ вашъ

16. Пошлите одного изъ васъ, и пусть онъ приведетъ брата вашего; а вы будете задержаны. И откроется, правда ли у васъ, и если нѣтъ, то клянусь жизнію Фараона, что вы соглядатаи.

17. И отдалъ ихъ подъ стражу на три дня.

18. И сказалъ имъ Іосифъ въ третій день: вотъ что сдѣлайте, и останетесь живы; ибо я боюсь Бога

19. Если вы люди честные: то одинъ братъ изъ васъ пусть содержится въ домѣ, гдѣ вы заключены;

а вы пойдите, отвезите хлѣбъ, ради голода семействъ вашихъ.

20. Брата же вашего меньшаго приведите ко мнѣ, чтобы не умереть вамъ. Такъ они и сдѣлали.

21. И говорили они другъ другу: точно мы наказываемся за грѣхъ противъ брата нашего; мы видѣли страданіе души его, когда онъ умолялъ насъ, но не послушали его; за то и постигло насъ горе сіе.

23. Рувимъ отвѣчалъ имъ, и сказалъ: не говорилъ ли я вамъ: не грѣшите противъ отрока? но вы не послушались. Вотъ кровь его взыскивается.

23. А того не знали они, что Іосифъ понимаетъ; ибо между ними былъ переводчикъ.

24. И отошелъ отъ нихъ Іосифъ, и заплакалъ. И возвратился къ нимъ, и говорилъ съ ними, и, взявъ

изъ нихъ Симеона, связалъ его предъ глазами ихъ.

25. И приказалъ Іосифъ наполнить мѣшки ихъ хлѣбомъ, а серебро ихъ возвратить каждому въ мѣшокъ его, и дать имъ запасовъ на дорогу. Такъ и сдѣлано съ ними.

26. Они положили хлѣбъ свой на ословъ своихъ, и пошли оттуда.

27. И открылъ одинъ изъ нихъ мѣшокъ свой, чтобы дать корму ослу своему на ночлегѣ; и увидѣлъ серебро свое въ отверстіи мѣшка его.

28. И сказалъ своимъ братьямъ: серебро мое возвращено; вотъ оно въ мѣшкѣ у меня. И смутилось сердце ихъ, и они съ трепетомъ другъ другу говорили: что это Богъ сдѣлалъ съ ними?

29. И пришли къ Іакову, отцу своему, въ землю Ханаанскую, и разсказали ему все случившееся съ ними, говоря:

30. Начальствующій надъ тою землею говорилъ съ нами сурово, и принялъ насъ за соглядатаевъ земли той.

31. И сказали мы ему: мы люди честные; мы не бывали соглядатаями;

32. Насъ двѣнадцать братьевъ, сыновей у отца нашего; одного не стало, а меньшій теперь съ отцомъ нашимъ въ землѣ Ханаанской.

33. И сказалъ намъ начальствующій надъ тою землею: вотъ, какъ узнаю я, честные ли вы люди. Оставьте у меня одного брата изъ васъ; а вы возьмите хлѣбъ ради голода семействъ вашихъ, и пойдите;

34. И приведите ко мнѣ меньшаго брата вашего, и узнаю я, что вы не соглядатаи, но люди честные; отдамъ вамъ брата вашего, и вы можете промышлять въ этой землѣ.

35 Когда же они опорожняли мѣшки свои; вотъ,

у каждаго узелъ серебра его въ мѣшкѣ его. И увидѣли они узлы серебра своего, они и отецъ ихъ, и испугались.

36 И сказалъ имъ Іаковъ, отецъ ихъ: вы лишили меня дѣтей: Іосифа нѣтъ, и Симеона нѣтъ; и Веніамина взять хотите, — все это на меня.

37. И сказалъ Рувимъ отцу своему, говоря: убей двухъ моихъ сыновей, если я не приведу его къ тебѣ; отдай его на мои руки; я возвращу его тебѣ.

38. Онъ сказалъ: не пойдетъ сынъ мой съ вами; потому что братъ его умеръ, и онъ одинъ остался. Если случится съ нимъ несчастіе на пути, въ который вы пойдете; то сведете вы сѣдину мою съ печалью во гробъ.

ГЛАВА XLIII.

Голодъ усилился на землѣ.

2. И когда они съѣли

хлѣбъ, который привезли изъ Египта; тогда отецъ ихъ сказалъ имъ: пойдите опять, купите намъ немного пищи.

3. И сказалъ ему Іуда, говоря: тотъ человѣкъ рѣшительно объявилъ намъ, сказавъ: не являйтесь ко мнѣ на лице, если брата вашего не будетъ съ вами.

4. Если пошлешь съ нами брата нашего; то пойдемъ, и купимъ тебѣ пищи.

5. А если не пошлешь, то не пойдемъ; ибо тотъ человѣкъ сказалъ намъ: не являйтесь ко мнѣ на лице, если брата вашего не будетъ съ вами.

6. Израиль сказалъ: для чего вы сдѣлали мнѣ такое зло, сказавъ тому человѣку, что у васъ есть еще братъ?

7. Они сказали: распрашивалъ тотъ человѣкъ о насъ и о родствѣ нашемъ. говоря: живъ ли еще отецъ вашъ? есть ли у васъ братъ? Мы и разсказали ему по

этимъ распросамъ. Могли ли мы знать, что онъ скажетъ: приведите брата вашего?

8 Іуда же сказалъ Израилю, отцу своему: отпусти отрока со мною; и мы встанемъ и пойдемъ, и живы будемъ и не умремъ и мы, и ты, и дѣти наши.

9. Я отвѣчаю за него, изъ моихъ рукъ потребуешь его. Если я не приведу его къ тебѣ, и не поставлю его предъ лицемъ твоимъ; то останусь я виновнымъ предъ тобою во всѣ дни жизни.

10. Если бы мы не медлили; то уже сходили бы два раза.

11. Израиль, отецъ ихъ, сказалъ имъ: если такъ, то вотъ, что сдѣлайте: возьмите съ собою плодовъ земли сей, и отнесите въ даръ тому человѣку нѣсколько бальзама и нѣсколько меду, стираксы и ладану, фисташковъ и миндальныхъ орѣховъ.

12. Возьмите и другое серебро въ руки ваши; а серебро, обратно положенное въ отверстіе мѣшковъ вашихъ, возвратите руками вашими: можетъ быть, это недосмотръ.

13. И брата вашего возьмите, и вставъ, пойдите опять къ человѣку тому.

14. Богъ же всемогущій да дастъ вамъ найти милость у человѣка того, чтобы онъ отпустилъ вамъ и другаго брата вашего и Веніамина. А мнѣ если уже быть бсздѣтнымъ; то пусть буду бездѣтнымъ.

15. И взяли тѣ люди дары эти, и серебра вдвое взяли въ руки свои, и Веніамина, и встали, и пошли въ Египетъ и предстали предъ лице Іосифа.

16. Іосифъ, увидѣвъ между ними Веніамина, брата своего, сына матери своей, сказалъ начальнику дома своего: введи сихъ людей въ домъ, и заколи что нибудь изъ скота, и приготовь;

потому что со мною будутъ ѣсть эти люди въ полдень.

17. И. сдѣлалъ человѣкъ тотъ, какъ сказалъ Іосифъ, и ввелъ человѣкъ тотъ людей сихъ въ домъ Іосифовъ.

18. И испугались люди эти, что ввели ихъ въ домъ Іосифовъ, и сказали: это за серебро, возвращенное прежде въ мѣшки наши, ввели насъ, чтобы придраться къ намъ, и напасть на насъ, и взять насъ въ рабство, и ословъ нашихъ.

19. И подошли они къ начальнику дома Іосифова, и стали говорить ему у дверей Дома.

20. И сказали: послушай, господинъ нашъ, мы приходили уже прежде покупать пищи.

21. И случилось, что, когда пришли мы на ночлегъ, и открыли мѣшки наши, — вотъ серебро каждаго въ отверстіи мѣшка его, серебро наше по вѣсу его, и мы возвращаемъ его

своими руками.

22. А для покупки пищи мы принесли другое серебро въ рукахъ нашихъ. Мы не знаемъ, кто положилъ серебро наше въ мѣшки наши.

23. Онъ сказалъ: будьте спокойны, не бойтесь. Богъ вашъ и Богъ отца вашего далъ вамъ кладъ въ мѣшкахъ вашихъ; серебро ваше дошло до меня. И привелъ къ нимъ Симеона.

24. И ввелъ тотъ человѣкъ людей сихъ въ домъ Іосифовъ, и далъ воды, и они омыли ноги свои; и далъ корму ослamъ ихъ.

25. И они приготовили дары къ приходу Іосифа въ полдень; ибо слышали, что тамъ будутъ ѣсть хлѣбъ.

26. И пришелъ Іосифъ домой; и они принесли ему въ домъ дары, которые были на рукахъ ихъ, и поклонились ему до земли.

27. Онъ спросилъ ихъ о здоровьи, и сказалъ: здоровъ ли отецъ вашъ

старецъ,

о которомъ вы говорили? Живъ ли еще онъ?

28. Они сказали: здоровъ рабъ твой, отецъ нашъ; еще живъ. Онъ сказалъ: благословенъ человѣкъ сей отъ Бога. И преклонились они и поклонились.

29. И поднялъ глаза свои Іосифъ, и увидѣлъ Веніамина, брата своего, сына матери своей, и сказалъ: это братъ вашъ меньшій, о которомъ вы сказывали мнѣ? И сказалъ: да будетъ милость Божія съ тобою, сынъ мой!

30. И поспѣшно удалился Іосифъ, потому что воскипѣла любовь къ брату его, и онъ готовъ былъ заплакать, и вошелъ онъ во внутреннюю комнату, и плакалъ тамъ.

31. И умывъ лице свое, вышелъ, и скрѣпился и сказалъ: подавайте кушанье.

32. И подали ему особо, и имъ особо и Египтянамъ, обѣдавшимъ съ нимъ, особо: ибо Египтяне не могутъ

ѣсть съ Евреями; потому что это мерзость для Египтянъ.

33. И сѣли они предъ нимъ, первородный по первородству его, и младшій по молодости его, и дивились эти люди другъ предъ другомъ.

34. И посылались имъ кушанья отъ, него; и доля Веніамина была впятеро больше долей каждаго изъ нихъ. И пили, и довольно пили они съ нимъ.

ГЛАВА XLIV

И приказалъ Іосифъ начальнику дома своего, говоря: наполни мѣшки этихъ людей пищею, сколько они могутъ нести, и серебро каждаго положи въ отверстіе мѣшка его.

2. А чашу мою, чашу серебряную, положи въ отверстіе мѣшка къ младшему, вмѣстѣ съ серебромъ за купленный имъ хлѣбъ, И сдѣлалъ тотъ по слову

Іосифа, которое сказалъ онъ.

3. Утромъ, когда разсвѣло, эти люди были отпущены, они и ослы ихъ.

4. Еще не далеко отошли они отъ города, какъ Іосифъ сказалъ начальнику дома своего: ступай, догоняй этихъ людей, и, когда догонишь, скажи имъ: для чего вы заплатили зломъ за добро? для чего украли у меня серебряную чашу?

5. Не та ли это, изъ которой пьетъ господинъ мой? И онъ гадаетъ на ней. Худо это вы сдѣлали.

6 Онъ догналъ ихъ, и сказалъ имъ эти слова.

7 Они сказали ему: для чего господинъ нашъ говоритъ такія слова? Нѣтъ, рабы твои не сдѣлаютъ такого дѣла.

8. Вотъ, серебро, найденное нами въ отверстіи мѣшковъ нашихъ, мы обратно

принесли тебѣ изъ земли Ханаанской: какъ же намъ украсть изъ дома господина твоего серебро или золото?

9. У кого изъ рабовъ твоихъ найдется чаша, тому смерть; и мы будемъ рабами господину нашему.

10. Онъ сказалъ: хорошо; какъ вы сказали, такъ пусть и будетъ: у кого найдется чаша, тотъ будетъ мнѣ рабомъ, а вы будете не виноваты.

11. Они поспѣшно спустили каждый свой мѣшокъ на землю, и открыли каждый свой мѣшокъ

12. Онъ обыскалъ, началъ со старшаго, и кончилъ младшимъ; и нашлась чаша въ мѣшкѣ Веніаминовомъ.

13. И разодрали они одежды свои, и, возложивъ каждый на осла своего ношу, возвратились въ городъ.

14. И пришли Іуда и братья его въ домъ Іосифа,

который былъ еще дома, и пали предъ нимъ на землю.

15. Іосифъ сказалъ имъ: что это вы сдѣлали? развѣ вы не знали, что такой человѣкъ, какъ я, конечно угадаетъ?

16 Іуда сказалъ: что намъ сказать господину нашему? что говорить?

чѣмъ оправдываться? Богъ нашелъ неправду рабовъ твоихъ; вотъ, мы рабы господину нашему, и мы, и тотъ, въ чьихъ рукахъ нашлась чаша.

17. Но Іосифъ сказалъ: нѣтъ, я этого не сдѣлаю; тотъ, въ чьихъ рукахъ нашлась чаша, будетъ мнѣ рабомъ, а вы пойдите съ миромъ къ отцу вашему.

18. И подошелъ Іуда къ нему, и сказалъ: господинъ мой, позволь рабу твоему сказать слово во уши господина моего, и не прогнѣвайся на раба твоего; ибо ты то же, что Фараонъ.

19. Господинъ мой спрашивалъ

рабовъ своихъ, говоря: есть ли у васъ отецъ или братъ?

20. Мы сказали господину нашему, что у насъ есть отецъ престарѣлый, и у него младшій сынъ, сынъ старости, котораго братъ умеръ, а онъ остался одинъ отъ матери своей; и отецъ любитъ его.

21. Ты же сказалъ рабамъ твоимъ: приведите его ко мнѣ, чтобы мнѣ взглянуть на него.

22. Мы сказали господину нашему: отрокъ не можетъ оставить отца

своего; и если онъ, оставитъ отца своего, то сей умретъ.

23. Но ты сказалъ рабамъ твоимъ: если не прійдетъ меньшій братъ вашъ, то вы болѣе не являйтесь ко мнѣ на лице.

24. Когда мы пришли къ рабу твоему, отцу нашему: то пересказали ему слова господина моего.

25. И сказалъ отецъ нашъ: пойдите опять, купите

намъ не много пищи.

26. Мы сказали: нельзя намъ идти; а если будетъ съ нами меньшій братъ нашъ, то пойдемъ; потому что нельзя намъ видѣть лица того человѣка, если не будетъ съ нами меньшаго брата нашего.

27 И сказалъ намъ рабъ твой, отецъ нашъ: вы знаете, что жена моя родила мнѣ двухъ сыновъ.

28 Одинъ пошелъ отъ меня, и я сказалъ: вѣрно онъ разстерзанъ; и я не видалъ его донынѣ.

29. Если и сего возьмете отъ глазъ моихъ, и случится съ нимъ несчастіе; то сведете вы сѣдину мою съ горестію во гробъ.

30. Теперь если я прійду къ рабу твоему, отцу нашему, и не будетъ съ нами отрока, съ душею котораго связана душа его:

31. То онъ, увидѣвъ, что нѣтъ отрока, умретъ; и сведутъ рабы твои сѣдину

раба твоего, отца нашего, съ печалью во гробъ.

32. Притомъ я, рабъ твой, взялся отвѣчать за отрока отцу моему, сказавъ: если не приведу его къ тебѣ и не поставлю его предъ тобою; то останусь я виновнымъ предъ отцемъ моимъ во всѣ дни жизни.

33. И такъ пусть я, рабъ твой, вмѣсто отрока останусь рабомъ у господина моего; а отрокъ пусть идетъ съ братьями своими.

34. Ибо какъ пойду я къ отцу моему, когда отрока не будетъ со мною? я увидалъ бы бѣдствіе, которое постигло бы отца моего.

ГЛАВА XLV.

Іосифъ не могъ болѣе удерживаться при всѣхъ стоявшихъ около него, и закричалъ: удалите отъ меня всѣхъ. И не оставалось при Іосифѣ никого, когда онъ открылся братьямъ своимъ.

2. И громко зарыдалъ онъ, и услышали Египтяне, и услышалъ домъ Фараоновъ.

3. И сказалъ Іосифъ братьямъ своимъ: я Іосифъ, живъ ли еще отецъ мой? Но братья его не могли отвѣчать ему; потому что они смутились предъ нимъ.

4. И сказалъ Іосифъ братьямъ своимъ: подойдите ко мнѣ. Они подошли. Онъ сказалъ: я Іосифъ, братъ вашъ, котораго вы продали въ Египетъ.

5. Но теперь не печальтесь, и не жалѣйте о томъ, что вы продали меня сюда; потому что Богъ послалъ меня передъ вами для сохранения вашей жизни.

6. Ибо теперь два года голода на землѣ: остается еще пять лѣтъ, въ которыя ни орать, ни жать не будутъ.

7. Богъ послалъ меня передъ вами, чтобы оставить васъ на землѣ и сохранить вашу жизнь великимъ избавленіемъ.

8. И такъ не вы послали меня сюда, но Богъ, который и поставилъ меня отцомъ Фараону, и господиномъ во всемъ домѣ его, и владыкою во всей землѣ Египетской.

9. Идите скорѣе къ отцу моему, и скажите ему: такъ говоритъ сынъ твой Іосифъ: Богъ поставилъ меня господиномъ надъ всѣмъ Египтомъ: прійди ко мнѣ, не медли.

10. Ты будешь жить въ землѣ Гесемъ; и будешь близъ меня, ты, и сыны твои, и сыны сыновъ твоихъ, и мелкій и крупный скотъ твой, и все твое.

11. И прокормлю тебя тамъ, ибо голодъ будетъ еще пять лѣтъ; чтобы не обнищалъ ты, и домъ твой, и все твое.

12. И вотъ очи ваши и очи брата моего Веніамина видятъ, что это мои уста говорятъ съ вами.

13 Скажите же отцу моему о всей славѣ моей въ Египтѣ и о всемъ, что̀ вы видѣли; и приведите скорѣе отца моего сюда.

14. И палъ онъ на шею Веніамину, брату своему, и плакалъ; и Веніаминъ плакалъ на шеѣ его.

15. И цѣловалъ всѣхъ братьевъ своихъ, и плакалъ, обнимая ихъ. Потомъ говорили съ нимъ братья его.

16. Дошелъ въ домъ Фараона слухъ, что пришли братья Іосифа; и пріятно было Фараону и рабамъ его.

17. И сказалъ Фараонъ Іосифу, скажи братьямъ твоимъ: вотъ, чтò сдѣлайте: навьючьте скотъ вашъ (хлѣбомъ), и ступайте въ землю Ханаанскую;

18. И возьмите отца вашего и семейства ваши, и прійдите ко мнѣ; я дамъ вамъ лучшее (мѣсто) въ землѣ Египетской, и вы будете ѣсть тукъ земли.

19. Тебѣ же повелѣваю сказать имъ: сдѣлайте сіе: возьмите себѣ изъ земли Египетской колесницъ для дѣтей вашихъ, и для женъ вашихъ, и привезите отца вашего и прійдите.

20. И не жалѣйте вещей вашихъ, ибо лучшее изъ всей земли Египетской дамъ вамъ.

21. Такъ и сдѣлали сыны Израилевы. И далъ имъ Іосифъ колесницы, по приказанію Фараона, и далъ имъ путевой запасъ.

22. Каждому изъ нихъ онъ далъ перемѣну одеждъ, а Веніамину далъ триста сребренниковъ и пять перемѣнъ одеждъ.

23. Также и отцу своему послалъ десятьословъ, навьюченныхъ лучшими произведеніями Египетским, и десять ослицъ, навьюченныхъ зерномъ, хлѣбомъ и припасами отцу своему на путь.

24. И отпустилъ братьевъ

своихъ, и они пошли. И сказалъ имъ: не ссорьтесь на дорогѣ

25. И пошли они изъ Египта, и пришли въ землю Ханаанскую къ Іакову, отцу своему.

26. И извѣстили его, сказавъ: Іосифъ, сынъ твой живъ, и теперь владычествуетъ надъ всею землею Египетскою. Но сердце его смутилось; ибо онъ не вѣрилъ имъ.

27 Когда же они пересказали ему всѣ слова Іосифа, которыя онъ говорилъ имъ; и когда увидѣлъ колесницы, который прислалъ Іосифъ, чтобы везти его; тогда ожилъ духъ Іакова, отца ихъ.

28. И сказалъ Израиль: довольно (сего для меня), еще живъ сынъ мой Іосифъ; пойду и увижу его, пока не умру.

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ.

ГЛАВА V

Увидѣвъ народъ, Онъ взошелъ на гору; и, когда сѣлъ, приступили къ Нему ученики Его.

2. И Онъ, отверзши уста свои, училъ ихъ, говоря:

3. Блаженны нищіе духомъ; ибо ихъ есть царство небесное.

4. Блаженны плачущіе; ибо они утѣшатся.

5. Блаженны кроткіе; ибо они наслѣдуютъ землю.

6. Блаженны алчущіе и жаждущіе правды; ибо они насытятся.

7. Блаженны милостивые; ибо они помилованы будутъ.

8. Блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ.

9. Блаженны миротворцы; ибо они будутъ наречены сынами Божіими.

10. Блаженны изгнанные за правду; ибо ихъ есть царство небесное.

11. Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня.

12. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесахъ: такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ.

13. Вы соль земли. Если же соль потеряетъ силу; то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему негодна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ.

14. Вы свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы.

15. И зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ.

16. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго.

17. Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ

или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, но исполнить.

18. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все.

19. И такъ, кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ, и научитъ такъ людей; тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣ небесномъ: а кто сотворитъ и научитъ; тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ.

20. Ибо, говорю вамъ, если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ; то вы не войдете въ царство небесное.

21. Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Исх. 20, 13).

22. А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно

подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему: ракà, подлежитъ синедріону; а кто скажетъ: безумный, подлежитъ геенне огненной.

23. И такъ, если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику, и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя;

24. Оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойди, прежде примирись съ братомъ твоимъ, и тогда прійди, и принеси даръ твой.

25. Мирись съ соперникомъ твоимъ скорѣе, пока ты еще на пути съ нимъ, чтобы соперникъ не отдалъ тебя судьѣ, а судья не отдалъ бы тебя слугѣ, и не ввергли бы тебя въ темницу

26. Истинно говорю тебѣ: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до послѣдняго кодранта.

33 Еще слышали вы, что сказано древнимъ: не преступай клятвы, но исполняй

предъ Господомъ клятвы твои. (Лев. 19, 12. Второз. 23, 21).

34. А Я говорю вамъ: не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно престолъ Божій;

35. Ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго Царя.

36. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ.

37. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого,

то отъ лукаваго.

38. Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. (Исх. 21, 24).

39. А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую.

40. И кто захочетъ судиться съ тобою, и взять

у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

41. И кто принудить тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два.

42. Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся.

43. Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего, и ненавидь врага твоего. (Лев. 19, 17.18).

44. А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ, и гонящихъ васъ;

45. Да будете сынами Отца вашего небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ.

46. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари?

47. И если вы привѣтствуете

только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?

48. И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.

ПСАЛОМЪ. CIII.

Благослови, душе моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно великъ, Ты облеченъ славою и величіемъ.

2. Ты одѣваешься свѣтомъ, какъ ризою, простираешь небеса, какъ шатеръ;

3. Устрояешь надъ водами горніе чертоги Свои, делаешь облака Своею колесницею, шествуешь на крыльяхъ вѣтра.

4. Ты творишь ангелами Своими духовъ, служитетелями Своими — огонь пылающій.

5. Ты поставилъ землю на твердыхъ основахъ: не

поколеблется она въ вѣки и вѣки.

6. Бездною, какъ одѣяніемъ, покрылъ Ты ее; на горахъ стоятъ воды.

7. Отъ прещенія Твоего бѣгутъ онѣ, отъ гласа грома Твоего быстро уходятъ.

8. Восходятъ на горы, нисходятъ въ долины, на мѣсто, которое Ты назначилъ для нихъ.

9. Ты положилъ предѣлъ, котораго не перейдутъ, и не возвратятся покрыть землю.

10. Ты послалъ источники въ долины, между горами текутъ (воды)

11. Поятъ всѣхъ полевыхъ звѣрей; дикіе ослы утоляютъ жажду свою.

12. При нихъ обитаютъ птицы небесныя, изъ среды вѣтвей издаютъ голосъ.

13. Ты напояешь горы съ высотъ Своихъ, плодами дѣлъ Твоихъ насыщается земля.

14. Ты произращаешь

траву для скота, и зелень на пользу человѣка, чтобы произвесть изъ земли пищу.

15. И вино, которое веселитъ сердце человѣка, и елей, отъ котораго

блистаетъ лице его, и хлѣбъ, который укрѣпляетъ сердце человѣка.

16. Насыщаются древа Господа, кедры Ливанскіе, которые Онъ насадилъ;

17. На нихъ гнѣздятся птицы: ели — жилище аисту,

18 Высокія горы — сернамъ; каменные утесы — убѣжище зайцамъ.

19 Онъ сотворилъ луну для указанія временъ, солнце знаетъ свой западъ.

10. Ты простираешь тьму, и бываетъ ночь: во время ея бродятъ всѣ лѣсные звѣри;

11. Львы рыкаютъ о добычѣ, и просятъ у Бога пищу себѣ.

12. Восходить солнце, (и) они собираются и ложатся въ свои логовища.

13. Выходитъ человѣкъ на дѣло свое и на работу свою до вечера.

14. Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все создалъ Ты премудро; земля полна произведенiй Твоихъ.

15. Это море великое и пространное: тамъ пресмыкающiяся, которымъ нѣтъ числа, животныя малыя съ большими;

16. Тамъ плаваютъ корабли, тамъ этотъ левiаѳанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ.

17. Всѣ они отъ Тебя ожидаютъ, чтобы Ты далъ имъ пищу ихъ въ свое время.

18. Даешь имъ, принимаютъ, отверзаешь руку Твою, насыщаются благомъ;

19. Сокроешь лице Твое, мятутся, отнимешь духъ ихъ, умираютъ, и въ персть свою возвращаются.

20. Пошлешь духъ Твой, созидаются, и Ты обновляешь лице земли.

21. Да будетъ Господу слава во вѣки; да веселится Господь о дѣлахъ Своихъ!

22. Призираетъ на землю, и она трясется; прикасается къ горамъ, и дымятся.

23. Буду пѣть Господу во всю жизнь мою, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь.

24. Да будетъ благопріятна Ему пѣснь моя; буду веселиться о Господѣ.

25. Да исчезнуть грѣшники съ земли, и беззаконныхъ да не будетъ болѣе. Благослови, душа моя Господа! Аллилуія!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СЧЁТЪ.

ДРОБИ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

—

1111.

Читать справа влѣво: одна единица, одинъ десятокъ, одна сотня, одна тысяча.

Десятокъ — это десять единицъ.

Сотня — это десять десятковъ и сто единицъ.

Тысяча — это десять сотенъ и тысяча единицъ,

1111.

Читать слѣва вправо: одна тысяча, одна сотня, одинъ десятокъ, одна единица.

Одна сотня — это десятая часть тысячи.

Десятокъ — это десятая часть сотни и сотая часть тысячи.

Единица — это десятая часть десятка, сотая часть сотни и тысячная часть тысячи.

5398.

Можно прочесть справа влѣво: 8 единицъ, 9 десятковъ, 3 сотни и 5 тысячъ.

И можно прочесть слѣва вправо: 5 единицъ, 3 десятыя части единицы, 9 сотыхъ частей единцы, и 8 тысячныхъ частей.

Если считать справа влѣво, — это счётъ цѣлыми числами, а если считать слѣва вправо, — это счётъ дробями.

73890 — цѣлое число.

9 десятковъ, 8 сотенъ, 3 тысячи и 7 десятковъ тысячъ.

0,7389 — дробь.

7 десятыхъ, 3 сотыхъ, 8 тысячныхъ и 9 десятитысячныхъ.

Если считаешь вмѣстѣ и справа и слѣва, дробями и цѣлыми числами, то надо замѣтить запятою, по какихъ поръ считаешь справа влѣво цѣлыми, и по какихъ поръ слѣва вправо дробями.

18,35 значитъ, что 18 считать справа влѣво цѣлыми: 8 единицъ и 1 десятокъ. А 35 считать слѣва вправо дробями: 3 десятыхъ и 5 сотыхъ.

236,004 значитъ, что три цифры слѣва надо считать справа влѣво.

Будетъ 236 единицъ. А 004 слева вправо. Будетъ 0 десятыхъ, 0 сотыхъ, 4 тысячныхъ.

Если написано 53980 цѣлыхъ, то можно выговорить: 980 простыхъ, 9 сотенъ, 3 тысячи, и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 980 простыхъ, 3 тысячи

и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 3980 простыхъ и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 53 тысячи 980 простыхъ. Всегда такъ и выговариваютъ.

Если написано: 0,5398 дробями, то можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 5 десятыхъ, 3 сотыхъ, 9 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 53 сотыхъ, 9 тысячныхъ, и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 539 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 5398 десятитысячныхъ.

Всегда такъ и выговариваютъ.

Прочесть

0,53

0,678

0,107

0,02

4,03507.

Въ цѣлыхъ числахъ можно прибавлять сколько хочешь нолей съ лѣвой стороны: число не измѣнится.

Въ дробяхъ можно прибавлять сколько хочешь нолей съ правой стороны — число не изменится.

1,235 = 1,23500

0,45 = 0,45000000.

СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ ДЕСЯТИЧНЫХЪ ДРОБЕЙ.

Дроби складываются и вычитаются точно также, какъ цѣлыя.

Тысячныя складываются съ тысячными, и когда наберется 10 тысячныхъ, то дѣлается одна сотая; а наберется 10 сотыхъ — дѣлается 1 десятая; а наберется 10 десятыхъ — дѣлается одна цѣлая.

Точно также вычитаются тысячныя изъ тысячныхъ, сотыя изъ сотыхъ, десятыя изъ десятыхъ. И если недостанетъ тысячныхъ, то одну сотую раскладываютъ на 10 тысячныхъ; а недостанетъ сотыхъ, то 1 десятую раскладываютъ на 10 сотыхъ; а не достанетъ десятыхъ, то одну цѣлую раскладываютъ на 10 десятыхъ.

Сложить:

Вычесть:

Сложить:

538,0879 + 36,569

0,9999 + 0,1111 + 4,147

0,0053 + 0,9008

2491 + 8,14 + 0,45

Вычесть:

3,235—0,4569.

7—1,9835

4,005—0,873.

10,0006—6,3508

УМНОЖЕНІЕ И ДѢЛЕНІЕ ДЕСЯТИЧНЫХЪ ДРОБЕЙ.

Десятичныя дроби помножаются и дѣлятся на целыя числа точно также, какъ и простыя числа; надо только помнить, какой разрядъ помножаешь или дѣлишь.

Помножить

Раздѣлить: 20,82:6

Изъ 20,82 на 6 частей по 3,0; всѣхъ 18

Изъ 02,82 на 6 частей по 0,4; всѣхъ 2,4

Изъ 00,42 на 6 частей по 0,07; всѣхъ 0,42

———————————

Изъ 20,82 на 6 частей по 3,47; всѣхъ 20,82.

————

Можно и просто множить и дѣлить такъ:

30 разъ 5 сотыхъ будетъ 150 сотыхъ.

30 разъ 2 десятыхъ будетъ 60 десятыхъ.

193 цѣлыхъ на 31 часть будетъ по 6 цѣлыхъ.

77 десятыхъ на 31 часть будетъ по 2 десятыхъ.

155 сотыхъ, на 31 часть будетъ по 5 сотыхъ.

Всякія числа помножаютъ на десятичныя дроби такъ-же, какъ на цѣлыя

числа; только когда помножаешь цѣлое число, то, если помножишь на десятки, выходитъ въ 10 разъ больше, и пишешь въ другой разрядъ на лѣво; напримѣръ: 3 × 20 выходитъ не 6, а 60; а когда множишь на десятыя, то выходить въ 10 разъ меньше и пишешь въ другой разрядъ на право:

3 × 0,2 выходитъ не 6, а 0,6.

Когда множишь на сотни цѣлаго числа, то выходить въ 100 разъ больше и пишешь въ 3-й разрядъ на лѣво:

3 × 200 выходитъ не 6, а 600.

А когда множишь на сотыя, то выходитъ въ 100 разъ меньше, и пишешь въ 3-й разрядъ на право:

3 × 0,02 выходитъ не 6, а 0,06; и т. д.

Когда множишь 30 на 20 цѣлыхъ, то выходитъ не 60, а въ 10 разъ болѣе, 600.

Когда множишь 0,3 на 0,2 (три десятыхъ на двѣ десятыхъ), то выходитъ не 0,6, а въ 10 разъ меньше 0,06.

Когда множишь 600 на 500, то выходитъ не 3000, а въ 100 разъ больше, 300000.

Когда множишь 0,06 на 0,05, то выходитъ не 0,30, а въ въ 100 разъ меньше 0,0030 (тридцать десятитысячныхъ).

Дѣлятъ на дроби точно также, какъ на цѣлыя числа, только когда дѣлишь на цѣлыя, то, если дѣлишь на десятки, выходитъ въ 10 разъ меньше; если на сотни, то въ 100 разъ меньше, и т. д.; а когда дѣлишь на десятыя, то выходитъ въ 10 разъ больше; когда дѣлишь на сотыя, то выходитъ въ 100 разъ больше; и т. д.

Если дѣлишь 60 на 20, то выходитъ не 30, а, въ 10 разъ меньше, 3.

Если дѣлишь 60 на 0,2, то выходитъ не 30, а въ 10 разъ больше, 300.

Если дѣлишь 600 на 200, то выходитъ не 300, а въ 100 разъ меньше, 3

Если дѣлишь 600 на 0,02, то выходитъ не 300, а въ 100 разъ больше, 30000.

———

Когда приходится вычитать 0,35 изъ 2 единицъ, надо 2 единицы

написать 2,00 — двѣсти сотыхъ; точно также, когда приходится дѣлить 2 единицы на 0,35, надо 2 единицы написать 2,00 двѣсти сотыхъ, и дѣлить сотыя.

Раздѣлить 1 на 0,05 значить раздѣлить 1,00:0,05; 100 сотыхъ раздѣлить на 5, будетъ 20 сотыхъ. Въ сто разъ больше — будетъ 20 единицъ.

———

Десятичныя дроби на десятичныя множатся какъ цѣлыя числа, и точно также можно начинать умноженіе съ самаго большаго или съ самаго мелкаго разряда. Чтобы скорѣе дѣлать умноженіе дробей, надо подписывать единицы подъ единицами, десятыя подъ десятыми, сотыя подъ сотыми, и т. д., и начинать съ самаго мелкаго разряда.

— 183 —

Примѣръ умножения.

6 разъ 4 тысячныхъ было бы 24 тысячныхъ: но 6 сотыхъ въ 100 разъ меньше, стало быть будетъ — 24 стотысячныхъ.

6 разъ 8 сотыхъ было бы 48 сотыхъ; но 6 сотыхъ въ 100 разъ меньше, стало быть будетъ 48 десятитысячныхъ, и т. д.

5 разъ 4 тысячныхъ было бы 20 тысячныхъ; но 5 десятыхъ въ 10 разъ меньше, стало быть будетъ 20 десятитысячныхъ, и т. д.

———

— 184 —

Раздѣлить:

— 185 —

Помножить:

1564,893 × 0,5

10,006 × 15,181

536,03 × 0,698

99,161× 0,007

Раздѣлить:

0,5315 : 0,67

47, 578 : 0,0748

2,5689 : 7,079

———

РАЗНЫЯ СЧИСЛЕНІЯ.

Цѣлыя числа почти всегда считаютъ десятками; но можно считать пятками, парами, тройками, дюжинами, полдюжинами, и какимъ хочешь счётомъ Чтобы считать не десятками, можно счёты сдѣлать не такъ, какъ всегда ихъ дѣлаютъ.

Если хочешь считать полдюжинами, то сними съ каждаго ряда счётовъ по 4 кости и оставь 6. Тогда можно, что́ хочешь, считать не въ десятичномъ, а въ шестичномъ счётѣ.

Надо сложить 3 да 4 въ шестичномъ счётѣ. Какъ наберётся 6, скинь всѣ и положи одинъ шестерикъ

3+4 въ шестичномъ счётѣ выйдетъ такъ.

Надо вычесть изъ одного шестирика и одной простой — 4. Скинь одну и разложи шестерикъ на 6 Скинь три, которыхъ недостало; останется 3.

Точно также можно считать въ какомъ хочешь счисленіи: въ семичномъ, въ 25-тичномъ, въ девятичномъ, въ 113-тичномъ.

Только надо помнить, что, въ какомъ считаешь счисленіи, то въ столько разъ каждый разрядъ влѣво больше разряда вправо. Если считаешь въ семичномъ счисленіи, то первый разрядъ будутъ единицы, 2-й разрядъ влѣво будутъ семерики, 3-й разрядъ влѣво будутъ 7 × 7 = 49, 4-й разрядъ будетъ 49 × 7 = 343; и т. д.

Если въ пятичномъ счисленіи, то разряды будутъ такіе: 1-й разрядъ — единицы; 2-й разрядъ 5; 3-й разрядъ 25; 4-й разрядъ 125 и т. д.

Въ шестичномъ счисленіи сложить:

Въ девятичномъ счисленіи сложить:

– 187 –

Въ шестичномъ вычесть:

Въ девятичномъ вычесть

Сложить въ двоичномъ счисленіи:

въ восьмичномъ.

въ четверичномъ:

Вычесть:

Для того, чтобы считать въ счисленіяхъ больше 10 цифрами, надо для 10, 11, 12, 13, 14, и т. д. придумать особые знаки, такъ чтобы знаки эти помѣщались

– 188 –

не на двухъ мѣстахъ, а на одномъ мѣстѣ. На счётахъ, если сдѣлать счёты съ 17, 20 и болѣе костями, можно считать въ какомъ хочешь счисленіи, только надо помнить, что, если считаешь въ 17–тичномъ счисленіи, то каждая кость ряда влѣво считает въ 17 разъ больше каждой кости ряда вправо.

Можно считать во всякомъ счисленіи и дробями.

Если написать, то это значитъ – первая цифра слѣва есть единицы, вторая цифра дробь въ 6 разъ меньше единицы., значитъ 3 единицы и 2 шестыхъ.

Дроби въ разномъ счисленіи считаются такъже, какъ и дроби въ

десятичномъ счисленіи.

Если надо сложить въ шестичномъ счисленіии

, то выйдетъ. Если надо вычесть въ семичномъ счисленіи, то выйдетъ

Если надо помножить въ десятичномъ счисленіи 2 на, тобудетъ 6 въ 9 разъ меньше,. Если надо помножитьна, то будетъ не 6 девятыхъ, а въ 9 разъ меньше, 6-ть 81-хъ, =

Если надо раздѣлить 8 на то выйдетъ не 2, а 2 въ 11 разъ болѣе, т. е. 22. .

Если надо раздѣлить то выйдетъ не , а въ 11 разъ больше = 4 цѣлыхъ.

Цѣлыя числа всегда считаются въ десятичномъ счисленіи, и рѣдко въ другомъ счисленіи, а дроби рѣдко считаются въ десятичномъ счисленіи и почти всегда въ разныхъ счисленіяхъ.

Дроби въ десятичномъ счисленіи пишутся всегда такъ: 0,35 (35 сотыхъ), 1,017 (одна цѣлая и 17 тысячныхъ), и т. д. А дроби въ разныхъ счисленіяхъ пишутъ такъ: наверху пишутъ число, а внизу то, въ какомъ оно счисленіи, и это нижнее число зовётся знаменателемъ. А самое число, что́ пишется на верху, зовётся числителемъ. Вотъ такъ: 5

——

11. 5 — числитель, а 11 знаменатель, и выговаривается: пять одинадцатыхъ.

1

—

2 одна вторая.

7

——

18 семь пятнадцатыхъ.

221

———

367 двѣсти двадцать одна тристашестьдесятъседьмая.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Переименованіе дробей.

Для того, чтобы считать дробями, надо умѣть передѣлывать числа изъ одного счисленія въ другое, и такъ, чтобы числа не становились ни больше, ни меньше, а только цифры перемѣнялись.

1 = 2

—

2 = 3

—

3 = 4

—

4 = 5

—

5 = 6

—

6 = 7

—

7 = 8

—

8 = ... 115

———

115.

2 = 4

—

2 = 8

—

4 = 16

——

8 = ... 1000

————

500

10 = 20

——

2 = 50

——

5 = 60

——

6 = ... 1000

————

100

1

—

2 = 3

—

6 = 5

——

10 = 6

——

12 = 7

——

14 = 9

——

18 = 10

——

20 = ... 33

——

66

2

–

3 = 6

–

9 = 8

——

12 = ... 92

———

138.

7

——

15 = 21

——

45 = 42

——

90 = ... 630

————

1350.

100

———

800 = 10

——

80 = 5

——

40 = 1

—

8.

Числа можно передѣлывать изъ мелкаго счисленія въ крупное и изъ крупнаго въ мелкое. Чтобы передѣлывать числа изъ крупнаго счисленія въ мелкое, — надо въ сколько-нибудь разъ увеличить счисленіе и въ столько же разъ увеличить число.

Если хочешь изъ мелкаго счисленія переводить въ крупное, то надо въ сколько-нибудь разъ уменьшить счисленіе и въ столько же разъ уменьшить число.

Если я хочу двѣ десятыя перевести въ счисленіе въ десять разъ мельче, то вмѣсто десятыхъ будутъ въ 10 разъ мельче части — сотыя, а вмѣсто 2-хъ будетъ въ 10 разъ больше частей — 20.

0,2 = 0,20 2

——

10 = 20

———

100

Если я хочу перевесть въ счисленье въ 7 разъ мельче, то вмѣсто 3-ихъ будутъ въ 7 разъ мельче части — 21-ыя, а вмѣсто 2-хъ будетъ въ 7 разъ больше частей — 14

Если я хочу 0,30 сотыхъ перевести въ счиленіе въ 10 разъ крупнѣе, то вмѣсто сотыхъ будутъ десятыя — въ 10 разъ крупнѣе сотыхъ, а вмѣсто 30-ти будетъ въ десять разъ меньше частей — 3

0,30 = 0,3 = 30

———

100 = 3

——

10.

Если я хочу 50

——

75 перевести въ счисленіе въ 25 разъ крупнѣе, то вмѣсто 75-хъ будутъ третьи, а вмѣсто 50 частей будетъ въ 25 разъ меньше частей — 2

50

——

75 = 2

—

3.

Чтобы переводить изъ одного счисленія въ другое, надо и числителя и знаменателя множить или дѣлить на то число, въ сколько разъ то счисленіе, въ какое хочешь перевесть, крупнѣе или мельче того, въ какомъ было число.

7 перевести въ 6 разъ мельче счисленіе.

7 = 7 × 6

——————

1 × 6 = 42

——

6.

7

—

8 = 7 × 6

——————

8 × 6 = 42

——

48.

5

——

11 сдѣлать въ 13 разъ мельче; 5 × 13

————

11 × 13 = 65

———

143

8

——

12 сдѣлать въ 4 раза крупнѣе.

8 : 4

————

12 : 4 = 2

—

3

81

———

144 сдѣлать въ 9 разъ крупнѣе. 81 : 9

————

144 : 9 = 9

——

16.

Изъ крупнаго счисленія можно перевести всякую дробь въ какое хочешь болѣе мелкое счисленіе, потому что у всякой дроби можно помножить числителя и знаменателя на тоже число; но изъ мелкаго въ крупное счисленіе нельзя перевести всякую дробь, потому что надо, чтобъ числитель и знаменатель дѣлились на одно и тоже число безъ остатка, а не во всякой дроби числитель и знаменатель дѣлятся на одно и тоже число безъ остатка.

Въ 3

—

6 и числитель и знаменатель дѣлится на 3, а въ 3

—

8 числитель дѣлится на 3, а знаменатель не дѣлится; знаменатель дѣлится на 4 и на 2, а числитель не дѣлится.

Чтобы знать, какія дроби можно передѣлывать изъ мелкаго счисленія въ крупное, надо знать, какія числа на какія дѣлятся безъ остатка.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 2, надо только счесть, дѣлятся ли единицы на два. Если единицы дѣлятся, то, какое бы число большое ни было, оно всё дѣлится на два; потому что каждый десятокъ дѣлится на два, и каждая сотня, и каждая тысяча, каждый десятокъ тысячи, и всѣ другія разряды, сколько бы ихъ ни было.

28

——

36 8 и 6 дѣлятся на два, и все дѣлится на два безъ остатка. 28:2=14; 36:2 =18

3578

————

4896 3578:2=1789 4896 :2=2448.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 3, надо сложить всѣ цифры числа, и сложеное раздѣлить на 3. Если сложеное раздѣлится на три, то всё число раздѣлится на 3; потому что, сколько бы ни было десятковъ, сотенъ, тысячъ, каждый десятокъ раздѣлнтся на 3, и останется отъ него только 1,

и каждая сотня раздѣлится на 3, и останется отъ нея только 1,

и каждая тысяча раздѣлится на 3, и останется отъ нея только 1,

И также каждый десятокъ тысячъ и каждая сотня тысячъ, и такъ дальше. Стало быть, когда сочтешь всѣ цифры, ты сочтешь тѣ самыя единицы, какія остаются отъ десятковъ, сотенъ, тысячъ, и т. д. Если эти единицы дѣлятся съ послѣдними единицами, то всё дѣлится.

24

——

36

2 + 4 = 6; 6 : 3 = 2

3 + 6 = 9; 9 : 3 = 3

75402

————

82371

7 + 5 + 4 + 2 = 18; 18 : 3 = 6

8 + 2+ 3 + 7 + 1 = 21; 21 : 3 = 7

75402 : 3 = 25134 82371 : 3 = 27457.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 4, надо счесть, дѣлятся ли десятки и единицы на 4. Если десятки и единицы дѣлятся, то сотни, тысячи и всѣ другія навѣрно раздѣлятся, потому что каждая сотня дѣлится на 4; 100:4=25, и 1000:4=250. И т. д.

2784

———

9532

84 : 4 = 21

32 : 4 = 8

2784 : 4 = 696

9532 : 4 = 2383.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 5, надо только замѣтить, дѣлятся ли единицы на 5. А если единицы дѣлятся, то всё число дѣлится;

потому что каждый десятокъ, и каждая сотня, и тысяча дѣлятся на 5.

57890 : 5 = 11578

_____ ____

37925 : 5 = 7585.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 6, надо узнать, дѣлится ли оно на 3 и на 2. Если дѣлится на 3 и на 2, то дѣлится и на 6, потому что 6=2×3.

57324

_____

67932

5 + 7 + 3 + 2 + 4 = 21; 21 : 3 = 7; и послѣдняя цифра 4 : 2 = 2.

6 + 7 + 9 + 3 + 2 = 27; 27 : 3 = 9; и послѣдняя цифра 2 : 2 = 1.

57324 : 6 = 9554

_____ _____

67932 : 6 = 11322.

Чтобы узнать, дѣлится число на 8, надо счесть, дѣлятся ли единицы, десятки и сотни на 8. Если дѣлятся, то и всё число дѣлится, потому что каждая 1000 дѣлится на 8; 1000:8=125; и каждый десятокъ тысячъ 10000:8=1250, и всѣ остальныя.

20135368

_____

79541272

368 : 8 = 46.

272 : 8 = 34.

20135368 : 8 = 2516921.

_____ _____

79541272 : 8 = 9942659.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 9, надо сложить всѣ цифры числа, и сложеное раздѣлить на 9. Если сложеное раздѣлится, то и все число раздѣлится, потому что каждый десятокъ, и каждая сотня, и тысяча, когда дѣлится на 9, то отъ нихъ остается 1. Если эти единицы, когда ихъ сложить съ настоящими единицами, дѣлятся на 9, то и все число раздѣлится на 9.

543213

_____

810576

5 + 4 + 3 + 2 + 1+3 = 18; 18 : 9 = 2.

8 + 1 + 5 + 7 + 6 = 27; 27 : 9 = 3.

543213 : 9 = 60357.

_____ _____

810576 : 9 = 90064.

Чтобы узнать, дѣлится число на 10, надо только замѣтить, есть ли единицы. Если нѣтъ единицъ, то всё число дѣлится на 10, потому что 10 дѣлится, а сотни и тысячи, сколько бъ ихъ ни было, всѣ изъ десятковъ.

457510 : 10 = 45751.

_____ _____

301100 : 10 = 30110.

ПРИВЕДЕНІЕ КЪ ОДНОМУ ЗНАМЕНАТЕЛЮ.

Надо умѣть переводить дроби изъ мелкаго въ крупное и изъ крупнаго въ мелкое счисленіе; но кромѣ того надо еще умѣть двѣ дроби, или нѣсколько дробей, переводить изъ разныхъ счисленій въ одинаковое, — къ одному знаменателю.

5

—

6 и 3

——

21 привести къ одному знаменателю. Сколько разъ повторить 6, и сколько разъ повторить 21, чтобъ число вышло одно и тоже?

Возьми 1 разъ большое число, и столько разъ малое число, чтобъ малое сравнялось съ большимъ

Если малое не сравняется, а перейдетъ большое, то возьми другой разъ большое и столько разъ малое, чтобъ оно сравнялось съ большимъ. Если малое и тогда не сравняется, то возьми еще разъ большое и опять малое, — и равняй такъ оба числа до тѣхъ поръ, пока они сойдутся.

1 разъ 21, и 4 раза малое 6.

Малое перейдетъ на 3.

Возьми 2-й разъ 21; тогда большое перейдетъ на 18.

Возьми малое еще 3 раза — оно сравняется.

Стало быть 2 × 21 = 7 × 6 = 42. Стало быть,

5 × 7

————

6 × 7 = 35

——

42, а 3 × 2

————

21 × 2 = 8

——

42.

Сравнять 3

—

7 и 2

—

5

Возьму 1 разъ 7, и 2 раза 5=10. Малое перейдётъ на 3.

Возьму 2-й разъ 7, большое перейдетъ на 4.

Возьму 3-й. разъ 5, малое перейдетъ на 1.

Возьму 3-й разъ 7, большое перейдетъ на 6.

Возьму 4-й и 5-й разъ 5, малое перейдетъ на 4.

Возьму 4-й разъ 7, большое перейдетъ на 3.

Возьму 6-й разъ 5, малое перейдетъ на 2.

Возьму 5-й разъ 7, большое перейдетъ на 5. Возьму 7-й разъ 5, малое съ большимъ сравняются.

Стало быть 5 × 7 = 7 × 5 = 35.

3 × 5

————

7 × 5 = 15

——

35, а 2 × 7

————

5 × 7 = 14

——

35.

Сравнять 943 и 345.

1×

943

2×

345

большое

перейдётъ

на

253

1×

–

3×

–

малое

–

–

92

2×

–

3×

–

большое

–

–

851

2×

–

6×

–

малое

–

–

184

3×

–

6×

–

большое

–

–

759

3×

–

9×

–

малое

–

–

276

4×

–

9×

–

большое

—

—

667

4×

—

11×

—

малое

—

—

23

5×

—

11×

—

большое

—

—

920

5×

—

14×

—

малое

–

–

115

6×

–

14×

–

большое

–

–

828

6×

–

17×

–

малое

–

–

207

7×

–

17×

–

большое

—

—

736

7×

—

20×

—

малое

—

—

299

8×

—

20×

—

большое

—

—

644

8×

—

22×

—

малое

—

—

46

9×

—

22×

—

большое

—

—

897

9×

—

25×

—

малое

—

—

138

10×

—

25×

—

большое

—

—

805

10×

—

28×

—

малое

—

—

230

11×

—

28×

—

большое

—

—

713

11×

—

31×

—

малое

–

–

322

12×

–

31×

–

большое

–

–

621

12×

–

33×

–

малое

–

–

69

13×

–

33×

–

большое

–

–

874

13×

–

36×

–

малое

–

–

161

14×

–

36×

–

большое

–

–

782

14×

–

39×

–

малое

—

—

253

15×

—

39×

—

большое

—

—

690

15×

—

41×

—

—

—

—

000

Для того, чтобы скорѣе приводить къ одному знаменателю, надо дѣлать такъ:

Сперва повторить малое число столько разъ, чтобы

оно подошло какъ можно ближе къ большому числу, но не достало до него, а потомъ повторить малое число столько разъ, чтобы оно подошло

какъ можно ближе къ большому числу и перешло бы его.

Когда узнаешь, сколько разъ надо повторить малое число, чтобъ оно не достало до большаго числа, и сколько разъ повторить малое число, чтобъ оно перешло большое число, тогда равняй недостатки и лишки, и замѣчай, сколько разъ повторить недостатки, чтобъ лишковъ было больше недостатковъ. И до тѣхъ поръ равняй лишки съ недостатками, пока лишковъ не будетъ ровно съ недостатками.

28 и 7. Сколько разъ повторить 7, чтобы оно сравнялось съ 28? 4 раза. 1×28 и 4×7 будетъ ровно.

21 и 6.

Сколько разъ повторить 6 чтобъ сравнялось съ 21? 4×6=24. 6 не сравнялось съ 21, а перешло его на 3. Сколько разъ повторить 6, чтобъ не достало до 21, и сколько разъ повторить 6, чтобъ перешло 21?

1 × 21 и 3 × 6 — недостанетъ 3.

1 × 21 и 4 × 6 — лишнихъ 3.

Равняй лишки съ недостатками. Возьми одинъ разъ первую линейку и одинъ разъ вторую линейку, и сочти, сколько разъ повторится 21 и 6.

1 × 21 и 3 × 6 недостало 3.

1 × 21 и 4 × 6 лишнія 3.

Сложи разы.

2 × 21 и 7 × 6 — сравнялись.

306 и 221

Сколько разъ повторить 221, чтобы сравнять съ 306?

2 × 221 = 442.

221 не сравнялось съ 306, а перешло его на (442—306=) 136.

Сколько разъ взять 221, чтобъ недостало, и сколько разъ взять, чтобъ перешло?

(1 лин.) 1 × 306 и 1 × 221 — недостало 85.

(2 лин.) 1 × 306 и 2 × 221 — лишнія 136.

Равняй лишки съ недостатками.

Недостатки съ лишками не сравняются.

Сколько разъ повторить первую линейку и вторую линейку, чтобъ было недостатковъ больше лишковъ? Два раза первую и одинъ разъ вторую.

(2 раза 1-я лин.)

(2-я линейка)

2 × 306 и 2 × 221 нед. 85 + 85 =

1 × 306 и 2 × 221 лишковъ

170.

136.

(3 лин.) Сложи:

3 × 306 и 4 × 221 недост.

34.

Сколько разъ повторить 1-ю и 2-ю линейку, чтобъ лишковъ было больше недостатковъ?

Одинъ разъ вторую и одинъ разъ первую.

(2-я линейка)

(1-я линейка)

1 × 306 и 2 × 221 лишковъ

1 × 306 и 1 × 221 недостатк.

136.

85.

(4 лин.) Слож.:

2 × 306 и 3 × 221 лишковъ

51.

Сколько разъ повторить. 3-ю и 4-ю линейку, чтобъ недостатковъ было больше лишковъ? Два раза 3-ю линейку и одинъ разъ 4-ю линейку.

(2 раза 3-я лин.)

(4-я линейка)

6 × 306 и 8 × 221 нед. 34 + 34 =

2 × 306 и 3 × 221 лишк.

68.

51.

(5-я лин.) Сложи:

8 × 306 и 11 × 221 недост.

17.

Сколько разъ повторить 3-ю и 4-ю линейку, чтобы лишковъ было больше недостатковъ? Одинъ разъ 4-ю, и одинъ разъ 3-ю линейку

2 × 306 и 3 × 221 — лишковъ

3 × 306 и 4 × 221 — недост.

51.

34.

(6 лин.) Сложить:

5 × 306 и 7 × 221 — лишковъ

17.

Равняй 5-ю и 6-ю линейки:

(5-я линейка)

(6-я линейка)

 8 × 306 и 11 × 221; недостатк.

 5 × 306 и 7 × 221; лишковъ

17.

17.

Сложить

13 × 306 и 18 × 221 — сравнялось

———

943 и 345.

(1 лин.) 1 × 943 и 2 × 345 недостанетъ 253.

(2 лин.) 1 × 943 и 3 × 345 лишковъ 92.

Чтобъ больше было недостатковъ, надо взять одинъ разъ первую линейку и два раза вторую.

(1-я линейка)

(2 раза 2-я лин.)

1 × 943 и 2 × 345 недостанетъ

2 × 943 и 6 × 345 лиш. 92 + 92 =

253.

184.

(3 лин.) Слож.:

3 × 943 и 8 × 345 недостанетъ =

69.

Чтобъ больше было лишковъ, надо взять 3 раза вторую линейку и одинъ разъ первую линейку.

(3 раза 2-я лин.)

(1-я линейка)

3 × 943 и 9 × 345 лишк.

1 × 943 и 2 × 345 недостатк.

276.

253.

(4-я лин.) Слож.:

4 × 943 и 11 × 345 лишнихъ

23.

Сравнять лишки и недостатки. 3-ю линейку взять одинъ разъ, и 4-ю линейку взять 3 раза.

(3-я линейка)

(3 раза 4-я лин.)

 3 × 943 и 8 × 345 недостатковъ

12 × 943 и 33 × 345 лишк.

69.

69.

Сложить

15 × 943 и 41 × 345 — сравнялось.

— 201 —

Сравнять: 15379 и 4459.

— 202 —

Чтобъ дѣлать скорѣе.

— 203 —

Сравнять: 117 и 90 1183 и 182. 693 и 55 648 и 279. 324 и 372.

Если надо привести къ одному знаменателю много дробей — уравнять много чиселъ, то надо равнять сначала два самыя большія числа, а потомъ съ ними уравнивать малыя.

Сравнять: 40, 30, 12, 9, 15, 4, 8.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНИЕ ДРОБЕЙ.

Дроби складываются и вычитаются точно также, какъ и простыя числа; только надо помнить, въ какомъ счисленіи написаны дроби. Если дроби написаны въ десятичномъ счисленіи, то 10 десятыхъ будетъ одна единица; а если въ 17-тичномъ счисленіи, то 17 семнадцатыхъ будетъ одна единица; если въ шестичномъ счисленіи, то 6 шестыхъ будетъ одна единица,

— 204 —

если въ тысяча-двѣсти-тридцати-пятичномъ, то 1235 тысяча-двѣсти-тридцать-пятыхъ будетъ одна единица, и т. д.

Одна вторая (одна половина) (1

—

2) да одна вторая (1

—

2) будетъ двѣ вторыя (2

—

2), все равно 1 цѣлая.

1

—

2 + 1

—

2 = 1   0,5 + 0,5 = 1,0

Изъ одной цѣлой (1) вычесть одну вторую (1

—

2). Одна цѣлая все равно, что 2

—

2 (двѣ вторыя). Изъ 2

—

2 вычесть 1

—

2 будетъ 1

—

2.

1 –1

—

2 = 1

—

2

Пять половинъ (5

—

2) да три половины (3

—

2) будетъ восемь половинъ (8

—

2). Все равно четыре цѣлыя (4).

5

—

2 + 3

—

2= 4

Изъ четырехъ цѣлыхъ (4) вычесть три половины (3

—

2) Четыре цѣлыя (4) все равно, что восемь половинъ (8

—

2) Изъ восьми половинъ (8

—

2) вычесть три половины (3

—

2), — останется пять половинъ (5

—

2)

4 — 3

—

2 = 5

—

2 4 0,9 + 0,9 = 1,8

Одна четверть (1

–

4) да двѣ четверти (2

–

4) да еще три четверти (3

–

4) будетъ шесть четвертей (6

–

4). Шесть четвертей (6

–

4) все равно, что одна цѣлая и двѣ четверти (12

–

4 1

–

4+2

–

4+3

–

4=12

–

4.

0,1 + 0,5 + 0,7 = 1,3.

Изъ одной цѣлой (1) и двухъ четвертей (2

–

4) вычесть три четверти (3

–

4)

Одна цѣлая (1) все равно, что четыре четверти (4

–

4); да еще двѣ четверти (2

–

4) будетъ шесть четвертей (6

–

4).

Изъ шести четвертей (6

–

4) вычесть три четверти (3

–

4) останется три четверти (3

–

4).

12

–

4– 3

–

4 = 3

–

4 1,3 – 0,5 = 0,8.

Двѣ трети (2

–

3) да еще двѣ трети (2

–

3), да еще одна треть (1

–

3), да еще двѣ трети (2

–

3) будетъ семь третей (7

–

3). Все равно двѣ цѣлыхъ (2) и одна треть (1

–

3).

2

–

3+ 2

–

3+ 1

–

3+ 2

–

3 = 21

–

3

0,5 + 0,6 + 0,8 + 0,9 = 2,8.

Изъ двухъ цѣлыхъ (2) и одной трети (1

–

3) вычесть двѣ трети (2

–

3). Двѣ цѣлыя (2) все равно, что шесть третей (6

–

3) да еще одна треть (1

–

3) – будетъ семь третей (7

–

3) Изъ семи третей (7

–

3) вычесть двѣ трети (2

–

3) – останется пять третей (5

–

3). Все равно одна цѣлая и двѣ трети (12

–

3).

21

–

3 – 2

–

3= 12

–

3

2,7 – 0,8 = 1,9.

Одна седьмая (1

–

7) да двѣ седьмыхъ (2

–

7) да четыре

седьмыхъ (4

—

7) будетъ семь седьмыхъ(7

—

7). Все равно, что одна цѣлая (1).

1

—

7+ 2

—

7+ 4

—

7 = 1.

0,3 + 0,2 + 0,5 = 1,0.

Изъ одной цѣлой (1) вычесть три седьмыхъ (3

—

7) Одна цѣлая (1) все равно, что семь седьмыхъ (7

—

7) Изъ семи седьмыхъ (7

—

7) вычесть три седьмыхъ (3

—

7) останется четыре седьмыхъ (4

—

7).

1 — 3

—

7 = 4

–

7. 1,0 – 0,3 = 0,7.

Одна пятнадцатая (1

——

15) да восемь пятнадцатыхъ (8

——

15) да семь пятнадцатыхъ (7

——

15) будетъ шестнадцать пятнадцатыхъ (16

——

15). Все равно одна цѣлая и одна пятнадцатая (11

——

15)

1

——

15+ 8

——

15 + 7

——

15 = 16

——

15= 11

——

15.

0,1 + 0,8 + 0,9 + 0,7 = 2,5

Изъ одной цѣлой (1) и одной пятнадцатой (1

——

15) вычесть четыре пятнадцатыхъ (4

——

15). Одна цѣлая (1) все равно, что пятнадцать пятнадцатыхъ (15

——

15); да одна пятнадцатая (1

——

15) будетъ шестнадцать пятнадцатыхъ (16

——

15). Изъ шестнадцати пятнадцатыхъ (16

——

15) вычесть четыре пятнадцатыхъ (4

——

15) останется двѣнадцать пятнадцатыхъ (12

——

15).

11

——

15 — 4

——

15= 12

——

15. 2,6 — 0,7 = 1,8.

Тысяча пятьсотъ тридцать два и двѣ трети (15322

—

3) да семьсотъ три и двѣ трети (7032

—

3) будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и четыре трети (4

—

3).

Четыре трети (4

—

3) все равно, что одна цѣлая и одна треть (11

—

3). Всего будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать шесть (2236) и одна треть (1

—

3).

15322

—

3 + 7032

—

3 = 2236 1

—

3

67,8 + 75,3 = 143,1.

Изъ двухъ тысячъ двухъ сотъ тридцати шести (2236) и одной трети (1

—

3) вычесть семьсотъ три (703) и двѣ трети (2

—

3).

Двѣ тысячи двѣсти тридцать шесть (2236) все равно, что двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и три трети (3

—

3); да еще одна треть (1

—

3) — будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и четыре трети (4

—

3). Вычесть семьсотъ три (703) и двѣ трети (2

—

3), останется тысяча пятьсотъ тридцать два (1532) и двѣ трети (2

—

3).

22361

—

3— 7032

—

3= 15322

—

3

143,1 — 67,8 = 75,3.

Пятьдесятъ шесть сто восемнадцатыхъ (56

———

118), да восемьдесятъ

четыре сто-восемнадцатыхъ (84

———

118) будетъ сто сорокъ сто-восемнадцатыхъ (140

———

118). Все равно, что одна цѣлая (1) и двадцать два стовосемнадцатыхъ (22

———

118)

56

———

118 + 84

———

118= 140

———

118= 122

———

118.

0,17 + 0,81 + 0,36 = 1,34.

Изъ одной цѣлой (1) и двадцати двухъ стовосемнадцатыхъ (22

———

118) вычесть восемьдесятъ четыре сто-восемнадцатыхъ (84

———

118).

Одна цѣлая (1) все равно, что сто восемнадцать сто-восемнадцатыхъ (118

———

118), да еще двадцать двѣ стовосемнадцатыхъ (22

———

118) — будетъ сто сорокъ стовосемнадцатыхъ (140

———

118). Вычесть восемьдесятъ четыре сто-восемнадцатыхъ (84

———

118), — останется пятьдесятъ шесть сто-восемнадцатыхъ (56

———

118).

122

———

118 – 84

———

118= 56

———

118   1,34 – 0,36 = 0,98.

Одна четверть (1

–

4) да одна четверть (1

–

4) будетъ двѣ четверти (2

–

4). Двѣ четверти (2

–

4) все равно, что одна половина (1

–

2).

1

–

4 + 1

–

4= 1

–

2

Одна половина (1

–

2) да одна четверть (1

–

4) сколько будетъ четвертей? Одна половина (1

–

2) все равно, что

двѣ четверти (2

–

4). Двѣ четверти (2

–

4) да одна четверть (1

–

4) будетъ три четверти (3

–

4).

1

–

2+ 1

–

4= 3

–

4

Изъ одной половины (1

–

2) вычесть одну четверть (1

–

4). Одна половина (1

–

2) все равно, что двѣ четверти (2

–

4). Изъ двухъ четвертей (2

–

4) вычесть одну четверть (1

–

4), – останется одна четверть (1

–

4).

1

–

2– 1

–

4= 1

–

4

Одна восьмушка (1

–

8) да одна восьмушка (1

–

8) будетъ двѣ восьмушки (2

–

8). Двѣ восьмушки (2

–

8) все равно, что одна четверть (1

–

4).

1

–

8+ 1

–

8= 1

–

4

Одна половина (1

–

2), три четверти (3

–

4) и пять восьмушекъ (5

–

8) сколько будетъ восьмушекъ? Одна половина (1

–

2) все равно, что четыре восьмушки (4

–

8). Три четверти (3

–

4) все равно, что шесть восьмушекъ (6

–

8), Четыре восьмушки (4

–

8), да шесть восьмушекъ (6

–

8), да пять восьмушекъ (5

—

8) будетъ пятнадцать восьмушекъ (15

——

8) — все равно одна цѣлая (1) и семь восьмушекъ (7

—

8)

1

—

4+ 3

—

4+ 5

—

8 = 15

——

8= 17

—

8)

Изъ двѣнадцати восьмыхъ (12

——

8) вычесть три четверти (3

—

4). Двѣнадцать восьмушекъ (12

——

8) все равно, что шесть четвертей (6

—

4). Три четверти (3

—

4) изъ шести четвертей (6

—

4) останется три четверти (3

—

4).

12

——

8 — 3

—

4= 3

—

4

Одна шестая (1

—

6) да одна шестая (1

—

6) будетъ двѣ шестыхъ (2

—

6). Двѣ шестыхъ (2

—

6) все равно, что одна треть (1

—

3). 1

—

6+ 1

–

6= 2

–

6= 1

–

3

Одна шестая (1

–

6) да одна шестая (1

–

6), да еще одна шестая (1

–

6) будетъ три шестыхъ (3

–

6) все равно, что одна половина (1

–

2).

1

–

6+ 1

–

6+ 1

–

6= 3

–

6= 1

–

2

Двѣ трети (2

–

3) да одна половина (1

–

2) сколько будетъ? Одна половина (1

–

2) все равно, что три шестыхъ (3

–

6) а двѣ трети (2

–

3) все равно, что четыре шестыхъ (4

–

6). Три шестыхъ (3

–

6) да четыре шестыхъ (4

–

6) будетъ семь шестыхъ (7

–

6), – все равно одна дѣлая и одна шестая (11

–

6). 2

–

3 + 1

–

2= 11

–

6

Одна двѣнадцатая (1

——

12) да одна двѣнадцатая (1

——

12) будетъ двѣ двѣнадцатыхъ (2

——

12). Двѣ двѣнадцатыхъ (2

——

12) все равно, что одна шестая (1

–

6).

1

——

12+ 1

——

12= 2

——

12= 1

–

6

Одна двѣнадцатая (1

——

12), да одна двѣнадцатая (1

——

12) да еще одна двѣнадцатая (1

——

12) будетъ три двѣнадцатыхъ (3

——

12). Три двѣнадцатыхъ (3

——

12) все равно, что одна четверть (1

—

4).

1

——

12+ 1

——

12+ 1

——

12= 3

——

12= 1

—

4

Изъ пяти шестыхъ (5

—

6) вычесть три четверти (3

—

4). Пять шестыхъ (5

—

6) все равно, что десять двѣнадцатыхъ (10

——

12); Три четверти (3

—

4) все равно, что девять двѣнадцатыхъ (9

——

12).

Изъ десяти двѣнадцатыхъ (10

——

12) вычесть девять двѣнадцатыхъ (9

——

12), — останется одна двѣнадцатая (1

——

12).

5

—

6 — 3

—

4= 1

——

12

Изъ трехъ четвертей (3

—

4) вычесть двѣ пятыхъ (2

—

5). Три четверти (3

—

4) все равно, что пятнадцать двадцатыхъ (15

——

20) Двѣ пятыхъ (2

–

5) все равно, что восемь двадцатыхъ (8

——

20)

Изъ пятнадцати двадцатыхъ (15

——

20) вычесть восемь двадцатыхъ (8

——

20), останется семь двадцатыхъ (7

——

20)

3

–

4 – 3

–

5= 7

——

20

Сложить:

13

——

17 + 23

——

41   18

——

42 + 11

——

23 9

———

117 + 8

——

90

3

–

5 + 4

–

7 + 5

–

8 + 485 + 1

–

3 + 2 + 61

——

16

Вычесть:

1 – 3

——

15 75 – 8

——

13 7

–

8 – 286

————

1231 2

—

3 — 5

—

7

5

—

6 — 17

——

42 2

——

13 — 25

————

1000

————

УМНОЖЕНІЕ И ДѢЛЕНІЕ ДРОБЕЙ.

На дроби помножается и дѣлится всякое число точно такъже, какъ и на цѣлыя числа, только надо помнить, въ какомъ счисленіи та дробь, на какую помножаешь или дѣлишь. Если дробь, на какую помножаешь, написана въ десятичномъ счисленіи, то когда помножишь на 0,3, — все, что̀ выйдетъ, будетъ въ 10 разъ меньше, а когда помножишь на 0,03, — все, что̀ выйдетъ, будетъ въ 100 разъ меньше. Если дробь написана въ 17-тичномъ счисленіи, напримѣръ 3

——

17 то, когда помножишь на 3, все, что̀ выйдетъ, будетъ въ 17 разъ меньше. Если дробь, на какую делишь, написана въ 10-тичномъ счисленіи, то, когда разделишь на 0,3, все, что́ выйдетъ, будетъ въ 10 разъ больше, а когда разделишь. на 0,03, то все то, что̀

выйдетъ, будетъ въ 100 разъ больше. Если дробь написана въ 13-тичномъ счисленіи, напримѣръ 5

———

134, то, когда разделишь на 5, все, что́ выйдетъ, будетъ въ 13 разъ больше.

8 × 3

—

4

Можно сдѣлать такъ: 8 взять 3 раза, будетъ 24; въ 4 раза меньше — будетъ 6.

Или такъ: 8 взять въ 4 раза меньше, будетъ 2; и 2 взять 3 раза, будетъ 6

8 × 3

—

4 = 6. Три четверти восьми будетъ 6.

Если надо взять восемь разъ три четверти, то будетъ 24 четверти; если надо взять 8 разъ три стодвадцатыя, то будетъ 24 стодвадцатыя.

5

—

6 × 11 = 55

——

6 37

——

85 × 23 = 851

———

85

6 : 3

—

4

Можно сдѣлать такъ: 6 разделить на 3, — будетъ 2. Взять въ 4 раза больше — будетъ 8. Или такъ: 6 въ 4 раза больше, — будетъ 24; и раздѣлить на 3, — будетъ 8.

6 : 3

—

4 = 8

Если 12

——

15 надо раздѣлить па 3, то будетъ четыре пятнадцатыхъ. Если двѣнадцать тридцатьседьмыхъ разделить на три, то будетъ 4 тридцатьседьмыхъ.

35

——

47 : 7 = 5

——

45 171

———

569 : 9 = 19

———

569

— 214 —

4 × 2

—

3

4 взять 2 раза — будетъ 8; нужно взять въ 3 раза меньше.

(Для того, чтобы раздѣлить 8 на 3, надо передѣлать 8 въ столько частей, чтобы онѣ дѣлились на 3. 8 = 24

——

3) 24

——

3 : 3 = 8

–

3; 8

–

3 = 22

–

3.

Или 4 въ 3 раза меньше. (Для того чтобы 4 раздѣлить на 3, надо 4 передѣлать въ столько частей, чтобы дѣлилось на 3. 4 = 12

——

3) 12

——

3 : 3 = 4

–

3, и нужно 4

–

3 взять 2 раза; будетъ 8

–

3 = 22

–

3.

4 × 2

–

3 = 8

–

3 = 2 2

–

3. Двѣ трети четырехъ будетъ двѣ и двѣ трети.

6 : 4

—

5

6 раздѣлить на 4 (Чтобы 6 раздѣлить на 4, надо передѣлать 6 такъ, чтобы дѣлилось безъ остатка на 4. 6 = 24

——

4)   24

——

4 : 4 = 6

—

4

6

—

4 въ пять разъ больше будетъ 30

——

4 = 72

—

4 = 7 1

—

2.

Или 6 въ 5 разъ больше, 30 — раздѣлить на 4. (Передѣлать 30. 30 = 120

———

4).

120

———

4 : 4 = 30

——

4 = 7 1

—

2; 6 : 4

—

5 = 7 1

—

2.

Шесть есть четыре пятыхъ семи съ половиною.

85 × 119

—

173

85. взять 119 разъ = 10115; въ 173 раза меньше будетъ 10115

————

173 = 58 81

———

173. Или:

85 взять въ 173 раза меньше = 85

———

173, и взять 119 разъ, будетъ 10115

————

173 = 58 81

———

173.

85 : 173

———

119

85 раздѣлить на 173 = 85

———

173; въ 119 разъ больше — будетъ 10115

——————

173 = 58 81

———

173 Или:

85 въ 119 разъ больше, будетъ 10115; раздѣлить на 173 = 10115

——————

173 = 58 81

———

173.

6

—

7 × 2

—

3

6

—

7 взять 2 раза, будетъ 12

——

7; въ 3 раза меньше будетъ 4

—

7 Или:

6

—

7 взять въ 3 раза меньше, будетъ 2

—

7; и взять 2 раза, будетъ 4

—

7.

6

—

7 × 2

—

3 = 4

—

7 Двѣ трети шести седьмыхъ будетъ четыре седьмыхъ.

4

—

7 : 2

—

3

4

—

7 раздѣлить на 2 = 2

—

7; 2

—

7 въ три раза больше, будетъ 6

—

7. Или 4

—

7 въ 3 раза больше 12

——

7; раздѣлить на 2 = 6

—

7

4

—

7 : 2

—

3 = 6

—

7. Четыре седьмыхъ есть двѣ трети шести седьмыхъ.

5

—

7 × 2

—

3

5

—

7 взять 2 раза, будетъ 10

——

7; въ 3 раза меньше. (Надо передѣлать такъ, чтобы можно было безъ остатка раздѣлить на 3. 10

——

7 = 30

——

21). 30

——

21 въ три раза меньше будетъ 10

——

21.

Или 5

—

7 взять въ 3 раза меньше (надо 5

—

7 передѣлать, 5

—

7 = 15

—

21); 15

——

21 въ 3 раза меньше = 5

——

21; взять 2 раза, будетъ 10

——

21.

5

—

7 × 2

—

3 = 10

——

21 Двѣ трети пяти седьмыхъ будетъ десять двадцать первыхъ.

5

—

7 : 3

—

8

5

—

7 раздѣлить на 3 (5

—

7 = 15

——

21); 15

——

21 : 3 = 5

——

21; 5

——

21 взять въ 8 разъ больше = 40

——

21. Или: 5

—

7 въ 8 разъ больше = 40

——

7; раздѣлить на 3 (40

——

7 = 120

———

21), 120

———

21 раздѣлить на 3, = 40

——

21

— 217 —

5

—

7 : 3

—

8 = 40

——

21. Пять седьмыхъ есть три восьмыхъ сорока двадцатьпервыхъ.

5 × 1

—

7

5 взять 1 разъ будетъ 5, и въ 7 разъ меньше.

Вмѣсто того, чтобы дѣлить 5 на 7, можно прямо написать 5 въ 7 разъ меньше, такъ въ семичномъ счисленіи, или все равно 5

—

7 5 × 1

—

7 = 5

—

7

5 : 7

—

8

5 раздѣлить на 7. Вмѣсто того, чтобы дѣлить 5 на 7, можно прямо написать 5 въ 7 разъ меньше, такъ:

въ семичномъ счисленіи, или все равно 5

—

7; и взять 5

—

7 въ 8 разъ больше, — будетъ 40

——

7 = 5 5

—

7; 5 : 7

—

8 = 5 5

—

7.

18

——

23 × 31

——

49

18

——

23 взять 31 разъ 558

———

23, и въ 49 разъ меньше. Можно не дѣлить числителя, а, чтобы сдѣлать число въ 49 разъ меньше, перевести его въ счисленіе въ 49 разъ меньше 23-го. Какое счисленіе будетъ въ 49 разъ меньше 23-го? (23 × 49 = 1127). 1127-е.

558

———

23 въ 49 разъ меньше будетъ 558

————

1127. Или:

18

——

23 взять въ 49 разъ меньше (перевести въ счисленіе въ 49 разъ меньше) будетъ 18

————

1127. Взять 31 разъ, — будет 558

————

1127.

17

——

19 : 11

—

23

17

——

19 раздѣлить на 11. Перевести 17

——

19 въ счисленіе въ 11 разъ меньше (19 × 11 = 209); 17

——

19 : 11 = 17

——

209. Взять въ 23 раза больше = 391

———

209.

Или: 17

——

19. въ 23 раза больше 391

———

19. раздѣлить на 11 (перевести въ счисленіе въ 11 разъ меньше) 391

———

209.

17

——

19 : 11

——

23 = 391

———

209

Помножить:

53 × 27

——

38

3 × 17

———

141

11 × 5

—

8

2

—

3 × 8

——

13

4

—

9 × 506

————

1004

1 × 5

—

7

Раздѣлить.

1 : 2

—

7

386 : 17

——

18

5 : 283

———

423

5

——

11 : 7

——

16

8

——

21 : 11

——

13

ЗАДАЧИ.

I.

1. Мужъ съ женою брали деньги изъ одного сундука, и ничего не осталось.

Мужъ взялъ 7

——

10 всѣхъ, денегъ, а жена 690 рублей. Сколько было всѣхъ денегъ?

Мужъ взялъ 7

——

10 всѣхъ денегъ, а жена то, что̀ оставалось; стало быть жена взяла 3

——

10 всѣхъ денегъ.

Чтобъ узнать, сколько было всѣхъ денегъ, надо узнать, 690 есть 3

——

10 чего? т. е. 690: 3

——

10.

690 есть 3

——

10-тыхъ 2300.

2. Мужъ съ женою положили 540 рублей денегъ въ сундукъ и забрали всѣ деньги. Мужъ взялъ 3

—

9; сколько взяла жена? Сколько денегъ 3

—

9 отъ 540? 3

—

9 × 540 = 1620

————

9 = 180. Стало быть жена взяла 540 — 180 = 360.

3. Мужъ съ женою положили 1200 рублей въ сундукъ и брали каждый особо. Всѣ деньги вышли. Жена взяла 576 рублей; сколько частей всѣхъ денегъ взялъ мужъ? Жена взяла 576 изъ 1200. Стало быть осталось 1200 —576=624. 624 есть какая часть 1200? 1200 есть 624 чего? т. е. 1200 : 624 = 1200

————

624; а 1200 : 48

———————

624 : 48 = 25

——

13. =1 12

——

13

ЗАДАЧИ.

II.

1. Одинъ человѣкъ отдалъ 1

—

2 своихъ денегъ бѣднымъ, 1

—

4 на церковь, а три рубля оставилъ себѣ. Сколько у него было денегъ? Сколько онъ далъ бѣднымъ? Сколько на церковь?

Роздалъ онъ 1

—

2 и 1

—

4; всего 3

—

4; стало быть осталась 1

—

4 и эта 1

—

4 была 3 рубля. Стало быть 3 есть 1

—

4 чего? 3 : 1

—

4 = 12 рублей. Бѣднымъ онъ далъ 12 × 1

—

2 = 6 рублей, а на церковь далъ 12 × 1

—

4 = 3 рубля.

2. Одинъ человѣкъ изъ всѣхъ своихъ денегъ истратилъ 1

—

7 на постройку дома, 3

—

10 на отдѣлку дома и 1

——

14 на покупку мебели, и осталось у него 10200 рублей Сколько у него всѣхъ было денегъ и сколько стоила 1) постройка дома? 2) отдѣлка дома? 3) мебель? Сколько онъ издержалъ частей своихъ денегъ?

1

—

7 + 3

——

10 + 1

——

14 = 18

——

35.

Стало быть недостаетъ 17

——

35, и 17

——

35 всѣхъ денегъ будетъ 10200. 10200 есть 17

——

35 чего? 10200 : 17

——

35 = 21000.

Всѣхъ денегъ было 21000

Теперь, сколько пошло на постройку? 21000 × 1

—

7 = 3000, на отдѣлку? 21000 × 3

——

10 = 6300; на покупку мебели? 21000 × 1

——

14 = 1500

ЗАДАЧИ.

III.

1. Надъ бочкой придѣланы двѣ трубы, изъ обѣихъ трубъ вода, течетъ въ бочку. Изъ одной трубы вода наполнитъ бочку въ 24 минуты; изъ другой въ 15 минутъ.

Еще есть въ бочкѣ дыра; изъ дыры вытечетъ вся вода изъ бочки въ 2 часа (2 часа = 120 минутъ). Наполнится ли бочка и скоро ли, если пустить воду изъ обѣихъ трубъ, и вода будетъ течь въ дыру?

Что будетъ черезъ минуту послѣ того, какъ открыть обѣ трубы? Сколько будетъ воды въ бочкѣ?

Изъ одной трубы (той, которая въ 15 минутъ наполняетъ бочку) будетъ въ минуту 1

——

15 бочки, а изъ другой трубы (той, которая наполнить въ 24 минуты бочку) будетъ въ минуту 1

——

24 бочки. Вытечетъ же изъ бочки въ минуту 1

———

120 бочки. Стало быть, въ минуту будетъ 1

——

15 + 1

——

24 (8

———

120 + 5

———

120) =13

———

120; 13

———

120 – 1

———

120 = 12

———

120 = 1

——

10.

Въ минуту въ бочкѣ будетъ 1

——

10. Во сколько времени будетъ полна вся бочка?

1 : 1

——

10 = 10

Бочка будетъ полна въ 10 минутъ.

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ.

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Грамматическія упражненія въ четвертой книгѣ расположены слѣдующимъ образомъ:

На первыхъ страницахъ (1—2 стр.), до басни Волкъ и ягненокъ, обозначено особымъ шрифтомъ окончаніе ся въ глаголахъ, которое ученики очень часто произносятъ какъ си. Заставляйте ученика видоизмѣнять возвратные глаголы, и обратите вниманіе на то, что ся, измѣняясь въ сь, часто скрадываетъ отъ ученика настоящую форму глагола.

На слѣдующихъ страницахъ (2—4) обозначены неокончательная форма на ть и изъявительная на тъ (буду любить и онъ любитъ), которыя весьма часто смѣшиваются учениками; говорятъ: онъ ходить, и т. п. Заставляйте ученика составлять изреченія, въ которыхъ была бы употреблена та и другая форма.

На страницахъ 4—7 (съ басни Насѣдка и цыплята) обозначены окончанія женскаго и средняго рода прошедшаго времени. Эти окончанія, обыкновенно смѣшиваются; именно, въ среднемъ родѣ ученики вмѣсто о ставятъ а.

На страницахъ 8—12 (до сказки Волкъ и мужикъ) обозначены окончанія второго лица на ешь и на ишь, также обыкновенно смѣшиваемыя.

На страницахъ 13—29 обозначены окончанія неокончательной формы ться и изъявительной тся.

Въ разсказѣ Кавказскій Плѣнникъ обозначено нѣсколько формъ спряженія глаголовъ: 1) неокончательное наклоненіе, 2) второе и третье лицо единственнаго числа настоящего (и будущаго) времени, и 3) третье лицо множественнаго числа того же времени — въ тѣхъ случаяхъ, когда формы эти являются въ самомъ простомъ видѣ; въ первыхъ двухъ главахъ (стр. 30—42) указано спряженіе безъ вставки е: любить, любишь, любитъ, любятъ; въ остальныхъ главахъ (стр. 42—62) указано спряженіе со вставкою е: дѣлать, дѣлаешь, дѣлаетъ, дѣлаютъ. Ученики должны пріучиться различать, гдѣ слѣдуетъ ставить е, гдѣ и, а также въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, гдѣ ставить а и я, гдѣ у и ю.

Остальной отдѣлъ первой части можетъ служить для того, чтобы ученики отыскивали въ немъ всѣ глагольныя формы, съ которыми познакомились въ предъидущихъ отдѣлахъ.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ. О СЧЕТѢ.

Счетъ дробями состоитъ изъ трехъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ есть объясненіе того, что счетъ дробями есть ни что другое, какъ продолженный меньше единицы рядъ счисленія, и что счисленія могутъ быть десятичныя и всякія другія. Въ этомъ же отдѣлѣ показаны всѣ дѣйствія съ дробями.

Второй отдѣлъ объясняетъ переведеніе изъ одного счисленія въ другое. Въ этомъ же отдѣлѣ: признаки дѣлимости чиселъ и приведеніе къ одному знаменателю.

Третій отдѣлъ есть рядъ примѣровъ сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія.

Всѣ отдѣлы объясняютъ одинъ другой, и потому необходимо, пройдя всѣ три отдѣла въ томъ порядкѣ, какъ они изложены, возвратиться назадъ и вновь пройти два первые отдѣла.

I ОТДѢЛЪ.

Десятичныя дроби.

Кто понимаетъ, какъ совершаются въ десятичномъ счислении переходы изъ разрядовъ въ разряды, какимъ образомъ 100 × 100 выходитъ 10000, и 200 × 100 = 20000, и 10000 : 100 = 100, тотъ уже знаетъ собственно возвышеніе въ степень и извлеченіе корней; а между прочимъ начинаютъ ариѳметику съ счисленія, и оно всѣмъ понятно.

Рѣдкій ученикъ въ состояніи будетъ объяснить, почему 30000 : 100 = 300. Но всякій это знаетъ, помнитъ и понимаетъ. На этомъ-то знаніи и пониманіи должно быть основано понятіе о дробяхъ.

Покажите ученику, что сложеніе и вычитаніе десятичныхъ дробей ничѣмъ не отличается отъ сложенія и вычитанія цѣлыхъ чиселъ.

Потомъ покажите ученику какъ можно болѣе примѣровъ того, что въ цѣлыхъ числахъ помноженіе на единицу бóльшаго разряда увеличиваетъ произведеніе въ столько разъ, въ сколько разъ множитель больше единицы (или переводитъ на столько разрядовъ влѣво, на сколько множитель стоитъ влѣво отъ единицы, т. е. на то мѣсто, на которомъ стоитъ множитель).

Когда это ясно ученику, покажите, что, когда помножаешь на единицу разряда, который меньше принимаемого нами за единицу, то произведеніе уменьшается въ столько разъ, въ сколько разъ множитель меньше единицы (или произведеніе переходитъ на столько разрядовъ вправо, насколько множитель стоитъ вправо, т. е переходитъ на то мѣсто, на которомъ стоитъ множитель).

Потомъ покажите, что умноженіе и дѣленіе десятичныхъ дробей ничѣмъ ни отличается отъ умноженія и дѣленія простыхъ чиселъ.

Разныя счисленія.

Ясное понятіе о возможности другихъ счисленій, кромѣ десятичнаго, и о томъ, что законы счисленія одни и тѣже, какое бы ни было счисленіе, — весьма полезно.

И потому пройдите нѣсколько упражненій сложенія и вычитанія въ различныхъ счисленіяхъ цѣлыми числами.

При счисленіи 11-чномъ надо помнить, что для 10 нуженъ особый знакъ * умѣщающійся на одномъ мѣстѣ.

Умноженіе и дѣленіе въ различныхъ счисленіяхъ для ученика слишкомъ было бы затруднительно, и потому опущено.

Какъ только счисленіе не-десятичное съ цѣлыми числами ясно, то покажите, что въ различныхъ счисленіяхъ можно считать и меньше единицы, т. е. вправо, и пройдите упражнія въ сложеніи, вычитаніи и умноженіи дробей (по одному разряду), изображая ихъ какъ десятичныя дроби, и т. п.

II ОТДѢЛЪ.

Переименованіе дробей.

Переименованіе дробей есть умноженіе и дѣленіе дроби на единицу извѣстнаго счисленія. И потому переименованіе должно бы было слѣдовать за умноженіемъ.

Въ сущности же не только умноженіе, но и сложеніе нельзя объяснять безъ переименованія; поэтому, пройдя переименованіе дробей, какъ оно изложено, и прибавивъ отъ себя примѣры, возвратитесь послѣ умноженія и дѣленія къ переименованію и объясните его, какъ умноженіе и дѣленіе на единицу извѣстнаго счисленія.

На этотъ отдѣлъ вообще обратите большее вниманіе, такъ какъ въ сущности вся особенность счета дробями состоитъ только въ необходимости переименованія.

Приведеніе къ одному знаменателю. Лучшій примѣръ для объясненія того, какимъ образомъ дѣлается приведеніе къ одному знаменателю, дадутъ двѣ палки, — одна, напримѣръ, въ 6 вершковъ, а другая въ 8, — которыя кладутся рядомъ по одному направленію нѣсколько разъ, пока концы обѣихъ палокъ сравняются. Или двѣ бумажки, которыя перегибаются концами одна на другую, пока концы сойдутся.

Способъ приведенія къ одному знаменателю посредствомъ большаго и меньшаго приближенія — включаетъ въ себѣ всѣ способы: и перемножёніе чиселъ одного на другое, и дѣленіе на множителей, — имѣя передъ всѣми преимущество ясности того, что́ совершается съ числами.

Способъ персмноженія другъ на друга я не указываю и не совѣтую указывать, такъ какъ это одно изъ тѣхъ открытій, которыя долженъ сдѣлать самъ ученикъ.

Разложеніе на производителей я не указываю потому, что это способъ алгебраическій и слишкомъ сложный; но не считаю его безполезнымъ для понятливаго ученика.

Способъ же дѣленія одного числа на другое я не включилъ потому, что объясненіе этого пріема такъ трудно и противно обычнымъ пріемамъ мысли, что ученики почти никогда не понимаютъ его, а всегда только заучиваютъ на память.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ всегда имѣющій изъ жизни уже ясное понятіе о дробяхъ въ малыхъ числахъ (какъ 1

—

2, 1

—

3, 1

—

4), соединилъ бы это житейское пониманіе дробей съ тѣми объясненіями, которыя даются ему при ученіи. Кромѣ того, этотъ отдѣлъ ознакомляетъ ученика съ различными особенностями, встречающимися при дѣйствіяхъ съ дробями, объясняя ихъ на малыхъ величинахъ.

Отъ учителя и отъ способности того ученика, съ которымъ

учитель имѣетъ дѣло, будетъ зависѣть, пропустить ли часть упражненій этого отдѣла, и́ли прибавить къ нимъ новыя упражненія.

Выраженіе при умноженіи 5 × 3

—

4 — взять три четверти пяти, я совѣтую пояснить примѣромъ выраженія при умноженіи цѣлыхъ чиселъ — взять три пятка.

Выражение при дѣленіи: 5 есть 3

—

4 чего? я совѣтую пояснить примѣромъ выраженія при дѣленіи цѣлыхъ чиселъ: 15 есть 3 чего?

Выраженія же эти при задачахъ почти всегда прямо выражаютъ вопросъ.

У пего было 3

—

4 24-хъ рублей. Сколько у него было денегъ? 24 помножить на 3

—

4 — не выражаетъ вопроса, а взять 3

—

4-ти 24-хъ прямо выражаетъ вопросъ и изображается такъ:

24 × 3

—

4

У него было 3

—

4 всѣхъ денегъ, 24 рубля. Сколько всѣхъ? 24 раздѣли на 3

—

4 — не выражаетъ вопроса; а 24 есть 3

—

4 чего? — прямо выражаетъ вопросъ.

Случаи умноженія и дѣленія дробей на цѣлыя числа, или на дроби, ни требуютъ никакого особаго разъясненія.

Если нужно помножить или раздѣлить 3

—

4 на какое нибудь число, то знаменатель множимаго или дѣлимаго не имѣетъ никакого значенія при дѣйствіи, которое совершается надъ числомъ: знаменателя надо только помнить. Дѣйстіе же происходитъ всегда надъ числителемъ.

3

—

4 × 2 будетъ 6 четвертей, 3

—

4 : 2 будетъ 6

—

8 — не отъ того, что что-нибудь сдѣлано съ знаменателемъ, а потому что 3 неудобно дѣлить, и мы передѣлываемъ 3

—

4 въ 6

—

8.

Первыя три задачи составлены такъ, что неизвѣстное измѣняется. Давши другую подобную задачу, заставьте ученика перестановлять неизвѣстное. Послѣдующія двѣ задачи составлены такъ, что 1-я задача съ малыми числами обьясняетъ 2-ю.

Всякій разъ, когда ученикъ затрудняется въ рѣшеніи задачи, задайте ему точно такую же съ самыми малыми числами.

III-я задача есть образецъ постановленія вопроса.

Пройдя эти 4 части ариѳметики и не упоминая объ именованныхъ числахъ, ни объ отношеніяхъ и пропорціяхъ, ни о тройныхъ, смѣшанныхъ и другихъ правилахъ, учитель можетъ смѣло открыть всякій задачникъ, — и всякую задачу ученикъ рѣшитъ, если она изложена простымъ русскимъ языкомъ.

ОПЕЧАТКА ВЪ 3-Й КНИГѢ.

Стр.

Строк.

Напеч.

Читай.

149

11

35 сложить 12

12 сложить 35

———

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

НЕЗАКОНЧЕННОЕ

И НЕОТДЕЛАННОЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ «АЗБУКИ» И НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В НЕЕ

I. [РАССКАЗЫ, БАСНИ, СКАЗКИ И БЫЛИНЫ]

* <Был мужик Иван. Он ехал на телеге по дурной дороге. Телега увязла в грязь. У лошади не было силы вытащить телегу. Иван стал сам помогать>

———

* <У одного отца было два сына. Старший был счастливый, меньшой был несчастный. Когда сыновья выросли, отец женил их. У старшего>

———

* <После сильной зимней метели наступила ясная морозная ночь. Все крыши домов, все деревья, все поля были покрыты сугробами снега, все дороги были засыпаны и нигде не видно было ни человечьего, ни звериного следа. В голове оврага был высоко нанесенный снег. Кругом всё было тихо.>

———

* <Один человек сказал, что он хочет так жить, чтобы враги боялись его. А другой сказал, что лучше так жить, чтобы враги боялись, а друзья бы любили. А третий сказал: лучше так жить, чтобы не было

врагов, а чтобы все были друзья.>

———

* <Один приказчик убил купца и взял его деньги. Никто не знал про то, и приказчик долго был богат. Через двадцать лет сделался пожар, и у него сгорело всё богатство: жена, дети и он сам стали нищими калеками. Бог правду видит, да не скоро скажет.>

———

* [ВОЛК И СЕМЕРО МАЛЕНЬКИХ КОЗЛЯТОЧЕК]

<что ее козлята еще живы. Коза побежала скорей домой и принесла большие ножницы. Она разрезала волку живот, и все ее семь козлят выпрыгнули живые из живота волка. После этого коза принесла семь больших камней, положила их в живот волка и зашила его.

Когда волк проснулся, ему захотелось пить. Он пошел к колодцу напиться. Только что он встал на ноги, камни застучали в его животе. Волк удивился и сказал: Что это стучит во мне? Я съел козлят, а у меня в животе точно камни.

Когда он пришел к колодцу, он нагнулся за водой; но камни были тяжелы, перетянули его, и он упал в колодезь вниз головою. Старая коза была так рада, что стала с козлятами плясать кругом колодца.>

———

* <Хозяин вернулся с супом и сказал: лошадь не стала есть суп. Англичанин сказал: ну так дай мне его сюда. И говядину тоже, а лошади отнеси овса и сена.>

———

* <Один раз ночью к одному купцу пришел вор. Купец спал в одной комнате с сыном. Услыхавши шум в соседней горнице, купец сказал сыну: это воры. Стой здесь у двери и не пускай их, а я зайду со двора, кликну народ, и мы схватим их. Сын стал у двери, а отец пошел задним ходом через двор. Но когда вор услыхал, что со двора идут люди, он бросился в те двери, где стоял сын. Сын хотел не пустить вора; но вор обухом топора ударил его по голове и побежал через задний ход. Но на крик купца сбежался народ, и на улице вора поймали и отвели в тюрьму.

Когда купец вернулся в свою комнату, он увидал, что сын его лежит на полу с разбитой головой. Голова его была пробита, но он был жив. Его стали лечить, и через месяц сын выздоровел.

Купец был рад тому, что сын выздоровел; но не мог забыть вора, пошел к судье спросить, скоро ли будут казнить вора.

Судья сказал: Теперь всё кончено, только мне надо подписать вот эту бумагу, и завтра вор будет>

** <РАССКАЗ

Я вчера был в городе. Я ездил по чугунке. Машина ехала скоро. <Галки за нами не поспевали лететь.> На середине дороги машинист засвистел громко. Я высунулся из вагона и стал смотреть. На дороге[13] сидели два мальчика.[14] Они услыхали свист, вскочили с дороги и побежали прочь. Тогда мы проехали. А машинист погрозил им и сказал: Чуть-чуть я вас не раздавил <и с грибами вашими.>

* <КАК Я ВЫУЧИЛСЯ ЕЗДИТЬ ВЕРХОМ

(Рассказ мужика)

Один раз, когда мне было лет пять, батюшка поехал пахать. Он запрег в соху пегую матку, а в борону сивого жеребенка и пошел в избу взять кафтан. А мы с братом стояли подле лошадей. Ваня, старший брат, сказал мне: Ну-ка, Микол, садись на пегую. Я сказал: ну что ж, подсади.>

———

** У одного мальчика все вещи были грязные, и он никогда не умывался. Другой мальчик спросил у него: Отчего ты не умываешься? А мальчик сказал: Зачем мне мыть лицо и руки? У меня всё грязное. Если я вымою лицо и руки, я сейчас опять запачкаюсь об свое платье, потому что у меня и платье, и тарелка, и ложка грязные. А другой мальчик сказал: Оттого у тебя и платье, и ложка, и тарелка грязные, что ты сам не моешься.

———

** У меня был дядя, брат моей матери. Он часто приезжал к нам гостить. Его звали Андрей Степаныч. Андрей Степаныч был уже не молод. У него были волосы на бороде седые и на макушке была плешь. Ростом он был высок и сутуловат. Голову он держал низко и всегда смотрел исподлобья. Голос у него был густой. И он говорил мало. Матушка всегда была рада, когда он приезжал, и всегда для него много готовила. Матушка сама его боялась и при нем говорила мало. Когда он

приезжал, он всегда осматривал всех нас детей, целовал, спрашивал, хорошо ли мы учимся и слушаемся ли отца и матери. Много он с нами не говорил. По утрам он громко кашлял. Точно он стрелял. И мы боялись его кашля. Все говорили про него, что он очень умен. И когда старшего брата отдавали в ученье, то отец ездил к дяде и спрашивал у него, как и куда отдать. И как дядя сказал, так он и сделал. Андрей Степаныч всегда был одинаковый, никогда не радовался, никогда не сердился. Один раз только я видел, что он обрадовался. Это было, когда мать наша была больна. И все думали, что она умрет. Она долго лежала без памяти, и Андрей Степаныч всё ходил, спрашивал про нее.

Потом вдруг, когда сказали, что матушка выздоровела, и у ней родилась маленькая девочка, Андрей Степаныч так обрадовался, что стал плакать и целовать всех нас. И лицо у него сделалось совсем другое. С тех пор я его перестал бояться и больше стал любить. Другой раз я видел, как он рассердился. Мы один раз шли вместе из церкви. И к нам пристал пьяный человек. Андрей Степаныч один раз сказал ему: уйди прочь. Пьяный не ушел. Андрей Степаныч другой раз сказал: уйди — я тебе говорю. Пьяный всё не уходил и замахнулся рукой на маленького моего брата. И брат испугался и заплакал. Тогда Андрей Степаныч вдруг выпрямился, подбежал к пьяному, как молоденький, взял его одной рукой за шиворот и стал трясти его, как тулуп. Мы все испугались и думали, что он убил его. Но Андрей Степаныч бросил его, и пьяный ушел. Тогда Андрей Степаныч подошел к нам. Он был бледный, и губы его тряслись, но он улыбался нарочно. Когда он успокоился, видно было, что ему стало стыдно. Чем дольше я жил, тем больше я любил дядю Андрей Степаныча. <Дядя Михайло Иваныч был моложе Андрей Степаныча. Он был небольшой ростом, толстенький, кругленький. Щеки у него были розовые, глаза большие, открытые, и, когда он смеялся, все зубы его были видны. Он часто рассказывал нам сказки и смешные истории. Он делал нам мельницы и змеи. И всегда все смеялись, когда он был у нас. Платье на нем всегда было новое и чистое и>

———

** <Один раз я поздно возвращался домой после охоты. <Я ходил целый день и убил двух тетеревов. Я их нес в сумке и нес ружье.> Стало темно, и мне надо было проходить через кладбище. <Я не боялся привидений.> Когда я прошел половину кладбища, я вдруг увидал впереди себя что-то страшное, похоже на человека в белом платье. Что-то стояло передо мной и махало руками. Я испугался и спросил: Кто это? Никто не отвечал. Я сказал: Кто тут, говори, а то выстрелю. Ничто не отвечало. А только руки махали передо мною. Я хотел закричать, но голос мой оборвался, руки у меня затряслись, и я выстрелил. Привиденье всё стояло передо мной, и только страшный голос из-под земли закричал: Держи его. Я так испугался, что сел, где стоял, и смотрел только на страшное привиденье. Вдруг другое привиденье вышло из земли и подошло ко мне. Я хотел бежать, но кто-то схватил меня за руку и закричал: Что за человек стреляешь? Тут я опомнился и узнал, что это был мужик, который в земле копал могилу, а что белое привиденье, в которое я стрелял, была рубашка мужика. Мужик вспотел, копая могилу, снял рубашку и повесил ее на крест.>

———

* Один святой человек шел из города и на выходе увидал, что подле реки в песке лежит голый человек. Голый человек заметил, что святой смотрит на него, и сказал: Святой отец! видишь ли, в какой я нищете. Мне есть нечего и прикрыться нечем. От этого я зарываюсь в песок и кормлюсь раковинами. Помолись богу, чтобы он дал мне хоть сколько-нибудь богатства. Бог услышит твою молитву. Святой человек сжалился и стал просить бога, чтобы он дал богатство этому несчастному. Через две недели святой человек опять пришел в тот же город. На улице он встретил того человека, за какого он молился. Человек этот был красен, и пьян, и хорошо одет, но он был закован, и его вели в тюрьму. Святой человек спросил, за что его заковали. И ему сказали, что этот человек напился пьян, поссорился с другим человеком и убил его. Тогда святой человек подумал: бог лучше нас знает, кому нужно богатство, а кому нищета.

** СОЛДАТ

Один молодой солдат попросил у старого солдата табаку. Старый солдат взял из своего мешка горсть табаку и дал молодому солдату.

На другой день молодой солдат пришел к старому и подал ему двугривенный. Он сказал: «В табаке твоем был двугривенный, возьми его». Старый солдат взял деньги и сказал: «Ты хорошо сделал, что отдал. Другой на твоем месте не отдал бы денег». Молодой солдат сказал: «Да и я не хотел отдать». — «Отчего же ты отдал?» — «Оттого, что всю ночь не дали мне спать эти деньги». — «Отчего не дали спать?» — «Всё голоса слышал: один голос говорил: «отдай деньги, они не твои»; а другой говорил: «зачем отдавать? тебе дали табак, стало быть и деньги дали». А первый говорит: «дали табак, а не деньги; отдай». А другой опять говорил: «а спросит тебя старый солдат, что ты скажешь?» Наскучили мне эти голоса, я и сказал себе: вас не переслушаешь, вот и принес деньги».

———

** <В одной деревне две крестьянские девочки пошли за грыбами. Одну звали Феколкой, а другую Настькой. Только что они вышли за деревню, на них бросился волк. Волк схватил зубами Настьку, перекинул себе на спину и побежал в лес. Настьке было 7 лет. <Старшей девочке было 10 лет.> Она громко кричала и старалась вырваться у волка. Феколка тоже закричала, подняла большую палку и побежала за волком. Волку тяжело было нести девочку, и потому он остановился за кустом и хотел грызть ее. Но в это время подбежала Феколка и стала махать на волка палкой. Волк оставил Настю и бросился да Феколку. Но Феколка не испугалась. Она закричала: Настя, спрячься за меня, — и всё махала на волка. Волк схватил зубами палку и хотел вырвать ее. Но в это время прибежал караульщик. И волк убежал в лес. Он взял Настю на руки и

понес ее в деревню. Феклуша шла сзади и громко плакала.

Из Насти текла кровь, и все думали, что она умрет; но она скоро выздоровела.>

** <ХРАБРЫЙ СОЛДАТ

На Кавказе была война. Русские воевали с черкесами. Один русский солдат отстал от своих товарищей и остался один в поле. Черкесы увидали солдата и поскакали к нему. Они подъехали к нему и сказали: Солдат, положи ружье и отдайся нам в плен. Ты видишь, что нас 10 человек, а ты один. Если ты не положишь ружья, мы убьем тебя. А если положишь, мы только возьмем тебя в плен.

А солдат сказал: Я ружья не положу, а кто из вас выстрелит в меня, того я убью, — и солдат поднял ружье и стал целиться то в одного, то в другого черкеса. Черкесы опять сказали: Солдат, положи ружье, а то мы убьем тебя. А он сказал: Ну что ж вы не убиваете? И опять стал целиться. Черкесы стали бранить солдата. Они думали, что он выстрелит, и тогда они уж убьют его. Но солдат не стрелял и только целился. Черкесы не смели подъехать ближе и всё кружились вокруг него. Пришел вечер, и черкесы уехали прочь, а солдат пошел дальше своей дорогой и пришел в крепость.>

* ПРОЕЗЖИЕ В СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

В одной деревне был бедный мужик. Пришло светло Христово воскресенье, все пошли в церковь к заутрени. А бедному мужику нечего было надеть. Он остался дома. У бедного мужика не было жены. Она умерла. А было двое маленьких детей. Ночью дети закричали. Мужик встал и хотел зажечь огня. Но в печке огня у него не было и спичек тоже не было. Мужик вышел из дома и пошел к соседу. У соседа дома была жена. Она спросила бедного мужика, что ему надо. Он сказал: Дай мне огня. Соседка сказала: Как же у тебя в праздник огня нет. Поди, у других проси огня. А мне некогда, я пироги делаю. Бедный мужик пошел к другому дому и стал просить огня. И там хозяйка не дала ему огня и сказала, что она не верит ему, что у него огня нет. Бедный мужик пошел в 3-ю избу. И там над ним только посмеялись, а не дали ему огня. Бедный мужик заплакал и пошел домой. Когда он шел по улице, он вдруг увидал огонь за деревней. Было темно, и огонь светился далеко в поле. Мужик <и подумал: это, верно, проезжие разложили огонь за деревней. Я пойду к ним и попрошу огня. Они, может быть, дадут. Бедный мужик пошел к огню, и чем ближе он подходил, тем ярче светился огонь. Когда он подошел близко, он

увидал, что над огнем сидели три человека. И лица у этих людей были такие красивые и добрые, что мужику весело стало смотреть. Проезжие сказали: Что тебе надо, мужичок? Бедный мужик сказал: Можно мне огня взять у вас? Проезжие сказали: Возьми — вот горячие уголья. Мужик подумал: как я возьму уголья. Надо зажечь что-нибудь. — А проезжие сказали: Ты об этом не думай, возьми горячие уголья. И один из них встал и стал руками брать горячие уголья и подавать их мужику. Он сказал: Держи полу. Бедный мужик удивился, что проезжий не обжигал себе руки, и подставил полу. Тогда проезжий наложил мужику полную полу угольев. Мужик поблагодарил и понес домой. Когда он принес домой и высыпал уголья, тогда он увидал, что в поле у него были не уголья, а золотые деньги. — Соседка увидала деньги у бедного мужика и побежала к проезжим, и другая соседка побежала за ней. И со всей деревни все мужики и бабы побежали к проезжим и просили у них огня. Проезжие всем дали угольев, и когда бабы и мужики отошли, несколько шагов, они вдруг закричали и побежали к воде заливать свои платья, потому что уголья были настоящие и прожгли им платья. Только у бедного мужика из угольев сделалось золото. И он стал богат, и женился, и купил себе новый дом и много коров и лошадей.>

** МЕЛЬНИК

Был один мельник. У него ничего не было, кроме мельницы. Мельник был скуп, и какие деньги он получал с мельницы, он прятал. Но ему хотелось больше денег. Раз он услыхал, что сосед его нашел бочонок с деньгами в земле и что он видел об этом сон три ночи сряду. Мельнику стало завидно, что соседу его без труда достались деньги, а он всю жизнь работает и трудится и всё остается таким же бедным. С тех пор мельник только и думал о том, как бы ему найти клад, и каждую ночь, ложась спать, желал увидеть такой сон, как его сосед. Один раз он увидал во сне, что под мельницей зарыт огромный бочонок с золотом, а сверх бочонка лежит белый камень. Мельник обрадовался, встал рано утром и пошел с лопатой к тому месту, где он видел клад. Мельник стал копать, вдруг лопата его стукнулась об железо. Он стал искать и нашел сломанное кольцо. Он стал копать дальше и нашел еще черепицу. Он всё копал, и копал, и думал, что клад близко. Перед вечером мельник дорылся до белого камня. Но камень был так велик, что мельник не мог один поднять его. Мельник бросил лопату и побежал к жене, чтобы она помогла ему. Жена побежала с мужем к камню. Они вместе стали копать, и камень уже стал подниматься, как вдруг они услыхали, что мельница их падает.

И действительно, они выкопали подле мельницы такую глубокую яму, что мельница их завалилась.

Клада они так и не нашли. Мельница их завалилась, так что им жить больше нечем было. И они ради были уже тому, что их самих не задавило до смерти.

** <ОБЕЗЬЯНА

Были два маленькие брата. Меньшой брат построил себе маленький дом и играл с ним. А старший брат побежал мимо дома и нечаянно зацепил его. Меньшой брат рассердился, заплакал, закричал и замахнулся бить старшего брата. Старший брат сказал: Я не нарочно. За что ты сердишься? Хочешь, я тебе сам построю такой же дом? Но младший брат так разозлился, что он ничего слышать не хотел, и плакал, кричал и махал руками, и нельзя было понять, что он говорил. Из носу у него текли сопли, и лицо стало гадкое и страшное. Старший брат ушел от него. На другой день пришел человек показывать обезьяну. Братья вышли смотреть. Когда обезьяна показала все штуки, младший брат стал палочкой дразнить ее. Обезьяна кричала, визжала, из носу у нее текли сопли, и замахивалась на него руками. Старший брат сказал: Вот точно такой ты был вчера, когда рассердился на меня. Младший брат замолчал и сейчас же ушел в дом.>

———

** <Один мальчик увидал нищего. Ему жалко стало его. Он принес ему свою лошадку и отдал. — Мне не нужно лошадки. Мне нужно хлеба. Другой крестьянский мальчик полюбил барченка и принес ему яиц. А барченок говорит: Мне не нужно яиц, я не ем их. Мальчик проиграл все бабки и плакал. А мясник отдал все бабки собакам. Ему не нужно было. Один бедный человек говорил: Если бы мне дали золотой, я был бы счастлив. А другой человек умирал с голода и нашел кошелек с деньгами и бросил его. Вещь хороша только тому, кому она нужна.>

**<КОШКА И МЫШАТНИК ЯСТРЕБ

Кошка вышла в поле и увидала мышь под березой. Она прилегла и прицелилась и выжидала время, вдруг с неба упала белая птица и убила мышь. Кошка прыгнула к мыши; но белый ястреб–мышатник ра[з]махнул крылья, шатнулся и поднялся с мышью. Кошка стала бранить ястреба. Она сказала: Это моя мышь. Без меня ты бы не увидал ее. Ты вор и разбойник. Ястреб отлетел от кошки, бросил мышь и сказал кошке: Возьми свою мышь, если ты видишь ее. Но кошка не видела мыши. Тогда ястреб поднял мышь, постоял на крыльях над кошкой и поднялся так высоко, что кошка не видела его.>

———

** Один старик пошел ловить рыбу. Он накопал червей, потом сорвал лист лопуха и в этот лист завернул червей. Потом взял удочки и пошел

к реке. — Он пришел к реке, подошел к большой березе, которая росла на берегу, и поставил ведро на землю. Когда он подошел к реке, две лягушки сидели на берегу. Они увидали старика, испугались и попрыгали в воду. Старик сел на землю и стал надевать червя на удочку. Когда старик сел на землю, старая мышь, которая бегала под березой, увидала его ногу и испугалась. Она убежала в нору. Старик надел червяка, встал, замахнулся и закинул удочку в воду. Когда он закидывал удочку, грач, который сидел на березе, увидал его, испугался и слетел с березы. —

Только что старик закинул удочку, один карась подплыл к березе и увидал в воде червяка. Он открыл рот, схватил червяка и хотел унести его. Но червяк был надет на крючке, а крючок привязан к удочке. Старик увидал, что удочка его стала дергаться, и вытащил карася. Он снял его с крючка и положил в ведро. Потом он опять закинул удочку. Одна муха прилетела к старику и села ему на нос. Старик махнул рукой. Муха испугалась, слетела с носу старика и села на траву. После этого долго не бралась рыба. Это было рано утром. Всё было тихо. Вода не шевелилась и была, как голубое стекло. Солнца не видно было за горой. И только слышно было, как поют птицы, жужжат мухи, пчелы и комары, и как плескается рыба, и как дышит старик. Старик облокотился спиной на березу, закрыл глаза и заснул. Когда он заснул, лягушки опять выпрыгнули из воды, мышь пришла опять к тому месту, с которого она убежала, грач опять прилетел на березу, муха опять села на нос старику, карась в ведре высунул из воды голову, червяки расползлись из лопуха. И старик видел во сне, что и лягушки, и мышь, и грач, и муха, и карась, и червяки, и береза, и лопух — все стали говорить ‹между собой.› И старик стал во сне тоже говорить с ними. Грач закричал с березы: Не говорите все вместе, а то мы ничего не расслушаем. Давайте говорить друг за другом, и пусть каждый расскажет свою историю.

И все сказали: Ну давайте. Лопух сказал: Мне не долго осталось жить. Я скоро засохну и почернею, поэтому дайте им слышать мою историю, дайте мне говорить первому. Все согласились, и лопух стал рассказывать.

История лопуха

Вы меня называете лопух. И теперь я точно лопух, а прежде я был лист от репейника. Мы, репейники, живем все точно так же, как и вы все живете. Мы едим, пьем, спим, просыпаемся, родимся и умираем. Едим мы землю нашими корнями, пьем воздух и воду нашими листьями. Умираем, вот как я теперь умираю, оттого, что нас сорвут или растопчут, а рождаемся мы так же, как и все, от отца и матери.

II. [ДЕТСКИЕ ИГРЫ]

∗ <ИГРА В ВОЛКА.[15]

Один будет волком и будет ловить, а другие будут овцы и будут прятаться. Чтобы узнать, кто будет волком, надо поканаться. Канаются вот как. Возьмут палку и снизу берется рукой один, другой, третий и сколько бы ни было. Потом, когда все взялись, сверху берется опять первый и опять второй, третий и сколько бы ни было. Тот, чья рука наверху, так что выше его нельзя взяться, тот и будет волком. А другие овцами. Волк должен выбрать угол и стать в него лицом к стене и не смотреть. Этот угол называется дом. Овцы все прячутся, где кто хочет. Когда все спрятались, одна овца кричит: готово! и тогда волк бежит отыскивать и ловить овец, а овцы стараются прибежать в дом волка так, чтобы волк на дороге не поймал их.

Если одна овца прибежала в дом прежде, чем волк поймал овцу, то волк уже делается овцой, а овца делается волком. И сначала прячутся овцы, а волк становится в дом. А если волк поймал одну овцу прежде, чем другая овца прибежала в дом, то пойманная овца выходит из игры, и опять сначала прячутся, и волк уходит в дом. И до тех пор, пока не переловит всех овец. Когда волк тронул овцу, то считается, что он поймал. Играть эту игру можно на дворе, и в одной комнате, и в двух комнатах с открытой дверью.>

∗ <КОРШУНЫ

Вот как играют в коршуны.

Сначала канаются. И чья рука будет наверху, тот будет коршун, а чья рука внизу всех, тот будет маткой. Остальные все будут цыплятами. Матка становится впереди всех, а позади ее все цыплята, и все они держатся сзади за платье. Коршун садится на пол и пальцем будто бы копает землю. Матка подходит к нему и говорит: Коршун, коршун, что ты делаешь? Коршун говорит: Ямочку рою. Матка говорит: Зачем ямочку роешь? Коршун говорит: Иголочку ищу. Зачем иголочку? Мешочек сшивать. Зачем мешочек? Песочек насыпать. Зачем песочек? Твоим детям глаза засыпать. И коршун вскакивает и старается поймать одного из цыплят. Матка расставляет руки и старается не пустить коршуна. Когда коршун поймает одного из цыплят, тот, которого он поймал, выходит из игры. И коршун ловит остальных, пока всех переловит. Тогда канаются сначала, и игра идет сначала.>

———

∗ <Зачем ты сюда идешь?

За игрушкой. —

Зачем тебе игрушка?

Играть.

Зачем тебе играть?

Мне хочется играть.

Зачем тебе хочется?

Затем, что не знаю, что мне делать. Зачем ты не знаешь?

Так меня бог сотворил.>

———

* <Откуда ты взялся?

Я родился от матери.

А мать откуда родилась?

От своей матери.

А та мать?

От своей.

А еще та от кого?

От самой первой матери.

А та от кого?

Ту бог сотворил.>

———

* <После нынешнего дня что будет?

Завтра.

А после завтра?

Послезавтра.

А после послезавтра?

Еще после завтра.

После после после завтра?

Ну, а после всего? Свет кончится. А когда свет кончится?

Когда бог захочет.>

———

* <Что за этой землей? Еще земля. А за той землей? Еще земля. А за последней землей? То, что бог сотворил.>

———

* <Откуда этот хлеб? Батюшка купил. Где купил? У купца в городе. А купец у кого? У мужика. А мужик где взял? Из земли. А земля откуда взяла? Бог так сделал.>

———

* Если яблоко разрезать пополам, сколько будет половинок? Две. А обе половинки разрезать? Четыре. А четыре? Восемь. А восемь разрезать? 16. А 16 разрезать? 32. И эти пополам разрезать[16]. Когда конец будет? Никогда.

III. [НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ РАССКАЗЫ И СТАТЬИ]

1. [ИСТОРИЯ]

** БАЛАКИРЕВ

Был русский царь Петр. У него был шут Балакирев. Один раз царь Петр рассердился на шута и велел прогнать его. Царь Петр сказал: Скажите ему, чтобы он не смел оставаться на моей земле. Балакирев долго не показывался, и Петр думал, что он уехал в другие земли. Один раз царь Петр сидит у окна и видит, что по улице едет Балакирев на телеге. Петр рассердился, велел остановить Балакирева и подвести его к окну. Петр сказал: Как ты смел меня не послушаться. Я тебе не велел оставаться на моей земле. А Балакирев сказал: Не сердись, царь. Я не на твоей земле, а на шведской земле. Я эту землю из Швеции привез. И Балакирев показал, что в телеге у него была насыпана земля. Царь засмеялся и простил его.

———

* <Царь Петр I был росту в три аршина без двух вершков и был так силен, что он ломал руками подковы и сгибал рубли серебряные. Петр I всему сам учился и всякую работу сам умел делать. Он умел топором работать и рубить дома и корабли. Он умел железо ковать и делать винты и подковы. Он шил сапоги и кафтаны. Он умел на меди и на кости вырезывать фигуры, умел точить из кости и дерева и умел говорить и читать по-латыни, по-шведски, по-голландски, по-немецки, по-французски, по-английски.>

———

* <Иван Андреевич Крылов сидел один раз за обедом против молодого человека, который много лгал. Молодой человек стал рассказывать, какая большая у него в пруду есть рыба. Он сказал: Прошлого года я поймал судака такого длинного, как от меня до Ивана Андреевича. Тогда Иван Андреевич отодвинулся и сказал: Может быть, я вам мешаю; может быть, рыба еще больше. Все засмеялись, и молодой человек перестал рассказывать. —>

** СМЕРТЬ ОЛЕГА

Был русский князь Олег. Он призвал к себе волхвов[17] и спросил у них: Какая его жизнь будет и какая смерть? Волхвы сказали: Жизнь твоя будет счастливая, а смерть тебе будет от любимого твоего коня. Олег и подумал: Если мне смерть от любимой лошади, так я ее отошлю и никогда на ней ездить не стану.

И Олег велел отвести лошадь в дальнюю деревню.[18] Один раз приехал Олег в ту деревню. Время уже прошло много. Олег и спросил: А где лошадь моя, что я сюда прислал, жива ли?[19] Ему и говорят: Лошадь твоя давно уже издохла. И жалко стало Олегу лошади. Он и говорит: Напрасно погубил я коня. Покажите мне его. А ему говорят: Он давно издох, его волки съели, одни кости остались. Олег велел провести себя к тому месту, куда они бросили лошадь. А там только кости валялись да лошадиная голова. Олег и подумал: Как же мне смерть придет от этого теперь? И он толкнул ногой лошадиную голову. А в голове была змея. Она выползла, зашипела и ужалила Олега в ногу. От этого Олег и умер.

** КАК БОРОЛСЯ РУССКИЙ БОГАТЫРЬ

При князе Владимире напали на Россию печенеги. Подошли они с большим

войском под Киев. Князь Владимир вышел с своим войском навстречу. Сошлись они на реке Трубеже и остановились. Князь печенежский подъехал к реке, позвал князя Владимира и сказал: Зачем нам много народа убивать. А сделаем вот как: ты выпусти своего силача, а я своего выпущу, и пускай они поборются. Если твой будет сильнее моего, так я уйду, а если мой одолеет, то покорись ты со всей своей землею. Князь Владимир вернулся к своему войску и сказал: А есть ли в нашем войске такой силач, чтобы взялся бороться с печенегом. Один старик сказал: Я пришел сюда с сыновьями сам-четверт, а пятый, меньшой сын, Иван остался дома. Вели послать за ним. Ему бог дал силу большую. Владимир сказал: Какая его сила? Старик сказал: Его сила вот какая: однова мял воловью шкуру. Мне не показалось, как он это делает, я и побрани его. Он рассердись да и разорви шкуру пополам. Князь Владимир послал за Иваном. Когда его привели, князь Владимир сказал ему: Можешь ты бороться с печенегом? Иван сказал: Я не знаю своей силы. Надо испытать. Князь Владимир велел привести большого быка и сказал: Ну покажи над ним свою силу. Иван велел раздразнить быка, и когда бык набежал на него, он схватил его рукой за бок, вырвал кусок кожи с мясом, а потом кулаком ударил его между рог и убил. Владимир послал сказать печенежскому князю, чтобы он высылал своего силача. На другой день сошлись оба войска. В середине сделали чистое место. От русских вышел Иван. Он был невелик ростом и лицом бел. От печенегов вышел черный великан. Когда печенег увидал Ивана, он сказал: Зачем малого привели, я раздавлю его. Когда силачи вышли на середину, на чистое место, они схватились за кушаки, укрепились ногами и начали сжимать и ворочать друг друга. П[еченежский] силач хотел поднять Ивана и перекинуть через себя его, но Иван так крепко сжал печенега, что он не мог дышать и захрипел. Тогда Иван приподнял его, шмякнул об землю и расшиб до смерти. Печенеги испугались и побежали, и русские побили их.

* КАК МУЖИК ЦАРЯ СПАС

Когда после царя Ивана Грозного перевелись русские законные цари и разных царей выбирали, и убивали, и прогоняли, тогда поляки хотели посадить русским царем своего королевича, а настоящего выбранного русского царя Михаила Федоровича хотели извести. — Михаил Федорович жил тогда еще в своей костромской деревне и не знал, что его царем выбрали. А поляки уж узнали про это и пошли в эту деревню, чтоб убить его. Немного не доходя деревни, поляки повстречали старика и стали его спрашивать: Как им пройти на царское село. Старик сметил, что поляки не за добром шли в царское село, и задумал отвести их от царя. Он им сказал: надо идти через Домнино, я сам из Домнина, домой иду, пожалуй, провожу вас. Поляки пошли за мужиком, и он привел их в Домнино к своей избе. Тут он накормил их и напоил вином. А сам сына послал к царю сказать, что поляки идут извести его. Как пришло дело к вечеру, поляки стали собираться идти на царское село и просили старика, чтобы он проводил, потому что дело было зимой и шел снег. Старик сказал: Отчего же не проводить. Надел кафтан на шубу и повел

поляков прочь от царского села, завел их в лес, в кочкарник и хотел уйти, но поляки поймали его и стали пытать. Старик молчал. Тогда поляки догадались, что он их обманул, и стали уговаривать его, чтоб он их вывел, а коли не выведет, то грозили ему, что голову срубят. Тогда старик сказал им: Я знаю, что мне пропасть, да я этого не боюсь, а вам не придется убить <царя>, потому что сами вы не выйдете отсюда. Тогда поляки убили старика. И пошли бродить по лесу, и все в одну ночь перемерзли. Старика этого звали Иван Сусанин.

** 7 ГРЕЧЕСКИХ МУДРЕЦОВ

У греков считалось 7 мудрецов: Фалес, Солон, Питтак, Бион, Клеобул, Периандр и Хилон. У мудрецов этих было много ума и учености, и многим наукам и премудростям они научили народ; но их считали мудрецами не за то, что они много знали, а вот за что:

Подле города Милета рыбаки ловили рыбу. Подошел богатый человек и купил у рыбаков тоню. — Они продали — взяли деньги, и обещали отдать всё, что попадется в эту тоню. Закинули сеть и вместо рыбы вытащили золотой треножник. Богатый человек хотел взять треножник, а рыбаки не давали ему. Они говорили, что продали рыбу, а не золото. Стали спорить и послали спросить у оракула, кому надо отдать треножник. Пифия сказала: надо отдать треножник мудрейшему из греков. Тогда все жители Милета сказали, что надо отдать Фалесу. Послали треножник к Фалесу. Но Фалес сказал: я не мудрее всех. Много есть людей мудрее меня. И не взял треножника. Тогда послали к Солону, и тот то же сказал, и послали к третьему, и третий отказался. И таких нашлось 7 человек. Все они не считали себя мудрыми. За то их и прозвали 7-ю греческими мудрецами.

** <КАК МЫ УЕЗЖАЛИ ИЗ МОСКВЫ

Один раз мимо нашего дома проскакали казаки. Мой батюшка вышел к ним и спросил у них, куда они скачут. Они сказали, что французы идут за ними и что весь народ уезжает из города. Тогда мой батюшка велел запречь две телеги, и мы все поехали. По дороге ехали кареты, коляски, телеги, и пешком шло много народа. Матушка всё плакала, а батюшка говорил ей: не плачь, перемелется — всё мука будет. Мы с братом еще ничего не понимали, и нам было весело. Вечером мы остановились ночевать на постоялом дворе. И когда смерклось, весь народ пошел на улицу смотреть, как французы зажгли Москву. Батюшка тогда сказал: Отплатятся кошке мышкины слезки. И так и вышло. Когда мы опять приехали в Москву, ни одного француза уже не оставалось. Их всех перебили. И Москву построили лучше прежнего.>

2. [ГЕОГРАФИЯ И ЭТНОГРАФИЯ]

* <ВЕНЕЦИЯ

В Италии есть такой город на берегу моря. Его называют Венеция. В этом городе по всем улицам вода. И ездят в этом городе не на лошадях, а на лодках. Крыльца в этом городе сделаны над самой водой. Как выдешь из дома, так сейчас вода. Если кто хочет куда-нибудь ехать, то зовет извозчика. И извозчик приезжает на лодке. Дома в этом городе большие — в 4 и пять этажей. Дома эти построили купцы. Они торговали в море и оттого разбогатели.>

* <КАЗБЕК

Есть в России земля Кавказ. В этой земле есть такие высокие горы, что облака ходят ниже этих гор. Когда войдешь на половину этой горы и смотришь вниз на дорогу, то люди на дороге кажутся такими маленькими, как куклы. — На горах этих всегда бывает снег, и снег этот никогда не тает. Из этих гор самая высокая гора Казбек. На самой макушке этой горы никто никогда не был. Потому что туда войти очень трудно. Там скользко и холодно и дышать трудно. На половине этой горы есть монастырь. Теперь в этом монастыре никто не живет, а прежде жили монахи.>

———

* Когда я был на Кавказе, я ходил на высокую гору. Гора эта называется Казбек. Когда я дошел до половины горы, сделался туман, и мне ничего не видно было. Потом, когда я взошел еще выше, небо стало чистое — а внизу были тучи. Гора эта так высока, что, когда я был в тумане, я был в самой туче, а потом, когда туман был ниже меня, я был выше туч, и на горе было ясно, а внизу шел дождь.

* <НЕГРЫ

В Африке есть такие земли, где никогда не бывает зимы. В этих землях никогда не бывает снега, вода никогда не мерзнет и дождика никогда не бывает. — В этих землях так сухо и жарко, что ничего не растет: ни травы, ни деревьев. А везде только один песок. Жить можно там только подле рек. Подле рек бывает трава и деревья. И деревья эти целый год бывают зеленые. В этих землях живут люди черные. Их называют неграми. Люди эти ходят всегда голые и живут без домов в шалашах. Шалаши они делают из веток и листьев. Едят они плоды с деревьев и сырое мясо зверей.>

∗ БУРАН

Мятель бывает сильнее там, где нет гор и лесов. Есть такие места в России, где на 500 верст кругом нет ни одного леса и ни одной горки; а везде ровная и голая степь. В этих местах мятели — там называют их буранами — бывают такие сильные, что заносят не только людей, но целые стада скотины. В этих местах живут калмыки, ногаи, киргизы и башкирцы. Народы эти говорят своим особенным языком и веруют в свою особенную веру, но живут в России и покоряются русскому царю. Народы эти не живут, как русские, на одних местах, и не строят себе домов, и не пашут земли, а переходят с места на место и живут в балаганах и кормятся не хлебом, а молоком и мясом.

У них много бывает всякой скотины: и баранов, и рогатой, и лошадей, <и всё, что им нужно: и платье, и дома, и пищу они делают из шкур, из шерсти, из молока и мяса.> У богатого киргиза бывает у одного тысяч 7 лошадей, тысячи две коров и тысяч 20 баранов. Когда стает снег и станет тепло, у этих народов начинается самая веселая жизнь. Они запрягают повозки, на повозки накладывают все свои вещи и складные дома из решеток и войлоков, сажают на них своих жен, старух и детей, гонят свои стада и выезжают на самые лучшие луга к какой-нибудь речке. Так они рядышком устанавливают свои балаганы и начинают жить. Мужчины пасут скотину и бьют баранов и лошадей для еды, бабы доят коров и кобыл и делают сыр и кумыс, варят кушанье и шьют платья и гуляют целое лето.

3. [ЗООЛОГИЯ]

∗ <Поводильщик выучил медведя отказываться головой от вина, которое ему подносили. И когда медведь, охочий до вина, мотал головой, народ спрашивал, что он этим говорит. Поводильщик говорил: Мне не надо того, что тебе назначено. Когда однажды на поводильщика, ночевавшего близко от леса,[20] напал медведь и стал драть, поводильщик закричал

мужику: Спусти моего медведя; авось, этот меня пустит и на ручного бросится. Когда же ученый медведь не подходил к нему, задираемый поводильщик опять закричал: Что ты не спускаешь Мишку, что он там делает? Мужик отвечал: Он говорит: Что ему не надо, и что он отдает тебе всё, что ему назначено. –>

** Хозяин кабака поднес поводильщику, козе и медведю водки. Коза отдал свой стакан хозяину. Медведь отвернулся от водки и указал лапой на хозяина. Хозяин удивившийся на то, что медведь, <всегда охочий до водки,> отказывался от нее, и спросил у поводильщика, что хочет сказать медведь. – А он говорит: мне хозяйского не надо. – В этот же вечер поводильщик подрался с мужиками. – Спусти медведя с цепи, – закричал поводильщик своему товарищу, когда его повалили и одолели. Но товарищ – коза – отвечал со двора: Медведь нейдет, а говорит, что мне хозяйского не надо.

** КАК МЕДВЕДЯ ПОЙМАЛИ

В Нижегородской губернии много медведей. Мужики ловят маленьких медвежат, выкармливают их и учат плясать. Потом они водят медведей показывать. Один водит его, а другой наряжается в козу, пляшет и бьет в барабан. Один мужик привел медведя на ярманку. С ним вместе ходил его племянник с козой и барабаном. На ярманке было много народа, и все смотрели на медведя и давали мужику деньги. Вечером мужик подвел своего медведя к кабаку. И заставил его плясать. Мужику дали еще денег и дали вина. Он выпил вина и дал выпить своему товарищу. И медведю дал выпить целый стакан вина. Когда пришла ночь, мужик с племянником и медведем пошли ночевать в поле, потому что все боялись пустить к себе на двор медведя. Мужик с племянником и медведем вышли за деревню, и легли спать под дерево. Мужик привязал цепь медведя себе за пояс и лег. Он был немного пьян и скоро заснул. Племянник его тоже заснул. И они спали так крепко, что до утра ни разу не проснулись. Утром мужик проснулся и увидал, что медведя подле него не было. Он разбудил племянника и побежал с ним отыскивать медведя. Трава была высокая. И по траве виден был след медведя. Он через поле прошел в лес. Мужики побежали за ним. Лес был частый, так что трудно было идти через него. Племянник сказал: Дядя, мы не найдем медведя. А и найдем, не поймаем его. Вернемся назад. Но мужик не согласился. Он сказал: Медведь нас кормил, и если мы не найдем его, мы пойдем по миру. Я не вернусь назад, а из последних сил буду искать его. Они пошли дальше и к вечеру пришли на поляну. Стало смеркаться. Мужики устали и сели отдохнуть. Вдруг они услыхали, что близко от них что-то гремит цепью. Мужик вскочил и потихоньку сказал: Это он. Надо подкрасться и поймать его. Он пошел к той стороне, где гремела цепь, и увидал медведя. Медведь лапами тянул за цепь и хотел скинуть с себя привязку. Когда он увидал мужика, он страшно заревел и оскалил зубы. Племянник испугался и хотел бежать; но мужик схватил его за руку, <с ним вместе пошли к медведю. –

Медведь зарычал еще громче и побежал в лес. Мужик видел, что он не поймает его. Тогда он велел племяннику надеть козу, и плясать, и бить в барабан, а сам стал кричать на медведя таким голосом, каким он кричал, когда показывал его. Медведь вдруг остановился в кустах, прислушался к голосу хозяина, поднялся на задние лапы и стал кружиться. Мужик еще ближе подошел к нему и всё кричал. А племянник всё плясал и бил в барабан. Когда мужик уже близко подошел к медведю, он вдруг бросился к нему и схватил его за цепь. Тогда медведь зарычал и бросился бежать, но мужик уже не пустил его и опять стал водить его и показывать.>

** СОБАКА ЯКОВА

У одного караульщика была жена и двое детей: <мальчик и девочка. Мальчику было семь лет, а девочке было пять лет. У них была лохматая собака с белой мордой и большими глазами.>

Один раз караульщик пошел в лес и велел жене не пускать детей из дома, потому что волки всю ночь ходили около дома и бросались на собаку. Жена сказала: дети, не ходите в лес, а сама села работать.

Когда мать села работать, мальчик сказал своей сестре: пойдем в лес, я вчера видел яблоню, и на ней поспели яблоки.

Девочка сказала: пойдем, и они побежали в лес. Когда мать кончила работать, она позвала детей, но их не было. Она вышла на крыльцо и стала кликать их. Детей не было. Муж пришел домой и спросил: где дети? Жена сказала, что она не знает.

Тогда караульщик <рассердился на жену и> побежал искать детей.

Вдруг он услыхал, что визжит собака. Он побежал туда и увидал, что дети сидят под кустом и плачут, а волк сцепился с собакой и грызет ее. Караульщик схватил топор и убил волка. Потом взял детей на руки и побежал с ними домой.

Когда они пришли домой, мать заперла дверь, и они сели обедать. Вдруг они услыхали, что собака визжит у двери. Они вышли на двор и хотели впустить сабаку в дом, но собака была вся в крови и не могла ходить. Дети принесли ей воды и хлеба. Но она не хотела ни пить, ни есть и только лизала им руки. Потом она легла на бок и перестала визжать. Дети думали, что собака заснула; а она умерла. —

———

** Лебеди стадом летели из холодной стороны в теплые земли. Они летели через море. Они летели день и ночь; и другой день и другую ночь они, не отдыхая, летели над водою. На небе был полный месяц, и

лебеди далеко внизу под собой видели синеющую воду. Все лебеди уморились, махая крылья, но они не останавливались и летели дальше. Впереди летели старые, сильные лебеди, сзади летели те, которые были моложе и слабее. Один молодой лебедь летел позади всех. Силы его ослабели. Он взмахнул крыльями и не мог лететь дальше. Тогда он, распустив крылья, пошел книзу. Он ближе и ближе спускался к воде; а товарищи его дальше и дальше белелись в месячном свете. Лебедь спустился на воду и сложил крылья. Море всколыхнулось под ним и покачало его. Стадо лебедей чуть виднелось белой чертой на светлом небе. И чуть слышно было в тишине, как звенели их крылья. Когда они совсем скрылись из вида, лебедь загнул назад шею и закрыл глаза. Он не шевелился, и только море, поднимаясь и опускаясь широкой полосой, поднимало и опускало его. Перед зарей легкий ветерок стал колыхать море. И вода плескала в белую грудь лебедя. Лебедь открыл глаза. На востоке краснела заря, и месяц и звезды стали бледнее. Лебедь вздохнул, вытянул шею и, взмахнув крыльями, приподнялся и полетел, цепляя ‹крыльями› по воде. Он поднимался выше и выше и полетел один над темными всколыхавшимися волнами.

———

* <Летним днем рой пчел с маткой в середине вылетел из улья. На полете молодая матка зацепилась за высокий цветок и не в силах подняться — на нем повисла. Увидав ее, ласточка спустилась к ней. Ты не должна прикасаться ко мне, сказала пчелиная матка: погляди на короткость моих крыльев и длину моего тела: я царица пчелам, и пчелы готовы все умереть за меня. Царица быстрых на полете пчел должна летать быстрее их, а ты не можешь поднять с цветка свое тяжелое тело, сказала ласточка: ты обманщица; пчелы ничего не дадут за тебя, и проглотила матку.>

** <В жаркий летний день рой пчел вылетел с молодой маткой из улья. Пчелы вились и играли над пчельником и лесом. Пчелы жужжали, трутни трубели. Матка была в середине, и все пчелы окружали ее и летали туда, куда летела матка. К вечеру пчелы возвратились домой, но матка ослабела и от непривычки летать и оттого, что у нее крылья короче, а тело длиннее, чем у других пчел, не попала в улей, а упала в траву. Пчелы не заметили этого и влетели в улей. Но когда они увидали, что нет матки, они стали бегать по стенкам и вощинам, отыскивая свою царицу, но не могли уж вылететь из улья, потому что было поздно. Матка между тем одна ползала по земле, взбиралась на травы, подгибавшиеся под ее тяжестью и, взмахнув крыльями, опять спускалась на землю, опять влезала, и путалась, и блуждала между травой. Становилось всё темнее и темнее. Лягушки прыгали по траве, и матка, спасаясь от них, взобралась на цветок кашки, но с кашки упала и запуталась в высоком пырье. Вдруг большая птица увидала матку, подлетела к ней, взяла осторожно клювом, выпутала из травы и с нею взлетела на плетень. Матка видела с плетня свой улей и видела, как ее пчелы бегали наружу по улью и слышала, как они жалобно трубели, отыскивая ее, и она сказала птице: Я благодарю тебя за то, что ты вынула меня из травы, но ты летишь не туда, куда надо — дом мой в этом улье. Птица сказала: Ты напрасно благодаришь меня, я вынула тебя из травы не затем, чтобы снести в улей, а затем, чтобы отдать своим детям на съеденье. Разве ты не видишь, сказала матка, что я не

простая пчела, а что я царица, разве ты не видишь, что я больше всех пчел. Отнеси меня в улей, а то пчелы пропадут без меня. Я давно знаю, что ты матка, сказала птица, и мне всё равно, что будет с твоими пчелами, а мне давно хотелось угостить моих детей толстой маткой. И птица разорвала матку на двое и отдала своим детям.>

* <НЬЮФАУНДЛЕНДСКИЕ СОБАКИ

Ньюфаундлендские собаки бывают очень большие ростом. Шерсть на них черная и длинная, и на лапах у них между пальцами перепонки, как [у] уток. Собаки эти очень сильны и плавают так хорошо, что они из воды могут вытащить большого человека. Один барин охотник купил себе такую собаку. Один раз он пошел на охоту. Ему надо было перейти небольшой ручей. Мост был далеко. Он и пошел прямо через воду. Он думал, что вода не будет глубже, чем по колено. Ньюфаундлендская собака не пошла за ним. А села на берегу, подняла уши и стала смотреть на него. Только что барин дошел по воде до половины речки, как вдруг собака вскочила и бросилась в воду. Она подбежала к барину, схватила его за платье и потащила назад. Барин хотел прогнать ее, но собака рычала и делала вид, что она укусит его, если он не пойдет с ней. Барин вышел назад на берег. На берегу собака стала опять ласкаться. Барин опять пошел в реку. Но опять, только что он дошел до половины воды, собака бросилась и потащила его назад. Барин рассердился и привязал собаку к дереву. Когда он пошел опять в воду, собака стала грызть веревку, за которую ее привязали. Но барин думал: я прежде перейду воду, чем она отгрызет веревку. Когда он стал подходить к другому>

* СТРАУС

В Америке есть такие большие птицы, что люди ездят на них верхом. Птицы эти так скоро бегают, что на лошади трудно догнать их. Птицы эти называются страус. Их ловят на лошадях. За ними скачут до тех пор, пока они не устанут. Когда они устанут бегать, птицы эти подбегают к кусту и прячут в него свою голову. Когда они спрячут голову, они ничего не видят. И они думают, что и их тоже не видно.

** О МУРАВЬЯХ

Один раз я пришла в кладовую достать варенья. Я взяла банку и увидала, что вся банка полна муравьями. Муравьи ползали и в средине, и сверху банки, и в самом вареньи. Я вынула всех муравьев ложечкой, смела кругом с банки и поставила банку на верхнюю полку. На другой день, когда я пришла в кладовую, я увидала, что муравьи с полу приползли на верхнюю полку и опять заползли в варенье. Я взяла банку, опять очистила, обвязала веревкой и привесила на гвоздик к потолку. Когда я уходила из кладовой, я посмотрела еще раз на банку и увидала, что на ней остался один муравей, он скоро бегал кругом по банке. Я остановилась посмотреть, что он будет делать. Муравей побегал по стеклу, потом побежал по веревке, которой была обвязана банка, потом вбежал на веревочку, которой была привязана банка. Вбежал на потолок, с потолка побежал по стене вниз и на пол, где было много муравьев. Верно, муравей этот рассказал другим, по какой дороге он пришел из банки, потому что сейчас же много муравьев пошли друг за другом по стене на потолок и по веревочке в банку, по той же самой дороге, по которой пришел муравей. Я сняла банку и поставила ее в другое место.

———

** <Один раз сто овец шли домой с поля. Впереди всех шла черная молодая овца, а сзади шла старая белая овца. Вдруг сзади овец заржала лошадь. Старая задняя овца побежала и закричала: Бегите скорее, что-то страшное закричало. И задние овцы побежали. Черная овца слышала, что это заржала лошадь, и не испугалась. Но другие овцы бежали за ней и кричали: волк, медведь, лев, бегите скорее... Черная овца подумала, что, может быть, она не расслышала и что сзади был волк. И она побежала. Когда она побежала, ей показалось, что она, точно, слышит вой волка. Она побежала еще скорее, и тогда ей показалось, что она слышит, как волк скачет сзади. Она побежала еще скорее, и тогда ей показалось, что стадо волков бежит за ней. Она поскакала что было силы. Овцы скакали по выгону. На выгоне лежали полотна. Черная овца увидала эти полотна. Она не знала, что это такое, но ей стало страшно, и она прыгнула через полотно. Она сказала: Прыгайте, овцы. И все овцы стали прыгать через полотно. И овцы прыгали и кричали: Овраг, пропасть, пожар, прыгайте, выше прыгайте. Мы пропали. И овцы все прыгали и попадали одна на другую, и две переломили ноги. Когда овец пригнали домой, они долго кричали разными голосами и не могли перевести духа. А овцы с переломанными ногами плакали. Когда овцы отдохнули, они стали говорить между собой. Черная овца сказала: Мне кажется, что сзади заржала лошадь, когда вы все побежали, а волка не было. Тогда другая овца сказала: Нет, это не была лошадь, а все сказали, что это был волк. А 3-я сказала: Нет это был медведь. А 4 сказала: Нет, это был лев. А самая задняя сказала: Я сама видела, что это были два льва, 4 медведя и 10 волков. Она сказала, что она сама это видела, но она ничего не видала. Ей только стыдно было признаться, что она ничего не видала и напрасно всех перепугала. Когда все поверили ей и благодарили за то, что она спасла их от такой беды, тогда эта старая овца сказала: львов, медведей и волков я сама видела и мне кажется, что пропасти и пожара совсем не было там, где мы все прыгали и ломали ноги. Э[то] п[олотно] лежало. Я видела, как заворотился конец полотна. Тогда другая овца сказала: что она видела овраг. 2-я сказала, что она

видела пропасть. 3-я сказала, что она видела пожар, а черная овца сказала, что она сама видела, что на дороге была пропасть и в пропасти горел страшный огонь, что если бы она 1-я не сказала им этого, они все бы погибли. А она тоже знала, что это было полотно, но ей стыдно было признаться, и все поверили ей, что был пожар.>

<НА ЧТО НУЖНЫ МЫШИ

У меня был молодой сад. Весною я пошел смотреть свои яблони и увидал, что мыши кругом объели их корни, так что вокруг каждой яблони кора была съедена, как белое кольцо. Яблони были хорошие и свежие. На всех были цветовые почки. Все бы они цвели и дали бы плод, а теперь я знал, что они пропадут, потому что сок в деревьях ходит по коре, как в человеке кровь ходит по жилам. Мне живо жалко было смотреть на мои яблони, и я пошел домой, и рассказал деду свое горе, и как бы я побил всех мышей на свете, если бы моя сила была. [21] А дед сказал мне: Если бы твоя сила была побить мышей, ты знаешь, кто бы тебя пришел просить за них. Я сказал: Некому просить за них, они никому не нужны. А дед сказал: Первые пришли бы кошки и стали бы просить за мышей. Они сказали бы: Если ты сожжешь мышей, нам будет есть нечего. Потом пришли бы лисицы и тоже просили. Они сказали [бы]: без мышей нам надо будет красть кур и цыплят. После лисиц пришли [бы] тетерева и куропатки и тоже просили бы тебя не убивать мышей. Я удивился: зачем куропаткам и тетеревам мышей, но дед сказал: Им мыши нужнее всего на свете. Они не едят их, но если ты мышей погубишь, лисицам будет есть нечего, они разорят куропачьи и тетеревиные гнезда. Все мы на свете друг другу нужны. —>

4. [БОТАНИКА]

** ДЕРЕВЬЯ ДЫШАТ

Ребенок был болен. Он бился, метался, потом затих. Мать думала, что он заснул; посмотрела — а он не дышит. Она стала плакать, позвала бабушку и говорит: «посмотри, у меня ребеночек умер». Бабушка говорит: «погоди плакать, может быть он только замер, а не умер. Вот, дай приставим стеклышко к ротику, если отпотеет, значит, дышит и жив».

Приставили стеклышко к ротику. Стеклышко отпотело. Ребенок был жив.

Он проснулся и выздоровел.

Великим постом была оттепель, да не согнала всего снегу, и опять заморозило, и сделался туман.

Рано утром пошел я по насту в сад. Смотрю — все яблони пестрые, одни сучки черные, а другие точно посыпаны белыми звездочками. Подошел я ближе — посмотрел черные сучки — все сухие, посмотрел на пестрые — все живые и все по почкам облипли инеем.[22] Нигде нет инея, только на самых на кончиках почек, на ротиках там, где раскрываться начали, точно как усы и борода у мужиков обиндивеют на морозе. Мертвые деревья не дышат, а живые деревья дышат, так же, как люди. Мы ртами и носами, они — почками.

<МОМУТОВОЕ ДЕРЕВО

Самое большое дерево на свете, это — момутовое дерево в Америке. — Оно растет 2000 лет и вышиною бывает больше самой высокой колокольни. Наши самые большие деревья: березы, дубы, сосны и ели, бывают вышиною в 30 аршин, а это дерево в пять раз еще выше. А в толщину это дерево так велико, что 30 человек, взявшись рука с рукою, не обхватят его.>

ЧАЙ

Чай делают из листьев. Листья собирают с дерева и сушат их на сковородах. Когда листья высохнут, то их укладывают в ящики и везут продавать. Чайное дерево растет только в самых теплых землях. Оно растет в Китае и в Японии. Чайное дерево бывает невысокое, так что человек рукой может достать до его макушки. Разводят его семенами. Семена чайного дерева похожи на коробочку с тремя отделениями. И в каждом отделении лежит по ореху в скорлупе. Этот орех и есть семя. Если его посадить, вырастет дерево. —

* ПРОБКА

Пробки делают из древесной коры. В Италии, в Испании, во Франции и еще в других местах растут деревья, похожие на дуб. Деревья эти не бывают так высоки, как дуб. Эти деревья бывают всегда зеленые. И

когда они вырастут большие, на них делается толстая кора. Эту кору снимают и из нее делают пробку. Когда с дерева снимут кору, на том месте опять нарастает кора. И ее опять снимают. Когда наберут много пробки, <ее> кладут в воду, а потом разгибают и делают из нее дощечки. Потом делают из нее пробки. Вода не может пройти сквозь пробку. И пробка так легка на воде, что если сделать из пробки пояс и надеть на человека, так этот человек не может потонуть.

5. [ФИЗИОЛОГИЯ]

** ОТЧЕГО В ТЕМНОТЕ ВИДНО?

Войди со двора в темный сарай. Ничего не видно. Побудь немного, станешь различать столбы, крышу. А оглядишься, и всё видно. Отчего это бывает?

В глазу есть зрачок. Если присмотришься близко в зрачок, то сам себя увидишь, как в маленьком зеркальце. Зрачок не сплошной, а это колечко, и в колечке пустое место, а за пустым местом — зеркальце. Колечко это сжимается и раздается. Когда очень светло от солнца или огня, нам хорошо видно, и мы сжимаем колечко и прикрываем зеркальце. Но когда мало света, мы растягиваем колечко, чтобы больше света забрать в зеркальце.

Когда с солнца войдешь в темное место, то колечко сжато, и мы начинаем его растягивать. Когда больше растянем, нам больше станет видно.

А когда выйдешь из темного места на свет, отчего глазам больно? Оттого, что в темном месте мы растянули глазное колечко, да вдруг не можем стянуть его. Пока стянется, мы закрываем глаза веками, а то слишком много попадает света в растянутое колечко, и нам больно глазам.

———

* Когда кругом тихо, и ты прислушиваешься, стукни что-нибудь или закричи, тебе ушам больно станет. Отчего это? В каждом ухе есть перепонка, и перепонка эта натянута на хрящики, как барабан. Когда хочешь лучше расслушать звук, то хрящики растягиваешь, и перепонка станет туже. А когда громко слишком шумят, то сжимаешь хрящики, и перепонка ослабнет. — Когда кругом тихо, и ты прислушиваешься, то растянешь перепонку. Стукни что-нибудь крепко, и ушам станет больно.

** ЗАПАХ

Отчего вещи пахнут? Оттого что они крошатся на самые мелкие крошки — такие мелкие крошки, что их нельзя видеть глазами, и эти крошки разлетаются по воздуху; а мы как дышим, втягиваем их себе в нос, и крошки эти попадают нам на носовую перепонку.

<Чем крепче вещь, тем она меньше пахнет. Всякий металл, камень и дерево, покуда они холодны и сухи и не растерты в порошок — ничем не пахнут. А почти всё согретое или мокрое или очень мелко растертое — пахнет. Жидкое всё почти пахнет. А еще сильнее пахнут почти все газы.>

Пахучая вещь уменьшается. Чем сильнее она пахнет, тем сильнее уменьшается то, что в ней пахнет. Если развалить траву, она даст сильный дух, потом будет пахнуть всё меньше и меньше и совсем перестанет. А если свесить пахучее сено и тоже, когда оно перестанет пахнуть, то увидишь, что пахучее сено было тяжелее непахучего сена. Всё, чего недостанет в весе, вышло запахом — такими маленькими частичками, что их не видать глазами, а слышно только носом.[23] То же бывает с навозом. Когда он перестанет пахнуть, в нем весу станет меньше. То же бывает с водкой, если держать ее незакупоренною. То же со всякими духами.

Всё живое — растения и животные — сильно пахнет. Но растенья и животные не уменьшаются весом оттого, что пахнут, потому что столько, сколько выйдет из живого — растенья или животного — запахом, столько оно заберет в себя опять пищи. Животное едой, питьем, дыханьем; а растенье — листьями из воздуха и кореньями из земли.

Как малы частицы те, от которых пахнет?

Человек в 400 000 раз больше, чем блоха, а он видит блоху и ощупывает ее руками. У блохи есть тоже глаза в 100 000 раз меньше глаз человека. Блоха своими глазами должна видеть вещества в 400 000 раз меньше ее. Такие-то частицы, а, может быть, еще меньше, те, которые попадают нам в нос, когда чем-нибудь пахнет.

6. [АСТРОНОМИЯ]

* АСТРОНОМЫ

В календаре сказано вперед, когда дни и ночи будут равные, сказано тоже вперед, когда, какого дня и в каком часу родится месяц. Сказано тоже бывает в календарях, когда, какого дня и в каком часу затмится луна или солнце. <Затмения солнца и луны бывают каждый год не меньше трех, только не всегда затмения эти видны от нас. Иногда видно в Петербурге, а на Кавказе не видно>. В календарях тоже вперед сказано, когда, в каком часу выйдет на небо звезда с хвостом. <И звезды эти с хвостами каждый год бывают на небе, только мы не всегда их примечаем.> — И всегда всё сбывается, как предсказано в календаре.

Было предсказано в 1871 году затмение луны и затмение солнца, и точно так, как предсказано, в тот самый день и час в середине ночи на полную луну нашло черное пятно, закрыло и потом открыло месяц, и середь дня на солнце нашло черное пятно, закрыло солнце и опять открыло. <Узнают всё это вперед астрономы. У них есть построены башни, на башнях длинные зрительные трубы, и в эти трубы звезды днем видно. И они смотрят звезды, месяц, солнце, меряют расстояние между звездами, на бумагу срисовывают звезды и высчитывают, сколько времени какая звезда идет от места до места, и узнают, где, в какое время солнцу, месяцу и звезде надо быть. За тысячи лет до нас астрономы рассматривали звезды, солнце и месяц и замечали, как и куда они ходят, и записывали, и рисовали на бумаге и рассчитывали, когда какая звезда должна прийти. И теперь тоже делают и кое-что знают и вперед угадывают. — Но прежде те, кто знали об звездах, никому не показывали своих расчетов и удивляли народ тем, что вперед угадывали, что будет, а теперь всякий, у кого есть охота к этому делу, может сам дойти до того, что предсказывают в календарях.>

Если кто будет <летом> в ночи вставать каждый день до зари и замечать, где всходит солнце, то он заметит, что солнце встает не в том же месте, где встало вчера, а в другом, немного полевее, и встает не в то же время, как вчера, а каждый день пораньше. Если он будет смотреть всякий день с одного места и примечать по чему-нибудь, по дереву или бугру, против чего встает солнце, и так будет примечать год и два, то он вперед угадает, где в какой день встанет солнце. Если он так же по вечерам будет замечать за месяцем, где встает и в какое время месяц, то он вперед угадает, где будет месяц вставать. Если он по звездам будет примечать против какой звезды в каком часу будет месяц, то он тоже предскажет. И для человека, того, который никогда не примечал за этим, будет так же удивительно, как и то, как в календарях угадывают, когда будет какая звезда и когда затмение. Тут один человек примечал год и два, а там примечали тысячи человек тысячи лет. — <Тот, кто имеет охоту к этому делу, тот может узнать, как дошли люди до этого. Только это дело трудное и много надо учиться, прочесть книг и самому примечать и уметь считать.

Одни говорят, что земля стоит на трех рыбах, а другие говорят, что она круглая, как шар, ни на чем не стоит. Это всё равно, никто не видал ни трех рыб, ни всей земли, ни того, что она вертится. А дорого то, как дошли люди до того, что знают вперед, что с солнцем,

с луной и с звездами делается.>

* ЗВЕЗДЫ

<Прежде чем примечать за солнцем и месяцем, надо узнать звезды, как они всходят и заходят, и как они расставлены. Звезд всех очень много, если смотреть на них в увеличительные трубы; но если смотреть на звезды простым глазом, то их совсем не так много, как кажется. Всех звезд с одного места видно не более 2000; а из этих 2000 больших звезд не больше 40, средних около 100, а остальные маленькие. Большие звезды приметны, и все их знают. Высожары. Медведица. Крест. Все звезды, и большие и маленькие, всходят с востока и заходят на западе. Иные в ночь и поднимутся и зайдут ночью, а иные стоят уже наверху на небе, когда смеркнется и станут видны звезды, но все-таки и эти идут с востока на запад, а иные только перед зарей начинают подниматься и идут на запад, но как солнце взойдет, они потухнут, и простым глазом не видать, как они заходят; но в зрительные трубы видны звезды и днем, и видно, как они все выходят с востока и заходят на запад. Если стать лицом на полдень, то одни звезды будут проходить над самой головой с востока на запад, другие впереди пониже и поменьше круги будут делать, другие еще пониже, другие еще пониже, и в самом конце к полдню будут звезды такие, которые только выйдут из-за земли с востока, сделают маленькую дугу и опять зайдут. Если повернуться назад и смотреть на север, то точно так же будут с востока на запад идти звезды, одни над головой, другие пониже, другие еще пониже и еще пониже, но не будет таких звезд, как на полдне, таких, которые только бы вышли из-за земли, сейчас бы и зашли. Здесь на севере будут, напротив, звезды такие, которые будут кружиться с востока на запад, но вовсе не будут заходить за землю, а будут кружиться над землею. На полудни звезды ходят ниже, а на севере выше. —

Все звезды ходят всегда, как сцепившись. Если смерить, сколько от одной звезды до другой и от другой до третьей и до четвертой, то где бы эти звезды ни были над головой или над землею, всегда расстояние между ними будет одинаковое. Это видно на глаз в Кресте и в Большой Медведице.

И астрономы меряют эти расстояния, и всегда выходит, что где ни были звезды, наверху или внизу, расстояние между ними всегда одно и то же. Так что небо с звездами вертится у нас над головами, как полог всё с одними и теми же узорами. И проходят все звезды над нами — и те, которые над головами, свои большие круги, и те, которые низко над землею ходят, свои маленькие круги — все в одно и то же время. Всё небо оборачивается над нами ровно в 24 часа. Если прямо над головами 24 часа тому назад была звезда Сириус, а над землей только что выходила Красная звезда, то ровно через 24 часа опять над головами будет Сириус, над землею будет Красная> звезда, и опять пойдут те же самые звезды, какие были в прежние 24 часа. Когда долго

и часто будешь смотреть на звезды, то так заучишь их, что как покажется одна знакомая звезда, то сейчас будешь знать, какая от этой будет вправо, влево, какая впереди, назади, и за этими какие другие пойдут звезды. Всё равно как на знакомом ковре знаешь, какие будут узоры, когда развернешь один конец ковра. Так астрономы знают весь свод небесный со всеми звездами. Всё небо с звездами срисовывают на бумагу. А для того, чтобы понятнее было, из бумаги делают такие же шары, как всё небо, и эти шары разделяют полосами так, как дыня бывает разделена полосами. Полосы эти в середине широкие, а к концам сходятся на нет. Таких полос делают 360 и на каждой полосе назначают свои звезды. По этим рисункам легко отыскать каждую звезду.

———

* СОЛНЦЕ

Когда узнают всё небо с звездами, как ковер, тогда начинают примечать за солнцем. Солнце встает так же, как и звезды, на востоке и садится на западе, но оно не так ходит, как звезды. Все звезды встают и заходят в одном и том же месте и в одно и то же время. А солнце восходит не в одно и то же время, а всякий день и выходит и заходит в другое время против вчерашнего дня. С 11 декабря оно выходит всё раньше и раньше, а с 11 июня всё позже и позже. И встает и садится всякий день солнце не на том же месте и проходит небо не по тому же кругу. Звезды все ходят со всем небом, одним куском, а солнце ходит особо по небу и отстает против звезд. Так что если нынче перед восходом солнца чуть была видна звезда и потухла, завтра эта звезда уже выйдет раньше солнца, а послезавтра еще раньше, и потом еще раньше, и еще раньше. И так всё будет отставать и через год, через 365 [дней], солнце отстанет на целый круг и сойдется через год опять с той же звездой. Звезда обернется 366 раз, а солнце 365, на раз меньше. <Солнце ходит, как и звезды, с востока на запад, но не по тем кругам, как звезды, а наискоски, так что солнечные круги не сходятся с звездными. Так что если нарисовать на шаре все места звезд и их круги, то солнечная дорога будет перерезать все звездные круги в одну сторону от 11 марта и до 11 сентября,[24] а потом опять перерезать эти круги в другую сторону.> Для того чтобы узнать, как, по какой дороге ходит солнце, нужно примечать, с какими оно ходит звездами, и от каких звезд к каким переходит. Кабы звезды были видны днем, это легко бы было; а так как не видно, то нужно так узнать всё небо с звездами, чтобы днем показать в какое-нибудь место в небо и знать, какие там теперь звезды. —

До этого можно дойти вот как: прежде всего надо найти север, юг, восток и запад, поставить прямо по отвесу кол и на колу сделать крест, чтобы показывал во все 4 стороны. Если утвердить один полукруг так, чтобы он ворочался с севера на юг, и на полукруге по глине из середины отмерять углы звезд, то когда эти звезды будут над

головой, все углы можно вымерять. Нынче одну пару, завтра другую. Другой же круг утвердить так, чтоб он ворочался с запада на восток.

———

Ось мира, глобус звезд. Инструменты, циркуль. Путешеств[ие]. Геогр[афия] для вращания. Путеш[ествие] для движ[ения] вок[руг] солнца.

———

1) Видимость звезд нашего полушария.

2) Меридиан, с. ю. в. з. (циркуль, круг).

3) Глобус звезд полушарья.

4) Солнца путь по звездам нашего полушарья. Отстает и отступает.

5) Равноденствие.

6) Затмение <величина солнца.>

7) Луна.

8) Заблудящие звезды.

1) Путешествие, другие звезды, склонен[ие.]

2) Путешествие. Экватор, полюсы оси.

3) Глобус всех звезд, измерение углами.

4) Солнце на полюсах, на экваторе.

5) Антиподы и зима и лето [1 неразобр.]

6) Затмение, измерение солнца.

7) Луна, фазы, объяснение.

8) Заблудящие звезды в разных местах, их пути, их затмения.

———

1) Предположение вращения земли.

2) Предположение обращения земли.

* ЗВЕЗДЫ

1

Если посмотришь ночью подольше на звезды, то увидишь что все звезды ходят. Есть звезды приметные, и всякий их знает. Есть Высожары (кучка звезд), есть Медведица (ее называют тоже Коромыслом), есть Петров крест (зимний), есть Треугольник. Заметить какую-нибудь кучку звезд и смотреть на них всю ночь. Откуда и куда они ходят? Если смотреть на Медведицу, то увидишь, что она идет со всеми звездами в одну сторону по небу, как по своду, сначала поднимается выше и выше над головами, а потом станет спускаться и зайдет. Если приметить по какой-нибудь примете, куда зашла Медведица, то стань на другую ночь на том же месте, правой рукой к тому месту, где зашла, а лицом к полудню и смотри другие звезды перед собой. На какие звезды ни смотри, все они точно так же, как Медведица, слева пойдут по своду до верху круга и спустятся направо. Одни звезды будут подниматься прямо над головой высоко, другие впереди — пониже, какие еще больше впереди — еще ниже, какие в самом переди — над землею, но все-таки выйдут слева и опустятся направо. Если повернуться назад и смотреть в другую сторону, на север, так, чтобы восход был слева, а закат справа, то точно так же и с этой стороны все звезды будут подниматься с восхода и заходить на запад. И точно так же одни будут проходить высоко над головой, другие подальше и пониже, другие еще подальше и пониже.

2

Если смотреть на звезды без зрительных труб и без привычки, то сначала спутаешься и потеряешь звезду ту, за которой примечал. Спутаешься главное оттого, что звезды не все в ночь выходят из-за земли и заходят за землю; а как только солнце сядет, зажигается на небе много звезд таких, которые уже на ходу. Ночь застает одни звезды уж на четверти, на половине и на трех четвертях пути. И точно так же, когда рассветет, звезды многие потухают на середине неба. Но если примечать за этими звездами, то увидишь, что звезды те, которые зажигаются на середине неба, идут так же от востока на запад, и звезды те, которые потухают на середине неба оттого, что солнце взойдет, так же шли с востока на запад до тех пор, пока не стали нам видны. Звезды эти всё так же идут, как и те, которые нам видны ночью. Они только днем не видны нам. Если бы они не шли, то на другой день они бы были на том месте, где мы их оставили, а этого не бывает. Звезда та, которая вчера, как село солнце, загорелась над головами и в ночь зашла на западе за землю, нынче опять зажигается над головами. Значит, она пришла опять на то место. И звезда та,

которая вчера потухла на рассвете на восточной стороне, нынче только ночью подходит к западу. Значит, она шла и днем. Есть зрительные трубы такие, в которые звезды видны и днем. И в эти трубы видно, что все звезды не переставая ходят кругом и днем и ночью. —

3

Спутаешься еще оттого, что солнце весной каждый день раньше встает и позже садится, а осенью позже встает и раньше садится. От этого каждый день будешь видеть новые звезды весною и не будешь видеть тех, которые видел осенью. Звезды те, которые видны осенью, потухнут весною, потому что солнце раньше встает и позднее садится. От этого и зимой видны такие звезды, каких не видать летом. Но [в] большие трубы звезды видны и днем. И если зимой в 7 часов вечера видна была звезда над головой, то летом посмотреть в трубу на то место, где ей должно быть зимой, она там и будет.

** 4

Всех звезд очень много, если смотреть на них в увеличительные зрительные трубы, но если смотреть на них простым глазом, то их вовсе не так много, как кажется.

Всех звезд видно глазом и зимою и летом и больших и малых не больше 4000. А больших приметных звезд не больше 200.

Большие звезды тысячи лет тому назад были примечены <астрономами> и нарисованы на бумагу. Звезды почти все одинакие, только одна побольше, покраснее, другая поменьше, побелей, и их нельзя бы было срисовать, если бы каждая ходила особо, сходилась бы или расходилась с другой звездой. Но звезды все сцепленные, как шляпки гвоздей на доске. Они не сходятся и не расходятся. И как сделалось из звезд коромысло или медведица (или кастрюлька), так эти звезды всегда и ходят. Поэтому кучки звезд рисуют в разные фигуры, и эти фигуры всё те же и теперь. В календарях пишут знаки овна (барана) рыб, водолей (льет воду человек), козерог (зверь с рогами), стрелец, скорпион (такое насекомое), весы, дева, лев, рак, близнецы, — это всё звезды такие, которые похожи на эти картинки. Так что по всем звездам рисуют узоры. И узоры эти всё одни и те же. Все звезды ходят всегда, как сцепившись, и расстояние между одной звездой и другой всегда одно и то же, где бы ни были эти звезды, над головами или над землей, к полудню или к северу. Иногда кажется, что когда две звезды невысоко над землей, то они дальше друг от друга, чем когда они над головами, но это только так кажется, как и всё над землей кажется

больше, чем над головами.[25] Но астрономы углами меряют расстояние звезды от звезды, и всегда и везде это расстояние одно и то же.[26]

Так что всё небо со всеми звездами ходит, как полог, у нас над головами. Когда долго и часто смотришь за звездами, то так заучишь их, что как только покажется одно знакомое созвездие, то сейчас знаешь — вправо, влево, назади, впереди, где какая будет звезда[27], и за этими какие другие пойдут звезды. Всё равно как на знакомом ковре знаешь, какие будут узоры, когда развернешь один конец ковра. Так астрономы знают все звезды.

5

Всё небо ходит у нас над головами и поворачивается так, что как оно зашло направо, так точно оно выйдет слева всё с теми же самыми звездами. И поворачивается всё небо так, что приходится опять то же небо в том же месте в сутки — в 24 часа. Если в 8 часов вечера прямо почти над головами у нас стоит самая светлая звезда (Полярная), а с востока только поднимается Красная звезда, то ровно через 24 часа опять прямо над головами будет самая светлая звезда, а Красная звезда будет только что подниматься с востока; и опять пойдут те же самые звезды, какие и вчера. Если мы зимой в 7 часов вечера заметим какую-нибудь кучку звезд на западе, то всякий раз, когда в 6 часов будет темно, мы будем видеть это созвездие, но когда дни станут длиннее и в 7 часов будет заря, звезды эти будут чуть видны, а потом и совсем не будут видны. Но если посмотреть в трубу на то место, где оно должно быть, то увидишь, что созвездие всё там же. Звезды ходят с небом над нами всё те же, но мы видим другие зимой и летом только оттого, что они тухнут от солнца. —

Небо поворачивается и приходит на старое место в сутки — в 24 часа. Но когда не было часов, то сутки только потому и считали, что звезды пришли на старое место. Больше ни по чему нельзя было считать сутки. По солнцу нельзя считать, потому что восход и закат солнца каждый день переменяется. Если мы говорим: нынче солнце встает в 4 часа или в 7 часов, то мы это знаем потому только, что знаем, что звезды оборачиваются в равное время. А это равное время мы разделили на 24 часа и по нем считаем и меряем, когда всходит и заходит солнце.

6[28]

Куда деваются звезды, когда они заходят за землю? И откуда они берутся, когда выходят из-за земли? Прежде думали, что везде кругом земли вода и что звезды падают в воду и тухнут, а с другой стороны

опять выходят и зажигаются. Рассказывали в старину что слышали люди, как солнце шипит, когда попадает в море, как красная подкова в воде, и то же про звезды. Но теперь ездят по всем морям на восток и на запад, и никто нигде не слыхал, чтобы звезды падали в море. Теперь ездят по морям и по земле дальше и скорее, чем в старину, и приметили, что и звезды переменяются, когда переезжаешь с места на место. Если едешь на восход — туда, откуда выходят звезды, то что дальше будешь ехать, то раньте будут выходить звезды. Какой звезде надо по приметам всходить в 10 часов вечера, если отъехал верст на 1000 на восход, она встанет раньше на полчаса. Если отъедешь еще дальше, то она встанет еще раньше. Значит, она там за землей не в воде была. Если ехать на закат, то какой звезде надо заходить в 3 часа, та звезда еще будет стоять высоко и зайдет еще через полчаса. Значит, она и прежде не в воду падала, а шла по небу так же, как и прежде, только мне не видать было.

И сколько бы ни ехать на восток, что дальше будешь ехать, то звезды раньте и раньте будут выходить, и сколько бы ни ехать на запад, звезды всё позже будут заходить. Поэтому и надо думать, что всё небо, как оно ходит над нами, так точно оно ходит и под нами. Земля висит в середине неба, а всё небо со всеми звездами кругом оборачивается около земли с востока на запад.

7

<ЮГ И СЕВЕР>

Если хорошо запомнить звезды, то увидишь, что над головами звезды по большим кругам ходят скоро, а по меньшим кругам тише, а на полдни и на полуночи совсем тихо ходят над землею, так тихо, что чуть приметно. Но когда приглядишься, увидишь, что и там они ходят и ходят не одинаково на полдни и на полуночи. На полдни звезды только выйдут из-за земли, сейчас и зайдут, а на полуночи крайние звезды ходят выше, и есть такие, что только зайдут за землю, сейчас опять выйдут, а есть такие, что даже и не цепляют за землю, а кружатся над землею и кружок свой маленький делают также в 24 часа, как и звезды над головами делают большие круги. Если смотреть на звезды в Москве, то будут видны на севере звезды такие, которые не заходят за землю, а ходят над ней и за ней, не цепляют, а на полудни будут видны такие, которые только взойдут над землей и сейчас зайдут.[29] Если из Москвы ехать на полдни, к Одессе, и на каждой станции замечать за звездами на севере и на юге, то увидишь, что чем дальше уезжаешь на юг, тем северные звезды ниже и ниже станут ходить и станут цеплять за землю, а потом станут заходить, и на юге всё выше и выше будут выходить из-за земли, и делать круги больше. И что дальше будешь ехать, то всё небо будет к северу точно спускаться, а к югу подниматься. <Значит, на юг ехать всё равно что на гору.> И так далеко будешь ехать, и всё на севере небо будет спускаться, а на юге подниматься, точно оно всё переваливается. И то же будет, если

будешь ехать на север. Небо будет так же переваливаться, только в другую сторону. Ближе к северу будут на севере ходить звезды, не задевая за землю, а на юге будут за землею ходить, а ближе к югу будут на юге ходить звезды, не задевая за землю, а на севере будут за землею ходить. А на самой середине будет такое место, где ровно будут ходить звезды по краям — половина под землею, а половина над землею. На этом месте небо будет не завалившись ни на север, ни на юг и будет ровно вертеться над головами — как колесо на оси. И ось эта будет прямо с севера на юг. Если с этого места, где небо стоит ровно, не завалившись, идти прямо на восход, то небо всё так же будет стоять ровно и ровно поворачиваться, сколько бы ты ни прошел с востока на запад, или с запада на восток. Только, что больше пойдешь на восток, то раньше будут подниматься звезды, а что больше на запад, то позже. Стало быть, такое место, где небо ровно (не завалившись) ходит над нами, не одно только на земле, а таких мест много и на запад и на восток. Это не одно место, а целая дорога прямая с востока на запад. Где бы ни стоял на этой дороге, везде будет небо с звездами кружиться ровно, не завалившись. Эта серединная дорога называется экватор.

8

ПЛАНЕТЫ[30]

Когда присмотришься к звездам, то заметишь, что кроме всех звезд тех, которые со всем небом поворачиваются, как шляпки гвоздей на доске, есть немного звезд таких, которые не со всем небом ворочаются, а ходят сами по себе и ходят ближе к нам, чем все утвержонные звезды. Эти звезды называются планетами заблудящими. Видно, что они ближе, потому что они заслоняют утвержонные звезды. Так же ходит и месяц. И он видно что ближе к нам, потому что заслоняет утвержонные звезды. Если смотреть на небо днем в трубу, то можно видеть, что и солнце заслоняет утвержонные звезды, стало быть тоже ближе к нам, чем звезды.

Как ходят заблудящие звезды, месяц и солнце?

Если смотреть на заблудящие звезды и примечать, как они ходят, то увидишь, что они то с той звездой сходятся, то с другой и опять приходят на старое место и опять по тому же кругу идут. Так же ходят месяц и солнце. Но все они и заблудящие и месяц и солнце так же, как и утвержонные звезды, выходят каждый день с восхода и заходят на западе. Но каждый раз, как они выходят с востока, они уж на другом месте, чем где были вчера, так что они отстают или обгоняют звезды одни вперед, другие назад, одни вправо, другие влево.

Долго люди примечали за заблудящими звездами, за месяцем и солнцем и никак не могли понять, как они и вместе со всем небом идут и сами по себе ходят. И до тех пор не могли понять, пока один человек не

придумал, что не небо ходит над землею, а земля сама поворачивается. Он сказал: ведь всё равно будет казаться, если всё небо над тобой будет поворачиваться, или если ты будешь поворачиваться. Если тебе кажется, что небо вертится справо налево, то вертись сам слева направо, будет всё то же. Он говорит: может, не небо вертится, а вся земля вертится по серединной дороге с запада на восток. Как мы повернемся, так для нас выходят новые звезды, еще, еще новые, еще — солнце всходит, еще повернемся, и солнце заходит. Он и говорит: если так мы вертимся, так и заблудящие звезды и месяц и солнце не вертятся вокруг нас, а мы вертимся. Только что заблудящие звезды, месяц и солнце переходят от одной звезды к другой, это уж они сами ходят. Если так, то нам легче будет разобрать, как они ходят.

Стали думать, и вышло так точно. Он говорит: если бы земля не вертелась, надо бы всему небу вертеться; а небо больше земли гораздо. Какой бы ему круг надо делать? Другое дело. Если бы небо вертелось, надо б и заблудящим звездам и месяцу и солнцу с ними вместе вертеться, а они ходят по-своему. Если бы много небес было, одно поближе к нам — на нем месяц вертится, другое подальше — на нем кометы, 3-е еще подальше — на нем солнце, 4-е еще подальше — на нем утвержонные звезды, так одно бы небо заслоняло другое, а нам всё насквозь видно до последних звезд. —

Если говорят: да как же мы не слышим, что вертимся? А он говорит: потому — не трясет да и воздух с землей вместе идет.[31]

7. [ГЕОМЕТРИЯ]

** Возьми кол, затеши снизу, отруби гладко сверху. На этот верх положи одну на другую ровные две планочки и пробей их гвоздем, так чтоб они ни туго, ни слабо ходили кругом по гвоздю, чтоб планки эти можно было свести, и развести, и кругом обернуть. Отмеряй от гвоздя по планочкам поровну и пробуравь дырочки в обоих планочках. Пропусти веревочку в дырочки и в одной планочке привяжи ее, в другой пускай веревка ходит. Какую планочку ни отверни, веревка будет вытягиваться до тех пор, пока не развернешь обе планочки напрямик.

Сведи лучинки вместе, чтоб веревочка вовсе не была вытянута, и с колом отойди от дома на 20 шагов. Утверди кол и наведи одну лучинку на один край дома, а другую на другой край. Промеж лучинок будет угол, и веревочка вытянется. Если большой угол — много вытянется, меньше угол — меньше вытянется. Заметь чем-нибудь, на сколько вытянулась веревочка. Потом отойди прямо, как шел от дома, еще на 20 шагов и опять наведи лучинки на края дома и заметь, какой стал угол. Угол станет меньше, и веревочка вытянется меньше. Смеряй, на сколько меньше вытянулась веревочка. Если ты верно счел 20 шагов в первый и второй раз, то угол стал ровно вдвое меньше, и веревочка во второй раз вытянулась ровно на половину. Если в первый раз она вытянулась на 2 вершка, то 2-ой раз только на 1 вершок. Что дальше будешь

отходить, то меньше будет угол и ровно на столько меньше, на сколько дальше будешь отходить от дома. Отойди на 60 шагов — втрое, и угол будет втрое меньше против прежнего, отойди на 200 шагов — вдесятеро против первого, и угол будет в 10 раз меньше. Подойди ближе к дому вдвое — только на 10 шагов, угол будет вдвое больше, подойди совсем вплоть, веревка вытянется прямо. Ни ближе подойти нельзя, ни больше[32] растянуть нельзя. По углу можно знать — далеко или близко ты от дома. Если ты где-нибудь стоишь, сам не знаешь, на сколько шагов от дома, то по углу можно узнать, сколько шагов до дома. — Возьми угол. Заметь на веревочке, сколько растянулась. Перегни веревочку, на сколько растянулась, и заметь половину. Отойди дальше до тех пор, пока угол будет вдвое меньше, пока сойдется до перегнутой половины. Когда сойдется, смеряй, сколько ты отошел. Сколько ты отошел, ровно столько от первого места, где[33] ты стоял, до дома. Угол стал вдвое меньше, значит, ты прошел половину. Сколько в этой половине, столько и в той половине. Если за рекой стоит дом и ты хочешь знать, сколько до него сажен, углом можно смерить[34].

———

** Если ты хочешь смерить, сколько шагов от тебя до столба, а к столбу нельзя подойти, то можешь смерить вот как: наведи одну лучинку на один край столба, а другую на другой, смеряй, на сколько вытянется веревочка. Заметь половину и отходи назад до тех пор, пока веревочка вытянется только на половину; сколько шагов прошел, столько от первого места до столба. Так можно смерить, только легко ошибиться, потому что уголок будет мал, веревочка мало вытянется, и как раз ошибешься, не найдешь половину. Чтоб не ошибиться, от столба можно смерить вот как: наведи обе лучинки на столб, потом разведи их в обе стороны, что[б] стали впрямик. Возьми шест в 4 аршина, положи серединой прямо против столба по разведенным лучинкам. Потом отойди к правому концу шеста и правую лучинку наведи на столб. Заметь на веревочке, какой будет угол. Опять разведи лучинки напрямик, перейди на левую сторону шеста и левую лучинку наведи на столб. Заметь по веревочке, какой будет угол. Углы будут одинакие. Потом положи двойной шест на место прежнего, чтоб было 8 аршин. Потом опять наводи на столб и смеряй по веревочке утлы с обеих сторон двойного шеста. Углы станут меньше. Отходи назад с двойным шестом до тех пор, пока углы станут такие же, как были прежде. Когда станут углы такие же, как были прежде, смеряй, сколько ты прошел от первого места. Выйдет ровно столько от 2-го места до 1-го места, сколько от первого места до столба.

Если за рекой стоит столб и ты хочешь смерить, сколько до него, угольником и шестом можно смерить, не подходя к столбу.

———

* Углами можно мерить точно так же, как цепью или веревкой. И углами можно мерить, не доходя до того места, какое меряешь, а отходя назад столько, сколько от места до места. Но меривши углами, можно проходить и не всё место, а половину, четверть, треть, осьмушку и еще меньше; только нужно, чтоб углы были верны.

Если я хочу узнать, сколько от меня до дома за рекой, я наведу лучинки на оба конца, замечу угол и пойду отходить назад, пока угол станет вдвое меньше. Но если некуда отходить назад, можно смерить и не отходя всего места. Я пройду назад 10 шагов и посмотрю, на сколько убавился угол. Если угол убавился на третью часть, мне и не нужно ходить дальше, — я скажу: 10 шагов третья часть. Три части будет 30 шагов. Значит, до дома 30 шагов. Так точно и будет. Если угольник сделан хорошо, то можно еще меньше ходить. Я отошел на два шага, угол убавился на 15-ю часть, значит два шага это 15-я часть, 15-я часть по два шага будет тридцать шагов, так и будет. Всё дело только в том, чтоб угольник был сделан хорошо и чтоб видно было каждый маленький угол и сколько маленьких углов в большом. По веревочке маленького угла не приметишь. Для того, чтобы можно было примечать маленькие углы и делить их на самые маленькие, сделай угольник вот как. Утверди на кол круглую дощечку. На середину этой дощечки укрепи гвоздем одну <на> другую две ровные лучиночки, чтоб они ходили крутом и не выходили нигде за край доски. И все углы, какие тебе нужны, черти карандашом из середины по лучинкам, как по линейкам. Если ты будешь чертить дуром, то исчертишь всю дощечку и не доберешься толку, а чтобы вперед тебе приготовить самые маленькие углы, разведи лучинки напрямик, прочерти по ним черту, потом сведи их вместе на середину, проведи под ними другую черту.[35] Будут два большие ровные угла. Потом каждый большой угол раздели еще на два. Прочерти под ними, будет 4 угла.

И потом еще дели, сколько тебе нужно, еще и еще — <до тех пор, пока видны.>

Когда у тебя вся половинка доски будет расчерчена на маленькие ровные углы, тогда тебе не нужно будет ни другой лучинки, ни веревочки, а довольно одной лучинки, чтоб она ходила по всей половине доски, от одного угла к другому. Да нужно помнить, сколько у тебя всех углов: 10, 20, 30, 40, 100 — сколько бы ни было. С этим угольником короче и ловчее мерить. Наложишь лучинку на черточку и наведешь на один край дома, потом наведешь с того же места на другой край дома, лучинка перейдет на другую черточку. Сочти, сколько уголков прошла лучинка от одной черточки до другой. Если она прошла 10 уголков, тебе уж не нужно отходить до тех пор, пока будет только половина — 5 уголков, а ты отходи только до тех пор, пока из 10 уголков станет девять. Как убавилось на один уголок, сочти, сколько ты прошел. Сколько б ты ни прошел (100 ли шагов, три ли шага, два ли вершка), сложи 10 раз сколько ты прошел — столько будет от первого места до дома.

———

* <Угольники делают хорошие, медные. Вместо доски круг медный расчерчен на утолки, а вместо лучинки труба ходит по кругу или два столбика с волосками, чтоб по ним наводить. И весь круг делят всегда на 360 уголков, половину на 180, четверть на 90, осьмушку на 45, треть осьмушки на 15; треть трети осьмушки на 5. Так что последние уголки чуть видны, если мерить их близко к середине.>

С этими угольниками еще легче мерить с шестом не от двух краев дома

или от двух деревьев, а от одного дерева или столба или какой-нибудь вещи. Наложишь лучинку на среднюю черту там, где вся половина доски разделена пополам на два ровные угла, и наведешь лучинку на ту вещь от какой меряешь. Потом возьмешь шест и положишь его влево от себя прямо по серединной черте на доске так, чтоб шест с лучинкой лежал под тем половинным большим утлом, перенесешь угольник на другую сторону навсегда от шеста, и заметишь, какой угол влево дает лучинка от серединного. Теперь или положи другой шест такой же и иди назад, пока угол станет такой же. Или, не кладя шест, иди назад, пока угол станет вдвое меньше. Или отойди назад, пока угол станет на один уголок меньше. Если всех 6 уголков было, ты отошел на 2 шага и стало 5 уголков, то 6 раз 2 шага — 12 шагов. И еще короче можно сделать вот как. Когда положишь шест влево, наведи лучинку, заметь угол, на сколько отошла лучинка от половинного угла влево. На сколько она отошла, такой точно угол там у той вещи, если бы кто-нибудь оттуда смотрел и наводил на один конец и на другой конец шеста. В углу этом три уголка, в шесте 10 аршин. Надо только узнать, на сколько верст, сажен или шагов 10 аршин, если смотреть на оба конца, дадут угол в три уголка. Узнать это можно вот как. Сделай палочку в 10 восьмушек вершка (1 в. 1/4) и посмотри на ее оба конца через угольник. Если палочка даст меньше 3 уголков, положи ее ближе, больше, положи ее дальше.

8. [ФИЗИКА]

* ОТКУДА ВЗЯЛСЯ ОГОНЬ, КОГДА ЛЮДИ НЕ ЗНАЛИ ОГНЯ?

В одном месте ударила молонья в дерево и зажгла — стал огонь.

В другом месте люди сложили стог сена сырого, сено загорелось — стал огонь.

В третьем месте, в лесу на ветру, деревья терлись друг об друга — и загорелись. В 4-м месте железо ударилось о камень — брызнул огонь. Когда люди узнали огонь, они стали блюсти его, чтоб он не тух. А когда он тух, то они делали то же, что делали деревья в лесу. Они брали два сухие дерева, терли друг об друга, и загорался огонь; потом научились собирать трут и из камня высекали огонь. Научились сушить дерево, чтоб оно горело, научились жечь масло и сало в свечах, чтоб светило. Научились потом доставать серу и делать сернички. Потом научились доставать фосфор и делать спички. Научились доставать каменный уголь из земли, чтоб жечь вместо дров, научились делать стекла и через стекло зажигать солнцем, научились собирать электричество и им зажигать и греть, и светить. Везде стало много того, что жечь, и у каждого есть чем зажечь; <либо трутом из

кремня, либо спичкой, либо стеклом.>

Заспорили люди с солнцем и говорят: мы теперь и без солнца обойдемся: огонь и свет у нас везде есть, и мы знаем, что и как жечь. Нам солнце не нужно.

Солнце сказало: А откуда вы достали первый огонь?

— Не от тебя, а из молнии.

— А молния откуда?

— Из грозовой тучи.

— А туча откуда? — сказало солнце. — Туча была водой на земле, я разогрело воду, подняло ее паром и собрало в тучи.

Люди сказали: Да нам и не нужно молнии, мы огонь из дерева достали, терли дерево друг о друга, и стал огонь.

— А кто вырастил деревья? — сказало солнце. — Те деревья что вы жжете, были семячки и лежали на мерзлой земле, я распарило, распустило землю и потянуло к себе деревья. Без меня у вас бы не было дерева.

Люди сказали: Ну так мы из кремня взяли бы огонь.

— Кремень высушило я же, — сказало солнце, — да вы мне не поверите. Но и из кремня вы бы не взяли огня, если бы не было трута и дерева, а я их вырастило.

— Ну так мы из травы взяли огонь. Сложили сырой стог, он загорелся, мы взяли огонь.

— А кто вырастил траву? <Да и кто согрел ее в стоге.>

— Так мы негашеную известку польем водой, и станет огонь.

— А кто сделал воду? Всё я же распустило ее из льда.

— Так мы пустим электрическую искру и сделаем огонь.

— Из чего будет у вас электричество — из стекла? Так стекло в огне делается, а без меня огня бы не было. Если электричество вы сделаете из железа с медью, то тоже вам надо полить его водой, а без меня воды бы не было. Да, пожалуй, сказало солнце, я вам оставлю огонь, — чем вы без меня будете топить и светить?

— Мы будем дровами.

— Дрова все от меня, — сказало солнце. — Если б я не растило новых лесов, вы давно бы все пожгли и вам бы нечего жечь было.

— Тогда мы будем жечь уголь.

— Уголь весь от меня. Уголь земляной — это те леса, что я растило. Такие же леса, как теперешние, только их завалило землею. — Ну да, пожалуй, возьмите уголь, — чем вы будете светить? И светить вам без меня тоже нечем. Лучины у вас не будет, если я не буду растить березы; масла у вас не будет, если я не буду растить коноплю, льну, горчицы, подсолнухов.

— Мы будем жечь сало.

— А сало откуда? Из скотины. А скотина чем кормится? Травой, хлебом. Всё я ращу.

— Есть масло, нефть под землей, мы его будем выкапывать, будем делать керосин и им будем жечь и светить.

— Хорошо, — сказало солнце, — вы будете жечь уголь и светить нефтью, откуда вы возьмете силу?

Вы думаете, что у вас есть сила. У вас паровики вертят машины, бегают по рельсам, у вас мельницы на воде и на ветру работают, у вас лошади, быки возят, вы сами копаете, рубите, таскаете. Откуда все эти силы? Все от меня. Помимо меня, нет на свете силы. — Что я согрею, то и сила.

У вас работает паровик, двигает клапаны, вертит колеса и бежит по рельсам. Кто вертит его? Тепло. Не будь теплой воды, не будет силы.

* ОТЧЕГО ТЕПЛО?

Когда солнце не закрыто тучами, от него согревается и высыхает вода, смола и воск распускаются, железо, камень раскаляются, а если под солнце подставить выпуклое стекло, то от солнца загорается бумага и дерево. Это первое тепло от солнца и называется солнечное.

Если станешь тереть дерево о дерево, то дерево согревается. Если ехать на немазанной телеге, то ось согревается, если лошадь крепко заденет по камню шипом, то выскочит искра. Если сложить стог сырого сена, то оно станет оседать и согреется, и потом и загорится огнем. <Кузнецы, чтобы добыть огня, бьют молотком гвоздь и потом к нему приставляют серничек, и он загорается.> Это другое тепло от какой-нибудь силы, либо от трения, либо от удара, либо от нажима. Это тепло называется механическое.

Если в сухую, выжженную известку налить вдруг воды, то известка согреется, как кипяток, и загорится огнем. Если на раскаленное железо подуть крепко, то воздух смешается с раскаленным железом, и железо станет горячее и загорится огнем. Это третье тепло, и огонь от смеси: оттого, что вода смешалась с известкой или железо

раскаленное с воздухом. Это тепло называется химическое.

Когда молния ударяет в дерево, то дерево загорается. Не от солнца, не от трения и не от смешения, а от какой-то другой силы. Если к телеграфной проволоке приставить руку и пустить электрическую машину, то почувствуешь тепло, а если приставить порох, то он вспыхнет. И этот огонь будет не от солнца, ни от трения и не от смешения, а от какой-то другой силы. Откуда берется эта сила, никто не знает. И силу эту называют электричество.

Тепло всё одно и то же и в солнце и в огне, когда вытрешь его из дерева, и в огне, когда известка или стог горят, и в электрическом огне, когда гроза зажигает, но только показывается каждое тепло различно. Солнечное тепло издалека жжет лучами. Лучи эти вдали и вблизи одинаково греют. Солнечное тепло только тогда сильнее, когда больше лучей. Механическое тепло действует только на том месте, куда направлена сила; разогревается только то место, которое трешь. И чем крепче трешь, тем сильнее тепло. Химическое тепло действует насквозь во всех частицах тела и бывает тем сильнее, чем больше частиц смешиваются между собой. Больше воды и известки — больше тепла, меньше воды и известки — меньше тепла. Электрическое тепло действует не лучами, а искрой. Чем больше электрических искр, тем сильнее тепло.

РАСТЯЖИМОСТЬ ТЕЛ ОТ ТЕПЛА

От жара всё раздается, от холода всё сжимается.

Если винт не входит в гайку, то погреть гайку, и винт войдет. А если винт слаб, то погреть винт, и он будет туг.

А если серебряное кольцо узко на пальце и подержать палец с кольцом в теплой печи, что будет? Кольцо раздастся на пальце, но палец раздастся еще больше, и кольцо станет еще туже.

А если пробка туго загната в горлышке и нагреть горлышко, что будет? Пробка станет слаба, потому что стекло раздается от жара больше, чем пробка.

Железо с железом одинаково растягиваются и сжимаются от тепла и холода. А разные вещества разно сжимаются и растягиваются.

Серебро от тепла меньше раздается, чем тело, а стекло больше, чем пробка.

ТЕПЛО И ДВИЖЕНЬЕ

* [1 вариант]

Всё движенье на свете от тепла. Как может тепло двигать вещи? От тепла вещи раздаются. Если бы только одна вещь была на свете, и то бы она от тепла двигалась, как вода двигается, если ее кипятить снизу или греть на солнце. Но если напустить в воду много разных вещей: трухи, веток, масла, песку, бумаги, муки и других, то все эти вещи начали бы шевелиться в воде, сходиться и расходиться.

То же самое делает тепло на свете. Вещи на свете все разные. Одна скоро раздается от тепла, другая долго не поддается. Положи на солнце доски сырые, железо, воск, смолу, и посмотри через неделю. Доска погнется, толкнет железо, смола прилипнет, стечет, воск сползет.

Но если собрать жидкостей и газов под колпаком и поставить на солнце, то еще больше перемен сделается.

Всё движенье оттого, что вещи разно поддаются теплу.

Положи на солнце летом лист железа. Он раскалится так, что рукой тронуть нельзя, и не тронется с места, только чуть-чуть раздастся. А поставь чашку с водой, половина уйдет паром в небо, что ее и не найдешь, а тепла в воде почти ничего не прибавится.

На железо и на воду тепла пошло ровно, но железо не поддается солнцу, тепло так и осталось теплом, только немножко раздало его, а вода поддается теплу. Она стала паром и перешла на другое место, а тепла в ней почти ничего не прибавилось.

Но возьми и на разогретый лист железа положи воску. Воск растает и потечет по листу. Стало быть, тепло из железа перешло в воск и распустило его. Возьми, слей этот воск в стакан воды, вода станет теплее, из нее пойдет пар; поймай этот пар и положи в него кусок льду. Лед растает, станет водой. Заморозь воду, выйдет тепло в воздух, поймай теплый воздух, напусти его на лист железа, железо опять согреется.

Поймай пар, что вышел из воды, остуди его, он выпустит тепло. В тепло это положи воск, воск распустится. Остуди на железе. Железо согреется; остуди железо в воде, из воды выйдет пар. Напусти пар в чашку с водой, вода согреется.

Так тепло переходит из одной вещи в другую. Какая вещь поддается ему, оно ту двигает с места на место, как воду, воск, разбивает на маленькие части; а какая не поддается ему, в той оно остается теплом, как в железе.

Как нагреется какая вещь, так она или сама двинется, а не может двинуться, так отдает свое тепло другой вещи, и другая уже вещь двинется.

Так солнце греет и работает. Что больше греет, то меньше работает; что больше работает, то меньше греет. Но ни работа, ни тепло никогда не пропадают, и из работы всегда может сделаться тепло, а из тепла — работа.

Раскалится песок в пустыне. Как, кажется, ему сделаться работой? А смотришь — реже станет воздух, потянет холодный воздух, и пойдет работать ветер — понесет тучи.

Носится ветер; как ему стать теплом? Выстроил человек мельницы. Завертел ветер крылья, загорелись жернова.

Кочегар топит паровик. Задвигали поршни, завертелись колеса, стала работа. Как ей стать теплом? Не мажь колеса, да пусти по новым рельсам, огнем загорятся оси колес и рельсы.

Печет солнце на воздухе летом в лесу. Нет тепла, всё прохлада. Куда делось тепло? Оно делает работу, строит деревья. Как сделать теплом эту работу? Зажечь дерево, и всё тепло, что в сто лет набрало дерево — выйдет огнем.

Ест лошадь овес — работа. Как же ее сделать теплом? Запри двери, она надышит — только кормом.

ТЕПЛО И ДВИЖЕНЬЕ

* [2 вариант]

Всё движение на свете от тепла. Если бы только одна вещь была на свете, и то бы: она от тепла двигалась, как вода двигается, если ее кипятить снизу или греть на солнце.

Но вещи на свете все разные. Одна скоро раздается от тепла, другая долго не подается. Положи на солнце доски сырые, железо, смолу и посмотри через неделю, что будет. Доска погнется, толкнет железо, смола распустится, прилипнет. И все вещи эти будут лежать уже не так, как ты их положил.

Но если собрать жидкостей и газов под колпаком и поставить на солнце, то еще больше перемен сделается. Всё движенье оттого, что вещи разно поддаются теплу.

Положи на солнце летом железный лист. Он раскалится так, что рукой тронуть нельзя, но не тронется с места.

На разогретый лист железа положи воску. Воск растает и потечет по листу, а железо остынет. Стало быть, тепло из железа перешло в воск и распустило и двинуло его. Тепло в железе сделало работу —

распустило воск, и когда сделало работу, то железо остыло.

Как нагреется какая вещь, так она или сама двинется, а не может двинуться, так отдает свое тепло другой вещи, и другая уже вещь двинется.

Теперь другое: как только какая-нибудь вещь двигается, то если ей помешает что-нибудь двигаться, то вместо движенья сделается опять тепло. —

Течет река. Это движенье. Поставит человек мельницу. Колеса не пускают прямо воду, останавливают движенье. Начнут колеса вертеться, загорятся шипы и жернова.

А не мажь шипы да пусти их вертеться по дереву, и дерево загорится огнем.

Из движенья станет тепло.

Брось кусок железа на наковальню. Наковальня помешала железу лететь вниз. Пощупай железо и наковальню — обе стали теплые.

Высохнут деревья, станут ветром качаться, станут тереться друг об друга. Деревья мешают друг дружке двигаться. Будут тереться и загорятся.

Если рассмотреть хорошенько, то увидишь, что из всякого тепла делается движенье, а из всякого движенья делается тепло; так что ни тепло, ни движенье не пропадают, а из тепла делается движенье, а из движенья опять тепло, а из тепла опять движенье, и так без конца.

Печет солнце на голую степь и раскалит воздух и землю. Как, кажется, этому теплу сделаться движеньем; а смотришь — реже станет над степью жаркий воздух. Потянет на его место чистый холодный воздух, и станет движенье — ветер.

Как, кажется, из этого ветра сделать опять тепло. А смотришь — дует ветер на мельницу. Крылья вертятся, шипы и жернова согрелись. Хоть малая часть движенья стала теплом. А остальной ветер в другом месте другим порядком, а станет теплом. Кипит вода. Как, кажется, этому теплу сделаться движеньем. А поймал человек пар, запер его в паровик и стал им совать поршни и вертеть колеса — стало движенье. Бежит машина. Как этому движенью стать теплом. А пощупай колеса, рельсы — они горят. Уже часть движенья перешла в тепло.

Греет солнце лес. Тепла нет. В лесу прохлада. Куда же девается это тепло? Тепло идет на движенье, только что движенье нам не очень приметно. Движенье то, что деревья растут.

Как сделать теплом это движенье? Зажечь дерево, и всё тепло, что в сто лет набрано деревом движеньем — ростом, — выйдет теплом. —

Греет солнце луга и растит траву. Тепла нет, а есть движенье — трава растет. Как сделать это движенье опять теплом? Положи траву в кучу,

она загорится.

Грело, грело солнце поля, сделало движенье — вырастило хлеб. Как это[му] движенью сделаться теплом? Человек съел этот хлеб, и кровь согрелась в нем.

Человек стал работать, и стало опять движенье.

9. [ХИМИЯ]

* КАК ВЕЩЕСТВА СОЕДИНЯЮТСЯ

Газы редко бывают на свете чистые сами по себе, а почти всегда соединяются с другими веществами. Всегда водород смешан с кислородом, или углерод с кислородом, или кислород с железом или с медью, с кремнем и с разными другими веществами. Когда вещества крепкие или газы смешаны между собой, то трудно разобрать, из чего они соединены, потому что они не смешиваются так, чтобы был кусок кислороду, кусок железа, а они смешиваются такими мелкими частичками, что нельзя найти ни одной самой маленькой частички прежнего вещества, а делается новое вещество.

<Когда два вещества смешиваются так, что можно разобрать хоть в увеличительное стекло самые маленькие частички веществ смеси, то это называется механическое соединение, но когда нельзя отыскать прежних частиц, и всё вещество делается другое и на вид, и на запах, и на вкус, тогда это называется химическое соединение. Если сметать вместе самый мелкий синий порошок с самым мелким желтым порошком, то сделается зеленый порошок. На вид порошок изменится; но на запах, на вкус, на ощупь он будет такой же. И если рассмотреть его в стекло увеличительное, то будут видны синие и желтые крупинки. Но если железо заржавеет, т. е. смешается кислород с железом, то ржавчина и на вид, и на запах, и на ощупь, и на вкус будет совсем не такая, как железо и кислород, и в какое увеличительное стекло ни смотри, не увидишь частиц кислорода и железа. Это химическое соединение.>

Если взять кислороду и водороду и смешать, а потом зажечь эту смесь, сейчас водород загорится, заберет в себя, сколько ему нужно, кислороду, вся смесь сделается мокрая и из пара станет вода, и в воде этой не найдешь уж ни одной частицы ни кислорода, ни водорода.

Есть металл содиум и газ хлорин. Если съесть кусочек содиума, то умрешь — это яд. Если подышать хлорином, то тоже умрешь, как от яда. Если свести вместе эти два вещества, то вспыхнет огонь, треснет, как из ружья, и сделается осадок. Если остудить этот осадок, то осадок —

это будет соль. Та самая соль, которую едят с хлебом.

10. [МИНЕРАЛОГИЯ]

* АЛМАЗ

<Золото дороже всего на свете — железа, меди и серебра. Оно дороже всего потому, что оно крепче железа, меди и серебра. Из золота можно сделать проволоку такую тонкую, как нитку. И на этой проволоке можно поднять человека.>

Из всех камней самый дорогой алмаз. Алмаз крепче всего на свете. Алмазом можно резать всякий другой камень. А никакой другой камень не может резать алмаза. Алмаз дорог еще потому, что никакой камень и никакое стекло не блестит так, как алмаз. —

А еще алмазы дороги потому, что их очень мало. Самый маленький алмаз стоит три рубля. Стекольщики покупают такие, чтобы резать стекла. Алмаз с горошину величиной уже стоит в 100 раз больше. Но алмаз с орех стоит дороже большого дома — сто тысяч рублей <и больше. Таких больших алмазов есть только четыре во всем свете. Один в России, другой во Франции, третий в Италии, четвертый во Франции.>

Алмазы находят в земле. Они лежат маленькими камушками в красной глине. Когда находят алмаз в земле, он не блестит. Но когда узнают, что это алмаз, тогда его очищают, и тогда он начинает блестеть. Алмазы чистят другими алмазами.

11. [ТЕХНОЛОГИЯ И МЕХАНИКА]

* <КАК СТРОЯТ МЕЛЬНИЦЫ НА ВОДЕ

Мельницы можно строить только на текучей воде — на ручье или на реке. Надо загородить реку так, чтобы воде некуда было течь. Загородить воды можно сто>

* <КАК ДЕЛАЮТ КОЛЕСА

Срубят большой дуб. Отпилят от дуба ровный вырезок без сучьев и длиною в сажень. Потом расколят этот дуб на несколько длинных полос. Потом возьмут эти полосы и положат их в жаркую баню, которая называется парница. Потом, когда дубовые полосы распарятся, тогда их гнут. Сделают круг из дерева, как круглый пирог. В боку этого круга утвердят пробой. В пробой всунут полосу, и три мужика гнут ее. Загнут и привяжут>

* <КАК ДЕЛАЮТ ВОДКУ

Возьмут муки, затрут и сметают ее с горячей водою, чтобы сделалась густая каша. Потом остудят этот затор и перельют его в большую кадку так, чтобы кадка была не полна — ниже половины. Потом в этот затор положат дрожжи. (Дрожжи делают из хмеля.) Потом вольют воды и ждут, пока затор не поднимется большими пузырями. Когда затор станет бродить и поднимется вровень с кадкой, тогда переливают его в медную посуду. Потом начинают кипятить затор в медной посуде. А на посуде сделан большой медный колпак. А на колпак льется холодная вода. Как затор закипит, станет из него подниматься пар, пар этот под колпаком остужается и стекает водкой в кран, а из крана в посуду.>

** <КАК СДЕЛАТЬ ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Надо взять две бутылки или склянки. И горлышки бутылок залепить воском или сургучом так, чтобы оставалась маленькая дырочка. И в одну из них насыпать мелкого песку. Песок прежде этого надо просеять сквозь сито, так чтобы в нем не было ни одного камушка. Потом поставить пустую бутылку на ту, которая насыпана песком, так, чтобы горлышко было на горлышке. Потом связать обе бутылки вместе. Потом перевернуть бутылки так, чтобы пустая была внизу, а насыпанная песком наверху. Потом смотреть на часы, и когда пройдет полчаса, заметить, сколько песку насыпется в пустой бутылке, и заметить краской черточку на стекле, по каких пор будет песок. Потом опять через полчаса заметить краской две черточки, и так до тех пор, пока высыпется весь песок. Потом перевернуть опять бутылки и на другой заметить то же. Тогда часы готовы, и всегда можно знать по черточке, сколько прошло времени.>

* [ОТВЕТ КРИТИКАМ, ПИСАВШИМ ОБ «АЗБУКЕ»]

1 ноября 1872 года изданы мною 4 книги для учащихся, под заглавием: Азбука. <Цель книги есть обучение грамоте, правильному чтению и письму по-русски, чтению с пониманием по-славянски и счислению — арифметике. Книги назначены для учащихся всех сословий и возрастов.> Я был так твердо уверен в том, что эти книги отвечают настоятельнейшей необходимости русского народа, что не счел нужным предпосылать книге какие бы то ни было объяснения о значении книги[36] и рассуждения о полезности ее и о том,[37] почему и из чего она составлена, так же как бы <не> считает нужным хлебник, предлагая хлеб голодным людям, объяснять то, что хлеб надо есть, кладя его в рот, и что хлеб замешен из муки, затем пропечен в печи и т. п.

Но я ошибся, забыв, что успех книг для учащихся не зависит, как успех книг для обученных, от добро́ты[38] книги, но от того еще — дадут или не дадут книгу для учащихся в руки учащимся; и в продолжение 3-х месяцев, прошедших со дня выхода книги, я убедился, что учащие не хотят дать моей книги учащимся.

В газетах и журналах я нашел 3 враждебные отзыва о моей книге и <совершенное равнодушие в публике, т. е. что книга совершенно не покупается>. И на письмо мое к министру нар. просв, я, противно самым элементарным правилам учтивости, не получил даже ответа.

В газетах и журналах какие-то неизвестные мне (неизвестные по педагогике и литературе) господа в два почерка пера обработали, <как говорят,> мою книгу, очевидно пробежав только книгу, которая стоила мне годов труда и теоретического и практического изучения и изучения, выбора, переделки и приготовления матерьяла. Останавливаться серьезно на этих отзывах нельзя, несмотря на то, что, признаюсь откровенно, они возмущали меня. Довольно сказать, что эти господа <с плеча> осуждают книгу, ни при одном осуждении не указывая, почему они осуждают ее, и осуждая за то, чего в ней нет, или доказывая свое осуждение так, что ничего не понимаешь. Довольно сказать, что один из них, говоря о моей методе обучения чтению, выписывает мои слова, что ученик после 10 повторенных складов на слух сам начинает складывать, и спрашивает: каким это чудом? Тогда как справедливость моих слов основана на 14-летнем опыте, и первый опыт над учеником может подтвердить это. Другой говорит, что я возвраща[юсь] к методе зазубрения складов, и тоже выписывает мои слова, что м[ожет] ученик выучить все буквы в один урок, и ставит знаки восклицания, тогда как больше половины сотен детей, которых я сам выучил грамоте, в один урок выучивали все буквы.

Потом один из них приводит басню Езопа, слово в слово переведенную мною с греческого, — как образец бессмыслицы; потом говорит, что я

показал свое невежество в славянском языке теми упражнениями в этом языке, которые я поместил, — не показывая, в чем это невежество, тогда как я знаю, что особенно занимался этим отделом и воспользовался всеми указаниями, которые мне могли дать лучшие авторитеты науки. Потом говорит, что всё написано языком тульско-калужского наречия, т. е. дурным языком, и в пример того выставляет слова: водить червей. Почему неизвестный господин полагает, что он более имеет <вкуса и> знания и искусства владения русским языком, чем я, он не доказывает, и как надо выразить по-русски: водить червей или пчел или овец, он не говорит. —

Другой критик, в особенности, вероятно, слышав и полюбив слова о том, что в детских книгах нехороша мораль, всё время упрекает меня в кисло-сладенькой самодельной морали, тогда как очевидно, что самое резкое отличие моей книги от всех других состоит в том, что морали никакой нельзя найти в моей книге. Это до такой степени справедливо, что, переводя басни Езопа, я, хотя и [с] сожалением, выпустил все заканчивающие поучения. Этот же критик говорит, что все знаки препинания поставлены огульно ошибочно. Но почему — не говорит. Читаешь и не веришь своим глазам. Неужели в книге, стоившей мне 14 лет работы и тысячи рублей денег, я не мог справиться у гимназиста о том, как ставятся знаки препинания. Но журналистов[39] ничто не останавливает. Выписаны: Маленькая собачка кусалась, но не могла и прогрызть сапога. Бодливой корове бог рог не дает. Потом: Ученику дали книгу. Он сказал: трудно, дали другую, он сказал: скучно. Дали бабе холст, говорит: толст. Дали потоне, говорит: дай боле.

И журналист пишет: Есть ли возможность соединить рассказ с пословицей? Этот же журналист советует мне вместо бессмысленных, по его мнению, выдержек из Геродота поместить выдержки из какого-то Решетникова и Марко Вовчка. И так всё. 3-й журналист добродушно поучает меня о том, что летопись есть язык арийский, а Библия семитический, и что я могу спросить у кого хочу, что это правда, и что поэтому лучше, [чтобы] прежде была Библия, а потом летопись. И смешно и досадно. Почему, желал бы я знать, полагает этот журналист, что он один, как древний астролог, владеет премудрым знанием о семитическом, арийском и что я могу справиться, почему не предполагает он, что вся его премудрость мне давно известна, но что вопрос о том, что печатать прежде и после, решен мною на других основаниях, которые может поверить каждый учитель, заставив читать и переводить летопись и Библию и заметив, что легче.

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

Рисунки Толстого на обороте листа первого плана «Азбуки».

АЗБУКА

ПЛАНЫ И НАБРОСКИ

* № 1 (рук. № 2).

2) Ишь — знает, где коньки, <если за пазуху лезет.> Иди по лавке-то.

4) Всю упряжку лежал, ждал, как домой поедут с пахоты. Едет, боится.

3—6) Смотри же, не упусти в овес. Знаю. Распутал и стал в пыжи играть.

4—8) Пашет. Ну вылез[ай.] Не занесет соху.

6—10) На ледянке катается.

7—12) По грибы ходит. Сено гребет с матерью.

8—14) Дрова рубит.

9—15) ..... учиться писать.

16) Хлеб возит.

18) Книжку читает.

10—20) Косу отбивает.

12—21) Лес рубит.

22) Телегу ладит.

13—23) В извоз.

24) Сын родился.

25) Сходится в артель.

14—26) Деньги отцу приносит.

15–27) Отца хоронит.

28) На сходку идет.

16–29) Помогает в нужде.

30) Мирское дело правит.

17–31) Праздник справляет.

19–32) Избу ставит.

18–33) Сына женит.

20–34) Странника принимает.

35) Гумно оправляет.

36) Детей учит.

21–37) Пчел сажает.

22–38) Сватьев угощает.

23–39) Мирит мужиков.

24–40) Книжку читает, душу спасает.

25– – Последний час.

∗ № 2 (рук. № 3)

[НАБРОСКИ ТЕМ СТАТЕЙ И РАССКАЗОВ

ДЛЯ «АЗБУКИ»]

I

1. Собака обманывает Бульку.

2. Как Бульку чуть не убили.

3. Несчастный в Сибири.

4. Старик, репейник, рыба, червяк, лозина, ворон, собака и лягушка.

5. Шелковичный червь. Как я выводил.

6. Смерть Самозванца из Костомарова.

7. Как я ездил на кумыс.

8. Буран, рассказ М. И.

9. Охота за волками с поросенком.

10. Охота на сиденке на пчельнике.

11. Охота у башкирцев.

Как мужик ушел из плена.

12. Соковник как уходил из плена.

13. Мятель — в Пирогово ехали.

14. Как сома поймали.

15. Киргиз ловит лошадь.

<Как мать ходила за дочерью.>

<Собака обманывает.>

16. Восход солнца в степи летом.

17. Захожденье солнца весной в лесу.

18. Медведи на овсе. Мать и ланчук.

19. Утки на озере, подполз.

20. Троицын день — церковь.

21. Жнитво: всё зреет. Ушли —

22. Постель — радость — сон.

23. Старый сердитый. Старый веселый.

24. Добрая притворщица. Горячая веселая.

25. Солдаткино житье.

26. Ложкой кормит, стеблем глаз колит.

27. Звезды чаще и чаще.

<Галкар. —>

28. Как француза топили и спас.

29. Фигнер.

30. Пластуны в Севастополе (след заячий).

31. Мазепа.

32. Самозванец.

33. Ермак.

34. Пугачев.

35. Суворов.

36. Меньшиков.

37.[40] Петр и Балакирев.

38. Нахимов и .... Черн.

39. Сова и заяц.

40. Вор дома жалок.

41. Скифы из Плутарха.

42. Крез и сын.

43. Солон.

44. Кир — воспитанье.

45. Астиаг.

46. Волк бешеный и мужик.

47. Скворцы у Руса.

<Отчего дождь.>

48. Бессонная ночь на дворе.

49. Сиденка на кабана.

50. Как ловят лисенят и делят,

51. <Лапы у> человека, курицы, лошади.

52. Пиголица[?] караульщик.

53. След как очки.

55. Артезьянский колодезь.

56. Водородный баллон.

57. Беглый солдат.

58. Благодарность.

59. 399. 101 jours.[41]

60. 306.

61. 410, la petite corneille.[42]

62. La souris prodigue.[43]

63. 432.

64. 101 jours 406

65. — — — — — — — 469. Le prince et son écuyer.[44]

66. — — — — — — — 480

67. — — — — — — — 509. Le chat et le rat.[45]

68. — — — — — — — 511. Le perroquet.[46]

69. Avadânas — le flatteur maladroit.[47]

70. 512. Le paysanne et sa fille.[48]

71. 546. Le fils du roi.[49]

72. Кулибин.

73. Ломоносов.

74. Разрыв-трава.

75. Как стянули дом.

76. Как выстрелит соль.

77. Соль — кристаллы.

78. Ловля кита.

79. Аэронавт.

80. Пугачев разорил помещиков.

Девочку одели в сарафан.

81. Семя березы, борьба с человеком.

82. Лозина — жгут.

83. Физическ.

84. Разница — лед, пар и вода.

85. Передача тепла.

86. Как паром топят.

87. Кольцо и рука. Отчего не оба вместе расширяются

Башмаки и ноги.

89. Лозина и огонь.

90. Свободное семя березы, репья, одуванчика.

Филипп Митрош[ин].

Стерлядь затоптал.

Как докопался серебра.

Как Коперник догадался, что земля вертится.

Как в Старом Юрте лошадей отбили.

Кавказ.

Как ходила мать за дочерью и дочь за матерью.

Нахимов и .... Черноморский флот, обоих убили.

Как дом строят.

— поле пашут.

— — убирают.

Любят за то, что делают.

Лапы у человека, курицы, лошади.

Крысы хвостом. волков рвет.

Проехал — спугнул.

Возвращенье старика из Сибири.

Как на пароходе вора поймали.

Евангелие Матфея.

Глава V. XXVI.

XX, 1 до 17

XIX, 13–30.

XXIII, –вся.

II

1) Жилет. Губон

2) Суворов. Ермак.

3) Меншиков. Пугачев – история девочки.

4) 1612

5) 1812

6) Насыщение атмосферы водяными парами.

7) Растение и человек выдыхают друг другу.

8) Казак беглый.

9) На кумыс с братом.

10) Башкиры.

11) Села, пашня.

12) Богачи купцы.

13) Табуны, жеребцы.

14) Охота за волками.

15) Зимой стерегут.

16) Дорога в Ташкент, рассказ приехавшего.

17) Из Сибири старики. Иркутская губерния.

18) Пенза по Суре.

Огонь отчего.

Малый огонь – тепло.

Обман чувств.

Отчего в темноте видим.

Солнце и луна больши[е][?]

Обман слуха.

Обман чутья.

Обман ощупи.

Геродот.

Солнце — работа. — Зима и лето.

Орешник, цвет.

Свободное семя.

Как смерять расстояние.[50]

III

Астрономия — что видно на небе по ночам и что днем и что из колодца. И как это объяснить, не принимая вращения земли. Ряд статей.

Геология — что видно в колодцах под землею. Пласты, животные, растения.

Минералогия — копи железные, угольные, медные.

Плавка.

Ботаника — отчего завязь.

Как родится растенье.

Зоология. Всё живое, границы жизни, лестница, насекомые. Разница времени. Пиявка переваривает 4 года. Жук линяет 4 года. Гидра. Инфузории.

Физика — тепло, свет. Сила.

Механика. Мельница. Паровая машина.

Химия. Разные соединения. Факты математические.

Геометрия.

Технология.

Бумага, освещенье.

Кожи.

Стекло.

Фарфор.

Булавки, иголки.

Литье колокола.

Паровая машина.

IV

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Гора похожа на колена человека.

Восход. Заря. Красный дым — степь мрачная серо-зеленая. Луна не светит. Оглянулся. Откуда что взялось.

———

МЕДВЕДЬ

Старик рассказ., как дрался медведь.

ВИХОРЬ

доски две, дальше, ближе солнце.

Отчего больно ушам.

Ощупь — твердое,

вкус — жидкое.

запах — газообразное.

Слух

движение.

Зрение

*№ 3 (рук. № 7).

ОГЛАВЛЕНИЕ КН. I

1. – – – – – – – – – Для учителя.

2. – – – – – – – – – Азбука А.

3 – – – – – – – – – Азбука с картинками.

4. – – – – – – – – – Склады.

5. Упражнения в соединении складов.

6. – – – Вставление шрифта и скоропись и речения – произн[ошение], как пишут.

7. Упражнение произношения.

<8. Упражнения. Басни 8.>

<9.> 8. Знаки препинания, басни. 8.

10. Знаки препинания. История 2.

11. Предлоги, басни 5.

12. Истории 5.

IV

13. Липунюшка.

14. Мужик и огурцы.

15. Как застала гроза.

16. Слепой и глухой.

17. Как меня не взяли в город.

18. Море.

19. Слон.

20. Китайская царевна.

21. Бухарский шелк.

22. Пожарные собаки.

23. Эскимосы.

24. Починка дома.

25. – – – – – – – – – От скорости сила.

26. – – – – – – – – – Куда вода из моря.

27. Дурень.

28. Святогор богатырь.

Славянское.

29. Летопись.

30. О Филагрие Мнихе.

31. О Мурине Дровосечце.

32. Бытия I глава с переводом.

33. Матвея гл. 22 с 34 по 41.

34. Житие Давида.

35. Молитвы. Отче. Верую. Заповеди. Богородица

Помилуй мя, боже, – без перевода.

36. Счет.

АЗБУКА

ВАРИАНТЫ

ПЕРВАЯ КНИГА

∗ № 1 (рук № 4)

[«Была одна сильная злая собака...»]

Была одна большая, сильная собака. Вышла к ней собачка не больше крысы и стала на нее злиться. Большая собака только ее понюхала и отошла прочь.

∗ № 2 (рук № 4)

[«Мышь вскочила в узкий кувшин...»]

Мышь вскочила в кувшин, а назад выскочить не может. Правду мне, думает, старая сказала, что въезд легок, а выезд труден.

∗ № 3 (рук № 4)

[«Два рыбака тянули невод...»]

РЫБАКИ

(Басня)

Четыре рыбака тянули невод. Когда стало тяжело, они все стали учить друг друга, как надобно тянуть невод, а ни один не тянул за веревку, и невод унесло теченьем, и не было ни рыбы, ни невода.

∗ № 4 (рук № 4)

[МУРАВЕЙ И ГОЛУБКА]

<МУРАВЕЙ И ГОЛУБЬ

Муравей захотел напиться в ручье. Волна подхватила его и потопила. Голубь нес ветку в гнездо. Он увидал муравья и бросил ему ветку в воду. Муравей влез на ветку и спасся.

После этого охотник, расставив сети, захотел захлопнуть их над голубем. Муравей увидал это и укусил охотника в ногу. Охотник от боли уронил сети, и голубь улетел.>

Черновая рукопись басни «Лягушка и Лев», рассказа без заглавия («Летним днем...») и начала сказки «Царь и Сокол».

* № 5 (рук № 4)

[ОСЕЛ И ЛОШАДЬ]

У одного человека был конь и осел. Шли они по дороге. Осел сказал коню: Возьми что-нибудь из моей ноши, если хочешь, чтоб я цел остался. Конь не послушался. Осел упал от натуги и[51] умер. Когда хозяин наложил всё с осла на коня да еще и шкуру ослиную, конь заревел и со слезами заголосил: Ох, ох мне горькому! Что приключилось мне несчастному! Не хотел я малую часть его ноши взять, теперь вот всё тащу да еще и шкуру.

** № 6 (рук № 4)

[ЛЯГУШКА И ЛЕВ]

<Лев, услыхав громкое кваканье лягушки, подумал, что это большой зверь, и стал смотреть в болото. Когда лягушка вышла из воды, Лев раздавил ее и сказал: смотреть не на что, а я испугался.>

ЛЕВ И ЛЯГУШКА

Лев услыхал — лягушка громко квакает, и подумал: видно, большой зверь так крепко кричит. Погодя немного, вышла лягушка из болота. Лев увидал ее, раздавил и сказал: глядеть не на что, а я испугался.

* № 7 (рук № 4)

КАК Я ДЕДУШКЕ НАШЕЛ ПЧЕЛИНЫХ МАТОК

<Когда я был маленькой, дедушка всегда мне давал меду, когда я приходил к нему на пчельник. Один раз я вечером пришел к нему. В избушке его не, было. Когда я вошел в ограду, я увидал, что он лежит

подле улья и что[-то] слушает. Я подошел к нему и услыхал, что в улье кто-то пищит. Я спросил: что это такое? Он мне сказал: Это молодые матки кричат. Я спросил: что ж, это хорошо? Он сказал: Хорошо, завтра роиться будут, и дал мне большой кусок меда. Я съел мед и обмазал себе и щеки [и] руки. Мать увидала меня и сказала: опять у деда был.>

РАССКАЗ. КАК Я УСЛЫХАЛ ПЧЕЛИНЫХ МАТОК

Мой дедушка летом жил на пчельнике. И он всегда давал мне меду, когда я прихаживал к нему. Один раз я вечером пришел на пчельник и стал ходить промеж ульев. В одном улье я услыхал, что что-то кудахчет, как курица, только тонким голосом. Я пришел к деду в избушку и рассказал ему. Он пошел со мной и сам послушал. В улье всё что-то кудахтало. Дедушка был глух и не слышал. Я сказал ему, как кричит в улье, и он обрадовался и сказал, что молодые матки вывелись, кричат, завтра они[52] вылетать будут. И дедушка дал мне большой кусок меду. Я съел его и обмазал себе щеки и руки. А когда я пришел домой, мать сказала: Опять тебя баловник дед медом кормил. А я сказал: он за то мне дал меду, что ему нашел улей, где молодые матки кричат. <Они завтра вылетать будут. –>

∗ № 8 (рук № 4)

КАК Я ПЕРЕСТАЛ БОЯТЬСЯ СЛЕПЫХ НИЩИХ

Когда я был маленький, меня пугали слепыми нищими. И я боялся их. Один раз я пришел домой с поля, а на крыльце сидели два слепые нищие. Они были без шапок, с сумами через плечи и с длинными палками. Один из них[53] услыхал меня и поднял голову. Глаза у него были белые, как молоко. Я не знал, что мне делать. Я боялся бежать назад. Я думал, что он схватит меня. И я боялся пройти в дом мимо его. Вдруг он поднялся, взял меня за руку и сказал: Паренек, что же милостиньку. Я вырвался от него и прибежал к матери. Она выслала со мной денег и хлеба нищим. Когда я им дал хлеб, они <обрадовались,> стали креститься и есть. Потом нищий с белыми глазами сказал: Спаси тебя бог, паренек. Хлеб твой хороший. И он опять взял меня за руку и ощупал ее. Мне его стало жалко, и с тех пор я перестал бояться нищих.

∗ № 9 (рук № 4)

[КИТАЙСКАЯ ЦАРИЦА СИЛИНЧИ]

У китайского императора Геангти была любимая жена Силингчи. Император хотел, чтобы его народ помнил бы его любимую царицу. Он показал царице шелковичного червяка и научил ее, как кормить червяка и как из его паутины делать, мотать шелк.

Императрица Силингчи велела набрать червей и листа с тутового дерева и сама выкормила червей, размотала шелк и весь народ свой научила этому.

∗ № 10 (рук № 4)

[ОТ СКОРОСТИ СИЛА]

Один раз машина ехала очень скоро по железной дороге. Вдруг машинист впереди себя на переезде увидал телегу. Мужик гнал лошадь через дорогу, но лошадь испугалась и заупрямилась. Машинист видел, что он не может остановить машины и что если он поедет тише, то удар об телегу будет так силен, что машина может разбиться и могут быть убиты проезжающие.

Тогда он пустил машину еще скорее. Мужик отбежал от телеги. А машина так шибко разбежалась, что, как щепку, сбросила с дороги телегу и лошадь, и никто из проезжающих не слыхал толчка.

∗ № 11 (рук № 6)

[СВЯТОГОР БОГАТЫРЬ]

[1 вариант]

Захотелось Святогору

По чисту полю гуляти,

Заседлал коня, поехал

Во раздолье чисто поле.

Никого-то в чистом поле

Святогорушка не встретил,

Чтоб померять было силу,

Свою силу молодецку.

А сам чует, как по жилам

Сила живчиком гуляет.

Как тяжелое как бремя,

Грузно силу ту носити.

Святогор и похвалился:

Кабы тягу мне наехать

От земли, я бы всю землю

Кверху ту приподнял руками.

И наехал в чистом поле —

Лежит сумка переметна.

Святогор с коня потрогал

Погонялкой эту сумку, —

Не сворохнется та сумка.

Святогор перстом подынул —

И не скрянется та сумка.

Зацепил ее рукою —

Не поднимется, не дрогнет.

Со добра коня слезает

Святогор, к суме подходит,

И обеими руками

Сам хватается за сумку,

От земли приподнимает

Не высоко — по колена,

По колена ж сам увязнул.

Где угряз, там и остался.

[2 вариант]

СВЯТОГОР

Снаряжался свет Святогор гулять,
Заседлал коня своево доброго
И выезживал во чисто поле.
Никого-то он во чистом поле
Не наеизживал, с кем помериться
Своей силою богатырскою.
А по жилочкам сила живчиком
Перливается, грузно с силой той,
От тяжелого как от бремени,
И промолвил свет похваляючись:
Кабы тяги мне от земли найти,
Я бы выворотил мать сыру землю.
И наехал он в степи сумочку.
Лежит сумочка переметненька,
Переметненька, немудрененька.
Погонялочкой тронул сумочку –
Не сворохнется, не шелохнется.
Святогор перстом двинул сумочку –
Не сворохнется и не скрянется.
Святогор с коня ухватил рукой, –
Лежит сумочка, не сворохнется,
Не поднимется и не скрянется.
«Сколько по свету я ни езживал,
Чуда этакого не наеизживал,

Дива дивного я не видывал:

Лежит сумочка переметненька,

Переметненька, немудрененька,

Не шелохнется, не сворохнется

И не скрянется, не поднимется».

И слезал с коня свово доброго,

Ухватил руками он обеими

И поднял суму ниже пояса,

По колено ж сам Святогор угряз

В мать сыру землю, выдираться стал,

Не мог выдраться. По белу лицу

Не слеза пошла, а черная кровь.

Испровещится сумка маленька,

Она голосом человеческим:

«Что ж хвалился ты, богатырь могуч,

Землю выворотить. От земли нашел

Тягу в сумочке переметненькой.

Не поднял ее, только сам угряз».

Святогору тут и конец пришел.

[3 вариант]

СВЯТОГОР

Снаряжался Святогор гулять в чистóй[54] поле,

Он оседлывал, обнуздывал добра коня,

Выезжал во чисто поле, во раздольице,

Не наезживал он в поле супротивничка,

С кем бы силой богатырскою помериться.

А по жилкам, чует, силушка похаживает,

Чует — живчиком по жилкам пер’ливается.[55]

Святогору грузно с силы, как от бремени.

Взговорит тут Святогор свет похваляючись:

Захватить было б за что, и землю поднил бы.

И завидел Святогор в поле прохожего,

Ко прохожему поехал по чисту полю,

И не может Святогор догнать прохожего,

Во всю прыть едет — прохожий передом идет.

Взговорит тут Святогор да таково слово:

Гой, прохожий, подожди ты не сомножечко,

Не могу догнать тебя я на добром коне.

Постоял прохожий, скидывал с плеч сумочку,

Клал ту сумочку прохожий на сыру землю.

Святогор суму взял плеточкой пощупывал, —

Эта сумочка от земли и не тронется.

Святогор перстом с коня взял двинул сумочку,—

Эта сумка от земли и не скрянется.

Святогор за сумочку схватил с коня рукой, —

Не сворохнется сумочка, не поднимется.

Тут слезал с коня Святогор, подходил к суме,

Он двуми руками ухватилси за сумочку,

Стал вздымать эту сумочку во всю силушку,

Приподнял — только под суму кому бы дух

пустить,

По колена ж Святогор в сыру землю угряз.

Взговорит тут Святогор ко прохожему:

Что, прохожий, в суме у тебя наложено?

Силы много во мне, а не мог ту суму поднять.

А там в сумочке тяга лежит от сырой земли.

Взговорит тут Святогор ко прохожему:

А кто ты сам есть и как звать по имени?

А я есмь Микула, Микула Селининович.

* № 12 (рук № 10)

НЕСТОРОВА ЛЕТОПИСЬ

Повесть о том, кто первый начал княжить в Киеве, и откуда взялся народ русский.

После потопа первые сыновья Ноя: Сим, Хам и Яфет, кинув жеребий, разделили землю и положили каждому не выходить в жеребий братнин, живя каждому в своей части. И достался восток Симу, полдень Хаму и запад и север Яфету.

———

Размножившись, люди вздумали построить столб до неба и около него город Вавилон. И строили люди столб сорок лет и не кончили. И господь, увидав столб, ветром большим разрушил столб, но остатки его есть и теперь между Ассиром и Вавилоном. Ив высоту и в долготу столб этот мерою 5433 локтя. И остаток цел после многих лет.

———

Разрушив столб, бог смешал языки людей и разделил их по 70 и 2 языка и рассеял их по всей земле. От этих 70-ти и 2-х языков произошел язык славянский Яфетова племени — они же славяне.

———

В давние времена славяне жили по реке Дунаю, там, где теперь земля Болгарская и Венгерская.

Болгаре и хазары воевали славян на Дунае. И после хазар пришли угры белые и поселились на Дунае.

———

И в то же время были обри. Обри сильно воевали народ славянский и мучали его. Обри мучали женщин славянских. Когда обрину надо было ехать, то он не позволял запречь лошадь или вола, а запрягал 3-х, 4-х или 5-ть жен славянских в телегу и на них ехал.

Обри были велики телом и горды умом, и бог истребил их всех, и не остался ни один обрин.

———

Есть поговорка и теперь: «Пропал, как обрин». Потому что не осталось у них ни племени, ни наследства.

После обринов пришли печенеги, после черные угры и также воевали с славянами.

———

Славяне разошлись на север и восток и, разойдясь, поселились по озерам и рекам по всей земле. Какие пришли на реку Мораву, назвались морава; какие сели по морю, назвались поморяне; какие сели на полях, назвались поляне; какие сели по речке Полоте, назвались полочане; какие сели меж деревьев, в лесах, назвались древляне; какие на Буге – бужане. Какие поселились на севере – назвались север. А еще славяне поселились около озера Ильменя, и назвались своим именем.

Славяне и построили город и назвали его Новгород. <А еще были славяне, которые поселились по Днепру и назвались поляне, оттого, что прежде жили в полях.>

———

И еще много народов разных Яфетова племени, называясь каждый своим именем, жили особо: на севере и западе – дреговичи, кривичи, весь, меря, мурома, черемиса, мордва, печера, литва, ямь, земигола, корсь, норова, либь.

Одни из этих народов говорили славянским языком, а другие каждый своим языком: поляне, древляне, новгородцы, полочане, ареговичи, север, бужане говорили славянским языком. А другими языками говорили чудь, меря, весь, мордва, черемиса, печера, литва, земигола, кореся, норова и либь.

———

У каждого народа был свой закон, обычай и нрав. Древляне жили в лесах, как звери: убивали друг друга, ели нечисто и брака у них не было, но силой уводили девиц. И другие народы такой же обычай имели, жили в лесах, как звери, сквернословили, не знали браков, а сходились на плясанье и бесовские игрища между сел и уводили жен. И имели по многу жен. И когда кто умирал, делали костер большой и,

положив на него мертвеца, сжигали. А потом, собрав кости, клали их в посудину и ставили на столбах на дороге.

———

Поляне же, жившие по Днепру, имели от своих отцов нрав кроткий и тихий. Они имели стыд к женам и родителям. Брак соблюдали и не отнимали, как другие, силою девиц, но порядком сватали и за невест давали подарки.

Андрей, брат Петров, учивший вере Христовой, был в славянской земле и удивлялся обычаям тамошних людей. Придя в Рим, он рассказывал то, что видел. Он говорил: «Дивные дела видел в славянской земле. Видел я деревянные бани, жарко натопленные, и там люди разденутся донога, обольются квасом и молодыми прутьями сами себя бьют. И до того добьют, что вылезут еле живы. И только когда обольются студеной водой, тогда оживут. И это делают ежедневно не по неволе, а сами себя мучают. Они не моются, а мучаются». — И все дивились этому.

———

Андрей, брат Петра апостола, и ходя по морю Понтийскому и уча людей вере Христовой, пришед в Корсунь, увидал устья Днепра и захотел по Днепру вверх поплыть через землю славянскую и варяжскую в Рим. И он поплыл вверх по Днепру. Случилось ему в одном месте переночевать под горою.

Утром встав, он сказал ученикам, бывшим с ним: «Видите вы горы эти? На этих горах построится великий город, много божьих церквей, и на месте этом воссияет великая благодать божья».

Взойдя на горы, он благословил их и поставил крест. Помолившись, он слез с горы и поехал далее.

———

На этом месте жили поляне, и у них были три брата с сестрою. Звали братьев: Кий, Щек и Хорив. Сестру звали Лыбедью. Кий жил на горе, где ныне Боричов перевоз. А Щек жил на другой горе, которая и теперь называется Щековица; а Хорив на третьей горе. Ее прозвали Хоревица. И сделали братья вместе город и назвали этот город Киев во имя старшего брата. Около города были непроходимые боры и леса, и братья ловили и били зверей, и были люди мудрые и смышленые.

———

Кий, пожив недолго в городе, поплыл по Днепру вниз в море Понтийское. И греческий царь с честью принимал его. Вернувшись домой, он другой раз ходил на юг, и на Дунае, где ему полюбилось место, стал строить городок Киевец. Он хотел переехать жить туда, да соседи его не дали ему поселиться. И теперь место, где он строился, называется Киевец. Тогда Кий пришел назад и, пожив в Киеве, помер. И тут же скончались и похоронены братья Щек и Хорив и сестра их Лыбедь.

———

Поляне жили по Днепру. Через их землю проходил путь от варягов к грекам, и от греков вверх по Днепру волоком до реки Ловоти, а Ловотью вниз в великое озеро Ильмень. Из озера этого течет река Волхов и впадает в великое озеро Нево, и из того озера выходит начало моря Варяжского.

По тому морю можно доплыть до Рима и от Рима по тому же морю до Царьграда, а от Царьграда приплыть в Понтийское море. В Понтийское море втекает река Днепр.

———

Днепр же начинается в Оковских лесах и течет на юг—полдень. А Двина река из того же леса начинается и течет на север и впадает в море Варяжское. Из тех же лесов потекла Волга на восток и 70-ю рукавами впадает в море Хвалынское.

Так что из славянской земли есть путь по Волге на восток в Хвалыни, в жребий Симов, а по Двине в варяжскую сторону и от варяга в Рим и от Рима на полдень, в жребий Хамов.

———

После смерти братьев Кия, Щека и Хорива, полян стали обижать древляне и другие окольные народы. И напали на них казары, жившие в лесах, и завладели ими. И сказали им казары: платите нам дань. И, собравшись, поляне между собой думали, какую дань послать. И решили послать казарам с каждого дома по мечу. И так и сделали.

———

Казары, взяв мечи, пришли к своему князю и к старшинам своим, сказали: налезли мы на новую дань. И показали мечи. И старейшины спросили: откуда такая дань. И казары отвечали: В лесу, на горах днепровских. Старейшины казарские взяли мечи, посмотрели их, сказали своему князю: Эта дань недобрая. Мы воевали народы и забирали дани оружием, с одной стороны острым — оно называется сабля — а это обоюдоостро и называется меч. Эти народы этими мечами завоюют дань с нас и с других народов.

———

И сбылось так, как сказали старцы казарские. Прежде они владели полянами, а потом стали славяне владеть казарами. И до сего дня русские владеют казарами.

———

В то время, как поляне платили дань казарам, на север славяне поднялись на варягов и, выгнав их за море и не дав им дани, стали сами собой владеть и стали воевать друг с другом.

———

Повоевав друг с другом, они сказали себе: поищем себе князя, который бы владел нами и судил по правде. И они пошли за море к варягам, к Руси. И сказали все — чудь, новгородцы и кривичи: земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, приходите княжить и владеть нами.

———

И выбрались три князя с своими родными и, взявши с собой всю Русь, пришли. Рюрик, старший брат, поселился в Новгороде, другой — Синеус[56] — на Белоозере, третий — Трувор — в Изборске. От них-то и прозвалась русская земля.

———

После двух лет, когда умерли Синеус и Трувор, Рюрик взял себе все земли и раздавал их людям своим: кому Ростов, кому Белоозеро, кому Полоцк. И во всех этих городах варяги только нахожие люди. А земли эти славянские.

———

И были у Рюрика два мужа не его племени, а племени боярского. И отпросились у него мужи эти в Царьград с родными своими, и Рюрик отпустил их.

Звали <этих мужей> Аскольд и Дир. И поплыли они с своим народом по Днепру. И, увидав на горе городок, они спросили: чей этот городок. И им отвечали старейшины полян: Были тут три брата: Кий, Щек и Хорив. Они сделали городок этот, и они уже умерли. А теперь мы живем здесь и платим дань казарам.

———

Аскольд и Дир остались в городе этом и собрали много варягов и начали владеть полянскою землею. А Рюрик владел особо в Новгороде.

———

И, собрав народ, пошли Аскольд и Дир на греков вниз по Днепру. Царь греческий Михаил был в походе на огарян и дошел уже до Черные реки, когда митрополит послал ему весть, что Русь идет на Царьград. И царь воротился.

———

Аскольд и Дир вошли на 200 лодках в самую гавань и много побили людей греческих. Царь же с патриархом Фотием в церкви святой богородицы влахернской молились богу. И, взяв святую ризу богородицы, с пением церковным вынесли и обмакнули в воду. Было тихо на море. И вдруг поднялась буря и великими волнами смешало, раскидало корабли безбожной Руси. Так что мало их спаслось и

вернулось восвояси.

———

Это было в 6374-м году от сотворения мира. В 6387 году умер в Новгороде Рюрик и, передав свое княжение Олегу, и ему же отдал на руки сына своего Игоря, ибо дитя еще был. И Олег, повоевав много народов, пришел к горам киевским.

———

Узнав, что тут княжат Аскольд и Дир, Олег спрятал воинов своих в лодках и, подплыв к городу, послал сказать Аскольду и Диру: Мы — купцы плывем к грекам от Олега и Игоря, придите повидаться с родными своими.

———

Аскольд и Дир пришли. И тогда выскочили воины из лодок, и Олег сказал Аскольду и Диру: Вы [не] князья и не княжеского рода, а я роду княжеского, а вот сын Рюрика, и он взял на руки Игоря. И убили Аскольда и Дира. и снесли их на гору и похоронили. И Аскольдова могила на горе, которая зовется Угорской, и на ней построена церковь св. Николы, а Дирова могила за св. Ориною. И у Олега было много народа славянского и варяжского, и все звались Русью. И Олег стал строить города, отвоевал Киев от казар, установил дани народам и стал жить в Киеве. И сказал: Этот город[57] будет мать городам русским.

* № 13 (рук. № 14).

[«ДЛЯ УЧИТЕЛЯ».]

Азбука для семьи и школы с наставлениями для учителя.

Графа Л. Н. Толстого.

Для учителя:

Уменье читать и писать состоит из следующих умений:

1) Умение отличать одну букву от другой и уменье изображать буквы.

2) Уменье соединять буквы в слоги и разлагать слоги на буквы.

3) Уменье соединять слоги в слова и разъединять слова на слоги.

4) Уменье правильно произносить и употреблять полугласные ъ, ь, й.

5) Умение правильно произносить и употреблять буквы, произносящиеся не так, как они пишутся.

1

Для выучения букв может быть употреблено большое количество приемов, начиная от заучивания букв по азбуке, называя их: аз, буки, веди, и до металлических букв, названных: а—а, б—бе, в—ве и т.д. и данных детям в виде игрушки. Употребление какого-либо из этих приемов зависит от средств, находящихся под рукой учителя, и от привычек самого учителя.

Всякий прием хорош, если только ребенок учится охотно.

Предложу тот прием, который мне кажется наиболее сподручным каждому учителю и каждой матери, не имеющих никаких привычек при обучении, и прием, для которого матерьяльные средства находятся под рукою всякого.

Пишите мелом или углем на стене или на доске в самых больших размерах буквы так, как они показаны в азбуке, т. е. самую сущность изображения. Указывая на них попеременно, называйте их, заставляйте повторять и потом спрашивайте. Не стирайте буквы, а постарайтесь найти место, чтобы все буквы, кроме ѳ, V, ъ, й, ь, оставались написанными на стенах классной комнаты. Это много облегчает запоминание.

Называйте все буквы без исключения согласным звуком с присоединением гласной е, т.е. бе, ве, ге, де и т.д. и м называйте не ем, а ме, и р не ер, а ре и т. д. Гласные ё называйте ио, ы называйте толстым и, ѣ называйте ъе.

Можно бы было называть би, ви, ги, или ба, ва, га, или бо, во, го, или бъ, въ, гъ, как это делают некоторые. Но я советую называть согласные буквы с присоединением гласной е, потому что такое наименование привычнее нам, и что оно удобнее для произношения.

Трудность во всяком случае будет состоять в том, чтобы откидывать при складах ненужную гласную: при наименовании ба — гласную а, би—и и бъ—ъ, так как в произношении бъ, въ есть точно такая же гласная ъ, как и в бе гласная е. Только ъ из всех гласных самая неудобная, так как при ней является лишнее затруднение в неудобстве произношения.

Самый же неудобный способ называния букв есть старинный: аз, буки, веди и т.д., ибо при этом способе при складах ученику надо будет выучиться откидывать ненужные зъ, уки, ѣди, и проч., чего на слух он не может сделать.

После того как ученик или ученики стали узнавать буквы на стене или доске, заставляйте учеников писать буквы. При писании не требуйте правильности в изображении. А заботьтесь только о том, чтобы ученик выражал смысл сочетания линий между собой и чтобы видно было отличие одной от другой. Если только ученик, разумеется бессознательно, понимает, что А есть угол, две стороны которого соединены линией, а

Н есть две параллельные линии, соединенные другой линией под прямым углом, то этого достаточно. Притом надо избегать требования правильности изображения, зависящего от руки, а не от головы ребенка.

По моему опыту 6-тилетний ребенок, тем более 10-тилетний выучивает этим способом все буквы от нескольких часов до трех дней, в случае наибольшей непонятливости.

2

Для того, чтобы выучить складам, есть также много приемов. Но про них нельзя сказать, чтобы они были одинаково хороши. Старинный и до сих пор употребительный способ заучиванья складов удесятеряет трудность складыванья, и для русской грамоты не имеет смысла, ибо русская грамота отличается от всех других тем, что в ней все буквы выговариваются точно так же, как они пишутся. Вся трудность состоит в том, чтобы ученик понял, что согласный звук есть только согласный звук, без присоединения какой бы то ни было гласной. Для этого придумана так называемая звуковая метода, которая есть не что иное, как недоразумение.

Недоразумение звуковой методы, называющее буквы бъ, въ, гъ, состоит в том, что бъ и въ не есть изображение одной согласной б и в (без гласной), но есть соединение согласной б и в с полугласной ъ и ь. Доказательством тому служит то, что, складывая б с я, выйдет не бя, а бъя и т.д. Недоразумение это могло существовать в немецкой грамоте, где нет полугласных и где можно ошибочно вообразить, что съ есть только с без гласной, но в русской грамоте с должно быть съ или сь. — Недоразумение это вредно потому, что трудность откидывания ненужной гласной предоставляется ученикам без помощи от учителя, и еще в неудобстве произношения согласных.

Приемы, предлагаемые мною, состоят в следующем:

Заставьте учеников на слух без книги складывать сначала двух согласные склады, оканчивая слог всегда гласною. Говорите: бе-ре-а — бра, де-ре-у — дру, же-не-и — жни, стру, ветре и т. д. и заставляйте учеников повторять за собою.

Уменье это состоит только в том, чтобы ученик привык на слух откидывать ненужную гласную е.

Большое количество согласных в одном слоге встре и т. п. нисколько не затрудняет при этом ученика. Если вы пройдете десятка три таких складов, заставляя повторять за собою учеников, то почти всякий ученик уже сам начинает складывать. Вы говорите ему: п-р-о, и он уже говорит: про.

При этом складыванье, образцы которого представлены в азбуке, тройные складываются легче, чем двойные, и потому с них надобно начинать.

Необходимо обратить особенное вниманье на слоги с гласной е, так как

е есть та самая гласная, которая откидывается.

Ученик будет затрудняться при слогах б–е – бе, ибо е уже дано ему в согласной.

Когда ученик усвоит себе этот прием, делайте с ним обратное, т.е. скажите: бра – б–р–а, дру и д–р–у, и ученик так же скоро усвоит себе прием на слух разлагания слогов.

Когда ученик вполне усвоит себе на слух прием откидыванья ненужной гласной е и соединения букв и обратного разложения слогов, тогда только заставьте его читать и складывать то же самое по книге или доске и точно так же раскладывать и писать, но читать и писать заставляйте его только одиночные слоги.

Такая последовательность необходима, ибо переход от букв сразу к чтению целых слов только может замедлить ученье.

Писать предоставляйте ученику печатными буквами и хотя бы самым неправильным образом.

Образцы складыванья

бра, вра, гра, дра, зра, пра, мра, нра, тра, фра, хра, цра, чра,

бри....

бро....

бру....

бры....

брю....

бря....

бре....

ра, ри, ро, ру, ры

бна

бни

....

....

....

вта

.....

.....

та, ти....

лна.....

......

на, ни...

жма....

......

ма, ми

вша

ша

ста

зда

встра

бе, ве, ге, де......

3

Уменье соединять слога в слова кажется самым простым, но оно составляет почти главную трудность. Трудность эта состоит в том, что ученик делает такие усилия внимания и памяти для разобрания букв и соединения их в слоги, что когда он, разобрав первый слог, приступает к второму, он при разбирании второго забывает первый. Например, разбирая слово баня, ученик, прочтя и сложив слог ба, читает и складывает ня, и, напрягая свои силы на сложение ня, забывает ба и говорит: няня или баба. Для облегчения этого учения предлагаю следующее:

Изберите двухсложные слова, слоги которых наименее похожи между собой (сходство слогов более всего сбивает. Образцы таких слогов приведены в азбуке), и заставьте ребенка на слух складывать, предлагая ему только буквы слогов, и раскладывать, предлагая ему слоги. Например. Выговорите: к–а. Он говорит: ка. Вы говорите: помни ка, и говорите: п–у. Он говорит: пу. Что вместе? Капу. Помни капу. С–т–а. Он говорит: ста. И вы заставляете его соединить всё вместе. И обратно: вы спрашиваете как разложить капуста – сначала на слоги, потом каждый слог на буквы.

Когда ребенок усвоит этот прием для двух и трехсложных слов, делайте

то же самое, заставляя его читать и писать эти слова.

При этом необходимо обращать особое внимание на слоги, кончающиеся на е, и ни в каком случае не торопиться переходить от изустных упражнений к письменным.

На слоги, составляющиеся из одной гласной, надо обратить особое внимание: сначала в словах, начинающихся с гласной, а потом и в словах, где слог из гласной стоит в середине слова, как то показано в примере 7 и 8. Отдельно еще надо показать произношение э и ё, примеры 9 и 10.

1) Трава, стучи, крыса, блюдо, ключи, гроза, труба, крива, грива, груши, глина.

2) Шуба, перо, рука, люди, пуля, вилы, зима, липа, заря, горе, дыра, щека, вино, муха, рыба, тучи, море, кожа, поле, жила, куча, мука, баня, небо.

3) Земля, нитка, шутка, изба, пушка, пусти, кошка, давно, щипцы, ложка.[58]

4) Правда, прачка, просто, клетка, трудно, птичка, Мишка.

5) Страшно, склады, вздрогну, вскочу, кстати.[59]

6) Бумаги, картина, булавка, башмаки, деревня, иголка, старушка.

7) Яма, если, искра, изба, ужи, утки, умна, юбка, овцы, огни, осина.[60]

8) Воевода, заика, неосторожно.

9) Это, эра, эка.

10) Лёва, рёва, нёба, тётка, щётка, берёза, верёвка.[61]

4

Полугласные, отличающиеся произношением от всех других, суть: ъ, ь, й. И для того, чтобы не путать ученика, надо приступить к ним только тогда, когда он уже будет вполне владеть остальными буквами.

Для выучения этих полугласных[62] надо заставлять ученика на слух складывать: т–ъ–тъ,т–ь–ть, и слова: ба–й (называя и – краткой), ро–й и т. д. и потом читать и писать эти слова. Слоги и слова эти поставлены в примерах. Сначала показать эти слоги в конце слов, а потом в начале и середине, как показано в примерах.

После этого тут же показать ученику буквы: ѳ и ѵ.[63]

бъ, въ.....

бь, вь.....

бай, бей, бой

дай.....

май.....

рай.....

мной.....

спой.....

врай.....

шью.....

вьюшка.....

съел.....

5

Умение произносить и употреблять буквы, как следует, состоит в том, чтобы, читая: готово, произносить: гатово, и, читая:[64] сат, писать: сад, и т. п.

Самые обыкновенные изменения произношений при различных падежах бывают в следующих буквах: 1) д — в т, 2) б — в п, 3) з — в с, 4) в — в ф, 5) г — в к, х, 6) ч — в ш, о — в а, е — в ё, ий — в ай, тся — в ца, и ова — в аго.

Заставляйте ученика читать упражнения, выговаривая внешнюю большую букву, и обращайте его внимание на то, как она пишется.

Особенно важно заставлять читать учеников сначала или только такие слова, которые пишутся, как выговариваются, или по прилагаемым упражнениям, а отнюдь не по всякой книге, где слова встречаются по выговору непонятные.

Прочтя несколько страниц, заставьте ученика писать из головы самые простые фразы, рассказы или замечания, как, например: У Пети голова не чесана, я вчера был здоров и т. д., или под диктовку других учеников, но отнюдь не по книге.

Писать могут ученики и печатными, и скорописными, или теми и другими буквами вместе.

Учить писать скорописными буквами надо начинать только тогда, когда ученик уже свободно без слогов читает и, про себя быстро складывая, пишет.

При письме еще важнее замечание о том, чтобы не стеснять ученика требованием правильности. Пускай он пишет: малако, фкухню, фсат и т.

п. Поправляйте его уже тогда, когда он кончил писать.

∗ № 14 (рук. № 15).

[ПЕРВЫЙ НАБРОСОК СТАТЬИ

«ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ»]

Три правила для учителя

1

Чем легче для учителя, тем труднее для ученика. Чем больше учитель будет обращать вниманья на ученика, чем больше спрашивать, показывать, тем скорее ученик выучится. Чем больше ученик будет предоставлен самому себе и занятиям, не требующим внимания учителя, как то: переписываньем, диктованьем, чтеньем вслух без понимания, заучиванием стихов, тем дольше будет учиться ученик.

2

Чем короче путь, тем непонятнее. Чем длиннее, тоже. <Чем меньше умственного усилия, вызванного интересом к делу, будет положено учеником, тем медленнее будет идти учение.> Если ученик не понимает, то виноват всегда учитель.

3

Ученик должен учиться с удовольствием. Основа удовольствия не в прибаутках и картинках, а в совершении.

ВТОРАЯ КНИГА

∗ № 15 (рук. № 4).

[РАБОТНИЦЫ И ПЕТУХ]

ВДОВА И РАБОТНИЦЫ

Одна хлопотливая вдова по ночам с петухами будила работниц и

выгоняла на работу. Работницам тяжело стало бесперестанно работать, они и вздумали дворового петуха убить, потому, что он будит хозяйку. Случилось, однако, что как сделали они это, еще хуже им стало. Хозяйка, не слышучи петуха, еще раньше стала поднимать работниц.

∗ № 16 (рук, № 4).

РЫБАК И РЫБКА

Рыбак закинул сеть и вытащил рыбку. Она была маленькая и стала просить, чтоб рыбак ее не брал, а пустил, что она еще мала. Вот, говорит, как вырасту да стану большая, можешь поймать меня, и тогда я тебе в большую пользу буду. — Рыбак и говорит: Дурак бы я был, если б, когда у меня хоть малая прибыль в руках, я бы надеялся на будущую, хоть и большую.

∗ № 17 (рук. № 4).

ЛИСИЦА И КОЗЕЛ

В жару козел, давно не пивший, слез к воде под крутой берег. Когда он надулся так, что бока его раздулись, как бочка, он не мог вылезть назад на берег. Лисица, подошедшая к берегу, глядя на козла, смеялась над ним. Если бы у тебя было столько ума, сколько волос в бороде, ты бы прежде, чем слезать под кручь, подумал бы, как ты назад вылезешь.

ЛИСИЦА И КОЗЕЛ

В жару козел слез под кручь, чтобы напиться. Он напился и отяжелел, он никак не мог вылезть назад на берег. Лисица с кручи смотрела на козла и смеялась над ним. Она сказала ему: Если бы у тебя было столько ума, сколько волос в бороде, ты бы прежде, чем лезть, подумал, как ты назад выберешься.

ЛИСИЦА И КОЗЕЛ

Козел сильно зарьял и сошел в глубокий колодец напиться. Напившись вдоволь, никак не мог он назад вылезть и стал раздумывать и звать на помощь. Лисица увидала его и говорит: То-то бестолковый! Коли бы у тебя, сколько в бороде волос, столько и ума было, ты бы прежде, чем слезать, выход бы высмотрел.

∗ № 18 (рук. № 4).

ЖУРАВЛИ И АИСТ

Мужик расставил силки в поле. Журавли сбивали его посев. Он их ловил и поймал с ними вместе аиста. Аист просил, чтобы мужик отпустил его. Он говорил: я не журавль, а аист, мы самые почетные из птиц. Я и отца твоего почитаю и служу ему. Видишь — и цвета-то мы не одинакового. Мужик сказал: С журавлями поймал тебя, с ними и зарежу.

∗ № 19 (рук. № 4).

[ВОЛК В ПЫЛИ]

Один волк хотел[65] поймать овцу из стада и, чтобы его не видно было, ходил всегда в пыли, которую поднимало стадо. Овчарная собака увидала его и говорит: Зачем ты всегда ходишь в пыли? Пыль вредна для глаз. Волк отвечал: А нарочно. У меня глаза болят, а говорят — пыль от стада вылечивает больные глаза.

∗ № 20 (рук. № 4).

ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

Сошлись раз зайцы и стали плакаться друг перед другом о том, что их жизнь непрочная и опасностей много. И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем всю жизнь бояться и мучаться.

Так они и положили и пустились все в озеро, чтоб там потонуть. Только как услыхали лягушки заячий топот и забултыхали все в воду, один из зайцев — он подогадливее был — и сказал: Стойте, товарищи! Не делайте себе беды, видите — есть звери еще жалче нас с вами. —

∗ № 21 (рук. № 4).

[ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ]

МУЖИК И СЫНОВЬЯ

У мужика сыновья ссорились. Отец часто советовал им, чтоб в согласьи жили, они не слушались. Вот он велел им принесть связку прутьев и дал сыновьям, чтоб сломали. Они попытались, потужились, но не могли сломать. Потом отец развязал связку и дал каждому по одному пруту ломать. Сейчас же они поломали. — Отец и сказал: Так-то и вы, дети. Коли в согласьи жить будете, никакой враг вами не завладеет и вас не осилит; а если будете ссориться да спорить, легко, вас всякий погубит.

∗ № 22 (рук. № 4).

[ТЕЛЕНОК НА ЛЬДУ]

<Теленок, упражнявшийся в быстрой скачке по закуте, прийдя зимой на водопой к врубленному в лед корыту, пригласил других телят любоваться на быстроту кругов, которые он будет делать по льду. Когда же он, раскатившись во все стороны ногами, ударился головой о корыто, он жалобно проговорил: Надо быть неудаче, когда столько дней, скакая по глубокой соломе, не падал, а тут на гладком льду сразу поскользнулся. <Корова, смеясь, сказала: Несчастье в том, что не знаешь ты того, что чем где легче скакать, тем труднее держаться.> Кабы ты был не теленок, — сказала старая корова, — ты бы знал, что где легче скакать, там и труднее держаться.>

∗ № 23 (рук. № 4).

[ШАКАЛЫ И СЛОН]

Шакалы поели всю падаль в лесу, и им было нечего есть. Тогда старый царь шакалов придумал, как прокормить свой народ. Он собрал всех шакалов и пошел с ними к слону, который жил в этом лесу, и сказал ему: Наш народ недоволен своим царем и просит тебя придти к нам и над нами царствовать, мы будем делать всё, что ты велишь, и будем почитать тебя. Пойдем в наше царство. Слон согласился и пошел за старым шакалом. Шакал привел его в большое болото. Когда слон завяз в болоте, шакал спросил его, что он прикажет. Слон сказал: Я приказываю вытащить меня отсюда. Шакал засмеялся и сказал: Хорошо, ухватись за мой хвост, я вытащу тебя. <Слон сказал: Зачем ты говоришь это? Это невозможно.>Тогда все шакалы ушли, и когда слон

издох в болоте, шакалы пришли и долго ели его.

* № 24 (рук. № 4).

ЦАПЛЯ, ЛЯГУШКИ И РАК

Одна цапля жила у пруда и состарилась. Когда она состарилась и не в силах была ловить рыбу, она придумала, как ей без труда ловить рыбу. Она сказала рыбам, что слышала от людей, будто этот пруд хотят спустить и рыб всех выловить. Она сказала: Я бы помогла вам, да вы ничему не верите. Рыбы сказали: Нет, мы верим, помоги нам. Цапля и уверила рыб, что недалеко есть глубокий хороший пруд, что про тот пруд люди не знают, и что цапля может переносить всех рыб в тот пруд. Рыбы согласились, и цапля стала носить рыб. Только она не носила их в другой пруд, а вылетала на поле и там съедала. В пруду жил рак. Когда цапля перенесла уже много рыб, рак сказал: Теперь перенеси меня в глубокий пруд. Цапля взяла и понесла его. Когда она вылетела на поле, она хотела его бросить, но рак увидал кости мертвых рыб и понял, как она обманула их. Он стиснул своими клещами шею цапли и удавил ее, а сам приполз назад в пруд и всё рассказал рыбам.

* № 25 (рук. № 4).

ЕЖ И ЗАЯЦ

Один раз заяц встретил ежа и стал смеяться над его ногами. Еж рассердился. Он знал, что у него кривые ноги, но не хотел про это слышать. Он сказал зайцу:

— У меня ноги хоть и кривые, а скорее твоих бегают.

Заяц засмеялся. Еж еще громче закричал: Скорее твоих. Давай наперегонку.

Заяц согласился.

И еж сказал: Я пойду домой, а потом побежим.

Заяц сказал: Когда хочешь.

Еж пришел домой и сказал: Жена, я с зайцем поспорил бежать наперегонку. Пойдем в поле.

А жена сказала: Ты с ума сошел, что хочешь спорить с зайцем, у него быстрые ноги, а ты насилу ходить.

Еж сказал жене: У него ноги быстрые, а у меня ум быстрый. Я его хочу наказать за то, что он надо мной смеялся. Мы вот как сделаем. Мы выйдем на поле, и ты спрячься, сядь на одном конце борозды, а я с зайцем пойду на другой конец. Мы побежим с ним. Как он разбежится, я вернусь назад и спрячусь. А как он прибежит к твоему концу, ты выскочи и скажи:

— А я уж давно тут!

Жена послушалась мужа и спряталась на другом конце борозды. А еж с зайцем побежали с другого конца.

Заяц побежал, а еж прошел три шага, воротился назад в борозду.

Заяц прибежал на другой конец, и он вдруг увидал ежову жену. Она выскочила из борозды и сказала:

— А я уж давно тут!

Заяц думал, что это тот же еж, и удивился.

Он сказал:

— Давай еще раз побежим назад! и припустил во все ноги. Но когда он прибежал на другой конец, еж выскочил из борозды и сказал: Ты только? я уж давно тут.

Заяц еще больше удивился и сказал:

— Ну, так побежим еще раз.

— Побежим, — сказал еж и опять спрятался в борозду, и опять ежова жена встретила зайца на другом конце.

И так заяц бегал 73 раза, и всякий раз, как прибежит на один или другой конец, еж уже сидит в борозде и говорит: А я уж вот он!

∗ № 26 (рук. № 4).

[УДАЧА]

СЧАСТЬЕ

Поехали люди на остров, где было много дорогих каменьев. Все люди старались найти больше. Они мало ели и мало спали, а всё работали и ничего не набрали. А один человек из них, как приехал на остров, так

ничего не делал, а только ел и спал. Когда люди стали собираться домой, они разбудили этого человека; но он так разоспался, что не мог идти и всё падал. Когда он падал, то он цеплялся руками за землю и потом обчищал свои руки в карманы.

Когда все приехали домой, у этого человека были полны карманы алмазов.

∗ № 27 (рук. № 4).

[ЗОЛОТОВОЛОСАЯ ЦАРЕВНА]

<Шелк делается из червя. Некрашеный шелк цвета золотого. Червяк бывает сначала яичком, потом червяком, потом куколкой, потом бабочкой. Бабочка кладет яички, и из яичек делается опять червяк, и опять куколка, и опять бабочка. Яичко бывает серое и не похоже на живое. Червяк бывает живой, и его кормят листом тутового дерева. Куколка бывает похожа на спеленутое дитя.>

Шелковичный червь родится яичком, из яичка делается червем, из червя делается куколкой, из куколки бабочкой. А бабочка кладет опять яйца. Куколка червя делается из шелковой паутины: червь выпускает из себя эту паутину и в нее закатывается. Шелк некрашеный бывает золотистого желтого цвета. Когда червь заматывается в куклу, он бывает величиной в 3/4 вершка, а когда он родится из яичка, то он не больше макового зернушка. Пока червяк вырастет, он 4 раза замирает и опять оживает. Первый раз он замирает на 5 дней, второй раз на 4 дня, третий раз на 6 дней, 4-й раз на 6 дней <и 5-й раз на 9 дней.>

———

В Индии был царь Линги, и <у него была одна> дочь. Дочь звали девой золотоволосой. Мать золотоволосой девы умерла, и царь взял другую жену. Мачеха возненавидела золотоволосую падчерицу и уговорила царя сослать ее в пустыню. Золотоволосую сослали, но она не пропала, а на 5-й день на льве приехала назад к своему отцу.

Тогда мачеха сослала золотоволосую в горы, где летали только коршуны. Но коршуны стали кормить золотоволосую, и она на 4-й день вернулась к царю.

Тогда ее сослали на пустынный остров, но там рыбаки увидали золотоволосую царевну и на 6-й день привезли ее назад к царю.

Тогда мачеха, чтобы наверное погубить подчерицу, велела на дворе вырыть глубокий колодезь и туда зарыть золотоволосую. Но через 6 дней из того места, куда зарыли царевну, засветился свет, и когда царь велел раскопать то место, там нашли живую золотоволосую царевну.

Тогда мачеха велела выдолбить пень тутового дерева, посадить туда царевну и пустить ее по морю.

Море на 9-й день принесло золотоволосую царевну в Японскую землю, и там ее вынули из дерева. Но она сейчас же умерла, и из нее сделался шелковичный червь.

———

Японцы много разводят червей и первый сон червя называют сном льва, 2-й сон — сном коршуна, 3-й — сном лодки, четвертый сон — сном двора, а 5-й сон — сном дерева.

* № 28 (рук. № 4).

ЕРМАК

В городе Суздале жил мещанин Аленин. Не при чем ему было жить в Суздале, и он пожелал искать заработков. Во Владимире он сошелся с разбойниками. Разбойники дали ему повозку и лошадей, и Аленин извозничал и возил разбойников и их клажу по Муромским лесам. Когда стали ловить разбойников, Аленина взяли вместе с ними и посадили в тюрьму. Из тюрьмы Аленин убежал и ушел с семейством на Чусовую реку к купцам Строгановым. Там он работал, и сыновья и внуки его работали. У Аленина было два сына и пять внуков. Все были молодцы, но из молодцов молодец был внук его, сын Тимофея Василий. Он был из себя красив, росту среднего, в плечах широкий, сильный, быстрый и речистый. Когда дед умер, Василий отошел от отца и пошел, подобрал себе артель и пошел на заработки. Ходил он в бурлаках и гонял с купеческими товарами суда по Волге и по Каме. Рядился с купцами он сам, и деньги раздавал товарищам, и харчи выдавал на народ. И тут прозвали его товарищи Ермаком. Прожил так Ермак года два и соскучился так жить. Захотелось ему погулять. Вот он, ездючи по Волге, и стал подманивать гулящий народ: Давайте, ребята, соберемте шайку, погуляем по Волге. Товаров богатых много, будем отбирать да прогуливать. И собралась к Ермаку шайка большая, и все его избрали атаманом. А Ермак себе в помощники взял давнишнего приятеля и товарища Ивана Кольцо. И положил всем товарищам такие правила. Жен и детей не иметь и от семьи отказаться. Атамана слушаться, а кто не послушает, того убивать. Добычу всю делить по одной части каждому товарищу, а атаману две. И стали они по Волге грабить. Грабили и купцов, и бояр, и царских послов, и города. Грабили, где мало народу. И много убивали народа, так что по всей Волге прошел слух про Ермака, и все стали его опасаться. С Ермаком трудно было сладить и трудно было от него уйти, потому что народ у него подобран был ловкий и смелый, и сам он Волгу всю вдоль и поперек исходил, и всякий затон знал, да и силен был, и сметлив, и смел.

Один раз приплыл к нему с низовья один из товарищей и говорит: Ну, Ермак Тимофеич, завтра здесь хороша добыча пройдет, да не одолеет наша сила. Тянут из Астрахани купцы судно с золотом и с камнями самоцветными, да на судне 50 человек молодцов ружейников. Не допустят они нас. А Ермак и говорит: Я один возьму их. И на другое утро поплыл на лодочке вниз по Волге, причалил к острову, вытащил лодку на берег, спрятал ее в кусты, и сам спрятался, и стал поджидать. К вечеру увидал он — тянут 12 лямочников судно, а на судне человек 50 с ружьями. Вот как бичева поравнялась с островом, Ермак выскочил из кустов, перерубил кинжалом бичеву и переплыл на берег к лямочникам, бросился на них с саблей, и каких убил, а каких разогнал. А судно тем временем понесло назад. А назади был под водой камень. Его только что миновали купцы. Судно понесло назад на камень. Купцы всполошились, видят, что разобьет их судно, бегают взад и вперед и не знают, что делать. А Ермак побежал за судном, вскочил в воду, поймал бичеву, притянул к берегу, привязал к дереву и закричал купцам, чтобы они бросили ружья и кинжалы в воду. А что если не бросят, он пустит бичеву, и они разобьются об камень. Купцы побросали ружья в воду. Когда они побросали ружья в воду Ермак опять закричал им: Ну, теперь, купцы-молодцы, сами полезайте туда же. Купцы было не захотели прыгать в воду, стали разговаривать, тогда Ермак крикнул им: А коли не хотите, так я вас всех перестреляю, и выстрелил в них из ружья и убил одного. Тогда другие попрыгали в воду, и Ермак забрал всю добычу. —

Только прошло немного времени, стали купцы и бояре жаловаться царю, что по Волге от Ермака проезда нет, и стали просить войска. Царем тогда был И. В. Грозный. Царь Иван Васильевич сейчас послал на Волгу войско, и велел поймать разбойников, и двум старшим, Ермаку и Ивану Кольцо, отрубить голову.

Пришло со всех сторон войско, и не стало больше Ермаку ходу по Волге. Вот он собрал своих молодцов и говорит им: Ну, ребятушки, погуляли мы с вами по матушке по Волге, потешили свои сердца молодецкие, погуляем последний раз, прогуляем всю нашу добычу и уйдем отсюда в дальние леса. Еще мой дедушка в Муромских лесах извозничал и меня с собой бирывал. Мне места знакомы. Места привольные. И там и по сухому пути много купцов ездит, и будет чем поживиться.

Казаки послушали атамана, прогуляли всё свое именье, и ушли с ним в Муромские леса, и там стали разбойничать. —

Только и оттуда послали жалобы к царю, и туда пришло царское войско. — Летом Ермак не робел войска, и прятался от него в лесах, и грабил по дорогам; а как пришла осень, он видит, что дело плохо, созвал казаков и стал им говорить: Братцы-казаки, водил я вас по Волге, водил по степям, по лесам — везде мы добра добывали, а худа не видали, теперь приходит нам дело плохо. На дворе зима, за нами войско царское. По снегу мы след дадим, и нам от войска не уйти, да и зимовать нам в лесах скучно. Пойдемте со мною, сведу я вас на свою родину — на реку Чусовую, там за Чусовой рекой есть земля Сибирь. — Земля эта богата. Там зверя, рыбы, мехов, скотины — всего много. Там житье хорошее и вольное. А пуще всего не забывайте, что здесь

оставаться — петли не миновать, а туда пойдем — вольное житье найдем. Казаки стали думать. Одни соглашались идти, другие не соглашались, говорили, что далеко и что лучше идти на Украину, что там тоже житье вольное. Так и разбилась вся шайка на две половины. Одни пошли на Украину — человек 300, а 400 человек пошли с Ермаком, и Кольцо пошел со своим атаманом. Вот и пошли казаки с Ермаком на Каму, там отбили у купцов струга и поплыли в реку Чусовую.

* № 29 (рук. № 6).

СУХМАН БОГАТЫРЬ

Как у ласкова

Князь Владимира

Пированье шло,

Шел почестный пир

На бояр, князей,

Добрых молодцев.

Уж как солнышко

Стало к вечеру,

Как почестный пир

Идет в веселе.

На пиру-то все

Порасхвастались.

Глупый хвастает

Молодой женой,

А глупей того

Золотой казной.

Умный хвастает

Своей матерью,

Сильный хвастает

Своей силою,

Силой хваткою

Богатырскою.

А один сидит

Богатырь Сухман,

Богатырь Сухман

Одихмантьевич.

Он ничем Сухман

Да не хвастает.

Как и солнышко

Володимир князь

Сам по горенке

Он похаживает,

Желтыми кудрями

Он потряхивает.

Говорит ему

Таковы слова:

«Гой же ты, Сухман,

Богатырь Сухман

Одихмантьевич,

Что ничем, Сухман,

Ты не хвастаешь?

И не ешь, не пьешь,

И не кушаешь?»

Взговорил Сухман

Таковы слова:

«Уж коль хвастать мне

Добру молодцу,

Так похвастаю:

Привезу тебе

Лебедь белую

Я живьем в руках

Не кровавлену».

И вставал Сухман

На резвы ноги,

И седлал Сухман

Коня доброго.

Брал с собой Сухман

Свою палицу.

Еще брал Сухман

Нож кинжалище.

Выезжал Сухман

Ко синю морю,

Ко морской ко той

Тихой заводи.

Не нашел Сухман

Гусей, лебедей

В первой заводи.

Уезжал Сухман

К другой заводи,

Не нашел и там

Гусей, лебедей.

И у третьей

Тихой заводи

Не наезживал

Гусей, лебедей.

И Сухмантий тут

Призадумался.

Как поеду я

Теперь в Киев-град,

Что скажу теперь

Князь Владимиру.

Дай поеду я

К мать Непре реке.

Глядь, течет река

Непра матушка

Не по-старому

Не по-прежнему.

А вода с песком

Помутилася.

Стал Сухмантьюшка

Ее спрашивать:

«Что ж ты, матушка

Что, Непра река,

Что течешь ты так,

Не по-старому,

Не по-старому,

Не по-прежнему,

А вода с песком

Помутилася».

Испровещится

Так Непра река:

«Ой нельзя уж мне

Течь по-старому,

Течь по-прежнему,

По-старинному.

Как за мной стоят,

За Непрой рекой,

Сорок тысячей

Все татаровей.

Они мост мостят

С утра до ночи,

Намостят что днем,

В ночь то вымою.

Да из сил-то я,

Мать Непра река,

Уже выбилась».

И раздумался

Одихмантьевич:

«То не честь хвала

Молодецкая –

Не отведать мне

Сил татарскиих».

И пустил Сухман

Он добра коня

Через матушку,

Чрез Непру реку.

Его добрый конь

Перескакивал,

Подъезжал Сухман

Ко сыру дубу

Кряковистому,

Дуб с кореньями

Выворачивал,

За вершину брал,

А с комля дуба

Белый сок бежал;

И с дубиночкой

Той Сухмантьюшка

Напустил коня

Сваво доброго

На всю силушку

На татарскую.

И начал-то он

Той дубиночкой

Да помахивать.

Той дубиночкой

Поворачивать.

Как махнет вперед,

Станет улица,

Отмахнет назад,

Переулочек.

И побил он тех

Всех татаровей,

Убежало лишь

Три татарина.

Прибежали те

Три татарина

К мать Непре реке

И попрятались

Под кусточками

Под ракит’выми.

Приезжал опять

Одихмантьевич

К мать Непре реке

И пустили те

Три татарина

Свои стрелочки

В Одихмантьича,

Во его в бока,

В тело белое.

Тут Сухмантьюшка

Эти стрелочки

Повыдергивал,

А кровавые

Свои раночки

Листьем маковым

Все затыковал,

А татаровей

Тех последниих

Распорол ножом

Он кинжалищем.

И пустил Сухман

От Непры реки

Он ко Киеву,

Ко тому двору

Княженецкому

Князь Владимира.

Привязал коня

На дворе к столбу.

Сам входил Сухман

Во столовую.

А Владимир князь

Сам по горенке

Он похажива’т,

Желтым’ кудрями

Он потряхива’т.

Взговорит-то сам

Таковы слова:

«Гой же ты, Сухман,

Богатырь Сухман

Одихмантьевич,

Что ж привез ли ты

Лебедь белую,

Мне живьем в руках,

Лебедь белую,

Не кровавлену

И не ранену?»

Взговорит Сухман:

«Ой, Владимир князь,

Мне, мол, было там,

За Непрой рекой,

Не до лебедя.

За Непрой рекой

Да за матушкой

Повстречались мне

Сорок тысячей

Злых татаровей.

Шли во Киев град

Те татаровы.

С утра до ночи

Они мост мостят,

А Непра река

В ночь мост выроет,

Да из сил она

Уже выбилась.

Напустил на тех

На татаровей

Я добра коня

И побил их всех».

И Владимир князь

Тем словам его

Не уверовал.

А велел слугам

Своим верным

Взять Сухмантия

За белы руки

И сажать его

В тюрьмы крепкие.

А Добрынюшку

Володимир князь

Посылал туда,

На Непру реку,

Чтоб проведал

Он про зар’ботки

Про Сухмантьевы.

И Добрынюшка

Оседлал коня

Он сваго доброго,

И выезживал

Добрый молодец

Во чисто поле.

Как приехал он,

Свет Добрынюшка,

К мать Непре реке,

Увидал – лежит

Вся побитая

Сила вражеска,

И дубиночка

Одихмантьева

Вся расщеплена

На лучиночки,

Промеж них лежит,

Там валяется.

И Добрынюшка,

Сын Никитьевич,

Ту дубиночку

С земли поднял

И привез ее

В стольный Киев град.

И Владимиру

Так Добрынюшка

Выговаривал:

«Правдой хвастает

Одихмантьевич:

За Непрой рекой

Лежит сила вся

В сорок тысячей

Тех татаровей

Перебитая.

Я привез с собой

И дубиночку

Одихмантьича.

На лучиночки

Та дубиночка

Вся исщеплена».

Взговорит тогда

Сам Владимир князь:

«Гой же слуги вы,

Мои верные,

Вы идите-ка
В тюрьмы крепкие,
Выводите мне
Одихмантьича,
Приводите мне
На ясны очи
Добра молодца,
Буду миловать
За услуги те
За великие;
Буду жаловать
Его до люби
Городками ли
С пригородками,
Еще селами
Да с приселками,
Золотой казной
Да бессчетною».
И пришли опять
Слуги верные
К тюрьмам крепкиим.
Говорят они
Таковы слова:
«Гой же ты, Сухман,
Богатырь Сухман
Одихмантьевич,
Выходи теперь

Из тюрьмы своей,

Ворочает князь,

Хочет солнышко

Тебя миловать

За услуги те

За великие

Тебя хочет князь

Он пожаловать».

Выходил Сухман

В поле чистое,

Говорил Сухман

Таковы слова:

«Не умел меня

Володимир князь

В пору миловать,

Не умел же он,

Ласков солнышко,

С умом жаловать,

А теперь меня

Не видать ему

Во ясны очи».

И выдергивал

Одихмантьевич

Из кровавых

Да из раночек

Листья маковы.

Сам Сухмантьюшка

Приговаривал:

«Потеки, Сухман,

Ах Сухман река,

От моей крови

От горячией,

От горячией

От напрасные».

ТРЕТЬЯ КНИГА

* № 30 (рук. № 4)

ЛИСИЦА

Одна лисица попалась в капкан, оторвала себе хвост и убежала. Ей было стыдно, и она захотела научить других лисиц сделать то же, чтобы ей не одной стыдно было. Она созвала лисиц и стала их уговаривать, чтобы отрубили хвосты. Она говорила, что хвост неприятно [?] и что совсем это лишняя и ненужная тяжесть. Тогда одна из лисиц сказала ей: Если б с тобой самой этого не случилось, ты бы нам этого не советовала.

Бесхвостая лисица ничего не сказала и ушла прочь.

* № 31 (рук. № 4).

ОЛЕНЬ

Оленю случилось сойти к ручью напиться. Он увидел по воде свою тень, и он радовался на свои рога, на то, что велики и развилисты. А глядя на ноги свои — печалился. Они ему казались и жидки и слабы. Еще пока он рассуждал, выскочил лев и погнался за ним. Олень пустился скакать и стал уходить. Пока было чистое поле, олень убегал, но как пришло

место лесное, олень запутался рогами за кусты, не мог вырваться, и лев схватил его. Как пришло погибать оленю, он и сказал себе: Эх, я горемычной! На кого думал — изменят, те бы спасли меня,[66] а на кого надеялся, от тех пропал.

** № 32 (рук. № 4).

СОБАКА И ВОЛК

Собака заснула перед двором, а голодный волк набежал и хотел ее зарезать. Собака стала просить, чтоб не резал ее. Она сказала: Теперь я худа и костлява. Коли подождешь недолго, хозяева мои будут свадьбу играть, тогда я есть буду вволю и стану жирная, и я для тебя много слаще сделаюсь. Волк послушался и ушел. Невдолге пришел опять волк и видит — собака лежит на крыше. Он стал снизу ее звать и напомнил ей уговор. Собака и говорит: Вот что, волк: коли впредь застанешь меня сонную перед двором, не дожидайся уж больше свадьбы.

* № 33 (рук. № 4).

[ЛОШАДЬ И ХОЗЯЕВА]

ОСЕЛ И ХОЗЯЕВА

Один осел работал у садовника. И работы было ему много, а корму мало. Он и стал молиться богу, чтоб ему избавиться от садовника и перейти к другому хозяину. Бог его услышал и велел горшечнику купить осла. Опять стал жаловаться осел; еще больше прежнего было работы: надо было и глину и горшки возить. Опять упросил осел, чтоб переменить ему хозяина, и продали его кожевнику. И как попал он к еще худшему хозяину, как увидал, чем его новый хозяин занимается, застонал осел и говорит: Ох горе мне горькому! Лучше б мне у прежних хозяев оставаться. Теперешний, я вижу, и из шкуры моей работает.

* № 34 (рук. № 4).

[ОЛЕНЬ И ВИНОГРАДНИК]

Олень убегал от охотников и спрятался в виноградник. Когда они его

немного проминовали, олень подумал, что уж они его не найдут, и стал объедать виноградные листья. Охотники, как приметили, что листья шевелятся, вернулись назад и думают, не зверь ли тут в листьях. Оно и правда так было. Выстрелили и убили оленя. Олень и сказал умираючи: По делом мне, не надо было портить того, что спасло меня.

∗ № 35 (рук. № 4).

ТОПОР И ПИЛА

Два человека пошли в лес за деревом. У одного был топор, у другого пила. Когда они выбрали дерево, они стали спорить. Один говорил, что дерево надо срубить, а другой говорил, что надо спилить его. Ни один не уступал другому, и они стали драться. Третий человек услыхал их спор и хотел помирить их. Он взял топор и стал рубить дерево; но топор не брал дерева, он был туп. Тогда он попытался спилить, но пила не резала. Третий человек сказал: подождите драться, ни топор, ни пила не срежут дерева. Но люди эти не перестали драться.

∗ № 36 (рук. № 4).

КОТ И МЫШИ

Завелось в доме много мышей. Узнал про то старый кот, забрался туда и по одной ловил и съедал. Увидали они, что пропадают по одной, и говорят: Давайте не будем больше вниз ходить, чтоб всем не пропасть. А сюда к нам коту не добраться. Так и уцелеем. — Как не стали больше сходить мыши, задумал кот хитростью вызвать их. Одной лапкой уцепился и свесился, а сам притворился мертвым. Одна мышь скосилась, выглянула на него да и говорит: Эй ты. Хоть мешком сделайся, не подойду.

∗ № 37 (рук. № 4).

[ПЕРЕПЕЛКА И ПЕРЕПЕЛЯТА]

Перепелка в лугу вывела детей. Когда пришло лето, мужик, скосивший луг, перемахнул косой через гнездо и открыл его невредимым. Когда перепелка-матка вернулась, она с ужасом увидела детей своих

открытыми. Дети же радовались тому, что они видят свет и свет их видит. Мальчик, принесший отцу-косцу обедать, вынул детей, поиграл ими и бросил. Счастье возможно только в закрытьи.

ПЕРЕПЕЛКА И ПЕРЕПЕЛЯТА

Мужики скосили луга. Один мужик перемахнул косой через гнездо перепела и не заметил, что гнездо с перепелятами стало наружи. Когда перепелка с кормом прилетела к гнезду и увидала, что всё голо кругом, она сказала детям: Наше счастье кончилось, нас все узнают теперь. Если не хотите пропасть, молчите и не шевелитесь. А перепелята сказали ей: Какое же несчастье, что свет увидит нас и что мы увидим свет. Мы давно ждали этого. Перепелка сказала им: Счастье только бывает в закрытьи. Не шевелитесь и ждите ночи, я переведу вас в другое место. Но перепелята не послушались матери. Они стали пищать, свистать и радоваться. Ребята принесли мужикам обедать, услыхали перепелят, увидали их и порвали им головы.

∗ № 38 (рук. № 4).

СОБАКИ И ПОВАР

Один повар готовил обед. Собаки лежали у двери кухни. Повар убил теленка и двух кур и бросил кишки и нечистоты в дверь. Собаки подхватили кишки, поели их и стали судить о поваре. Все собаки сказали: Он хороший повар и готовит хороший обед. Немного погодя, повар стал чистить артишоки, миндаль и каштаны и выбросил обрезки и скорлупу в двери. Собаки кинулись и [от]вернули носы. Они сказали: Прежде он хорошо готовил обед, а теперь он испортился, он дурной повар.

Но повар продолжал готовить обед. И обед съели и похвалили те, кому он был приготовлен.

∗ № 39 (рук. № 4).

ЦАРСКИЙ СЫН И ЕГО ТОВАРИЩИ

Сказка

У одного царя был сын. Народ не любил царя, а любил его сына. Отец стал бояться сына и невзлюбил его. Он призвал к себе сына и сказал: Ты только ждешь моей смерти и задумываешь мне зло. Уйди из моего царства, или я посажу тебя в тюрьму, и ты навсегда останешься в ней.

Царевич сказал, что не задумывает никакого зла и не желает смерти отца; но что, если он не угоден отцу, он уйдет странствовать.

Царевич простился с отцом и матерью, оделся в простое платье и пошел странствовать.

На пути с ним сошелся купец. Купец был молодой и ловкой и умный. Он рассказал, что он был прежде богат, но что все его товары потонули в море и что он идет в чужие края поискать счастия. Они пошли вместе.

На другой день с ними сошелся мужик. Мужик был тяжелый и здоровый. Он рассказал, что его поля растоптали и двор его сожгли воины и что он шел искать работы на чужую сторону.

Они долго шли все вместе и стали подходить к большому городу. У заставы они остановились отдохнуть и стали судить, как им войти в город и как они будут жить там. Обувь и платье у них износились и денег не было. Тогда мужик сказал: Теперь, товарищи, надо показать, на что каждый из нас годен, надо хлеб зарабатывать. Царевич сказал: Я никак не умею зарабатывать свой хлеб. Я ничего не умею делать. А знаю, что с каждым случится то, что ему назначено. Купец сказал, что если так думать, то помрешь с голода, и согласился с мужиком. А мужик и слушать не стал и пошел в город. В городе он стал на базар и нанялся таскать дрова. Ввечеру ему заплатили деньги, и он принес их товарищам. На другой день купец сказал, что собрался в город. Он взял те деньги, что заработал мужик, и с ними ушел. На базаре купец узнал, что в городе оставалось мало масла и каждый день ждали нового привоза. Купец пошел на пристань и стал высматривать корабли. При нем пришел корабль с маслом. Купец прежде всех вошел на корабль, отыскал хозяина и купил всё масло. Он сказал: вот тебе задаток, а деньги получишь к вечеру, и отдал ему мужиковы деньги. Потом купец побежал в город и стал перепродавать масло. Перепродал его, за свои хлопоты набрал денег в 100 раз больше против мужика и принес товарищам.

Тогда царевич сказал: Вам обоим было счастье, только напрасно вы думаете, что вы сами что-нибудь сделали, вы сделали только то, что от бога было назначено. Я ничего не умею делать, но я пойду завтра в город и посмотрю, что богу угодно будет сделать со мною.

Наутро он пошел в город. Как только он вошел в ворота, он увидал много народа по улицам. Весь народ плакал и сокрушался. Все говорили про то, что царь их в ночь умер и что они не знают, кто будет над ними царствовать. Царевич прислушивался к тому, что говорили, и спрашивал про покойного царя. Народу не понравилось, что он их спрашивает и что из всего народа он один не плачет и не сокрушается. И вдруг один крикнул: Этот человек подослан к нам от чужого царя разузнать про наш город. Берите его и ведите в тюрьму. Царевича схватили, отвели в тюрьму и два дня не входили к нему, не давали ему пищи.

Царевич не печалился и думал, что так ему от бога назначено. На третий день пришли за царевичем и повели его на суд. По городу уж прошел слух, что поймали разведчика, и народу собралось много на

суд.

На суде у него спросили: кто он и зачем пришел в их город. Царевич рассказал им всю правду. Когда узнал весь народ, кто он такой, один из народа закричал: Нам бог послал этого царевича. Мы не найдем себе лучше царя. Выберемте его. И все выбрали его царем.

Когда его выбрали царем, царевич сейчас послал за город привести к себе своих товарищей. Купец и мужик тревожились об царевиче и хотели уже идти в город разыскивать его. Когда им сказали, что их требует царь, они испугались. Купец думал, что маслянник пожаловался на него царю за то, что он без денег перекупил у него масло, а мужик думал, что его хотят взять в солдаты, но им нельзя было убежать, и их провели к царю. Они упали ему в ноги, но царь велел встать. Тогда они узнали своего товарища. Царевич сказал им: Видите ли вы, что моя правда: худое и доброе всё предназначено человеку. Я 3 дня сидел в тюрьме, а теперь меня выбрали царем. Он наградил их и оставил жить в своем царстве.

∗ № 40 (рук. № 4).

[СТРОГОЕ НАКАЗАНИЕ]

В Турецком царстве один бедный человек пошел на базар и купил говядины. Когда он нес говядину домой, ему повстречался начальник и спросил его, отчего у него лицо такое сердитое? Бедный человек отвечал: Я сердит за то, что на базаре обманывают весом. Я заплатил за три фунта, а мне дали только два. Тогда начальник сказал, чтобы он шел с ним назад на базар и показал бы того, кто обманул его. Бедный человек пошел назад и показал купца. Начальник свесил при себе мясо и узнал, что бедный человек сказал правду. — Тогда начальник сказал бедному человеку: Как ты хочешь, чтобы я наказал купца? — Я хочу, сказал бедный человек, чтобы ты велел вырезать из его тела столько мяса, на сколько он обманул меня. — Хорошо, сказал начальник: возьми нож и вырежь из купца фунт мяса. Только знай, что я накажу тебя, если ты вырежешь больше или меньше.

Бедный человек ничего не сказал и ушел домой.

∗ № 41 (рук. № 4).

БУЛЬКА И КАБАН

Так Булька жил со мной на Кавказе и ходил со мной в походы и на

охоту. В походах ему делать было нечего, а только страшно было, что задаром убьют его, но ни разу он не был ранен, хотя часто был под выстрелом. Когда в нас начинали стрелять, он подходил ко мне и не отходил ни на шаг и изредка рычал, но махал хвостом. Чеченцев он знал и не любил их. Особенно он не любил немирных и узнавал их. Один раз он уцепился за черкеску немирному лазутчику.

На охоте ему то[же] не было никакого [дела], так как медведей не было там, где я был, а на кабанов он был не нужен. Один раз мы пошли на охоту за кабанами, и Булька прибежал за мной. Только что гончие погнали, Булька бросился на их голос и скрылся в лесу. Это было в ноябре месяце. Кабаны бывают тогда очень жирны. Вкусных ягод, винограду дикого, шишек, груш, яблок, ежевики, желудей, терновнику очень много в лесах. И когда эти [плоды] поспеют, кабаны наедаются их, жиреют. В это время кабан не долго может бегать от собак. Когда его погоняют часа два, он забивается в чащу и останавливается. Тогда, если прежде никому не удалось убить его, мы все сбегаемся к тому месту, где он стоит, и стреляем. По лаю собак можно узнать, стоит ли кабан, или бежит. Если он бежит, то собаки лают с визгом, как будто их бьют, а если он стоит, то они лают, как на человека, и воют. Когда Булька скрылся в лесу, я бегал на гон собак, но ни разу мне не удалось перебежать дорогу кабану. Он, верно, слышал меня и поворачивал прочь. И всё время я не видал Бульку. Наконец, я услыхал[67] протяжный лай гончих собак и вой и побежал из последних сил к тому месту. — Чем дальше я шел, тем лес становился чаще и чаще. Сучки сбивали с меня шапку, били по лицу, иглы терновника цеплялись за платье. Я уж был близко к лаю, но ничего не мог видеть. Вдруг я услыхал треск сзади себя и увидал Бульку. Глаза его налились кровью, закушенный язык торчал в белых зубах. Он сопел и летел мимо меня. Потом я услыхал, что что-то затрещало в чаще. Собаки громче залаяли, и Булька пронзительно завизжал. Я бегал уже часа три и падал от усталости, но тут ноги сами побежали, я не знаю как пробрался в чащу и увидал сквозь ветви что-то черное. Это был кабан. Он стоял, опустив голову, против собак. Они страшно лаяли, и он посовывался то на ту, то на другую, и они отскакивали. Я прицелился в бок кабана, выстрелил и услыхал, что он хрюкнул и бросился вперед после выстрела. Это значило, что я попал. Если бы я не попал, он бы дунул. Я не видал больше кабана, но близко слышал его треск. Собаки визжали и лаяли; видно, уже рвали его. Первое, что я увидал, это был Булька. Он был, видно, ранен, потому что визжал и лежал на боку. Под ним была кровь. Я только взглянул на него, побежал дальше и опять увидал кабана. Собаки хватали его сзади, а он поворачивался то на ту, то на другую. Когда он увидал меня, он бросился вперед и наскочил на второй выстрел в упор. Только, когда кабан совсем был убит, я вспомнил о Бульке и пошел его искать, но он полз мне навстречу. Мы рассмотрели его и увидали, что у него[68] распорон живот и кишки выскочили. Мы вставили ему кишки и зашили живот. Пока зашивали живот и прокалывали кожу, он всё лизал руки. У кабана на ухе был след[69] зубов Бульки. Он, верно, повис на нем так же, [как] на медведе, но кабан клыком своим попал ему в живот. И только тогда бросил его. Я не думал, что Булька будет жив, но он выздоровел. Но уж на охоту с кабаном я никогда больше не брал его.

∗ № 42 (рук. № 4).

ФАЗАНЫ

На Кавказе так много фазанов, что они дешевле домашней курицы. Казаки охотятся за ними с кобылкой и с подсаду. С кобылкой вот как охотятся: возьмут парусины, натянут на рамку и парусину эту несут перед собой, так что фазан не видит охотника и не улетает. А охотник из-за парусины стреляет. А с собакой охотятся вот как: пустят собачонку в лес и слушают. Собачонка поднимет фазана. Он взлетит на дерево, и тогда собачонка начинает на него лаять. На этот лай идут, отыскивают фазана в сучках и стреляют. Бывает трудно пролезть в чаще к дереву, где сидит фазан, и трудно рассмотреть его. Когда собака одна лает на фазана, то он не боится ее, и сидит на сучке, и еще петушится на нее, и хлопает крыльями. Но как только он увидит человека, так вытягивается по сучку, так что только привычный охотник различит его. А другой будет стоять подле и не будет видеть. Когда казаки подкрадываются к фазану, то они надвигают шапку на лицо и не глядят вверх, потому что фазан боится человека с ружьем и больше всего боится его глаз.

Фазан вывелся весной, ни раза не видал человека, не может знать, что человек стреляет ружьем и целится глазами. Кто научил его бояться человека с ружьем, а больше всего его глаза?

∗ № 43 (рук. № 19).

БОГ ПРАВДУ ВИДИТ, ДА НЕ СКОРО СКАЖЕТ

В городе Владимире жил купец <Егор Михеич> Аксенов. <Он торговал железом. У него был дом и две лавки.> У него была жена и трое детей. Один раз он поехал в Нижний на ярманку, <попрощался с семьей, и прежде чем ехать в дорогу, он послал в булочную взять полную тележку калачей и хлебов и велел отнести в острог. А жена говорит ему: Ты об колодниках больше чем об семье помнишь. И теперь не забыл об них. Купец засмеялся и сказал: Семья об себе напомнит, а несчастных, если не пожалеешь, <то они> про себя не напомнят.

А жена сказала: Какие они несчастные? они воры и убийцы. За хорошие дела их бы не посадили в острог.

Купец рассердился и сказал: Не нам с тобой судить, кто виноват и кто нет. А бог велит жалеть несчастных, не разбирая. Может быть, я сам хуже их буду. И купец уехал из дома и заехал в острог. В остроге его знали, потому что он каждый праздник привозил заключенным гостинцы и

каждое светло Христово воскресенье выкупал из тюрьмы должников. Он роздал калачи и хлебы, и как вспомнил слова жены, его сердце еще больше разгорелось жалостью. Он спросил смотрителя, можно ли за сто рублей выкупить какого-нибудь должника. Смотритель сказал, что за 100 р. 2-х можно выкупить. Тогда купец дал ему деньги, <велел выкупить и сам поехал в дорогу.>

На половине дороги Аксенов съехался с знакомым купцом, и они вместе остановились ночевать. Они напились чаю и легли спать в двух комнатах. Аксенов проснулся еще до света, собрал свои вещи, оделся и вышел в черную избу. Разбудил ямщика, велел запрягать, расчелся с хозяином и уехал. — В обед он опять остановился кормить, и только что лег отдохнуть, как вдруг к нему вошли становой и солдаты. Становой спросил у него: Ты ночевал на постоялом дворе прошлую ночь с купцом? — Ночевал. — Видел ты этого купца после того, как вы разошлись? — Нет, не видал. — Слышал ты что-нибудь ночью за перегородкой? — Нет, не слыхал. — Зачем ты рано уехал со двора? — Я поехал раньше, чтоб раньше к месту поспеть. — Покажи твои вещи и сними платье. Аксенов снял платье и развязал свой чемодан и мешок. Становой стал чего-то искать с солдатами в платье, в мешке и в чемодане и вынул из мешка ножик. Он спросил: Это чей ножик? Аксенов сказал: Я не знаю, у меня такого ножа не было. — А отчего кровь на ноже? — Я не знаю. <И не знаю, об чем вы меня спрашиваете.> Тогда становой сказал: Ты зарезал купца на постоялом дворе. Поутру его нашли зарезанным на постеле. Больше некому было этого сделать, потому что изба была заперта изнутри, и в избе никого, кроме тебя, не было. Теперь нечего отпираться. Вот и ножик в крови у тебя в мешке, стало быть это твое дело. Говори, как ты убил его и сколько ты ограбил денег. — Аксенов <испугался, побледнел и затрясся от страха. Он только> сказал: Не я это сделал. Я не видал купца после того, как мы пили чай с ним. Деньги у меня только мои. Вот 8000. А ножик я не знаю как попал ко мне. Тогда становой велел связать Аксенову руки и ноги и вести его на телегу. Аксенов побледнел, затрясся и больше ничего не говорил, а только читал молитвы. У Аксенова отобрали все вещи и деньги и отвезли в ближний город, посадили в острог[70] и стали судить.[71] Судили его за то, что он убил рязанского купца и украл <у него> 20 000 денег.[72] В том, что он убил рязанского купца, никто и не сомневался, потому что больше было некому, и ножик нашли у него в мешке,[73] а что 20 000 не нашли на нем, так все говорили, что он их спрятал или передал кому-нибудь, а ножик не успел спрятать или забыл.[74] — Только странно всем казалось, что, когда послали в Нижний спросить, какой человек был Аксенов, все купцы и все жители в один голос сказали, что не только в чем-нибудь дурном его не замечали, но что не было у них в городе человека лучше и добрее и справедливее его.

[75]Жена Аксенова приехала к нему в острог и привезла детей. Аксенов испугался, когда увидал ее; он сказал: Я об себе не жалею, но мне жалко тебя и детей: за что вы прослывете семьей каторжника. Жена стала спрашивать его, как все это с ним случилось? Он всё рассказал ей. Она сказала: Как же быть теперь? Он сказал: Надо терпеть. За грехи мои бог наказал меня. Жена промолчала и сказала: Скажи мне правду: не ты сделал это? Тогда Аксенов закрыл лицо руками и заплакал. — Пускай чужие думают, что я убийца, а что ты на меня

подумала, это ты меня зарезала, — и он пуще стал плакать. Он <не простился с женой>, поцеловал детей и больше ничего не сказал ей.

[76]Аксенова присудили наказать кнутом и сослать в каторжную работу. И так и сделали. Когда его секли кнутом, он не кричал, а только читал молитвы. Потом, когда от кнута раны на нем зажили, его погнали с другими каторжниками в Сибирь. Офицер и солдаты полюбили Аксенова за то, что он был смирный, не буянил и товарищей уговаривал, и жалели его. А товарищи каторжники сперва невзлюбили Аксенова за то, что он не хотел с ними пьянствовать; узнали его и также полюбили. Все прозвали его божьим человеком. В Сибири на каторге Аксенов жил 26 лет. Он стал старый и седой. Все не только любили его, но почитали, как отца, и называли дедушкой. Когда бывали просьбы, Аксенов ходил просить начальство; когда бывали ссоры, к Аксенову ходили судиться. Аксенов по праздникам ходил в острожную церковь и читал Апостол и пел на клиросе, а по будням он шил сапоги и читал Жития. Из дома никто не писал писем Аксенову, и он не знал, жива ли его жена и дети.

[77]Один раз на каторгу привели новых колодников. В тот же вечер все старые колодники собрались вокруг новых и стали их расспрашивать, кто из какого города или деревни и за какое дело попал сюда. Аксенов тоже подсел на нары подле новых и потупившись слушал, что кто рассказывал. Один из новых был здоровый мужик лет 60-ти. Он рассказывал, за что его взяли. Он говорил: Так, братцы, ни за что сюда попал. У ямщика лошадь отвязал от саней. Поймали, говорят — украл, а я, право, только доехать поскорее хотел, я бы лошадь пустил. И он засмеялся. — Что ж, братцы, греха таить, были дела, давно б следовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь из-за пустяков попал. Всё, ребята, судьба. Да я не тужу. Бывал в Сибири, да не долго гостил. Подкопаюсь да уйду опять во Владимир. Там житье было. — Тогда Аксенов поднял голову и спросил, не знал ли он там Аксеновых. Как же не знать. Он назвал сына Аксенова — я у него жеребца увел. Богатый купец, даром что отец в Сибири, такой же, видно, как мы грешные. А ты сам, дедушка, за какие дела? — Я тот самый Аксенов.

Я уж 26 год здесь понапрасну. — А тот засмеялся, сказал: Ну да ведь мы все понапрасну. И я тоже. Да дело давнее. Аксенов не хотел рассказывать; но другие товарищи знали всё, что с ним было, и они сказали новому, что этот старичок точно понапрасну, и рассказали, как они знали, всё, что с ним было. Новый колодник, когда услышал всё дело, засмеялся еще громче, подошел к Аксенову и хлопнул его по плечу. Он сказал: Ну, дедушка, ты, видно, мне крестник. Ведь это я купца-то убил в Шабаловке на постоялом дворе и тебе ножик в мешок сунул. Я и тебя убить хотел, ты спал, да зашумел кто-то, я ножик сунул к тебе, да в окно. Ну, старик, не узнал тебя, сед же ты стал. И он хохотал. Скажи же спасибо, что не убил тебя тогда. Аксенов вздохнул и сказал: Все по грехам терпим, и отошел от него. И на Аксенова нашла злоба на этого человека. Он стал думать, что, не будь этого злодея, он бы жил счастливо дома, а что он всему виною, и ему убить хотелось этого человека. Он не мог спать всю ночь и мучался. Он знал, что грех сердиться, но не мог пересилить себя. Он молился всю ночь, <прочел псалмы> и к утру заснул. Утром он не подходил к

новому колоднику и не смотрел на него. Так прошло две недели. Всякую ночь Аксенов не мог спать, и раз ночью он пошел по острогу и увидал, что из-под одной нары сыпется земля. Он остановился посмотреть. Вдруг выскочил новый колодник и схватил за горло Аксенова. Раз ты от меня ушел, а теперь задушу. Если скажешь начальству, что я прокопал выход, убью. Аксенов не испугался, сказал: Убивай, я не боюсь тебя. Ты уже давно убил меня. Тогда новый колодник выпустил его и рассказал ему, как он прокопал проход под стеной и как он землю каждый день выносит, когда их гоняют на работу. Он сказал: Только молчи, я и тебя выведу. А если скажешь, то меня накажут до полусмерти, а тебя я убью. Аксенов сказал: Уходить я не хочу. Мне не долго жить, я здесь и умру. А сказывать про тебя не знаю, буду или нет. Как бог на душу положит.

На другой день солдаты приметили, что новый колодник высыпал землю, стали искать в остроге и нашли дыру. За то, что колодник хотел убежать, их наказывали до полусмерти. Начальник приехал в острог и стал всех допрашивать. Все отпирались и те, кто знал. Тогда начальник обратился к Аксенову. Он знал, что Аксенов был правдивый человек — и сказал: Старик, ты правдив, перед богом скажи мне, кто это сделал. Аксенов поглядел на нового колодника, он был бледен, и губы его тряслись, помолчал и сказал: Я не видал и не знаю. Так и не узнали, кто подкопался. После этого долго ни Аксенов, ни новый колодник не сходились и не говорили друг с другом. Один раз Аксенов спал на своей наре — он мало спал и спал слабо, как все старики. — Он услыхал, что кто-то сидит у него в ногах и плачет. Он посмотрел и в темноте узнал нового колодника. — О чем ты плачешь?

Новый колодник: — Или мне тебя убить надо, или ты меня прости. Ты мне жить не даешь. Ты мне по ночам снишься.[78] Батюшка! Горький ты мой сирота. Прости меня, — и он взвыл, как баба. Аксенов заплакал, и у него легко стало на душе. Он сказал: Бог простит тебя, может быть я в 10 раз хуже тебя.

С тех пор Аксенов и новый колодник не расходились, и новый колодник, как раб, служил Аксенову, караулил его и слушал его слова и молитвы, когда он читал. Новый колодник сказал раз: Мне мало, что ты простил меня. Мне больно смотреть на тебя. Сердце мое всё изболело. Когда меня кнутом секли, мне много легче было того, как болит мое сердце. Я объявлю, что ты не виноват, а скажу, что я сделал, мне хуже не будет.

А Аксенов сказал: И мне лучше не будет. Куда я пойду теперь? Жена моя умерла. Сын мой забыл, что я колодник, а я пойду ему напоминать про себя. А бог знает всё. Лучше оставаться попрежнему. <И Аксенов не позволил новому колоднику объявляться. На 27 году пришло Аксенову облегченье, чтобы поселить его в Сибири на поселенье. Когда он собрался уходить, он плакал, прощался с товарищами.>

<Так Аксенов прожил еще 5 лет в остроге, а потом его поселили в Омской губернии, и новый колодник вышел с ним.>

Но новый колодник не послушался, объявился; только когда вышло Аксенову разрешенье вернуться, он уж <давно> умер.

∗ № 44 (рук. № 6).

[ВОЛЬГА БОГАТЫРЬ]

[I]

Что не часты ярки звезды
Рассажались по поднебесью,
Что не ясен светел месяц
Просветил в высоком небе,
Что не красно жарко солнце
Воссияло над землею,
Народился в Русском царстве
Богатырь Вольга могучий.
От того ли от рожденья
Мать сыра земля стряслася,
Всколыбалось сине море,
Звери в чащицы схоронились,
Рыбы вглубь забились моря,
Птицы в небо улетели,
Затряслось Турецко царство.
Как семь лет минуло Вольге,
Задавался он в ученье
К мудрецам семи на выучку.

Начало варианта былины «Вольга Богатырь».

Семь годов учили Вольгу,
И в наук пошло ученье.
Обучался Вольга мудростям:
Оборачиваться птицей,
Всякой мелкой полетучей,
Еще науном птицей страшной,
Оборачиваться рыбой,
Рыбой щукою зубастой,
Оборачиваться зверем,
Всяким мелким поскакучим,
Еще левом лютым зверем.
Как в пятнадцать лет стал Вольга,
Подбирал себе дружину,
Без едина собрал тридцать
Молодцов всё однолетков,
Становился сам тридцатым.
Взговорит Вольга дружине:
Вы, дружина моя храбра,
Расстанавливай по лесу
Вы шелковы веревочки,
В темный лес да по земли,
Вы зверей ловите диких,
Вы лисиц, куниц, соболей;
Вы ловите 3 дни, 3 ночи.

И послушалась дружина:

Вили силочки шелковы,

Расстанавливали по лесу

И ловили 3 дни, 3 ночи.

Не поймали[79] ни шерстиночки.

Повернулся Вольга зверем,

Поскакал он левом зверем

Во темны лесы, в дремучи,

Заворач’вал куниц, лисиц,

Черных соболей пушистых,

Горностаев, зайчиков,

Наловился зверя досыта.

Взговорит Вольга дружине:

Вы, дружина моя храбра,

Вейте силышки шелковы,

Становите силки в лес,

В темном лесе на макушках,

Вы ловите всяку птицу:

Гуся, леб’дя, серу утку,

Еще малу птицу пташку,

Вы ловите три дни, 3 ночи.

Молодцы повили силочки,

Те силочки становили

В темном [лесе] на макушках

И ловили три дни, три ночи,

Не поймали ни пташки.

Вольга птицей-повернулся,

Науном птицей страховитой,

Полетел под поднебесье,

Заворочивал гусей, лебедей

Да заворочивал мелку пташку

Наловился птицы досыта.

Взговорит Вольга Всеславич:

Вы, дружина моя храбра,

Вы берите-ка топорики,

Вы рубите судна плавные,

Вы вяжите сети мелкие,

Выезжайте в сине море,

Вы ловите рыбу всякую:

Семгу рыбу и белугу,

Еще рыбы осетрины,

Вы ловите 3 дни, 3 ночи.

Молодцы суда рубили,

Сети мелкие вязали,

Выезжали в сине море

И ловили 3 дни, 3 ночи,

Не могли поймать и рыбки.

Вольга рыбой оборач’вался,

Рыбой щукою зубастой,

Побежал по синю морю,

Заворач’вал в сети рыбу,

Рыбу семгу и белугу,

Еще рыбу осетрину,

Наловился рыбы досыта.

И кормил Вольга дружину

Едой сладкой, переменной,

Одевал в мех соболиный.

Взговорит Вольга дружине:

Зверей, птиц и всяких рыб

Мы досыта наловились,

Дай пойдем в Турецку землю

Попытать сил богатырских.

На слова те соглашалась

Вся дружина его храбра.

Взговорит Вольга дружине:

Кто из молодцов возмется

Сбегать во Турецко царство,

Чтоб царя Салтан проведать,

Что он царь Салтан советует

Со царице[ю] Давыдьевной.

Того молодца пожалую

За услугу за великую.

Никто Вольге не ответил,

Хоронился стар за среднего,

<Средний> — за меньшего,

Нет ответа и от меньшего.

Взговорит Вольга дружине:

Видно, нет из вас, ребята,

Нет из вас молодчика

Сослужить мне службу верну.

Самому идти мне будет.

Повернулся Вольга птицей,

Взвился Вольга по подоблачью,

Полетел в Турецко царство,

Садился к Турец-Салтану

На косящето оконцо,

Слушал речи потаенны.

Говорит Салтан турецкий

Со царицей Давыдьевной:

Ты, царица ли Давыдьевна,

Ты не знаешь мои выдумы.

Говорит ему царица:

Гой же царь Салтан турецкий,

Ты скажи мне, что придумал,

Ты скажи ли свои выдумы.

Говорит Салтан турецкий:

Я пойду войной в Расею,

Завоюю девять славных

Городов российских лучших.

[II]

ВОЛЬГА-БОГАТЫРЬ

Что не ясен светел месяц просветил в высоком небе,

Что не ярки часты звезды рассажались под небесью,

Воссияло красно солнце над землею Святорусской:

Народился в земле Русской богатырь Вольга могучий.

От рожденья богатырска мать сыра земля стряслася,
Всколыбалось сине море, ушла рыба в глубь морскую,
Звери в чащи схоронились, потряслось царство Турецко.
Семи лет задался Вольга, на семь лет сроку в ученьи.
И в наук пошло ученье — всю премудрость понял Вольга.
Понимал он перву мудрость — оборачиваться птицей,
Еще понял другу мудрость — оборачиваться рыбой,
Еще понял третью мудрость — оборачиваться зверем.
Во пятнадцать лет от роду взматерел — повырос Вольга
И собрал себе дружину молодцов всё однолетков,
Тридцать братьев без едина, становился сам в тридцатых.
Как и стал Вольга с дружиной на крутом яру у Киева.
Взговорит Вольга дружине: «Вы, дружина моя храбра,
Тридцать братьев без едина, сам я Вольга во тридцатых,
От великой нашей славы, от удачи молодецкой
Ушла рыба в глубь морскую, во становья во глубоки,
Схоронились звери в чащи — во глухи ломы забились.
Братцы, слушайте приказа брата больша Атамана.
Повяжите часты сети, вы тоневьица шелковы,
Опускайте в сине море, вы ловите мелку рыбу,
Красну семжинку, белужку, дорогую осетринку.
И дружина его храбра братца слушала большого,
Повязала часты сети, опускала в сине море.
Повернулся Вольга рыбой — щукой рыбою зубастой,
Во станы поплыл глубоки, распугал всю мелку рыбу,
Красну семжинку, белугу, дорогую осетрину.
И загнал во часты сети, во тоневьяца шелковы.

Вынимали полны сети из глубока синя моря.

Как и стал Вольга с дружиной на крутом яру у Киева,

Взговорит Вольга дружине: вы, дружина моя храбра,

Половили мы всю рыбу из глубока синя моря,

Половить ли будет зверя из темных лесов дремучих.

Братцы, слушайте приказа большего брат атамана.

Вейте шелковы веревки, по сырой земле становьте,

Во темном лесу на тропах, на звериных переходах,

Выловляйте кунна зверя, черна соболя, лисицу,

Пушных белок, горностаев; поскакучих белых заек.

И дружина его храбра братца слушала большого,

Вила шелковы веревки, становила в темном лесе,

По сырой земле на тропах, на звериных переходах.

Повернулся Вольга волком, поскакал в ломы глухие,

Распугал из чащи зверя, загонял в шелковы петли.

Переловили кунна зверя из темных лесов дремучих.

Как и стал Вольга с дружиной на крутом яру у Киева,

Взговорит Вольга дружине: братцы, вы, дружина храбра,

Половили мы всю рыбу из глубока, синя моря,

Половили кунна зверя из темных лесов дремучих,

Есть удал ли добрый молодец соходить в царство Турецко

Ко царю Салтан Бекету сведать думу его царску,

Снаряжается ль войною на землю на Святорусску,

Молодца за ту услугу – буду жаловать до воли.

На слова те Вольга больший за середнего тулился,

А середний за меньшого, от меньшого нет ответа.

Взговорит Вольга дружине: Видно, мне Вольге доходит

Ко царю идти Салтану, сведать думу его царску.

Снаряжается ль войною в нашу землю Святорусску.

Вы, дружина, здесь пождите, с оборотом буду скоро.

Повернулся Вольга птицей, взвился в облака ходячи,

Прилетел в Турецко царство, ко царю Салтан в палаты,

На окошечко садился, слушал речи его тайны.

Говорит Салтан с царицей, со Давыдьевной женою:

«А ты знаешь ли, царица, мои выдумки большие,

Я на Русь пойду войною, девять городов Российских

Девяти сынам подòрю,[80] себе возьму Киев город».

Взговорит ему царица: «Гой ты царь Салтан Бекетыч,

Али ты того не знаешь, просветил на небе месяц,

Просияло красно солнце над землею Святорусской,

Народился в земле Русской богатырь Вольга могучий,

От рожденья богатырска мать сыра земля встряслася,

Всколыбалось сине море, ушли рыбы в глубь морскую,

Звери в чащи схоронились, потряслось царство Индейско.

Во 15 лет от роду взм[атерел — повырос Вольга]

И соб[рал себе дружину молодцов всё однолеток]

30 м[олодцев без едина, становился сам в тридцатых.]

Богатырь Вольга пытает наши думы с тобой царски,

И сидит он на оконце, наши речи с тобой слышит».

Вольга сударь догадался, солетал с окна на землю,

Оборачивался зверем, мелким зверем горностаем,

В погреба бежал глубоки, надкусал тетивки в луках,

Повыймал из стрел железцы, выбегал во чисто поле,

Взвился птицей под небесью, прилетел к своей дружине;

Как и стал Вольга с дружиной на крутом яру у Киева,
Взговорит своей дружине: братцы, вы, дружина храбра,
Убирайтесь в сбрую ратну, выходите в чисто поле,
Во раздолье во широко, к славну городу Турецку.
И его дружина храбра снаряжалась, поднималась,
Выходила в чисто поле, к славну городу Турецку.
Стоит город огорожен белокаменной стеною,
Ворота в стене железны, по булату серебрены,
В воротах крюки засовы крепкой меди золочены,
Подворотня рыбьей кости, по ней вырезы мудрены,
Мелки вырезы мудрены, мурашу пролезть ли впору
Караулы денны, нощны, нет проезду, ни проходу.
Закручинилась дружина. Взговорит большому брату:
Атаман наш больший братец, ин завел ты без рассудку
Нас ко городу Турецку, во раздолье чисто поле.
Стоит город огорожен белок[аменной стеною],
Ворота [в стене железны, по булату серебрены,
В воротах крюки засовы крепкой меди золочены,
Подворотня рыбьей кости, по ней вырезы мудрены,
Мелки вырезы мудрены, мурашу пролезть ли впору,
Караулы денны, нощны, нет проезду, ни проходу.]
Погубить будет дружине нам головушки напрасны.
Он догадлив был Вольга, сам мурашом ли повернулся,
Мурашами оборачивал всю дружину свою храбру,
Пролезал с своей дружиной в костяную подворотню
По тем вырезам мудреным, стал с дружиной за стеною.
Как и стал Вольга с дружиною, молодцами с сбруей

ратной,

Взговорит Вольга дружине: «Вы, дружина моя храбра, Братцы,

слушайте приказа больша брата атамана,

Побивайте стар и мала, изведите всех до корня,

А оставьте по выбо̀ру[81] только тридцать красных девиц».

Храбра Вольгина дружина порубила стар и мала,

Оставляла по выбору только тридцать красных девиц.

Сам Вольга шел ко Салтану во палаты его царски.

Сидит царь Салтан в палатах во больших крепких запорах,

У палат двери железны, а крюки, засовы медны.

Говорит Вольга на двери: хошь сломать ногу, а выбить.

Пнул ногой в двери железны, поломал засовы медны,

Брал царя за руки белы, говорил, да не с упадкой:

Ой ты, славный царь индейский, не казнят царей, не бьют

вас.

Ухватя, ударил об пол и расшиб царя на крохи.

Как и стал Вольга с дружиной в славном городе Турецком,

Стал делить Вольга добычу, оделял он всех по ровну,

По девице дал на брата, а коров делил по стаду,

Табунами делил коней, красно золото по кадке.

* № 45 (рук. № 27).

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

3-я книга разделяется на 1) Басни, 2) Сказки, 3) Рассказы и описания, 4) Научное, 5) Стихи, 6) Славянское, 7) Счет. О чтеньи и рассказе то же, что при 1-й и 2-й книгах. В русском отделе, за исключением былин, вставлены следующие упражнения: В первых баснях (до Царь и сокол) обозначены особым шрифтом особенности окончаний

сперва винительного, потом родительного, отдельно дательный, творительный и предложный падежи. Упражнения должны состоять в том, чтобы ученик составлял речения с употреблением того или другого падежа и узнавал падежи при чтении. В дальнейших баснях и сказках обозначены окончания падежей вместе. В отделе III обозначены окончания родов единственного и множественного числа прилагательных. На эти упражнения следует обратить особое внимание, так как понятия среднего рода часто у детей и у народа вовсе не существует, и они говорят: моя ружье, сухая сено и т. п.

В III отделе до статьи Чутье обозначены наречия. Упражнения должны состоять в составлении наречий и в узнаваньи их при чтении. Статьи от Чутья и до Былины должны служить упражнением для повторения всего предшествующего.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

* № 46 (рук. № 4).

КАМЫШ И МАСЛИНА

О силе, крепости спорили маслина и камыш. Маслина срамила камыш, что он бессильный и легко сгибается перед всеми ветрами. Камыш промолчал. Вскоре сильный подул ветер; камыш зашатался, согнулся и уцелел. А маслина, как напружилась против ветра, сразу сломалась.

* № 47 (рук. № 4).

[ДВА ТОВАРИЩА]

ДВА ПРИЯТЕЛЯ

Два приятеля шли по дороге. Выскочил медведь. Один упредил другого, влез на дерево и там спрятался. А другой упал наземь и притворился мертвым. Медведь стал мордой обнюхивать его, а он перестал дышать. Говорят, мертвых не трогает медведь. Как ушел медведь, тот слез с дерева и спросил у товарища, что ему медведь на ухо говорил. — А он мне сказал, чтоб впредь не ходить в дорогу с такими товарищами, какие в опасности не остаются вместе с товарищем.

———

∗ № 48 (рук. № 4).

[КОРОВА И КОЗЕЛ]

КОЗЕЛ ДОИТЬСЯ ПРИШЕЛ

Козел, ходивший в стаде, завидовал хозяйской корове в том, что, как только корова приходила домой, хозяйка, садясь под корову и накладывая ей ручник на спину, давала ей пойло с хлебом и солью. Предполагая, что корове оказывается предпочтение за то, что она с ревом первая прибегает из стада, однажды опередил корову и, прибежав первый к хозяйке, козел, расставив ноги и мыча, стал подле скамейки, ожидая, что ему положат ручник на спину и дадут пойло. Хозяйка, увидав козла, отгоняя, махнула на него ручником, но козел, вспомнив, как хозяйка ежедневно увещевала корову стоять смирно, решил быть послушнее коровы и, продолжая мычать; не тронулся с места. Тогда хозяйка, взяв дубину, избив козла, прогнала его. — А говорят, что смирение и покорность уважаются[82] людьми, сказал козел с печалью. Я только могу презирать их невежество. — Ты больше ничего не можешь дать людям, презирающим тебя, сказала корова. Смирение и покорность уважаются только тогда, когда они сопутствуют достоинству.

∗ № 49 (рук. № 4).

[МУЖИК И ВОДЯНОЙ]

ПЛОТНИК И ВОДЯНОЙ

Плотник уронил топор в реку и не знал, что ему делать. Он сидел и горевал на берегу. Водяной узнал, о чем он горюет, пожалел этого человека, сошел в реку, вынес золотой топор и спросил, что его ли это топор. Плотник сказал, что нет, и водяной спустился опять в реку и вынес серебряный. Плотник опять сказал, что не его топор, и водяной опять спустился и вынес настоящий топор. Плотник сказал, что этот точно его топор, и водяной за правдивость его подарил все три топора. Вернувшись, рассказал товарищам всё, что с ним случилось. Один из них и задумал то же самое проделать: пошел к реке, нарочно бросил свой топор в воду и заплакал, сел на берегу. Водяной и этому явился и, узнавши, о чем плачет, опустился и вынес золотой топор и спросил, этот ли уронил? Тот обрадовался и закричал: как же, тот самый. Рассердился водяной за его неправду и не только золотого не отдал, но и его собственного назад не отдал.

∗ № 50 (рук. № 4).

[ВОРОН И ЛИСИЦА]

Ворон унес кусок мяса и сел на дерево. Лисица увидала его и ей захотелось этого мяса. Она и стала хвалить ворона, что он и велик и красив. Она сказала: Быть бы тебе царем всех птиц, кабы у тебя при твоей красоте еще бы и голос был. Ворон хотел показать, что у него есть голос. Бросил мясо и закаркал. Тогда лисица подбежала к мясу, взяла его и говорит: Ах, ворон, коли бы еще у тебя ум был, быть бы тебе царем.

∗ № 51 (рук. № 4).

[ОТЧЕГО ЗЛО НА СВЕТЕ]

Один пустынник жил в лесу, и звери и птицы не боялись его и приходили к нему. И они говорили между собой, и он понимал их голоса. Один раз ворон, голубь, олень и змея собрались ночевать к тому дереву, под которым жил пустынник. Они стали спрашивать друг друга, какое самое большое зло на свете. Ворон сказал: Самое большое зло на свете — это голод. Когда голоден, то худеешь и делаешься скучен и беспокоен. Когда я голоден, я уж ничего не боюсь, и бросаюсь на всякую пищу, и не вижу, что в меня бросают. Мы часто погибаем от этого. Вот отчего голод самое большое зло на свете.

Тогда голубь сказал: По-моему, самое большое зло на свете — это любовь. Когда мы любим, мы сами себя забываем и от этого часто пропадаем.

А змея сказала: По мне, не любовь и не голод самое большое зло, а самое большое зло — это гнев. Мне стоит рассердиться, и я ничего не помню, я и отца и мать свою закусаю. Мы часто сами себя съедаем от злобы.

Потом олень сказал: Нет, по мне, главное зло — это страх. Когда мы в лесу или в поле, мы всякую минуту дрожим. То нам кажется, что мы слышим охотников, то волков, и мы бросаемся куда попало, и попадаем в овраги, и ломаем себе ноги и шеи. И самка бросает детей. Так сильно мы боимся. Вот отчего страх главное зло.

Тогда пустынник сказал им: Главное зло на свете — это наше тело. От него все наши страдания. От него и голод, и любовь, и злоба, и

страх.

* № 52 (рук. № 4).

** [ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ]

Первая редакция

МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА

Когда я был молодой, я любил ездить на охоту за медведями.

Медведи летом ходят по лесам и полям, а по первому снегу ложатся в лесу и не встают всю зиму.

Когда мужики ходят по первозимью по лесу, они находят на следы медведей и по следу идут до тех пор, пока не придет овраг или густой лес, и тогда они бросают след, и идут влево или вправо, и делают большой круг, так чтобы вернуться на свой прежний след. Когда из круга этого нет выхода следа, то мужик знает, что медведь наверное в этом кругу. Если же след вышел, то мужик опять идет по следу и опять обходит до тех пор, пока из круга не будет выхода. Когда медведь обойден, то мужик продает след охотнику и караулит медведя, чтобы кто-нибудь другой не подбудил бы медведя и не прогнал его.

У меня был знакомый мужик Архип в Новогородской губернии. Он ходил и ездил по округе и спрашивал у мужиков медвежьих следов. Когда мужики говорили, что у них есть следы, Архип сам обходил медведя, чтобы видеть, что есть вход, а нет выхода, и когда видел, что это правда, покупал медведя и ехал ко мне в Москву и мне продавал медведя. Мужикам за след мы платили 15, 20, иногда 30 рублей за след. В начале зимы Архип приехал к нам в Москву и продал два следа. У меня были дела, и нельзя было ехать, а брат мой поехал с двумя приятелями на этих медведей. Одного из них убили, а другой ушел от них. Мой брат стрелял в него и ранил его. На снегу видна была кровь, но медведь ушел. Брат мой очень жалел, что медведь ушел: он говорил, что никогда не видал такого огромного и черного медведя.

Перед рождеством Архип опять приехал к нам и сказал, что прежний огромный черный медведь опять обойден. Мы собрались и поехали с Архипом: мой брат, наш знакомый старый полковник Иван Никитич и я. Мы послали вперед Архипа, чтобы он нам приготовил лошадей, а сами поехали на другой день по чугунке. В 7 часов вечера, когда мы вышли на станции чугунки, Архип встретил нас, и двое маленьких санок в две лошади гуськом дожидались нас. Мы уложили ружья, запасы, оделись потеплее, подпоясались, уладили из сена сиденье в санках и поехали. Снегу было так много, что от кустов виднелись только макушки, что в деревнях, где мы проезжали, плетни были занесены до верху и сараи до крыш. Мы ехали долго сосновым лесом, и в темноте покрытые снегом

деревья казались огромными белыми стенами и воротами. И сквозь эти белые стены и ворота блестели и дрожали яркие звезды на темном небе. Было так морозно, что мы часто выскакивали[83] из саней и бежали за лошадьми и били руками. Несколько раз на ухабах мы вываливались из саней. Спать нам никому не хотелось, мы только думали о завтрашней охоте, смеялись и шутили. В деревнях мы подносили водки ямщикам и Архипу, и они развеселились и всю дорогу пели песни. Когда мы приехали в деревню, откуда нам завтра надо было идти на охоту, было уже поздно, и мы издалека слышали уж, как пели петухи. В избах уж полегли спать. Архип разбудил хозяев, баба засветила огонь, и мы вошли в жаркую избу, сняли шубы и стали отлеплять сосульки на усах и бороде. Иван Никитич сейчас же лег спать, а мы с братом напились чаю, поговорили и, когда и легли на полу на сене рядом с Иваном Никитичем, не могли заснуть: мы всё думали о завтрашней охоте. Я долго не мог заснуть. Я всё думал об медведях, и мне всё представлялось, как огромные черные медведи гуляют под белыми снеговыми воротами, которые мы проезжали. Я слышал, как храпел Иван Никитич, как свистел носом и чмокал губами брат, как Архип молился богу и потом залез на палати, как тараканы бегали по столу, как петухи чаще и чаще кричали, как ревели на дворе овцы и корова и как в другой избе захлопали дверью и поднялись хозяева. Мне показалось, что светает, я встал и вышел в сени. Еще до утра было далеко. Светлее стало только оттого, что перед утром встал месяц. Было очень холодно, и пар, как дым, вырывался из двери избы. На дворе стояли наши санки, и лошади одни лежали, другие стояли и жевали сено. Все они объиндевели от холода и были седые. Я вернулся, лег и заснул. Меня разбудил брат. Самовар был готов, было светло, и Архип с двумя мужиками сидел тут же и пил чай на блюдечке. Я вскочил, оделся, умылся, зарядил ружье и, обжигаясь, выпил чаю. Всё уже было готово. Толпа мужиков и баб загонщиков с дубинами стояла на дворе. Была прекрасная погода, пасмурно и всё точно замерло. Архип в одном коротком кафтане, туго подпоясанном, с лыжами через плечо распоряжался ими и повел их из деревни. Немного погодя мы с ружьями и лыжами сели на санки и поехали в лес, где был медведь. Это было не более 3-х верст от деревни. Впереди нас мы увидали в лощине в снегу дым и услыхали говор и смех мужиков и баб. Это были загонщики. Они дожидались нас, грелись и разговаривали. Когда мы приехали, они поднялись, и Архип повел их за овраг. Все шли один за другим. Передний шел целиком по следу лыжи, а за ним другие, так что когда мы пошли, то была дорожка, протоптанная по колено в снегу. Когда мы подходили, Архип обогнал нас на лыжах. Он по снегу ходил так хорошо, как будто он плыл. Он велел всем молчать и показал нам места. Иван Никитич стал 1-й. Пройдя 40 шагов, я стал подле сосны, а еще дальше за 50 шагов стал брат. Мужиков расставили кругом по обкладу. Они стояли в 20 шагах друг от друга. С одной стороны они примыкали к Ивану Никитичу, а с другой к брату. Так что медведь лежал в середине круга, а по кругу стояли все мужики и мы, охотники. Архип взял палку и пошел на лыжах в середину круга. Он пошел отыскивать медведя и поднимать его. Когда он поднял медведя и увидал его, то он закричал, и все мужики по кругу стали кричать, стоя на месте. А мы, охотники, приготовили ружья, и взвели курки, и ждали, что медведь выйдет на нас. Я стоял в лесу. Против меня был частый молодой ельник в рост человека, весь белый и слипшийся от снега. В середине ельника этого была белая дорожка, засыпанная снегом. Дорожка эта выходила прямо на

меня. Левее меня был чистый ельник, в снегу, редкий и без подседа. Направо от меня частый ельник кончался на полянке. И дальше по этой полянке мне был виден мой брат. Налево Ивана Никитича мне было не видно. Я смотрел то вправо от ельника, на полянку, то влево — в высокий лес, и с той и с другой стороны ожидал увидать медведя; но никак не ожидал, чтобы он пошел через густой и низкий ельник. Сзади меня в 3-х шагах была большая сосна. Около нее было чисто. Я, проваливаясь выше колен, отошел к этой сосне, обтопал перед ней площадку аршина в 11/2 и на ней устроился. У меня было два ружья и кинжал. Одно ружье я держал в руках, а другое с взведенными курками я прислонил к сосне. Кинжал я вынул и вложил, чтобы знать, что в случае нужды он легко вынимается. Я знал, что медведь очень редко нападает на людей, но всё это я сделал для осторожности. Скоро после того, как Архип взошел в лес, я услыхал его крик. Он кричал: Пошел, пошел! И вслед за тем на всем кругу закричали мужики разными голосами: Ай! Ай! Пошел — поди! И тонкие голоса баб слышны были кое-где. Как закричал народ, так у меня забилось сердце, и я то и делал, что оглядывался то вправо, в редкий лес, то влево, на полянку. Уши у меня насторожились, как у зайца, и я слышал всякий самый тихий звук. Я слышал, как падал снег с веток, как выпрямлялась согнутая ветка, когда с нее соскакивал снег, и вздрагивал от всякого такого звука. Мне казалось, что вот-вот он выскочит. Вдруг налево я услыхал — снег сыпется.

Я оглянулся — в редком крупном ельнике я увидал что-то большое, черное в 50 шагах от меня. Я не верил глазам, но черное стояло, не шевелилось, и я разобрал грудь медведя, лапы, наполовину ушедшие в снег, и уши настороженные. Медведь стоял и слушал крик сзади и меня, верно, видел. Я приложился и ждал, не подбежит ли он ближе ко мне. Но как только я шевельнулся, он повернулся и бросился назад. Тут я увидал его с боку, какой он огромный. Я выстрелил, но пуля моя не попала, я сам видел и слышал, как она шлепнулась в ствол ели и отколола ее край. Медведь скрылся, я опять зарядил ружье и стоял, слушал крик мужиков. Я уж не ждал больше медведя. Я думал, что испугал его своим выстрелом, и что он уже никак не пойдет теперь на меня. Мужики кричали со всех сторон, но с правой стороны, недалеко от моего брата, крик был страшный. Верно, мужики видели медведя, потому что они кричали: Вот он! Ой, ой, держи! Ай! Ай! Ай! Я боялся, что медведь прорвется вон из круга, и я смотрел направо — на брата. Я увидал, что к нему подошел Архип с палочкой, потом я увидал, что Архип присел подле моего брата и палкой показывал ему что-то перед собой, потом я увидал, что брат целится туда, куда показывает Архип. И услыхал выстрел. После выстрела я ждал, что брат побежит за медведем, или что медведь пробежит через полянку, и смотрел на нее. Как вдруг впереди себя в густом ельнике я услыхал — сыпется снег, и пыхтит что-то, и быстро приближается. Я оглянулся и впереди себя в 5 шагах по дорожке между частым ельником увидал медведя. Он, как заяц, во весь дух скакал ко мне, рассыпая вокруг себя снег и утопая в нем по брюхо. По лицу медведя я видел, что он не видит меня и только в испуге хочет убежать скорее. Я прицелился и выстрелил из одного ствола, но я так заторопился, и медведь скакал так скоро, что я не попал: пулю мою перенесло. Из другого ствола я выстрелил ему в голову, когда он был в аршине от меня. Тут я попал, и по лицу его я увидел, что попал. Он вдруг осклабился, прижал уши, и узнал меня, и

бросился на меня. Я хватился за другое ружье, думая, что он проскочит мимо, но он не дал мне взяться за ружье, поднялся на задние ноги, столкнул меня с площадки в снег и, опять ступив на четвереньки, перескочил через меня. Я поднялся и хотел вылезать из снега, как вдруг увидал, что он не проскочил мимо, а только оттого перескочил через меня, что он не мог удержаться с разбега, он передом повернулся назад, положил мне обе лапы на плечи, повалил меня назад навзничь на глубокий снег, придавил меня грудью и, раскрыв пасть, стал грызть меня за середину лица. Верхней челюстью он хотел зацепить меня в глаза, а нижней в щеку. Нос мой был у него во рту, и я чувствовал его теплое дыханье и особенный кровяной запах. Руками я не мог шевелить под его тяжестью в мягком глубоком снегу, и кинжал мой был бесполезен. Я только спасал свои глаза, я подгибал голову к груди и спасал от него нос и глаза, а подставлял лоб и череп. Так что ему не удалось укусить меня за глаза и нос, а зубы его попали верхней челюстью в лоб под волосами, а нижней на мослоки под глазами. Он разодрал мне всё мясо на лбу и давил кость так сильно, что, мне казалось, голова треснет. Не знаю, что бы было со мной, если бы у него не была тоже перебита челюсть. Но он долго грыз мне голову и ободрал много мяса, но все-таки не проломил кости. Он грыз меня минуты три, и я только вертел головой и толкал его руками; но он не бросал. Он бросил только тогда, когда Архип подбежал к нему с одной палкой. Когда брат и Иван Никитич и Архип увидали, что медведь сбил меня с ног и грызет, они все бросились ко мне. Но Иван Никитич и брат ошиблись расчетом и, вместо того чтобы бежать по протоптанной дорожке, побежали целиком и оба упали. Пока они выкарабкивались из снега, медведь всё грыз меня. Один Архип, хотя и без ружья, побежал дорожкой и прибежал прежде их. Он бежал и кричал: Батюшки! медведь барина заел! и сам бежал и не знал, что он будет делать, когда прибежит с одной палкой, но медведь испугался, бросил и побежал. Когда я встал, то снег был весь красный от крови и моей и медвежьей, но боли большой я не чувствовал. Я бросился к ружью, но медведь уже убежал. Брат и Иван Никитич, бледные и испуганные, прибежали ко мне. Они думали, что я пропал, и им страшно было смотреть, как у меня над глазом висел лоскут мяса и такой же под глазом. Пока они осматривали меня, и мы говорили про всё, что случилось, вдруг кто-то закричал: Вот он. И мы увидали, что медведь опять бежит к нам. Мы схватились за ружья, но он пробежал мимо, и мы не успели выстрелить. Он так остервенился, что ему хотелось еще погрызть, но, увидевши, что нас много, он испугался и убежал. По следу мы увидали, что у медведя из головы идет кровь. Мы хотели идти догонять его, но у меня разболелась голова, и мы поехали в город к доктору. Доктор зашил мне шелком раны. И еще не совсем зажило, как Архип приехал к нам и сказал, что медведя он нашего следил, и что он всё исходит кровью и не ложится, а ходит и ест снег. Мы поехали опять за ним, но мне не удалось добить этого медведя. Он не выходил из обклада, а всё ходил кругом и ревел страшным голосом. Архип добил его. У него была перебита нижняя челюсть и выбит зуб. Медведь этот очень велик, и шкура на нем прекрасного черного цвета. Я сделал из него чучело, и он лежит у меня в горнице. Раны у меня на лбу зажили, так что только чуть-чуть видно, где они были. —

Вторая редакция

<Вскочил я, умылся, оделся, зарядил свое ружье, и мы вышли с братом. Старик вышел провожать нас и говорит: «Ну, дай бог благополучно; привозите его сюда, а то, если тут зазимует, он на весну много скотины перепортит».

А у охотников примета, что не к добру, когда пожелают. Брат и говорит: «Эх, старик, разве на отъезде желают!» Старик не понял; сели мы и поехали. На самом выезде идут две бабы, пустой ушат несут. «Ну, говорит брат, не будет добра!» А я говорю: «Я ничему этому не верю. Посмотри — удача будет, так чует сердце».

Погода была славная; мороз всё держал крепкий, тихо было и солнца не видать было; как туман стоял наверху, и иней садился.

Лошадки у нашего ямщика застоялись, так что он не удержит их всю дорогу: он скакал. Ехали мы по дороге, по той самой, по которой вчера вернулись, с версту. Я узнавал деревья по инею, как они облипли, только нынче еще больше облипли, так что кое-где стало сучья ломать.

Проехали мы три версты, я и говорю: «вот тут должен быть вчерашний след». А ямщик говорит: «вон ямщики подъехали». Мы увидали в стороне дороги, к лесу, в низочке дымок синеет, и народ стоит, мужики и бабы с дубинами.

Мы хотели слезать, но ямщик говорит: «сидите, я туда провезу, вишь, протоптали мужики, как стадо прошло».

Заворотил он, передняя лошадь своротила, да глубоко было. Все вышли и по следу дошли к народу. Мужики сидят, картошки жарят, смеются с бабами.

И Демьян с ними. Послали мы мужика к саням, принес он бочонок водки, поднесли мы мужикам, бабам и Демьяну. Он не стал пить. «Нет, говорит, теперь не до водки. Только бы бог дал обвести народ потихоньку, не вскочил бы, а то не уйдет. Я вас двоих поставлю на самой на тропе, обклад маленький, как пугну, так прямо на вас выйдет. Ну, с богом». Демьян веселый такой и говорит мужикам: «Ну, ребята, иди, только дороже всего — не кашляни, не хрусни, тише. Если зашумит кто — убью, а бабу сейчас прямо под медведя посажу».

Пошли мужики по лыжне по Демьяновой. Вперед пошел старик, за ним другие, потом бабы. Идти передним глубоко, выше колен, топчут, где падают, а задним уж полегче. Вытянулись мужики, бабы ниткой, 30-ть человек, только по пояс их видно. Идут, палками попираются и стали скрываться в лесу. Демьян стал на лыжи и говорит нам с братом: «Ну, я пойду вперед, круг сделаю; а вы идите за мужиком, я вас встречу и место укажу».>

∗ № 53 (рук. № 18).

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

№ 1.

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин. Он был не из богатых, именьице у него было маленькое, и в именьице жила его мать и две сестры. С именья и им недоставало прокормиться. И Жилин посылал им из своего жалованья.

Он служил восьмой год и командовал ротой. Начальство, товарищи и солдаты любили его. Когда начальству нужно в трудную должность послать офицера с ротой — кого послать? Жилина. Знают, что он ни проспит, ни загуляется и ничего не побоится. Когда товарищам офицерам нужда заменить на службу или денег занять — к кому пойти? к Жилину. Когда у солдат беда или нужда — к кому идти милости просить? к Жилину.

Жилин не любил ни пить, ни гулять, ни в карты играть. Были у него две охоты: первая охота — лошади. Всегда у него бывали лошади верховые, самые лучшие скакуны.

Другая охота — рукоделье. Завел он себе снасть: станок токарный, стамески, ножички, пилки, и из дерева и из кости точил и резал.

Из себя Жилин был черноватенький, сухощавый, маленький.

Пришло ему раз письмо из дома.

№ 2.

Наутро пришли в сарай вчерашний татарин с красной бородой и с ним другой черномазый, высокий, статный; в плечах широкий, а в поясу тонкий, из себя красивый. Бешмет на нем шелковый с галунчиками, подпоясан ремнем, а на ремне кинжал серебряный. Шапка баранья, высокая, хорошая; на ногах башмачки красные, сафьянные, серебром оторочены, а на башмачках другие, деревянные башмаки. Голова бритая из-под шапки синеется, а бородка маленькая, черная; усы подстрижены, глаза черные так и светятся и лицо веселое.

Татарин с красной бородой показал на Жилина, стал говорить что-то.

Черный мотнул головой: «ладно, мол», и подошел к Жилину, потрепал его по плечу, что-то спрашивает. Ничего нельзя понять. Только понял Жилин, что он не ругает, а что-то спрашивал, а что — не знает. А у Жилина в горле пересохло, он со вчерашнего дня не пил. Он и говорит:

— Дай напиться.

Черный только языком пощелкивает.

— Пить дай. Не понимаете?

Жилин губами и руками показал.

Черный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то: «Дина!»

Прибежала девочка, тоненькая, худенькая, лет 13-ти, а лицом на отца похожа. Тоже глаза черные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, красную, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено синим. На ногах штаны и сапоги с высокими каблуками, на шее монисто всё из русских полтинников. Простоволосая, коса черная и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшин жестяной на голове. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как на зверя какого.

Подал ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся. Послал ее еще куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой и опять села, изогнулась, глаз не спускает, смотрит.

Ушли татары, заперли опять дверь. Темно в сарае, только в щелку светит. Раскопал Жилин эту щелку, стал разглядывать. Видна ему половина сакли с плоской крышей. Дерево, тополь растет.

Коза с козлятами ходит, дорога под гору, а по дороге бабы ходят в широких рубахах с водой, носят кувшинами на головах. Бабы всё в цветных рубахах с широкими рукавами и головы кафтанами покрыты.

Видит потом — мальчишки в одних рубашонках, тоже бритые, собрались кучкой. Подойдут к щелке, посмотрят, завизжат что-то и закатятся бежать, только голые коленки блестят. Потом видит — трое едут верхами. Лошади хорошие, седла, шапки и кинжалы в серебре и узды красные. Подъехали они к дому; вышел им навстречу черный татарин, поздоровался с ними по-ихнему: шапки не снимает и не кланяется, а только обеими руками за руку гостей подержал, пошептал что-то и взялся за стремя.

Слезли гости, повел он их в дом. Потом пришел к Жилину работник нагаец и говорит: «айда! хозяин» — и повел куда-то Жилина. Пошел Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу на сторону. Привел его работник в дом.

№ 3.

Стал говорить по-русски:

– Твоя хозяин купил Абдерахман, твоя була деньгу платить.

Сначала Жилин не разбирал, что он такое говорит, потом стал понимать, и начали они говорить. Гость татарин не от себя говорил, а от черного. Что черный скажет, он по-русски пересказывает, а все слушают. Как Жилин ответит что, татарин им перескажет.

Понял он, что красный татарин продал его самого, Жилина, черному татарину Абдулу и что Абдул велит ему домой писать, чтоб за него выкуп прислали. Жилин понял и говорит:

– Скажи ты ему, чтоб он прежде с меня колодку снял да кормил бы меня хорошо, а не так, как собаку, в сарай бы запирал, а потом мы разговаривать будем.

Поговорили татары; переводчик и говорит:

– Колодку нельзя снять, ты уйдешь, а кормить тебя будут хорошо, если ты большой выкуп дашь.

– А много ли он хочет выкупа?

– Три тысячи монет.

– Этого я не заплачу, у меня и половины тех денег нет. 500 рублей я дам.

Тут татары заговорили часто, все вдруг. Пуще всех залопотал красный, так что слюни изо рта брызжат: «Урус, урус».

Замолчали они.

№ 4.

Выздоровел на его счастье татарин. Уж очень помягчали с ним татары, стали уж и колодку на день снимать, когда сами дома. И дарили его, кто платьем, кто деньгами 20 копеек даст. А больше всё чего-нибудь поесть принесут. И выучился он немного говорить по-ихнему.

Были и из татар добрые люди. Звали его все Иван. Бывало, подойдут, поговорят, посмотрят, посмеются, угостят трубочкой или из еды чего-нибудь.

— На, Иван, Иван, на!

А были и злые, слова не скажут, только ругают.

Красный татарин редко дома живал, а как увидит Жилина, всегда обругает.

№ 5.

Нет, уж теперь домой не поеду, не женюсь. А до тех послужу, пока столько татар перебью, сколько они меня дней держали да мучили.

Так Жилин и остался служить на Кавказе и воевал до тех пор, пока Кавказ завоевали, и дослужился до генеральского чина.

∗ № 54 (рук. № 4).

[КАК ХОДЯТ ДЕРЕВЬЯ]

После этого я стал примечать за другими деревьями, расспрашивать и читать и узнал, что деревья ходят. Калина одна выросла в щели железной крыши, и когда ей стало мало земли, она спустилась по трещине стены и там завела новый корень, потом в щель еще ниже и, наконец, совсем сошла наземь. Теперь, после того, как я много примечал за деревьями, я хожу по лесу и вижу в деревьях друзей, врагов, сраженья, войны. Растет дубок; осина или орешник не дают ему хода в ширину. Он выберет где-нибудь просветик, потянется вверх одним побегом; осина и орешник все перегоняют его. Дубок не торопится: как только осина и орешник пойдут вверх, и внизу освободится место, дубок начинает забирать силу в нижние ветви и выпускает их далеко везде, где есть место, — иногда на два, на три аршина. Придет время, когда осина умрет или ее срубят, и тогда эти нижние корявые сучья пригодятся дубку. Он живо сбросит их и всю их силу переведет вверх. Тогда уже он ничего не боится, — разве дуба, такого же, как и он; тогда они борятся или мирятся, разделят место для ветвеи, или согнется тот, что помоложе, и тоже дожидается своего времени. А если выкапывать корни в лесу да присмотреться, то увидишь, что такие истории войны, сражения, замирения идут у растений внизу, под землею, в царстве кореньев.

∗ № 55 (рук. № 4).

ГАЗЫ

Когда много людей дышат в одном месте, станет душно, нельзя дышать. Отчего это? Если сказать, что весь воздух выдышали, неправда будет, потому что, сколько ни дыши, воздух останется. Махни рукой, слышно — воздух, пусти перышко — оно будет летать. Стало быть, воздух есть, да не тот, какой нужен.

Если внести деревья в кадках в горницу и закрыть двери, деревья поживут с неделю, а потом станут сохнуть. С деревьями будет то же самое, что с людьми. Они выдышат для себя воздух, какой им [нужен], останется воздух, но другой.

Если внести деревья в ту горницу, где люди выдышали весь хороший для себя воздух, то деревья сейчас поправятся. Та самая часть воздуха, какая вредна для людей и в какой человеку дышать нельзя, эта самая часть воздуха нужна для деревьев. А если людей впустить в ту горницу, где стояли деревья и стали сохнуть, то люди почуют самый приятный легкий воздух.

Стало быть, в воздухе есть две части. Одна нужна для деревьев, травы, для всякого растения, а другая для людей. На вольном воздухе обе части эти смешаны, и растения и животные дышат той частью, какую им нужно. Две части эти всегда есть в каждом воздухе, и когда они перемешаны, то хорошо дышать, а как только отделится одна, то она становится вредная. Та часть воздуха, какая нужна для животных, бывает такая же светлая и не видная, как воздух. Ее можно узнать только потому, что если в нее впустить курилку, то он сейчас загорится огнем. Она называется кислород. Другая часть, какая нужна для растений, такая же светлая, как и кислород, только она тяжелее и всегда садится на низ. Ее можно узнать потому, что в ней огонь тухнет. Ее называют азот.

В воздухе, кроме этих двух частей, есть всегда еще много водяных паров.

Водяные пары тоже из двух частей. Одна часть водород, а другая тот же кислород, что и в воздухе. — Водород на вид такой же, как и воздух. Его можно узнать потому, что он сам горит. Его делают из каменного угля, проводят по трубам в фонари и в дома и в городах жгут для света.

Все эти невидные летучие вещества называются газами. Кроме кислорода, азота, водорода, есть много других газов, и даром что их не видно, из них почти все на свете сделано. Во всяком веществе — в воде, в траве, в теле человека, в хлебе, в соли, в глине — можно найти эти или другие газы. И если выпустить газ из какой-нибудь

вещи, то вещь эта сделается меньше и легче. А некоторые вещи есть такие, как вода, что если выпустить из нее один газ — водород, то кислород уйдет в воздух и ничего не останется.

∗ № 56 (рук. № 6).

[МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ]

[I]

Выезжал Вольга с дружиною

Во чисто поле, в раздольице.

Услыхал Вольга с дружиною

Во чистом поле да пахаря.

Слышно — пашет мужик да посвистывает,

В рогаче, слышно, сошка поскрипывает,

Сошнички, слышно, в камнях почеркивают,

А не видно нигде в поле пахаря.

И поехал Вольга к пахарю,

Целый день ехал до вечера,

Не доехал в день до пахаря,

Другой день ехал до вечера,

Не наехал того пахаря.

Слышно — пашет мужик да посвистыват,

В рогаче, слышно, сошка поскрипыват,

Сошнички, слышно, в камнях почеркивают,

А не видно нигде в поле пахаря.

Наезжал Вольга на третий день
В чистом поле того пахаря.

Видно — пашет мужик да понукиват,
Широко он бороздку отваливат,
В долину-то далеко вытягиват.
Не видать мужика на другом конце.

Взговорит Вольга он ко пахарю

[II]

МИКУЛУШКА СЕЛЯНИНОВИЧ

Выезжал Вольга в поле с дружиною,
Во чисто поле гулять, в раздольице;
Услыхал Вольга в поле пахаря.
Слышно — пашет мужик да посвистывает,
В рогаче, слышно, сошка поскрипывает,
Сотники по камням, слышно, черкают,
А не видно нигде в поле пахаря.
И поехал Вольга к тому пахарю,
Целый день ехал с утра до вечера,
Не доехал, Вольга, он до пахаря;
Другой день ехал с утра до вечера,
Не доехал, Вольга, он до пахаря.
Слышно — пашет мужик да посвистывает,

В рогаче, слышно, сошка поскрипывает,

Сошники по камням, слышно, черкают,

А не видно нигде в поле пахаря.

Третий день Вольга ехал до пабедья,

Наезжает Вольга в поле пахаря.

В поле пашет мужик да понукивает,

Широку борозду отворачивает;

Он коренья, каменья вывертывает,

Больши камни в бороздку заваливает,

В долинỳ ту бороздку вытягивает;

Не видать мужика на другом конце.

Говорит ли Вольга таковы слова:

Гой мужик, пахарек, божья помочь те,

Божья помочь, пахарь, те крестьянствовать

Широку бороздку отворачивать,

А коренья, каменья вывертывать.

Говорит ли мужик таковы слова:

Ай спасибо, Вольга, те за добру речь,

Божья помощь, поди-тка, мне надобна,

Божья помощь пахать да крестьянствовать.

Взговорит ли Вольга таковы слова:

«Дай поедем, мужик, со мной к Киеву».

Тут мужик гужи живо повыстегнул,

Живо выпряг кобылку соловеньку,

Из оглобель кобылку повывернул,

Влез, ввалился, поехал в товарищах.

Выезжают они во чисто поле.

Мужикова кобылка ходой идет,

А Вольгин-от уж конь стал поскакивать.

Мужикова кобылка навскок пошла,

А Вольгин-то уж конь оставаться стал

Мужику тут Вольга стал покрикивать,

Колпаком мужику стал помахивать:

Ты мужик-пахарек, ты постой, пожди,

За тобою, мужик, не угонишься.

Оглянулся мужик, Вольги слушался,

И кобылку мужик окорачивал.

Взговорит ли Вольга таковы слова:

Каб кобылка твоя да коньком была,

За кобылку цена бы пятьсот рублей.

Говорит ли мужик таковы слова:

А и глуп ты, Вольга, глупо сказываешь;

Ведь кобылку-то взял я с под матери,

За сосунчика дал я пятьсот рублей,

А коньком бы была, ей и сметы нет.

Взговорит ли Вольга таковы слова:

Как приедем, мужик, со мной к Киеву,

Оставайся со мной во товарищах.

Говорит ли мужик таковы слова:

Я б поехал с тобой в славный Киев-град,

Я б остался с тобой во товарищах,

Да оставил я сошку в бороздочке,

Как пахал, так осталась не убранна;

Надо сошка с земельки повыдернуть,

С сошников надо землю повытряхнуть,

Надо сошку убрать за ракитов куст.

Посылал тут Вольга десять молодцев,

Велит сошку с земельки повыдернуть,

С сошников велит землю повытряхнуть,

Велит сошку убрать за ракитов куст.

Подъезжали ко сошке те молодцы;

Они брались за сошку десяточком,

Они сошку за обжи вокруг вертят,

Не могут с земли сошку повыдернуть,

С сошников они землю повытряхнуть,

Нельзя сошку убрать за ракитов куст.

А и шлет ли Вольга всю дружинушку,

Велит сошку с земельки повыдернуть,

С сошничков велит землю повытряхнуть,

Велит сошку убрать за ракитов куст.

И за сошку взялась вся дружинушка;

Они сошку за обжи вокруг вертят,

А не могут с земли сошку выдернуть,

С сошников они землю повытряхнуть,

Нельзя сошка убрать за ракитов куст.

Подъезжал тут мужик на соловенькой,

Подходил к своей сошке кленовенькой,

Брал одной он рукой да попёхивал,

Свою сошку с земельки выдергивал,

С сошничков он земельку вытрёхивал;

Бросил сошку мужик за ракитов куст.

Взговорит ли Вольга таковы слова:

А и как тя, мужик, звать по имени,

Величать тебя как по изотчеству?

Говорит ли мужик таковы слова:

А я ржи напашу, во скирды сложу,

Домой вывлоку, дома вымолочу,

Да и пива сварю, мужиков сзову.

Вот и станут они тут покликивать:

Гой, Микула ты, да свет Микулушка,

Свет Микулушка, да Селянинович.

[III]

Выезжал Вольга с дружиною

Во чисто поле, в раздольице,

Услыхал он в поле пахаря.

Издали пахарь, слыхать, — пашет пахарь да

понукиват

Сошка, слыхать, поскрипиват,

Сотники по камням черкают.

Говорит Вольга: Какой то пахарь есть?

На тот звук поехал к пахарю,

Ехал целый день Вольга до вечера,

Целым днем доехать не мог пахаря.

Ехал другой день с утра до вечера,

Всё не мог Вольга доехать пахаря.

Издали пахарь, слыхать, понукиват,

Издали сошка, слыхать, поскрипиват,

Сошники, слыхать, по камням черкают.

Третий день ехал Вольга до пабедья,

Наезжал во чистом поле пахаря.

Водит-пашет мужичок да понукиват,

С края в край мечет бороздочку,

Камни, коренье вывертыват,

В борозду заваливат камушки.

Как заедет пахарь на один конец,

Не видать со края пахаря.

Во сохе да той у пахаря <за>пряжена

Небольша что кобылочка соловенька.

Сошка собрата кленовенька,

А гужи <про>деты да шелковеньки.

Взговорит Вольга ко тому пахарю:

Божья помощь ти, ратаю ратаюшко,

Ти пахать, да орать, да крестьянствовать,

С края в край ти бороздки пометывать,

Да каменья, коренья вывертывать.

Говорит мужик да таковы слова:

А спасибо ти, Вольга, за добру речь,

Божья помочь-то мне добре надобна.

Мне пахать, да орать, да крестьянствовать,

А ты сам, Вольга, сударь, со дружиною,

Ты далеко ль едешь, куда путь держишь?

Говорит Вольга да таковы слова:

А я еду гулять во чисто поле,

Поезжай-ка со мной в товарищах.

Взял и тут мужик он гужики выстегнул,

Сам кобылку из сошки да вывернул,

На кобылку влезал на соловеньку

И поехал с Вольгой во товарищах.

Взговорит же мужик таковы слова:

А не ладно, Вольга, и как быть-то мне.

Ведь оставил я сошку в бороздочке,

То не ладно, что сошка не убрана;

Надо б сошку с земельки повыдернуть,

С сошничков бы земельки повытряхнуть,

Бросить бы ту сошку за ракитов куст.

Посылал тут Вольга из дружинушки

Пятерых молодцев что ни лучшиих,

Чтоб сошку с земельки повыдернуть,

С сошничков бы земельку повытряхнуть,

Бросить сошку бы ту за ракитов куст.

Подъезжали-то к сошке пять молодцев,

К неубранной сошке кленовенькой.

Они сошку за обжи вокруг вертят,

Не могут сошки с земельки повыдернуть,

С сошничков земельку повытряхнуть,

Бросить сошку ту за ракитов куст.

Шлет Вольга к сошке ли десять молодцев,

С сошничков земельку повытряхнуть,

Бросить сошку бы ту за ракитов куст.

Подъезжают ли те добры молодцы

Ко неубранной сошке кленовенькой;

Они сошку за обжи вокруг вертят,

Не могут сошку с земельки повыдернуть,

С сошничков земельку повытряхнуть,

Бросить ту сошку за ракитов куст.

Шлет Вольга ли дружину всю храбрую,

И все сошку за обжи вокруг вертят,

Не могут сошки с земельки повыдернуть,

С сошничков земельку повытряхнуть,

Бросить сошку бы ту за ракитов куст.

Подъезжает сам пахарь ко сошке той

На своей кобылке соловенькой,

Берет пахарь за сошку одной рукой.

Живо сошку с земельки повыдернул,

С сошничков он земельку повытряхнул,

Бросил сошку он да за ракитов куст.

Сам влезал на кобылку соловеньку

И поехал с Вольгой во чисто поле.

Как кобылка под пахарем рысью шла,

Под Вольгой конь нача́л[84] уж поскакивать,

Как кобылка под пахарем вскок пошла,

А Вольгин-то уж конь останется.

Стал Вольга мужику он покрикивать,

Колпаком Вольга стал помахивать.

Ты постой, пожди ты, мужик-мужичок.

И сдержал тут мужик те кобылочку.

Говорит Вольга таковы слова:

Как твоя бы кобылка коньком была,

Той кобылке цена бы 500 рублей.

Взговорит мужичок таковы слова:

А и глуп ты, Вольга, глупо сказывашь;

Взял сосунчиком ее с под матери,

За кобылку ту дал 500 рублей,

А коньком была б — ей и сметы нет.

Говорит Вольга да таковы слова:

А скажи мне ты, ратай ратаюшка:

А и как тебя звать да по имени,

Величать тебя как по изотчеству.

Говорит мужик да таковы слова:

Я вот ржи напашу, во скирды сложу,

Во скирды сложу, домой выволку,

Домой выволоку, дома вымлочу,

Пирогов спеку да и пива сварю,

Да и пива сварю, мужиков напою,

А и станут мужички покликивать:

Гой, Микула же ты, свет Микулушка,

Свет Микулушка — да Селянинович.

* № 57 (рук. № 29).

ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

IV книга подразделена так же, как предыдущие, по содержанию. Упражнения же IV книги относятся к правильному произношению и писанию глаголов в различных формах. Упражнения эти составлены не на самые трудные по сущности формы глаголов, но на те, в которых

преимущественно делаются ошибки русскими учениками.

I. (До стран. такой-то).

Возвратная форма глаголов с окончанием ся, которую весьма часто ученики произносят, как си, и которая, изменяясь в сь, часто скрадывает от ученика настоящую форму глагола. — Заставляйте ученика видоизменять возвратные глаголы, предлагая ему примеры.

II. (От страницы такой до страницы такой).

Неокончательная форма с ь и извинительная форма с ъ: буду любить, и он любитъ, которые весьма часто ученики смешивают и говорят: он ходить и т. п. Заставляйте ученика составлять речения с употреблением той и другой формы.

III. (От страницы такой до страницы такой).

Употребление в глаголах буквы е или и, в которых преимущественно путаются ученики. Заставляйте ученика употреблять в различных формах глаголы, в которых буквы е и и звучат почти безразлично, как, например, вилел вместо велел, бирег вместо берег, лител вместо летел, будит вм. будет и т. п. — Ошибки этого рода ничем не могут быть исправлены, кроме опыта, и потому надо на эти глаголы часто обращать внимание ученика.

IV. (От страницы такой до страницы такой).

Средний род глаголов и безличные глаголы с окончанием на о, которое обыкновенно учениками заменяется буквой а. Упражнения эти связаны с упражнениями на средний род.

V. (От страницы такой до страницы такой).

Ь в окончаниях 2-го лица, в особенности при возвратных глаголах.

VI. (От страницы такой до страницы такой).

Неокончательные наклонения возвратных глаголов и различие их от изъявительной формы. Заставляйте ученика составлять речения с употреблением той и другой формы. —

VII. Составляет соединенные упражнения на все предыдущие формы глаголов.

КОММЕНТАРИИ

«АЗБУКА» и «НОВАЯ АЗБУКА»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

I

Работа Толстого по составлению и писанию «Азбуки» тесно связана с его педагогической деятельностью. «Азбука» явилась итогом теоретических обобщений его многолетнего опыта школьной работы по обучению крестьянских детей.

В ответе критикам на разбор «Азбуки», написанном в начале 1873 г., Толстой говорит, что «Азбука» «стоила ему 14 лет работы»,[85] то есть, другими словами, он связывает начало работы над «Азбукой» с открытием им в 1859 г. Яснополянской школы. Конечно, в данном случае Толстой имеет в виду не непосредственную работу над писанием «Азбуки», а лишь свою практическую педагогическую деятельность, давшую ему материал и методический опыт, которые он использовал потом при составлении «Азбуки». Занятия Толстого в школе (1859—1863, 1872, 1873 гг.), изучение постановки школьного дела за границей, во время его второго путешествия (1860—1861 гг.), издание журнала «Ясная Поляна» и писание статей по педагогике (1862—1863 гг.) — все это было той «работой», которая была подготовительной ступенью к созданию «Азбуки».

Какое значение придавал Толстой своей педагогической деятельности, видно из его записи в Записной книжке, сделанной в Брюсселе 16/28 марта 1861 г.: «Цель одна — образованье народа. Одна моя вера (которая, смутно чувствуя, привязала меня к делу воспитания). Мы ничего не знаем. Одна надежда знать — это знать всем вместе — слить все классы в знании науки».[86] Это признание Толстого, что «мы ничего не знаем» в области народного образования, не убило «веру» Толстого в необходимость осуществления той основной «цели», которую он высказал в цитированной записи. От практической деятельности Толстой переходит к теоретической, к разработке педагогических вопросов в организованном им журнале. Однако журнальная деятельность, повидимому, его не удовлетворила, и он прекращает издание журнала. Несмотря на это, вопросы педагогики продолжают его интересовать попрежнему. В объявлении о прекращении журнала, напечатанном в № 13 «Московских ведомостей» от 17 января 1863 г., Толстой пишет:

«Убеждения наши, высказанные в 1-м номере журнала «Ясная Поляна», не только не изменились, но подтвердились и постоянно подтверждаются

нашими хотя и ограниченными опытами и наблюдениями... Мы не перестаем и не перестанем делать те педагогические опыты, которые составляли всё содержание журнала, и выводить из них наши посильные наблюдения, а потому с 1863 года мы будем издавать не срочное издание, а, по мере накопления материалов, сборники как Книжек, так и Школы «Ясной Поляны», о которых при выходе их будет объявляться отдельно».[87]

Выпуск обещанных сборников не состоялся, и в 1860-х годах Толстой еще не сделал своих окончательных теоретических выводов из того богатого материала, который у него накопился во время его трехлетней педагогической практики. С сентября 1863 г. он приступил к работе над «Войной и миром». Но мысль о педагогике все-таки не оставляла Толстого и во время писания «Войны и мира». Так 10 апреля 1865 г. он заносит в Дневник: «Нынче утром записал кое-что по педагогике»;[88] под 26 сентября того же года: «По случаю ученья милой Маши, думал много о своих педагогических началах. Я обязан написать всё, что знаю об этом деле»;[89] под 2 ноября того же года: «С наслаждением перечитал Казаков и Ясную Поляну».[90]

16 мая 1865 г., отвечая на письмо А. А. Фета, хотевшего в какой-то своей статье остановиться на журнале и школе Толстого и просившего на то его разрешения, Толстой пишет ему: «На ваш вопрос, упомянуть о Ясной Поляне — школе, я отвечаю отрицательно. — Хотя ваши доводы и справедливы, но про нее (Я. П. журнал) забыли, и мне не хочется напоминать, не потому чтобы я отрекался от выраженного там, но, напротив, потому, что не перестаю думать об этом, и, ежели бог даст жизни, надеюсь еще изо всего этого составить книги, с тем заключением, которое вышло для меня из моего 3-летнего страстного увлечения этим делом».[91]

О своем желании заниматься вопросами педагогики Толстой писал и А. А. Толстой в письме от 14 ноября 1865 г.: «Я всё много думаю о воспитании, жду с нетерпением времени, когда начну учить своих детей, собираюсь тогда открыть новую школу и собираюсь написать résumé всего того, что я знаю о воспитании и чего никто не знает, или с чем никто не согласен».[92]

В 1865 г., к которому относятся эти признания Толстого, он еще не знал, какую форму примет его résumé. В последующие два года ни в Дневниках, ни в Записных книжках Толстого нет ни одной записи на эту тему. Но работа Толстого в этом направлении продолжалась, что видно из того, что через два года он уже вполне четко представлял себе, в какой форме даст итоги своей педагогической практики.

В 1868 г., то есть в период напряженной работы над «Войной и миром», Толстой в своих Записных книжках, наряду со всевозможными материалами, относящимися к роману, делает конспективный набросок под таким заглавием: «Первая книга для чтения и Азбука для семьи и школы с наставлением учителю графа Л. Н. Толстого 1868 года».[93]

В этом наброске уже довольно четко были намечены план и отчасти содержание «Азбуки» 1872 г. Особенно это можно сказать про первую часть первой книги — собственно азбуку. Наставления учителю,

занявшие центральное место в наброске, посвящены почти исключительно обучению грамоте по буквослагательному методу, применявшемуся уже в Яснополянской школе и легшему потом в основу «Азбуки» 1872 г. В «Азбуке» этот метод изменен был лишь в том отношении, что обучение письму начинается одновременно с изучением букв, а не после складывания слогов и чтения слов, как было намечено в наброске 1868 г. Наставления учителю явились первой редакцией методической статьи «Для учителя», помещенной в первой книге «Азбуки» 1872 г. Многие материалы для чтения, приведенные в Записной книжке 1868 г., вошли и в «Азбуку» 1872 г. Большое количество рисунков, которыми снабжены в Записной книжке материалы по азбуке и для чтения, наводят на мысль, что Толстой намеревался выпустить свою «Азбуку», обильно иллюстрированною.

К разработке набросанного в Записной книжке 1868 г. конспекта Толстой приступил только с осени 1871 г. Между тем подготовительную работу он не прерывал и в течение этих трех лет после написания конспекта «Азбуки». Это подтверждается многими свидетельствами. В письме к А. А. Толстой от 12 января 1872 г. Толстой писал: «Пишу я эти последние года азбуку и теперь печатаю. Рассказать, что такое для меня этот труд многих лет — азбука, очень трудно».[94] Слова «эти последние года» определенно указывают на работу Толстого в период с 1868 г.

С. А. Толстая в «Моих записях» отмечает, что Толстой всё лето 1869 г. «занимался философией», а затем «стал читать русские сказки и былины». «Навел его на это чтение, — пишет она, — замысел писать и составлять книги для детского чтения для четырех возрастов, начиная с азбуки. Сказки и былины приводили его в восторг».[95]

Возможно, что в это время Толстой частично выполнил работу по пересказу русских былин и отчасти и сказок, помещенных в «Азбуке». Предположение это вызывается тем обстоятельством, что за период основной работы по составлению «Азбуки», то есть с сентября 1871 по октябрь 1872 г., нет никаких упоминаний и свидетельств о такой работе.

С начала декабря 1870 г. и приблизительно по август 1871 г. Толстой был занят изучением греческого языка. 29—31 декабря 1870 г. он писал С. С. Урусову: «Занят же страстно уже три недели.... греческим языком. Дошел я до того, что читаю Ксенофонта почти без лексикона. Через месяц же надеюсь читать также Гомера и Платона».[96] И об этом же он писал в первых числах января 1871 г. А. А. Фету: «С утра до ночи учусь по-гречески.... Я прочел Ксенофонта и теперь à la livre ouvert читаю его. Для Гомера же нужен только лексикон и немного напряжения.... Ради бога объясните мне, почему никто не знает басен Эзопа, ни даже прелестного Ксенофонта, не говорю уже о Платоне, Гомере, которые мне предстоят».[97] А С. А. Толстая в «Моих записях» под 27 марта 1871 г. записывает, что Лев Николаевич «просиживает дни и ночи» за греческим языком.[98]

10 июня 1871 г. Толстой уехал в свое самарское имение и возвратился только 7 августа. Но и там он продолжает занятия греческим языком и читает греческих классиков. В письме от 16—17 июля 1871 г. он

сообщал А. А. Фету, что читает Геродота.[99]

В эти же годы Толстой читает и «Жития святых». Об этом свидетельствует С. А. Толстая, которая под 27 марта 1871 г: отмечает в своих «записях»: «[Лев Николаевич] мечтает написать из древней русской жизни. Читает Четьи-Минеи.... и говорит, что это наша русская настоящая поэзия».[100]

Нужно сказать, что в выборе материалов для своей «Азбуки» Толстой руководствовался главным образом критерием простоты, ясности и художественности. В письме к Н. Н. Страхову от 29 сентября 1872 г. он откровенно признавался, что «длинное и скучноватое» житие Иосифа Волоколамского он наметил к помещению в «Азбуке» только потому, что в нем имеются «места наивно-художественные — прелестные». Даже из естественных наук, по его признанию в том же письме, он «выбирал не то, что попадалось в книгах, не то, что случайно знал, не то, что ему казалось нужно знать, но то, что ясно и красиво, и когда ему казалось недостаточно ясно и красиво, он старался выразить по-своему».[101] И потому, вероятно, Толстой, увлеченный «настоящей поэзией» «Четьих-Миней», уже в марте 1871 г. решил поместить житийный материал в славянские отделы всех четырех книг «Азбуки», чего не имелось в плане-конспекте «Азбуки» 1868 г. Возможно также, что тогда же были намечены и образцы этого материала.

Если приходится говорить предположительно о том, какие материалы для своей «Азбуки» Толстой подготовил за период с 1868 года, то есть с момента составления первого плана-конспекта «Азбуки» до сентября 1871 г., когда он всецело ушел в работу над ней, то можно утверждать, что за эти и предыдущие годы была проделана огромная подготовительная работа по знакомству с разными источниками, из которых потом черпались сюжеты и материалы для художественных рассказов, вошедших в «Азбуку». Уже в 1860-х годах, в связи со школьно-педагогической работой и составлением книг для народа, Толстой ознакомился с большим количеством школьных книг, с детскими журналами, с летописями с русскими и иностранными произведениями, написанными для народа с русскими и западными произведениями народного творчества и с арабским эпосом, из которого был взят тогда один сюжет для народного рассказа. Этим предварительным ознакомлением с огромным количеством источников Толстой в значительной степени преодолел одну из главных трудностей работы над «Азбукой», о которых он писал А. А. Толстой в апреле 1872 г.: «Для нее нужно знание греческой, индийской, арабской литератур, нужны все естественные науки, астрономия, физика».[102]

В «Азбуке» Толстой переработал и синтезировал элементы, заимствованные в какой-то части из разных учебных книг. Некоторые элементы собственно азбуки: алфавит с таблицей картинок на каждую букву, склады, слова, разбитые на слоги, простые фразы, пословицы, поговорки на каждую букву алфавита и, наконец, маленькие рассказы, загадки, пословицы и поговорки для упражнения в чтении слов с сомнительными гласными, с постановкой слышимых гласных над строкой, — в известной мере имеются в учебных книгах Н. И. Греча («Русская азбука», СПб. 1846), П. Бенедиктова («Книга для чтения», СПб. 1864), диакона Бухарева («Книга для обучения русскому чтению и письму», М.

1869), Анны Дараган («Елка. Подарок на рождество. Азбука и постепенное чтение», изд. 8-е, 1872) и др. Басни Эзопа и произведения русского, западного и восточного эпоса были использованы в качестве материала для чтения в книгах Ушинского, Басистова, Паульсона, Кирпичникова и Гилярова и др. Славянский и естественнонаучные отделы почти без исключения имелись во всех хрестоматиях того времени. Летопись в качестве материала для славянского чтения имеется в книге А. Галахова («Русская хрестоматия для детей», СПб. 1860). Арифметика, в виде особого отдела, включена в книгах Н. Греча и диакона Бухарева, в которых мы находим даже применение счетов для упражнения учеников в первоначальном счете (Бухарев) и обозначение чисел славянскими, арабскими и римскими цифрами (Греч).

Между тем все эти элементы были настолько творчески переработаны Толстым, что его «Азбука» по своему разнообразию содержания и наглядности далеко превзошла все существовавшие до нее азбуки и хрестоматии для детского чтения. С методической стороны слуховой метод, примененный Толстым, «был значительным шагом вперед по сравнению с устаревшим буквослагательным методом»,[103] применявшимся тогда в большинстве школ. Наряду с этим «Азбука» Толстого была исключительным явлением в области школьно-педагогической литературы по художественности изложения, по языку. Художественное значение «Азбуки» хорошо понимал сам Толстой, писавший 3 марта 1872 г. Н. Н. Страхову, что «если будет какое-нибудь достоинство в статьях азбуки, то оно будет заключаться в простоте и ясности рисунка и штриха, т. е. языка».[104] Язык явился главной трудностью, которую пришлось преодолеть Толстому при составлении «Азбуки». По этому поводу Толстой писал А. А. Толстой 6-8 апреля 1872 г.: «Работа над языком ужасная — надо, чтоб всё было красиво, коротко, просто и, главное, ясно».[105]

Главным источником в работе Толстого над языком было изучение народной литературы. Старший сын Толстого С. Л. Толстой в своих воспоминаниях сообщает: «Во время составления «Азбуки» и «Книг для чтения» и позднее он [Л. И. Толстой] не переставал изучать русский язык и собирать слова, поговорки, пословицы. В то же время он читал словарь Даля, былины, сборники сказок и пословиц.... Вообще в семидесятых годах он больше чем когда-либо изучал русский язык и русскую народную литературу».[106] Однако одно книжное изучение народного языка и литературы не удовлетворяло Толстого. Он черпал свои знания языка из бесед с крестьянами и, главным образом, с прохожими и странниками, которых он встречал на своих ежедневных прогулках по Киевскому шоссе, проходившему вблизи Ясной Поляны. «Отец говорил, — замечает по этому поводу С. Л. Толстой, — что рассказы странников заменяют народную литературу и даже газету. Он любил разговаривать с прохожими, идя по пути с ними или присев на краю дороги. Некоторые их легенды и рассказы превратились под его пером в художественные произведения. Знание быта рабочего народа, народного языка, местных наречий, северного, поволжского, украинского, многих поговорок и пословиц — всё это отец приобретал на шоссе. Тут же проезжали местные крестьяне, знакомые и незнакомые, трезвые и подгулявшие, с возами и порожняком.... На шоссе же крестьяне били камень; он и с ними заводил разговор».[107]

Школьные занятия с крестьянскими ребятами также давали много материала к освоению народного языка.

В начале шестидесятых годов прозвучала парадоксом статья Толстого: «Кому у кого учиться писать — крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?». А между тем для Толстого это был не парадокс, а вывод из наблюдений и опыта. Толстой действительно был не только учителем, но и учеником крестьянских ребят. Постоянно находясь в близком и тесном общении с учениками, наблюдая, как они устно и письменно выражают свои мысли, и часто сам принимая участие в их коллективных творческих работах, Толстой учился у них народному языку и народной манере выражать свои мысли.

С. Л. Толстой в статье «Ясная Поляна в творчестве Толстого», описывая занятия Толстого с крестьянскими детьми, передает, что Толстой пользовался рассказами учеников для своих произведений, предпочитая их пересказ книжной речи. «В его «Книгах для чтения», — пишет С. Л. Толстой, — одна басня Эзопа изложена так: Лев, осел и лисица вышли на добычу. Наловили они много зверей, и лев велел ослу делить. Осел разделил поровну на три части и говорит: теперь берите! Лев рассердился, съел осла и велел лисице переделить. Лисица всё собрала в кучу, а себе чуточку оставила. Лев посмотрел и говорит: «Ну, умница! Кто тебя научил так хорошо делить?» Она говорит: а с ослом-то что ж было? — В подлиннике у Эзопа сказано: пример осла. Толстой хотел книжное выражение «пример осла» заменить другими словами, но не находил какими. При пересказе басни один ученик вместо «пример осла» сказал: «а с ослом-то что было?» и Толстой воспользовался этим выражением».[108]

В начале семидесятых годов Толстой все чаще выступает против литературных условностей. В письме к Н. Н. Страхову от 22 и 25 марта 1872г. он писал: «Ни одному французу, немцу, англичанину не придет в голову, если он не сумасшедший, остановиться на моем месте и задуматься о том — не ложные ли приемы, не ложный ли язык тот, которым мы пишем и я писал; а русский, если он не безумный, должен задуматься.... и поискать других приемов и языка. И не потому, что так рассудил, а потому, что противен этот наш теперешний язык и приемы, а к другому языку и приемам (он же и случился народный) влекут мечты невольные.... Я написал совсем новую статью в азбуку — Кавказский пленник.... Это образец тех приемов и языка, которым я пишу и буду писать для больших».[109]

Теми же приемами и языком, какими написан «Кавказский пленник», написаны все рассказы «Азбуки». В числе последних имеются три рассказа: «Солдаткино житье», «Как меня не взяли в город» и «Как меня в лесу застала гроза», которые написаны яснополянскими учениками и были напечатаны в приложениях к журналу «Ясная Поляна». Первые два рассказа Толстой переработал композиционно и стилистически, третий же рассказ слегка лишь изменил в стилистическом отношении и все их включил в «Азбуку», не оговорив, что авторы их — ученики. Рассказы эти ничем не выделяются из ряда других рассказов «Азбуки», что красноречиво говорит, как верно Толстой овладел народным языком и стилем.

Таким образом, на время с открытия Яснополянской школы до сентября 1871 г. можно смотреть как на длинный подготовительный период к созданию «Азбуки». В этот период Толстой на опыте проверил разные методы обучения грамоте, приобрел широкое знание всевозможных источников, из которых потом приходилось ему брать сюжеты и материалы для рассказов, проделал большую работу по изучению народного языка и стиля и в совершенстве овладел ими.

II

С сентября 1871 г. Толстой работает исключительно над составлением «Азбуки». 20 сентября С. А. Толстая писала сестре Т. А. Кузминской: «Мы теперь занялись опять детскими книжечками. Левочка пишет, я с Варей[110] переписываю, идет очень хорошо.... Ты не можешь себе представить, до чего мало хороших детских книг для чтения»;[111] и 28 ноября: «Так часто собираюсь писать тебе, милая Таня, и так занята помоганьем Левочке — писать книжечки, что еле успеваю переделать в день все необходимые дела. Но всё еще не скоро будут готовы эти книжечки, ты знаешь, как Левочка всегда всё отделывает и переделывает, даже мелочи».

К концу года часть работы была кончена, о чем С. А. Толстая писала своей сестре 22 декабря: «Мы всё это время с дядей Костей[112] писали и переписывали детские книжечки и спешили кончить к празднику. И действительно кончили, и Левочка повез первую часть в Москву».

Проследить процесс работы Толстого над первой и последующими книгами «Азбуки» можно только в самых общих чертах. Внимательное знакомство с первым планом «Азбуки», написанным, очевидно, в начале 1871 г., приводит к заключению, что Толстой перед тем, как вплотную засесть за «Азбуку», продолжал еще обдумывать и даже частично разрабатывать «Азбуку» в иллюстрированном виде, как это намечалось им в плане-конспекте в 1868 г. Но в конце концов Толстой оставил свой замысел.

Первый план «Азбуки», набросанный на листе писчей бумаги, определенно указывает, что Толстой предполагал изобразить в «Азбуке» посредством картинок главнейшие моменты из трудовой жизни крестьянина, начиная с его рождения и кончая смертью, и снабдить эти картинки темами-комментариями, которые вместе с тем могли служить материалом для чтения. На обороте листа, в виде образца, набросаны пером семь рисунков, изображающие разные моменты из жизни крестьянского ребенка, а затем мальчика, и даны к ним краткие комментарии. Первый рисунок комментирован: «Рождение». На лицевой стороне листа Толстой набросал сначала сорок тем и перенумеровал их, а затем отметил из них двадцать четыре темы, перенумеровал их снова и добавил к ним двадцать пятую тему: «Последний час». На этом обрывается текст сохранившегося листа.[113]

Отказавшись от первоначального замысла иллюстрировать материалы «Азбуки», Толстой сохранил в ней иллюстрации только для алфавита, снабдив последний рисунками предметов, названия которых начинаются с соответствующих букв алфавита. В качестве материала для азбуки, в тесном смысле, Толстой использовал почти исключительно пословицы, поговорки, загадки и рассказы, написанные им на пословицы. «Левочка всё читает пословицы и вспоминает, что Трифоновна[114] на каждом шагу говорит пословицы», — добавляла С. А. Толстая в письме к своей сестре от 20 сентября 1872 г., цитированном выше.

Использовать пословицы в качестве сюжетов для рассказов из народной жизни было давнишней мечтой Толстого. Еще в 1862 г. в своей статье «Кому у кого учиться писать — крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» он говорил: «Давно уже чтение сборника пословиц Снегирева составляет для меня одно из любимых — не занятий, но наслаждений. На каждую пословицу мне представляются лица из народа и их столкновения в смысле пословицы. В числе неосуществимых мечтаний мне всегда представляется ряд не то повестей, не то картин, написанных на пословицы».[115] При составлении «Азбуки» Толстой в известной степени осуществил свою мечту.

Очевидно, в первую половину 1871 г. Толстой составил список, содержащий в себе сто десять тем для статей и рассказов.[116] Темы списка, очень разнообразные по характеру своего содержания, были навеяны Толстому и личными впечатлениями, и воспоминаниями, и разными литературными источниками, с которыми он знакомился. В числе тем имеются два рассказа яснополянских учеников: «Солдаткино житье» и «Ложкой кормит, стеблем глаз колет» (№№ 25 и 26), которые были уже напечатаны в приложениях к журналу «Ясная Поляна». Можно предположить, что этот список именно был набросан Толстым в период с января по сентябрь 1871 г. На это предположение наводит прежде всего то, что в числе тем списка имеется тема «Скифы из Плутарха» (№ 41), которую Толстой мог поместить в качестве темы для рассказа не ранее января 1871 г., когда он впервые приступил к чтению греческих классиков, а затем тот факт, что из ста десяти тем списка Толстой разработал только двадцать тем, из которых пятнадцать были включены в «Азбуку», одна — в «Первую русскую книгу для чтения» 1875 г. и четыре — остались в рукописи. Трудно допустить, чтобы Толстой оставил такое подавляющее большинство тем списка не использованным, если бы он составлял этот список после сентября 1871 г., т. е. во время напряженной работы над «Азбукой».

В период с сентября по декабрь 1871 г., когда, по словам С. А. Толстой, была приготовлена к печати первая книга «Азбуки», Толстой заготовил материала для русского чтения гораздо больше, чем понадобилось для этой книги. Большинство заготовленных в это время произведений он несколько раз распределял по степени трудности путем перенумеровывания их. Однако это распределение было только предварительным. При печатании материала в типографиях Риса и Замысловского Толстой снова неоднократно перераспределял его, так что в конце концов произведения, написанные до конца 1871 г., оказались размещенными по всем четырем книгам «Азбуки» в совершенно ином порядке, чем это было в черновой рукописи.

К концу 1871 г. Толстым было подготовлено более восьмидесяти художественных произведений: басен, сказок, рассказов, и около двадцати статей по естественной истории. Подготовкой художественного материала для чтения Толстой был занят и после 1 января 1872 г. Но тогда его главное внимание было сосредоточено уже не на этом материале, а на статьях научно-популярного характера, на арифметике и на славянских отделах «Азбуки».

В число произведений, написанных Толстым для второй части первой книги и первых частей остальных трех книг «Азбуки», входят не менее пятидесяти переводов и переработок басен Эзопа и около тридцати переводов и переделок восточных басен и сказок. На запрос Н. Н. Страхова относительно источников произведений, вошедших в «Азбуку», Толстой отвечал ему в августе 1872 г.: «Оглавления не могу прислать более точного по памяти. Но басни только из 3-х источников: 1) Эзопа переведены буквально, 2) с индийского из 2-х французских переводов — переделаны de fond en comble[117] и 3) мои — при которых не обозначено откуда».[118] Двумя французскими переводами, о которых говорит Толстой, были: «Les avadânas contes et apologues indiens inconnus jusqu'à ce jour», tt. I—III, Paris MDCCCLIX, и «Les Mille et un jours. Contes Persans, traduits en français par Petit de La Croix, suivis de plusieurs autres recueils de contes traduits des langues orientales», Paris MDCCCXXXIX. Из последней книги Толстым взяты не только индийские, но и турецкие, персидские и арабские басни и сказки. Две восточные сказки заимствованы Толстым из книги: «La morale en action ou choix de faits memorables», Paris 1845. Все эти книги имеются в яснополянской библиотеке. Сверх того, огромное количество сюжетов и материалов для своих детских произведений Толстой взял у разных русских и иностранных писателей и из многих других источников: А. А. Фета, А. Н. Афанасьева, Ф. В. Чижова, П. Н. Рыбникова, Кирши Данилова, В. И. Даля, И. А. Худякова, Вал. Висковатова, Геродота, Плутарха, В. Гюго, Фр. Гофмана, Г. Гринвуд, И. Гебеля, Т. Дилитца, братьев Гримм, летописи Нестора, школьных хрестоматий П. М. Перевлесского, К. Д. Ушинского и др. (названия книг и источников указаны в примечаниях к отдельным произведениям Толстого).

Во второй половине декабря 1871 г. Толстой кончил первую книгу «Азбуки», как это видно из цитированного выше письма С. А. Толстой к Т. А. Кузминской. Наборная рукопись этой книги, переданная в типографию Риса, в полном составе не сохранилась, но имеется оглавление этой книги, написанное рукой Толстого.[119] Сопоставляя это оглавление с материалами первой книги, сохранившимися в гранках и в верстке из типографии Риса и частью в списках, послужившими в качестве наборной рукописи для типографии Замысловского (см. рук. № 20), можно видеть, что все отделы собственно азбуки и все произведения, заголовки которых указаны в оглавлении, и почти все материалы славянского отдела имеются в этих материалах первой книги, и расположены они в том же порядке, что и в оглавлении. В материалах книги, в отделе для русского чтения, помещено на одиннадцать произведений больше, чем это указано в оглавлении, и в них не имеется молитвы «Богородица» и псалма «Помилуй мя, боже», указанных в оглавлении. Но эти дополнение и сокращение могли быть произведены

уже во время печатания первой книги. Это тем более вероятно, что Толстой сам признавался в письме к А. А. Толстой от апреля 1872 г., что «Азбука» «печатается с одного конца, а с другого всё пишется и прибавляется».[120] В оглавлении материал первой книги не поделен на части и отделы. Но и в материалах книги, набранных в типографии Риса, за исключением первых трех отделов в собственно азбуке, поставленных несомненно уже в процессе печатания, не имелось этого деления. Всё это дает основание думать, что план и состав первой книги «Азбуки», законченный Толстым в конце 1871 г., вполне соответствовал оглавлению. Не исключена даже возможность, что именно этим оглавлением и открывалась книга в своем первоначальном виде. А отсюда очевидно, что первая книга была составлена Толстым спешно и имела много существенных недостатков и в плане и в составе материала, которые Толстому пришлось исправлять уже в процессе печатания.

III

22 декабря 1871 г. Толстой повез первую книгу «Азбуки» в Москву и пробыл там не менее трех недель. Потребовалось немало времени для подыскания типографии, которая взялась бы печатать «Азбуку». Уже после того, как был заключен контракт с типографией Риса, 27 мая 1872 г. Толстой писал о своих поисках Н. Н. Страхову: «Вы не поверите, но в Москве ни одна типография не бралась, кроме Риса (все завалены работой)».[121] Очевидно, зная неаккуратность Риса, печатавшего «Войну и мир», Толстой не хотел поручать ему печатания «Азбуки». Но в конце концов, вследствие отказа других типографий, ему пришлось остановиться на этой типографии. Не позднее 12 января 1872 г. Рис приступил к набору первой книги «Азбуки». В этот же день Толстой сообщал А. А. Толстой: «Пишу я эти последние года азбуку и теперь печатаю».[122] Тогда же Толстой нашел рисовальщика, которому поручил сделать рисунки к буквам алфавита, и студента-корректора, которого в Записной книжке под 13 января 1872 г. он называл своим «помощником»,[123] а в письме к Н. Н. Страхову от 27 мая того же года — своим «поверенным в Москве» по печатанию «Азбуки».[124] В этот же приезд в Москву, вероятно, Толстой совещался там с разными специалистами по вопросам, касающимся «Азбуки». Потом, вспоминая об этих совещаниях, он писал Н. Н. Страхову в письме от 20 июня 1872 г.: «О печатании летописи по-славянски у меня в Москве было бесчисленное количество разговоров. Бессонов и Буслаев считают невозможным печатание летописи по-славянски, Юрьев, Елагин и др., и я, и другие не находят в этом никакого затруднения».[125] Но, повидимому, советы специалистов тогда не удовлетворили Толстого, так как в том же письме он советовал Страхову, взявшемуся следить за печатанием «Азбуки»: «Главное, не советуйтесь с знатоками. Они будут путать, как меня путали в Москве».

С момента печатания «Азбуки» началась для Толстого самая трудная и лихорадочная работа. Нужно было спешно готовить новые материалы и

составлять следующие книги «Азбуки». Вернувшись в Ясную Поляну приблизительно в середине января 1872 г., Толстой продолжал работу по подготовке художественного материала для чтения. Нельзя сказать точно, какие именно мелкие художественные произведения приготовил Толстой в первые месяцы 1872 г., но определенно известно, что с 11 по 25 марта он написал рассказ «Кавказский пленник» и не позднее 30 апреля — рассказ «Бог правду видит, да не скоро скажет» (см. Примечания, стр. 654—656 и 668). Вместе с тем в те же первые месяцы 1872 г. Толстой усиленно занимался статьями научно-популярного характера, арифметикой и славянскими отделами «Азбуки». Что касается научно-популярных статей, то им Толстой намеревался уделить много места в «Азбуке». В цитированном выше письме к А. А. Толстой от апреля 1872 г. он писал, что для «Азбуки» «нужны все естественные науки, астрономия, физика». По возвращении из Москвы Толстой погрузился в изучение астрономии и физики. «Левочка всё продолжает заниматься, — писала С. А. Толстая Т. А. Кузминской 18 января 1872 г., — и печатать детские книжечки.... Читает он физику и астрономию». Записные книжки Толстого за январь, февраль и март 1872 г. полны заметками по физике и астрономии, которые он делал несомненно попутно с чтением книг по этим предметам.[126] Об этом же Толстой писал брату Сергею Николаевичу 9 марта 1872 г.[127]

Кроме физики и астрономии, в первые месяцы 1872 г. Толстой изучал другие дисциплины, как о том можно судить по тем спискам, которые были набросаны в то же время. Подавляющее число тем в этих списках посвящено самым разнообразным предметам: истории, этнографии, астрономии, геологии, минералогии, ботанике, зоологии, физике, механике, химии, геометрии, технологии и др.[128]

В первую очередь Толстой, повидимому, взялся за разработку тем по физике и написал целый ряд статей о тепле, о сырости, о магнетизме, о кристаллах и проч., которые вошли в «Азбуку», а частью остались в рукописи. А затем много внимания уделил он астрономии, написав целую серию популярных статей. Но, очевидно, убедившись в процессе работы в невозможности объяснить в популярной и доступной для детского понимания форме многие явления из этой области, Толстой оставил статьи по астрономии в незаконченном и черновом виде.[129] Одновременно со статьями по астрономии он пишет отрывки из геометрии, которые являются не частью какого-то начатого и незаконченного особого курса по практической геометрии, а скорее каким-то звеном в работе Толстого по астрономии.[130]

Из остальных предметов, темы которых были намечены в списках, больше всего написано статей по истории и зоологии. Меньше всего уделено внимания минералогии, технологии, механике и геологии. По минералогии Толстой набросал начерно только одну статью, а по технологии и механике начал четыре статьи, но ни одной не довел до конца. За разработку тем по геологии он совсем не принимался. Следует констатировать, что в «Азбуке» Толстого в той или иной степени все произведения художественны, и нельзя провести резкой грани между художественными рассказами и научно-популярными статьями.

Около середины февраля 1872 г. Толстой составил и сдал в набор

вторую книгу и подготовил начерно две остальные. Однако подготовка статей для научно-популярных отделов «Азбуки» еще не была закончена, и работа продолжалась и в первой половине марта. В третьей и четвертой книгах не хватало арифметики и статей «Для учителя» и не вполне были доделаны в них славянские отделы. Но, несмотря на эти существенные пробелы, Толстой считал, что основная работа по «Азбуке» кончена и 20 февраля 1872 г. он писал А. А. Фету: «Я кончил свои азбуки, печатаю и принимаюсь за задушевное сочинение».[131]

Наборная рукопись второй книги «Азбуки», переданная в типографию Риса, также не сохранилась. Не сохранилось и оглавление второй книги в ее первоначальном составе. В процессе же печатания Толстой не раз менял состав книги. Он сам признавался в письме к А. А. Фету от 16 марта 1872 г.: «Азбука моя не дает мне покоя для другого занятия. Печатанье идет черепашьими шагами, и чорт знает, когда кончится, а я всё прибавляю, убавляю и изменяю. Что из этого выйдет — не знаю, а положил я в него всю душу».[132] Поэтому нельзя сказать, каков был состав второй книги и каков был порядок расположения в ней материала в момент сдачи ее в типографию Риса. Оглавление же, имеющееся при второй книге, составлено было в июне 1872 г., когда Толстой перед тем, как отправить книгу Н. Н. Страхову для печатания в Петербург, окончательно пересмотрел и дополнил ее состав. О составе некоторой части этой книги можно лишь судить по корректурам из типографии Риса, вошедшим в состав наборной рукописи для типографии Замысловского (см. рук. № 21).

IV

В начале января 1872 г. Толстой снова организовал школу в своем яснополянском доме, в которой учителями были он сам и все члены его семьи, включительно до семи-восьмилетних детей. Об этой школе С. А. Толстая писала Т. А. Кузминской 2 февраля 1872 г.: «Мы вздумали после праздников устроить школу, и теперь каждое после обеда приходит человек 35 детей, и мы их учим. Учит и Сережа, и Таня, и дядя Костя, и Левочка, и я». О том же писала С. А. Толстая своей сестре и 10 марта 1872 г.: «У нас все продолжается школа, идет хорошо. Почти все выучились читать довольно бойко по складам». И, наконец, 6 апреля 1872 г. она извещала свою сестру: «Каждое утро своих детей учу, каждое после обеда школа собирается. Учить трудно, а бросить теперь уже жалко: так хорошо шло ученье, и все читают и пишут, хотя не совсем хорошо, но порядочно». Об этой школе писал и сам Толстой А. А. Фету 20 февраля 1872 г.: «Еще новость, это, что я опять завел школу, и жена и дети — мы все учим и все довольны».[133] То же сообщал он Н. Н. Страхову 3 марта 1872 г.: «Жизнь наша в деревне та же. Прибавилось новое только школа крестьянских детей, которая сама собой завелась. И всех нас с детьми моими очень занимает».[134]

Повидимому, организация этой школы была связана с желанием Толстого

проверить свой метод обучения на практике. Но занятия в школе не отвлекали его от продолжения работы над «Азбукой». Толстой торопился с печатанием ее, намереваясь представить ее на политехническую выставку в Москве, которая должна была открыться 30 мая 1872 г., и к тому времени спешил выпустить, если не все четыре, то по крайней мере первые две книги. Приступив к печатанию «Азбуки» в самом конце 1871 или в начале января 1872 г., Толстой не сомневался, что успеет выпустить ее в свет еще в зимние месяцы, как это видно из его письма к А. А. Толстой от 12 января, в котором он уверенно писал: «Пишу я эти последние года азбуку и теперь печатаю.... Нынешней зимой надеюсь прислать вам».[135] Но уже 18 января 1872 г. С. А. Толстая сообщала своей сестре, что «детские книжечки» не поступят в продажу «раньше святой» (то есть пасхальной недели). А сам Лев Николаевич более чем через два месяца после сдачи в типографию первой книги, 9 марта 1872 г., писал брату С. Н. Толстому: «У меня досада. Сукины дети Рис и студент не начинали еще работать. Бибиков[136] поехал в Москву, я послал с ним грозное письмо, а не подействует, то сам поеду».[137] Об этом же сообщила своей сестре и С. А. Толстая 10 марта 1872 г.: «Печатание нашей «Азбуки» идет тихо, так как Рис по своему обыкновению обманул».

Однако, помимо «обмана» Риса, задержка в наборе «Азбуки» несомненно заключалась и в тех больших технических трудностях, какие приходилось преодолевать типографии при печатании «Азбуки», заключавшей в себе и надстрочные буквы, и разные шрифты в одном и том же слове, и иллюстрации, и арифметические таблицы и т. д. Помимо того, причиной медленного набора «Азбуки» был и обычный метод работы Толстого. Рукописи «Азбуки» сдавались в типографию далеко не в завершенном виде, и после сдачи их все время продолжалась авторская работа над ними. В данном случае перерабатывались статьи, заменялись одни статьи другими, в большом количестве включались новые материалы, то и дело изменялся порядок расположения статей и т. д. В письме к Страхову от 3 марта 1872 г. Толстой сам писал об этом: «Азбука моя кончена и печатается очень медленно и скверно у Риса, но я по своей привычке всё мараю и переделываю по 20 раз».[138]

Между тем, не будучи удовлетворен темпами работ типографии Риса и не надеясь на него, Толстой уже в начале апреля 1872 г. повел переговоры с тульской типографией Соколова о печатании «Азбуки» в Туле. В апреле того же года он написал письмо начальнику Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинову с просьбой разрешить печатать «Азбуку» в Туле «без цензуры». «В Москве, — писал он, — почти невозможно печатать, живя в деревне, а в Туле нельзя — потому что нужно разрешение цензуры. Послать в цензуру рукопись мне бы ничего не стоило, но я не могу не изменять и не прибавлять, а в Туле этого нельзя делать». [139]Ответ Лонгинова неизвестен. Во всяком случае, если он и был, то, вероятно, отрицательный, так как «Азбука» продолжала оставаться у Риса, и о переговорах с типографией Соколова, помимо упоминания об этом в цитированном письме к Лонгинову, в дальнейшем нет никаких сведений.

Но, несмотря на видимые неудачи, Толстой всё же надеялся закончить печатание к выставке и продолжал усердно работать. «Отсылали корректуры азбуки, сидели до 4-го часа ночи»,[140] — занесла С. А.

Толстая в свой дневник 3 апреля 1872 г. Из того же «Дневника» мы узнаем, что Толстой в конце марта и в конце апреля того же года, вероятно, по делам «Азбуки» совершил две поездки в Москву.

Напряженнейшая работа над «Азбукой» в течение всей зимы расстроила здоровье Толстого. Встал вопрос о поездке весной на кумыс в Самарские степи. Но, как видно из письма С. А. Толстой к своей сестре от 6 апреля 1872 г., он «отговаривался» от этой поездки, ссылаясь на «Азбуку», которая «печатается и должна непременно быть готова к московской выставке, то есть к 30 маю». Вопрос этот, очевидно, долго обсуждался, потому что С. А. Толстая уже 23 апреля 1872 г. писала сестре: «Милая Таня, судьба наша, наконец, решилась, и мы в Самару не едем. Левочка очень боится за меня, другая причина — азбука печатается, и нельзя бросить, некому ни корректур без нас держать, ни следить за печатанием, чтоб шло скоро и хорошо».

В середине мая 1872 г. Толстому стало ясно, что «Азбука» не будет готова к выставке, и он решил покончить с Рисом. По этому поводу С. А. Толстая записала в свой дневник 18 мая: «Левочка вчера очень расстроился, что не шлют корректуры, и написал в Москву, чтобы отобрать оригинал у Риса».[141] Он решил перенести печатание «Азбуки» в Петербург и просить Н. Н. Страхова взять на себя наблюдение за печатанием. Страхов был в курсе дела печатания «Азбуки». Толстой почти в каждом письме сообщал ему об этом. Помимо всего, через Страхова в журнал «Заря», был послан писанный для «Азбуки» рассказ «Кавказский пленник», и Страхов держал корректуры его (см. Примечания, стр. 668). Таким образом, Страхов до некоторой степени уже был связан с «Азбукой».

19 мая 1872 г. Толстой писал Страхову: «Я давно кончил свою Азбуку, отдал печатать, и в 4 месяца печатание не только не кончилось, не началось и, видно, никогда не кончится. Зимою я всегда зарабатываюсь и летом кое-как оправляюсь, если не работаю. Теперь же корректуры, ожидание, вранье, поправки типографские и свои измучили меня и обещают мучить всё лето. Я вздумал теперь взять это от Риса и печатать в Петербурге, где, говорят, больше типографий и они лучше. Возьметесь ли вы наблюдать за этой работой, т. е. приискать человека, который держал бы черновые корректуры за известную плату, и сами держать последние корректуры (тоже за вознаграждение). Только вам я бы мог поручить эту работу так, чтобы самому уже не видать ее. Вознаграждение вы определите сами такое, которое бы равнялось тому, что вы зарабатываете в хорошее время. Время, когда печатать, вы определите сами. Для меня, чем скорее, тем лучше».[142]

Ответ Страхова неизвестен, но, повидимому, он колебался и не сразу дал положительный ответ, как это можно судить из ответного письма Толстого Страхову от 27 мая 1872 г.: «Боюсь настаивать, любезный Николай Николаевич, чтобы вы потом не стали раскаиваться, но не могу не сказать, что для меня это было бы великое счастье».[143] Толстой приглашал Страхова приехать в начале июня погостить в Ясную Поляну, добавляя при этом: «Если бы согласились взять мою работу, вы бы прочли книгу, мы бы обо всем переговорили.... Дело печатания находится в следующем положении: Рис, типографщик, тянул 5 месяцев, набрал кое-как 7 листов, я через поверенного в Москве отобрал у него

оригинал и прекратил печатание; но я ему дал уже денег, он извиняется, и я ему написал ultimatum. — Если он напишет условие, с неустойкой в 2000, кончить всю работу в месяц, то я у него буду печатать. Ответа не получил и, вероятно, не получу. Но пишу всё это вам для того, чтобы вы знали, что есть случайность (очень неприятная для меня), при которой, если бы вы согласились, я бы должен печатать у Риса. Я постараюсь, чтобы — нет. Какие типографии в Петербурге возьмутся за это печатание? Будет 40 листов, в числе их листов 15 славянского. Будьте добры, сообщите мне это.... Впрочем я думаю, если бы Рис согласился, и вы бы решились взяться за работу, может быть, если вас ничто не привязывает к Петербургу, вы бы взяли эту работу в Москве. Страшно желаю, чтобы вы решились».[144]

Ответ Страхова и на это письмо Толстого неизвестен; но имеется ответное письмо Толстого от 6 июня 1872 г., из которого видно, что Страхов согласился исполнить просьбу Толстого, и, повидимому, не прочь был даже временно поселиться в Москве, чтобы следить там за печатанием «Азбуки».[145] Толстой, прося Страхова подыскивать типографию в Петербурге, сам в это время подыскивал типографию в Москве, но безуспешно. Рис же отказался заключить с ним условие с неустойкой. Рукописи «Азбуки» Рис вернул в «страшном беспорядке». Толстому предстояла «работа самая скучная, тяжелая — приводить в порядок рукопись, переписывать, отмечать». Согласие Страхова не радовало Толстого, так как оно показалось ему вынужденным. Всё это вместе привело Толстого в самое удрученное состояние. «Видно мне, — писал он в том же письме Страхову от 6 июня, — не судьба издать эту книжку, стоившую мне трудов больше, чем какая-нибудь работа, и которой я так дорожил». Но все же Толстой решил подождать ответа от Страхова о типографии и тем временем приняться за приведение в порядок рукописи. А Страхову он написал в том же письме: «Недели через две, если бог позволит, привезу к вам рукопись в Петербург, обо всем переговорю и уеду свободным, благословляя вас.... Напишите мне.... ваши условия вознаграждения за два месяца работы, как надо полагать, Если всё сделается, как я мечтаю, то работы вам будет много. Кроме практической работы с типографией, в 4-х книжках азбуки — в каждой есть славянский отдел с переводом en regard.[146] Почти весь перевод сделан, но выноски грамматических форм не сделаны. Потом исправления языка, порядка, всё это уж делали бы вы. Итак, ожидаю ответа на все вопросы и привожу в порядок рукопись». В этом же письме Толстой дал Страхову справку, что набор и печать «в Москве были кажется 11 рублей», добавив при этом, что цена для него не имеет никокого значения.[147]

Ответное письмо Страхова также не сохранилось, но оно, видимо, рассеяло все сомнения Толстого, и он писал Страхову 14 июня 1872 г.: «Письмо ваше, дорогой Николай Николаевич, так обрадовало меня, что жена уверяла, что я вдруг сделался совсем другой и веселый. Мне теперь верится в возможность окончания этого дела. Я тотчас же принялся за бумаги и кончил бы всё уже к нынешнему дню, если бы не роды жены.... На днях я пришлю вам рукопись с подробным описанием того, что и как нужно, и даже надеюсь, что письменно можно понять друг друга.... Я бы сейчас вам прислал 7 листов (не напечатанных, а набранных), но у меня один экземпляр и мне нужно всё иметь под руками. Еще мне нужно съездить в Москву, чтобы выручить доски букв и

картинок. К тому времени — дней через 5, как я всё приготовлю, я надеюсь и от вас получить известие о том, сколько денег нужно приготовить на бумагу и для типографии, и возьмется ли какая-нибудь типография? Мне всё кажется, что ни одна не возьмется, и если возьмется, то обманет».[148]

Как уже известно, в типографию Риса были сданы для набора первая и вторая книги «Азбуки». Набор производился одновременно той и другой книги. К моменту затребования Толстым материалов книг обратно из первой книги было набрано около пяти печатных листов и притом не подряд, а в перебивку: три листа статьи «Для учителя» и собственно азбуки и около двух листов начала и самого конца второй части. Первые три листа были сверстаны, а остальные остались в гранках. Из второй книги были набраны начало и конец первой части — всего около четырех с половиной листов, из которых были сверстаны четыре листа. Таким образом, говоря, что Рис набрал лишь семь листов, Толстой имел в виду только набор в верстке.

Во время набора первых двух книг авторская работа над ними не прекращалась. Состав второй части первой книги, по сравнению с первоначальным планом, был увеличен на одиннадцать номеров. Проследить остальные авторские изменения, внесенные в первую книгу в процессе набора, нет возможности. К моменту затребования материалов книг обратно из типографии Риса состав и план первой и второй частей приняли новый вид.

К набору как арифметики, так и славянского отдела в типографии Риса не было приступлено. Вся авторская работа над первой книгой далеко еще не была завершена даже в процессе набора. Не были обозначены части книги. Материал для русского чтения, хотя и определившийся, не был еще в достаточной степени систематизирован и разбит на отделы.

Дальше, чем над первой книгой, продвинулась работа Толстого и типографии над второй книгой. К моменту, когда типография Риса прекратила работу над «Азбукой», эта книга не имела титульного листа и оглавления. Отсутствовала в ней и статья «Для учителя», но, судя по пробелу в пагинации в начале верстки второй книги, эта статья была набрана и сверстана, но верстка не сохранилась. Материал для русского чтения, составлявший первую часть второй книги, был разбит на четыре отдела. Шестьдесят произведений были набраны и сверстаны, два произведения набраны, но не сверстаны и только шесть произведений остались в рукописи. К набору славянского материала и арифметики, составивших вторую и третью части второй книги, не было приступлено.

V

Получив материалы первой и второй книги из типографии Риса обратно, Толстой с 6 по 20 июня 1872 г., как это видно из его писем к

Страхову, привел их в порядок, более точно систематизировав и оформив для нового набора, и существенно переработал статьи «Для учителя» и «Общие замечания для учителя». Материал первой книги был разбит на четыре части. В первой части, то есть в собственно азбуке, последний, третий, отдел был разделен на два отдела и из него исключен небольшой рассказ, написанный на пословицу «Бог правду видит, да не скоро скажет», в связи с тем, что под таким заглавием уже был написан большой рассказ (см. примечания). В остальном эта часть была оставлена без перемен. Наиболее крупным переделкам подверглась вторая часть первой книги, то есть материал для русского чтения. В эту часть автор перенес из второй книги рассказ «Пожарные собаки». Гранки в ней он разорвал по отдельным произведениям и более точно систематизировал материал, разбив его на четыре отдела.

В былинах, составивших четвертый отдел, Толстой поставил в первых стихах ударения. К третьей, славянской, части наметил сделать сноски с объяснением непонятных слов и грамматических форм, но этих сносок не сделал, а приложил к славянскому тексту отдельный листок с объяснением, какого характера должны быть эти сноски. В начале текста подчеркнул для образца несколько слов, которые, по его мнению, требовали объяснения. В конце славянского текста приложил другой листок с перечнем материалов, намеченных к помещению в третьей части, и указанием, с каким переводом должны быть напечатаны эти материалы. В четвертой части, то есть в арифметике, пометил в начале текста: «IV часть». На титульном листе обозначение: «Часть I», заменил: «Книга I». Весь материал первой книги от начала до конца перенумеровал по листам синим карандашом (1—91). После переделки к ней было составлено оглавление И. Ананским. Толстой внес в это оглавление небольшие изменения (см. рук. № 20).

Можно предположить, что, занявшись переработкой первой книги, Толстой одновременно с этим поручил И. Ананскому составить оглавление второй книги в том виде, в каком она была получена из типографии Риса. Ананский написал оглавление первой части по материалам книги, поместил за ней название летописи, а затем внес в оглавление перечень остальных материалов второй части, который дал Толстой в конце перевода летописи. Третью часть, арифметику, Ананский не внес в оглавление. Покончив с первой книгой, автор сделал несколько существенных изменений в этом оглавлении и взялся за переработку второй книги. В материалы для русского чтения этой книги он включил новую статью «Ермак», поставил перед этими материалами: «Первая часть», и последний, четвертый, отдел этой части разбил на два отдела. Сноски грамматического характера во всех отделах этой части, имевшиеся в верстке, исключил.

Новый, пятый, отдел носит следы авторских исправлений красным карандашом. Былина «Сухман» оставлена в том виде, в каком была получена из типографии Риса, но выделена в шестой отдел первой части.

Перед оригиналом летописи и переводом — две авторские пометы красным карандашом: «Вторая часть». В эту часть включено «Житие Сергия Радонежского» с переводом, сделанным раньше.

Последняя часть книги, арифметика, повидимому, осталась без перемен. После переработки второй книги Толстой сам перенумеровал ее от начала до конца по листам синим карандашом (6—89) (под первыми номерами несомненно стояла несохранившаяся верстка статьи «Для учителя»).

19—20 июня 1872 г. первые две книги «Азбуки» в этом переработанном виде были посланы Страхову с подробными указаниями того, что и как делать. Толстой начал письмо с признания, что посылает рукопись первых двух книг «с трепетом», так как боится, что Страхов «ужаснется предстоящей ему работы, а если и не ужаснется, то не поймет многого по безобразной рукописи». Вслед за этим Толстой подробно изложил план первой книги «Азбуки» и в конце письма сделал приписку: «Вообще всё, что вы найдете плоским и лишним, даю вам carte blanche выбросить и очень прошу об этом».[149]

Ознакомившись с «Азбукой» и с авторскими указаниями в письме от 19—20 июня 1872 г., Страхов просил у Толстого дать разъяснения по ряду вопросов, связанных с печатанием «Азбуки». Письмо Страхова не сохранилось, но из ответного письма Толстого от 2 июля 1872 г. видно, что Страхов запрашивал относительно некоторых картинок к буквам алфавита, неудачно исполненных, а также и по вопросам орфографии. Кроме того, в том же письме он сообщал о своих переговорах с одной из первоклассных петербургских типографий — Лемана и об условиях, предложенных типографией. Толстой телеграммой[150] известил Страхова о своем согласии с этими условиями и то же подтвердил в письме от 2 июля.[151] В этом же письме Толстой, в свою очередь, спрашивал Страхова, «не пугает ли его скучная работа в славянском» и можно ли ему прислать с третьей книгой «Азбуки» житие, «неконченное переводом» (Иосифа Волоколамского).

7 июля Толстой выехал в Самару, а 8 июля он писал Страхову, из Москвы: «Третью книгу я оставил у жены и, как понадобится для чтения, напишите ей, и она пришлет. К ней объяснений никаких не нужно».[152] И дальше сообщал, что в книге не хватает «отдела арифметики» («умножение и деление») и статьи «Для учителя», и обещал их выслать из Самары. Еще до получения этого письма Страхов отправил в Ясную Поляну два письма, которые были пересланы Толстому в Москву. Толстой ответил на них уже с парохода 10 июля 1872 г. Из этого ответа видно, что у Страхова возникло сомнение, печатать ли «Азбуку» в четырех книгах с отдельной нумерацией страниц, или в одной книге с общей нумерацией. На это сомнение, видимо, навели материалы полученных Страховым книг. Вторая книга, которая приблизительно на треть была уже в верстке, не имела особого титульного листа. Очень многие листы первой и второй книг были перенумерованы по нескольку раз. Всё это ясно говорило за то, что по первоначальному плану автор намеревался выпустить «Азбуку» в одной книге и с общей нумерацией. От этого плана он отказался, повидимому, уже во время набора «Азбуки» в типографии Риса. Убедившись, что «Азбука» полностью не поспеет к выставке, то есть к 30 мая 1872 г., Толстой решил разбить ее на четыре отдельные книги в надежде, что ему удастся закончить печатанием и представить на выставку по крайней мере первые две книги. У Страхова, очевидно, явилась мысль вернуться к

первоначальному плану «Азбуки», о чем он и писал. Но окончательно отказавшись от этого плана, Толстой лаконично отвечал Страхову: «Нумерация отдельно и 4 книги отдельно».

Кроме того, Страхов в своих последних письмах писал относительно бумаги для «Азбуки» и просил Толстого прислать ему третью книгу; а так же сообщал, что он берет на себя составление грамматических выносок в славянских отделах и перевод жития Иосифа Волоколамского. На всё это Толстой 10 июля ответил Страхову полным удовлетворением: «Если вы только беретесь за славянское, то я уже спокоен, что будет сделано лучше, чем бы мог я».[153]

VI

Выяснив путем переписки все сомнительные вопросы, Страхов взялся за окончательный просмотр и подготовку полученных книг к печати. По всему ходу работы Страхова чувствуется, что он проявил исключительную бережность к каждому слову «Азбуки». Все авторские указания и инструкции он выполнил в точности, но вместе с тем, пользуясь предоставленным ему правом, внес большое число существенных поправок и изменений в работу.

В оглавление первой книги Страхов внес несколько мелких стилистических поправок, статью «Для учителя», стоявшую в начале оглавления, перенес в конец, а затем всё оглавление переписал заново на отдельных листах, придав ему несколько иное оформление. В первом отделе первой части книги, то есть в азбуке в тесном смысле, Страхов вставил букву К, которой там не хватало; перерисовал арбуз, иголку, колокол и яблоко, плохо сделанные и заменил рисунок оси обручем. В третьем отделе этой части он поставил тире между слогами всех слов, снял все ошибочно набранные курсивы и более четко проставил все строчные буквы. В четвертом отделе им были отмечены все пропущенные курсивы. Текст рассказа «Пожарные собаки», трудно читаемый, вследствие сплошных переработок, почти полностью переписал, местами слегка изменив его в стилистическом отношении. Более существенной переработке он подверг третью часть книги, то есть славянские материалы. В первой половине текста «Летописи Нестора» он перечеркнул все буквы, которые должны быть набраны славянским шрифтом, а во второй — все буквы, которые должны быть набраны гражданским шрифтом. В переводе «Летописи» Толстого он сделал около девяноста поправок стилистического характера. Переводы Толстого слов о Филагрии и Мурине заменил новыми переводами. Перевод Толстого жития Давида был существенно переработан в стилистическом и синтаксическом отношении. Все славянские материалы этой части Страхов снабдил большим числом грамматических выносок, о чем просил его Толстой. В список четвертой части книги, то есть в арифметике, вставил шесть дополнительных листов, из которых на первых пяти по образцам, данным в списке, он изобразил разными способами цифры, которые в списке были или пропущены, или только намечены для

изображения, а на шестом листе переписал одно место списка, трудно читаемое, вследствие большого числа авторских поправок. Статьи «Для учителя» и «Общие замечания для учителя» Страхов местами несколько сократил, а затем внес в них одну большую вставку на отдельном листе, посвященную сопоставлению русских и славянских форм языка, ряд мелких вставок и около пятидесяти поправок стилистического, синтаксического и отчасти смыслового характера. Кроме этих изменений, внесенных в первую книгу, все материалы последней он тщательно оформил для набора (см. рук. № 20).

В первой части второй книги Страхов обозначил все отделы одинаково римскими цифрами, что он сделал потом и во второй части первой книги. Былину «Сухман», которая у Толстого заключала пятый отдел, он выделил в особый, шестой, отдел. В тексте этой части Страхов отметил пропущенные курсивы и снял большое число курсивов, оказавшихся не на месте после переработки Толстым второй книги. В отделах четвертом и пятом Страховым были исключены две статьи: «Деревья дышат» и «Отчего в темноте видно?»; статьи «Отчего бывает ветер?», «Тепло. I», «Тепло. II», «Отчего потеют окна и бывает роса» — сокращены. Из статьи «Растяжимость тел от тепла» он оставил только начало в шесть строк, включив его в статью «Тепло. I», а остальную, большую, часть этой статьи зачеркнул. В текст остальных научно-популярных статей этих отделов Страховым внесен ряд мелких вставок и стилистических поправок. В былине «Сухман» им переработан один стих.

Во второй части второй книги текст «Летописи Нестора» Страхов увеличил в двух местах на пять строк. В текст авторского перевода «Летописи» он внес около девяноста поправок стилистического и синтаксического характера. Текст перевода «Чуда Симеона Столпника» Страхов также значительно переработал и внес в него около пятидесяти стилистических и синтаксических поправок. Текст перевода «Жития Сергия» был сильно переработан стилистически и синтаксически. Состав материалов второй части на этот раз остался без перемен. Но в конце сентября 1872 г. Страхов, вернувшись к этой части, перенес из нее «Чудо Симеона Столпника» во вторую часть третьей книги, а псалом 25-й, который значился в ней, по желанию Толстого, заменил псалмом 36-м (см. рук. № 21).

Третью часть второй книги Страхов озаглавил: «Часть третья. Счет». Некоторые места в этой части он значительно переработал в стилистическом и смысловом отношении. Одно место в ней, зачеркнутое Толстым, Страхов восстановил, но это место всё же не было напечатано. Кроме перечисленных изменений, внесенных во вторую книгу, все материалы в ней, как и в первой книге, Страхов тщательно оформил для набора.

Третья книга, которую Страхов мог получить от С. А. Толстой около середины июля 1872 г., была без статьи «Для учителя» и без арифметики, которые Толстой обещался прислать из Самары. Житие Иосифа Волоколамского не имело перевода, который взялся сделать сам Страхов. Первую часть книги, наиболее подготовленную к печати, Толстой разделил на четыре отдела, положив в основу этого деления виды произведений, вошедших в эту часть. Отделы были такие: «I. Басни», «II. Сказки», «III. Описания и рассказы» и «IV. Научное».

Былина «Вольга богатырь» не была выделена в особый отдел и замыкала собой «научный» отдел (см. рук. № 23).

Во всех статьях первой части Толстой отметил красными чертами под строкой набрать особым шрифтом следующие грамматические формы: в первом отделе — последовательно окончания косвенных падежей; во втором — окончания всех слов в косвенных падежах; в третьем (до рассказа «Булька») — родовые окончания в единственном числе и с этого рассказа родовые окончания во множественном числе прилагательных, числительных и местоимений и тех существительных, которые с ними согласованы; в четвертом (до статьи «Чутье») — окончания наречий и с этой статьи все предыдущие грамматические формы.

Оглавление третьей книги (см. рук. № 22) Страхов несколько переработал в отношении порядка расположения материала, включил в него статью «Чутье», случайно пропущенную переписчиком, заменил отрывок из главы XXII Евангелия Матфея двумя отрывками из главы XIII того же Евангелия, указал источники некоторых произведений и в таком виде пока оставил оглавление (окончательно он переработал это оглавление не ранее начала октября 1872 г.).

Перед материалами для русского чтения третьей книги Страхов поставил: «Часть первая». Первый и третий отделы этой части он обозначил только римскими цифрами, обозначение второго отдела оставил, как было у Толстого: «II. Сказки», а четвертый отдел разбил на три отдела, обозначив эти отделы римскими цифрами IV, V и VI. Но такое деление не удовлетворило Страхова, и он решил разбить материал этой части по-новому, положив в основу отделов не виды произведений, как сделал Толстой, а виды грамматических упражнений. Но по этому новому принципу Страхов наметил римскими цифрами только два первых отдела и остановился на этом, решив, очевидно, выждать, когда Толстой пополнит эту часть третьей книги новыми материалами, на необходимость чего указал ему Страхов. Рукопись третьей книги сохранилась со следами этого незаконченного деления русского материала на отделы. Потом, видимо уже в корректуре, Страхов весь этот материал, кроме былины «Вольга богатырь», разбил по видам грамматических упражнений на десять отделов, обозначив эти отделы римскими цифрами. Былину «Вольга богатырь» выделил в особый, одиннадцатый, отдел.

Материал первой части третьей книги Страхов распределил по грамматическим упражнениям несколько иначе, чем это было у Толстого. Все пометы Толстого грамматических форм в материалах со статьи «Чутье», составивших потом десятый отдел, Страхов стер, оставив, таким образом, все предыдущие грамматические формы, объединенные в этом отделе, без особого шрифта. В грамматических упражнениях на наречия у Толстого помечены были особым шрифтом только окончания последних. Страхов уточнил эти упражнения. Наречия, производство которых трудно, он пометил набрать особым шрифтом полностью, а в наречиях, производство которых ясно, пометил особым шрифтом только буквы, указывающие на это производство.

В текст статей первой части третьей книги Страхов внес около десяти

мелких стилистических поправок и одно место, строк в десять, в статье «Кристаллы» переработал по существу. В списке оглавления первой части третьей книги статья под заглавием: «Сопоставление частиц» присоединена, в качестве третьей части, к статье второй «Сырость». Но, повидимому уже в корректуре, Страхов сделал эту часть снова особой статьей, озаглавив ее: «Разная связь частиц».

Много труда положил Страхов на славянские материалы, помещенные в третьей книге, относительно которых, говоря о материалах этой книги, Толстой сам откровенно признавался в письме к Страхову от 10—12? августа 1872 г.: «Боюсь за славянское потому, что оно почти, да и совсем, не сделано».[154] Перед отрывками из «Летописи Нестора» и их переводами, помещенными в третьей книге, Страхов пометил: «Часть вторая. Летопись Нестора», и всем отрывкам дал заглавия. В тексте оригинала и переводе «Летописи» он сделал большое количество новых абзацев, и все цифры, обозначенные в оригинале арабскими цифрами, написал по-славянски. Текст перевода «Летописи» Страхов основательно переработал. Всего в перевод Толстого Страховым внесено было около трехсот изменений стилистического и синтаксического характера.

Вслед за переработкой «Летописи» Страхов принялся за перевод жития Иосифа Волоколамского. Никаких следов этого перевода в материалах по «Азбуке» не имеется. Но в переписке Толстого со Страховым имеются указания на то, что этот перевод был сделан. Страхов спрашивал Толстого, оставить или исключить из этого жития попечение Иосифа о родителях. И Толстой в том же августовском письме отвечал ему: «Как хотите». В первой половине сентября 1872 г. Страхов предложил Толстому житие Иосифа Волоколамского, как «длинное и скучноватое», исключить из материалов «Азбуки». Толстой с сожалением, но всё же писал ему: «Уничтожьте, если вам не жалко своей работы». Из этих указаний ясно, что Страхов не только начал, но и закончил перевод названного жития.

Состав славянских материалов третьей книги окончательно определился не ранее середины сентября 1872 г. (см. рук. № 24).

Вся работа по просмотру, исправлению и оформлению для печати первых трех книг «Азбуки» была проделана Страховым приблизительно за время с 15 июля по 15 августа 1872 г. В процессе работы над этими книгами Страхов всё время письменно сносился с Толстым, извещая его о всех существенных изменениях, вносимых в «Азбуку», и постоянно прося у него советов, разъяснений и новых указаний. Толстой, как это видно из всех его ответных писем, давал Страхову разъяснения по всем сомнительным вопросам, но от руководства его работой он определенно воздерживался и всегда почти соглашался с тем, что предлагал ему Страхов. Так, 6—7 августа 1872 г. он писал Страхову в ответ на одно из его писем: «1) Отделы не называйте, а сделайте так, как вы предлагаете. 2) Море выпустите. А какие объяснения из научного вы выпустите, пожалуйста напишите мне. Я всё помню и пойму с намека. 3) Исправление перевода летописи предоставляю вам и, как и во всем другом, вполне на вас полагаюсь». И в другом письме от 10—12? августа того же года: «Иструб говорят у нас вместо сруб, и сруб я никогда не слыхал, а знаю по книгам».[155]

VII

Переговоры Страхова с типографией Лемана, начатые в середине июня 1872 г., несмотря на согласие Толстого с условиями, предъявленными этой типографией, по неизвестным причинам не дали результатов, и Страхов договорился о печатании «Азбуки» с типографией Замысловского. К набору первых трех книг было приступлено во второй половине июля 1872 г. Книги набирались и печатались по частям. В первую очередь были сданы в набор собственно азбука и материалы для русского чтения. В первых числах августа 1872 г. эти части «Азбуки» были уже набраны, а три листа даже сверстаны и отправлены в Ясную Поляну. 6—7 августа Толстой сообщал Страхову: «Радостное письмо ваше и три печатных листа получил вчера.... издание и отчетливость работы удивительны».[156]

В то время, когда набирались и печатались первые три книги «Азбуки», Толстой спешил закончить недостающие части третьей книги и готовил к набору четвертую книгу. Начал он с арифметики к третьей книге, над которой работал даже на пароходе по дороге в Самару. «Вчера мучился с арифметикой целый день вместо того, чтобы любоваться берегами», — писал он С. А. Толстой 12 июля 1872 г.[157] Вернувшись из Самарской губернии раньше, чем предполагал, 29—30 июля Толстой писал Страхову из Ясной Поляны: «Спешу хоть двумя словами уведомить вас, что я не прожил предполагаемого и вернулся... . Я вернулся здоровый и свежий» но начинаю слишком рано работать и хочу удержаться и не, могу. Как будто подгоняет меня невидимая сила, и неохотно покоряешься».[158]

По возвращении Толстой продолжал работу над подготовкой «Азбуки» и в первую очередь над арифметикой для третьей книги. 6—7 августа он писал Страхову: «Вы меня поощрили Ермаком, и я постараюсь прислать к 3-й или 4-й части заброшенную было историческую статейку.[159] Но да не задерживает она ни на час ход работы. Я до одурения занимаюсь эти дни окончанием арифметики. Умножение и деление кончены в III части и кончаю дроби.... мне кажется, что арифметика, будет лучшее в книге».[160] В следующем письме от 10—12? августа 1872 г., отвечая на замечание Страхова в неизвестном письме о недостатке материала для русского чтения в третьей книге, Толстой обещал выслать «несколько статеек».[161]

Вскоре закончив арифметику для третьей книги (см. рук. № 25), Толстой написал для этой же книги статью «Для учителя» (об арифметике; первая часть этой статьи была выслана Страхову С. А. Толстой в середине июля, см. рук. № 26). Законченные первые две части четвертой книги и первая часть статьи «Для учителя» к этой книге были отправлены Страхову 15—20? августа 1872 г. (см. рук. №№ 27 и 30) с письмом, в котором Толстой писал, что обещанные добавления в третью книгу он не успел сделать, и просил вместо этого перенести в третью книгу из четвертой рассказ «Бог правду видит». «А в IV я поспею»,[162] — добавлял он.

В последних числах августа 1872 г. были напечатаны первые три части первой книги и первая часть второй книги, которые Страхов не замедлил отправить в Ясную Поляну. Славянский материал первой книги Толстой очень одобрил, о чем и писал Страхову, 28 августа 1872 г. [163] В материалах же для русского чтения второй книги Толстой нашел грубую ошибку, о которой писал Страхову в следующем письме в первых числах сентября 1872 г.: «Ошибка в статье «Тепло»: прибавлено (не мною) отчего тонкий стакан не лопается. Вопрос остается без ответа». [164]

Одновременно с отправкой отпечатанных листов Страхов писал относительно материалов четвертой книги. Славянский отдел этой книги пот казался Страхову перегруженным материалами, и он предложил, исключить из этого отдела историю библейского Иосифа. Вместе с тем Страхов, просил объяснить некоторые места в рассказах «Охота пуще неволи» и «Кавказский пленник», которые показались ему непонятными. Толстой, отвечал ему 28 августа: «Статьи славянского всё так точно, но правда, что много. Но жалко и невозможно исключить историю Иосифа. Лучше выкинуть житие Сергия или Михаила или то и другое. Можно переместить так, чтобы где Иосиф, там бы менее житий и летописи... . Высожары — созвездие — плеяды, на закорки — на себя. Ломы в лесу — место, где повалился лес. Щекочет сорока, как грает ворон. Для уяснения прибавить в этом месте: «И я увидал в глуши болота завалившиеся друг на друга деревья и услыхал сороку». Под в голова лучше, чем под головы. Боюсь, ужасно боюсь, что труда по славянскому будет очень и очень много, и что не только 10 сентября, но 10 октября не кончите».[165]

Приведенной фразы Страхов не вставил в рассказ «Охота пуще неволи». Вместо «под в голова» он все же написал в нем: «под головы». Относительно срока выхода Страхов поспешил успокоить Толстого, как о том можно судить по ответному письму Толстого от первых чисел сентября 1872 г.[166]

В ответ на письмо Толстого от 28 августа Страхов в неизвестном письме писал, повидимому, по поводу недостатков в статьях научно-популярного характера в четвертой книге. Толстой, отвечая Страхову, просил его: «Если возможно, пришлите мне статьи о газах, как вы их переделаете. Очень, очень меня одолжите. Я нынешнюю зиму страстно, но урывками, занимался естественными науками, особенно физикой. Мне интересно знать, в чем я соврал. Но должен сказать, что из естественных наук я выбирал не то, что попадалось в книгах, не то, что случайно знаю, не то, что мне кажется нужно знать, но то, что ясно и красиво, и когда мне казалось недостаточно ясно и красиво, я старался выразить по-своему. Мне очень интересно знать, что вы забраковали». И добавлял: «Дроби мои теперь готовы, только осталось переписать».[167]

В первой половине сентября 1872 г. Толстой был под следствием, вызванным тем, что бык в его стаде убил пастуха. Это обстоятельство временно задержало его работу над «Азбукой». На письма Страхова он отвечал не сразу, чем, видимо, задерживал и его работу по окончательной переработке и печатанию «Азбуки». Только 15 сентября

он в приписке сообщал Страхову: «Постараюсь дроби прислать в неделю срока, но ради бога устройте так, чтобы можно было их подождать».

Можно считать, что только 15 сентября 1872 г. окончательно определился состав последних трех книг «Азбуки». Страхов к этому времени закончил просмотр и переработку материалов «Азбуки», которые дополнительно были посланы ему около середины августа 1872 г. Текст арифметики в третьей книге он слегка изменил в стилистическом отношении и внес в него ряд мелких вставок. Трудно читаемые места, вследствие больших поправок, он переписал на отдельных листах.

Подсчет зерен в последней задаче, неправильно сделанный Толстым, Страхов произвел заново. Первую часть статьи «Для учителя» в третьей книге Страхов переработал коренным образом, а вторую часть этой статьи, посвященную арифметике, лишь слегка изменил в стилистическом отношении. Материалы для русского чтения третьей книги Страхов дополнил рассказом «Бог правду видит», как ему советовал Толстой. Конец статьи «Вредный воздух» и статьи «Газы» и «Как вещества соединяются» в научно-популярном отделе четвертой книги Страхов переработал в самостоятельную статью, озаглавив ее «Газы. I» и пометив следующую статью «Газы. II». Статью «Тепло и движение» он исключил из этого отдела, а вторую половину статьи «Солнце — тепло», заключавшую в себе большое число авторских поправок, переписал и несколько изменил стилистически. Первую часть статьи «Для учителя» в четвертой книге Страхов написал заново. В славянских отделах последних трех книг «Азбуки», которые больше всего беспокоили Толстого, Страхов произвел такие изменения: во второй книге он оставил «Житие Сергия» и заменил псалом 25-й псалмом 36-м; в третьей книге поместил «Чудо Симеона Столпника», взятое из второй книги, и заменил псалом 37-й псалмом 89-м и в четвертой книге поместил историю Иосифа библейского, небольшое «Слово о гневе» и псалом 103-й. Жития Иосифа Волоколамского и Михаила Страхов исключил из «Азбуки». Потом эти два жития Толстой включил в «Славянские книги для чтения», вышедшие отдельным изданием в 1876—1877 гг. «Летопись Нестора» Н. Н. Страхов сохранил полностью во всех трех последних книгах «Азбуки», как того хотел Толстой. В текст переводов «Летописи Нестора» и житий, помещенных в этих книгах, Страхов внес большое число изменений стилистического и синтаксического характера.

Параллельно с переработкой трех последних книг производился набор и печатание их. 15 сентября 1872 г. Толстой писал Страхову относительно статей о газах и тепле, помещенных в четвертой книге: «В печати эти (даже те, которые вы оставили) статьи показались мне ужасно гадки».[168] А около 20 сентября того же года Страхов, несмотря на то, что в его руках не было еще арифметики для четвертой книги, уже сообщал относительно объявления о выходе «Азбуки» и ее запродаже. Всё это ясно говорит за то, что все материалы «Азбуки», бывшие у Страхова, может быть за исключением части славянских материалов, были уже набраны и частью напечатаны. Не сомневался в скором выходе «Азбуки» и Толстой, отвечавший 23 сентября 1872 г. на письмо Страхова: «Запродавать книги я не хочу.... Объявления, я думаю, надо печатать как можно больше. Впрочем, вы узнаете это лучше моего, но я не жалею на это денег. Боюсь неприличия. В редакции, я думаю, надо послать. И я от себя пошлю двум министрам: Милютину и

Толстому». В том же письме добавил: «До 28 сентября кончу дроби. Всё переписываю».[169]

30 сентября 1872 г. Страхову была отправлена арифметика для четвертой книги и вторая часть статьи «Для учителя об арифметике» (см. рук. № 30) письмом, в котором Толстой писал: «Вы не можете себе представить, как я счастлив теперь, спихнув с шеи эту работу, казавшуюся мне столь важною. Боюсь, что покажется вам длинно. Как мне ни жалко, даю вам carte blanche сократить в отделе примеров сложения и вычитания.... Если найдете нужным в языке дробей и для учителя поправить, изменить, выпустить что-либо, — делайте, но известите».[170]

Во вторую часть статьи «Для учителя» Страхов внес значительное число мелких изменений и присоединил к ней первую часть статьи, посвященную грамматическим: упражнениям. В арифметике четвертой книги он сделал около тридцати мелких вставок и около двенадцати мелких стилистических и синтаксических поправок. 15? октября 1871 г. Толстой сообщал Страхову в письме три добавления к арифметике четвертой книги: одно к приведению дробей к одному знаменателю, другое к делению и третье к умножению десятичных дробей. В связи с этими добавлениями Толстой сделал Страхову несколько указаний, прибавив при этом: «Мне ужасно страшно всё это писать и вас об этом просить. Что, если вы считаете всю мою арифметику вздором? Тогда каково вам заниматься этим? — Тем более, что вы судья в этом деле».[171] Все добавления, присланные Толстым, Страхов внес в арифметику уже в корректуре, предварительно переработав их слегка в стилистическом отношении.

В первых числах октября 1872 г. первые три книги «Азбуки» были отпечатаны, но они пока не имели оглавлений, титульных листов и обложек, которые были напечатаны после. Первые две части четвертой книги к этому времени, если не были напечатаны, то во всяком случае были набраны и сверстаны; Просмотрев эти книги в печатном виде, Толстой нашел, что «в первой книге на 10 и 11 листах есть две ужасные опечатки»,[172] и просил поправить. Лист с одной опечаткой Страхов перепечатал и вклеил в первую книгу (стр. 157—158), а вторую опечатку, которую хотел исправить Толстой, он оговорил только в «Опечатках» в конце первой книги, руководясь, очевидно, вторичным указанием Толстого, который писал ему 16—17? октября 1872 г.: «2 вместо 8, пожалуй, не перепечатывайте, а в опечатках означьте».[173]

По всем данным, около середины октября 1872 г. Страхов переработал, оформил по-новому и переписал оглавления, приложенные к материалам первых трех книг «Азбуки». Относительно источников некоторых произведений, которые не были указаны в оглавлениях, Страхов запросил Толстого, который писал ему в ответ:

«Забыл ответить на вопросы об оглавлении и затерял листок вашего письма, где было написано. Мне кажется, что я помню всё.

Волк в пыли — с индейского.

Цапля, лягушка и рак — тоже.

<Волга и Вазуза — Даля>

Шат и Дон — народное предание (мною записано).

Две лошади —

мое.

Собака и повар —

Перепелка —

Топор и пила —

Извините, если забыл еще что-нибудь. Нашел ваше письмо. Мышь под амбаром — с индейского.

Судома —из хрестоматии Перевлесского.

Лев и лисица — Эзоп.

Заяц и гончая собака

мое».[174]

Равное наследство

Теленок на льду

Сова и заяц

Несомненно, что этим запросом Страхова была вызвана заметка Толстого общего характера об источниках материалов «Азбуки», помещенная в качестве примечания к оглавлению первой и второй книги.

16–17 октября 1872 г. Толстой извещал Страхова, что послал в «Московские ведомости» объявление об «Азбуке», и добавил при этом: «Я написал: выйдет 1-го ноября (ошибся ли я?). Если вы одобрите объявление, то напишите такое же или измените. Надо прибавить то, что при требовании стольких-то экземпляров делается столько-то % уступки (так, как обыкновенно делается, я не знаю, сколько)». Объявление послано было с А. А. Фетом, который, по словам Толстого, «всё перепутал», и оно не было напечатано. Толстой написал новый проект объявления и послал Страхову в письме от 20–21 октября 1872 г., прося его «придумать лучшее или сократить и печатать».[175]

Страхов немного переработал и дополнил проект Толстого и напечатал его в газете «Московские ведомости» (1872, № 275 от 31 октября).[176] В конце октября или в первых числах ноября 1872 г. было закончено печатание четвертой книги «Азбуки». При составлении оглавления этой книги Страхов просил Толстого указать источники некоторых произведений, вошедших в эту книгу. В письме от 20–21 октября 1872 г. Толстой отвечал ему: «Два товарища (с медведями басня?) — Эзопа, Лев, волк и лисица — Эзопа, Волк и мужик — народная, Отчего зло на свете — с индейского. Дуб и орешник, Наседка и цыплята, Корова и козел, Лисий хвост, Дергач и самка — мое.[177]

22–23 октября 1872 г. Толстой отвечал на новый вопрос Страхова относительно характера обложки и титульного листа для «Азбуки»: «Какая обертка и первый лист? Надо самую простую.

Азбука

гр. Л. Толстого

1 книга».[178]

Продолжая просматривать отпечатанные книги «Азбуки», автор натолкнулся на ошибку в третьей книге и по этому поводу спешно писал Страхову в том же письме: «Ужасная опечатка на 144-й стр. 3-й книги.

Напечатано:

Из 32-х разложи на 8 частей по 1 (1 × 8) и т. д. —

Надо:

Из 32-х разложи на 4 части по 1 (1 × 4) и т. д.

Эту невозможно оставить. Она в самом начале упражнений умножения. Необходимо сделать наклейку».

Однако, это была не опечатка, а точное воспроизведение текста списка, в котором была допущена эта ошибка и которую не заметил Страхов. 26–27 октября 1872 г. Толстой вторично писал Страхову по

этому поводу и предлагал исправить ошибку не путем наклейки, что должно было вызвать большую переработку текста, а изменением чисел.[179]

До отправки этого второго письма Толстой получил от Страхова письмо, в котором последний, повидимому, предлагал какой-то другой выход из положения. Толстой не согласился с ним и добавил в том же письме: «Распечатываю на железной дороге, получив ваше письмо. Непременно как здесь написано, т. е. 32 : 4».[180] Опасаясь, что второе письмо не дойдет до Страхова, Толстой 30 октября 1872 г. отправил ему третье письмо, повторив в нем свои указания относительно способа исправления ошибки.

Пользуясь указаниями Толстого, Страхов исправил ошибку, но несколько иначе, чем предлагал Толстой, и в таком виде переработанная 144-я страница вместе с лицевой 143 страницей были набраны и отпечатаны вновь, и этот лист был вклеен в третью книгу «Азбуки», но не во все экземпляры издания (неизвестно, в каком количестве, но остались экземпляры с этой «ужасной опечаткой»).

VIII

В начале ноября 1872 г. «Азбука» вышла в свет в количестве 3600 экземпляров («Правительственный вестник» 1872, № 269 от 12 ноября). Относительно цены и способа продажи «Азбуки» Толстой имел длинную переписку с Страховым и П. А. Берсом еще до выхода книги.[181]

В результате этой переписки «Азбука» была пущена в продажу по 2 рубля, то есть по 50 копеек за книгу. Книгопродавцам решено было отпускать книги только за наличный расчет, делая им уступку в 20 процентов. П. А. Берс устроил один склад «Азбуки» у себя на квартире, а другой в в книжном магазине «для иногородних», который взял на себя пересылку книг в провинцию.

Толстой был твердо убежден, что «Азбука», несмотря на ее высокую цену, разойдется очень быстро, и он уверенно писал Страхову около 1 октября 1872 г.: «Первое издание разойдется сейчас же; а потом особенности книги рассердят педагогов, всю книгу растащат по хрестоматиям, и книга не пойдет.[182] В этом убеждении поддерживал Толстого и Берс, писавший ему 20 октября 1872 г.: «3600 экземпляров разойдутся, по всей вероятности, очень скоро, и новое издание придется начать в самом непродолжительном времени.... Но об этом Страхов при свидании хочет поговорить с тобою подробно». Свидание Страхова с Толстым произошло 6—8 ноября 1872 г. в Ясной Поляне. Во время этого свидания они, очевидно, и переговорили «подробно» о новом издании «Азбуки», и Страхов взял на себя исправление «Азбуки» для этого издания.

Толстой с нетерпением ждал от Берса сообщения о том, как идет

распродажа «Азбуки», но тот молчал. Недели через две после выхода книги он сам запросил об этом, и Берс писал в ответ 30 ноября 1872 г.: «В последнем твоем письме ты напугал меня своим нетерпением, но «Азбука» так недавно вышла в продажу, что я находил лишним уведомлять тебя о той мелкой распродаже, которую я вел до сих пор. Требования поступают только от одних петербургских книгопродавцев и притом весьма ограниченные, и несколько требований частных лиц из провинции. Можно прямо сказать, что «Азбука» еще не пошла; даже нет еще никаких критик и разборов — очевидно, что она еще совсем неизвестна. Книгопродавцы предвещают ей успех, но время к тому еще не наступило.... «Азбуки» продано у меня до 200 экземпляров и в магазине «для иногородних» до 300 экземпляров. Для двухнедельной распродажи это хорошо, но я жду лучшей». Но 8 декабря 1872 г. П. А. Берс писал уже в другом тоне: «К сожалению, приходится писать всё вещи весьма неутешительные. С 29 ноября по сегодняшний день распродано у меня 60 экземпляров. Мне кажется, что «Азбука» понемногу глохнет и — чего доброго — совсем заглохнет». 18 декабря 1872 г. Берс сообщал, что «Азбуки» с момента ее выхода распродано: 1 части — 292 и 2, 3, 4-й — 262 экземпляра. Чтобы повысить интерес к «Азбуке» и увеличить ее распродажу, Берс, с разрешения Толстого, разослал дополнительно экземпляры последней по редакциям журналов и газет и увеличил число публикаций о ней в газетах. И в том же письме к Толстому он выразил надежду, что «теперь «Азбука» пойдет успешнее».

Но надежды его не оправдались. Распродажа «Азбуки» уменьшалась с каждым днем. 22 февраля 1873 г. П. А. Берс писал сестре Т. А. Кузминской: «Азбука» приводит меня в отчаяние. До сих пор еще кое-как распродавалась, а в последнее время продажа совсем прекратилась, а у меня остались нетронутыми 2000 экземпляров, которые я теряю надежду продать». В том же неутешительном тоне писал Берс и Толстому 23 февраля 1873 г.: «Продажа «Азбуки» идет всё хуже и хуже. Сообщаю тебе это так часто, потому что обязан сообщать, а иначе и не писал бы».

Одной из главных причин неудачи, постигшей «Азбуку», было то, что она как учебник не была одобрена для школ Министерством просвещения. По выходе в свет «Азбуки» Толстой послал ее министру просвещения Д. А. Толстому вместе с письмом, в котором просил последнего одобрить книгу для школ, но в течение двух лет он не получил от министра не только одобрения «Азбуки», но даже и ответа на свое письмо.[183] В незаконченном ответе критикам «Азбуки», написанном в конце февраля или в первой половине марта 1873 г., Толстой с возмущением писал об этом: «И на письмо мое к министру народного просвещения я, противно самым элементарным правилам учтивости, не получил даже ответа».[184]

Несомненно и то, что неуспеху «Азбуки» в значительной степени содействовало не раз проявленное подозрительное отношение царской администрации к новаторской педагогической деятельности Толстого.

П. А. Берс же считал виновником неуспеха книги и самого Толстого, который «при распродаже «Азбуки» хотел быть исключением и переломить книгопродавцев», в которых, «вся сила и власть распространения книг». «Нельзя предполагать, — писал он Толстому 8 декабря 1872 г.,

– чтобы книга делалась известною вследствие одних публикаций, надо главное, чтобы ее распространяли книгопродавцы, а для того надо, чтобы продажа книги была им выгодна, а иначе они ее не только не распространят, но будут еще и прятать и держать в магазине только на случай требования». Так они и поступали с «Азбукой», в распродаже которой не были заинтересованы, так как автор делал им небольшую уступку и отпускал книгу только за наличный расчет.

Резко отрицательные отзывы об «Азбуке» Толстого, появившиеся в журналах и газетах, несомненно также неблагоприятно отразились на ее продаже. Первым отозвался на появление «Азбуки» П. Н. Полевой. В статье «Азбука графа Л. Н. Толстого», помещенной в «С.-Петербургских ведомостях» (1872, № 330 от 1 декабря), он прежде всего остановился на внешности «Азбуки» и нашел, что «серая бумага, крупная, но слепая и бледная печать и, без всякого преувеличения, безобразные виньетки (всего 27), помещенные в виде пояснения при алфавите, всё это не согласовалось с весьма почтенною ценою «Азбуки» (2 руб.)». Вслед за тем Полевой обратил внимание на отсутствие в «Азбуке» предисловия, без которого невозможно решить: «для кого написал граф Л. Толстой свою «Азбуку»? кого разумеет он под названием ученика?» Преимущества метода Толстого обучения грамоте перед звуковым методом остались для Полевого «совершенно темными», а блестящие результаты, которых якобы достигал Толстой с помощью своего метода в изучении складов, показались ему «чудом» и «тайною». Но все-таки это «чудо» не в такой степени удивило Полевого, как статья в первой книге «Азбуки»: «Общие замечания для учителя», где Толстой говорит, что «ученик, полагающий, что земля стоит на воде и рыбах, судит гораздо здравее, чем тот, который верит, что земля вертится, и не может этого понять и объяснить». Материалы исторического содержания, входящие в «Азбуку», Полевой нашел «скудными», «бледными» и притом «разбросанными в четырех книгах «Азбуки» без всякой видимой связи или системы». Отдел с материалами из области естествознания богаче отдела исторического, но и он представляет собой «явление, до такой степени оригинальное и странное», что трудно себе представить, для какого класса учеников предназначен Толстым этот материал. Все статьи этого отдела изложены «с точки зрения, что природа устроена на пользу человека и представляет собою не более, как обширное хозяйство, в котором разные части и силы всегда готовы на службу нашим интересам, хотя почему-то и подразделяются на полезные и вредные». Многие статьи этого отдела не имеют «положительно никакого значения ни для одного ребенка». Из числа басен, сказок, описаний и рассказов, составляющих главный отдел «Азбуки», выделяются по своим литературным достоинствам только три рассказа: «Бог правду видит», «Кавказский пленник» и «Охота пуще неволи». Все остальные произведения этого отдела Полевой нашел недостойными имени автора «Войны и мира». Все они удивляют читателя и «странностью выбора сюжетов» и «каким-то странным орловско-калужским наречием», каким они изложены. Во множестве произведений этого отдела «постоянную, выдающуюся роль играет слепой случай, тот фатализм, который всегда сказывался слабою стороной всех произведений графа Л. Толстого и здесь доведен до смешных крайностей». В отделе церковно-славянского чтения Толстой показал, что его «знания в церковно-славянской грамматике более чем ограничены». В заключение Полевой выразил сожаление, что «талантливый автор отдельных прекрасных произведений,

которыми русская литература имеет полное право гордиться, затрачивает свои силы на составление подобной «Азбуки», вероятно, немало отнявшей у него времени и едва ли годной для наших школ».

Еще суровее отнесся к «Азбуке» Толстого «Вестник Европы», напечатавший анонимную статью в № 1 за 1873 г. Журнал также выразил сожаление, что Толстой не предпослал своей «Азбуке» «введение, которое разъяснило бы, почему нужно «Азбуку» разбить на четыре части, а не на 2, на 5 или более книжек? Во-вторых: как учителю прилагать на деле эту четырехактную мистерию для возвращения любознательной молодежи? В-третьих: для какого слоя общества автор преимущественно предназначал свой труд?» Без введения «мудрено разъяснить себе отчетливо цель, какую предполагал автор при составлении объемистой, дорогой и разнокалиберной «Азбуки». Преимущественно он «бьет шибко на мораль, которая до оскомины приелась в фабрикациях иезуитского пошиба плаксивой сентиментальности, где употребляется для того обычный запас басен, присказок, сказок, сентенций и нравоучительно-невинных или уморительно-смехотворных рассказов». Толстой «погнался за несколькими зайцами разом, и не мудрено, что промахнулся на всех». Отвергши «фонетический, общепринятый, самый естественный метод», Толстой «останавливается на только что покинутых бе, ве, ке, ре, фе, хе, ше и т. п., уверяя, что предлагаемый способ легче для обучающих и обучающихся». Научивши читать и изображать буквы, Толстой «подкрепляет приобретенные знания очень нехитрыми рисунками, между которыми вздетая иголка сильно напоминает кнут; хомут — что-то широкое с прорехою», а затем «сажает школьника на прадедовскую зубристику слогов от ба до вспры с компанией». Кое-где в «Азбуке» намекается «на что-то похожее на грамматические рубрики», но они до крайности «скудны, неполны, фрагментарны и разбросаны». Постановка некоторых знаков препинания в ней «огульно-ошибочна». Исчерпавши «своеобразно и разнообразно всю грамотность, подслащенную сомнительною моралью, гр. Л. Н. Толстой переходит к изучению славянской азбуки без азбуки, которая, по его мнению, отрывочно, но основательно и притом наглядно заучится из трудно понимаемой Несторовой летописи, на этот раз напечатанной русским шрифтом». Толстой почти не дал в «Азбуке» материала, который давал бы простолюдину знания, необходимые ему в практической жизни, и знакомил бы его с отечественной историей и с природой, с которой он органически связан. Зато какое у него «преизобилие басен, сказок, рассказов, почерпнутых у Эзопа, индийцев, американцев, арабов, персиян, турков и tutti quanti. Сказочный, вычурный и вообще болтливый элемент, как ни привлекателен для молодого ума, решительно раздражает лишь нервы, т. е. действует патологически, приучая к грезам, несообразности, неестественности, небывальщине, неправде, поддерживая дедовские предрассудки и закоснелое суеверие». Толстой потерпел неудачу с своей «Азбукой» потому, что он, как и все почти составители сборников, всего более хлопотал об «оригинальничании». Проще и целесообразнее было бы составить ему свою хрестоматию «из русских песен и былин, из летописей, из наших образцовых писателей — Гоголя, Тургенева, Аксакова, Решетникова, Успенского, Марко-Вовчка и многих других, более или менее удачно схватывавших заветную жизнь народа и всего общества». Если «авторское себялюбие уже чересчур щекотало» Толстого, то он мог бы «в пазах вклеить и свои думы и

извороты, предоставляя их вполне терпению или суду общества».

Сочувственный отзыв об «Азбуке» дал только «Гражданин» (1873, № 1). Он только посоветовал Толстому в будущих изданиях «Азбуки» библейские отрывки поставить прежде отрывков из летописи и Четьих-Миней.

Эти три отзыва, прочитанные Толстым, «возмутили и оскорбили его». [185] Об отзыве «Вестника Европы» он писал Страхову 1? марта 1873 г.: «У брата [Сергея Николаевича] прочел в Вестнике Европы об «Азбуке» и, признаюсь, как ни совестно, почувствовал оскорбление и уныние».[186] В конце февраля или в первой половине марта 1873 г. Толстой написал в крайне резком тоне ответ критикам «Азбуки». Ответ остался незаконченным (печатается в настоящем томе, стр. 409—411). Вместо этого ответа, Толстой написал письмо издателям «Московских ведомостей», датированное 1 июня 1873 г., которое и было напечатано в названной газете (1873, № 140 от 7 июня).[187]

Толстой был высокого мнения о своей «Азбуке». И этого мнения не поколебали в нем ни критика, ни провал издания. «Азбука не идет и ее разбранили в «Петербургских ведомостях»; но меня почти не интересует, я так уверен, что я памятник воздвиг этой Азбукой», — писал Толстой Страхову 17 декабря 1872 г.[188] Об этом писал Толстой и А. А. Толстой в январе — феврале 1873 г.: «Азбуку мою, пожалуй, не смотрите. Вы не учили маленьких детей, вы далеко стоите от народа и ничего не увидите в ней. Я же положил на нее труда и любви больше, чем на всё, что я делал, и знаю, что это одно дело моей жизни важное. Ее оценят лет через 10 те дети, которые по ней выучатся. [189]

И понятно, что при такой высокой оценке своей «Азбуки» Толстому трудно было помириться с ее провалом. Полагая, что одною из причин слабого расхождения «Азбуки» является ее высокая цена, на что настойчиво указывала и критика, Толстой в сентябре 1873 г. сделал переброшировку 1500 экземпляров «Азбуки», разбив каждый экземпляр не на четыре, а на двенадцать книг и пустив каждую книгу в продажу по дешевой цене. В этом виде «Азбука» вышла в 1874 г. (цензурные разрешения отдельных книг: 13, 27 и 28 сентября 1873 г.) по цене от 10 до 25 копеек за книжку.

Но и в этом издании «Азбука» шла слабо. Главным тормозом, задержавшим ее распродажу, было то, что книга не была одобрена для школ Министерством народного просвещения.

18 апреля 1874 г. Толстой вторично обратился к министру просвещения Д. А. Толстому с пространным письмом, в котором прежде всего указал на опыт обучения грамоте по его методу и методу звуковому, произведенный Московским комитетом грамотности, а затем остановился на тех положительных выводах, к каким он пришел на основании этого опыта. Опыт этот показал Толстому, что «звуковой способ обучения грамоте не есть один из безразличных способов обучения читать и писать, но что он неразрывно связан с целой системой, целиком взятой не из Европы, но исключительно из Германии, и что система эта.... совершенно чужда и даже противна духу русского языка и народа». В

заключение письма Толстой предложил представить на рассмотрение министра просвещения «подробную программу и план преподавания в народных школах и план образования народных учителей в самых школах».[190]

Это письмо было передано Д. А. Толстым на рассмотрение в Ученый комитет при Министерстве народного просвещения. Рассмотрение «Азбуки» еще до этого письма поручено было трем членам комитета: К. К. Сент-Илеру, А. Н. Майкову и А. М. Беляеву. 20 июля 1874 г. Н. Н. Страхов извещал Толстого, что он, по его поручению, передал А. М. Беляеву сочувственное письмо об арифметике, полученное Толстым от В. Я. Буняковского в конце 1872 г.

Отзывы об «Азбуке» были написаны и представлены в комитет только в сентябре 1874 г. Н. Н. Страхов, сам состоявший членом Ученого комитета, в письме от 22 сентября познакомил Л. Н. Толстого с сущностью этих отзывов, добавив при этом: «Ученый комитет еще не поставил решения об Вашей «Азбуке». Члены комитета дали отзыв об «Азбуке» в четырех книгах. Н. Н. Страхов из бумаг комитета увидел, что последнему была даже неизвестна «Азбука» в двенадцати книгах, и он представил в комитет экземпляр этой «Азбуки». «Следствием этого — добавил он в том же письме — будет, вероятно, то. что одобрят отдельно Ваши книги для чтения, и они вдруг разойдутся. Может быть, комитет предложит сбавить цену. Я объявил секретарю, что готов списаться с Вами об этом и что, конечно, Вы не откажетесь».[191]

Отзывы своих членов об «Азбуке» Ученый комитет заслушал в заседании, состоявшемся 29 октября 1874 г. К. К. Сент-Илер дал отзыв об азбуке в тесном смысле, о статьях для чтения научно-популярного характера и о всех статьях для учителя. Отзыв его сводился к следующему: азбука с картинками предметов как прием обучения имеет то «неудобство, что ученик, интересуясь картинками, слишком быстро и поверхностно знакомится с буквами, а угадывает звук не по изображению буквы, а по картинке. Склады на 15, 16 и 17 страницах «Азбуки» составлены так, как в самых старых и теперь уже забытых азбуках. Польза этих складов вовсе не объяснена автором. Изображение окончаний и других букв особым шрифтом вполне допустимо в книге для взрослых учеников, которые уже овладели механизмом чтения. В начале же обучения это изображение будет только развлекать внимание учеников. Правильнее было бы напечатать целые фразы и рассказы скорописью, чтобы научить детей читать и этот шрифт, как это обыкновенно встречается в немецких учебниках». Относительно надстрочных букв в упражнениях IV отдела собственно азбуки К. К. Сент-Илер не решался высказаться определенно, но всё же думал, что лучше было бы обойтись без них, так как «ребенку, еще плохо читающему, трудно вглядываться в буквы зараз, и верхние буквы могут путать его в правописании». В статьях для учителя много «дельных» советов, но они изложены весьма кратко, почти без объяснений и мотивировки, что крайне вредит «ясности изложения» и дает повод к «перетолкованиям». Прием обучения грамоте, предлагаемый Толстым, не отличается резко от приемов Столпянского, Корфа и др. Автору следовало бы «гораздо подробнее разработать употребительные приемы обучения и привести побольше доказательств в пользу своего метода». «Общие замечания для учителя» заключают в себе «довольно много хорошего, но изложены отрывочно и довольно

бессвязно». В статьях научно-популярного характера Толстой «старается все свои объяснения делать языком народным, употребляя выражения ненаучные и сравнения, не всегда удачные». Статьи эти, несмотря на мастерское изложение, все же не совсем «уместны» в книге для народных школ. На долю К. К. Сент-Илера, по его признанию, выпало разбирать самую слабую часть «Азбуки», и потому он считал долгом сказать, что «почти все остальные статьи для чтения в этой книге так хороши, что могут служить образцом для авторов учебников для народных школ».

В заключение К. К. Сент-Илер высказал «насчет азбуки и педагогической части» такое мнение: «Азбука» представляет «мало достоинств, меньше, чем во многих других азбуках, и статьи для учителя, вообще говоря, также не отличаются большими достоинствами». Кроме того, цена «Азбуки» непомерно дорога для народных школ. На этом основании «Азбуку» как учебник он не считал возможным одобрить для народных школ, но не находил причин для недопущения ее в школы. В общей же сложности, принимая во внимание «отличный выбор» материала для чтения и рассказа, К. К. Сент-Илер «считал бы справедливым рекомендовать эту книгу для библиотек народных школ, чтобы народные учителя могли пользоваться прекрасными статьями «Азбуки» для чтения в классе и для упражнения в рассказе».

На долю А. Н. Майкова, по его словам, выпал «труд самый благодарный» — дать отзыв о художественных материалах для русского чтения и материалах для славянского чтения, помещенных в «Азбуке». В рассказах всех четырех книг А. Н. Майков видел «соразмерность с возрастающим пониманием ученика» и добавлял, что из них «перлом может быть назван рассказ, под названием: «Кавказский пленник». Мастерство здесь полное».

А. М. Беляев, после подробнейшего разбора арифметики, помещенной в четырех книгах «Азбуки», пришел к такому выводу: в арифметике Толстого отсутствует такой важный отдел, как именованные числа. Некоторые отделы не заключают в себе многих объяснений, необходимых «для ясного и сознательного понимания излагаемых статей». Составитель обращает главное внимание «на приучение к механизму выкладок, оставляя без внимания развитие умственных способностей». Изложение во многих местах арифметики отрывочно. Правила и немногие объяснения, данные в ней, выражены «неточно и как будто недосказаны». В некоторых отделах «введена новая терминология, никем не употребляемая и не могущая заменить общепринятую терминологию». На основании этого А. М. Беляев полагал, что арифметика Толстого «не может быть допущена к употреблению в начальных школах».

Заслушав мнения своих членов, Ученый комитет нашел справедливым «Азбуку» Толстого «одобрить в целом составе для библиотек народных училищ, а в частности, относительно отделов этой «Азбуки», постановить следующее: 1) первую часть «Азбуки» — склады, первоначальное чтение — допустить в начальные школы как учебник; 2) четыре книги для чтения по-русски (II, IV, VI и VIII), а также три [описка: следует читать: четыре] книги для чтения по-славянски (III, V, VII и IX) рекомендовать как отличный выбор материала для чтения в классе и упражнения в рассказе и 3) арифметические отделы «Азбуки»

признать неудобными для руководства учащихся». Вместе с тем комитет выразил пожелание, чтобы цена, по возможности, была понижена.[192]

8 ноября 1874 г. Страхов сообщил Толстому о постановлении Ученого комитета. Надежды Страхова, что книги для русского и славянского чтения, после их одобрения, тотчас разойдутся, не оправдались. Книги эти и после одобрения их расходились медленно. По крайней мере Толстой 5 мая 1875 г. в письме к Т. А. и А. М. Кузминским жаловался, что «Азбука принесла ему убытку 2000 рублей». 12 октября 1876 г. Страхов сообщал Толстому, что он отправил Н. М. Нагорнову в Москву 1200 книжек «Азбуки» в 12 частях. «Другое радостное для меня событие, — писал Страхов в начале февраля 1877 г., — это расход вашей большой «Азбуки». Я уже отказал одному книгопродавцу, и так как требования несомненно будут продолжаться, то следует печатать новое издание. Вы, впрочем, уже говорили об этом. Четыре года расходилась книга!» Но в этом же письме Страхов добавлял, что десятка два-три экземпляров большой «Азбуки» имеются еще в магазинах и остатки издания находятся у него на руках.[193]

По словам Страхова, первая и последние три книги отдельно совсем не спрашивались, а продавались только вместе с другими книгами как части полного экземпляра. 16 марта 1877 г. Страхов извещал Толстого, что книжки «Азбуки» от второй до восьмой включительно «выбраны почти дочиста» и у. него и в магазинах, и советовал ему на досуге подумать, как сделать новое издание. Но разрозненные части «Азбуки» продавались еще в 1883 г., как это видно из письма Страхова от 12 декабря этого года.

IX

В ноябре 1874 г., после окончательного рассмотрения «Азбуки» в Ученом комитете, Л. Н. Толстой принялся за переработку последней, воспользовавшись при этом и некоторыми указаниями К. К. Сент-Илера и замечаниями «трех журналистов», которые первоначально так «возмутили» и «оскорбили» его. Главным же образом Толстой использовал тут свой новый педагогический опыт, полученный после выхода в свет «Азбуки». «В том доме, — писала С. А. Толстая сестре Т. А. Кузминской 12 октября 1878 г., — у нас целая толпа учителей народных школ, человек 12 — приехали на неделю. Левочка им показывает свою методу учить грамоте ребят, и что-то они там обсуждают. Навезли ребят из Телятинок и Грумонта, таких, которые еще не начинали, и теперь вопрос о том, как скоро они выучиваются по Левочкиной методе». О том же она сообщала и в письмах к Т. А. Кузминской от 8 и 24 ноября 1874 г.

Толстой делал попытку распространить свой метод обучения грамоте и за пределами яснополянского района, среди широкого круга педагогов. Он обратился в Московский комитет грамотности с предложением произвести опыт обучения грамоте детей по его методу. Предложение

было принято. 15 января 1874 г. на многолюдном заседании комитета Толстой дал объяснение своего метода, а 17 января, в присутствии членов комитета и многих педагогов, демонстрировал этот метод в школе на фабрике С. В. Ганешина. Демонстрирование было признано «неубедительным». Комитет постановил произвести более длительный и сравнительный опыт обучения грамоте по звуковому методу и методу Толстого. Были образованы две группы из неграмотных детей. В одной группе повел обучение по звуковому способу известный тогда педагог М. А. Протопопов, а в другой — по методу Толстого учитель Яснополянской школы шестидесятых годов П. В. Морозов. Обучение продолжалось семь недель. На заседании комитета, состоявшемся 13 апреля 1874 г., при обсуждении результатов опыта Толстой подробно изложил основания своего метода и его преимущества перед методом звуковым. Опыт был признан «недостаточным», и вопрос о преимуществе того или другого метода остался открытым. Недовольный этими результатами, Толстой перенес обсуждение вопроса на страницы прессы. Он поместил в «Отечественных записках» статью «О народном образовании», которая сделалась предметом горячих дебатов в разных собраниях и горячих споров на страницах газет и журналов.[194]

Чтобы иметь возможность проводить на практике свой метод и свою систему народного образования, Толстой баллотировался в Крапивенском уездном земском собрании и единогласно был избран членом училищного совета Крапивенского уезда, где он со всей энергией и страстностью отдался делу народного образования. «Я теперь, — писал он А. А. Толстой 15—30? декабря 1874 г., — весь из отвлеченной педагогики перескочил в практическое, с одной стороны, и в самое отвлеченное — с другой стороны, дело школ в нашем уезде. И полюбил опять, как 14 лет тому назад, эти тысячи ребятишек, с которыми я имею дело.... Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе. И дело у меня идет хорошо, очень хорошо. Я вижу, что делаю дело, и двигаюсь вперед гораздо быстрее, чем я ожидал».[195]

Этот широкий и разнообразный педагогический опыт помог Толстому подметить недочеты своей «Азбуки», которых больше всего оказалось в собственно азбуке, составлявшей первую часть первой книги «Азбуки». За переработку этой части в первую очередь он и взялся, надо думать, тотчас после 8 ноября 1874 г., когда из письма Страхова стало известно решение об «Азбуке» Ученого комитета. Азбука была переработана Л. Н. Толстым радикальным образом и выпущена в свет под заглавием: «Новая азбука».

Материалы, входящие в отделы для русского чтения, были выделены из собственно азбуки и напечатаны в виде четырех «Русских книг для чтения», а материалы для славянского чтения напечатаны в четырех «Славянских книгах для чтения».

Переработку «Азбуки» первоначально Толстой, повидимому, думал произвести, не изменяя общего плана книги. Свои исправления он начал делать в печатном экземпляре «Азбуки» изд. 1872 г. Исправил некоторые опечатки, изменил кое-где шрифты, заменил несколько рисунков в алфавите и сделал под всеми рисунками подписи; внес в

текст многих рассказов стилистические изменения и некоторые рассказы и статьи вычеркнул совсем; кроме того, в некоторых местах произвел перестановку текстов, но всё это не меняло принятого ранее плана «Азбуки» (см. «Новая азбука», описание рук. № 1).

Однако, не удовлетворившись произведенной работой, Толстой не стал продолжать ее, а начал составлять и писать азбуку заново.

Рукописи, относящиеся к «Новой азбуке», сохранились далеко не в полном составе, корректуры совсем не сохранились, поэтому проследить последовательность работы не представляется возможным. Сохранившиеся черновики представляют собой три редакции «Новой азбуки».

Первая редакция является переработкой второго и третьего отделов «Азбуки» 1872 г. Были заново написаны склады, составляющие второй отдел «Азбуки», и затем разбиты на 14 отделов. Все отделы, возглавленные постепенно усложняющимися складами, снабжены материалом для чтения — словами, фразами и небольшими рассказами, — заменившим собой третий отдел «Азбуки» — «Упражнение в соединении складов», где материал для чтения был дан в виде отдельных слов и пословиц. Многие из этих пословиц в первой редакции «Новой азбуки» были развернуты в коротенькие рассказы (см. рук. № 6).

Первоначальная переработка первого отдела «Азбуки» не сохранилась.

Имеется только начало ее в виде копии, составляющей продолжение копии «Предисловия» к «Новой азбуке» (см. рук. № 3). Текст его очень близок к печатному тексту. Рисунки, иллюстрирующие алфавит в «Азбуке». 1872 г., в этой копии уже отсутствуют.

Автограф первой редакции был переписан (см. рук. № 7) и затем переработан Толстым. Работу эту Толстой продолжил на отдельных листах, написав на них целый ряд упражнений на сомнительные буквы, состоящих из отдельных фраз, пословиц, поговорок и мелких рассказов, подобранных и составленных так, что в них имеются одни и те же слова в двух формах — с сомнительными гласными и согласными буквами и без них. Эти слова в тексте Толстой подчеркнул, а затем попарно вынес на поля листов. Это дополнение явилось коренной переработкой четвертого отдела первой части первой книги «Азбуки». В этих упражнениях принята была система надстрочных букв. К. К. Сент-Илер, рассматривавший «Азбуку», не одобрил этой системы. Автор принял это во внимание в дальнейшей переработке этого отдела.

Но и эта новая редакция не удовлетворила Толстого. Оставив ее, он снова переработал всю азбуку от начала до конца, дав в результате третью редакцию. Рукописные материалы этой редакции сохранились в крайне разрозненном и отрывочном виде.

Для третьей редакции автор использовал многие материалы первых двух редакций, предварительно переработав их, и внес в нее много нового материала для чтения. Сюжеты и материалы для произведений, вошедших в «Новую азбуку», и произведений, предназначавшихся для последней, но не вошедших в нее, были взяты из разных источников: у Эзопа, Лафонтена, И. А. Крылова, И. И. Димитриева, В. И. Даля, братьев

Гриммов, Хр. Шмидта, А. Ф. Погосского, Е. Гугеля, И. Паульсона, К. Д. Ушинского, из журнала «Звездочка», из русского и восточного эпоса, из французских и английских источников и др. Больше всего Толстой использовал Эзопа, взяв у него около шестидесяти басен. Немногие из этих басен им были переведены с подлинника на русский язык, а остальные творчески переработаны. Несколько басен и легендарных эпизодов, взятых из жизнеописания Эзопа, были переработаны в самостоятельные басни и рассказы. Другим источником, которым больше всего пользовался Толстой, были народные пословицы. В качестве материалов для чтения в первой части первой книги «Азбуки» изд. 1872 г. Толстой взял почти исключительно пословицы и небольшое число рассказов, написанных им на сюжеты пословиц. Теперь же, перерабатывая собственно азбуку, Толстой сильно сократил в ней число пословиц и около пятидесяти пословиц, помещенных в ней, развернул в небольшие рассказы.

В «Новую азбуку» совсем не вошли следующие рассказы, напечатанные в первой части «Азбуки» 1872 г.: «Была одна сильная собака...», «У одной барыни была собачонка...», «Один ученик просил книгу...», «Мужик сеял пашню...», «Один бедняк поехал в город...», «Волк унес ягненка...», «Один человек увидал во сне...», «На деревне умер мальчик...», «Летел жук и шумел...», «У богатого мужика расчесана борода лопатой...», «Мужик увидал, по реке плывет бревно...», «Мышь вскочила в узкий кувшин...», «К бедному мужику в дом пришел жалкий нищий...».

Материалы для чтения расположились в третьей редакции в «правильной постепенности» в смысле перехода от простого и легкого к сложному и трудному, чего не было в первой редакции. И в этом отношении «Новая азбука» определенно слагается из трех частей: первая часть, как говорит в предисловии сам Толстой, составлена из слов, не выходящих из двух слогов и шести букв. Во второй части употребляются слова, не выходящие из трех слогов, принимая и бъ и ль за слог, и только в последней, третьей, части поставлены слова четырех- и пятисложные.

«Азбука» в издании 1872 г. не имела предисловия. Этот пробел отметила критика. Теперь же, при переработке азбуки, он принял во внимание указания критики и снабдил «Новую азбуку» предисловием. В первой редакции предисловие было озаглавлено: «Азбука для всех способов преподавания грамоты» (см. рук. № 3). И в этом виде предисловие заключало в себе собственно предисловие и методическую статью. Затем Толстой основательно переработал первую редакцию и выделил из нее методическую часть в особую статью, озаглавив ее: «Как учить по слуховому способу». Таким образом, «Новая азбука» оказалась снабженной предисловием и статьей методического характера, помещенной, в виде послесловия, в конце книги.

Около 20 января 1875 г. Толстой кончил «Новую азбуку» и сдал в набор. Наборная рукопись не сохранилась.

Печатание производилось в Москве в типографии А. Торлецкого и М. Терихова. Наблюдение за печатанием и все хозяйственные дела, связанные с ним, взял на себя Н. М. Нагорнов, муж племянницы Толстого. Но Толстой, постоянно переписываясь с Нагорновым, был в курсе всех мелочей работы и всё время давал ему советы и указания. Все корректуры пересылались Толстому для окончательного просмотра и исправления.

25 или 26 января 1875 г. корректура первых страниц «Новой азбуки» была уже в руках автора, после просмотра которой он писал Нагорнову: «3-ю страницу надо переменить так, как подробно показано на обороте. Я просмотрел это, а это очень важно, как первое впечатление. Слова: Арбузъ и т. д. обыкновенным мелким шрифтом. Это только для учителя. Азбуку скорописью, всё равно какою, только бы не очень вычурно. Слова: слова начинающиеся и слова заключающие и т. д. — самым мелким шрифтом, петитом (кажется, так называется). Слова Баня и т. д. — тем самым шрифтом, если он поместится». На обороте листа дан материал для третьей страницы «Новой азбуки» и указаны способ и порядок его набора.[196] Эти пожелания Толстого были выполнены.

В первых числах февраля 1875 г. первый лист «Новой азбуки» был уже отпечатан.

Во второй половине февраля 1875 г. Толстой просмотрел верстку второй половины второго листа, сделал в ней ряд поправок и писал об этом Нагорнову.[197]

В конце февраля 1875 г. был сверстан и послан в Ясную Поляну первый лист второй части «Новой азбуки». Пагинацию этой части сделали особую. В письме к Нагорнову от конца февраля 1875 г. Толстой сделал указание, чтобы провели общую пагинацию для всей азбуки и, кроме того, сделал ряд поправок и указаний к набору и расположению материала.[198] Все эти указания были приняты во внимание.

Через несколько дней была получена и просмотрена Толстым верстка пятого листа, заключавшего в себе третью и последнюю часть «Новой азбуки». Весь шрифт этого листа показался Толстому слишком мелким. Не удовлетворило его и то, что вся эта часть была набрана не в рамке и не в два столбца, как две предыдущие части. Шрифт славянской азбуки он нашел «слишком вычурным». Но, опасаясь дальнейших издержек с набором и печатанием, Толстой примирился с этими недочетами. На 67-й странице он «замарал» несколько фраз и вместо них вставил ряд пословиц, из которых две последние просил Нагорнова набрать курсивом. Последовательность всех 24 рассказов и сказок, вошедших в 3-ю часть «Новой азбуки», изменил, обозначив это изменение цифрами. Заглавия рассказов и сказок просил набрать «небольшим, но толстым шрифтом, не тратя много места». В материале этой части была вставлена новая сказка «Три медведя», относительно набора которой Толстой в письме к Н. М. Нагорнову от 8 марта 1875 г. сделал такие указания: «В сказке «Три медведя», которую непременно вставить, написанное крупным, средним и мелким шрифтом так и набрать разными

шрифтами. Самый крупный — как, в первом листе, только чернее, и самый мелкий — петитом». Сказка так и была набрана. В том же письме Толстой писал Нагорнову относительно ошибок, замеченных им в первом листе, который был уже отпечатан: «На 5 странице есть очень дурные 3 ошибки, именно дядь, тетъ и Машъ, вместо и, тогда как в этом отделе ъ еще должно быть неизвестно. Будьте так добры, узнайте и напишите, что будет стоить наклейка. Если не дорого, то я заплачу за эту свою вину».[199]

Верстка пятого листа была исправлена по авторским указаниям. Толстой, повидимому, снова просмотрел все листы верстки и 16 марта 1875 г. с удовлетворением писал Нагорнову: «Дело, вижу с радостью, приближается к концу.... Все поправки, которые я сделал, предоставляю вам исполнить или не исполнить. С поправками этими будет лучше, но и так будет хорошо.... Вы мне не пишете, что будет стоить перепечатка 1-го листа? 2-й лист велите печатать поправив. Я боюсь, что пропустил ошибки. 3-й лист наверно печатать, исправив то, что я означил».[200]

В письме от 1—3? апреля 1875 г. Нагорнов просил указаний относительно заглавия азбуки и набора предисловия и методической статьи, на что Толстой отвечал ему: «Предисловие и как учить по слуховому способу» нельзя сократить и надо печатать на внутренней стороне первой половины обертки и на обеих сторонах 2-й половины, отделив одно от другого чертой и отставив.... Я думаю, что там, где говорится: ба—бе—а, ма—ме—а и т. д., лучше печатать так: ба=беа, ма=меа и т. д.»[201] Предисловие и статья были напечатаны так, как указывал Толстой. Раскладывание же слогов было напечатано так: Ма? — ме—а. Ну? — не—у. Относительно заглавия азбуки Толстой писал в том же письме: «Заглавие выберите сами, какое вам лучше нравится. Или так:

Детская Азбука графа Л. Н. Толстого, составленная так, что по ней можно обучать грамоте и по буквослагательным и по звуковым способам».

Или: Новая или Детская азбука графа Л. Н. Толстого, для обучения грамоте по всем существующим способам.

Или: Новая Азбука графа Л. Н. Толстого.

— и больше ничего.

Пожалуйста, посоветуйтесь с кем-нибудь или сами на свой вкус решите. Мне кажется, что второе хорошо, а последнее проще и лучше всего. — Подгоняйте, пожалуйста, проклятых чертей в типографии. Когда выйдет 1-я часть, пришлите мне 100 экз.».[202] Нагорнов остановился на последнем заглавии.

Толстой не сомневался в скором выходе «Новой азбуки». 10—13? апреля 1875 г. он писал Нагорнову: «Если вам не в труд, сообщите мне адресы всех редакторов главных газет и журналов, т. е. имена, отчества и фамилии, которым у меня приготовлены письма с приложением Азбуки».[203] Но печатание книги шло медленно. Эта затяжка сильно волновала

и сердила Толстого. 28–30 апреля он писал Нагорнову: «Ужасно жалко, любезный Николай Михайлович, что наши труды по Азбуке.... пропадают даром. По тому, как идет дело, видно, что Азбука не выйдет до половины мая. Я не успею до отъезда в Самару сделать все нужные распоряжения, и Азбука сядет. Не выйдет же она потому, что после святой дело не подвинулось ни на шаг.... На всякий случай отвечаю на ваши вопросы. Виньетки к этому изданию не нужно. Обертка должна быть цвета самого дешевого – хоть белая».[204]

В ответ на это письмо Нагорнов писал Толстому 2 мая 1874 г.: «Письмо Ваше очень меня огорчило.... Относительно печатания Азбуки Вы немного ошибаетесь. Первый лист отпечатан после святой. Припомните, что, когда в Ясной Вы сами указали некоторые ошибки на 3 и 5 страницах 1-го листа, тогда он был оттиснут только в одном экземпляре. А я Вам привозил отпечатанными 2-ю половину 1-го листа и 1-ю половину 2-го. Третий лист перебирали 2 раза после святой. Теперь все три листа отпечатаны. Сегодня вечером один экземпляр будет препровожден к цензору, а во вторник (6 мая) по получении от него обратно представим 10 экземпляров в цензурный комитет. Следовательно, к пятнице, т. е. к 9-му всё будет готово. Завтра вышлю 1 экземпляр Азбуки».

5 мая 1875 г. Толстой отвечал Нагорнову: «Жду с нетерпением присылки, хотя и не понимаю, в каком положении следующие за 3-мя листы».[205] Очевидно, 2 мая 1875 г., когда Нагорнов писал свое письмо, последние листы были отпечатаны в ограниченном числе, чтобы составить только несколько экземпляров «Новой азбуки».

«Новая азбука» была разрешена цензурой 5 мая 1875 г. На последней (92) странице некоторых экземпляров книги было напечатано объявление: «Печатаются и в непродолжительном времени поступят в продажу по значительно удешевленной цене следующие после Азбуки Книги для чтения, рекомендованные для школ Ученым комитетом Министерства народного просвещения». Это объявление могло быть напечатано в первых числах мая, когда была разрешена цензурой «Новая азбука» и когда производилось еще печатание «Книг для чтения». На той же странице других экземпляров «Новой азбуки» имеется объявление такого рода: «Вышли и продаются во всех книжных магазинах Москвы и Петербурга следующие после Азбуки рекомендованные Ученым комитетом Министерства народного просвещения 4 русские книги для постепенного чтения графа Л. Н. Толстого». Это объявление могло появиться только после 19 июля 1875 г., когда были разрешены цензурой «Русские книги для чтения». Отсюда очевидно, что печатание «Новой азбуки», вышедшей в свет в количестве 50 000 экземпляров, растянулось по меньшей мере на три месяца.

Издание «Новой азбуки» вышло в двух видах: в одной и трех отдельных книжках. Последнего издания нет ни в одном крупном книгохранилище Москвы и Ленинграда. Не оказалось его и в яснополянской библиотеке. Но что такое издание было – на это имеются определенные указания в письмах Толстого. Так, в письме к Нагорнову от середины сентября 1875 г. он писал: «Пришлите мне, пожалуйста, 100 экземпляров Азбуки в 3-х книгах.... В земства посланы Азбуки в 3-х книжках или в одной? Надо было в 3-х книжках».[206] Кроме того, в объявлении,

напечатанном на задней стороне обложки второго издания «Детства и отрочества», было сказано: «Азбука продается для домашнего употребления в одной, а для школ — в трех отдельных книгах. Цена 14 к.».

Тотчас по выходе «Новой азбуки» Н. М. Нагорнов, по просьбе Толстого, отправил один экземпляр книги М. Н. Каткову и другой в Ученый комитет Министерства народного просвещения на имя председателя его, А. И. Георгиевского, вместе с письмом Толстого такого содержания: «Прилагая при сем вновь составленную книгу, под заглавием Новая азбука, стоящую 14 к. и заключающую в себе три систематически разделенные по трудностям книги для чтения, русскую, славянскую азбуку, молитвы и руководство для учителя, граф Л. Н. Толстой покорно просит Ученый комитет Министерства народного просвещения рассмотреть эту книгу и одобрить или рекомендовать ее для употребления в школах, если он найдет ее того заслуживающею».[207] Одновременно с этим Толстой писал М. Н. Каткову, прося его поддержать его ходатайство перед А. И. Георгиевским.[208]

Ученый комитет поручил рассмотреть «Новую азбуку» А. Н. Майкову, который дал о ней такой отзыв: «Граф Толстой оказывает истинную услугу всем учащим и учащимся мастерски написанными.... рассказами, понятными для детей всякого состояния.... Кажется, не обинуясь можно сказать, что подобного материала для чтения не представляет ни одно из существующих руководств, а потому «Новую азбуку» Толстого со стороны Ученого комитета смело можно одобрить и рекомендовать для всех заведений, где обучение начинается с азбуки». Ученый комитет на заседании, состоявшемся 30 июня 1875 г., заслушав отчет А. Н. Майкова, согласился с его мнением («Журнал особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения», 30 июня 1875 г., № 224).

«Новая азбука» была одобрена и рекомендована для школ. Печать встретила ее в общем очень сочувственно. Толстой пустил о ней широкую публикацию. Всё это способствовало быстрой распродаже издания. В 1876 г. «Новая азбука» вышла уже вторым изданием, в 1877 — третьим, в 1879 — четвертым, в 1880 — пятым и т. д. Всего при жизни Толстого она выдержала 28 изданий. Последнее издание вышло в 1910 г. в количестве 100 000 экземпляров. Пятое издание «Новой азбуки» Толстой, повидимому, предполагал выпустить, как и первое издание, в двух видах, но на этот раз в одной и в четырех отдельных книжках. По крайней мере в 1879 г., когда обсуждался вопрос об этом издании, Толстой писал Нагорнову: «Азбуке, по-моему, непременно надо прибавить цену. Я бы сделал так: Азбуку собственно продавал бы — 5 коп., а остальные три книжечки продавал бы под заглавием Первое чтение отдельно за 15 к.».[209] Выпустить «Новую азбуку» не в трех, а в четырех книжечках Толстой и Нагорнов предполагали еще в 1875 г. 1—3 апреля этого года Толстой, отвечая на письмо Нагорнова, писал ему: «Можно ли разделить 1-ю часть на две? До ъ и после ъ? Если бы так вышло, было бы еще лучше».[210] Тогда 1-я часть не была разбита на две части, и первое издание «Новой азбуки» вышло в трех отдельных книжках. Удалось ли выпустить в четырех отдельных книжках пятое издание «Новой азбуки» — не установлено. Это издание известно только в одной книжке. Цена его была повышена до 20 коп., как того хотел

Толстой. Ученый комитет Министерства народного просвещения 12 августа 1880 г. хотя и одобрил новое издание «Новой азбуки» для школ на основании отзыва А. Н. Майкова, но нашел, что издание отличается «крайне дурной бумагой», и постановил предложить Толстому понизить стоимость книги до прежней цены, то есть до 14 коп. Но управляющий Министерством народного просвещения в своей резолюции от 2 сентября 1880 г. признал «неудобным заявлять требование о понижении цены книги, так как требование это выходит из пределов прав комитета» («Журналы особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения», за 1880 г., №№ 409 и 410). Цена нового издания не была понижена.

Тексты изданий «Новой азбуки» после первого издания 1875 г. не исправлялись автором. Некоторые изменения вносились Н. М. Нагорновым, а с 1880 г. — С. А. Толстой. Часть изменений делалась по рекомендации Ученого комитета Министерства народного просвещения. Так, 26 июля 1891 г. С. А. Толстая записала в дневнике: «Поправляла весь день корректуру Азбуки. Ученый комитет не одобрил ее ввиду разных слов, как: вши, блохи, чорт, клоп и потому, что ошибки есть, и еще предлагал выкинуть рассказы: о лисе и блохах, о глупом мужике и другие, на что Левочка не согласился».[211] Упоминаемые здесь рассказы в дальнейших изданиях «Новой азбуки» были оставлены; слова же: блохи, вши были всюду заменены другими, и в таком виде «Новая азбука» печаталась до последнего издания (1910) включительно.

XI

В конце 1874 или в январе 1875 г., когда была закончена переработка собственно азбуки, Толстой взялся за переработку «Русских книг для чтения», составлявших вторую часть первой книги и первые части последних трех книг «Азбуки», а после переброшировки последней в 1874 г. образовавших книги вторую, четвертую, шестую и восьмую. Толстой прежде всего снял в этих книгах все жирные шрифты, которыми были отмечены в них основные правила правописания, главнейшие грамматические формы, пунктуация и буква «Ѣ» в корнях слов. Этой грамматической части Толстой решил посвятить особый учебник, к писанию которого он приступил еще в апреле 1874 г. После выделения собственно азбуки в особую книгу в первой русской книге осталось мало материала для чтения, и поэтому Толстой увеличил ее объем, включив в нее двенадцать новых произведений. Произведения эти следующие: 1) «Старый дед и внучек»; 2) «Котенок»; 3) «Как тетушка рассказывала бабушке о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник»; 4) «Визирь Абдул»; 5) «Как вор сам себя выдал»; 6) «Ноша»; 7) «Косточка»; 8) «Два купца»; 9) «Сан-готардская собака»; 10) «Рассказ мужика о том, за что он старшего брата своего любит»; 11) «Как я в первый раз убил зайца»; 12) «Мальчик с пальчик».

Толстой намеревался включить в «Русские книги для чтения» ряд новых былин, и в ноябре 1874 г. он обратился к П. Д. Голохвастову с такой

просьбой: «Составьте мне к новому изданию Азбуки сколько можете и хочете былин. Хоть бы краткого или главную часть Ильи, которая бы составляла отдельное».[212] Голохвастов, очевидно, не исполнил просьбы Толстого. За исключением вышеназванных двенадцати произведений, внесенных в первую книгу, состав всех четырех «Русских книг для чтения» остался без изменения. Шестьдесят два произведения в этих, книгах Толстой слегка переработал в стилистическом и отчасти смысловом отношении. Наиболее существенной переработке подверг он две статьи: «Гальванизм» и «Вредный воздух».

Неизвестно, когда Толстой закончил переработку книг для чтения и сдал их в набор. Но во всяком случае это не могло быть позднее марта 1875 г., так как эти книги в июле этого года были уже отпечатаны и вышли в свет, на что могло уйти около трех-четырех месяцев. Печатание книг производилось в типографии Риса. Все хозяйственные хлопоты, связанные с печатанием, взял на себя Н. М. Нагорнов, наблюдавший в это время за печатанием «Новой азбуки». Держать корректуры Толстой первоначально поручил неизвестному студенту, а затем эту работу взял на себя П. А. Бессонов, как это видно из письма Толстого к С. А. Толстой, в котором он писал: «Корректора вместо студента нашел чудесного — Бессонова».[213] П. А. Бессонов еще в 1872 г. предлагал Толстому свои услуги для правки корректур «Азбуки», но тогда он запоздал с своим предложением, так как «Азбука» уже печаталась под наблюдением Н. Н. Страхова. Теперь Толстой воспользовался услугами П. А. Бессонова, поручив ему не только правку корректуры, но и наблюдение за печатанием книг. Сам он, занятый в это время «Новой азбукой», в печатании книг, повидимому, не принимал никакого участия. По крайней мере нет об этом никаких сведений.

«Русские книги для чтения» были разрешены цензурой 19 июля 1875 г. и через несколько дней вышли в свет — каждая в количестве 15000 экземпляров. Цена первой книги была назначена 6 коп., второй и третьей — по 8 коп. и четвертой — 10 коп. Толстой принял самые энергичные меры для широкой публикации книг. В конце августа 1875 г. он писал Нагорнову: «Сделали ли вы публикации? Сколько? На какую сумму? Считаете ли вы и знающие дело книгопродавцы нужным повторить? Если нужно, то сделайте пожалуйста — рублей до 200 можно на это истратить. Теперь, мне кажется, время самое нужное».[214] Через несколько дней он снова напомнил об этом Нагорнову.[215]

Объявления печатались в газетах и на обложках разных изданий сочинений Толстого. Благодаря этой широкой публикации и тому, что цена книг была низка, они пошли очень ходко. В течение первых двух месяцев они разошлись в количестве около 2000 экземпляров. К концу января 1876 г. всё издание, повидимому, было на исходе, так как Толстой писал тогда Нагорнову: «Для Книг для чтения взять бумаги и печатать».[216]

В 1876 г. вышло новое, третье, издание «Русских книг для чтения». При жизни Толстого первая и вторая «Русские книги для чтения» выдержали по 28 изданий, третья — 25 изданий и четвертая — 24 издания. Последнее издание первой книги вышло в 1909 г. в количестве 100 000 экземпляров, второй — в 1907 г. в количестве 10 000

экземпляров, третьей — в 1908 г. в количестве 40 000 экземпляров и четвертой — в 1908 г. в количестве 30 000 экземпляров. Первая и вторая «Русские книги для чтения» в 1909 г. были изданы в Симбирске в переводе на чувашский язык.

В выпуске и распродаже первого издания «Новой азбуки» и в распродаже второго издания «Русских книг для чтения» Толстой принимал самое активное участие. Но с выходом дальнейших изданий интерес его к этим книгам постепенно ослабевал. При выпуске пятого издания «Новой азбуки» в апреле или мае 1879 г. он высказал в письме к Н. М. Нагорнову свои соображения относительно плана и цены издания, но добавил при этом: «Это мой план, а если вы не согласны, то делайте, как знаете. Я за всё буду благодарен. Изменений делать никаких не буду. Количество экземпляров — решайте сами».[217] Только в 1885 г. Толстой держал корректуру четвертой «Русской книги для чтения», но это произошло совершенно случайно. С. А. Толстая уехала в Петербург. 21 ноября 1885 г. Толстой извещал ее: «Корректуры только одного листа 4-ой книги присылали».

Здесь шла речь о «Четвертой русской книге для чтения», как это видно из писем С. А. Толстой к Льву Николаевичу от 23 ноября того же года, в котором она, не получив еще письма Толстого, спрашивала его: «Пересылали ли вам корректуры 4-й книги для чтения?» Уезжая в Петербург, С. А. Толстая поручила держать корректуры дочери Т. Л. Толстой. Татьяна Львовна 22 ноября сообщила С. А. Толстой, что она днем 21 ноября была в концерте, и добавила при этом: «Вот я свои обязанности и прогуляла — корректуры папа сделал без меня, а сегодня вместе прочли». И 25 ноября 1885 г. Толстой извещал С. А. Толстую: «Нынче приносили корректуры 4-й книжки; я поправил и отослал. Кажется, скоро конец».[218]

Напечатав «Новую азбуку» и четыре «Русские книги для чтения», Толстой в конце 1875 г. приступил к переработке материалов на славянском языке, помещенных в четырех книгах «Азбуки» и после переброшировки последней в 1874 г. составивших четыре «Славянские книги для чтения» — III, V, VII и IX. Состав этих книг Толстой значительно изменил.

Приблизительно в первых числах января 1876 г. он закончил переработку «Славянских книг для чтения» и отправил их Н. М. Нагорнову, которому писал через некоторое время: «Славянские книги дать просмотреть славянисту».[219] Около середины марта того же года он снова писал ему: «За славянские книги цена та же, как и за русские, соответственно числу печатных листов, поэтому нужно прежде их учесть, сколько будет. Рис знает, как считать.... Да пускай он сделает смету славянских книг на 5000 экз.».[220] «Славянские книги для чтения» печатались в типографии Риса. Но когда началось это печатание, как оно протекало и под чьим наблюдением, об этом нет никаких сведений. Первые три книги были разрешены цензурой 20 декабря 1876 г., а четвертая — 17 марта 1877 г. На обложке всех книг помечено: «Второе исправленное и дополненное издание». Новых изданий «Славянских книг для чтения» не было ни при жизни Толстого, ни после его смерти.

Остальные две части: «Арифметика» и «Руководство для учителя», входившие в «Азбуку» и после переброшировки последней в 1874 г. составлявшие книги десятую, одиннадцатую и двенадцатую, остались непереработанными и при жизни Толстого не переиздавались. После его смерти «Руководство для учителя» было перепечатано И. И. Горбуновым-Посадовым и в журнале «Свободное воспитание» (1911—1912, № 12, стр. 3—38), а «Арифметика» вышла отдельным изданием под редакцией П. И. Бирюкова (изд. П. Д. Сытина, М. 1913).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

«АЗБУКА»

1. Набросок первой редакции «Азбуки» и статьи «Для учителя», озаглавленный: «Первая книга для чтения и Азбука для семьи и школы с наставлением учителю графа Л. Н. Толстого 1868 года». Автограф, занимающий первые листы Записной книжки Толстого за 1868 г. См. т. 48, стр.167—179.

2. Черновой отрывок из «Азбуки» по первому плану. Автограф. 1 л. F°. Края оборваны, текст поврежден. Начало: «в тебя будет.... за бороду». Конец: «25 — — последний час». На обороте листа семь рисунков Толстого пером, изображающих главнейшие моменты из жизни крестьянского мальчика, начиная с его рождения (см. вклейку между стр. 422 и 423).

Публикуется в вариантах под № 1, стр. 427—428.

3. Четыре наброска тем рассказов и статей. Автографы. 5 лл. 4° и 1 отрезок. Начало: «Собака обманывает Бульку». Конец: «слух, зрение — движение».

Публикуются в вариантах под № 2, стр. 428—432.

4. Черновые редакции и варианты рассказов, басен и статей, составивших первую и вторую части кн. I и первые части кн. II—IV «Азбуки», и рассказы и статьи, написанные для «Азбуки», но не включенные в нее. 130 лл. 4° и 12 отрезков, исписанных, за исключением 18 лл., с обеих сторон. Начало: «ый, ой — счастливый». Конец: «то там и умирают». 99 лл. автографы, 43 лл. копии рукой С. А. Толстой, В. В. Нагорновой и неизвестной. Рукопись заключает в себе 198 редакций и вариантов рассказов и статей, из которых 11 не закончены. Из них 159 вошли в состав «Азбуки». Не вошедшие в «Азбуку» публикуются в настоящем издании в отделе «Неопубликованное, незаконченное и неотделанное».

Извлекаются варианты №№ 1–10, 15–28, 30–42, 46–52, 54–55.

5. Черновые редакции и варианты рассказов, басен и статей, не включенных Толстым в «Азбуку». 43 лл. 4°. Автографы и списки рукой С. А. Толстой и неизвестной. Рукопись заключает в себе 36 законченных и 7 незаконченных произведений. Начало: «Мельник. Был один мельник». Конец: «и квадратам угла».

6. Черновые редакции и варианты былин, написанных для «Азбуки». 20 лл. 4°, 13 лл. F° и 2 лл. F° обрезанных. Рукопись содержит былины: «Святогор», «Сухман-богатырь», «Вольга-богатырь», «Микула Селянинович», «Кастрюк» и несколько начал (в 2–4 строки) других былин.

«Святогор» — три редакции былины: 1) Автограф. 1 л. 4°. Начало: «Захотелось Святогору». Конец: «Где угряз, там и остался». 2) Автограф. 2 лл. 4°. Начало: «Снаряжался свет Святогор». Конец: «<тут и кончился.>». 3) Автограф. 1 л. 4°. Начало: «<Снаряжался Святогор>». Конец: «А я есмь Микула, Микула Селянинович».

«Сухман-богатырь» — копия рукой С. А. Толстой с большими исправлениями Толстого. 4 лл. 4°. Начало: «Как у ласкова князь Владимира». Конец: «Будь Непре реке ты родна сестра». В копии былина разбита на строки в пять слогов. Исправляя, Толстой соединил две строки в одну.

«Вольга-богатырь» — три законченных редакции былины, четыре незаконченных и семь начал былины: 1) Автограф. 2 лл. 4°. Семь начал былины. Начало: «<Воссияло красно солнце>». Конец: «Обучался Вольга». 2) Первая незаконченная редакция. Автограф. 2 лл. 4°. Начало: «Что не часты ярки звезды». Конец: «Нет ответа и от меньшего». 3) Вторая незаконченная редакция. Автограф. 2 лл. 4°. Начало: «<Закатилось красно солнышко>». Конец: «Окромя тебя идти некому». 4) Третья незаконченная редакция. Автограф. 1 л. 4°. Начало: «Что не ясен светел месяц». Конец: «<Матереть растеть<стал>Вольга стал>». 5) Четвертая незаконченная редакция. Автограф. 3 лл. 4°. Начало: «Что не ясен светел месяц». Конец: «в Турецком царстве». 6) Первая законченная редакция. Автограф. 2 лл. F°. Начало: «Что не ясен светел месяц». Конец: «<Серебро, злато и жемчуги>». 7) Вторая законченная редакция. Копия рукой С. А. Толстой с поправками и заглавием Толстого. 2 лл. F°. Начало: «Вольга-богатырь. Что не ясен светел месяц». Конец: «красна золота по кадке». 8) Третья законченная редакция. Автограф. 1 л. F°. Начало: «Воссияло красно солнышко». Конец: «Красна золота по кадочке».

«Микула Селянинович» — пять законченных редакций (у одной конец не сохранился), шесть незаконченных и одна вставка в шестую редакцию: 1) Первая незаконченная редакция. Автограф. 1 л. 4°. Начало: «Выезжал Вольга Всеславич». Конец: «Пашет пахарь погоняет». 2) Вторая — шестая незаконченные редакции. Автограф. 1 л. F°. Начало: «Выезжал Вольга с дружиною». Конец: «Говорит мужик да таковы слова». 3) Первая законченная редакция. Автограф. 2 лл. F°. Начало: «Выезжал Вольга с своей дружиною». Конец: «<А я пива наварю, пива пьяного>».

4) Вторая законченная редакция. Автограф. 1 л. F°. Начало: «Выезжал Вольга в поле с дружиною». Конец: «Свет Микулушка да Селянинович». 5) Третья законченная редакция. Автограф. 2 лл. F°. Начало: «Выезжал Вольга сударь с дружиною». Конец: «Гой Микулушка да Селянинович». 6) Четвертая законченная редакция. Автограф. 1 л. F°. Начало: «Выезжал Вольга с дружиною». Конец: «Свет Микулушка да Селянинович». 5) Пятая законченная редакция (конец утерян). Список неизвестной рукой с поправками Толстого. 1 л. F°. Начало: «Выезжал ли Вольга свет с дружиною». Конец: «Ты <куда>, Вольга, <едешь,> куда путь держишь?» 8) Вставка в шестую редакцию. Автограф. 1 л. 4°. Начало: «Взговорил ли мужик таковы слова». Конец: «На добром коне с поля поехали».

«Кастрюк» — запись былины, сделанная, очевидно, со слов какого-нибудь сказителя. 1 л. F°. Первые 5 строк написаны В. В. Нагорновой; 26 строк — Толстым; 15 строк — неизвестной рукой. Начало: «По бору по ельничку». Конец: «На Данилке брюховец лопнул». Под текстом былины записан адрес (возможно, сказителя): «Деревня Манчина, Спас-Конинской вол., Алексинского уезда».

Отрывки (в несколько строк) разных былин. Автограф. 1 л. F°. Начало: «Как у ласкова князь Владимира». Конец: «Изрубите Пожарского в кусочки пирожочки».

Извлекаются варианты №№ 11, 29, 44, 55.

7. Оглавление кн. I «Азбуки». Автограф. 2 лл. 4°. Начало: «I. Для учителя». Конец: «36. Счет».

Публикуется в вариантах под № 3.

8. То же. Список рукой И. Ананского с небольшими поправками Толстого. 2 лл. 4°. Начало: «I. Оглавление». Конец: «Общие замечания». По сравнению с предыдущим вариантом этот список полнее. Количество басен и рассказов в нем увеличено на 10 названий. Между тем, в славянском разделе количество молитв сокращено. Статья «Для учителя» Н. Н. Страховым перенесена в конец оглавления.

9. «Житие преподобного отца нашего Нестора, летописца русского». Рукопись неизвестной рукой с небольшими исправлениями Толстого. 4 лл. F°. Текст размещен в две колонки: слева славянский текст, справа русский перевод. Начало: «Всякая вещь если только». Конец: «где была клятва». На обороте последнего листа текст из главы VI Евангелия Иоанна.

10. Отрывки из третьей (славянской) части, кн. I «Азбуки». 9 лл. 4°. и 1 отрезок. Рукопись заключает в себе: 1) Тексты к буквам рцы — ижица, написанные колонкой слева по-славянски неизвестной рукой, справа рукой Толстого сделаны переводы некоторых слов (к буквам пси — ижица тексты написаны Толстым). 1 л. 4° и 1 отрезок. 2) «Несторова летопись». Копия рукой С. А. Толстой. 4 лл. 4° с исправлением Толстого и 3 лл. 4° (продолжение) автограф. Начало: «Повесть о том, кто первый». Конец: «будет мать городам русским». 3) «О славянском» — инструкция Н. Н. Страхову о печатании славянского текста «Азбуки». Автограф. 1 л. 4°, согнутый пополам.

Извлекается вариант № 12.

11. Черновые записи и рисунки к четвертой части (арифметике) кн. I «Азбуки». 5 лл. 4° и 1 отрезок.

12. «Задачи» — к четвертой части кн. I «Азбуки». Рукопись неизвестной рукой. 4 лл. F°. Одна задача написана рукой Толстого. На обороте л. 5 Толстым сделано указание к продолжению составления задач и даны примеры.

13. «Для учителя». Первая редакция. Отрывок статьи для кн. I «Азбуки», написанный рукой С. А. Толстой с небольшими исправлениями автора. 2 лл. 4°. Начало: «и т. д. Ученик в один урок». Конец: «Не ва-ру-й гру-ши».

14. То же, вторая редакция, под заглавием: «Азбука для семьи и школы с наставлениями для учителя». Копия рукой С. А. Толстой с большими исправлениями автора. Начало: «Для учителя: Умение читать». Конец: «<но лучше на счетах>».

Публикуется в вариантах под № 13.

15. Рукопись заметки «Три правила для учителя». Автограф. 1 л. 4°. Это — тезисный набросок статьи «Общие замечания для учителя». Первоначально набросок был озаглавлен: «Два правила для учителя». Слово «Два» Толстой зачеркнул и написал над ним: «Три». По тексту первого правила Толстой сделал помету: «Скромно, а не радость знания». На полях и по тексту второго правила — вторую помету: «Сокращенные приемы наук, сведений, классификация. Астрономия, арифметика, запятая перед которой». После третьего правила — третью помету: «Былины просить с ударениями». Против этой фразы, с левой стороны, он написал: «попрыгать», подчеркнув это слово два раза. На полях и внизу листа, между строк и по тексту наброска, Толстой набросал план статьи. Первыми двумя пунктами этого плана он сделал текст третьего правила. План этот и почти все пометы написаны другими чернилами. План такой:

1. Ученик должен учиться с удовольствием.

2. Основа удовольствия не в прибаутках и картинках, а в совершении.

3. Яз[ык], гр[амматика], синт[аксис], зоология, классиф[икация] назван[ий], физ[ика], химия, астрономия, истор[ия], математика [5 неразбор..

4. Если не помнят, все-таки трудно отчего.

5. Длинно.

6. Коротко.

5. Не понимает оттого, что слишком понятно.

6. Ученый и жизнь разделены.

7. Ученик думает по-своему — оставь.

8. Есть возраст — когда поймет.

Большинство положений этого плана Толстой развернул в указанной статье.

Заметка публикуется в вариантах под № 14.

16. Оглавление кн. II «Азбуки». Список первой редакции рукой И. Ананского с исправлениями и дополнениями Толстого. 2 лл. 4°.

17. Примечание к кн. I и II «Азбуки». Рукопись неизвестной рукой. 1 л. 4°. Над текстом Толстой надписал: «Эту заметку приложить к описанию I-й и II-й книги». Текст примечания:

«Все статьи, при которых не означено, откуда они взяты, принадлежат издателю. Все статьи, взятые из различных источников, переделаны так, что часто имеют весьма мало общего с оригиналом. Менее всех изменены басни Эзопа и перевод Геродота. Былины, взятые из различных разноречий, соединены в одну и изложены правильным русским стихом, — как его разумеет издатель».

18. «Кавказский пленник» — рукопись, переписанная рукой С. А. Толстой (автограф не сохранился). 27 лл. 4°, заполненных текстом с обеих сторон, с большими исправлениями автора. Начало: «Служил на Кавказе офицером». Конец: «и дослужился до генеральского чина». Эта рукопись послужила оригиналом для журнального набора (см. «Историю писания и печатания «Азбуки» и примечания). К заглавию сделана Толстым сноска: «Из готовящейся к печати Азбуки и книг для чтения». (С этой сноской рассказ был впервые опубликован в журнале.) В конце рукописи собственноручная подпись Толстого.

Извлекается вариант под № 53.

19. «Бог правду видит, да не скоро скажет». Автограф. 4 лл. 4°. Первая редакция рассказа. Публикуется в вариантах под № 43.

20. Наборная рукопись кн. I «Азбуки» для типографии Замысловского (см. «Историю писания и печатания «Азбуки»):

а) Оглавление, написанное рукой Н. Н. Страхова. 3 лл. 4°. Начало: «Часть первая. I. Изображение букв». Конец: «Опечатки. 186». Поправок Толстого нет. В конце оглавления Страхов поместил примечание, описанное в рукописи № 17.

б) Первая часть кн. I, составленная из корректуры-верстки из типографии Риса (см. «Историю писания и печатания «Азбуки») — 17 лл. и рукописи, написанной неизвестной рукой — 8 лл. 4°. Пагинация рукой Толстого цифрами 1—37 (лл. 2—14, занятые статьей «Для учителя», перенесены Страховым в конец кн. I). Рукопись заключена в обложку с надписью Толстого: «I <часть> книга». Начало: «Азбука графа Л. Н.

Толстого». Конец: «в синей шапке пришел». Рукопись с большим количеством исправлений и ремарок Толстого и частью Н. Н. Страхова.

в) Вторая часть кн. I, составленная из гранок из типографии Риса —2 полных гранки и 16 отрезков, — копий рукой С. А. Толстой, Н. Н. Страхова, И. Ананского и неизвестной — 12 лл. 4° и 3 лл. почт. формата — и автографа — 2 лл. 4°. Пагинация цифрами рукой Толстого 38—70 (цифрой 50 пронумерованы два листа; лист, следующий за 59-м, не пронумерован). Начало: «Весь отдел крупным шрифтом». Конец: «меня любит мать сыра земля». Рукопись с большим количеством поправок, отметок и указаний для наборщиков, сделанных рукой Толстого и частью Н. Н. Страхова. Одно исправление в тексте (стр. 51) сделано неизвестной рукой.

г) Третья часть кн. I (славянская), составленная из копий неизвестной рукой — 9 лл. F°, печатного текста — 1 л. F° и автографов — 3 лл. 4°. Кроме того, в рукопись входят 7 лл. 4° — примечания Н. Н. Страхова к славянскому тексту «Несторовой летописи». Рукой Толстого переписаны и переведены отрывки «Четьих-Миней» Макария: «О Филагрии мнисе» и «О Мурине дровосечьце». На отдельном листе Толстым сделаны указания к печатанию этой части. Начало: «3 часть. Несторова летопись». Конец: «десять заповедей». Пагинация рукой Толстого цифрами 71—83. В рукописи много отметок и исправлений Н. Н. Страхова. Поправок Толстого нет.

д) Четвертая часть кн. I (арифметика) — список рукой С. А. Толстой и Н. Н. Страхова. 14 лл. 4°. Начало: «IV часть. Счет. Названия». Конец: «столько дней». Пагинация рукой Толстого цифрами 84—92. Авторские исправления немногочисленны.

е) Статьи «Для учителя» и «Общие замечания для учителя» — 9 лл. верстки из типографии Риса и 4 лл. 4° — копии рукой С. А. Толстой. Начало: «Для учителя. К первой части». Конец: «он совершенный учитель». Рукопись несколько раз правилась Толстым и Н. Н. Страховым. Пагинация рукой Толстого цифрами 2—14 (см. описание рук. б).

21. Наборная рукопись кн. II «Азбуки» для типографии Замысловского.

а) Оглавление. 3 лл. 4°. Список рукой Н. Н. Страхова. Пагинация цифрами 2—4. Начало: «Часть первая. I. Осел в львиной шкуре». Конец: «Опечатки. 159».

б) Первая часть кн. II, составленная из 28 лл. верстки, 5 гранок (из типографии Риса) и 14 лл. 4° копий рукой С. А. Толстой. Пагинация Толстого цифрами 6—53. Л. 47 Страхов исключил и соответственно этому изменил пагинацию: 6—52. Начало: «I отдел. Басни. I. Осел в львиной шкуре». Конец: «Будь Непре реке ты родна сестра». Рукопись содержит много исправлений и помет Толстого и Н. Н. Страхова. В процессе правки Толстой исключил статьи: «Деревья дышат» и «Отчего в темноте видно?»; часть статей научно-популярного характера сильно сократил.

в) Вторая часть кн. II (славянская), составленная из 5 лл. 4° печатного текста (из «Несторовой летописи», М. 1869), 7 лл.

автографов — переводы летописи, 5 лл. F° печатного славянского текста («Житие преподобного отца нашего Сергия»), 15 лл. F° — рукопись перевода этого «Жития» неизвестной рукой, и 1 л. автографа с указанием дополнений к второй части. Пагинация Толстого цифрами 53—80 (славянский печатный текст не нумерован). Начало: «Вторая часть. Поиде Олег». Конец: «библейского общества».

г) Третья часть кн. II (арифметика) — копия рукой С. А. Толстой. 8 лл. 4° с исправлениями и дополнениями автора. К рукописи приложен первый лист обложки с надписью Толстого: «3-я часть». Начало: «Счет. Сложение и вычитание». Конец: «<Почем мука?>». Рукопись подверглась большой переработке Н. Н. Страхова, который внес в нее дополнение на 3 лл. 4°. Всего в рукописи получилось 12 лл. 4°. Пагинация первичная (Толстого) 81—88, вторичная (Страхова) 81—91 (лист обложки не нумерован).

22. Рукопись оглавления кн. III. 2 лл. 4°. Написана рукой И. Ананского. Исправлялась Н. Н. Страховым. Поправок Толстого нет.

23. Наборная рукопись части кн. III «Азбуки» для типографии Замысловского:

а) Оглавление. 3 лл. 4°. Список рукой Н. Н. Страхова. Пагинация цифрами 2—4. Начало: «Часть первая. I. Лисица». Конец: «Опечатки. 186».

б) Первая часть кн. III, составленная из 73 лл. 4° и 2 лл.F° копий рукой С. А. Толстой и неизвестного, 4 лл. верстки из журнала «Беседа» (1872, № 3 с рассказом «Бог правду видит, да не скоро скажет») и 1 л. 4° автографа. При рукописи сохранилась черновая обложка с надписью Толстого: «Часть III» и с его пометами и рисунками. Пагинация рукой Толстого и Н. Н. Страхова цифрами 1—68 (цифрой 20 нумеровано восемь листов: 20—27; верстка не нумерована). Начало: «Часть первая. I. Лисица». Конец: «Да по девушке на молодца». В рукописи большое число исправлений, помет и дополнений Толстого. Имеются пометы и поправки стилистического характера, сделанные рукой Н. И. Страхова. При просмотре Страхов произвел также и перестановку некоторых материалов.

24. Наборная рукопись второй части кн. III (славянской), составленная из 10 лл. печатного текста (из «Несторовой летописи», М. 1869), 9 лл. 4° автографа, 3 лл. копии рукой С. А. Толстой (перевод «Несторовой летописи») и 3 лл. 4°, исписанных в две колонки: слева славянский текст статьи «Чудо Симеона Столпника с разбойником» рукой С. А. Толстой; справа автограф перевода. Пагинация Толстого: 1—10, 1—9 и 62—64. Начало: «В лето 6421. Поча княжити Игорь». Конец: «и ушел в Антиохию». В рукописи переводов сделаны большие исправления Н. Н. Страховым и неизвестным лицом.

25. Наборная рукопись третьей части кн. III (арифметика), составленная из 24 лл. 4° копий рукой неизвестного и С. А. Толстой и 2 лл. 4° дополнений-автографов. Пагинация Толстого цифрами 1—27 (лист семнадцатый нумерован дважды: 17—18). Начало: «Умножение и деление. Если считать». Конец: «<10 миллионов пудов>». Рукопись

заключена в обложку с надписью рукой Толстого: «Умножение и деление. III часть». Имеются исправления Толстого и Н. Н. Страхова.

26. Копия первой части статьи, в первой редакции «Для учителя» к кн. III, сделанная рукой С. А. Толстой. 1 л. почтового формата. Начало: «Для учителя. 3-я книга». Конец: «повторения всего предшествующего». Поправок Толстого нет. Вслед за текстом статьи помещено письмо С. А. Толстой к Н. Н. Страхову с просьбой просмотреть этот отрывок и поправить его, где он найдет нужным.

Публикуется в вариантах под № 45.

27. «Для учителя» — наборная рукопись статьи к кн. III, для типографии Замысловского, составленная из списка Н. Н. Страхова, 2 лл. 4°, являющегося переработкой рук. № 26, и копии С. А. Толстой, 5 лл. 4°. Первая часть статьи (рукопись Страхова) без поправок Толстого; вторая часть правилась Толстым. Ко второй части приложена обложка с надписью Толстого: «Для учителя о счете. III книга». Пагинация общая рукой Страхова цифрами 1—7. Начало: «К первой части. Грамматические упражнения». Конец: «задача такого рода».

28. Черновой материал к арифметике кн. IV «Азбуки». Автографы. 33 лл. 4°, 4 лл. большого почтового формата и 3 отрезка.

29. «Для учителя» — черновики статьи к кн. IV «Азбуки». Автограф. 5 лл. 4°. Начало: «IV книга подразделена». Конец: «правильным русским языком».

Извлекается вариант № 57.

30. Наборная рукопись кн. IV «Азбуки» для типографии Замысловского:

а) Оглавление — рукопись Н. Н. Страхова. 2 лл. 4°. Поправок Толстого нет.

б) Первая часть кн. IV, составленная из копий рукой С. А. Толстой, неизвестного и Н. Н. Страхова. 60 лл. 4°, 14 лл. печатного текста (вырезки из журнала «Заря» 1872, № 2 с рассказом «Кавказский пленник») и 1 л. автограф. Пагинация, невыдержанная, рукой Толстого и Страхова цифрами 1—59 («Кавказский пленник» имеет особую пагинацию: 15—28). Начало: «I. Камыш и маслины». Конец: «Свет Микулушка да Селянинович». Вся рукопись правилась Толстым, за исключением «Кавказского пленника», который не имеет авторских исправлений. Кроме того, рукопись исправлялась и Страховым, который внес большое количество поправок в отделе научно-популярных статей.

в) Вторая часть кн. IV (славянская), составленная из 7 лл. 4° печатного текста (из «Несторовой летописи», М. 1869), 12 лл. 4° — копия перевода летописи, сделанная рукой С. А. Толстой (первые 11 строк — автограф) с незначительными исправлениями Толстого, 1 л. F° — вырезка статьи «Слово о гневе» из «Четьих-Миней» Макария, 1 л. F° — рукопись перевода «Слова», написанная И. Ананским, и 1 л. 4° — автограф, представляющий собой перечень отрывков из книг священного писания, которые Толстой предполагал внести в эту книгу. Пагинация

рукой Толстого цифрами 60—81. Начало: «В лето 6495. Созва Володимер». Конец: «на которой я кланялся». Рукопись перевода летописи. была сильно переработана Н. Н. Страховым, «Слова» — неизвестным лицом.

г) Третья часть кн. IV (арифметика), составленная из копий рукой С. А. Толстой — 23 лл. 4° с большими исправлениями Толстого и автографов — 3 лл. 4°. Пагинация рукой Толстого цифрами 1—26. Начало: «Дроби. Отдел первый». Конец: «Полна в 10 минут». Помимо Толстого, рукопись правилась Н.Н. Страховым, который внес дополнения в текст на 4 лл. 4°.

д) «Для учителя», составленная из списка Н. Н. Страхова в первой части статьи (переработка рукописи № 29) — 2 лл. 4°, без поправок. Толстого, и копии рукой С. А. Толстой второй части статьи с большими исправлениями Толстого — 5 лл. 4°. Пагинация рукой Страхова цифрами 1—7. Начало: «К первой части. Грамматические упражнения». Конец: «Простым русским языком».

31. Разные рукописные и печатные материалы, связанные с «Азбукой». 49 лл. разной величины, в подавляющем большинстве без исправлений Толстого.

32. Автограф. 2 лл. 4°. Содержит «Ответ критикам, писавшим об «Азбуке».

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ «АЗБУКИ» И НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В НЕЕ[221]

«Волк и семеро маленьких козляточек» (стр. 342)

Сжатый перевод сказки братьев Гримм под указанным заглавием. Сохранилась рукопись конца этого перевода, написанная рукой С. А. Толстой с большими исправлениями Толстого.

[«Хозяин вернулся с супом...»] (стр. 342)

Конец неизвестного рассказа. Лист с началом его утерян.

«Рассказ» (стр. 342)

Этот рассказ послужил источником для двух новых рассказов: «От скорости сила» и «Девочки и грибы».

«Как я выучился ездить верхом» (стр. 343)

Рассказ этот в автографе следует за рассказом под тем же заглавием, но с подзаголовком «Рассказ барина» и, судя по чернилам и почерку, написан одновременно с ним. Явно, что Толстой думал противопоставить в нем смелого и самостоятельного крестьянского мальчика робкому и беспомощному мальчику-барчонку, фигурирующему в первом рассказе. Рассказ остался незаконченным.

[«Один святой человек шел из города...»] (стр. 344)

Вольный перевод с французского рассказа тринадцатого из III главы «Гюлистана» Саади о Моисее и голом человеке. Рассказ взят из книги «Les mille et un jours, contes persans», Paris 1839, (стр. 585—586). Эта книга имеется в яснополянской библиотеке. Верхний угол листа с рассказом в ней загнут.

«Солдат» (стр. 345)

Переработка рассказа «Добросовестный дикарь» из хрестоматии К. Д. Ушинского («Детский мир и хрестоматия», изд. 14-е, I, СПб. 1873, стр. 15). Дикого индейца и его соседа, фигурирующих в этом рассказе, Толстой заменил двумя солдатами. Сохранился список этой переделки, написанный С. А. Толстой в конце 1871 или в начале 1872 г., с небольшими авторскими исправлениями (рук. № 5). Перед заглавием Толстой сделал помету: «ф. с. ч.», которая значит: «фантастическое — сказка — человек».

В конце 1874 или в начале 1875 г. тот же рассказ из хрестоматии К. Д. Ушинского Толстой переработал вторично и дал новую редакцию рассказа (см. стр. 406).

[«В одной деревне две крестьянские девочки пошли за грыбами...»] (стр. 345)

Переработка рассказа из действительной жизни, напечатанного в «Сельском чтении» В. Ф. Одоевского и А. П. Заблоцкого под заглавием «Храбрая Фекла» (кн. 4-я, изд. 2-е, СПб. 1852, стр. 113—114). В несколько переработанном виде этот рассказ, под заглавием: «Присутствие духа крестьянской девочки», помещен был и в книге И. Паульсона («Книга для чтения и практических упражнений в русском языке», М. 1870, стр. 67).

«Храбрый солдат» (стр. 346)

В основу рассказа положен известный эпизод из кавказской военной жизни самого Толстого. Случай этот рассказан в воспоминаниях В. А. Полторацкого («Исторический вестник» 1893, № 6, стр. 672) и в «Воспоминаниях о гр. Л. Н. Толстом» С. А. Берса (Смоленск 1894, стр. 9).

«Проезжие в светлый праздник» (стр. 346)

Переработка в самостоятельный рассказ «бывальщинки» В. И. Даля, под заглавием «Светлый праздник» (см. «Два сорока бывальщинок для крестьян», ч. I, СПб. 1862, стр. 27—34).

«Коршуны» (стр. 350)

Описание этой игры очень близко к описанию той же игры, которая дается в книге Ю. Игнатовича, в статьях: «Коршун» и «Про крестьянских ребят» («Сборник игр для детей», вып. I, СПб. 1871, стр. 23 и 61—63), и в книжке В. И. Даля «Первая первинка полуграмотной внучке», М. 1871, стр. 128—132. Сохранился автограф.

«Балакирев» (стр. 352)

Переработка анекдота о Балакиреве из хрестоматии П. Басистова «Для чтения и рассказа. Хрестоматия... Курс первый», изд. 9-е, М. 1870, стр. 275—276).

«Смерть Олега» (стр. 352—353)

Вольный перевод сказания о смерти Олега, записанного в летописи Нестора. Буквальный перевод этого сказания помещен во второй книге «Азбуки».

«Как боролся русский богатырь» (стр. 353—354)

Вольный перевод и местами переделка сказания о борьбе русского с печенегом, записанного в летописи Нестора под 6500 годом. Буквальный перевод этого сказания помещен в четвертой книге «Азбуки», под заглавием «Борьба русского с печенегом».

«7 греческих мудрецов» (стр. 354–355)

Стилистическая и композиционная переработка рассказа Вл. Классовского, под заглавием: «Семь мудрецов Греции», из книги П. Перевлесского «Практическая русская грамматика» (ч. 2, изд. 5-е, СПб. 1867, стр. 280–281).

«Буран» (стр. 356)

В одном из набросков тем статей и рассказов для «Азбуки» Толстой пометил тему: «Буран. Рассказ М. И.» (см. стр. 428). Возможно, что это был устный рассказ какого-нибудь лица, который слышал Толстой. Сохранился автограф рассказа.

«Как медведя поймали» (стр. 357–358)

Переработка в самостоятельный рассказ первого рассказа из «бывальщинки» В. И. Даля, озаглавленной «Медведи» (см. «Два сорока бывальщинок для крестьян», ч. I, СПб. 1862, стр. 127–129).

«Ньюфаундлендские собаки» (стр. 361)

Источником этого рассказа послужила статья А. Пчельникова «Собака», помещенная в журнале «Семейные вечера» (1870, № 1, стр. 43–45).

«Страус» (стр. 361)

Имеется список этого описания, написанный рукой С. А. Толстой. Текст его без поправок Толстого. Перед заглавием рукой Толстого поставлена цифра 14, показывающая, что по одному из первоначальных планов он предполагал включить это описание в «Азбуку», в научно-популярный отдел, о чем помечено в верхнем левом углу списка буквами «н. о. ж.», которые означают: «научное — описание — животные».

«О муравьях» (стр. 361)

Переработка в самостоятельный рассказ рассказа: «Догадливые муравьи», который в семидесятых годах помещался в школьных хрестоматиях.

«На что нужны мыши» (стр. 363)

Сохранился автограф рассказа. Под заглавием помета Толстого: «ф. с. ж.», которая означает: «фантастическое — сказки — животные». Автограф был написан в один прием, а затем последние две трети его подвергались существенной переработке; но и в этом виде рассказ, очевидно, не удовлетворил автора. Он перечеркнул его и на отдельном листе первую треть зачеркнутого рассказа, которая почти не подвергалась переработке, развернул в самостоятельный рассказ — «Яблони», который вошел в третью книгу «Азбуки».

«Деревья дышат» (стр. 363—364)

Этот рассказ был включен Толстым во вторую книгу «Азбуки» и набран в типографии Риса, а затем уже в верстке был исключен из нее Н. Н. Страховым. Никаких рукописных следов этого рассказа не сохранилось.

«Момутовое дерево» (стр. 364)

Материалом для этого описания послужила статья «Удивительные деревья», помещенная в журнале «Звездочка» (1863, № 9, стр. 134—137).

«Чай» (стр. 364)

Материалом для этой статьи послужила статья А. Скау «Чайный куст» из книги П. Перевлесского «Практическая русская грамматика» (ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 532—537).

«Пробка» (стр. 364)

Материалом для этой статьи послужила статья Гартинга «Пробка» из книги П. Перевлесского «Практическая русская грамматика» (ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 615—618).

«Отчего в темноте видно?» (стр. 365)

Материалом для этой статьи послужила статья Вебера «Органы внешних чувств и отправления их» из книги П. Перевлесского «Практическая русская грамматика» (ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 422—425). Сохранился список статьи, написанный С. А. Толстой с поправками Толстого. Этот список был включен в состав наборной рукописи второй книги «Азбуки» и статья помечена в оглавлении этой книги. Изъял эту статью из материалов «Азбуки» Н. Н. Страхов.

[«Когда кругом тихо...»] (стр. 365)

Материалом для этой статейки послужила та же статья Вебера «Органы внешних чувств и отправления их». Статейка написана в конце листа в виде добавления к переписанной статье «Отчего в темноте видно?» и отделена от последней двумя горизонтальными, чертами. Вместе с названной статьей Толстой включил ее в состав наборной рукописи второй книги «Азбуки». Н. Н. Страхов изъял ее из материалов «Азбуки».

«Астрономы» (стр. 366—367)

18 января 1872 г. С. А. Толстая писала Т. А. Кузминской, что Толстой читает физику и астрономию. Записные книжки Толстого за 24 января и 12 февраля 1872 г. полны заметками по физике и астрономии.[222] Под 19 апреля 1872 г. С. А. Толстая занесла в свой дневник: «Всю ночь Левочка до рассвета смотрел на звезды». В конце одного листа с рассказами для «Азбуки» Толстой набросал: «Мерять углы. Переверт. кадрант. Ход звезд. Солнце отстает, часы. Экватор — повсюду под гору. Расстояние луны, солнца, звезд». И на другом листе — в ряду тем по разным предметам: «Астрономия — что видно на небе по ночам и что днем и что из колодца. И как это объяснить, не принимая вращения земли. Ряд статей». Несомненно, что эти темы по астрономии Толстой набросал попутно с чтением книг и своими наблюдениями звездного неба, то есть в период с января 1872 г. по апрель включительно. Автографы статей занимают 10 лл., из которых 7 лл. заняты текстом с обеих сторон и три с одной стороны. Оборот последнего листа занят геометрическими чертежами. Анализ текста автографов доказывает, что Толстой, написав четыре с половиной страницы, написанную часть работы разбил приблизительно на две равные части, озаглавив первую часть «Астрономы», а вторую: — «Звезды». После этого Толстой приступил к писанию статей о солнце, но, не закончив их, набросал начерно план продолжения этих статей и снова вернулся к двум первым статьям. Текст статьи «Звезды» почти полностью зачеркнул, оставив лишь конец ее. Вслед за статьей о солнце написал новую редакцию статьи о звездах, состоящую из восьми глав, в которых он переработал и значительно расширил содержание первой редакции. На восьмой главе новой редакции обрывается работа Толстого. Таким образом, план Толстого дать цикл популярных статей по астрономии остался невыполненным.

«Растяжимость тел от тепла» (стр. 393)

Имеется список этой статьи, написанный рукой С. А. Толстой. Толстой включил этот список в состав наборной рукописи второй книги «Азбуки», пометив на полях листа против заглавия статьи: «В IV отделе II части». Н. Н. Страхов переделал в заглавии статьи слово

«Растяжимость» в «Расширяемость», а затем зачеркнул заглавие. Первую треть статьи он отчеркнул с пометой на полях: «Набрать отдельно, я укажу потом место». Последние две трети статьи он зачеркнул. Первая треть статьи была включена им в середину статьи: «Тепло. I», помещенной во второй книге «Азбуки».

«Как вещества соединяются» (стр. 386)

Автограф статьи входил в состав наборной рукописи четвертой книги «Азбуки». Н. Н. Страхов, с согласия Толстого, исключил эту статью из «Азбуки».

«Алмаз» (стр. 383)

Переработка описания Бабине «Алмаз» из книги П. Перевлесского «Практическая русская грамматика» (ч. I, изд. 5-е, СПб. 1864, стр. 448).

«Как делают колеса» (стр. 383)

Статья незакончена. В автографе вслед за этой статьей Толстой наметил темы для целой серии статей, в которых он, очевидно, намеревался в популярной форме познакомить учащихся с изготовлением и производством разных предметов сельскохозяйственного и промышленного характера. Темы эти следующие:

Как делают обода-ступицы и насаживают.

Как делают кожи.

Как рушат гречу и пшеницу.

Как делают кадки.

.....горшки.

Какая лучшая пшеница.

Как делают полотно.

Как..... сукно.

Как делают квас.

..... водку.

..... спички.

..... свечки.

..... керосин.

..... бумагу.

..... шелк.

..... золото.

..... подкову.

..... гвозди.

Из всех этих тем Толстой попытался разработать лишь одну: «Как делают водку».

ПРЕДИСЛОВИЕ

К ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМУ И ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ

ТОМАМ

Л. Н. Толстой был не только гениальным писателем, непревзойденным мастером художественного слова, но и выдающимся педагогом.

Одной из важнейших задач своей жизни Л. Н. Толстой считал образование всего народа.

«Я хочу образования для народа, — писал Толстой, — только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе».[223]

Этим и объясняется то большое значение, которое придавал Толстой своей педагогической деятельности.

«Вы знаете, что такое была для меня школа с тех пор, как я открыл ее, это была вся моя жизнь», — писал Толстой в своем письме к А. А. Толстой 7 августа 1862 года.[224]

Это же стремление служить всемерно народу руководило Толстым в его работе над «Азбукой». Он связывал с «Азбукой» большие надежды, считая ее создание своим вкладом в великое дело просвещения народа. «Гордые мечты мои об этой азбуке вот какие: по этой азбуке будут учиться два поколения русских всех детей от царских до мужицких и первые впечатления поэтические получат из нее, и что, написав эту Азбуку, мне можно будет спокойно умереть».[225]

«Цель книги, — писал Толстой об «Азбуке», — служить руководством при

обучении чтению, письму, грамматике, славянскому языку и арифметике для русских учеников всех возрастов и сословий и представить ряд хороших статей, написанных хорошим языком».[226]

«Азбука», созданная Толстым, явилась результатом многих лет его экспериментально-педагогического труда в народной школе. Вместе с тем «Азбука» свидетельствует о напряженных научно-педагогических и методических исканиях Толстого в решении вопроса, чему и как учить детей.

В 60–70-е годы уровень учебной литературы для начальной школы был еще очень не высок. Занимаясь как учитель в 60-е годы в созданной им Яснополянской школе, Толстой столкнулся с почти полным отсутствием книг и пособий, пригодных для народных сельских школ.

Критически оценивая современную ему учебную и детскую литературу, Толстой считал основным ее недостатком оторванность от народа, его нужд и образа жизни. В своей статье «Об общественной деятельности на поприще народного образования», помещенной в издаваемом им в 1862 году педагогическом журнале «Ясная Поляна», Толстой резко критиковал опубликованный Комитетом грамотности рекомендательный список книг для народных школ. В этой статье он указывал, что написанные для детей книги дают им «мнимые знания», далекие от науки. Эти знания, с его точки зрения, настолько малы и ограниченны, а само содержание книг настолько плохо, что они являются скорее вредными, чем полезными.

В своих педагогических статьях 60-х годов, опубликованных в журнале «Ясная Поляна», Толстой указал на отсутствие такой литературы, которая дала бы возможность приобщить детей к народному языку, а через него, через язык сказок, пословиц и песен, к литературному языку. Существовавшую литературу, адресованную школам и народу, Толстой считал не народной.

«Одни — просто плохие сочинения, написанные плохим литературным языком и не находящие читателей в обыкновенной публике, а потому посвященные народу; другие — еще более плохие сочинения, написанные каким-то не русским, а вновь изобретенным, будто народным, языком... третьи — переделки с иностранных, назначенных для народа, но не народных книг».[227]

Наиболее понятными для народа и близкими его вкусу Толстой считал книги, написанные не для народа, а вышедшие из самых народных недр, как то: сказки, пословицы, сборники песен, легенд, стихов, загадок. Толстой подчеркивал, что «нельзя поверить, не испытав этого, с какою постоянной новой охотой читаются все без исключения подобного рода книги — даже «Сказания русского народа», былины и песенники, пословицы Снегирева, летописи и все без исключения памятники древней литературы».

«Я заметил, — пишет Толстой, — что дети имеют более охоты, чем взрослые, к чтению такого рода книг; они перечитывают их по нескольку раз, заучивают наизусть, с наслаждением уносят на дом и в играх и разговорах дают друг другу прозвища из древних былин и

песен».[228]

В период своей педагогической деятельности в Яснополянской школе в 1862 году Толстой впервые вплотную подошел к созданию литературы для детей школьного возраста. С этой целью он стал издавать как приложение к журналу «Ясная Поляна» книжки для детей. В мартовской книжке журнала «Ясная Поляна» к заглавию «Сочинения крестьянских детей» сделано следующее подстрочное примечание: «С настоящей книжки мы начинаем новый отдел — сочинения учеников. По нашим опытам такого рода сочинения читаются весьма охотно. Сочинения эти иногда вовсе не поправлены, иногда с небольшими исправлениями орфографических ошибок».[229]

К составлению книжек для чтения Толстым были привлечены ученики Яснополянской школы (В. Морозов, И. Макаров, Е. Чернов, В. Румянцев, Соколов и др.), учителя школ Крапивенского уезда Тульской губернии, работавшие под руководством Толстого, а также некоторые писатели (Глеб и Николай Успенские, А. С. Суворин и др.).

Яснополянская школа, как указывает один из современников — С. Протопопов, стоящая в центре «педагогического улья» двадцати трех сельских школ, созданных Толстым в Крапивенском уезде Тульской губернии, явилась своеобразной литературно-педагогической лабораторией, «питомником народных поэтов и писателей».[230] Здесь под руководством Л. Н. Толстого из сочинений учащихся создавались такие произведения, как «Ложкой кормит, а стеблем глаз колет», «Солдаткино житье» и др. Учителя и ученики участвовали также в собирании произведений устного народного творчества в деревнях Крапивенского уезда Тульской губернии (Ломинцеве, Колпне, Крыльцове, Ясенках, Бабурине). Собранные сказки были потом изданы специальным сборником («Народные сказки, собранные сельскими учителями», Москва, 1863). Написанные учениками рассказы читались детям. Мнение детей о книгах являлось для писателя критерием доступности и пригодности их для детского чтения. Тринадцать произведений (из тридцати шести, не считая загадок), напечатанных в журнале «Ясная Поляна», были написаны крестьянскими детьми. Впервые в истории публиковались в печати незатейливые, но глубоко поэтические произведения детей простого народа.

Высокую оценку художественной стороне книг для чтения (приложения к журналу «Ясная Поляна») дал Н. Г. Чернышевский: «Лучшая часть «Ясной Поляны», — писал он, — издающиеся при ней маленькие книжки для простонародного чтения, и хороша в них собственно та сторона, для выполнения которой не нужно иметь и убеждений в мыслях, а достаточно иметь некоторую личную опытность и некоторый талант: хорошо в них изложение. Оно совершенно просто; язык безыскусствен и понятен».[231]

Деятельность Толстого среди народа, а главным образом повседневное общение с крестьянами и их детьми, изучение их быта, наблюдение за их жизнью, трудом, за детскими играми и забавами, за их речью — все это дало писателю возможность накопить богатейший материал для детских рассказов.

Педагогическая деятельность Л. Н. Толстого в 60-е годы (его занятия в Яснополянской школе в качестве учителя, издание педагогического журнала «Ясная Поляна» с приложением книжек для чтения, методический опыт и эксперименты в процессе преподавания, изучение педагогической литературы и учебников) была предпосылкой к созданию им в 70-х годах замечательных учебников для народных школ («Азбуки», «Новой азбуки», «Книг для чтения» и «Арифметики»). Опыт преподавания привел Толстого в 1862 году к выводу, что так называемая слуховая «метода, состоящая в том, чтобы выучивать буквы, называя их бе, ве, ге, ме, ле, се, фе и т. д., и потом складывать на слух, откидывая ненужную гласную е, и наоборот, представляет тоже свои выгоды и невыгоды».[232] Чтение механическое, по мысли Толстого, «составляет часть преподавания языка». Задача же преподавания языка состоит «в руководстве учеников к пониманию содержания книг, написанных литературным языком». Приобщая детей к народному творчеству: сказкам, былинам, песням, пословицам, загадкам, Толстой исходил из того, что «для того, чтобы дети выучились читать, им надо было полюбить чтение, а для того чтобы полюбить чтение, нужно было, чтобы читанное было понятно и занимательно»[233], то есть близкое, понятное детям, подлинно народное.

В практике Яснополянской школы «писание, — как указывает Толстой, — велось следующим образом: ученики выучивались одновременно узнавать и чертить буквы, складывать и писать слова, понимать прочитанное и писать... Тут и чтение, и выговор, и писанье, и грамматика».[234]

В процессе преподавания Толстой установил, что грамматика для учеников скучна и они на уроках ее не проявляют интереса. С целью привлечения внимания и возбуждения интереса к занятиям по грамматике Толстой и учителя, работающие под его руководством, делали различные попытки сделать это преподавание занимательным, но не достигли цели. Толстой пишет: «Пробовал я в последнее время во втором классе упражнение своего изобретения... Не называя частей речи предложения, я заставлял их писать что-нибудь, иногда задавая предмет, т. е. подлежащее, и вопросами заставляя их расширять предложение, вставляя определения, новые сказуемые, подлежащие, обстоятельства и дополнения. «Волки бегают». Когда? где? как? какие волки бегают? кто еще бегают? бегают и еще что делают?»[235] Однако Толстой убедился в несостоятельности своего «изобретения» на практике. Он пришел к выводу, что «никак не отдает без борьбы человек и ребенок свое живое слово на механическое разложение и уродование. Есть какое-то чувство самосохранения в этом живом слове. Ежели должно ему развиваться, то оно стремится развиваться самостоятельно и сообразно только со всеми жизненными условиями. Только что вы хотите поймать это слово, завинтить его в верстак, обтесать и дать ему нужные, по вашему мнению, украшения, как это слово, с живою мыслью и содержанием, сжалось, спряталось, и у вас в руках остается одна шелуха, над которой вы можете делать свои ухищрения, не вредя и не принося пользы тому слову, которое вы хотели образовывать».[236]

Придя к такому выводу, Толстой решил сосредоточить ознакомление детей с грамматическими правилами в процессе чтения и письма, а не путем последовательного изучения грамматики как самостоятельного предмета школьного преподавания.

Эта точка зрения Толстого определенно отразилась и в его первой «Азбуке», и в «Книгах для чтения», и в общих замечаниях для учителя.

Писание сочинений «из головы» составляло «любимое занятие» учеников Яснополянской школы. Этот вид занятий широко рекомендовал Толстой и в «Азбуке».

«При прохождении каждого отдела необходимо одновременно с чтением упражнять ученика в писании сочинений из головы на заданную тему (лучше всего задавать описания занимательных событий, которых ученик был свидетелем) и в передаче письменно того, что прочел».

Эти указания Толстого учителю в «Азбуке» 1872 года созвучны с практикой Яснополянской школы, описанной им в 1862 году в статьях «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» («Ясная Поляна», 1862). Толстой писал тогда: «В первом классе мы попробовали сочинения на заданные темы. Первые темы, которые самым естественным путем пришли нам в голову, были описания простых предметов, как то: хлеба, избы, дерева и т. д.; но, к крайнему удивлению нашему, требования эти довели учеников почти до слез, и, несмотря на помощь учителя... они решительно отказывались писать на темы такого рода... Мы попробовали, — указывает далее Толстой, — задать описание каких-нибудь событий, и все обрадовались, как будто им сделали подарок. Столь любимое в школах описание так называемых простых предметов: свиньи, горшка, стола оказалось без сравнения труднее, чем целые, из воспоминаний взятые рассказы».[237]

Эта же мысль красной нитью проходит и в статье Толстого, обобщающей опыт писания сочинений учениками в Яснополянской школе, «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?»[238]

Выводы, сделанные Толстым в вопросе о школьных сочинениях, легли в основу преподавания и остальных предметов. Он считал, что «одна и та же ошибка повторилась при этом, как и во всех других предметах преподавания: учителю кажется легким самое простое и общее, а для ученика только сложное и живое кажется легким. Все учебники естественных наук начинаются с общих законов, учебники языка — с определений, истории — с разделений на периоды, даже геометрия — с определения понятия пространства и математической точки».[239]

Исходя из этого положения, а также на основании опыта преподавания в области истории, Толстой приходит к заключению, которое в дальнейшем сказалось и на «Азбуке» 1872 года. В статье 1862 года «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» Толстой указывал, что «для преподавания истории необходимо предварительное развитие в детях исторического интереса... Исторический интерес, — по его мнению, — большею частию является после интереса художественного».[240] Так именно строил Л. Н. Толстой свои уроки — рассказы по отечественной истории (о Куликовской битве, Крымской кампании, войне 1812 года и др.). Эти высокохудожественные, яркие рассказы приковывали внимание учеников, возбуждали в них интерес к истории, «народное чувство», то есть чувство любви к своей родине.

Толстой утверждал, «что для ребенка, вообще для учащегося и не начинавшего жить, интереса исторического, т. е. не говоря уже об общечеловеческом, не существует. Есть только интерес художественный». Исходя из этого в школьном преподавании, указывает Толстой, «для того чтобы сделать историю популярною, нужно не внешность художественную, а нужно олицетворять исторические явления, как это делает иногда предание, иногда сама жизнь, иногда великие мыслители и художники».[241]

На подобных же принципах Толстой считает необходимым строить и преподавание географии. Практический опыт преподавания географии в Яснополянской школе, так же как и опыт преподавания истории, привел его к выводу, что «для изучения географии должен быть возбужден географический интерес. Географический же интерес, по моим наблюдениям и опыту, — пишет Толстой, — возбуждается или знаниями естественных наук, или путешествиями...»[242]

Исходя из этого положения, Толстой ввел в учебный план Яснополянской школы «беседы из естественных наук», широко практиковал демонстрацию опытов, открыл краеведческий музей в школе, устраивал прогулки в лес, в поле, на реку, в сад, также проводил с учениками интересные беседы на географические темы («сведения о флоре, фауне, геологическом строении земли» и т. п.).

Толстой в 60-е годы писал: «У меня есть целый мир знаний математических, естественных, языка и поэзии, передать которые у меня недостает времени, есть бесчисленное количество вопросов из явлений окружающей меня жизни, на которые ученики требуют ответа...» Исходя из этого, Толстой решил содержание созданных им учебных пособий построить как хрестоматию, по принципу элементарной энциклопедии, которая могла бы ответить на встающие перед учащимися многочисленные вопросы в художественно занимательной форме и в то же время давала бы некоторые знания, которые можно применить учащимся практически в своем быту.

Следует отметить, что одним из непременных предметов преподавания и воспитания, по мнению Толстого, была так называемая «священная история». Как известно, Л. Н. Толстой высоко ценил поэтические и художественные достоинства некоторых библейских рассказов, придавая им и воспитательное значение, и потому включил их в «Азбуку».

Восстав против принятых образцов учебных книг, а также влияния чуждого русской школе реакционно-формалистического направления немецкой педагогики, Толстой в 70-е годы приступил к осуществлению своей заветной мечты 60-х годов — созданию учебников для народных школ.

Методический опыт Яснополянской школы лег в основу разработки Толстым своей «Азбуки» для народных школ. Отзыв, данный в 60-е годы Чернышевским по просьбе Л. Н. Толстого журналу «Ясная Поляна» и «Книгам для чтения», был в известной мере учтен великим писателем позднее при создании рассказов для «Азбуки».

Мысль о педагогических проблемах не оставляла Толстого и в самые напряженные годы создания им «Войны и мира». Закончив роман «Война и мир», после небольшого перерыва Толстой приступил к работе над новым романом, из времен Петра I. Параллельно с этим велась писателем работа над «Азбукой».

В сентябре 1868 года Толстой приступил к составлению первого наброска плана «Азбуки» под заглавием «Первая книга для чтения и Азбука для семьи и школы с наставлением учителю графа Л. Н. Толстого 1868 года».[243]

Составлением «Азбуки», куда входили бы и «Книги для чтения», Толстой хотел как бы подвести итог своей практической школьной деятельности, обобщив этим опыт научно-педагогических исканий в области методики постановки преподавания в народной школе.

Первый набросок плана будущей «Азбуки» в Записной книжке 1868 года показывает оригинальность замысла учебной книги для начальной школы.

Составляя «Азбуку», Толстой не отказывался от использования положительного опыта и лучших образцов книг для первоначального чтения, как отечественных, так и зарубежных.

Еще в начале 60-х годов, во время своего путешествия по странам Западной Европы с целью знакомства с народным образованием и постановкой школьного дела, Толстой проявил большой интерес не только к практике школьной работы, но и к теоретическим вопросам педагогики, а также к учебной документации и учебным пособиям. Об этом свидетельствуют переписка и записи в Дневнике во время путешествия. Из переписки Толстого с родными и знакомыми мы узнаем о том исключительном интересе, который он проявляет к изучению научной и учебной литературы, а также и к подбору учебников и книг по педагогическим вопросам для своей библиотеки. О большом интересе к учебной литературе свидетельствует также краткий библиографический список английских учебников с заметками Толстого, сохранившийся в его архиве под названием «Заметки об английских учебных книгах для школ».[244] Прочтя более пятидесяти пособий по различным областям знаний, Толстой в особых заметках выразил свое отношение к каждой из прочитанных им книг.

Толстой обоснованно критиковал английские учебные пособия за их абстрактность и отрыв от жизни, за сухость, скучный дидактизм, навязчивое морализирование, «тупоумную религиозность» и т. п. Толстой резко выступил против популяризации некоторыми русскими педагогами и Комитетом грамотности методики преподавания арифметики по способу Грубе, также против бездарных последователей известного швейцарского педагога-демократа Песталоцци. Толстой особенно интересовался отечественными учебниками для школ по родному языку и арифметике («Родное слово» и «Детский мир и хрестоматия» К. Д. Ушинского, «Уроки чтения», «Родной язык как предмет обучения в народной школе с трехгодичным курсом» Н. Ф. Бунакова, «Методика арифметики» В. А. Евтушевского и др.). Свое отрицательное отношение к существующим учебным пособиям для школ и к руководствам для учителей Л. Н. Толстой очень резко высказал в 60-е годы в статье «Об

общественной деятельности на поприще народного образования»[245] и в 70-е годы в статье «О народном образовании».[246]

В результате огромной творческой теоретической и практической работы Л. Н. Толстым была предложена своеобразная система и методика обучения буквам алфавита. В своих указаниях для учителя в первом наброске плана-конспекта «Первой книги для чтения и азбуки» (1868) Толстой пишет: «По картинкам учитель пройдет сначала все буквы, читая за ученика».[247]

Так, первая буква алфавита «Аа» раскрывается Толстым фразой «Арбузы собрали режут». Против этой фразы дан сделанный Толстым (пером от руки) рисунок, изображающий крестьянина, обхватившего арбуз и идущего к телеге, груженной арбузами. Далее идет буква «Бб», а под ней фраза: «Борода у старика велика». Тут изображен старик с длинной бородой и т. д.[248]. В первом наброске-плане «Азбуки» каждая буква алфавита сопровождается фразой, первое слово в которой начинается с той же буквы. Буква и фраза иллюстрируются сюжетной картинкой, изображающей действие («Арбузы собрали режут», «Грибы нашли», «Играют дети» и т. д.). Этот методический прием претерпел в дальнейшем изменения. Проверив его на практике в начале 70-х годов в Яснополянской школе, Толстой убедился в том, что разглядывание и угадывание учеником иллюстраций к каждой букве и неумение прочесть текст к ним отвлекает и усложняет запоминание основного на этом первом этапе — букв алфавита («Знание букв»). Подготавливая «Азбуку», Толстой заменил сюжетные иллюстрации изображением предметов, названия которых начинались с изучаемой буквы (тексты под буквами были сняты). Переходя к следующему этапу, к складыванию букв в слоги, в своих указаниях для учителя Толстой пишет: «выучив буквы, учитель заставляет ученика складывать без книги — на слух следующим образом. — Учитель говорит: б-а — ба в-а — ва г-а — га д-а — да и т. д., ученик повторяет за ним... На слух надо учить сначала быстро, потом медленно. Когда ученик без книги свободно складывает, то учитель предлагает ему складать по книге».[249]

При переходе к чтению слогов Толстой предлагает ряд небольших законченных в смысловом отношении фраз-рассказов, воспроизводящих в сознании учащихся целые жизненно-бытовые картины с иллюстрацией этих эпизодов, как, например, небольшие фразы: «Рыба ушла», или: «Пара спать уж все легли пора» и пр. Вслед за ними идут рассказы уже в несколько фраз: «Дети ушли из дома пришли к реке и сели на лодку.

Они долго плыли по воде и было тихо. Вдруг стала буря и лодка пошла ко дну. Беда дети как нам быть. — Бог их спас. Пришли люди на реку и их взяли с лодки на землю». После прочтения этого рассказа, как указывает Толстой, «когда... ученик будет свободно соединять двухсложные слова, он может читать следующее: «Был адин мальчик ево звали Ваня...»[250] Этот небольшой иллюстрированный рассказ из крестьянского быта про Ваню и щенка Буяна был весьма понятен и доходчив по своему содержанию для детей. По своему построению он отличается динамичностью передачи интересных бытовых сюжетов, связанных одной идеей о верности друга человека — собаки. Этот первый рассказ, составленный Толстым для «Азбуки», явился прообразом многочисленных рассказов, которые были включены им в «Азбуку» 1872

года.

Далее Толстой рекомендует учителю указать «ученику значение й. Прикладывай только к гласным: ей, ий, ай, ой, уй, яй, юй, и потом к словам: стой, вой, большой, твой, и прочтет с ним следующее: Сказка с й». На этом обрывается набросок «Азбуки и первой книги для чтения» Толстого,[251] по которому можно судить о начале большой работы писателя над «Азбукой». Творческая мысль Толстого, нашедшая свое отражение в первом фрагменте «Азбуки», была им развита в самой «Азбуке» и в «Книгах для чтения».

Являясь противником использования в учебных книгах не знакомых детям понятий, Толстой свои «Русские книги для чтения» составил от начала до конца так, что ни одно слово не потребовало объяснения учителя, так как все они были понятны каждому ребенку.

Материал и язык «Азбуки» был доступен, прост и ясен. Язык рассказов был по существу языком самих учеников — крестьянских детей.

Как ступень за ступенью, идут книги Толстого, начиная от «Азбуки» в прямом смысле слова, и, постепенно усложняясь, от первой до четвертой «Русской книги для чтения».

Писатель создал замечательные по своей методической стройности и художественности книги для народных учителей с целью дать им и их ученикам в руки настольную учебную книгу, через которую крестьянский ребенок мог бы познать родной язык и найти ответ на волнующие его в окружающей жизни вопросы. Л. Н. Толстой как в своих крупнейших произведениях («Детство», «Севастопольские рассказы», «Война и мир» и др.), так и в рассказах, созданных для «Азбуки», оставался тем же великим художником. И хотя некоторых педагогов-теоретиков «Азбука» Толстого и «Книги для чтения» не удовлетворили, однако для народных учителей, как свидетельствуют современники (Н. В. Чехов и др.), они были их любимыми книгами, употребляемыми во многих и очень многих школах. Учебные книги Л. Н. Толстого несомненно имели большое влияние на русскую школу и на педагогическую мысль.

«Азбука» должна была разрешить, по мысли автора, следующие педагогические задачи: обучить родному языку, развить художественный вкус, дать практическое образование, знакомящее с различными областями знания из быта людей и жизни природы, а также осуществлять нравственное воспитание.

Созданием «Азбуки» Л. Н. Толстой хотел дать народной школе и семье учебное пособие по скорейшему обучению детей грамоте, то есть чтению и письму, по так называемому слуховому методу, в новой же азбуке «по какому бы то ни было способу», а также и по арифметике. В «Книги для чтения» Толстой включил богатейший не только литературно-художественный, но и научно-образовательный материал по истории, этнографии, географии, физике, астрономии, зоологии и ботанике.

Этот подбор материала свидетельствует о том значительном круге общеобразовательных и практических знаний, которые должны были получить, по мысли Толстого, учащиеся в начальной народной школе.

Опыт применения такого широкого (сравнительно с существующими церковно-приходскими школами 60–70-х годов) общеобразовательного учебного плана Толстой уже осуществил в 60-е годы в своей Яснополянской школе. Такую же задачу до Толстого выдвигал выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский в своем «Родном слове». «Азбукой» и «Книгами для чтения» Толстой показал, как, с его точки зрения, из области теоретических рассуждений о содержании школьного обучения необходимо перейти к практическому решению этого вопроса.

Толстой проверял в Яснополянской школе в 60-е и 70-е годы не только свои приемы преподавания, но и те, которые практиковались в других школах. Толстой как педагог-экспериментатор неустанно искал лучшего способа преподавания языка и надеялся, как он сам говорил, найти его. Практическая школьная деятельность Толстого привела его, как мы видим, к определенным теоретическим положениям, которые он пытался применить в подготовляемой им в 1875 году к изданию грамматике. Но, очевидно, сохраняя свое прежнее отрицательное отношение к приемам преподавания грамматики, он эту книгу не закончил и не опубликовал, хотя им была проделана значительная подготовительная экспериментальная и теоретическая работа. Это подтверждается его высказываниями по адресу составителей грамматики в статье «О народном образовании». Критически относясь к грамматике Ушинского, Перевлесского, Бунакова и других авторов, он указывал на то, что «в преподавании грамматики новая школа осталась также последовательна своей исходной точке, — критике старого и усвоению самого противуположного приема. Прежде заучивали наизусть определение частей речи и от этимологии переходили к синтаксису; теперь начинают не только с синтаксиса, но и с логики, которую пытаются передать детям».[252]

Критикуя состояние современной ему школы, Толстой указывал и на то, что «почти всё то, что пишется в педагогическом мире для школ, отделяется неизмеримой пучиной от действительности, и что из предлагаемых методов многие приемы, как, напр., наглядное обучение, естественные науки, звуковые приемы и другие, вызывают отвращение и насмешку и не принимаются учениками».[253] Толстой считал, что педагогической основой обучения должно быть требование народа, чему именно учить его детей. Он указывает при этом: «Программа замечательна не одним единомыслием и твердой определенностью, но, по моему мнению, широтою своих требований и верностью взгляда. Народ допускает две области знания, самые точные и не подверженные колебаниям от различных взглядов, — языки и математику, а всё остальное считает пустяками».[254] Поэтому естествознание, география, история, замечает Толстой, подвержены в существующих правительственных школах «колебаниям от различных взглядов» и не принимаются народом.

Исходя из этих положений, Толстой в основу содержания своей «Азбуки» положил две области знания — язык и математику. Материалы же по другим наукам (физика, зоология, ботаника, история, география) нашли свое выражение в научно-популярных рассказах.

После решения вопроса «чему учить?», Толстой глубоко занялся

разработкой второй, не менее важной, стороной процесса обучения — вопросом «как учить?». В основу решения этого вопроса Толстой кладет следующие положения: естественность отношений между учащим и учащимся, хорошее знание учителем своего предмета, талант учителя в руководстве школой, свободное отношение учеников к учению. Все это, с его точки зрения, — «главное условие успешного хода учения». Наряду с этим он указывает также и на то, что «всякий учитель, подвигая учеников вперед», должен «чувствовать потребность самому учиться», то есть непрестанно повышать уровень своей подготовки и стремиться к созданию «наилегчайших и наипростейших приемов».[255]

Подготовка материала для «Азбуки» потребовала от Толстого много внимания, времени и огромного напряжения творческих сил. Его учебники для народных школ — «Азбуки» — не были похожи на существующие. Он тщательно разрабатывал каждую деталь того или иного описания, опираясь как на опыт учителей школ, так и на собственную экспериментальную проверку. Об этом известно из переписки Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым и из других источников.

Трудясь над созданием арифметики, Толстой глубоко изучал самую дисциплину и уделял большое внимание разработке методики ее преподавания в сельской начальной школе. Он на практике проверял и продумывал результаты своих исканий в этой области, а затем предлагал новые упрощенные объяснения различных арифметических действий.

В результате им было составлено оригинальное пособие по арифметике, которое получило высокую оценку со стороны знаменитого русского математика вице-президента Академии наук В. Я. Буняковского. В своем обстоятельном разборе «Арифметики», присланном Толстому, Буняковский весьма положительно отозвался о ней, считая правильной предложенную Толстым систему. В то же время академик Буняковский критически отнесся к исключению в разделе дробей всех прежних приемов. Положительный отзыв был дан «Арифметике» Толстого видным педагогом и преподавателем математики Страннолюбским. Он отметил оригинальность курса арифметики, своеобразие метода, который был положен в ее основу Толстым. Этот метод делал, по мнению Страннолюбского, ясными и доступными все упражнения, предлагаемые детям. Все это, с его точки зрения, заслуживает большего внимания при дальнейшей разработке вопросов методики преподавания арифметики в начальной школе. Однако «Арифметика» Толстого не получила широкого распространения в школах. Она как учебник не отвечала общепринятому в то время преподаванию этого предмета. Как раз на это указал Д. Волковский в своей обстоятельной рецензии на «Арифметику» Л. Толстого в «Вестнике воспитания» (№ 3 за 1913 г.). Все же «Арифметика» Толстого заставила многих русских методистов-математиков продумать вопрос о методике преподавания арифметики на основе сознательного усвоения учащимися математических знаний.

Учитывая, что астрономия всегда особенно интересует молодежь, Толстой глубоко изучал вопросы этой науки как по книжным источникам, так и практически, проводя многие часы в наблюдениях за звездным небом (нередко со своими учениками). Естественные науки нашли также свое отражение в «Русских книгах для чтения». Составлению рассказов

по ботанике, зоологии и физике предшествовало глубокое изучение Л. Н. Толстым естествознания зимой 1871–1872 годов. Об этих занятиях физикой, естествознанием, астрономией ярко свидетельствуют заметки, выписки, отрывки, высказывания и схемы в Дневниках и Записных книжках Толстого 1868–1875 годов.

Большинство рассказов, повестей, сказок, басен и статей для «Азбуки» 1872 г., куда входили и «Русские книги для чтения», были созданы самим Л. Н. Толстым. Ряд из них явились переделками произведений народного творчества или произведений отдельных писателей и педагогов.

Создавая первую учебную книгу – «Азбуку» для детей русского народа, Л. Н. Толстой ставил своей задачей приобщить их к сокровищнице замечательного русского народного языка, а через него воспитать в детях любовь к родине, к истории и культуре своего народа и родной русской земле. Народное творчество он считал первым учителем. «Мы все, – говорил Толстой, – учимся у народа. Ломоносов, Державин, Карамзин до Пушкина, Гоголя, – и даже о Чехове можно это сказать, да и я».[256]

Глубоко изучая народную речь, внимательно вслушиваясь в тончайшие ее особенности, с огромным наслаждением читая и перечитывая сборники народных сказок, пословиц, а также русские былины, Толстой на опыте Яснополянской школы пришел к выводу о незаменимости их для подлинного овладения родным языком, для изучения истории и культуры своего народа.

Сам Л. Н. Толстой с огромной любовью собирал произведения устного народного творчества всю свою жизнь. Многие записи замечательных произведений народного творчества, собранные за много лет и зафиксированные в его Записных книжках, были использованы им при создании «Детства», «Казаков», «Севастопольских рассказов», «Войны и мира», «Анны Карениной», «Власти тьмы», «Хаджи-Мурата» и других произведений, но особенно широко в «Азбуке» и в «Русских книгах для чтения».

В вечерние часы в Яснополянской школе долго брезжил в окнах свет. Здесь тесным кругом сидели ученики, дети яснополянских крестьян, и с большим вниманием слушали рассказы Л. Н. Толстого об абреках, о Хаджи-Мурате, о казаках и о многом другом. Его рассказы сменялись рассказами детей. «Рассказывали и мы ему страсти про колдунов, про лесных чертей, – вспоминал один из учеников Яснополянской школы В. С. Морозов. – Он рассказывал нам сказки страшные и смешные, пел песни».[257]

Среди рукописей «Азбуки» сохранилось немало записанных Л. Н. Толстым былин (о Костюке и др.), преданий («Шат и Дон») и других произведений народного творчества: загадки, пословицы, народные эпитеты и пр., часть которых оставалась неопубликованной и печатается впервые в настоящем томе.

«Азбука» Толстого отличается хорошо подобранным материалом для чтения. С первых же шагов дети приобщаются к сокровищнице народного

творчества, отличающегося простым, но живым и картинным языком.

Пословицы и поговорки, сказки и былины учили детей народной мудрости («Сказанное слово серебряное, а не сказанное золотое», «Не будет пахотника, не будет и бархатника», «Нужда и по воскресным дням постится», «На всякое чиханье не наздравствуешься» и др.).

В небольших доходчивых рассказах, подчас в одну фразу, дети получали много полезных сведений бытового, практического характера или указания, как себя вести: «Люби Ваня Машу», «Люби Маша Ваню», «По часу сижу, азы буки учу», «Море сине и небо сине», «Небо выше, море ниже», «На небе тучи. На заре иди на луга. Суши сено на доме» и др.

Ряд небольших рассказов посвящался уходу за больными: «У дяди была на руке рана. Мама дала сала. Я мажу дяде рану на руке, я лечу ему рану» и др.

В основе содержания многих рассказов-миниатюр Толстого лежат народные поговорки и пословицы («Знай, сверчок, свой шесток», «Знает кошка, чье мясо съела», «Два раза не умирать, а раз не миновать», «Глупой птице свой дом не мил» и др.).

В «Русских книгах для чтения» большое место занимают рассказы, описывающие эпизоды и происшествия, случившиеся с самим писателем («Охота пуще неволи», «Как я выучился ездить верхом» и др.). Ряд рассказов проникнут идеями христианского всепрощения, всеобщей любви, аскетизма и фатализма («Бог правду видит, да не скоро скажет», «Индеец и англичанин», «Архиерей и разбойник», «Отчего зло на свете», «Царский сын и его товарищи»). В них уже проявляется идеология отсталого, патриархального крестьянства. Но вместе с тем в литературном наследстве Толстого, к которому принадлежат созданные великим писателем рассказы для «Азбуки» и «Русских книг для чтения», есть немало подлинных шедевров художественной литературы, «...есть, — по словам Ленина, — то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему».[258]

Рассказы, повести, сказки, описания и рассуждения, пословицы, басни и былины, помещенные Толстым в «Азбуке», знакомят детей с народным бытом, русской природой, с историческим прошлым русского народа, воспитывая тем самым у детей любовь к своему народу, к своей родине, к родному языку, родной земле и национальной культуре. Этому в большой степени содействовали былины, включенные Толстым в книги для чтения(«Святогор-богатырь», «Сухман», «Вольга-богатырь», «Микулушка Селянинович»).

В образах богатырей, в их трудовых делах и ратных подвигах дети видели силу и могущество, доблесть и мужество русского народа. Вместе с тем Толстой стремился воспитать в детях чувство уважения и к другим народам и нетерпимость к захватническим войнам («Кавказский пленник»).

В ярких рассказах, сказках, баснях о честности и правдивости («Косточка», «Лгун»), о чувстве товарищества, гуманности и взаимопомощи («Два товарища», «Отец и сыновья», «Муравей и голубка»,

«Дед и внучек», «Подкидыш», «Осел и лошадь» и др.), о чувстве чести и долга (например, «Царь и сокол») Толстой воспитывает в детях высокие моральные качества.

Большое место в рассказах Толстого занимают темы любви к физическому и умственному труду, целесообразного использования человеком благ природы. В них автор подчеркивает большое значение упорства при выполнении работы и преодолении трудностей («Как тетушка рассказывала о том, как она выучилась шить», «Как я дедушке нашел пчелиных маток» и др.).

В ряде басен и рассказов из жизни животных Толстой показывает положительные и отрицательные черты человека. Толстой мастерски высмеивает жадность (в рассказе «Собака и ее тень», в басне «Обезьяна и горох»), злость («Белка и волк»), обман и предательство («Лисица и обезьяна»), лесть и хитрость («Лев, осел и лисица») и т. д.

Толстой считал, что в произведениях для детей не должно быть абстрактной дидактики. Моральное воздействие оказывается на юных читателей не нравоучительными сентенциями, а тем, что басни или рассказы бичуют дурное и ярко показывают хорошее («Два товарища», «Лев и мышь» и др.). Толстой обращал внимание на то, что «дети любят мораль, но только умную, а не глупую».

Созданные Толстым в начале 70-х годов рассказы и повести для «Азбуки» 1872 года («Кавказский пленник», «Бог правду видит, да не скоро скажет» и др.) по своей простоте, доступности и народности языка были преддверием его народных рассказов 80-х годов.

Толстой как выдающийся педагог и патриот своей родины ставил вопрос о широком просвещении народа. Он провозглашал: «Образование есть потребность всякого человека. Поэтому образование может быть только в форме удовлетворения потребности. Вернейший признак действительности и верности путя[259] образования есть удовольствие, с которым оно воспринимается. Образование на деле и в книге не может быть насильственно и должно доставлять наслажденье учащимся».[260] Другим требованием, выдвинутым Толстым, явилось положение о том, что «всякое учение должно быть только ответом на вопрос, возбуждаемый жизнью». Исходя из этих положений, Толстой в основу своих произведений кладет описание жизни и быта русской деревни, крестьянского труда, с учетом хозяйственных навыков, которые в будущем могут быть нужны взрослым крестьянам.

В рассказах и описаниях, рассуждениях и статьях о физических свойствах предметов и явлений Толстой стремится дать детям доступные представления о законах природы, а также советы для практического их использования в крестьянском хозяйстве. Художественные описания явлений природы, исторических событий, физических свойств тел, географических сведений излагаются в соответствии с учебно-познавательными целями. Толстой использует разнообразные методы и приемы изложения. Ряд рассказов по физике он пишет в виде рассуждений. В такой форме дан рассказ-рассуждение «Разная связь частиц», построенный в вопросно-ответной форме. «Отчего подушки под

телеги вырезают и ступицы под колеса точат не из дуба, а из березы? Подушки и ступицы нужны крепкие, а дуб не дороже березы. — От того, что дуб колется вдоль, а береза не расколется, а вся измочалится».

В такой форме построен и рассказ «Тепло». В нем ставятся такие вопросы: «Отчего на чугунке кладут рельсы так, чтобы концы не сходились с концами?» И здесь же дается ответ, что это делается потому, что зимой железо от холода сжимается, а летом от жары растягивается. Задается и такой сложный вопрос: «Откуда берется тепло на свете?». «Тепло от солнца», — отвечает Толстой. В рассказе «Солнце — тепло» дается яркое и весьма доступное представление детям о роли солнца для жизни на земле.

Полезные знания и сведения даются в рассказах: «Как делают воздушные шары», «Гальванизм», «Вредный воздух», «Удельный вес», «Газы» и др.

Ряд рассказов «Азбуки» 1872 года, «Русские книги для чтения» строятся в форме диалога. В процессе чтения или слушания того или иного рассказа учащиеся подводятся к умению синтезировать, обобщать, приходить самостоятельно к определенному выводу из решения отдельных частных положений или вопросов.

В рассказе «Сырость» детям рассказывается о хорошо известных им явлениях в форме вопросов: «Отчего зимою двери разбухают и не затворяются, а летом ссыхаются и притворяются?... Отчего слабое дерево — осина — больше разбухает, а дуб меньше?... Отчего доски коробятся?... «Постановкой таких вопросов Толстой искусно заставляет детей мыслить, искать на них ответы, опираясь на свои жизненные наблюдения. Так, например, в рассказе «Кристаллы», построенном в виде описания простого эксперимента, весьма ярко вскрывается эта связь между теорией и практикой.

Особенный интерес представляет объяснение свойств магнита на доступных детям примерах из жизни и личного опыта: «Если одну магнитную палочку разрубить пополам, то опять каждая половинка будет с одной стороны цепляться, а с другой отворачиваться. И еще разруби, — тоже будет... Всё равно как еловую шишку, где ни разломи, всё будет с одного конца пупом, а с другой чашечкой. С того ли, с другого ли конца, — чашечка с пупом сойдется, а пуп с пупом и чашечка с чашечкой не сойдутся».

Так органически вплетаются в живую ткань содержания научно-художественных очерков и рассказов те общедидактические и частно-методические указания, пользуясь которыми учитель, и мать, и сам ребенок могут подойти к глубокому изучению знакомых им явлений природы. Разнообразие научно-образовательной тематики рассказов Толстого вызывало к жизни и ряд активных методов преподавания.

Ставя в рассказах глубокие, серьезные вопросы, автор использует для их разрешения такие методы, как наблюдение, эксперимент, экскурсии. Особенно показателен в этом отношении рассказ «Солнце — тепло».

От наблюдений в природе (экскурсия в поле, сравнение зимнего и летнего пейзажей) учитель переходит к опытам и экспериментам в

домашних условиях: «Заморозь чугун с водой, — он окаменеет. Поставь замороженный чугун на огонь: станет лед трескаться, таять...» После этого Толстой подводит детей к глубоким выводам: «Нет тепла — всё мертво; есть тепло — всё движется и живет. Мало тепла — мало движенья; больше тепла — больше движенья; много тепла — много движенья; очень много тепла — и очень много движенья». Такой весьма доступный для детей вывод, который дается в этом рассказе, явился результатом большой работы писателя над художественно-педагогическим выражением проблем физики.

В связи с работой над популярными статьями, рассуждениями, описаниями, рассказами по отдельным вопросам научных знаний для «Азбуки» Толстой, как это видно из его заметок в Записных книжках 1872 года,[261] глубоко интересовался различными научными вопросами. Он был знаком с работами известных ученых-физиков: Джоуля, Фарадея, Дэви, Фаренгейта, Тиндаля, Шпилера и с рядом новых открытий в экспериментальной физике.

Как видно из его Записных книжек 1872 года, ряд научных вопросов, которые особенно глубоко интересовали Толстого, он детально и критически изучал и в ряде случаев не только стоял на уровне современных ему научных знаний, а выдвигал свои собственные гипотезы (о покое, о движении, о сущности материи, о световом давлении и др.), которые в дальнейшем были разработаны и подтверждены учеными.

В результате этой вдумчивой работы Толстым были созданы для «Азбуки» научно-популярные рассказы об отдельных научных открытиях. Исключительно важным в образовательном отношении является материал, помещенный в «Азбуке» по ботанике, который знакомит с жизнью растительного мира. Из этих рассказов дети узнают о росте, развитии и гибели растений. Рассказы по ботанике развивали у детей интерес к природе, к ее красоте, освещали вопрос и о практическом применении своих знаний в области сельского хозяйства. Художественные рассказы — описания по ботанике дают практические знания, как заложить и вырастить фруктовый сад, ухаживать и наблюдать за его развитием, как бороться с вредителями сада и многое другое.

В рассказах подчеркивается огромная роль для изучения жизни растений систематического и разностороннего наблюдения их в различных природных условиях.

В ряде научно-популярных рассказов по естествознанию художественно описываются наблюдения над явлениями природы и вскрываются их причины. К таким произведениям следует отнести: «Отчего бывает ветер», «Отчего потеют окна и бывает роса», «Осязание и зрение», «Тепло», «Отчего в морозы трещат деревья», «Лед, вода и пар», «Куда девается вода из моря» и др.

Рассказы по зоологии занимают видное место в учебных книгах Толстого. Они знакомят детей с жизнью, повадками и особенностями жизни животных («Как волки учат своих детей», «Зайцы и волки» и др.). Содержат много интересных и весьма поучительных сведений (рассказы «Чутье», «Осязание и зрение», «Шелковичный червь» и др.). Часто в рассказах даются яркие картины русской природы и народного

крестьянского быта (например рассказ «Русак»).

Многие рассказы Толстого посвящены вопросам истории, этнографии и географии. Стремясь познакомить детей с бытом и с жизнью других народов, он включил в «Русские книги для чтения» такие рассказы, как «Эскимосы», «Как в городе Париже починили дом», «Китайская царевна Силинчи», «Как научились бухарцы разводить шелковичных червей».

На исторические темы Толстым было дано мало рассказов. Все они написаны в форме художественных повестей: «Петр 1 и мужик», «Камбиз и Псаменит» (по Геродоту), «Ермак», «Основание Рима», «Как гуси Рим спасли», «Поликрат Самосский».

В «Азбуках» Толстой стремился дать в определенной системе грамматические и лексические данные, которые в последовательном порядке обучают детей письму и выразительному чтению. Построение рассказов, повестей и других художественных произведений, написанных и подобранных Толстым для «Азбуки», действительно содействовало выработке у детей правильного произношения. В рассказах и отдельных отрывках, в последовательно расположенных для изучения грамматики словах и фразах ученик мог ясно услышать и понять буквы — звуки русской речи (гласные под ударением, согласные — в положении перед гласными и сонорные). Для этой цели в текстах «Азбуки» автор использует различные приемы выделения необходимых букв—«звуков» шрифтами. Вот образец такого приема:

Была а

одна сильная, злая са

обака.

А

Она грызла всех са

обак, кроме двух;

а

она не грызла маленькова

го щенка

И большова

аго волкодава.

. . . . . .

Лежы

ит — ниже ка

ота, встанет — выше ка

оня (дуга).

Идёт леса

ом — не треснет, идет плёсом — не плеснет (мѣсяц).

Продуманный подбор материала и его систематика были направлены также на решение весьма важной задачи, заключающейся в устранении у детей «фонетических диалектизмов», что способствовало установлению единых норм литературного произношения.

Одной из важных педагогических проблем, поставленных и разрешенных Толстым в его «Азбуках», благодаря исключительно богатым в лексическом отношении художественным произведениям была проблема обогащения словаря учащихся.

Большое методическое значение в деле обучения грамоте Толстой придавал наряду с чтением умению «писать из головы самые простые изречения» или писать их поочередно, диктуя друг другу.

Педагогическими основами «Азбуки», а также и «Новой азбуки» Толстого являются: 1) широкий общеобразовательный материал для чтения из многочисленных областей знания (язык, устное народное творчество, как русское, так и других народов, история, этнография, география, физика, ботаника, зоология, астрономия, священная история); 2) художественная форма изложения (преподавания) всех общеобразовательных наук, оживляющая педагогический процесс и делающая его привлекательным, возбуждающим у детей большой интерес к познанию; 3) интерес и активность учеников, содействующие наилучшему усвоению и закреплению изучаемого в памяти; 4) применение активных методов обучения, входящих органически в живую ткань произведений, начиная от маленьких сюжетных рассказов и кончая научно-художественными рассуждениями (эксперимент, наблюдение и опыт, экскурсия, беседа и рассуждение). Всё это учило детей умению анализировать, синтезировать и экспериментировать, делать выводы и применять полученные знания на практике в своем быту. Такая постановка обучения содействовала широкому умственному развитию детей; 5) нравственное воспитание детей через содержание учебного материала, а также развитие у них эстетических чувств.

Решая вопрос об изучении русского языка детьми, Толстой поставил ряд важнейших дидактических проблем: исправление речи учащихся и обучение их правильному произношению, широкое использование основного словарного фонда языка, изучение грамматического строя русского языка в процессе чтения и письма.

Обучение правильному литературному произношению должно производиться путем подбора доступного, легко понимаемого и читаемого детьми

текста, вначале состоящего из двубуквенных и двусложных слов.

Толстой в «Азбуке» приводит следующее двубуквенное и двусложное сочетание слов:

«Ва Ма Па Но До Ну Бу Ту Ты Мы Ти Мя Щи Тя... Туча Дура Соня Саша Тёща».

После освоения этих простых двусложных слов Толстой, учитывая, что сознательное чтение достигается путем применения при обучении коротких слов и небольших фраз, понятных близостью своего содержания, ввел целую серию таких рассказиков-предложений:

«Муха мала. Пила тупа. Мука была сыра. Дуга была туга. Катя шила шубу. У Тани было горе. Тетя шила Тане шубу...»

В своей «Азбуке» Толстой предлагал трудно произносимые звукосочетания – слоги, состоящие из 2–4 букв и включающие в свой звуковой состав системы гласных и согласных: «ба, ча, га, ма, ка, ла, ва, са, жа, на, за, да... бла, нла, мла, вла, пла, зла, лла, гла, хла... бска, взды, вдру, вкри, взмы, вста, впря».

Эти упражнения Толстой давал для органов артикуляции, столь необходимых для подготовки к правильному литературному произношению слов.

Однако от этого приема в «Новой азбуке» Толстой отказался и перешел на звукосочетания слогов и слов, понятных по своему смыслу, например: «Азы, Ужи, Еда, Уха, Усы... Сплю, Мсти, Мгла, Мзда, Сбруя, Страх...»

Все это говорит о творческом подходе Толстого к одному из самых трудных разделов обучения – грамматике. Много усилий и времени было потрачено им в поисках наиболее рациональных способов и методов ее преподавания в школе.

Необходимо заметить, что занятия по изучению грамматики в 60-х годах в Яснополянской школе, проводимые под руководством самого Толстого, нашли свое отражение в незаконченных набросках – вариантах курса грамматики, над которым он работал в 70-е годы, и, в частности, в орфографических упражнениях.

Каждый рассказ, описание или рассуждение, помещенные в «Азбуке», по методическому замыслу автора являются темой отдельных уроков. Они расположены в стройной системе усложняющихся занятий. Чтение каждого из рассказов рассчитано на 15–20 минут. Повторное же чтение учениками, разбор содержания и его запись занимают все остальное время урока. Характер и объем рассказов «Азбуки» и «Книг для чтения» диктует учителю и структуру построения урока и методы его проведения. Это было весьма оригинальным, продуманным методическим построением учебных пособий.

«Новая азбука» и «Русские книги для чтения», созданные Толстым для начальной школы, служили в течение ряда десятилетий прекрасным

пособием, по которым многие сотни тысяч детей ряда поколений русского народа изучали родной язык, приобщались к многовековой культуре своей родины, получали сведения по основам наук. В каждом своем рассказе, повести, сказке или басне Толстой ставил конкретные задачи воспитания, образования и обучения, которые с успехом могли решаться учителем в школе и родителями в семье.

В учебных книгах Толстого научные знания даны в своеобразной последовательности. Толстой утверждал, что «наука есть только обобщение частностей. Ум человеческий тогда только понимает обобщение, когда он сам его сделал или проверил». Отсюда Толстой приходит к выводу, что «задача педагогии есть, следовательно, наведение ума на обобщение, предложение уму, в такое время и в такой форме, таких частностей, из которых легко делаются обобщения»[262] Это положение он распространяет и на методику составления учебных пособий для начальных школ.

«Искусство педагогии, — указывает Толстой, — есть выбор поразительнейших и удобнейших к обобщению частностей в области каждой науки и живейшим представлении их понятливейшим... Ребенок не требует понятливого, но требует живого, сильно действующего на воображение».[263]

На этом положении Толстой строит и свои учебные книги, подбирая соответствующий материал для чтения, увлекательным и динамичным содержанием которого автор вызывает у детей большой интерес. Художественность изложения и глубокое содержание произведений дают возможность самим учащимся делать необходимые образовательные или воспитательные выводы.

В 60-е и 70-е годы широко было распространено мнение, что образованием детей простого народа в селах и деревнях может заниматься каждый грамотный человек и для этого не нужны специальная подготовка и образование. Чему учить детей в начальной школе в этих условиях, решалось одним словом: «учить грамоте», то есть читать, писать, считать и «закону божию».

Толстой не удовлетворялся такой элементарной программой начальной школы. В журнале «Ясная Поляна» он в ряде своих статей выяснил всю сложность и трудность вопроса, чему и как учить детей.

Вместе с работой над учебниками для народных школ Толстой вновь, как и в 60-е годы, поднимает вопрос о необходимости повсеместного открытия школ, которыми распоряжался бы сам народ.

«Нужно предоставить народу свободу устраивать свои школы, как он хочет, и вмешиваться в самое дело устройства школ как можно меньше»[264], — утверждал Толстой в 70-е годы. Критикуя существующую систему народного образования в статье «О народном образовании», Толстой писал тогда: «Я рад случаю высказать почти всю мою педагогическую исповедь... Я тоже твердо знаю, что здравый смысл русского народа не позволит ему принять эту навязываемую ему ложную и искусственную систему обучения.

Народ, главное заинтересованное лицо и судья, и ухом не ведет теперь, слушая наши более или менее остроумные предположения о том, какими манерами лучше приготовить для него духовное кушанье образования; ему всё равно, потому что он твердо знает, что в великом деле своего умственного развития он не сделает ложного шага и не примет того, что дурно, — и как к стене горох будут попытки по-немецки образовывать, направлять и учить его».[265]

Толстой, как один из виднейших представителей педагогов-демократов 60—70-х годов, ставил задачу перед передовыми русскими людьми приобщить народ ко всему тому богатству, что выработано человеческой мыслью.

«...ему нужно то, — писал Толстой еще в 60-х годах, — до чего довела вас ваша жизнь, ваших десять не забитых работой поколений. Вы имели досуг искать, думать, страдать — дайте же ему то, что вы выстрадали, — ему этого одного и нужно; а вы, как египетский жрец, закрываетесь от него таинственной мантией, зарываете в землю талант, данный вам историей. Не бойтесь: человеку ничто человеческое не вредно».[266]

Толстой критически отнесся к постановке школьного дела в странах Западной Европы; в то же время его многое не удовлетворяло в содержании и в методике работы существовавших в России начальных школ. Это положение побудило Толстого подойти к решению этих важных школьных проблем со всей глубиной и самостоятельностью.

———

Проверенный многолетней практикой на опыте в ряде школ так называемый слуховой способ Толстого был несомненно значительным шагом вперед по сравнению с устаревшим буквослагательным методом обучения грамоте, применявшимся еще в ряде народных школ того времени.

Толстой с глубокой уверенностью в исключительной ценности своего слухового метода предложил его как прием обучения грамоте в своей «Азбуке», доказывая своим противникам, что он имеет только внешнее сходство со способом азов и складов.

В своем «Письме к издателям» о методах обучения грамоте, опубликованном в «Московских ведомостях» (1873), Толстой в ответ на критику его «Азбуки», упрекавшей его в игнорировании звукового метода и в отстаивании старого, самого трудного способа азов и складов, выступил против извращений при применении звукового метода в современных ему школах и в защиту своего слухового метода.

Как педагог-экспериментатор Толстой неоднократно испытывал обучение грамоте по звуковому методу и на опыте «всякий раз приходил к одному выводу — что этот метод, кроме того, что противен духу русского языка и привычкам народа, кроме того, что требует особо составленных для него книг, и кроме огромной трудности его применения и многих других неудобств, он неудобен для русских школ, что обучение по нем трудно и продолжительно, и что метод этот легко может быть заменен другим». Этот другой способ обучения грамоте, по словам Толстого,

состоял в «том, чтобы называть все согласные с гласной буквой е и складывать на слух, без книги...» Этот способ был им «придуман еще 12 лет тому назад». По нему он лично и все учителя, работавшие под его руководством, проводили обучение во всех его школах. Построение обучения грамоте по этому способу, считал Толстой, проходило «всегда с одинаковым успехом».[267]

«Азбука» и предложенный Толстым в ней метод обучения грамоте вызвали широкую и ожесточенную критику и нападки в общей и педагогической прессе. Однако Толстой энергично защищал свой метод перед лицом широкой педагогической общественности в московском Комитете грамотности, который организовал экспериментальную проверку слухового метода Толстого и звукового метода на специальных пробных уроках в одной из московских школ. Результаты при обучении по тому и другому методу в параллельных классах оказались примерно одинаковы.[268]

Большинство педагогов того времени резко и недоброжелательно высказалось в печати о вышедшей в 1872 году «Азбуке» Толстого; их недовольство было вызвано тем, что она не только не походила на существующие учебники для народных школ, но своим содержанием и построением противоречила установившимся канонам. Об «Азбуке» Л. Н. Толстого опубликовал свой отрицательный отзыв П. Н. Полевой в «Петербургских ведомостях». «Вестник Европы», «Семья и школа», «Неделя», «Народная школа» также отозвались отрицательно об «Азбуке» Л. Н. Толстого. Они обвиняли автора в «боязни научности», в «отсутствии системы» в размещении статей, в реакционности взглядов на методы обучения грамоте, в непригодности морали, которой наполнены рассказы Толстого. Об отделе арифметики в «Азбуке» Толстого педагогический журнал «Народная школа» заметил, что «автор, повидимому, вовсе не знаком с современными методами обучения арифметике».

Журнал «Детский сад», неодобрительно относясь к способу обучения грамоте, предлагаемому Толстым, весьма положительно отозвался о технике оформления нужных для изучения по грамматике сомнительных гласных и согласных. «Рассказы очень живы, просты и естественны», и это, указывает журнал, «есть важное педагогическое достоинство: они не сулят навязчиво детскому пониманию ту или другую истину морали или то или другое научное сведение, но они наводят детей на эти истины и понятия, что всего важнее». Объяснения в арифметике Толстого первых ее правил также оценены положительно.

Газета «Гражданин» положительно отозвалась об «Азбуке» Толстого, которая была названа «несомненно полезной книгой, строго продуманной и представляющей, говоря вообще, прекрасный выбор для первоначального чтения и упражнения. Появление «Азбуки» отмечено как одно из самых ценных явлений в нашей учебной литературе».

Разнообразные отзывы на «Азбуку» побудили Толстого разослать ее во многие редакции газет и журналов на рецензирование.

Ознакомившись с критическими статьями и замечаниями относительно «Азбуки», Толстой все же в своем письме к Н. Н. Страхову писал:

«Прочел в Вестнике Европы об Азбуке и, признаюсь, как ни совестно, почувствовал оскорбление и уныние».[269] 17 декабря 1872 года Толстой писал Н. Н. Страхову: «Азбука не идет, и ее разбранили в «Петербургских ведомостях»; но меня почти не интересует, я так уверен, что я памятник воздвиг этой Азбукой».[270] Однако «Азбука» Толстого 1872 года и рекомендуемый им метод обучения грамоте широкого распространения не получили.

Намерение ответить критикам из «Вестника Европы», «Гражданина» и др. Толстой осуществил лишь частично, ограничившись выступлением с открытым письмом в «Московских ведомостях» от 1 июня 1873 года, в котором высказал свой взгляд на звуковой способ обучения грамоте. [271]

В 1874 году Толстой опубликовал в «Отечественных записках» (№ 9) свою программную статью «О народном образовании».[272] Затем в 1875 году он направил в Министерство народного просвещения проект «Правил для педагогических курсов для подготовки народных учителей». [273]

В течение ряда месяцев Толстой писал «Новую азбуку», которая по структуре значительно отличалась от «Азбуки» 1872 года, а по содержанию, хотя в части рассказов и повторяла ее, заключала много новых материалов.

Огромный материал, подготовленный Толстым при работе над «Азбукой» и «Новой азбукой», все же оказался далеко неиспользованным. Эти рукописи, печатаемые в настоящем томе, представляют большой литературно-педагогический интерес. В числе неизданных, то есть невключенных, произведений имеется большое количество рассказов, сказок, басен, детских игр, научно-популярных художественных рассказов и очерков.

В 1875 году Толстой переделал свою «Азбуку» 1872 года и напечатал «Новую азбуку» и отдельным изданием «Русские книги для чтения». Над созданием «Новой азбуки» ему также пришлось много творчески поработать. «Новая азбука» имела большой успех. Она была одобрена Министерством народного просвещения как для школьных библиотек, так и для народных школ.

Издания «Новой азбуки» и «Книги для чтения» после 1875 года вышли большими тиражами.

«Новая азбука» и «Книги для чтения» Л. Н. Толстого заняли видное место в отечественной учебной литературе и использовались во многих народных школах до Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы советской власти.[274]

В «Новой азбуке» Толстой на первое место выдвигает свой «слуховой метод обучения, но указывает наряду с ним и другие методы обучения грамоте, которые, по его словам, могут быть употребимы при обучении. «Что касается до способа обучения, — писал в предисловии к «Новой азбуке» Толстой, — то составитель старался сделать эту Азбуку одинаково удобною для всех способов».

Толстой считал, что при обучении по слуховому способу одного ученика его можно выучить читать и писать в течение двух недель; в большой школе — от 25 до 50 учеников — выучиваются в 6 недель. «Особенное удобство этого способа, — писал Толстой в методических указаниях к «Новой азбуке», — кроме быстроты, точности и легкости для учителя, состоит в том, что процесс складывания и раскладывания на слух бессознательно передается учениками друг другу, так что в местностях и семьях, где употребляется слуховой способ, меньшие братья и сестры бессознательно выучиваются складывать и раскладывать на слух и им для того, чтоб уметь читать и писать, остается только выучить буквы».

В общем в «Азбуку» 1872 года и в «Новую азбуку» вошло 373 произведения, в рукописях осталось еще 256 вполне законченных произведений. Всего для «Азбуки» и «Новой азбуки» было написано 629 произведений, из них 133 на естественно-научные темы. Такой поистине огромный труд был под силу только такому гению, каким был Лев Николаевич Толстой.

Замечательные педагогические произведения Л. Н. Толстого широко распространились по нашей родине.

Первое издание «Азбуки» 1872 года было отпечатано тиражом в 3600 экземпляров. Изданная в 1875 году «Новая азбука» выдержала при жизни Л. Н. Толстого — 28 изданий. Ряд последних изданий «Новой азбуки» печатался по 100 тысяч экземпляров (каждый тираж), что составило в итоге около 2 миллионов экземпляров. Такого огромного успеха не имела ни одна учебная книга в дореволюционной России (кроме «Родного слова» Ушинского).

Передовые учителя считали «Новую азбуку» Толстого лучшей и широко использовали ее в своей практике.

Высоко ценила педагогическое творчество Толстого Н. К. Крупская, призывая учиться у него педагогическому мастерству. А. И. Елизарова писала о «Книгах для чтения», переизданных в 1921 году: «Давая ощущение счастья, как всякое истинно художественное произведение для того круга, для которого они назначены, они своей безыскусственной прелестью приохочивают к чтению, к сознательному чтению с самого начала. В этом их главное и великое достоинство, их незаменимость и непревзойденность в нашей школе, в руках наших начинающих учиться детишек».[275]

Она также указывала и на то, что рассказы Толстого «дышат безыскусственной поэзией народной речи, над которой с чисто материнской чуткостью прошла гениальная рука великого мастера слова. Рассказы эти не менее, чем остальные его произведения, должны войти в сокровищницу нашего слова».[276]

Обращаясь к современным писателям и убеждая их больше писать для детей, С. Я. Маршак указывает на Л. Н. Толстого, который считал обязанностью писателей «составлять» художественные произведения: рассказы, повести, сказки и басни для детей. «Сегодня, перечитывая учебные книги Толстого, — писал Маршак, — мы особенно ценим в них

его блистательное умение пользоваться всеми оттенками, всеми возможностями родного языка, его щедрую затрату писательского мастерства на каждые три-четыре строчки, которые превращаются под его пером в умные, трогательные и убедительные рассказы».[277]

Именно в наши дни подчеркивается огромное значение того внимания, с каким Толстой относился к детской литературе, а его прекрасные рассказы для детей ставятся в пример современным советским писателям.

С каждым годом растет число изданий детских рассказов Толстого. Они печатаются почти на всех языках многонационального советского государства.

Произведения великого писателя введены в программы и входят в учебные книги для начальных и средних школ.

Рассказы Толстого для детей выходят в сериях: «Книжка-малышка», «Библиотека детского сада», «Мои первые книжки», «Книга за книгой», «Школьная библиотека» и другие, а также отдельными изданиями в миллионных тиражах.

Это со всей яркостью подчеркивает значение слов великого Ленина о том, что в наследстве Л. Н. Толстого «есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему» и «это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат».[278]

Н. Константинов.

А. Петров.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМУ И ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ ТОМАМ

В томе двадцать первом печатается «Новая азбука» Л. Н. Толстого, «Русские книги для чтения», рукописные материалы к ним и комментарии.

В томе двадцать втором воспроизводится полностью «Азбука» Л. Н. Толстого по изданию 1872 года.

«Новая азбука» печатается с соблюдением правописания первого издания 1875 года.

Тексты «Русских книг для чтения», произведения, написанные для «Азбуки» и «Новой азбуки», но не включенные в них, а также варианты и «Грамматика для сельской школы» печатаются с соблюдением особенностей правописания Толстого.

После слов, прочтение которых вызывает сомнения, ставится знак

вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится в прямых скобках (1, 2, 3 и т. д. неразобр.), где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащих Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы печатаются в прямых скобках.

Обозначенное * как при заглавиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые в настоящем издании; ** — что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Л. Н. Толстой, 1873. Художник И. Н. Крамской. Между стр. IV и V.

Рисунки Толстого на обороте листа первого плана «Азбуки». Между стр. 426—427.

Черновая рукопись басни «Лягушка и Лев», рассказа без заглавия («Летним днем...») и начала сказки «Царь и Сокол». Между стр. 434—435.

Начало варианта былины «Вольга Богатырь». Между стр. 476—477.

Примечания

1

Воротный столбъ.

2

Мѣсто, гдѣ ставятъ пчёлъ.

3

Соломенные жгуты, чтобъ вязать снопы.

4

Молодой олень.

5

На тутовомъ деревѣ растутъ ягоды — похожи на малину, а листъ похожъ на берёзовый; этимъ листомъ кормятъ шелковичныхъ червей.

6

Металлы: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, ртуть и другіе.

7

Корда — веревка для того, чтобы по кругу гонять лошадей

8

Сѣкачъ — двухгодовалый кабанъ съ острымъ, незагнутымъ клыкомъ.

9

Рѣпица — та часть хвоста, гдѣ на нем есть мясо.

10

У обезьянъ 4 руки.

11

Морскія птицы.

12

Аулъ — татарская деревня.

13

Зачеркнуто: рабочие люди наклали телегу полную песком и не могли ее сдвинуть.

14

Зач.: они ходили в лес, набрали грыбов и заснули.

15

Первоначальное заглавие было: Игра в прятки с домом. Последние два слова Толстой зачеркнул и над ними надписал: волка, очевидно, по рассеянности не зачеркнув: прятки

16

Слово разрезать написано дважды.

17

Зачеркнуто: Волхвы были такие люди, которые отгадывали, что с людьми будет. Олег призвал волхвов и сказал: Скажите, что со мной будет, скоро ли я умру и от чего мне смерть приключится.

18

Зачеркнуто: и кормить, и поить его, но никогда на нем ездить. Так и сделали. Прошло 10 лет.

19

Зач.: Слуги Олеговы отвечали: Конь твой жил долго, мы кормили и поили, и никто на нем не ездил. Он стал стар и умер. Олег и сказал: Волхвы мне неправду сказали. И я напрасно им поверил. Если бы я им не поверил, я бы ездил на этом коне. А другого такого у меня не было. И Олегу очень жалко стало коня. Он и спросил: Куда же вы его положили? Слуги сказали: Мы его бросили. Волки его съели. Одни кости остались.

20

В подлиннике: близко лес

21

Когда я лег спать, мне приснилось, что все мыши на свете собраны в один сарай, и что у меня в руках огонь, и кто-то говорит мне: Вот, если хочешь, зажги сарай, и ты погубить всех мышей за то, что они испортили твои яблони. И я будто обрадовался и захотел сжечь сарай; но тут вдруг выскочили лисицы и стали просить меня, чтобы я не жег мышей.

22

Слова: все живые и все по почкам облипли инеем вставлены в корректуре-верстке.

23

На полях против последних двух фраз написано: Волки по следу.

24

В подлиннике: октября

25

Солнце и месяц, когда заходят и выходят, кажутся больше, чем когда стоят высоко на небе. За тридцать аршин по земле посмотри на человека, и он покажется гораздо больше, чем если посмотреть на того человека, когда он влезет на дерево в 30 аршин. На колокольне крест кажется мал, а сколько вышины колокольни? посмотри крест на земле, он покажется велик.

26

Меряют углами вот как: Возьми ровный деревянный круг (латок). Назначь середину. Отколи ровно половину. Эту половину раздели пополам, каждую четвертушку еще пополам и еще пополам, так что на половинке вышло 180 делений. Деления эти назначь ножичком на конце полукруга. Утверди полукруг так, чтоб его можно было поворачивать и чтоб он стоял твердо. Полукруг намажь на палец густой глиной. Если хочешь смерять расстояние между двумя звездами, наведи полукруг так, чтобы тебе видно было и ту и другую звезду. Посмотри на одну через полукруг из середины и проведи палочкой от глаза к звезде до края круга, потом посмотри на другую из той же середины и проведи палочкой другую черту по глине от глаза до края полукруга. Две черты сойдутся углом. Посмотри по нарезам, сколько делений между двумя чертами. Если дальше звезда от звезды, то угол будет больше, если меньше, то угол меньше. Так меряют расстояние между звездами и поверяют. И всегда расстояние одно и то же.

27

На полях, против этого места, написано: кот[орый] час

28

На полях между пятой и шестой главами написано: Как обор. полог. Наклонение оси. Солнце на экваторе. Движение солнца — и луна.

29

На полях против этой фразы написано: Север и юг. Солнце остановить, движение. Луна. Кометы, планеты. Расстояние звезд. Переворот. Солнце заслоняет звезды.

30

На полях написано: Планеты, луна солнце (последн.) заслоняют. Расстояния. Если б посадили на верт. <столб и стали бы вертеть> и вертится земля на оси, а солнце ходит. Путь планет. Не ходит ли земля. То ли же будет?

31

Дальше поперек страницы помечено: Планеты, солнце, месяц особо ходят и ближе. Как далеко? Смерить до месяца, до солнца, до больших звезд.

32

В подлиннике: ни ближе

33

Слово: где написано дважды.

34

Далее на полях помечено: Не нужно ходить далеко, 1/10 довольно. Для этого круг разделить. Солнце, луна.

35

На полях против этой фразы помечено: циркуль.

36

В подлиннике: книг

37

Зачеркнуто: труде, кот. мне стоило составление ее,

38

Ударение Толстого.

39

Слово: журналистов написано поверх зачеркнутого: критиков

40

В подлиннике: 36

41

[день.]

42

[вороненок.]

43

расточительная мышь.]

44

[Принц и его конюх.]

45

Кот и крыса.]

46

[Попугай.]

47

[Avadânas — неловкий льстец.]

48

[Крестьянка и ее дочь.]

49

[Сын короля.]

50

В подлиннике эта фраза написана дважды.

51

Зачеркнуто: <издох> кончился.

52

В подлиннике: она

53

Зачеркнуто: верно, не был слеп. Он увидал

54

Ударение Толстого.

55

Так в подлиннике.

56

В подлиннике: Синеун

57

В подлиннике: городам

58

Слово: ложка приписано рукой С. А. Толстой.

59

Слово: кстати приписано рукой С. А. Толстой.

60

Слова: юбка, овцы, огни, осина приписаны рукой С. А. Толстой.

61

Слова: берёза, верёвка приписаны рукой С. А. Толстой.

62

В подлиннике: гласных

63

В подлиннике: у

64

В подлиннике: пиша

65

В подлиннике: ходил

66

В подлиннике: мне

67

В подлиннике: слыхал

68

В подлиннике: он

69

В подлиннике: следов

70

Зачеркнуто: В Рязань послали узнать, сколько у убитого купца было денег и в каких были деньги (бумажках) и в каком бумажнике. Узнали, что у убитого купца было 20 000 денег и они были в билетах и в красном бумажнике;

71

На полях против этой фразы написано: с грешком

72

Зачеркнуто: Денег этих не нашли на Аксенове, но думали, что он их спрятал.

73

Зач.: а тому же, что он украл деньги, одни верили и говорили, что он украл их и спрятал или передал, а другие не верили и говорили, что деньги нашли на нем только его собственные, а что коли он ножа не спрятал, он и денег не спрятал.

74

На полях против этой фразы написано: больней кнута. Солдат веселы[й] с ним возвращ[ается]. Злодей оправляется.

75

Абзац редактора.

76

Абзац редактора.

77

Абзац редактора.

78

Зачеркнуто: Деду[шка]

79

Слово: Не поймали написано поверх слов: не могли добыть ни, которые случайно остались незачеркнутыми.

80

Ударение Толстого.

81

Ударение Толстого.

82

В подлиннике: уважается

83

В подлиннике: высказывали

84

Ударение Толстого.

85

См. наст. том, стр. 410.

86

Т. 48, стр. 82.

87

Т. 8, стр. 373.

88

Т. 48, стр. 62.

89

Там же, стр. 63.

90

Там же, стр. 66.

91

Т. 61, стр. 82.

92

Там же, стр. 116.

93

Конспект этот в настоящем томе не печатается, он опубликован в т. 48, стр. 167–179.

94

Т. 61, стр. 269.

95

«Дневники С. А. Толстой», М. 1928, стр. 30.

96

Т. 61, стр. 245.

97

Т. 61, стр. 247.

98

«Дневники С. А. Толстой», М. 1928, стр. 33.

99

Т. 61, стр. 256.

100

«Дневники С. А. Толстой», М. 1928, стр. 34.

101

Т. 61, стр. 321—322.

102

Т. 61, стр. 283.

103

В. А. Вейкшан, «Л. Н. Толстой о воспитании и обучении», изд. Академии педагогических наук, М. 1953, стр. 125.

104

Т. 61, стр. 274.

105

Т. 61, стр. 283.

106

Толстой, «Очерки былого», Гослитиздат, М. 1949, стр. 89 и 91.

107

Там же, стр. 79—80.

108

«Ясная Поляна. Статьи и документы». Огиз — Госполитиздат, М. 1942, стр. 101—102. См. еще стр. 290 наст. тома.

109

Т. 61, стр. 277—278.

110

В. В. Нагорнова.

111

Все цитируемые письма, при которых не указан источник, не опубликованы и хранятся в ГМТ.

112

К. А. Ислявин.

113

См. вариант № 1 — «Записи к «Азбуке», стр. 427—428.

114

Няня С. А. Толстой.

115

Т. 8. стр. 302.

116

См. вариант № 2 — «Наброски тем, статей и рассказов для «Азбуки», I, стр. 428—430.

117

[совершенно]

118

Т. 61. стр. 307.

119

См. вариант № 3 — «Оглавление кн. I», стр. 432—433.

120

Т. 61, стр. 283.

121

Т. 61, стр. 289.

122

Там же, стр. 269.

123

Т. 48, стр. 92.

124

Т. 61, стр. 289.

125

Там же, стр. 297.

126

См. т. 48, стр. 92–93, 130–162.

127

См. т. 61. стр. 276.

128

См. вариант № 2 — «Наброски тем статей и рассказов для «Азбуки», II—IV, стр. 430—432.

129

См. стр. 366—376.

130

См. стр. 376—380.

131

Т. 61, стр. 271.

132

Там же, стр. 277.

133

Там же, стр. 271.

134

Там же, стр. 274.

135

Т. 61, стр. 269.

136

А. Н. Бибиков.

137

Т. 61, стр. 276.

138

Там же, стр. 274.

139

Т. 61, стр. 282.

140

«Дневники С. А. Толстой», М. 1928, стр. 102.

141

Там же, стр. 104.

142

Т. 61, стр. 287—288.

143

Там же, стр. 289.

144

Там же, стр. 289—290.

145

Там же, стр. 291—292.

146

[рядом.]

147

См. т. 61, стр. 292.

148

Там же, стр. 294—295.

149

Т 61, стр. 295—298.

150

Она неизвестна.

151

См. т. 61, стр. 299–300.

152

Т. 61, стр. 301.

153

Там же, стр. 303.

154

Т. 61, стр. 306.

155

т. 61, стр. 304 и 305.

156

Там же, стр. 304.

157

Т. 83, стр. 208.

158

Т. 61, стр. 303–304.

159

Имеется в виду рассказ «Пугачев». См. прим. к рассказу «Как тетушка рассказывала о том, как ей разбойник Емелька Пугачев дал гривенник», стр. 631.

160

Т. 61, стр. 304–305.

161

См. там же, стр. 305.

162

Там же, стр. 306–308.

163

См. там же, стр. 310.

164

В т. 61 письмо это ошибочно датировано 29 сентября 1872 г., в то время как оно по содержанию является следующим за письмом от 28 августа и предшествует письму от 15 сентября. См. стр. 321—322.

165

Т. 61, стр. 310.

166

См. там же, стр. 321.

167

Там же, стр. 322.

168

Т. 61, стр. 313.

169

Там же, стр. 320—321.

170

Там же, стр. 323.

171

Т. 61, стр. 326—388.

172

См. письмо № 408, т. 61, стр. 325.

173

См. там же, стр. 328.

174

Письмо публикуется впервые. В т. 61 оно пропущено. См. т. 90.

175

См. письма №№ 410 и 412, т. 61, стр. 328 и 330.

176

Текст напечатанного объявления см. в т. 61, стр. 331 (прим. 2 к письму № 412).

177

Там же, стр. 330.

178

Там же, стр. 331.

179

См. т. 61, стр. 336.

180

Там же, стр. 336.

181

См. там же, №№ 404, 407, 408, 409, 412. Письма Толстого к П. А. Берсу неизвестны. Письма П. А. Берса не опубликованы; хранятся в ГМТ.

182

Там же, стр. 324.

183

Текст письма, посланный Д. А. Толстому, неизвестен. Сохранился черновик письма, см. т. 61, стр. 338—339. Помимо этого черновика, сохранился и другой, написанный с просьбой рассмотреть в «Азбуке» отдел арифметики и дать о нем печатный отзыв. Письмо это было адресовано, очевидно, В. Я. Буняковскому, ответившему Толстому «на 20 страницах» (см. п. к Н. Н. Страхову от 17 декабря 1872 г., т. 61, стр. 349). В т. 61 этот черновик ошибочно помечен вторым вариантом письма к Д. А. Толстому (см. т. 61, стр. 339—340).

184

См. наст. том, стр. 409—411.

185

Помимо указанных отзывов известны еще: отрицательный — в церковной газете «Современность» (1873, №№ 23 и 24); и более или менее

положительные в журналах — «Народная школа» (1873, 6, стр. 59—64) и «Детский сад» (1873, 1, стр. 49—52).

186

Т. 62, стр. 12.

187

См. там же, стр. 32—33.

188

Т. 61, стр. 349.

189

Т. 62, стр. 9.

190

Т. 62, стр. 81.

191

«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», СПб. 1914, стр. 50–52.

192

Архив Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения за 1874 год, № 200.

193

«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», СПб. 1914, стр. 102–103.

194

См. т. 17, стр. 331–335.

195

Т. 62, стр. 130.

196

В т. 62 (стр. 153) письмо это датировано концом февраля 1875 г. Это неверно. Оно несомненно относится к первым числам февраля 1875 г., так как речь идет о корректуре 1-го листа первой части «Новой азбуки», а в письме, помеченном в т. 62 серединой февраля 1875 г. (№ 137), Толстой говорит о получении уже первого листа второй части (см. № 137, стр. 140).

197

См. т. 62, № 132, стр. 137. Письмо это датировано также неверно. Следует: 1875 г. февраля после 20-го.

198

Т. 62, стр. 152–153.

199

Там же, стр. 157.

200

Там же, стр. 158–159.

201

Там же, стр. 171.

202

Т. 62, стр. 171–172.

203

Там же, стр. 174.

204

Там же, стр. 177.

205

Там же, стр. 183.

206

Т. 62, стр. 204.

207

Там же, стр. 186.

208

Там же, стр. 185.

209

Т. 62, стр. 484.

210

Там же, стр. 172.

211

«Дневники С. А. Толстой 1891—1897», М. 1929, стр. 63.

212

Т. 62, стр. 120.

213

Т. 83, стр. 220.

214

Т. 62, стр. 200.

215

См. там же, стр. 201.

216

Там же, стр. 241.

217

Там же, стр. 484–485.

218

Т. 83, стр. 531.

219

Т. 62, стр. 241.

220

Там же, стр. 257.

221

Рукописные материалы этих произведений входят в состав рук. №№ 4 и 5.

222

См. т. 48, стр. 92—95.

223

Т. 62, стр. 130.

224

Т. 60, стр. 436.

225

Т. 61, стр. 269.

226

Т. 61, стр. 338.

227

Т. 8, стр. 60.

228

Там же, стр. 61.

229

Там же, стр. 365.

230

«Воспитание», 1863, т. XIII, кн. I, стр. 1—16.

231

Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. X, Гослитиздат, М. 1951, стр. 515.

232

«О методах обучения грамоте» — журнал «Ясная Поляна», февраль 1862 г. (см. т. 8, стр. 135).

233

Т. 8, стр. 52.

234

Там же, стр. 65.

235

Т. 8, стр. 68.

236

Там же, стр. 68—69.

237

Т. 8, стр. 71—72.

238

Там же, стр. 72.

239

Там же, стр. 72.

240

Там же, стр. 96.

241

Т. 8, стр. 106.

242

Там же, стр. 108.

243

Т. 48, стр. 167–178.

244

Т. 8, стр. 395.

245

Там же, стр. 247.

246

Т. 17, стр. 71.

247

Т. 48, стр. 168.

248

Там же.

249

Там же, стр. 172.

250

Т. 48, стр. 175.

251

Там же, стр. 178.

252

Т. 17, стр. 98.

253

Там же, стр. 104.

254

Там же, стр. 107.

255

См. т. 17, стр. 108—111.

256

«Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого, 29 октября 1905 г., журнал «Октябрь», 1937, № 1, стр. 248.

257

«Воспоминания о Л. Н. Толстом ученика Яснополянской школы В. С. Морозова», М. 1917, стр. 55, 77.

258

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.

259

Так в подлиннике.

260

Т. 8, стр. 394.

261

Т. 48, стр. 93—95, 130—162.

262

Т. 8, стр. 377.

263

Там же, стр. 378.

264

Т. 17, стр. 123.

265

Там же, стр. 131–132.

266

Т. 8, стр. 48.

267

Т. 62, стр. 32.

268

Подробно об этом см. статью «История писания и печатания».

269

Т. 62, стр. 12.

270

Т. 61, стр. 349.

271

Т. 62, стр. 32–33.

272

Т. 17, стр. 71.

273

Там же, стр. 331.

274

Так, в 1917 и в 1918 годах московское издательство «Задруга» выпустило два издания «Азбуки» Л. Н. Толстого. Второе издание «Азбуки» Л. Н, Толстого было набрано и опубликовано по новому правописанию под наблюдением и с предисловием проф. П. Н. Сакулина. «Книга для чтения» Л. Н. Толстого также была переиздана в 1921 году.

275

А. И. Елизарова, «Л. Н. Толстой. Книга для чтения» — «Печать и Революция», 1922, кн. VII, стр. 328.

276

Цит. по изданию: Л. Н. Толстой, «Русская книга для чтения», Детгиз, 1946, стр. 311.

277

С. Маршак, «Литература — школе», «Новый мир», 1952, июнь, стр. 201.

278

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.